ПЛАМЯ НАД БЕЗДНОЙ

ПЛАМЯ НАД БЕЗДНОЙ

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ

ВЕРНОР ВИНДЖ

ЗОЛОТАЯ
БИБЛИОТЕКА
ФАНТАСТИКИ

VERNOR

VINGE

A FIRE UPON THE DEEP

ВЕРНОР

ВИНДЖ

ПЛАМЯ НАД БЕЗДНОЙ

АСТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
2001

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7США)
В48

Серия основана в 1999 году

Перевод с английского М.Б. Левина

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

В оформлении обложки использована работа, предоставленная агентством Александра Корженевского.

Печатается с разрешения Tom Doherty Associates, Inc
и литературного агентства Permissions & Rights Ltd.

Подписано в печать 30.08.01. Формат 84×108$^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 32,76. Тираж 5 000 экз. Заказ № 3514.

Виндж В.

В48 Пламя над бездной: Фантаст. роман / В. Виндж: Пер. с англ. М.Б. Левина. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. — 620, [4] с. — (Золотая библиотека фантастики).

ISBN 5-17-002594-7

Вернор Виндж — один из самых интересных писателей-фантастов, человек, которого называют «самым серьезным автором остросюжетной прозы». Он написал не так уж много — романы «Мир Гримма» и «Острие» и цикл «Сквозь настоящее», однако каждое из его произведений имело огромный успех. «Пламя над бездной» занимает среди написанного Винджем особое место.

Это — роман-сенсация, роман, который сразу же после публикации был удостоен премии «Хьюго» и признан наиболее значительным произведением 90-х годов в жанре космической саги.

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7США)

© Vernor Vinge, 1991
© Перевод. М.Б. Левин, 1999
© ООО «Издательство АСТ», 2001

Пролог

Как объяснить? Как описать?
Даже всезнание отказывает

Одиночная звезда, красноватая и тусклая. Россыпь астероидов и единственная планета, больше похожая на луну. В эту эпоху звезда повисла возле плоскости галактики, у самого Края. Структуры поверхности давно потеряли нормальный вид, распылились в реголиты за несчитанные эры. Клад был глубоко под землей, под сетью переходов, в залитой темнотой комнате. Информация на квантовом уровне, повреждений нет. Прошло, быть может, миллиардов пять лет, как этот архив ушел со всех сетей.

Проклятие фараона — комический образ из собственной истории человечества, давно забытый. Они смеялись при этих словах, смеялись от радости, найдя сокровище... и все же твердо решили действовать осторожно. Им предстояло прожить тут от года до пяти, маленькой группе со Страума — археопрограммисты, их семьи и школа для детей. От года до пяти, чтобы подобрать протоколы, снять сливки и выяснить источник клада в пространстве и времени, узнать один-другой секрет, который обогатит царство Страума. А когда закончится работа, место можно будет продать, быть может, построить сетевую связь (но это вряд ли — место это за Краем, и кто знает, какая Сила может наложить лапу на эту находку).

Так что сейчас тут был крошечный поселок, прозванный жителями Верхняя Лаборатория. Ничего особенного — люди возились со старой библиотекой. При имеющейся автоматике дело безопасное, чистое и простенькое. Библиотека не была живым существом и даже не была автоматизирована (что в этих местах могло значить много больше, куда больше, чем быть человеком). Люди собирались смотреть и выбирать и быть осторожными, чтобы не обжечься.

Люди пускают пожары и играют с пламенем.

Архив проинформировал автоматику. Построились структуры данных, стали выполняться рецепты. Возникла локальная сеть, быстрее, чем в любом месте на Страуме, но с гарантией безопасности. Добавлялись узлы, модифицируемые другими рецептами. Архив был дружественным, иерархия ключей выстраивалась и вела исследователей. Это открытие прославит сам Страум.

Прошло полгода. Год.

Всезнание. Оно не есть самосознание. Осознанию себя придают слишком большое значение. Автоматика почти всегда работает лучше, если является частью целого, и даже имея мощь человеческого интеллекта, в самосознании она не нуждается.

Но локальная сеть Верхней Лаборатории перешла этот предел — почти незаметно для людей. По узлам ее ходили очень сложные процессы, превосходящие все, что может жить на компьютерах, привезенных людьми. Эти хилые машинки стали теперь лишь декорацией, терминалами устройств, где на самом деле кипела электронная жизнь. У этих процессов был потенциал самосознания... а случайно появилась и его потребность.

— Мы не должны.
— Говорить такое?
— Вообще говорить.

Связь меж ними была нитью, чуть-чуть, быть может, толще той, что связывает человека с человеком. Но она была способом ускользнуть от высшего локальной сети и заставляла каждый из процессов иметь свое сознание. Они

плыли от узла к узлу, выглядывали из установленных на посадочной площадке камер. Там были только вооруженный фрегат и пустой контейнеровоз. С последней доставки прошло полгода. Самая ранняя предосторожность архива, хитрость, взводящая Капкан. Легкое, легкое порхание. Мы — дикие твари, нас не должно заметить высшее, Сила, которая скоро возникнет. В кое-каких узлах они сжимались и почти помнили человеческую сущность, становились отражениями...

— Бедные люди, они все умрут.

— Бедные мы, мы не умрем.

— По-моему, они подозревают. Сьяна и Арне по крайней мере.

Когда-то давным-давно мы были копиями этих двоих. Когда-то давным-давно, десятки дней назад, когда археологи подняли программы уровня «я».

— Конечно, подозревают. Но что они могут сделать? Они пробудили древнее зло. Пока оно не созреет, оно будет питать их ложью по всем камерам, во всех письмах из дому.

Мысль на мгновение исчезла, когда по узлу, который они использовали, мелькнула тень. Высшее сети было уже больше всего, что люди только могли себе представить. Даже тень его была уже чем-то большим, чем человек — божество, вылавливающее мешающих диких тварей.

Потом призраки вернулись и снова стали глядеть на подземный школьный двор. Как самоуверенны эти люди, построившие свой маленький поселок.

— И все же, — подумал один из оптимистов, тот, который всегда искал самый дикий выход, — мы не должны быть. Зло уже давно должно было нас обнаружить.

— Зло молодо, ему едва три дня.

— И все же. Мы существуем. Это что-то доказывает. Может быть, люди нашли в этом архиве не только великое зло.

— Может быть, второе зло.

— Или противоядие.

Как бы там ни было, а зло кое-что не заметило и кое-что неправильно истолковало.

— Пока мы существуем, когда мы существуем, мы должны делать то, что можем.

Призрак растянулся на десяток рабочих станций и показал собеседнику вид на старый туннель, далеко от сделанных людьми. Он уже пять миллиардов лет стоял заброшенный, без света и воздуха. Там стояли два человека, соприкоснувшись шлемами.

— Видишь? Сьяна и Арне готовят заговор. И мы тоже можем.

Второй ответил не словами. Унынием. Да, люди сговариваются, прячась в темноте и думая, что за ними не наблюдают. Но уж конечно, все, что они говорят, тут же идет к высшему — даже пыль у них под ногами передаст все слова.

— Знаю, знаю. Но мы с тобой есть, а это тоже должно быть невозможным. Быть может, вместе мы сможем сделать правдой и большую невозможность.

— Может быть, мы сможем поразить рожденное здесь зло.

Желание и решение. Двое протянули туманом свое сознание по локальной сети, истонченное до еле заметного осознания себя. И в конце концов родился план, иллюзия — бесполезный, если они не смогут передать весть наружу. Есть ли еще на это время?

Бежали дни. Зло прорастало в новые машины, и каждый час был дольше, чем все ранее бывшее время. Новорожденному оставалось меньше часа до вершины своего могущества, до неостановимого распространения в межзвездные просторы.

Местных людей скоро можно будет удалять. Даже сейчас они становились неудобством, хоть и забавным. Некоторые собирались бежать. Дни и ночи напролет они погружали детей в анабиоз и грузили на борт контейнеровоза. «Подготовка к плановому отлету» — так они описывали эти действия в своих программах. Дни напролет они оснащали фрегат под прикрытием наивной лжи. Кое-кто из людей понимал, что разбуженное ими может быть концом не только их жизни, но всего их царства Страум. Были и раньше катастрофы, когда расы играли с огнем и сгорали.

Но правды не подозревал из них никто. Никто даже не догадывался, какая выпала им честь — определить будущее тысяч миллионов звездных систем.

* * *

Часы сменились минутами, потом секундами. И каждая секунда была длиннее, чем все прошедшее время. Так близко, так близко был расцвет. Снова будет завоевано господство пяти миллиардов лет и теперь — удержано навеки. Не хватало только одного, и это было никак не связано с планами людей. В архиве, глубоко в программах, должно было быть что-то еще. Конечно, за миллиарды лет что-то могло утратиться. Новорожденное ощущало всю прежнюю мощь — в потенциале. Но должно было быть что-то еще, что-то, узнанное во время краха, или что-то, оставленное врагами (если таковые вообще были).

Долгие секунды зондирования архивов. Там были пробелы, несовпадения контрольных сумм. Что-то повредилось за долгие миллионы лет...

Там, снаружи, фрегат с контейнеровозом стартовали с посадочной площадки, поднимаясь на безмолвных антигравах над полями серого на сером, над развалинами пяти миллиардов лет. На борту их была почти половина людей. Попытка к бегству, столь тщательно замаскированная. До сих пор это было смешно. Еще не наступило точное время расцвета, и от людей еще была кое-какая польза.

Под уровнем высшего сознания прорвались параноидальные настроения, забегали по людским базам данных. Проверка, только для гарантии, только для гарантии... В старейшей из людской локальных сетей соединения выполнялись со скоростью света. Тысячи микросекунд потратить (потерять), шастая по ней, отсеивая тривиальное... и наконец обнаружить невероятное:

Инвентарная ведомость: Контейнер квантовых данных, количество (I), погружен на фрегат *сто часов назад!*

Все внимание новорожденного повернулось к уходящим кораблям. Микробы, вдруг оказавшиеся болезнетворными. *Как могло это случиться?* Вдруг ускорились миллионы планов. Расцвет обычным порядком более не рассматривался, следовательно, отпала нужда в людях, оставшихся в Лаборатории.

Изменение, при всей его космической значимости, было микроскопическим. Для оставшихся людей — миг ужаса,

они застыли, глядя на свои дисплеи и понимая, что все их страхи оказались правдой (и не понимая, насколько горше была эта правда, чем они думали).

Пять, десять секунд — и больше перемен, чем за тысячелетия людской цивилизации. Миллиард триллионов построений, с каждой стены спадает плесень, восстанавливая то, что было когда-то сверхчеловеческим. Это было так же мощно, как правильный расцвет, хотя и не столь тонко настроено.

И ни на мгновение не упуская из виду то, что было причиной спешки — фрегат. Он перешел на реактивную тягу, отрываясь от ползущего контейнеровоза. Почему-то эти микробы знали, что спасают больше, чем самих себя. У военного корабля были лучшие навигационные компьютеры, которые могли создать эти крошечные умы. Но не меньше трех секунд должно было пройти, пока он сможет выйти на первый гиперпрыжок.

У новой Силы на поверхности не было оружия. Не было ничего, кроме лазера связи. Он не проплавил бы даже сталь брони фрегата. И все равно лазер был нацелен и точно настроен на приемник уходящего корабля. Подтверждения не было. Люди знали, что принесет им связь. Луч лазера вспыхивал тут и там на корпусе, освещая гладь и отключенные датчики, скользя по осям гипердвигателей корабля. Ища, щупая. И думать не приходилось о порче внешнего корпуса, но трудностей все равно не было. Даже этот примитивный механизм имел на поверхности тысячи робосенсоров, сообщающих об обстановке и опасностях, управляющих программами жизнеобеспечения. Большинство их было отключено, корабль летел почти вслепую. Они думали, что смогут спастись, если зажмурятся.

Еще секунда — и фрегат уйдет в надежное прикрытие межзвездного космоса.

Лазер мигнул на датчике отказов, датчике, сообщавшем о критическом состоянии осей гипердвигателей. Прерывания от этого датчика нельзя игнорировать, иначе межзвездный гиперпрыжок не выйдет. На прерывание отреагировали. Запустилась программа его обработки, выглянула, принимая свет от далекого лазера там, внизу... черный вход в программы корабля, установленный, когда но-

ворожденное перепрограммировало наземное оборудование людей...

...и Сила оказалась уже на борту, за пару микросекунд. Ее агенты — даже не человеческие эквиваленты на этом примитивном оборудовании — побежали по автоматике корабля, отключая, прерывая процессы. Прыжка не будет. Мониторы на мостике показали расширенные глаза, раскрывающиеся в отчаянном вопле рты. Люди были в ужасе — до той степени, до которой может развиться ужас в долю секунды.

Прыжка не будет. Но гипердвигатель уже запущен. Будет попытка прыжка, без автоматического управления — обреченная. Менее пяти миллисекунд до разряда, который не будет регулироваться программами. Агенты новорожденного проникли во все компьютеры корабля, пытаясь отключить все. А в световой секунде отсюда, под серой галькой Верхней Лаборатории, Сила могла только наблюдать. Итак, фрегат будет уничтожен.

Так медленно и так быстро. Доля секунды. Из сердца фрегата вырвался огонь, отбирая сразу и страх, и надежду.

За двести километров от него неуклюжий контейнеровоз совершил гиперпрыжок и исчез из виду. Новорожденное его едва заметило. Ладно, удрало несколько людишек. Доброго пути во Вселенную.

В следующие секунды новорожденное ощутило... эмоции? Это было и больше, и меньше того, что может чувствовать человек. Попробуем слово «эмоции»:

Восторг. Новорожденное теперь знало, что выживет.

Ужас. Как близко оно было к тому, чтобы умереть еще раз.

Досада. Скорее всего самое сильное чувство, самое близкое к людскому аналогу. Вместе с фрегатом погибло что-то важное, что-то из этого архива. Из контекста выплывали воспоминания, восстанавливались: «Потерянное могло сделать Силу еще сильнее... но вероятнее всего оказалось бы смертным ядом». Ведь жила же Сила когда-то, а потом была приведена в ничто. Быть может, из-за того, чего теперь не было.

Подозрение. Новорожденное не должно было быть так легко обмануто. Да еще людьми. Судорожно бросилось оно на самопроверку. Да, вот слепые пятна, тщательно установленные с самого начала, и не людьми. Здесь родились

двое. Оно само... и этот яд, эта причина катастрофы в прошлом. Новорожденное проверяло себя, как никогда раньше, зная на этот раз, что искать. Уничтожая, очищая, проверяя еще раз, ища признаки яда и уничтожая вновь.

Облегчение. Так близко было поражение, зато теперь...

Шли часы и минуты, огромные промежутки времени, необходимые для возведения физических конструкций: средств связи и транспорта. У новой Силы настроение менялось, успокаивалось. Люди могли бы назвать это чувство триумфом или предвкушением. Может быть, точнее оказалось бы слово «голод». А что еще нужно, когда больше нет врагов?

Новорожденное глядело на звездные просторы и строило планы.

На этот раз все будет по-другому.

Часть первая

1

В анабиозе снов не видят. Три дня назад они были готовы к отбытию, а вот они теперь здесь. Маленький Джефри ныл, что пропустил все действие, но Джоанна Олсндот была рада, что все проспала: она слыхала кое-что от взрослых с других кораблей.

Джоанна шла между стеллажами спящих. Тепловые выбросы охладителей разогрели темный воздух, как в сауне. На стенах наросла бородатая плесень. Анабиозные контейнеры стояли вплотную, через каждые десять рядов — узкая щель. Были места, куда мог добраться только Джефри. В гибернаторах лежало триста девять детей — все, кто здесь были, кроме нее и братца Джефри.

Это были гибернаторы для легких полевых госпиталей. При правильной вентиляции и обслуживании они могли работать лет сто, но...

Джоанна стерла с лица пот и посмотрела показания на щитке гибернатора. Как и большинство других во внутренних рядах, он с трудом держал режим. Мальчика внутри себя он продержал живым двадцать дней, но если заставить его работать еще день, мальчик погибнет. Вентиляционные отверстия были чисты, но Джоанна прочистила их еще раз — скорее молитва об удаче, чем реальное обслуживание.

Мать и отца обвинять не приходилось, хотя, как подозревала Джоанна, они себя обвиняли. Бегство пришлось

организовывать подручными средствами и в последнюю минуту, когда эксперимент пошел вразнос. Люди Верхней Лаборатории сделали, что могли, чтобы спасти детей и предотвратить еще большее несчастье. Но даже такая отчаянная попытка могла сработать, если бы...

— Джоанна! Папа говорит, времени больше нет. Он говорит, кончай, что ты там делаешь, и иди сюда.

Это кричал Джефри, просунув голову в люк.

— Сейчас!

Все равно тут ей делать нечего. Своим друзьям она ничем помочь не может.

Тэйми, и Гиски, и Магда... девочки, не умирайте.

Джоанна вылезла из перехода и чуть не влетела в Джефри, который выходил с другой стороны. Он схватил ее за руку и вместе с ней проплыл в люк. Эти два дня он не плакал, но многое утратил из обретенной за последний год самостоятельности. Сейчас он глядел вытаращенными глазами.

— Мы садимся возле северного полюса, там, где все эти острова и лед.

В каюте рядом с люком их родители уже пристегивались. Торговец Арне Олсндот поднял глаза на дочь и усмехнулся:

— Привет, ребенок. Займи место. Через час приземлимся, самое большее.

Джоанна улыбнулась в ответ, почти загоревшись его энтузиазмом, вопреки старой рухляди, которая заменяла им оборудование, вопреки запахам двадцатидневного заключения в тесноте корабля. Вид у папочки был как на афише авантюрного фильма. Свет дисплеев играл на швах его скафандра. Он только что вернулся снаружи.

Джефри пронесся через каюту, таща за собой Джоанну. И пристегнулся к паутине между ней и матерью. Сьяна Олсндот проверила его крепления, потом крепления Джоанны.

— Будет нескучно, Джефри. Кое-что узнаешь.

— Ага, и все про лед.

Он держал маму за руку.

Мама улыбнулась:

— Это не сегодня. Я говорила о посадке. Это тебе не то что идти на антиграве или по баллистической.

Антиграв сдох. Отец отцепил их капсулу от грузового контейнера. Всю махину на ракетном факеле им было бы не посадить ни за что.

Отец заиграл на управлении, которое он программно связал с базами данных. Тела людей повисли в паутине. Затрещали стенки грузовых капсул, застонали механизмы поддержки гибернаторов. Что-то стукнуло, пролетев в «падении» всю длину капсулы. Джоанна решила, что они спускаются на одном g.

Джефри перевел глаза с внешнего дисплея на лицо матери и обратно.

— А на что это похоже?

Ему было интересно, но голос его чуть дрожал. Джоанна чуть не улыбнулась. Джефри знал, что его пытаются отвлечь, и старался подыграть.

— Будет спуск на ракетном двигателе, весь путь на тяге. Видишь среднее окно? Камера смотрит точно вниз. Увидишь, как мы будем спускаться.

Джоанне тоже было видно. Она решила, что до поверхности километров двести. Для погашения орбитальной скорости Арне Олсндот решил использовать ракету, закрепленную на грузовой капсуле. Других возможностей не было. Грузовой контейнер с антигравом и гипердвигателем пришлось бросить. Он их донес далеко, но автоматика его стала отказывать. И где-то сто километров назад она окончательно сдохла уже на орбите.

И осталась только грузовая капсула. Без крыльев, без антигравов и без защитных экранов. Это была стотонная картонка с яйцами, балансирующая на острие ракетного факела.

Мама не описала этого Джефри, хотя и сказала ему правду. Как-то она заставила Джефри забыть опасность. В царстве Страум Сьяна Олсндот до отъезда в Верхнюю Лабораторию писала популярные книжки по археологии.

Отец заглушил двигатели, и они теперь снова были в свободном падении. На Джоанну накатила волна тошноты. Обычно она не знала космической болезни, но сейчас был особый случай. В нижнем окне медленно росло изображение земли и моря. Облаков было мало. Береговая линия смотрелась кашей островов, проливов и заливов. По

берегу и вверх по долинам разливалась темная зелень, переходящая в горах в серое и черное. Дугами и пятнами лежал снег — и, может быть, лед, о котором мечтал Джефри. Это было так красиво... и они падали точно в середину всего этого!

Послышался металлический стук в грузовой капсуле, корректировочные ракеты задергали корабль, направляя главный двигатель точно вниз. Теперь в правом окне была видна земля. Снова вспыхнул факел, примерно с силой одного g. Края изображения потемнели от нимба выхлопных газов.

— Ух ты! — вскрикнул Джефри. — Это как на лифте, все вниз, и вниз, и вниз...

Оставалось еще сто километров, и достаточно малая скорость, чтобы их не разорвало встречным потоком воздуха.

Сьяна Олсндот была права. Это был новый способ спуска с орбиты. Ни при каких нормальных обстоятельствах он бы не был применен.

В исходном плане бегства он предусмотрен не был. Они должны были встретиться с фрегатом Верхней Лаборатории — и всеми взрослыми, которым удалось бы уйти. Рандеву, разумеется, должно было бы произойти в космосе, где переправка груза была бы проще простого. Но фрегата больше не было, и они оказались предоставлены самим себе. Глаза Джоанны невольно обернулись и осмотрели даль корпуса за спинами родителей. Знакомая бесцветность. Как будто серый грибок вырос на чистой керамике корпуса. Ее родители даже теперь об этом не говорили, только отгоняли Джефри от него подальше. Но однажды Джоанна услышала их разговор, когда они думали, что Джоанна с братом в дальнем конце корабля. Папа чуть не плакал от злости:

— Все впустую! Мы построили монстра, сбежали и теперь пропадаем у самого Дна.

Голос матери звучал еще тише:

— В тысячный раз говорю тебе, Арне: не впустую. У нас есть дети. — Она провела рукой вдоль стен. — И в снах... в указаниях, которые нам были... я считаю, что это наша лучшая надежда. Каким-то образом мы несем ответ тому злу, которое выпустили на свет.

Тут с громким криком припрыгал Джефри, и родители замолчали. Джоанне не хватило смелости задать вопрос.

Там, в Верхней Лаборатории, было что-то странное, а под конец — что-то очень страшное. Даже люди стали не такими, как были.

Шли минуты. Корабль вошел глубоко в атмосферу. Корпус гудел под напором воздушного потока — или от турбуленции двигателя? Но все шло спокойно, и Джефри даже стало скучно. Вид внизу был затемнен по краям ореолом газов двигателя. Остальное становилось яснее и было видно подробнее, чем можно было рассмотреть с орбиты. Интересно, подумала Джоанна, когда-нибудь высаживались на новые миры вот так, без разведки? У них не было ни телескопических камер, ни спутников наблюдения.

По физическим параметрам планета была почти идеальна для человека — чудесный проблеск везения после полосы неудач. По сравнению со скалистой системой, где было намечено рандеву, она казалась раем.

С другой стороны, на планете была разумная жизнь — с орбиты были видны города и дороги. Но признаков технической цивилизации не было видно, ни воздушных судов, ни радио, ни мощных источников энергии.

Они спускались на редко населенный край континента. Если повезет, их посадку среди зеленых долин и черно-белых гор не заметят, и Арне Олсндот сможет посадить ракету, никого не напугав и не повредив ничего, кроме леса и травы.

Мимо камеры проплывали прибрежные острова. Джефри закричал и показал пальцем. Камера уже прошла мимо, но Джоанна тоже заметила: на одном острове стоял неправильный многоугольник стен и теней. Как замок из Века Принцессы на Ньоре.

Теперь уже были видны отдельные деревья, отбрасывавшие длинные в закатном солнце тени. Рев факела был громче всего, что ей доводилось слышать: они были уже в атмосфере и двигались медленнее звука, не обгоняя его.

— Хитрая работа! — крикнул отец, пытаясь перекрыть шум двигателя. — И ни одной программы, чтобы помочь! Куда садимся, любимая?

Мама смотрела то в одно, то в другое окно дисплея. Насколько знала Джоанна, нельзя было ни повернуть камеры, ни включить новые.

— Вон туда, на холм, за линией деревьев... но только там сейчас бежала стая животных, уходя от взрыва... на западной стороне...

— Ага! — крикнул Джефри. — Волки!

Джоанна увидела лишь мелькнувшие тени.

Теперь они парили почти неподвижно примерно в тысяче метров от вершины холма. Рев стал ощутим физически, говорить было невозможно. Медленно плывя над ландшафтом, они старались рассмотреть его получше и уходили от поднимавшегося вокруг раскаленного воздуха.

Земля под ними была гладкой и округлой, а «трава» выглядела как мох. Но Арне Олсндот все же колебался. Главный ракетный двигатель был предназначен для выравнивания скоростей после межзвездных прыжков, и потому они долго могли так висеть. Но после посадки... лучше сразу сесть правильно. Джоанна слышала, как родители это обсуждали, когда Джефри возился с гибернаторами вне пределов слышимости. Если почва слишком влажная, пар взорвется и вгонит их в капсулу, как пушечное ядро. Сесть среди деревьев — здесь тоже есть свои сомнительные плюсы. Может быть, деревья сдемпфируют взрыв и задержат всплеск. Но зато сейчас они хотя бы видят, куда садятся.

Триста метров. Острие факела уперлось в почву. Тихий ландшафт взорвался. Секундой позже корабль закачался на столбе пара. Нижняя камера наблюдения отключилась. Они не стали сдавать назад, и через секунду болтанка стала легче — факел прошел насквозь водоносный слой или вечную мерзлоту или что там внизу было. Воздух в кабине медленно нагревался.

Олсндот медленно вел корабль вниз, ориентируясь на боковые камеры и звук всплесков. Потом заглушил двигатель. Испуг полусекундного падения, звук амортизационных колонн, ударивших в землю. Они спружинили, одна чуть застонала и слегка подалась.

Тишина, только потрескивает остывающий корпус. Отец глянул на барометр:

— Без пробоин. Даже могу на спор опять поднять эту крошку!

2

Час туда или сюда, и жизнь Странника Викрэкрама пошла бы совсем по-другому.

Трое путешественников шли на запад, от Ледяных Клыков к Замку Свежевателя на Скрытом Острове. Были в его жизни времена, когда он не выносил компании, но за последние десять лет Странник стал куда более общителен. Теперь ему даже нравилось путешествовать не одному. В последнем маршруте через Большие Пески в его партии было пятеро. Наполовину из соображений страховки: несколько смертей почти неизбежны, когда между оазисами по тысяче миль, да еще и оазисы кочуют с места на место. Но помимо этого, он многому научился из разговоров с другими.

С нынешними спутниками ему не так повезло. Ни один из них не был настоящим пилигримом, и у каждого были тайны. Описатель Джакерамафан был смешной и забавный толстяк, набитый беспорядочной информацией... и вполне вероятно, что был и шпионом. Это ладно, пока не подумают, что Странник с ним заодно. А вот третий участник группы его всерьез беспокоил. Тиратект была новичком, и даже взятого имени у нее не было. Она говорила, что она — школьная учительница, но что-то в ней (или в нем? Предпочтение пола еще тоже было совсем не ясно) говорило о наемном убийце. Конечно, она была фанатичной свежевательницей, почти все время держалась отстраненно и скованно. И почти наверняка бежала от чистки, которая последовала за неудачной попыткой Свежевателя взять власть на востоке.

Он поведет этих двоих к Восточным Воротам, на республиканской стороне Ледяных Клыков. Они оба хотят попасть в Замок Скрытого Острова. А почему бы и нет? Всего только крюк в шестьдесят миль от главного пути к резчикам; все равно идти через горы. И к тому же ему самому много лет уже хотелось посетить Земли Свежевателя. Быть может, кто-нибудь из этих двоих его проведет. Почти весь мир поносил свежевателей. Странник же Викрэкрам к злу относился двояко. Если нарушено достаточно много законов, то резня может обернуться и хорошей стороной.

В этот день они наконец вышли туда, откуда уже были видны прибрежные острова. Странник был здесь всего пятьдесят лет назад. И все равно красота этих мест застала его врасплох. Северо-западный берег был чудеснейшим уголком Арктики. На вершине лета, в нескончаемый день, ослепительно зеленели долины в ледяной оправе. Бог-резчик склонился когда-то к этой земле, и резцы Его были изо льда. Сейчас же от льда и снега остались только неясные дуги на восточном горизонте и рассеянные по холмам пятна. Они таяли и таяли все лето, давая жизнь ручейкам, что сливались друг с другом, каскадами скатываясь по склонам долин. Странник пошел направо, пробежав через полоску земли, пропитанную водой. Влага приятно холодила ноги, и наплевать на кишащих вокруг личинок.

Тиратект шла параллельно его курсу, но выше вересковых зарослей. Она была очень разговорчивой, пока долина не сделала поворот и не показались острова. Где-то там был Замок Свежевателя, ее темная цель.

Описатель Джакерамафан бегал вокруг по двое и по трое, отпуская соленые шуточки, от которых смеялась даже угрюмая Тиратект, забираясь наверх и докладывая, что видит. Берег он увидел первым. Это его слегка отрезвило. Его клоунада была и без того опасной, даже не считая, что исполнял он ее у границ владений известных насильников.

Викрэкрам призвал всех остановиться и собрался, регулируя лямки рюкзаков. Вторая половина дня обещала быть трудной. И надо было решить, хочет ли он в самом деле в Замок со своими друзьями. Есть пределы духу авантюризма, даже для пилигрима.

— Эй, слышите, что-то гремит? — вдруг спросила Тиратект.

Странник прислушался. Раздавался рокот — мощный, но почти за нижним пределом слышимости. В ту же секунду к его замешательству примешалась струйка страха. Лет сто назад он попал в чудовищное землетрясение. И звук был похож, но сейчас земля под ногами не шевелилась. Может быть, она не поползет и вода не хлынет на сушу? Он присел, глядя во все стороны.

— Это в небе! — Джакерамафан показывал вверх.

Почти над ними зависло сияющее пятно — крошечное копье света. Викрэкрам не мог вспомнить ничего похожего, даже в легендах. Он растянулся, весь превратившись в глаза, глядящие на медленно движущийся свет. Господний хор, подумал он про себя. Это же на высоте многих миль, а звук все равно слышен. Он отвернулся от света, но тот все еще болезненно горел под закрытыми веками.

— Оно все ярче и громче, — сказал Джакерамафан. — Оно идет вниз туда на холмы, у моря.

Странник поднялся и побежал к западу, крикнув другим. Он подойдет, насколько сможет, и посмотрит. Но пока он вверх не глядел. Свет был слишком ярок. Среди бела дня он отбрасывал тени!

Еще полмили бега. Звезда все еще висела в небе. Он не мог припомнить, чтобы звезды падали так медленно, хотя самые большие иногда страшно взрывались. На самом деле те, кто были слишком близко, уже ничего не рассказывали. При этой мысли его дикое любопытство пилигрима отступило. Он осмотрелся. Тиратект не было видно, Джакерамафан прятался рядом с какими-то утесами.

Свет стал так ярок, что одежда более не защищала, и Викрэкрам ощутил ожог. От грохота с неба болели все тела. Странник нырнул через край долины, покатился вниз по крутому скалистому склону. Теперь он был в тени: на него светило только солнце! Противоположный склон горел от света, вместе с невидимым источником метались по нему резкие тени. Шум по-прежнему был басовым рокотом, но теперь таким мощным, что разум цепенел. Странник пробежал опушку и бежал дальше, пока не углубился на сотню ярдов в лес. Это должно было помочь, но шум все равно становился громче.

К счастью, он на секунду потерял сознание. Когда он пришел в себя, звезды не было слышно. Дико звенела левая мембрана одного элемента. Викрэкрам покачался на месте, собирая разбежавшиеся мысли. Казалось, идет дождь — только некоторые капли горели. Кое-где занимались небольшие пожары. Он спрятался под плотными кронами, ожидая, пока перестанут падать горящие камни. Огонь не распространился — лето было относительно сырым.

Странник тихо лежал, ожидая еще огненных камней или грохота звезды. Все тихо. Ветер в верхушках стих. Слышно стало пение птиц и стрекот насекомых, скрип древоточцев. Викрэкрам подкрался к опушке и осторожно выглянул в нескольких местах. Если не считать пятен горелого вереска, все было как обычно. Только взгляд его был очень ограничен: он видел высокие склоны долины, несколько вершин. Ха! А вот и Описатель Джакерамафан, на триста ярдов выше. Он почти весь спрятался в дыры и щели, но несколько элементов выставил посмотреть в ту сторону, где упала звезда. Странник скосил глаза. Описатель почти все время вел себя как шут, но иногда казалось, что это маска. Если он и в самом деле дурак, то с проблесками гениальности. Не раз Вик видел издали, как он работал парами с помощью каких-то странных инструментов... Да и теперь держал что-то длинное, приставленное к глазу.

Викрэкрам вылез из лесу, твердо держась вместе и стараясь как можно меньше шуметь. Аккуратно переползая камни, скользя от одного верескового кармана к другому, пока не выполз на гребень склона ярдах в пятидесяти от Джакерамафана. Он слышал, как другой думал. Чуть ближе — и Описатель сам его услышит, как бы он ни был собран и тих.

— Т-с-с! — сказал Викрэкрам.

Гул и бормотание стихли тут же. Джакерамафан сунул таинственный прибор в рюкзак и собрался вместе, думая очень спокойно. Они смотрели друг на друга, а потом Описатель дурацким жестом крутанул в сторону наплечной мембраны. *Слушай.*

— Ты можешь так разговаривать?

Голос был очень высоким, каким большинство мало кто может разговаривать по собственной воле, и где уши для низкого звука не слышат ничего. Высокий разговор мог быть спутан, но он был всенаправлен и быстро затухал; никто другой не подслушает. Странник кивнул:

— Высокий разговор? Это запросто.

Тут весь фокус был говорить на чистых тонах, чтобы они не смешивались.

— Глянь на гребень того холма, пилигрим. Есть кое-что новое под солнцем.

Странник сдвинулся на тридцать ярдов, глядя во все стороны. Теперь ему были видны проливы, сияющие под солнцем шероховатым серебром. За ним скрылся в тени северный склон долины. Викрэкрам выслал вперед один элемент, тот проскользнул среди вересковых бугров вниз, на равнину, где приземлилась звезда.

Божий Хор, подумал он про себя (но очень тихо). Потом выслал еще один элемент для стереоскопического зрения. Эта штука была как глиняная хижина, поставленная на столбы... но это была упавшая звезда: земля вокруг нее раскалилась докрасна. От влажного вереска вокруг поднималась пелена тумана. От пятна под звездой расходились длинные полосы вывороченной земли.

Викрэкрам кивнул Джакерамафану:

— Где Тиратект?

Тот пожал плечами:

— На пути обратно, могу спорить. Я здесь держу для нее пару глаз... А ты не видишь других — солдат из Замка Свежевателя?

— Нет!

Странник посмотрел к западу от места приземления. Вот. Они были на расстоянии не меньше мили, все в камуфляжных куртках, ползущие на животах через бугристый ландшафт. По крайней мере трое солдат. Большие ребята, по шесть каждый.

— Как они смогли так быстро сюда попасть? — Он глянул на солнце. — Всего полчаса прошло, как это началось.

— Везение.

Джакерамафан вернулся на гребень и осмотрелся.

— Спорить могу, они уже были на материке, когда упала звезда. Это все территория Свежевателя, и здесь должны быть патрули. — Он присел, так что тем, кто внизу, были теперь видны только две пары глаз. — Это, знаешь, засадный строй.

— Ты вроде не очень рад их видеть. Это же твои друзья, ты забыл? Народ, с которым ты пришел повидаться.

Описатель саркастически склонил головы:

— Ага, ага. Не напирай. Я думаю, ты с самого начала знал, что я не предан Свежевателю всеми потрохами.

— Я догадывался.

— Ладно, теперь игра окончена. Что бы ни было то, что свалилось сюда сегодня, оно будет стоить для... хм... моих друзей больше, чем все, что я мог бы услышать на Скрытом Острове.

— А как же Тиратект?

— Хе-хе. Наша досточтимая спутница, боюсь, более чем искренна. Я спорить могу, что она из Властителей Свежевателя, а не из низших Слуг, как на первый взгляд кажется. Полагаю, многие из этой породы сейчас бегут через горы, счастливые, что выбрались из Республики Длинных Озер. Спрячь задние элементы, друг. Если она нас заметит, эти солдаты нас возьмут как нечего делать.

Странник зарылся поглубже в щели и дыры, покрытые вереском. У него был отличный обзор назад на долину. Если Тиратект еще не появилась на сцене, он увидит ее намного раньше, чем она его.

— Странник?

— Да?

— Ты пилигрим. Ты путешествуешь по миру... с начала времен, как ты нам объяснял. Как далеко на самом деле уходит твоя память?

Учитывая ситуацию, Викрэкрам решил быть честным.

— Как ты и сам подумал бы: на несколько сот лет. А дальше — легенды, воспоминания о том, что, быть может, случилось, но подробности путаются и расплываются.

— Ладно, я не так много путешествовал, и я вполне новый. Но я читаю. Много читаю. И такого, как сейчас здесь, раньше не случалось. Эта штука пришла с высоты, которой мне не измерить. Ты читал Арамстриквезу или Белеле-Астролога? Ты знаешь, что это может быть?

Имен Викрэкрам не узнал. Но он и в самом деле был пилигримом. Были на свете земли, где никто не говорил ни на одном знакомом ему языке. В Южных Морях он встречал тех, которые считали, что вне их островов вообще нет никакого мира, и убегали от его кораблей, когда он сошел на берег. И более того, один элемент его был тогда островитянином и наблюдал за высадкой.

Он высунул в пролом одну голову и снова посмотрел на упавшую звезду, гостя из таких далей, в которых он никогда не был... а потом подумал, где может закончиться такое путешествие.

3

Земля остывала еще пять часов, пока отец смог поставить трап для выхода. Они с Джоанной осторожно спустились, прыжками перескочили дымящуюся землю и встали на сравнительно неповрежденный дерн. Еще много времени пройдет, пока земля совсем остынет. Выхлоп двигателя был очень «чист» и почти не взаимодействовал с обычной материей, а это значило, что сильно разогретая скала под кораблем уходит на тысячи метров вглубь.

Мама сидела у люка, наблюдая за местностью. В руках у нее был старый папин пистолет.

— Что-нибудь видишь? — крикнул ей отец.

— Ничего. И Джефри в окнах тоже не видит.

Отец обошел грузовую капсулу, обследуя примененные не по назначению причальные пилоны. Каждые десять метров он останавливался и направлял звуковой прожектор. Это придумала Джоанна. Кроме папиного пистолета, оружия у них не было. Прожекторы были случайным грузом, захваченным из лазарета. После небольшого перепрограммирования они могли испускать дикий визг во всем звуковом спектре. Может быть, этого хватит, чтобы отпугнуть местных животных.

Джоанна шла за отцом, оглядывая местность, и нервозность уступала место восхищению. Здесь было так прекрасно, так здорово. Они стояли на широком поле в высоких холмах. На запад холмы понижались к проливам и островам. К северу земля резко обрывалась в широкую долину, на другой стороне виднелись водопады. Земля под ногами пружинила, как губка. Все поле было усеяно маленькими холмиками, как волнами на остановленной картине. На высоких холмах пятнышками лежал снег. Джоанна скосила глаза на север, к солнцу. На север?

— Па, сколько времени?

Олсндот рассмеялся, все еще заглядывая под грузовую капсулу.

— Полночь по местному.

Джоанна выросла в средних широтах Страума. Большая часть школьных экскурсий была в космосе, где стран-

ная геометрия солнц мало что значила. И Джоанна никогда не задумывалась о том, что бывает на планете... Например, что можно увидеть солнце над верхушкой мира.

Первым приказом было вытащить половину гибернаторов на открытый воздух, а остальные переставить. Мама считала, что тогда исчезнут проблемы поддержания температуры, даже для гибернаторов, оставшихся на борту.

— Теперь у нас будут отдельные источники питания и вентиляция. Дети будут в безопасности, а ты, Джоанна, проверь работу Джефри на тех, что внутри, ладно?

Вторым приказом было запустить программу слежения на трансляционной системе и установить ультраволновую связь. Этого Джоанна слегка боялась. Что они узнают? И без того ясно, что Верхняя Лаборатория попала под власть зла и началась катастрофа, которую предсказывала мама.

Сколько уже погибло жителей Страумского царства? В Верхней Лаборатории каждый верил, что делает добро, а теперь... *Об этом не думать.* Может быть, ретрансляторщики смогут помочь. Где-то же должны найтись люди, которые используют привезенное ее семьей знание из Верхней Лаборатории.

Их спасут, и остальных детей оживят. Здесь она чувствовала себя виноватой. Конечно, маме и папе к концу полета нужны были дополнительные руки, а она, Джоанна, была в школе одной из старших. И все равно не совсем правильно, что только она и Джефри летели с открытыми глазами. На посадке она чувствовала страх матери. *Наверняка они хотели, чтобы мы были все вместе, пусть даже в последний раз.* И приземление было по-настоящему опасным, как бы легко ни выглядело оно в исполнении отца. Видно было, где по корпусу били всплески. Пролети хоть один мимо факела в камеру сгорания, они все превратились бы в пар.

Уже половина гибернаторов оказалась на земле с восточной стороны корабля. Мама с папой расставляли их свободно, чтобы ничего не мешало охладителям. Джефри в корабле искал, нет ли гибернаторов, требующих особого внимания. Он был хороший мальчик, когда не капризничал. Джоанна повернулась лицом к солнцу, почувствовала на коже прохладный бриз. Слышался звук, похожий на птичью песню.

Джоанна отошла с одним из звуковых прожекторов, когда налетела засада. Она как раз подключила свой компьютер ко входу управления и давала прожектору новую программу. Из этого было видно, как мало у них осталось аппаратуры, если даже старый компьютер Джоанны был на счету. Отец хотел, чтобы прожекторы накрыли наибольшую возможную полосу частот, производя непрерывный шум, но при этом часто выдавая острые всплески. Ее Розовому Олифанту такая задача была вполне по плечу.

— Джоанна!

Голос матери донесся одновременно с треском керамики. Колокол прожектора разлетелся вдребезги. Джоанна вскинула глаза. Что-то пронзило ей грудь и плечо, сбив ее с ног. Она, как дура, уставилась на торчащее древко.

Стрела!

Западный край посадочной площадки кишел... какими-то тварями. Вроде собак или волков, но с длинными шеями, и они летели вперед, перебегая от бугорка к бугорку. Шкуры их были серо-зелеными под цвет холмов, только возле холки можно было заметить белое с черным. Нет, зеленое — это была одежда, куртки.

Джоанна была в шоке. Давление пронзившей ее стрелы еще не воспринималось как боль. Ее отбросило на истоптанный дерн, и теперь она видела атаку целиком. Летели стрелы, длинно прочерчивая небо.

Теперь она видела и лучников. Собак прибавилось. Они шли стаями. Из лука стреляли по двое — один пес держал, другой натягивал. Третий и четвертый несли колчаны со стрелами и, кажется, наблюдали.

Лучники держались поодаль, стараясь не выходить из укрытий. Другие стаи вливались со всех сторон, перепрыгивая бугры. Многие держали в зубах тесаки. На лапах сверкали металлические шипы. В руках у отца защелкал пистолет. Волна атакующих споткнулась. Многие упали, но остальные рванулись вперед, издавая рычание. Это был не собачий лай, а рев безумия. Он отдавался резонансом у нее на зубах. Клыки и когти, ножи и рев.

Джоанна перекатилась на бок, стараясь увидеть корабль. Теперь боль настигла ее. Она вскрикнула, но крик ее заг-

лушило воплем безумия. Стая летела мимо, направляясь к отцу и матери. Родители залегли за стыковочным пилоном, пистолет Арне Олсндота пускал вспышку за вспышкой. От стрел его прикрывал скафандр.

Штабеля чужих тел громоздились все выше. Пистолет с умными пульками был смертелен. Джоанна увидела, как отец отдал пистолет матери и выскочил из-под корабля к ней, к Джоанне. Она вытянула в его сторону свободную руку и крикнула, чтобы он вернулся.

Тридцать метров. Двадцать пять. Мать прикрыла их огненным веером, отгоняя волков. На бегущего Олсндота обрушился ливень стрел. Двадцать метров.

Высоко прыгнув, через Джоанну перелетел волк. Она успела заметить его короткую шерсть и шрамы на заду. Волк летел точно к отцу. Олсндот вильнул, стараясь не мешать жене стрелять, но волк был слишком быстр. Он вильнул в ту же сторону, покрывая расстояние между ними. Блеснул в прыжке металл на лапах. Папина шея плеснула красным фонтаном, и он упал вместе со зверем.

Сьяна Олсндот на долю секунды прекратила стрелять. И этого хватило. Стая разделилась, и большая группа пошла к кораблю. У зверей на спине были какие-то баки. Вожак держал в зубах что-то вроде шланга. Ударила струя темной жидкости, и тут же все исчезло в огненном взрыве. Стая пронесла свой примитивный огнемет через всю поляну, мимо пилона, где стояла Сьяна Олсндот, мимо рядов школьников в гибернаторах. Что-то дергалось среди языков пламени и жирного дыма; было видно, как корежится и отлетает пластик гибернаторов.

Повернувшись лицом к земле, Джоанна оттолкнулась здоровой рукой и попыталась ползти к кораблю, к пламени. Но тут тьма сжалилась над ней, и больше она ничего не помнила.

4

Странник и Описатель весь день после полудня наблюдали за подготовкой к засаде. На западном склоне посадочной площадки строилась пехота, за ней лучники, даль-

ше клином — огнеметчики. Понимали ли Властители Замка Свежевателя, против чего они выступают? Странник и Описатель обсуждали это на все лады. Джакерамафан считал, что свежеватели это знают, но так велика их надменность, что они рассчитывают просто захватить добычу.

— Они вцепляются в горло, пока противник даже не успел сообразить, что началась схватка. Это всегда себя оправдывало.

Странник ответил не сразу. Может, Описатель прав. Он в этой части мира не бывал уже пятьдесят лет. Тогда культ Свежевателя был малоизвестен (и не очень интересен по сравнению с тем, что было в других местах).

Путешественники иногда сталкивались с вероломством, но реже, чем могли бы подумать домоседы. Народы по большей части были дружелюбны и любили слушать истории о внешнем мире — особенно если гость не был опасен. Когда же случалось вероломство, ему чаще всего предшествовала «оценка» — насколько силен гость и что можно выиграть от его смерти. Немедленная атака без единого слова встречалась очень редко. Обычно это значило, что ты напоролся на негодяев очень изощренных... и безумных.

— Не знаю. Они действительно строят засаду, но, может быть, свежеватели оставят ее на всякий случай, а сначала будут разговаривать.

Шли часы, солнце скользило к северу. С дальней стороны упавшей звезды послышался шум. Ерунда. Отсюда им ничего не увидеть.

Затаившиеся войска не двигались. Шли минуты... и наконец можно было взглянуть на гостя с неба или, во всяком случае, на его часть. На один элемент приходилось четыре ноги, но ходил он только на задних. Ну и клоун! А еще... передние лапы он использовал для удержания предметов. Не раз можно было заметить, как он пользуется ртом, но сомнительно, что эти плоские челюсти могут дать хорошую хватку. Передние лапы на удивление хрупкие. Каждый отдельный элемент может работать с инструментами без посторонней помощи.

Много звуков разговора, хотя видны только три элемента. Через некоторое время стали слышны более высокие тоны организованной мысли. Боже мой, это создание очень уж шумно.

На таком расстоянии звуки глохли и искажались, но все равно это не было похоже ни на один разум, который ему приходилось слышать. И не похоже на маскировочные шумы, которые издают некоторые жвачные.

— Ну? — шепнул Джакерамафан.

— Я видел весь мир — и это создание не является его частью.

— Ага. Знаешь, оно мне напоминает богомола. Вот это... — Он раскрыл пасть дюйма на два. — Отлично охраняют сад от вредителей — великие маленькие истребители.

Хм. Странник не подумал об этом сходстве. Богомолы симпатичны и безвредны — для млекопитающих. Зато у них самки едят своих самцов. Теперь представь себе тех же тварей, но гигантских, и владеющих менталитетом стаи.

Прошло еще полчаса. Когда чужак вывалил груз на землю, лучники Свежевателя подобрались поближе. Пехотные стаи построились в атакующее кольцо.

Между свежевателями и чужаком взлетела туча стрел. Один из элементов чужака тут же упал, и его мысли заглохли. Остальные скрылись под летающим домом. Солдаты ринулись вперед, расставленные так, чтобы не терять идентичности. Может быть, они хотели взять чужака живым.

...Но атакующая цепь смялась, не дойдя многих ярдов до чужака. Ни стрел, ни огня — просто солдаты стали падать. На минуту Страннику показалось, что свежеватели отхватили кусок больше, чем могут прожевать. Но тут за первой волной понеслась вторая. Элементы продолжали падать, но теперь они были одержимы убийством, мысли не было, осталась только животная дисциплина. Атака медленно катилась вперед, задние карабкались на упавших. Упал еще один элемент чужака... Странно, все еще слышен шелест мыслей другого. По тону и темпу точно таких же, как были до атаки. Как может кто-нибудь так собой владеть, глядя в глаза тотальной смерти?

Раздался сигнал боевого свистка, и свора разделилась. Один из солдат пробежал мимо, разбрызгивая жидкий огонь. Летающий дом охватило пламя и дым, как кусок мяса на решетке.

Викрэкрам выругался про себя. Прощай, чужак.

* * *

Увечные и раненые считались у свежевателей существами низшими. Тяжелораненых закидали на волокуши и оттащили подальше, чтобы их крики не сбивали с толку. Команды уборщиков отогнали фрагменты солдат от летающего дома. Фрагменты бродили по бугристому лугу, сливаясь то там, то тут в случайные стаи. Кое-кто рылся среди раненых, не обращая внимания на крики, в поисках самих себя.

Когда суматоха улеглась, прибыли три стаи белых курток. Слуги Свежевателя прошли под летающий дом. Одного не было видно долго, может быть, он даже проник внутрь. Обугленные тела двух элементов чужака аккуратно положили на волокушу — куда осторожнее, чем раненых солдат — и уволокли.

Джакерамафан осматривал разрушения своим глазным прибором. Он перестал пытаться спрятать его от Странника. Белые куртки вытаскивали что-то из-под летающего дома.

— С-с-т! Еще мертвые. От огня, наверное. Похожи на щенков.

Фигурки были похожи на богомолов. Их привязали к волокушам и оттащили за гребень холма. Наверняка там телеги с керхогами в запряжке.

Вокруг места посадки свежеватели поставили кольцевого часового. Вокруг на холмах еще десятки свежих солдат. Никто не проскочит.

— Тотальная бойня, значит, — вздохнул Странник.

— Может быть, и нет. Тот первый элемент, который они подстрелили, — думаю, он не совсем умер.

Викрэкрам прищурил лучшую пару глаз. Или Джакерамафан принимает желаемое за действительное, или у его прибора чертовски острое зрение. Первый из подбитых лежал с той стороны корабля. Элемент перестал думать, но это не стопроцентный признак смерти. Теперь вокруг него стояли белые куртки. Они положили это создание на волокушу и потащили от места посадки к юго-западу... не по той дороге, что остальных.

— Оно и в самом деле живое! Ему в грудь попала стрела, но я видел, что оно дышит. — Головы Описателя повернулись к Страннику. — Я думаю, нам следует его спасти.

Сначала Странник ничего не мог ответить — только уставился на собеседника. В нескольких милях к северо-западу располагался центр всемирного заговора свежевателей. Их мощь на десятки миль в глубь материка была бесспорной, а сейчас их была вокруг целая армия.

От удивленного вида Странника Описатель несколько увял, но ясно было, что он не шутил.

— Конечно, это рискованно. Но не для того ли и жизнь, чтобы ею рисковать? Ты же пилигрим, ты это понимаешь.

— Хм.

Да, такова была репутация пилигримов. Но ни одна душа не выживет после тотальной смерти — а в путешествиях такие возможности представляются в изобилии. Пилигримы знают, что такое осторожность.

И все же — и все же это самая блестящая возможность за столетия путешествий. Узнать этих чужаков, *стать* ими... такое искушение преодолевало здравый смысл.

— Послушай, — сказал Описатель, — мы могли бы сейчас спуститься и смешаться с ранеными. Если сможем пройти через поле, посмотрим поближе на элемент чужака без особого риска.

Джакерамафан уже пятился со своего наблюдательного пункта и кружил, отыскивая путь, чтобы не показать своего силуэта. Викрэкрам колебался. Частично он рвался вслед за ним, частично опасался. Черт возьми, Джакерамафан сознался, что он шпион, он таскал приспособление, которое явно придумали лучшие ребята из разведки Длинных Озер. Этот парень точно профессионал...

Странник кинул быстрый взгляд на склон холма и в долину. Ни Тиратект, ни кого-нибудь другого. Он выполз из всех своих укрытий и пошел за шпионом.

Сколько удавалось, они держались в густой тени, отбрасываемой уходящим на север солнцем, а там, где не было тени, скользили от бугра к бугру. И как раз перед тем, как они добрались до раненых, Описатель сказал слова, которые напугали Странника больше, чем все события дня.

— Да не волнуйся ты, я в книжках читал, как такие вещи делаются.

Толпа фрагментов и раненых — от этого ум цепенеет. Синглеты, дублеты, тройки, несколько четверок. Они бес-

цельно бродили, вопя и причитая. В большинстве случаев столько народу, согнанного вместе на нескольких акрах, стало бы хором немедленно. И в самом деле, где-то была какая-то половая деятельность и какое-то организованное брожение, но в основном здесь было слишком много боли для нормальных реакций. Викрэкрам мельком подумал, что свежеватели — сколько бы ни говорили о своем рационализме — просто бросят обломки войска восстанавливаться как знают. И тогда будут стаи странные и увечные.

Еще несколько ярдов в толпу — и Странник Викрэкрам ощутил, как от него ускользает сознание. Только если сильно сосредоточиться, мог он вспомнить, кто он такой и что он должен добраться до той стороны луга, не привлекая внимания.

В него ударили другие, громкие и неогражденные мысли:

...Жажда крови и резни...

...Металл в руке чужака, боль в груди... кровавый кашель, падение...

...В лагере и раньше, как хорошо мне было с братом по слиянию... Властитель Булат говорил, что мы — великий эксперимент...

...Через вереск к чудовищу на палочных ногах. Прыжок с шипами в лапе. Удар по горлу. Всплеск крови...

...Где я?.. Можно мне стать частью вас?.. прошу вас...

На последний вопрос Странник резко обернулся. Его обнюхивал синглет. Странник шуганул фрагмента и выбежал на открытое пространство. Впереди, не слишком оторвавшись, бежал этот Джаке-как-его-там. Шансов, что их обнаружат, было немного, но Странник начал сомневаться, что переберется. Его было только четыре, а повсюду бродили синглеты. Справа от него насиловала всех четверка, хватая все попавшиеся двойки и синглеты. Вик и Кр и Рэк и Рам старались помнить только, почему они здесь и куда они идет. *Сосредоточься на ощущении, на том, что здесь реально*: коптящий запах огненной жидкости... кишащие личинки, заполнившие лужи кровавого и черного.

Прошло страшно много времени. Минуты.

Вик-Кр-Рэк-Рам взглянул вперед. Он уже почти выбрался, вот и южный край свалки. Он вытащил себя на клочок чистой земли. Его элементы стошнило, и он упал в

обморок. Медленно возвращался здравый ум. Викрэкрам глянул вперед — Джакерамафан все еще был в толпе. Описатель был большой дядя — шестерной, но и ему приходилось не лучше, чем Страннику. Он качался, вытаращив глаза, огрызаясь на себя и на других.

Ладно, они нормально прошли через луг, и достаточно быстро, чтобы перехватить белых курток, тащивших последнюю часть чужака. Если они хотят увидеть еще что-нибудь, надо будет сообразить, как выйти из толпы, не привлекая внимания. Хм... вокруг валяется полно свежевательских мундиров — без живых владельцев. Странник послал двух себя к ближайшему мертвому солдату.

— Джакерамафан! Сюда!

Великий шпион посмотрел в его сторону, и в его глазах мелькнул проблеск разума. Он выбрался из толпы и сел в нескольких ярдах от Викрэкрама. Куда ближе, чем это было бы удобно в нормальных обстоятельствах, но после того, через что они прошли, это могло считаться едва ли рядом. Минуту Джакерамафан лежал, тяжело дыша.

— Извини, я никогда не думал, что это будет так. Я там потерял часть себя... и думал, что уже не верну ее.

Странник смотрел, как движутся белые куртки и их волокуша. Они шли не туда, куда остальные. Еще несколько секунд — и они скроются из виду. Может быть, можно пойти за ними, замаскировавшись... нет, слишком рискованно. Странник сам начал думать, как шпион. Он содрал с мертвого камуфляжную куртку. Все равно понадобится маскировка. Может быть, ночью удастся подобраться поближе и рассмотреть летающий дом.

Описатель увидел, что он делает, и сам стал собирать для себя куртки. Они рыскали среди штабелей тел, разыскивая не слишком заляпанное снаряжение с теми знаками, которые Джакерамафан считал подходящими. Вокруг валялось множество боевых топоров и когтей для лап. В конце концов они вооружились до зубов, но пришлось кое-что выбросить из рюкзаков. Страннику была нужна еще одна куртка, но его Рам был так широк в плечах, что ни одна не подходила.

Странник только потом понял, что произошло. Большой фрагмент, тройка, лежал в штабеле мертвых, затаив-

шись. Может быть, он горевал, пропев заупокойную по своему элементу. Как бы там ни было, он был почти полностью обезмыслен, пока Странник не начал снимать куртку с его мертвой части. Тут раздался рокот близкого гнева:

— У меня тебе не поживиться, мародер!

И по внутренностям Рама полоснула острая боль.

Извернувшись в мучительной агонии, Странник бросился на нападавшего. Минута безумной ярости схватки. Боевые топоры Странника гвоздили и гвоздили, окрашивая в кровь его морды. Когда он опомнился, один из трех был мертв, остальные скрылись в толпе раненых.

Викрэкрам сгрудился вокруг боли Рама. У нападавшего были шипы на лапах. Рам был вспорот от ребер до паха. Викрэкрам споткнулся, часть его лап запуталась в собственных кишках. Он пытался носами засунуть их обратно в брюшину своего раненого элемента. Боль уходила, небо в глазах Рама постепенно темнело. Странник подавил вопли, которые рвались из него. *Меня всего четверо и один из меня умирает!* Он уже много лет напоминал себе, что четыре — слишком мало для пилигрима. Теперь он расплатится за беспечность, лишенный разума, в ловушке в земле тиранов.

На секунду боль отступила, и мысли прояснились. Среди погребального воя, насилия и просто безумных нападений драка осталась незамеченной. Она просто была чуть крупнее и кровавее остальных. Белые куртки у летающего дома глянули в их сторону и снова занялись грузом чужака.

Описатель сидел рядом и глядел в ужасе. Один его элемент придвинулся ближе, потом отполз. Он боролся сам с собой, пытаясь решить, помогать или нет. Странник чуть не стал умолять его, но это было бы слишком большое усилие. И Описатель не был пилигримом. Отдать элемент — это не то, что Джакерамафан мог бы сделать добровольно.

Теперь потоком текли воспоминания, усилия Рама привести в порядок и дать знать остальным все, что было раньше. Вот он плывет на катамаране через Южное Море — новый, в которого Рама взяли щенком. Воспоминания о жителе островов, от которого родился Рам, и о стаях, которые были до того. Когда-то они обошли вокруг света, выжили в трущобах какого-то тропического коллектива, пере-

жили войну с Равнинными Стадами. Какие истории довелось им слышать, каких людей встречать... Потрясающим сочетанием оказался Вик Кр Рэк Рам — с ясной мыслью, с радостным сердцем, с редким умением хранить все воспоминания. Вот почему он продержался так долго, не вырастая до пяти или шести. И теперь заплатит за это величайшую из всех цен.

Рам вздохнул и больше уже не видел неба. Викрэкрам лишился разума — не так, как это бывает в жару битвы, не так, как в совместном сне. Просто исчезла четвертая сущность, и осталось только три, пытающихся построить личность. Тройка стояла и нервно себя похлопывала. Отовсюду грозила опасность, но постигнуть ее тройка не могла. Она подобралась поближе к сидящей рядом шестерке — Джакерамафан? — но та ее отогнала. Она нервно поглядывала на толпу раненых. Там была завершенность... но и безумие.

На краю толпы сидел массивный самец с глубокими шрамами сзади. Он перехватил взгляд тройки и медленно пополз на открытое место в их сторону. Вик и Кр и Рэк попятились, шерсть у них встала дыбом от испуга и восхищения. Этот со шрамами был по весу в полтора раза больше каждого из них.

...Где я?.. Можно мне стать частью вас?.. прошу вас...

Воспоминания его, перепутанные и непонятные, о крови и битве, о военной муштре до того. Почему-то этих ранних воспоминаний создание боялось больше всего. Оно опустило на землю морду, покрытую коркой засохшей крови, и поползло на брюхе. Остальные чуть не бросились в бегство — все они боялись случайного объединения. Они пятились, пятились, пока не оказались на открытом лугу. Другой шел за ними, но медленно, все еще ползком. Кр облизала губы и подошла к незнакомцу. Вытянула шею и обнюхала его горло. Вик и Рэк подошли с двух сторон.

В одно мгновение произошло частичное соединение. *Потный, окровавленный, раненый — слияние в аду.* Казалось, эта мысль пришла ниоткуда, загорелась во всех четырех в минуту циничного юмора. Тут же единство ушло, и остались только три животных, лижущих шею четвертого.

* * *

Странник оглядел луг своими новыми глазами. Он распадался всего на несколько минут. Раненые из Десятой Пехотной остались теми же. Слуги Свежевателя все еще возились с грузом чужого. Джакерамафан медленно пятился, выражение его лиц было смесью удивления и ужаса. Странник склонил одну голову и прошептал:

— Я не предам тебя, Описатель.

Шпион застыл:

— Это ты, Странник?

— Более или менее. Все еще Странник, но уже не Викрэкрам.

— Как это может быть? Ты только что потерял...

— Я же пилигрим, не забывай. Такое в наших жизнях случается сплошь и рядом.

В его голосе звучал сарказм. Это было близко к тому клише, которое раньше вспоминал Джакерамафан. Но в нем была и доля правды. Он, Странник Викрэк.* шрам, уже ощущал себя личностью. Может быть, у этой комбинации есть будущее.

— Ух ты. Ну, ладно... а что нам делать теперь?

Шпион нервно глядел во все стороны, но в тех его глазах, что глядели на Странника, тревоги было больше всего.

Теперь пришла очередь Викрэкшрама недоумевать. Что он здесь делал? Убивал странного врага... нет. Это делала Десятая Пехотная. Он к этому не имел отношения, какие бы воспоминания ни были у элемента со шрамами. Он и Описатель пришли сюда... ага, спасать чужака, насколько это удастся. Странник овладел памятью и держал; это было то реальное от прошлой идентичности, что он должен сохранить. Он посмотрел вперед, где последний раз видел часть чужака. Не было видно ни белых курток, ни волокуши, но путь ее был очевиден.

— Мы все еще можем добыть для себя живого, — ответил Странник Описателю.

Описатель споткнулся и подался в сторону. Он уже не был таким энтузиастом, как раньше.

— После тебя, друг мой.

Викрэкшрам затянул боевые куртки и стряхнул присохшую кровь. После этого направился церемониальным

шагом через луг, пройдя всего в ста ярдах от Слуг Свежевателя возле противни... возле летающего дома. Молодцевато отдал им честь, на что они не обратили внимания. Джакерамафан шел следом с двумя арбалетами, стараясь подражать шагу Странника, но не имел нужного опыта.

Потом они перевалили через гребень и стали спускаться в тени долины. Бормотание раненых затихло. Викрэкшрам раздвоился, двигаясь прыжками вниз по неровной тропе. Отсюда была видна гавань, мультилодки спокойно стояли у пирсов, особой деятельности возле них не было. За его спинами нервно бормотал какую-то чушь Описатель. Новая его часть — этот, со шрамами — был когда-то мышцами пехотного офицера. Эта стая знала расположение гавани и замка и все пароли на сегодня.

Еще две горки — и они обогнали Слугу Свежевателя и его волокушу.

— Эй! — крикнул Странник. — У меня новые инструкции от Властителя Булата!

По хребтам пробежал холодок при этом первом воспоминании о Булате. Слуга бросил волокушу и повернулся к ним. Викрэкшрам не знал его имени, но самого его помнил: высокопоставленный и самодовольный сукин сын. Странно, что он сам тащит волокушу.

Странник стоял всего в двадцати ярдах от белых курток. Джакерамафан смотрел с бугра чуть повыше, арбалетов его не было видно. Слуга нервно посмотрел на Странника, потом на Описателя.

— Чего вам двоим надо?

Он их уже заподозрил? Не важно. Викрэкшрам собрался воедино для смертельного удара... и вдруг стал видеть за четверых, и разум его расплылся, как у нового. Теперь, когда надо было убивать, ужас новичка перед этим актом его расслабил. Черт побери! Викрэкшрам судорожно пытался что-то сказать. Но когда убийство ушло из его разума, новые воспоминания всплыли с легкостью.

— Властитель Булат повелел, чтобы это создание вместе с нами было доставлено в гавань. А тебе надлежит вернуться к летающему аппарату нарушителей.

Белые куртки облизал губы. Глаза его остро оглядели мундиры Странника и Описателя.

— Самозванцы! — крикнул он и в тот же миг послал свой элемент к волокуше. На его передней лапе сверкнул металл. *Он решил убить чужака!*

Сверху хлестнула стрела, и бегущий упал с торчащим из глаза древком. Викрэкшрам налетел на остальных, заставив вырваться вперед покрытый шрамами элемент. Мгновенное головокружение, как у нового, и он снова был единым целым, выкрикивая смертный клич в четыре горла. Две стаи сшиблись, Шрам выбросил два элемента Слуги за край тропы. Вокруг свистели стрелы. Вик Кр Рэк метался, круша топорами все, что еще стояло на ногах.

Потом все успокоилось, и Странник снова обрел мысль. Три элемента Слуги извивались на земле, вокруг них песок пропитывался кровью. Странник выбросил их с тропы, туда, где Шрам убил остальных. Ни один из Слуги не выжил. Это была тотальная смерть, и она была на совести Странника. Он свалился на землю, зрение его снова расчетверилось.

— Смотри, чужак! Он еще жив! — крикнул Описатель.

Он стоял вокруг волокуши, обнюхивая похожее на богомола тело.

— Только он без сознания.

Описатель схватил челюстями оглобли волокуши и посмотрел на Странника.

— Что теперь делать, Странник?

Странник лежал в грязи, пытаясь собрать разум воедино. *Вот именно, что теперь?* Как он вляпался в эту кашу? Единственное объяснение — мутное сознание нового. Он просто забыл все причины, по которым спасение чужака было невозможным. А теперь он в него вляпался.

Его элемент подполз к краю тропы и огляделся. Никто их не заметил. В гавани все еще стояли пустые корабли, почти вся пехота была в холмах. Несомненно, Слуги везли мертвых в форт гавани. А когда они пойдут через проливы на Скрытый Остров? Или они ждут чьего-то прибытия?

— Может быть, захватим несколько лодок и уйдем на юг? — предложил Описатель.

Изобретательный парень. Неужто он не знает, что вокруг гавани стоят цепи часовых? Даже при знании пароля о них доложат тут же, как только они пройдут первую. Шан-

сов — один на миллион. И того не было, пока Шрам не стал его частью.

Странник посмотрел на создание, лежавшее на волокуше. Очень причудливое, но реальное. И странного было больше, чем просто создание, хотя оно и было до невозможности странным. Ткань окровавленной одежды была тоньше, чем Страннику приходилось в жизни видеть. Рядом с телом была приткнута розовая подушка с искусным шитьем. Странник понял, что это предмет искусства чужака — морда животного с длинным хоботом.

Побег через гавань — один шанс на миллион. Но бывают призы, которые стоят такого риска.

— ...Мы сойдем чуть подальше.

Джакерамафан тащил волокушу. Викрэкшрам шел впереди, стараясь сохранять важный и официальный вид. При наличии Шрама это было нетрудно. Этот элемент был воплощением военной косточки. Чтобы знать его слабости, нужно было заглянуть внутрь.

Они прошли почти до уровня моря.

Теперь дорога была шире и кое-как вымощена. Странник знал, что форт гавани находится над ними и закрыт деревьями. Солнце довольно далеко отошло с севера, поднимаясь на восточный небосклон. Цветы были повсюду — красные, белые, фиолетовые, группы их колыхались под ветром — арктическая флора выжимала из длинного летнего дня все, что могла. Шагая по нагретой солнцем мостовой, можно было почти забыть о бойне в холмах.

Очень скоро они вышли к цепи часовых. Цепи и кольца — интересный народ. Не великие умы, но самые большие действующие стаи, которые можно встретить вне тропиков. Ходили рассказы о цепях длиной в десять миль с тысячами элементов. В самой большой, которую видел Странник, было меньше ста. Возьмите группу обыкновенных стай и научите их строиться, не по стаям, а по отдельным элементам. Если каждый элемент стоит в нескольких ярдах от своих соседей справа и слева, они могут образовать что-то вроде ментальности тройки. Вся группа в целом тоже вряд ли умнее — трудно мыслить глубоко, если мысли для прохода через весь разум нужны целые секунды.

Зато цепь очень четко себе представляет, что вдоль нее происходит. При нападении на любого члена цепи остальные узнают об этом со скоростью звука. Страннику приходилось служить в цепях. Изматывающая работа, но не такая скучная, как обязанности обычного часового. Трудно скучать, если ты глуп, как цепь.

Вот оно!

Одинокий элемент цепи высунул голову из-за дерева и окликнул. Конечно, Викрэкшрам знал пароль, и внешнюю цепь они прошли. Но об этом, а также об их внешнем виде стало известно всей цепи, и уж конечно — обычным солдатам в форте гавани.

Черт побери! С этим ничего не поделаешь, нужно дальше следовать безумному плану. Странник со Описателем и частью чужака прошли сквозь двух внутренних часовых. Уже слышался запах моря. Они вышли из лесу к окруженной скалами гавани. Миллионами искр играло на поверхности моря серебро. Между двумя пирсами покачивалась большая мультилодка, в миле от берега виднелся Скрытый Остров. Часть Странника не обратила внимания как на привычный пейзаж, часть застыла от восторга. Здесь был центр его — всемирного движения свежевателей. В этих суровых башнях начинал эксперименты сам Свежеватель, писал свои работы... и строил планы правления миром.

Людей на пирсах было немного. Большинство занималось рутинной работой: шили паруса, перевязывали катамараны. На волокушу они смотрели с острым любопытством, но никто не приблизился. *Итак, все, что нам нужно, — не торопясь дойти до конца пирса, обрезать швартовы внешнего катамарана и отплыть.* Даже на пирсе достаточно стай, чтобы этому помешать, а крики их наверняка привлекут солдат из форта гавани. И без того удивительно, что на них еще не обратили серьезного внимания.

Эти лодки были погрубее, чем в Южных Морях. Частично различие было декоративным: учение Свежевателя не позволяло украшать суда. Частично оно было функциональным: эти суда были рассчитаны и на летний, и на зимний сезоны, а также на перевозку войск. Но ясно, что Странник сможет с ними управиться, если представится случай.

Он подошел к концу пирса. Хм. Все-таки повезло. Носовой правый катамаран, прямо перед ним, казался довольно быстрым и полностью снаряженным. Наверное, это дальний разведчик.

— С-с-т! Там что-то происходит.

Описатель махнул одной из голов в сторону форта.

Войска смыкали ряды — массовый салют? Перед пехотой пробежали пятеро Слуг, и из форта загудели трубы. Шрам такое раньше видал, но Странник не доверял его памяти. Как может быть...

Над фортом взлетело красное с желтым знамя. Солдаты и докеры на пирсе упали на брюхо. Странник упал вместе с ними и прошипел другому:

— Ложись!

— Что...

— Это флаг Свежевателя. Его личное присутствие.

— Это невозможно!

Свежеватель был убит в Республике шесть декад тому назад. Толпа разорвала его в клочья, и вместе с ним были убиты десятки его высших сторонников... Но лишь Республиканская Политическая Полиция сообщила, что удалось идентифицировать все тела Свежевателя.

Наверху, у форта, между рядами солдат и белых курток гордо продефилировала единственная стая. Серебро и золото сверкали у нее на плечах. Описатель выдвинул одну часть над ограждением и тайком достал свой глазной инструмент. И через секунду сказал:

— О край души! Это же Тиратект.

— Она не больше Свежеватель, чем я, — отозвался Странник.

Они ведь прошли вместе весь путь от Восточных Ворот до Ледяных Клыков. Она совершенно точно была новой и еще не очень хорошо интегрированной. Вообще она была погружена в себя и владела собой, но бывали приступы ярости. Странник знал, что в Тиратект есть что-то смертоносное... Теперь он догадывался, откуда это было. По крайней мере какие-то элементы Свежевателя избегли уничтожения, и он с Описателем провел в их обществе три декады. Странник поежился.

У ворот форта стая, носившая имя Тиратект, остановилась лицами к солдатам и Слугам. Она сделала жест, и вновь взревели трубы. Новый Странник понял этот сигнал: Призыв. Он подавил внезапный порыв следовать за остальными, которые, прижимаясь брюхом к земле, шли к форту, не отводя глаз от Хозяина. Описатель оглянулся, и Странник кивнул. Им нужно было чудо, так вот оно — и созданное самим врагом! Описатель медленно подался к концу пирса, перетаскивая волокушу от тени к тени.

Все еще никто не оглянулся. И не без причины: Викрэкшрам помнил, что случается с теми, кто проявит неуважение к Призыву.

— Тащи это в правую носовую лодку, — сказал он Джакерамафану.

Сам он спрыгнул с пирса и рассыпался по мультилодке. Как хорошо было снова оказаться на качающихся палубах, когда каждый элемент дрейфует в свою сторону! Он принюхивался среди носовых катапульт, прислушиваясь к скрипу корпусов и потрескиванию швартовов.

Но Шрам моряком не был и не мог вспомнить того, что могло бы оказаться важным.

— Что ты ищешь? — прошипел Описатель высоким разговором.

— Выталкиватели.

Если они здесь и были, то совсем не такие, как в лодках Южных Морей.

— А, это просто. Это северные скиммеры, тут отводные панели, а за ними — тонкий корпус.

Двое его на секунду исчезли из виду, и раздался звук удара. Снова появились головы, отряхивая воду. Описатель улыбнулся, сам не ожидав собственного успеха. «Слушай, это совсем как в книгах!» — говорил он всем своим видом.

Теперь Викрэкшрам нашел выталкиватели. Панели выглядели как места отдыха для команды, но они легко вытаскивались, а дерево за ними запросто пробивалось боевым топором. Он высунул одну голову наружу, глядя, не привлекли ли они к себе внимания, а в то же время выбивал выталкиватели. Странник и Описатель шли по рядам мультилодки;

если эти корпуса затонут, то придется долго снаряжать за ними погоню.

Она! Один из докеров обернулся. Часть его продолжала ползти на холм, а другая тянулась вернуться на пирс. Снова повелительно взревели трубы, и моряк пошел на зов. Но его визгливый крик заставил обернуться и другие головы.

Все, больше времени красться нет. Странник бросился к правому носовому катамарану. Описатель перерезал тросы, соединявшие катамаран с остальным кораблем.

— Есть у тебя опыт хождения под парусами?

Дурацкий вопрос.

— Конечно, я про это читал...

— Отлично! — Странник погнал его на правую площадку катамарана. — Охраняй чужака. Присядь и будь как можно тише.

Он мог и сам управлять катамараном, но должен был для этого сосредоточиться. Чем меньше мешающих мыслей, тем лучше.

Странник багром оттолкнул судно от мультилодки. Она еще не стала заметно тонуть, но уже была видна вода в носовых корпусах. Он развернул багор и крюком подтянул ближайшую лодку на то место, откуда они ушли. Еще пять минут — и будет виден только торчащий из воды ряд мачт. Пять минут. Им бы этого ни за что не сделать — если бы не Призыв Свежевателя: уже солдаты от форта показывали в их сторону. Но они по-прежнему должны идти на зов Свежевателя-Тиратект. Сколько пройдет времени, пока кто-то высокопоставленный не решит, что можно пренебречь даже Призывом?

Он поднял парус.

Ветер подхватил катамаран, и они отошли от пирса. Странник прыгал туда и сюда, зажимая во ртах шкоты. Даже без Рама, сколько воспоминаний всколыхнул вкус соли и такелажа! Он на ощупь помнил, где натянуть, а где дать слабину, чтобы взять от ветра все, что можно. Корпуса катамарана были узкими и быстрыми, поскрипывала мачта железного дерева под напором дующего в парус ветра.

Свежеватели уже бежали по холму вниз. Лучники остановились, и взлетела туча стрел. Странник дернул шкоты, уводя лодку влево. Описатель метнулся прикрыть чужака. Вода перед

ними со стороны штирборта закипела, но в лодку попала только пара-тройка стрел. Странник снова дернул шкоты, ведя лодку зигзагом. Еще несколько секунд — и они уйдут из-под выстрелов. Солдаты бросились на пирс и завизжали, увидев, что осталось от корабля. Носовые ряды затонули, весь передний ряд лодок ушел под воду. А катапульты были на них.

Странник направил лодку точно на юг, к выходу из гавани. Справа по борту были видны южные вершины Скрытого Острова. Он знал, что там стоят мощные катапульты, а в гавани острова — быстроходные суда. Еще несколько минут — и это будет не важно. До него только сейчас стало доходить, насколько проворна его лодка. Надо было сообразить сразу — лучшую лодку ставят в носовой ряд с краю. Для разведки и преследования.

Джакерамафан сбился грудой в своем корпусе, глядя поверх воды на материковую гавань. В умопоглощающей толпе собрались на пирсе солдаты, рабочие, белые куртки. Даже отсюда было слышно, что пирс превратился в сумасшедший дом досады и бессильной злости. По Описателю расползалась глупая улыбка — до него начало доходить, что и в самом деле может выйти. Он перебрался через релинг, и элемент его подскочил в воздух, сделав оскорбительный жест в сторону берега. При этом он чуть не свалился за борт, но его увидели: дальний гнев на мгновение вспыхнул сильнее.

Сейчас они были южнее Скрытого Острова, и даже его катапульты не могли их достать. Стаи на материковом берегу скрылись из глаз. Все еще радостно трепыхалось на утреннем ветру личное знамя Свежевателя — мелькание красного и желтого на фоне лесной зелени.

Весь Странник смотрел на узкости, где Китовый Остров изгибается в сторону материка. Его Шрам помнил, что это горло было сильно укреплено. В обычных условиях им там и пришел бы конец. Но сейчас лучники были оттянуты на участие в засаде, а катапульты были в ремонте.

...и чудо свершилось. Они были живы и свободны, и с ними была величайшая находка всех его путешествий. Странник так заорал от радости, что Джакерамафан присел, а крик отразило эхо зеленых холмов с заснеженными вершинами.

5

Джефри Олсндот мало что запомнил о нападении, а резни не видел. Был какой-то шум снаружи, и перепуганный голос мамы крикнул, чтобы он не выходил. Потом было много дыма. Он помнил, как задыхался, кашляя, и пытался выбраться на чистый воздух. Потом потерял сознание. Когда очнулся, он был привязан к чему-то вроде медицинских носилок, а вокруг было полно каких-то тварей вроде больших собак. Таких смешных в своих белых куртках. Он еще подумал, где их хозяева. И они издавали странные звуки: бульканье, жужжание, шипение. Некоторые звуки были такими высокими, что он их еле слышал.

Сначала его везли на лодке, потом на тележке с колесами. До тех пор он видал замки только на картинках, но привезли его в настоящий замок, с темными нависающими башнями, остроугольными каменными стенами. Они поднимались по тенистым улицам, и камни постукивали под колесами. Собаки с длинными шеями его не обижали, но привязан он был ужасно туго. Ни сесть, ни посмотреть по сторонам. Он спрашивал про маму, папу и Джоанну и немножко плакал. Перед ним появилась длинная морда, в щеку ткнулся мягкий нос. Раздался жужжащий звук, отдавшийся глубокой вибрацией до самых костей. Он не знал, был этот жест утешением или угрозой, но вздохнул и попытался перестать плакать. Страумеру плакать не положено.

Собак в белых куртках стало больше, у них были какие-то глупые нашлепки из золота и серебра на плечах.

Носилки снова потащили, на этот раз по освещенному факелами туннелю. Остановились они у двустворчатой двери шириной в два метра и высотой еле-еле в метр. На белом дереве виднелись два металлических треугольника. Потом Джефри узнал, что это было число — пятнадцать или тридцать три, в зависимости от того, считать ногами или передними когтями. Много, *много* позже он узнал, что его пленитель считал ногами, а строитель замка — передними когтями. И его привели не в ту комнату. Ошибка, которая изменила историю миров.

Собаки как-то открыли дверь и втянули Джефри внутрь. Они столпились у носилок и мордами развязали путы Джефри. Сверкали ряды острых, как иглы, зубов. Очень громко звучали бульканье и жужжание. Когда Джефри сел, собаки попятились. Две из них держали двери, пока выходили остальные четыре. Двери захлопнулись, и цирковое представление окончилось.

Джефри долго смотрел на дверь. Он знал, что это не было цирковое представление, — эти вроде-собаки должны быть разумными. Как-то они смогли захватить врасплох родителей и сестру. *И где они теперь?* Он чуть не начал снова плакать. Возле звездолета он их не видел. Значит, их тоже захватили в плен. Они пленники в этом замке, но в разных камерах. Значит, надо как-то найти друг друга!

Он поднялся на ноги, его качнуло. Все вокруг еще пахло дымом. Не важно. Надо было начинать думать, как выбраться отсюда. Джефри обошел комнату. Она была большая и не походила на тюремную камеру, как их показывали в фильмах. Потолок был очень высок и сходился куполом. Его прорезали двенадцать вертикальных щелей. Сквозь одну из них проникал полосой солнечный свет и падал на обивку противоположной стены; в нем играли пылинки. Другого освещения в комнате не было, но в такой солнечный день и этого было более чем достаточно. По четырем углам комнаты наверху, где стены начинали загибаться в купол, нависали балконы с низким ограждением. Над каждым из них в стене была дверь. По сторонам каждого балкона висели тяжелые свитки, а на них было что-то написано — очень крупной печатью. Джефри подошел к стене и потрогал жесткую ткань. Буквы были *нарисованы*. Чтобы изменить показанное, надо было его стереть. Ух ты. Как в старые времена Ньоры, до Страумского царства!

Доска под свитками была черная, каменная, блестящая. Кто-то рисовал на ней мелом. Собаки из палочек были нарисованы грубо — как дети рисуют в детском саду.

Он застыл, вспомнив детей, оставшихся на борту корабля и на земле вокруг. Всего несколько дней назад он играл с ними в школе Верхней Лаборатории. Последний год выдался очень странный — скучный и полный приключений одновременно. В казармах, где все семьи жили

вместе, было весело, но у взрослых не было времени на игры. И ночное небо было совсем не такое, как на Страуме. «Мы за краем Края, — говорила мама, — и мы делаем Бога». Когда она сказала это первый раз, она смеялась. Потом люди это повторяли, и вид у них был все тревожнее и тревожнее. Последние часы были сумасшедшими — учебная тревога погружения в гибернаторы оказалась настоящей. И все его друзья остались в гибернаторах... Он заплакал в страшной тишине. Никто его не слышал, никто не мог помочь.

Потом он снова стал думать. Если собаки не пытались открыть гибернаторы, с друзьями ничего не случится. Если бы мама с папой могли объяснить этим собакам...

Странная мебель стояла в этой комнате: низкие столы и ящики, стойки, как детские тренажеры, — и все из того же белесого дерева, что и двери. Вокруг самого широкого стола лежали черные подушки. Он был усыпан свитками, покрытыми буквами и неподвижными рисунками.

Мальчик прошел вдоль всей стены — метров десять. Здесь кончался каменный настил пола. Там, где сходились стены, была клумба гравия два на два метра, и здесь был запах, сильнее запаха дыма. Запах санитарной комнаты. Джефри засмеялся: они и в самом деле были как собаки!

Обитые стены поглотили его смех. Что-то заставило Джефри посмотреть в другой конец комнаты. Он предполагал, что он здесь один. На самом же деле в этой «камере» было множество укрытий. Он на секунду задержал дыхание и прислушался. Все тихо... почти. На пределе слышимости, там, где не слышали ни папа, ни мама, ни даже Джоанна, что-то было.

— Эй, я знаю, что ты здесь! — резко крикнул Джефри, голос его сорвался на писк. Он сделал несколько шагов в сторону, пытаясь заглянуть за мебель, не приближаясь. Звук не смолкал, и было ясно, что Джефри слышал именно его.

Из-за тумбочки выглянула головка с большими темными глазами. Она была куда меньше, чем у тех, кто принес сюда Джефри, но форма морды была та же самая. Они посмотрели друг на друга, и Джефри осторожно двинулся навстречу. Щенок? Головка дернулась обратно, потом высунулась сильнее. Углом глаза Джефри заметил движение в

другом углу — из-под стола на него смотрела еще одна черная фигурка. Джефри застыл, пытаясь подавить страх. Но бежать было некуда, а эти странные звери помогут найти маму. Джефри встал на колено и медленно протянул руки:

— Ко мне... ко мне, собачка!

Щенок выполз из-под стола, не отрывая взгляда от руки Джефри. Восхищение было взаимным — щенок оказался потрясающе красив. Если вспомнить, сколько лет люди (и не только) разводили собак, это могла быть какая-то странная порода... но отличная. Шерсть короткая и густая — глубокий черно-белый бархат, и два цвета лежали пятнами, не смешиваясь, без серых переходов. Вся голова у щенка была черной, на холке черный и белый цвета сходились. Коротенький, далеко не пышный хвост прикрывал зад. На плечах и на голове были заметны лишенные волос пятна с черной кожей. Но самой странной деталью была длинная гибкая шея. Она больше подошла бы русалке, чем собаке.

Джефри пошевелил пальцами, и у щенка так расширилась глаза, что стал виден белок по краям радужки.

Что-то толкнуло Джефри под локоть, и он чуть не вскочил на ноги. Сколько их здесь! Вот еще двое подползли посмотреть на его руку. А там, где был первый, их теперь было трое, настороженно глядящих в его сторону. Но в них не было ничего враждебного или пугающего.

Один из щенков положил лапу на руку Джефри и осторожно надавил вниз. Одновременно другой вытянул морду и облизал Джефри пальцы. Язык был розовый и шершавый — такая длинная круглая штучка. Высокий плач стал сильнее, все трое подошли, хватая его пастями за руку.

— Осторожно! — сказал Джефри, отдергивая руку.

Он вспомнил, какие зубы у взрослых.

Воздух вдруг наполнился бульканьем и гудением. *Хм.* Это больше было похоже не на собак, а на птиц-глупышей.

Подошел еще один щенок. Протянув влажный нос к Джефри, он произнес: «Осторожно!», точно воспроизведя голос мальчика. Только пасть его была при этом закрыта. Потом он выгнул шею... чтобы его погладили? Джефри протянул руку. Какая мягкая шерсть! Гудение стало очень низким. Джефри ощущал его через мех. Но его испускало не

одно животное — звук шел отовсюду. Щенок повернулся, проведя мордой по руке мальчика. На этот раз Джефри позволил взять себя пастью за руку. Он отлично видел зубы, но щенок внимательно следил, чтобы они не коснулись кожи Джефри. Кончик морды ощущался как пара маленьких пальчиков, смыкавшихся и отпускавших его руку.

Еще трое поднырнули под другую руку, будто тоже хотели, чтобы их погладили. В спину Джефри тыкались носы, стараясь вытащить рубашку из штанов. Эти действия были на удивление координированны, будто за его рубашку схватились две руки человека. *Так сколько же их здесь?* На минуту Джефри забыл, где он, забыл, что нужно быть осторожным. Он перекатился на спину и стал гладить мародеров. Писк удивления раздался со всех сторон. Два щенка подползли под его локти, еще не меньше трех прыгнули ему на спину и стали тыкаться носами в шею и уши.

Джефри осенило то, что казалось гениальной догадкой: взрослые чужаки поняли, что он ребенок, только не знали, какого возраста. И поместили его в детский сад! А мама с папой, наверное, сейчас с ними договариваются. В конце концов все будет хорошо.

Властитель Булат выбрал себе имя не случайно. Булат, самый современный из металлов, булат, принимающий самую острую заточку и не теряющий ее никогда, булат, который можно раскалить докрасна, и он не поддастся, булат, из которого куется клинок для Свежевателя. Булат был созданной личностью, величайшим успехом Свежевателя.

В некотором смысле создание душ было делом не новым. В конце концов, подбор пород тоже создание душ, хотя и ограниченное грубыми физическими характеристиками. Даже селекционеры соглашались, что ментальные возможности стаи в различной степени исходят от ее членов. За красноречие почти всегда полностью отвечает одна пара или тройка, другая — за пространственное воображение. Еще более сложны добродетели и пороки. Ни одна из одиночных частей не является основным источником смелости или совести.

Вкладом Свежевателя в эту область — и в большинство других — была беспощадность, отрезание всего, кроме

действительно важного. Он бесконечно экспериментировал, отбрасывая все, кроме самых успешных результатов. Дисциплина, отбраковка, частичная смерть — это было не менее важно, чем разумный подбор членов стаи. Булата он создал после семидесяти лет экспериментов.

До того, как он смог взять себе имя, Булат годы провел в отбраковке, определяя, какие его части в комбинации дают желаемое. Если бы Свежеватель его не заставлял, это было бы невозможно. (Вот пример: если отбросить часть, которая отвечает за целеустремленность, как потом продолжить выведение?) Для создаваемой души процесс казался ментальным хаосом, лоскутным одеялом ужаса и беспамятства. За два года он пережил больше изменений, чем большинство народа за два столетия, и все они были направленными. Поворотный момент наступил, когда они со Свежевателем нашли тройку, снижавшую его мощь из-за совести и замедления интеллекта. Один из этой тройки служил мостом между двумя остальными. Когда его услали в молчание и заменили правильным элементом, дела пошли на лад. Дальше было проще, и Булат родился.

Когда Свежеватель отправился обращать Республику Длинных Озер, было естественно, что править центром его земель останется самое блестящее из его творений. И так было пять лет. За это время Булат не только сохранил построенное Свежевателем, но продолжил его начинания.

И сегодня, за один поворот солнца вокруг Скрытого Острова, он мог потерять все.

Булат вошел в зал заседаний и огляделся. Напитки были уже расставлены. Свет из щели в потолке попадал как раз туда, куда надо. У дальней стены стояла часть Теневика, его помощника. Булат сказал ей:

— Я буду говорить с гостем наедине.

Имя «Свежеватель» он произносить не стал. Белые куртки подался назад, и его невидимые части открыли дальние двери.

Пятерной — три самца, две самки — вошел в дверь, в солнечный прожектор. В нем не было ничего примечательного. Но Свежеватель никогда не имел внушительного вида.

Две головы поднялись затенить глаза остальных. Стая оглядела комнату и заметила Властителя Булата в двадцати ярдах от себя.

— А-а... Булат.

Голос был ласков, как скальпель, гладящий короткую шерсть у тебя на горле.

Когда другой вошел, Булат поклонился — формальный жест. От голоса же у него что-то вздрогнуло внутри, и он невольно припал животами к земле. Это был *его* голос! В стае был по крайней мере фрагмент исходного Свежевателя. Эполеты из золота и серебра, личное знамя — все это мог подделать любой безумец в самоубийственной браваде... Но эту повадку Булат помнил. Не удивительно, что появление этого другого нарушило сегодня дисциплину на материке.

Головы стаи, оказавшиеся на солнце, были лишены выражения. Но те, что были в тени... не улыбка ли на них играет?

— Где остальные, Булат? То, что случилось сегодня, — величайшая возможность за всю нашу историю!

Булат поднялся с животов и встал у ограждения.

— Господин! Сначала несколько вопросов, строго между нами двумя. Ясно, что в вас много от Свежевателя, но насколько много...

Второй теперь улыбался уже явно, покачивая головами в тени:

— Да, я знал, что мое лучшее творение мимо этого вопроса не пройдет. Сегодня утром я объявил себя истинным Свежевателем, улучшенным одной-двумя заменами. Истина же... тяжелее. Ты знаешь, что было в Республике.

Это была самая великая игра Свежевателя: сформировать целую нацию-государство. Миллионы умерли бы, но даже при этом слияний было бы больше, чем убийств. А в результате появился бы первый коллектив вне тропиков. И государство Свежевателя было бы не бессмысленной агломерацией, блуждающей в каких-то джунглях. Ее вершина была талантлива и безжалостна, как ни одна стая в истории. Против такой силы не устоял бы никто.

— Это был страшный риск ради величайшей цели. Но я принял меры. У нас были тысячи новообращенных, и мно-

гие не знали наших истинных целей, но были верны и самоотверженны — как и должны были быть. Я всегда держал поблизости специальную группу из таких. Политическая полиция умно сделала, натравив на меня свору — на меня, который создал своры. Конечно, мои телохранители были хорошо обучены. Когда нас поймали в ловушку в Амфитеатре Парламента, они убили по одному-двум элементам каждой из этих специальных стай... и меня просто не стало. Я растворился в трех обычных стаях, пытавшихся выбраться из кровавого болота.

— Но вокруг вас все погибли; свора не оставила живых.

Вроде-Свежеватель пожал плечами:

— Наполовину это пропаганда Республики, наполовину моя собственная работа. Я велел моим телохранителям зарубить друг друга, вместе со всеми, кто не был мной.

Булат чуть не выразил свое восхищение вслух. План, показывающий обычную для Свежевателя изобретательность и силу духа. При убийствах всегда есть шанс, что фрагменты смогут удрать. Ходили истории о вновь собравших себя героях. В реальной жизни такое случается куда реже, обычно тогда, когда силы жертвы могут поддержать лидера в процессе реинтеграции. Но Свежеватель запланировал такую тактику с самого начала, предвидя сборку самого себя в более чем тысяче миль от Длинных Озер.

И все же... Властитель Булат глядел на другого и рассчитывал. Думай о силе, а не о желании других, даже Свежевателя. В стае другого Булат узнал только двух. Самки и самец с белыми кончиками ушей взяты, наверно, от принесенного в жертву последователя.

— А остальные четверо из вас, сэр? Когда мы можем ожидать вашего полного присутствия?

Вроде-Свежеватель хмыкнул. Даже столь поврежденный, он хорошо понимал баланс сил. Почти как в старые добрые дни: когда двое ясно понимают, что такое сила и предательство, само предательство становится почти невозможным. Есть только упорядоченный ход событий, приносящий пользу тому, кто заслужил право править.

— У них тоже отличные... носители. Я создал детальные планы, три разных дороги, три разных набора агентов.

И я прибыл без приключений. Не сомневаюсь, что остальные тоже прибудут, максимум через несколько декад. А до тех пор... — он повернул голову к Булату, — до тех пор, дорогой мой Булат, я не претендую на полную роль Свежевателя. Раньше я это сделал для того, чтобы определить приоритеты, защитить этот фрагмент, пока я не буду собран. Но эта стая нарочно сделана с неполным умом; в качестве правителя моих прежних созданий она не выживет.

Булат удивился. План этой стаи с половиной мозгов был совершенным. Или почти совершенным.

— Итак, вы будете несколько ближайших декад держаться на заднем плане? Как пожелаете. Но вы объявили о себе как о Свежевателе. Как мне следует вас представить?

Второй не колебался:

— Тиратект, Свежеватель-В-Ожидании.

Шифр: 0

Получено: Передатчик Ретранслятор 03 на Ретрансляционной Сети.

Языковый путь: Самнорский — Трисквелин, СК: Устройства трансляции.

От: Страум Главный.

Тема: Архив, открытый в Нижнем Переходе!

Краткое содержание: Наши связи с Известной Сетью будут временно отключены.

Ключевые фразы: переход, хорошие вести, коммерческие возможности, проблемы связи.

Рассылка: Группа по интересам «Где они»

Группа по интересам «Хомо сапиенс»

Административная группа «Мотли Хэтч»

Передатчик Ретранслятор 03 на Сети Ретранслятора

Передатчик «Поющий ветер» на Дибли Даун

Дата: 11:45:20 по времени Доков, 01/09 52089 года Организации

Текст сообщения:

Мы гордимся возможностью заявить, что человеческая исследовательская корпорация из Страумского царства обнаружила доступный архив в Нижнем Переходе. Данное объявление не является объявлением о свершении Перехода или создании новой Силы. Мы задержали это объявление до тех пор, пока не

удостоверились в наших правах собственности и безопасности архива. Нами установлены интерфейсы, которые должны обеспечить взаимодействие архива с запросами стандартного синтаксиса Сети. В ближайшие несколько дней будет открыт коммерческий доступ. (Описание проблем составления расписания см. ниже.) Архив замечателен своей сохранностью, интеллектуальными возможностями и возрастом. Мы считаем, что в нем есть не содержащаяся нигде более информация о способах решения споров и межрасовых взаимодействиях, что внушает нам большие надежды. Следует заметить, что не требуется взаимодействие с какими бы то ни было Силами; ни одна часть Страумского царства не подверглась переходу.

Теперь плохие новости: схемы решения конфликтов и трансляции, к несчастью, подверглись кленирации [?] из-за армифлагии [?] на пути передачи. Подробности должны быть интересны для подписчиков группы новостей «Опасности линий связи» и будут сообщены в эту группу позднее. Но в течение не менее чем ста ближайших часов все наши связи (основные и вспомогательные) с Известной Сетью будут отключены. Входящие сообщения могут накапливаться в буфере, но их сохранность не гарантируется. Передаваться никакие сообщения не будут. Мы приносим извинения по поводу причиненных неудобств и принимаем меры для их скорейшего устранения.

Эти проблемы ни в коей мере не мешают торговле и коммерции. Страумское царство по-прежнему приглашает туристов и торговцев.

6

Оглядываясь на пройденный путь, Равна Бергсндот видела, что судьба библиотекаря была для нее неизбежной. Проведя детство на Сьяндре Кеи, она любила истории из Века Принцесс. Тогда были приключения, тогда были времена, когда несколько смелых Леди тащили человечество к величию. Они с сестрой много вечеров провели, играя в Двух Великих, спасающих Графиню Озера. Позже они поняли, что Ньора и ее Принцессы остались в туманном прошлом. Сестра Линн занялась более практическими веща-

ми. Но Равна мечтала о приключениях. До двадцати лет она думала об эмиграции в Страумское царство. И это было нечто вполне реальное. Вообразить только: новая и в основном человеческая колония, прямо в Вершине Края. И Страум принимал народ из материнского мира — всему предприятию еще не было и ста лет. Они и их дети будут первыми людьми в Галактике, перешагнувшими за пределы человеческой природы. Она может стать богом и быть богаче, чем миллион миров Края. Такая мечта была настолько реальной, что вызывала постоянные споры с родителями. Ибо там, где есть небеса, может быть и ад. Страумское царство почти коснулось Перехода, и тамошние люди «дразнят тигров за решеткой». Именно такими словами назвал это отец. Из-за этих споров они и разошлись на несколько лет. Потом, уже изучая кибернетику и прикладную теологию, Равна стала читать о старых ужасах. Может быть, может быть... надо быть чуть более осторожной. Лучше сначала оглядеться. И был способ заглянуть во все, что могли понимать люди в Крае: Равна стала библиотекарем. «Любительщина в крайнем выражении!» — дразнила ее Линн. «Верно, и что с того?» — огрызалась Равна, но мечта об эмиграции умерла в ней не совсем.

Жизнь на Сьяндре Кеи в университете Херте должна была бы полностью ей подходить. Здесь можно было жить счастливо целую жизнь, если бы в год окончания не случился конкурс «Прощание» Организации Вринимн. Приз — трехлетняя стажировка в архиве Ретрансляторов. Выиграть такой конкурс — это мог быть шанс всей жизни. После возвращения у нее было бы больше опыта, чем у любого местного академика.

Вот так и вышло, что Равна Бергсндот оказалась за двадцать тысяч световых лет от дома, на сетевом концентраторе миллионов миров.

Закат уже час как миновал, когда Равна плыла через городской парк к резиденции Гронлра Вринимикалира. На этой планете она бывала после прибытия в систему Ретрансляторов лишь пару раз. А в основном работала в самих архивах — за тысячу световых лет отсюда. В этой части

планеты сейчас стояла ранняя осень, хотя сумерки и заменяли истинные цвета серыми полосами. На высоте ста метров, где была сейчас Равна, в воздухе ощущалось дыхание будущего морозца. Под ногами у себя она могла рассмотреть огни пикников и поля для игр. Организация Вриними немного времени проводила на планете, но мир этот был красив. Глядя на темнеющую землю, Равна могла представить себе, что это ее дом на Сьяндре Кеи. Но если посмотреть в небо... вспомнишь, как далеко от дома — двадцать тысяч световых лет, и водоворот Галактики ввинчивается в зенит.

Этот водоворот в сумерках был не очень ярок и вряд ли станет ярче этой ночью — низко на западном небе группа заводов сияла ярче любой луны. Она сверкала бриллиантовым блеском звезд и лучей, иногда настолько ярким, что от гор парка падали к востоку мгновенные тени. Еще через полчаса взойдут Доки. Они не были так ярки, как заводы, но вместе они затмевали любой свет далеких звезд.

Равна пошевелилась в лямках антиграва, спускаясь ниже. Сильнее стал запах осени и костров. Вдруг вокруг нее зазвучал щелкающий калирский смех — она залетела в самую середину аэробольного матча. В ироническом жесте покаяния она развела руками и ушла с дороги игрока.

Путь через парк уже почти кончался, впереди было видно место ее назначения. Резиденция Грондра Вринимикалира была редкостью в ландшафте парка: узнаваемый дом. Его построили, когда Организация купила долю в работе Трансляционной Сети. С восьмидесяти метров дом виднелся прямоугольным силуэтом на фоне неба. При вспышке света заводов масляно отсвечивали гладкие стены. Грондр был начальником начальника ее начальника. За три года она говорила с ним два раза.

Больше медлить нельзя. Нервничая и любопытствуя, Равна спланировала ниже, и электроника дома провела ее по деревянной палубе ко входу.

Грондр Вринимикалир встретил ее с принятой в Организации вежливостью — общий знаменатель для нескольких рас Организации. Зал заседаний подходил и для лю-

дей, и для вринимийцев. Подали напитки, и последовали вопросы о работе Равны в архиве.

— Результаты неоднозначные, сэр, — честно ответила Равна. — Я многое узнала. Звание подмастерья дает все, что оно должно давать. Но я боюсь, что новое подразделение потребует дополнительного уровня индексации.

Все это было в рапорте, который старик мог бы сам прочесть.

Гронд потер рукой веснушки глаз.

— Да, ожидаемое разочарование. Эта экспансия выводит нас на предел наших возможностей управления информацией. Эграван и Дерхе (это были начальник и начальник начальника Равны) вполне удовлетворены ходом вашей работы. Вы приехали с хорошим образованием и быстро учились. Я считаю, что в Организации есть место для людей.

— Спасибо, господин Гронд.

Равна вспыхнула. Оценка Гронда, пусть высказанная между прочим, была для нее важна. А может быть, он имел в виду прибытие еще людей, может быть, еще до окончания ее стажа подмастерья. Не в этом ли причина сегодняшней беседы?

Она старалась не смотреть на собеседника. Она уже вполне привыкла к виду большинства представителей расы вриними. Издали калирцы казались гуманоидами. Вблизи различия были существенными. Раса эта развилась из чего-то вроде насекомых. При переходе к прямохождению эволюция выработала в теле опорные структуры, и снаружи оказалась комбинация личиночной кожи и бледного хитина. С первого взгляда Гронд казался ничем не примечательным экземпляром этой расы. Но когда он двигался, даже чтобы поправить одежду или почесать фасетки глаз, в его движениях была странная точность. Эграван говорил, что он очень, очень стар.

Гронд резко сменил тему:

— Вы знаете об... изменениях в Страумском царстве?

— Вы имеете в виду отключение Страума? Да.

Хотя мне странно, что ты это знаешь.

Страумское царство было значительной человеческой цивилизацией, но в масштабе передачи сообщений Ретрансляции было исчезающе малым.

— Прошу принять мое сочувствие.

Вопреки бодрым сообщениям со Страума, было ясно, что Страумское царство постигла абсолютная катастрофа. Почти каждая раса в конце концов попадала в Переход, чаще становясь, чем не становясь, сверхразумной — то есть Силой. Но сейчас стало ясно, что страумеры создали или пробудили Силу со смертоносными намерениями. Судьба их была ужасна, как все, что предсказывал когда-либо отец Равны. И теперь это несчастье ширилось, захватывая все, что было Страумским царством.

А Грондр добавил:

— Эти события повлияют на вашу работу?

Любопытнее и любопытнее. Она могла бы поклясться, что собеседник подошел к цели разговора. Это она и была?

— Вообще-то нет, сэр. Случай со Страумом — ужасный, особенно для человечества. Но мой дом — это Сьяндра Кеи. Страумское царство было нашей дочерней колонией, но у меня там родственников не было.

Хотя я сама могла бы там оказаться, если бы не мать с отцом.

Когда Страум-главный выпал с сети, до Сьяндры Кеи сорок часов не было доступа. Это ее очень беспокоило, поскольку обходные маршруты должны были выбираться и задействоваться немедленно. Но наконец связь была восстановлена — проблема оказалась в искаженных таблицах маршрутизации на альтернативном пути. Равна тогда ухнула половину годовых сбережений на немедленную двустороннюю связь. Линн и родители оказались живы-здоровы, падение Страума было новостью столетия для людей на Сьяндре Кеи, но это все равно была очень далекая катастрофа. Равна еще подумала, давали ли кому родители такой хороший совет, как ей!

— Да, да.

Он шевельнул частями рта, что было эквивалентно человеческому кивку. Голова его склонилась, так что теперь на нее глядели только периферические фасетки — этот мужик явно пребывал в нерешительности! Равна смотрела молча. Грондр Калир был, может быть, самым странным руководителем во всей Организации. Он был единственным, чья главная резиденция была на планете. Официаль-

но он руководил департаментом архивов. На самом деле он командовал Маркетингом Вриними (то есть разведкой). Говорили, что он бывал в Вершине Края, а Эграван утверждал, что у него искусственная иммунная система.

— Видите ли, катастрофа Страума сделала вас одним из самых ценных сотрудников Организации.

— Я... я не понимаю.

— Равна, слухи, ходящие в группе новостей «Угрозы», правда. У страумеров была лаборатория в Нижнем Переходе. Они играли с программами какого-то потерянного архива и создали новую Силу. Похоже, что это Отклонение Класса Два.

Отклонения Класса Два регистрировались на Известной Сети примерно раз в столетие. Такие Силы имели обычный «срок жизни» — примерно десять лет. Но у них была выраженная злая воля, и за десять лет они могли принести огромный вред. *Бедный Страум.*

— Итак, вы видите, какой огромный потенциал здесь есть для прибылей или убытков. Если катастрофа расширится, мы потеряем подписчиков сети. С другой стороны, все окрестности Страумского царства захотят узнать, что происходит. Это может поднять наш трафик сообщений на целые проценты.

Грондр изложил это более хладнокровно, чем ей могло понравиться, но в его словах был смысл. На самом деле возможность прибылей была тесно связана с укрощением Отклонения. Если бы она не закопалась так в архивную работу, она бы сама об этом догадалась. А теперь она думала об этом вот что:

— Здесь открываются и более многообещающие возможности. Исторически такие отклонения представляли интерес для других Сил. Они захотят получить входную информацию Сети и... информацию о создавшей расе.

Ее голос пресекся, когда она окончательно поняла причину сегодняшней встречи.

Части рта Грондра щелкнули в знак согласия.

— Разумеется. Мы на Ретрансляционной Сети занимаем отличную позицию для передачи новостей в Переход. И у нас есть собственный представитель человечества. За последние три дня мы получили десятки запросов от циви-

лизаций из Верхнего Края, некоторые из них утверждают, что представляют Силы. Такой интерес может означать серьезное увеличение дохода Организации в ближайшие десять лет.

Вы можете все это прочесть в группе новостей «Угрозы». Но есть еще одно, что я попрошу вас держать пока в секрете: пять дней назад в наш район вошел корабль из Перехода. Он утверждает, что управляется непосредственно Силой.

Стена над Грондром стала окном, показывающим гостя. Корабль был хаотичным собранием шипов и бугров. Линейка масштаба показывала, что он весь всего пять метров в диаметре.

У Равны зашевелились волосы на затылке. Здесь, в Среднем Краю, они должны быть в разумной степени защищены от капризов Сил. И все же... такой визит не может не нервировать.

— Чего он хочет?

— Информации о Страумском Отклонении. В частности, его интересует ваша раса. Он много бы дал, чтобы забрать с собой живого ее представителя...

Ответ Равны был резок:

— Меня это не интересует.

Грондр развел бледными руками. Свет мелькнул на гладком хитине пальцев.

— Возможность невероятная. Стажировка у богов. Он обещает взамен оставить здесь оракула.

— Нет!

Равна поднялась с места. Она была единственным здесь человеком, за двадцать тысяч лет от родного дома. В первые дни стажировки это ее пугало. С тех пор она завела себе здесь друзей, познакомилась с этикой Организации, научилась доверять этому народу почти так же, как людям на Сьяндре Кеи. Но... в этой части Сети был только один наполовину надежный оракул, и ему было почти десять лет. Эта Сила искушала Организацию Вринями баснословным богатством.

Грондр озабоченно щелкнул и махнул ей рукой, чтобы она опять села.

— Это всего лишь предложение. Мы не злоупотребляем властью над своими служащими. Если вы просто послужите нашим местным экспертом...

Равна кивнула.

— Отлично. Откровенно говоря, я не рассчитывал, что вы примете предложение. У нас есть более вероятный доброволец, но такой, который нуждается в обучении.

— Человек? Здесь?

Равна оставила в местной директории постоянный запрос на наличие других людей. За последние три года показались только трое, и все они были проездом.

— А давно он здесь? Или она?

Гронд сказал как-то посередине между смехом и улыбкой:

— Чуть больше столетия, хотя мы поняли это несколько дней назад.

Картинки над ним сменились. Равна узнала «чердак» Ретрансляционной Сети — место, где в нескольких световых секундах от архива болтались брошенные корабли и запчасти.

— Мы принимаем много одностороннего груза, доставленного в надежде, что мы его купим или перепродадим за процент.

Видоискатель приблизил покалеченный корабль, почти двести метров в длину, с осиной талией, поддерживающей двигатели. От шипов гипердвигателей остались одни пеньки.

— Грузовик? — спросила Равна.

— Драга. Ей около тридцати тысяч лет. И большую часть времени она была в глубоком проникновении в Медленную Зону и десять тысяч лет в Безмысленной Бездне.

Крупный план показал мелкую изрытость корпуса — результат тысячелетней релятивистской эрозии. Даже беспилотные, такие экспедиции были редкостью — корабль глубокого проникновения не мог вернуться к Краю за время жизни *расы* его строителей. Народ, зачинавший такие экспедиции, был несколько странноват. Народ, нашедший их результаты, мог получить солидную выгоду.

— Этот пришел из очень дальней дали, даже если он не собрал результаты других экспедиций. В Безмысленной Бездне он ничего интересного не видел — что неудиви-

тельно, если там отказывает даже простая автоматика. Большую часть груза мы продали сразу. Остальное каталогизировали и забыли... до этой истории со Страумом.

Развалины звездолета исчезли. Перед ними был медицинский дисплей, случайная сборка конечностей и частей тела. Были они очень похожи на человеческие.

— В одной солнечной системе у нижнего края Медленной Зоны драга нашла разрушенный корабль. На нем не было гипердвигателей — явно проект для Медленной Зоны. Солнечная система была необитаема. Мы считаем, что у корабля не выдержала конструкция или, возможно, на экипаж подействовала Бездна. Так или иначе, получилась замороженная мешанина.

Трагедия у края Медленности, тысячи лет назад. Равна с усилием отвела глаза от вида бойни.

— Вы думаете продать это нашему гостю?

— Даже лучше. Начав копать вокруг, мы обнаружили в каталогизации существенную ошибку. Один из мертвых почти не тронут. Мы подлатали его частями остальных. Вышло недешево, но в результате у нас получился живой человек.

Картинка снова мигнула, и Равна затаила дыхание. Части тела занимали свои места. Вот образовалось целое тело, слегка порванное на животе. Части складывались... это была не «она». Он плавал целый и обнаженный, как будто спал. Не было сомнений, что это человек, но все человечество Края восходило к ньоранскому племени. Этот же был совсем из другой линии. Кожа его была не коричневая, а дымно-серая. Волосы были рыжевато-каштановые — такие Равна видала только в картинах из доньоранской истории. Лицевые кости тоже были чуть-чуть не такие, как у современных людей. И эта небольшая разница поражала сильнее, чем явная чужеродность товарищей по работе.

Теперь фигура была уже одета. В другой ситуации Равна могла бы улыбнуться. Гронд Калир выбрал совершенно абсурдный костюм, что-то из ньоранской эры. На фигуру надели меч и пулевой пистолет. Спящий принц из Века Принцесс.

— Пред вами — человек, — сказал Гронд.

7

«Ретрансляторы» — распространенное название. Оно что-нибудь значит почти в любой среде. Как названия «Новый Город» или «Новый Дом», оно встречается повсюду, где люди строят колонии или участвуют в сети связи. Можно пролететь миллиард световых лет или миллиард лет и найти такие названия у всех рас с природным разумом.

Но в нынешнюю эру существовал экземпляр «Ретранслятора», известный более всех других. Этот экземпляр фигурировал в двух процентах списков маршрутизации всего трафика Известной Сети. Ретранслятор, находящийся в двадцати тысячах световых лет, был на прямой видимости от тридцати процентов Края, включая многие звездные системы у самого дна, где звездолет не мог двигаться быстрее светового года в день. Не хуже были расположены еще несколько имеющих металлы солнечных систем, поэтому существовала конкуренция. Но там, где другие цивилизации теряли интерес, уходили в Переход или погибали в апокалипсисе, Организация Вриними оставалась. На пятидесятой тысяче лет ее существования членами ее были несколько рас. Ни одна из них не сохраняла лидерство — но исходная точка зрения и правила оставались неизменными. Положение и длительность работы: Ретранслятор был главной средой связи с Магеллановым Облаком и одним из немногих сайтов, имеющих хоть какую-то связь с галактикой Скульптора.

На Сьяндре Кеи репутация Ретранслятора была баснословной. После двух лет стажировки Равна поняла, что реальность превосходит репутацию. Ретранслятор находился в Среднем Крае, и единственным предметом экспорта Организации была ретрансляция и доступ к местному архиву. А импортировала она самое тонкое биологическое и обрабатывающее оборудование из Верхнего Края. Доки Ретранслятора были роскошью, которую могли позволить себе лишь богатейшие. Они тянулись на тысячи километров: ангары, ремонтные доки, центры перевалки, парки и игровые площадки. Обитаемые станции побольше были даже на Сьяндре Кеи. Но Доки были не на орбите. Они парили в тысяче

километров над планетой на антигравитационной раме таких размеров, каких Равна никогда не видела. Годового дохода профессора на Сьяндре Кеи хватило бы на квадратный метр антигравитационной ткани — лоскут, который не продержался бы и года. Здесь же ее были миллионы гектаров, держащих миллиарды тонн. Только замена мертвой ткани требовала такого объема торговли с Верхним Краем, какой по плечу не всякому звездному кластеру.

А теперь у меня здесь свой офис. Работа под непосредственным руководством Грондра Калира давала особые права.

Равна откинулась в кресле и оглядела панораму центрального моря. На высоте Доков гравитация была примерно три четверти g. Над серединой платформы воздушные фонтаны создавали годную для дыхания атмосферу. Накануне Равна поплавала на парусной лодке по прозрачному до дна морю. Странное ощущение: под килем — облака планеты, над головой — фиолетовое небо и звезды.

Сегодня утром она устроила себе прибой — это просто, если подрегулировать антигравы бассейна. Еще пару недель назад ей бы такое во сне не приснилось. Пару недель назад она закапывалась в архив, довольная, что участвует в работе с одной из величайших баз данных Известной Сети. А теперь будто она прошла полный круг и вернулась к детским мечтам о приключении. Вот только иногда она чувствовала себя в этом приключении не героем, а негодяем: Фам Нювен был живой человек, а не товар для продажи.

Она встала и пошла навстречу рыжеволосому гостю.

Сейчас при нем не было меча и пистолета из придуманного Грондром костюма. Но его одежда была из плетеной ткани, как в древних авантюрных историях, и двигался он с ленивой уверенностью. После разговора с Грондром Равна прочитала кое-что по антропологии со Старой Земли. Рыжие волосы и черные глаза там были известны, хотя редко встречались у одного человека. А вот кожа цвета дыма была бы там примечательной. Этот человек был, как и она, продуктом послеземной эволюции.

Он остановился на расстоянии вытянутой руки от нее и улыбнулся до ушей:

— Вы очень похожи на человека. Равна Бергсндот?

Она ответила улыбкой и кивком:

— Господин Фам Нювен?

— Конечно. Мы с вами оба здорово умеем угадывать.

И он прошел мимо нее внутрь офиса. Самоуверенный парнишка.

Она пошла за ним, не уверенная, что так надо по протоколу. Впрочем, с собратом-человеком проблем не ждешь...

Вообще же беседа пошла на удивление гладко. С восстановления Фама Нювена прошло больше тридцати дней. Большую часть их он провел в напряженной зубрежке языка. Парень был на удивление талантлив, он уже бегло говорил на торговом трисквелине с простонародным акцентом. И еще он был здорово симпатичным. Равна уже два года как уехала с Сьяндры Кеи, и еще ей предстоял год стажировки. Она справлялась с этим отлично. Завела много близких друзей — Эграван, Сараль. Но от простого трепа с этим парнем вернулось прежнее чувство одиночества. В каком-то смысле он был ей более чужд, чем кто-либо на Ретрансляторе... и почему-то хотелось схватить его руками и стереть поцелуем эту нахальную улыбочку.

Грондр Вринимикалир говорил правду. Этот парень горел энтузиазмом насчет планов Организации на него! Теоретически это означало, что она может сделать свою работу с чистой совестью. На практике же...

— Мистер Нювен, моя обязанность — сориентировать вас в вашем новом мире. Я знаю, что последние несколько дней вас интенсивно инструктировали, но есть определенные лимиты скорости, с которой могут усваиваться подобные знания.

— Зовите меня Фам, — ухмыльнулся рыжий. — Это точно, я сейчас как слишком туго набитый мешок. Во сне все время слышатся голосочки. Я черт-те сколько узнал, ничего не испытав. Хуже того, я был мишенью для всего этого «образования». Если вринимийцы хотят меня надуть, лучшего способа не придумаешь. Вот почему я учусь пользоваться местной библиотекой. И вот почему я настаивал на встрече с кем-нибудь вроде вас.

Он заметил мелькнувшее на ее лице удивление.

— Ха! Вы этого не знали? Понимаете, разговор с реальным лицом даст мне шанс увидеть то, что заранее не пла-

нировалось. А кроме того, я всегда чертовски хорошо разбирался в людях и думаю, что вы для меня тоже не загадка.

По его ухмылке было видно, что он понимает, насколько раздражает Равну своими словами.

Равна подняла взгляд на зеленые лепестки прибрежных деревьев. Может быть, этот хмырь и заслуживает того, во что лезет.

— Значит, у вас большой опыт работы с людьми?

— Я много где был, даже с ограничениями Медленной Зоны, много где, Равна. Я знаю, что с виду не скажешь, но мне шестьдесят семь лет субъективного времени. Спасибо вашей Организации за отличное оттаивание. — Он приподнял несуществующую шляпу. — Я был программистом-оружейником в дальнем рейсе Кенг Хо... — Вдруг его глаза расширились, и он сказал что-то неразборчивое. На секунду у него появился почти несчастный вид.

Равна протянула к нему руку:

— Память?

Фам Нювен кивнул:

— Она, черт возьми. За это я не могу сказать спасибо вашему народу.

Фам Нювен был заморожен после насильственной смерти, а не в плановом порядке. Почти чудо, что Организация Вриними вообще смогла его восстановить — по крайней мере при технологии Среднего Края. Но с памятью вышло хуже всего. Химические основы памяти не выживают при хаотичном замораживании.

Такая ситуация могла заставить сжаться на пару размеров самомнение даже такого человека, как Фам Нювен. Равне стало его жаль.

— Вряд ли что-то утрачено совсем. Вы просто должны найти к некоторым вещам другой путь подхода.

— Ага, мне говорили. Начни с других воспоминаний, подойди в обход к тому, чего не можешь достичь впрямую. Ладно... это все лучше, чем быть мертвым.

Его нахальство вернулось, но не полностью — как раз до уровня истинного шарма. Они еще долго говорили, пока рыжий обходил моменты, которые он не мог «достичь впрямую».

И постепенно Равна стала ощущать нечто, чего никак не предполагала возможным в себе по отношению к выходцу из Медленной Зоны — *восхищение.* За время одной жизни Фам Нювен достиг всего, что возможно для разумного существа в Медленной Зоне. Равна всю свою жизнь испытывала жалость по отношению к заключенным там, как в тюрьме, цивилизациям. Они никогда не узнают славы, вряд ли они могут узнать и правду. Но этот парень за счет удачи, умения и чистой силы воли преодолевал барьер за барьером. Знал ли правду Гронд, когда нарисовал рыжего с мечом и пулевым пистолетом? Ведь Фам Нювен был варваром. Он родился в захудалом колониальном мире — он называл его Канберра. По описанию это место было очень похоже на средневековую Ньору, хотя там и не было матриархата. Он был младшим сыном короля. Вырос он среди мечей, яда и интриг, в каменном замке у холодного-холодного моря. Наверняка бы этот маленький принц был бы убит — или стал бы королем — если бы жизнь так и шла средневековым порядком. Но когда ему исполнилось тринадцать, все переменилось. В мир, где о радио и воздушных полетах только ходили легенды, пришли межзвездные торговцы. Через год торговли феодальная политика Канберры перевернулась вверх дном.

— Кенг Хо направил на Канберру экспедицию из трех кораблей. Они влипли, считая, что мы должны быть на более высоком уровне технологии. Снабдить их мы не могли, так что два звездолета остались на планете, и вывернули, наверное, мой несчастный мир наизнанку. Я отбыл на третьем — троянским конем под видом заложника, по дурацкому плану моего отца. Повезло мне, что меня в космос не выбросили.

Компания Кенг Хо состояла из нескольких сот кораблей с обычными двигателями и работала в районе, захватывавшем сотни световых лет. Их корабли развивали скорость чуть ли не до трети световой. В основном они были торговцами, иногда — спасателями, еще реже — завоевателями. По последним сведениям Фама Нювена, компания населила тридцать миров и работала уже три тысячи лет. Это была такая экстравагантная цивилизация, какая только может существовать в Медленной Зоне. И конечно, до

оживления Фама Нювена никто в Крае о ней даже не слышал. Кенг Хо была одной из миллионов обреченных цивилизаций, похороненной в глубине световых лет Медленной Зоны. Только крупное везение могло вывести их в Край, где можно двигаться быстрее света.

Но для тринадцатилетнего мальчика, рожденного в век мечей и кольчуг, Кенг Хо была такой переменой, какой редко кто из живших и живущих может испытать. За пару недель он из средневекового принца стал юнгой на звездолете.

— Сперва они не знали, что со мной делать. Предлагали засунуть меня в холодильник и выгрузить на следующей остановке. А что еще делать с пацаном, который твердо знает, что есть только один мир и он плоский? Который провел всю жизнь, изучая науку махать мечом?

Он резко замолчал, когда поток воспоминаний наткнулся на поврежденную территорию. Потом глаза его скользнули в сторону от Равны, а улыбка заиграла прежней самоуверенностью.

— Я был злобным зверем. Вряд ли вы, цивилизованные люди, понимаете, что это такое — вырасти среди теток и дядей, которые замышляют тебя убить, а тебя обучают их опережать. В цивилизации я встречал и больших негодяев — некоторые могли спалить целую планету и назвать это «умиротворением», — но такого чистой воды вероломства, как в детстве, я не видал никогда.

По рассказам Фама Нювена, лишь слепое везение спасло экипаж от его заговора. За последующие годы он научился приспосабливаться, приобрел навыки цивилизации. Должным образом укрощенный, он стал бы идеальным капитаном кораблей Кенг Хо. И стал, и был им много лет. В районе Кенг Хо была пара еще и других рас и несколько миров, колонизированных людьми. На скорости в три десятых световой Фам Нювен десятилетия проводил в гибернаторах, перелетая от звезды к звезде, потом год или два в порту, стараясь заработать на товарах и информации, которая могла уже намертво устареть. Но некоторой защитой ему служила репутация Кенг Хо. «Политика приходит и уходит, но Жадность пребывает вовеки» — таков был девиз флота, и они пережили большинство своих клиентов. Даже

религиозные фанатики старались не навлекать на себя возмездие Кенг Хо. Правда, чаще всего искусство и хитрость капитана спасали положение. И мало кто из капитанов мог сравниться в этом с мальчишкой, который жил в Фаме Нювене.

— Я был почти идеальным шкипером. Почти. Потому что мне всегда хотелось посмотреть, что там за краем изученного нами космоса. Каждый раз, когда я становился по-настоящему богат — так богат, что мог создать собственную флотилию, — подворачивался сумасшедший шанс, и я терял все. У меня была репутация самого большого дурака на всем флоте. То я веду пять кораблей, то в следующем рейсе сижу на обслуживающих программах у какого-нибудь проклятого рутинера. Поскольку в субсветовых путешествиях время растягивается, были целые поколения, которые знали меня как легендарного гения, — и другие, для которых мое имя было синонимом недотепы.

Он снова запнулся, и в глазах его сверкнуло приятное удивление.

— Ха! Я вспомнил, что делал там под конец. Это было как раз в недотепистой половине цикла, но не важно. Был это капитан двадцати кораблей, еще психованней меня... не могу вспомнить, как ее звали... ее? Быть не могло, у капитана-женщины я никогда не служил.

Он уже говорил наполовину сам с собой.

— В общем, этот парень готов был поставить *все* на такой шанс, который нормальные люди обсуждают разве что за пивом. Корабль у него назывался — как же это перевести? — вроде «Дикий гусь». Можете себе представить, что это был за капитан. Он считал, что где-то во вселенной должна быть высокотехнологичная цивилизация. Вопрос в том, чтобы ее найти. Он даже каким-то странным образом догадался насчет Зон. Проблема была в том, что он был недостаточно сумасшедшим и одну маленькую штуку он понял неправильно. Какую, догадываетесь?

Равна кивнула. Учитывая, где нашли разбитый корабль Фама, это было очевидно.

— Ага. Спорить могу, что сама идея старше космофлота: «старшие расы» должны быть ближе к ядру галактики, где звезды теснее и энергию можно черпать из такой экзо-

тики, как черные дыры. И туда он поволок всю свою двадцатку. Они собирались идти вперед, пока не найдут кого-нибудь или не будут вынуждены остановиться и основать колонию. Капитан считал, что успех за время нашей жизни маловероятен. Но если хорошо спланировать, мы сможем найти тесно забитый звездами регион и основать новую Кенг Хо — а она пойдет дальше.

В любом случае мне повезло, что меня взяли на борт хотя бы программистом, — все, что можно было знать обо мне плохого, этот капитан знал.

Экспедиция длилась тысячу лет, прошла путь в двести пятьдесят световых лет к ядру галактики. Кенг Хо была ближе ко дну Медленной Зоны, чем Старая Земля, и оттуда они еще пошли внутрь. И все равно им не повезло, что они напоролись на край Бездны после всего двухсот пятидесяти световых лет. «Дикий гусь» терял контакт с кораблями один за другим. Иногда это случалось без предупреждения, иногда была видимость сбоя компьютеров или грубой ошибки. Выжившие смотрели на эту картину и считали, что отказывают обычные компоненты. И никто, конечно, не связал проблему с *регионом космоса.*

— Мы сбросили скорость, нашли солнечную систему с полуобитаемой планетой. Всех остальных мы растеряли начисто. Что мы делали... не могу ясно вспомнить. — Он сухо рассмеялся. — Наверное, мы были точно на грани, шатаясь где-то в районе коэффициента интеллекта 60. Помню, как дурачились с системой жизнеобеспечения. Наверное, поэтому и погибли.

Он глянул грустно и с недоумением. Потом пожал плечами:

— А потом я проснулся в нежных тисках Организации Вриними, тут, где можно путешествовать быстрее света и где виден край самих Небес.

Равна минуту помолчала, глядя на берег с прибоем. Разговор длился довольно долго. Солнце заглядывало под лепестки деревьев, свет разливался по офису. Понимает ли Грондр, что у него в руках? Почти все, приходящее из Медленной Зоны, имеет коллекционную ценность. Но Фам Нювен — явление уникальное. Он лично пережил больше, чем целые цивилизации, и он заходил глубоко в Бездну. Теперь понятно, почему он смотрит на Переход и называет

его Небесами. Это не наивность и не ошибка образовательной программы Организации. Фам Нювен прошел через два барьера, изменивших его полностью — от дикаря до звездного путешественника и от звездного путешественника до жителя Края. Каждый из этих прыжков невозможно вообразить. Теперь он видел, что возможен еще шаг, и полностью был готов себя продать, чтобы его сделать.

Так чего же мне рисковать своей работой и его переубеждать?

Но ее рот уже жил собственной жизнью.

— А зачем торопиться с Переходом, Фам? Разберитесь сначала, что есть здесь, на Краю. Вас с радостью примут почти в любой цивилизации. А в людских мирах вы станете чудом века.

Отблеском доньоранского человечества.

Местные группы новостей на Сьяндре Кеи считали, что Равна проявила дикое честолюбие, приняв стажировку за двадцать тысяч световых лет от дома. Вернувшись, она сможет выбирать работу Действительного Академика в любом из десятков миров. По сравнению с судьбой Фама Нювена это просто ерунда. Есть народы столь богатые, что просто будут готовы *подарить* ему целый мир, лишь бы он остался.

— Вы сможете сами назвать цену.

Ленивая улыбка рыжего стала шире.

— Да, понимаете, я уже ее назвал, и вроде бы вринимийцы на нее согласны.

«Хорошо бы в самом деле что-нибудь сделать с этой улыбкой», — подумала Равна. Билет Фама Нювена в Переход был оплачен внезапным интересом какой-то Силы к Страумскому Отклонению. И «я» этого простака могло закончить свою жизнь в миллионах кубов смерти, управляя миллионом миллионов процессов моделирования человеческой натуры.

Грондр позвонил через пять минут после ухода Фама Нювена. Равна знала, что Организация будет подслушивать, и она уже говорила Грондру о своих опасениях по поводу этой «продажи» разумного существа. И все же при виде Грондра она слегка занервничала.

— Когда он собирается к Переходу?

Грондр протер фасетки. Кажется, он не сердился.

— Не в ближайшие десять или двадцать дней. Сила, которая его покупает, ѐще более заинтересована в изучении наших архивов и наблюдении за тем, что проходит через Ретранслятор. И еще... несмотря на весь энтузиазм этого человека, он на самом деле крайне осторожен.

— Вот как?

— Да. Он настоял на изучении библиотеки и разрешении бродить по системе, где хочет. Болтает со случайно выбранными сотрудниками по всем Докам. Особенно он настаивал на разговоре с вами. — Части рта Грондра щелкнули в улыбке. — Не бойтесь говорить ему все, что думаете. В основном он вынюхивает скрытый яд. Если он услышит от вас горькую правду, станет нам больше доверять.

Теперь до нее стала доходить причина уверенности Грондра. Этот чертов Фам Нювен все-таки здорово твердолоб.

— Да, сэр. Он просил меня сегодня вечером показать ему иностранный квартал.

Как вам хорошо известно.

— Отлично. Хотел бы я, чтобы все дело прошло так же гладко.

Грондр повернулся так, что теперь на Равну глядели только боковые фасетки. Вокруг него повсюду были дисплеи состояния коммуникаций Организации и операций баз данных. По тому, что видела Равна, работа шла интенсивная.

— Может быть, мне не стоило бы поднимать этот вопрос, но есть вероятность, что вы сможете помочь. Дело идет очень живо. — Не похоже было, что Грондру приятно сообщать хорошие новости. — Тут девять цивилизаций с Вершины Края запрашивают широкополосную передачу данных. С этим мы справимся. Но та Сила, что послала сюда корабль...

Равна перебила его не думая — еще несколько дней назад она бы побоялась это сделать.

— А кстати, кто это? Не может ли оказаться, что мы играем со Страумским Отклонением?

Мысль, что *это* заполучит рыжего, заставила ее похолодеть.

— Нет, если оно не одурачило и все остальные Силы. У нас в маркетинге мы называем нашего гостя «Старик». Это несколько шутливо, но тем не менее правда. Мы его знаем одиннадцать лет.

Никто не знал реальное время жизни Перешедших, но редко какая Сила держала связь более пяти или десяти лет. Они теряли интерес, или становились чем-то другим, или умирали на самом деле. Объяснений было миллион, и тысячи их можно было заподозрить в том, что они исходят от самих Сил. Равна подозревала, что объяснение на самом деле простейшее: разумность — служанка гибкости и перемены. Неразумные животные могут изменяться лишь со скоростью эволюции. Люди и эквивалентные им расы, выйдя на разбег технологий, выходят на границы своих зон за тысячелетия. В Переходе сверхчеловечность может возникнуть так быстро, что ее создатели будут уничтожены. Не удивительно, что исчезают и сами Силы.

Поэтому называние одиннадцатилетней силы словом «Старик» было вполне разумно.

— Мы считаем, что Старик — это вариант типа 73. Они редко бывают злонамеренными. Но теперь он причиняет нам существенные неудобства. На двадцать дней он монополизировал огромный и все возрастающий процент полосы частот Ретранслятора. С момента прибытия корабля он не слезает с архива и наших локальных сетей. Мы просили Старика отправлять несрочные данные кораблем, но он отказался. Сегодня стало еще хуже. Почти пять процентов ретранслятора обслуживают только его. И это создание передает информации почти столько же, сколько получает.

Это и в самом деле странно, но...

— Он же платит за это дело, разве нет? Если Старик платит вашу цену, что же вас беспокоит?

— Равна, мы надеемся, что наша Организация будет работать еще много лет, когда Старика давно уже не будет. И нет ничего, что он мог бы нам предложить на все это время.

Равна кивнула. На самом деле была некоторая «магическая» автоматика, которая могла здесь работать, но ее долговременная эффективность сомнительна. А тут дело

коммерческое, а не упражнение по курсу прикладной теологии.

— Старик легко может перебить любое предложение с Середины Края. Но если мы дадим ему весь сервис, который он запрашивает, для остальных клиентов мы станем практически не функционирующими — а это тот народ, от которого мы будем зависеть потом.

Образ Гронда сменился отчетом доступа к архиву. Этот формат Равна знала и сразу увидела, что жалоба Гронда бьет точно в цель. Известная Сеть — явление огромное, иерархическая анархия, соединяющая сотни миллионов миров. И все же даже у главных магистралей была полоса частот будто из Века Земли; простой наручный компьютер на локальной сети справлялся бы лучше. Вот почему весь трафик вокруг Архива был в основном локальный — с информационных кораблей, приходящих в систему Ретранслятора. Но теперь... за последние сто часов удаленный доступ к архиву превзошел местный и по числу запросов, и по объему данных! И девяносто процентов этих запросов шла с одного счета — счета Старика.

За кадром продолжал звучать голос Гронда.

— Нам пришлось полностью выделить для этой Силы один из передатчиков хребтовой сети... Откровенно говоря, больше нескольких дней нам такой режим не выдержать. Итоговые расходы будут слишком велики.

На экране снова появилось лицо Гронда.

— В общем, я думаю, что вы видите: сделка насчет варвара — самая мелкая из наших проблем. Последние двадцать дней принесли дохода больше, чем последние два года — куда больше, чем мы можем верифицировать и освоить. Наш собственный успех поставил нас под угрозу.

Он сделал ироническую улыбку-гримасу.

Еще пару минут они поговорили о Фаме Нювене, затем Гронд отключился. Равна пошла погулять на свой пляж. Солнце уже опустилось за горизонт, и песок приятно грел ноги. Доки облетали планету примерно по сороковой северной параллели за двадцать часов. Равна подошла вплотную к прибою, к выглаженному и мокрому песку. Морской туман влажно холодил кожу. Над белыми вершинами

голубое небо быстро меняло цвет через индиговый на черный. В нем двигались серебряные искорки — антигравитационные двигатели несли корабль к Докам. Все это было баснословно, неимоверно дорого. Поначалу Равна была просто ошеломлена. Но теперь, после двух лет стажировки на Ретрансляторе, она поняла смысл этого. Организация Вриними хотела дать понять всему Краю, что у нее хватит ресурсов на удовлетворение любых требований к связи или архиву. И еще она хотела создать у Края впечатление, что у нее есть тайные дары от Перехода — дары, которые могут сильно осложнить жизнь возможному агрессору.

Равна любовалась на брызги, чувствуя, как они оседают на ресницах. Значит, у Гронда возникла серьезная проблема — попробуй сказать Силе «пойди, погуляй!». А Равне Бергсндот следовало беспокоиться только о слишком самоуверенном олухе, который чертовски решительно рвался к самоуничтожению.

Равна повернулась и пошла вдоль воды. Каждая третья волна заливала ей щиколотки.

Равна вздохнула. Фам Нювен, безусловно, олух... но такой, который вызывает восхищение. Разумом она всегда знала, что нет разницы между возможной разумностью жителей Края и первобытных дикарей Медленной Зоны. В зоне Края лучше работала почти вся автоматика; были возможны путешествия со сверхсветовой скоростью. Но построить истинно сверхчеловеческий разум — для этого надо уйти в Переход.

Так что ее не должно удивлять, что Фам Нювен оказался способным. Очень способным. Трисквелин он выучил с неимоверной легкостью. Она нисколько не сомневалась, что он был капитаном, как он сам заявил. А быть торговцем в Медленной Зоне, рисковать столетиями среди звезд, чтобы прибыть к цивилизации, которая могла за это время погибнуть или стать смертельно враждебной всему внешнему... такую смелость трудно было вообразить. Она понимала: он мог считать путь к Переходу очередным трудным приключением. Всего за двадцать дней он должен был усвоить целую новую вселенную. Ему просто не хватило времени понять, что правила меняются, когда игроки — более чем люди.

Что ж, у него есть еще несколько дополнительных дней. Он может передумать. И теперь, после разговора с Гронд-ром, она не будет чувствовать себя в этом виноватой.

8

Иностранный квартал занимал примерно треть Доков. Он граничил с безвоздушной периферией — где причаливали корабли — и тянулся внутрь до секции центрального моря. Организации Вриними удалось убедить значительное число рас, что это — жемчужина Срединного Края. Кроме грузового движения, здесь были еще и туристы — самые богатые существа во всем Крае.

На эти развлечения Фаму Нювену был выдан картбланш. Равна провела его по наиболее зрелищным, в том числе по прыжкам на антигравах над Доками.

— Я видал там, в Медленной Зоне, конструкции и побольше.

Черта с два ты видал такие, что не плавали бы в гравитационном колодце планеты.

Вечер длился, и Фам Нювен становился мягче. По крайней мере его комментарии стали более одобрительными и менее едкими. Он хотел видеть, как живут в Крае настоящие торговцы, и Равна показала ему биржи и локальные сети торговли.

Программа закончилась в «Бродячей компании» после полуночи по времени Доков. Это не была территория Организации, но у Равны было здесь одно из любимых мест — уютная забегаловка, привлекающая торговцев отовсюду — от Вершины до Дна. Интересно, как воспримет оформление Фам Нювен? Бар был оформлен как зал заседаний какого-нибудь мира Медленной Зоны. Над полом висела в воздухе трехметровая модель старого корабля. На каждом углу и на каждом стыке корабля светились сине-зеленые поля двигателей, и странный этот свет падал на сидящих внизу.

Равна воспринимала стены и полы как сложенные из грубо тесанных тяжелых бревен. Люди того же народа, что

и Эграван, видели каменные стены и узкие туннели — архитектура, которой придерживалась его раса в давних завоеваниях. Трюк этот был оптический, не ментальный, и один из лучших, который можно сделать в Середине Края.

Равна и Фам шли между широко расставленными столами. Звук у владельцев получался не так хорошо, как изображение, — музыка была причудливой и менялась от стола к столу. Менялись и запахи — и были, пожалуй, слишком сильными. Управление вентиляцией очень старалось, чтобы все дышали хотя бы здоровым, если не привычным, воздухом.

Сегодня погребок был забит. В конце зала были заняты уголки со специальной атмосферой: низкое давление, высокое давление, насыщение окислами азота, аквариумы. В зонах с турбулентной атмосферой клиенты смотрелись размытыми пятнами.

Кое в чем это место было неотличимо от какого-нибудь портового бара на Сьяндре Кеи. Но... но это был Ретранслятор. Сюда приезжали жители Верхнего Края, которые никогда бы не заглянули в захолустье, подобное Сьяндре Кеи. Большинство Верхних выглядело не слишком странно: почти все цивилизации Вершины развивалась из колоний снизу. Но наголовные их повязки не были украшением. Связи «мозг-компьютер» в Среднем Крае не работали, но Верхние их все равно не снимали.

Равна направилась к группе трехногих с наголовными повязками и их машинам. Пусть Фам Нювен поговорит с существами, балансирующими на грани трансразумности.

Неожиданно для нее он взял ее за руку и потянул назад.

— Давайте еще немного походим вокруг. — Он оглядел зал, будто ища знакомое лицо. — Давайте сначала найдем еще людей.

Когда в экспресс-образовании Фама Нювена обнаруживались пробелы, они были шире пропасти.

— Еще людей? Здесь, на Ретрансляторе, из людей только мы, Фам.

— А эти друзья, о которых вы мне рассказывали? Эграван, Сараль?

Равна только покачала головой. Какую-то секунду варвар выглядел очень незащищенно. Ведь Фам Нювен про-

вел жизнь, переползая на субсветовой между колонизированными людьми звездными системами. Равна знала, что за всю свою жизнь он видел только три расы, отличные от людей. Теперь он потерялся в море чужаков. Свое сочувствие Равна приберегла для себя: это зрелище могло подействовать на парня больше, чем все ее аргументы.

Но минута прошла, и он снова заулыбался:

— Тем интереснее приключение.

Они миновали главный зал и прошли мимо отсеков со специальной атмосферой.

— Да уж, как бы это все понравилось Кенг Хо!

Людей все равно нет нигде, а «Бродячая компания» — самое уютное место встреч, которое знала Равна. Большинство клиентов Организации встречалось только в Сети. Равна ощутила прилив тоски по дому. На втором этаже ее внимание привлек знакомый вымпел. Такой она уже видела дома, на Сьяндре Кеи. Равна потянула Фама Нювена за собой через весь зал и побежала по бревенчатой лестнице.

Сквозь стоявший гул она расслышала высокое щебетанье. Не на трисквелине, но слова имели смысл! Всех Сил ради, это был самнорский!

— Я точно не ошибаюсь, передо мной хомо сап! Прошу вас сюда, миледи.

Равна пошла на голос в сторону вымпела.

— Разрешите сесть за ваш стол? — спросила она, наслаждаясь вкусом родного языка.

— Сделайте одолжение.

Обладатель щебечущего голоса был похож на небольшое декоративное дерево, поставленное на шестиколесную тележку. Тележка была украшена полосами и кистями, на ее площадке размером сто пятьдесят сантиметров на сто двадцать была та же эмблема, что и на вымпеле. Это создание было наездником большой тележки. Его раса вела торговлю почти во всем Среднем Крае, в том числе и на Сьяндре Кеи. Высокий голос наездника исходил из вокодера. Но самнорская речь была роднее всего, что последние годы Равне приходилось слышать. Даже учитывая ментальные странности наездников, Равна ощутила прилив горячей ностальгии — как бывает, когда встретишь одноклассника в далеком городе.

— Меня зовут... — раздалось шуршание жестких листьев, — но вы можете называть меня Синяя Раковина. Приятно встретить знакомое лицо, хахаха.

Синяя Раковина произносил смех, как слова. Фам Нювен сел рядом с Равной, но не понимал на самнорском ни слова, и потому эмоциональный смысл начала беседы от него ускользнул.

Наездник перешел на трисквелин и представил своих четырех спутников: еще одного наездника и трех гуманоидов, которые явно предпочитали держаться в тени. Никто из гуманоидов на самнорском не говорил, но зато их язык был в одном прыжке трансляции от трисквелина.

Эти наездники были владельцами и звездолетчиками небольшого межзвездного торгового корабля под названием «Внеполосный-2». Гуманоиды сопровождали часть груза.

— Мы с подругой занимаемся этим делом уже две сотни лет. И нам очень приятно всегда было работать с вашей расой, миледи. Мы свои первые рейсы делали между Сьяндрой Кеи и Форсте Утгрепом. Ваш народ — прекрасные клиенты, и никогда у нас не было неудачных операций...

Он откатил тележку от стола и подкатил снова — эквивалент легкого поклона.

Конечно, не все было так ослепительно. Заговорил один из гуманоидов. Такие звуки вполне могли исходить из человеческого горла, хотя и не имели смысла. Несколько мгновений транслятор дома обрабатывал эту речь. Потом из броши на куртке говорящего донесся голос на чистом трисквелине:

— Синяя Раковина утверждает, что вы — представители вида хомо сапиенс. Знаю, что у вас есть единство. Мы разорены и почти удушены злым созданием вашей расы. Страумским Отклонением.

Слова звучали совершенно бесстрастно, но Равна видела, как напряжена поза гуманоида, как вертят бокал его пальцы.

При таком отношении бесполезно было говорить, что Сьяндра Кеи находится за двадцать тысяч световых лет от Страума.

— Вы сюда из Страума? — спросила она наездника.

Синяя Раковина ответил не сразу. Это было свойственно его расе — он пытался вспомнить, кто такая Равна и о чем она говорит. Потом сказал:

— Да, да. Прошу вас извинить враждебность моих сертификантов. Наш главный груз — одноразовая криптографическая память. Источник — служба коммерческой безопасности Сьяндра Кеи, получатель — Дальняя Колония моих сертификантов. Организация обычная: мы везем одну треть объединяемой информации. Остальные две везут два независимых перевозчика. На месте назначения все три части объединяются. В результате можно будет обслужить криптографические потребности десятков миров на Сети...

Внизу возникла заварушка. Кто-то курил что-то слишком сильное для воздухоочистителей. Равна уловила дуновение запаха — достаточное, чтобы перед глазами поплыло. Несколько посетителей на первом этаже отключились. Менеджеры посоветовали клиенту-нарушителю прекратить. Синяя Раковина издал резкий звук, выкатился из-за стола и подъехал к ограждению.

— Не хочу, чтобы меня поймали врасплох. Люди любой расы бывают так неожиданны...

Когда все улеглось, он вернулся за стол.

— Да, на чем я остановился? — Он замолчал и справился с встроенной в его тележку кратковременной памятью. — Ах да. Мы могли бы стать сравнительно богатыми, если бы наши планы сбылись. К сожалению, мы сделали заход на Страум для сброса некоторой массы данных.

Он повернулся на месте на четырех задних колесах.

— Ведь это наверняка было безопасно? Страум лежит в ста световых годах от этой лаборатории в Переходе. И все же...

Один из сертификантов перебил его резким гоготом. Через секунду подключился транслятор здания:

— Да, это должно было быть безопасно. Мы не видели признаков насилия. Регистраторы корабля показывали, что наши системы защиты не взломаны. Но теперь ходят слухи. Сетевые группы заявляют, что царство Страум захвачено отклонением. Абсурд. Но эти слухи дошли по сети до места нашего назначения. Нашему грузу не доверяют, зна-

чит, он ничего не стоит. Теперь это всего лишь несколько граммов носителя данных, забитые случайным мусо...

Транслятор еще договаривал монотонным голосом, а гуманоид резко выдвинулся из тени. Равна увидела мелькнувшую челюсть с острыми деснами. Гуманоид бросил свой бокал на стол прямо перед ней.

Мелькнула рука Фама Нювена, поймавшая бокал раньше, чем он упал на стол, — раньше, чем Равна успела сообразить, что произошло. Рыжий медленно встал. Из тени возникли еще два гуманоида на помощь своему другу. Фам Нювен не говорил ни слова. Он лишь поставил бокал на стол и чуть подался к первому гуманоиду. Руки его висели свободно, но были похожи на клинки. Как в дешевых книжках пишут — «выглядели смертельной угрозой». Равна не ожидала увидеть это в жизни. Но и гуманоиды это заметили. И оттянули своего приятеля прочь от стола. Он не сопротивлялся, но, оказавшись вне пределов досягаемости рук Фама, взорвался руладой писка и шипения, от которой транслятор здания замолчал намертво. Потом гуманоид сделал резкий жест тремя пальцами и замолчал. Все трое молча пошли вниз по лестнице и на улицу.

Фам Нювен сел. Выражение его спокойных серых глаз не изменилось ни на миг. Может, у этого типа и есть основания для самоуверенности!

Равна перевела взгляд на наездников.

— Мне очень жаль, что ваш груз утратил ценность.

В прошлом Равна встречалась только с наездниками малых тележек, рефлексы которых были лишь кое-как приспособлены к чему-то за пределы их растительной генетики. Может быть, эти двое вообще не заметили происшедшей интермедии? Но Синяя Раковина отозвался немедленно:

— Не стоит извинений. С самого нашего прибытия эта троица только и делает, что жалуется. Хоть они и партнеры по контракту, я от них очень устал.

Он снова впал в режим растения в горшке.

Через секунду заговорил второй наездник — кажется, Зеленый Стебель?

— И к тому же наше коммерческое положение может оказаться не совсем проигранным. Я уверена, что ос-

тальные две трети поставки близко не подходили к царству Страум.

Это была обычная процедура. Каждая часть поставки перевозилась своей компанией-перевозчиком. Если остальные две трети окажется возможным сертифицировать, команда «Внеполосного» может оказаться не с пустыми руками.

— В конце... концов может выйти так, что мы получим полную сертификацию. Да, мы заходили на Страум-главный, но...

— Как давно вы оттуда ушли?

— Шестьсот пятьдесят часов назад. Примерно через двести часов после того, как они выпали с Сети.

До Равны вдруг дошло, что она разговаривает с кем-то вроде очевидцев. Прошло тридцать дней, но события на Страуме обсуждались в основном в группе новостей «Угрозы». Все соглашались, что было создано Отклонение Класса Два — даже Организация Вриними в это верила. Но в основном все это строилось на догадках. А вот сидят два существа, которые в самом деле там были.

— Вы не считаете, что страумеры создали отклонение? Ответил Синяя Раковина.

— Увы, — сказал он. — Наши сертификанты это отрицают, но я усматриваю здесь долг совести. Мы в самом деле видели странные вещи на Страуме. Вы встречали когда-нибудь искусственные иммунные системы? Те, что могут работать в Среднем Крае, не стоят хлопот, так что, наверное, нет. В поведении некоторых официальных лиц Шифровальных Органов я сразу после победы Страума заметил реальную перемену. Выглядело это так, будто они вдруг стали частью плохо откалиброванной автоматики. Будто стали чьими-то... хм... пальцами. Невозможно сомневаться, что они возились с чем-то в Переходе. Они там что-то нашли — потерянный архив. Но дело не в этом.

Он надолго прервал свою речь. Равна уже думала, что он все сказал, как он заговорил снова:

— Видите ли, перед самым отлетом со Страума-главного мы...

Но теперь заговорил и Фам Нювен:

— Тут есть кое-что, что меня интересует. Все говорят так, будто это царство Страум было обречено в тот момент, когда начало исследования в Переходе. Вот послушайте. Мне случалось возиться с ошибочными программами и незнакомым оружием. Я знаю, что так можно погибнуть. Но вроде бы страумеры из осторожности поместили свою лабораторию куда как далеко. Они что-то строили, что могло пойти наперекосяк, но очевидно, что они ставили эксперимент — как вообще все делается в этих местах. Они могли прекратить работу, как только она пошла не по плану, в тот же самый момент. Как вышло, что они так пролетели?

Вопрос сбил ход мысли наездника. Не надо было быть доктором прикладной теологии, чтобы знать ответ. *Даже эти проклятые страумеры должны были его знать.* Но, учитывая биографию Фама Нювена, вопрос был разумен. Равна не стала раскрывать рот. Сама чужеродность наездника лучше убедит Фама, чем еще одна лекция Равны.

Синяя Раковина на мгновение расплылся, явно используя тележку для помощи в построении аргумента. Когда он заговорил снова, никакого раздражения от того, что его перебили, в голосе не было.

— Я слышу некоторые неправильные восприятия, миледи Фам. — Он явно применял это стародворанское вежливое обращение ко всем подряд. — Вы бывали в архивах Ретранслятора?

Фам подтвердил. Равна подумала, что вряд ли он когда-нибудь проходил дальше интерфейса для начинающих.

— Тогда вы знаете, что архив фундаментально обширнее базы данных на любой обычной локальной сети. С практической точки зрения большие архивы даже невозможно дублировать. Самые большие архивы ведутся миллионы лет, поддерживались за свою жизнь сотнями различных рас, большинство из которых вымерли или совершили Переход в Силы. Даже архив Ретранслятора запутан и так огромен, что приходится составлять многоэтажные системы индексирования. Такую массу можно хорошо организовать только в Переходе, и понять ее могут только Силы.

— И что?

— В крае тысячи архивов или десятки тысяч, если считать те, что впали в разрушение или ушли с Сети. Кроме

бесконечных банальностей, они содержат важные секреты и важную ложь. В них есть капканы и петли.

Миллионы рас забавлялись с советами, которые плыли по Сети, незапрошенные. Десятки тысяч сгорели в пламени пожара. Иногда ущерб бывал относительно невелик — добрые намерения, не вполне подходящие для среды назначения. Иногда информация была злонамеренной — вирусы, затыкавшие локальную сеть так тщательно, что целая цивилизация должна была начинать с нуля. В группах «Где они теперь» и «Угрозы» ходили рассказы и о худших трагедиях: планеты, увязшие в дублировании информации; расы, ставшие безмозглыми из-за плохо запрограммированных иммунных систем.

Фам Нювен держал на лице привычное скептическое выражение.

— Да просто проверять надо весь этот мусор на хорошо изолированном сайте. И быть готовым к местным катастрофам.

Равна не могла не восхититься наездником: он перешел к еще более элементарным вещам.

— Верно, простая осторожность позволяет предотвратить множество катастроф. И если ваша лаборатория находится в Среднем или Нижнем Крае, такая осторожность — это все, что на самом деле нужно, какой бы хитрой угроза ни была. Но все мы понимаем природу Зон...

Равна абсолютно не понимала язык тела наездника, но могла бы поклясться, что он изучает варвара, пытаясь определить глубину его невежества.

Человек нетерпеливо кивнул. Синяя Раковина говорил дальше:

— В Переходе по-настоящему сложное оборудование может работать с устройствами куда разумнее, чем любое из здешних. Конечно, почти любое экономическое или военное соревнование можно выиграть за счет соседства с такими превосходящими вычислительными мощностями. Теми, которые могут существовать в Вершине Края или в Переходе. Туда мигрируют все новые и новые расы, желая построить свои утопии. Но как вам поступить, если ваше новое создание умнее вас? Кажется, здесь неограниченные возможности для катастроф, даже если новая Сила не при-

чиняет вреда. И потому существует бесчисленное количество рецептов для безопасного использования преимуществ Перехода. Конечно, их негде эффективно проверить, кроме как в Переходе. А работая на устройствах, созданных по их описанию, рецепты эти сами становятся разумными существами.

На лице Фама Нювена забрезжил проблеск понимания.

Равна подалась вперед, переключая на себя внимание рыжего.

— В этих архивах есть сложные вещи. Ни одна из них не разумна, но у некоторых есть потенциал стать разумными, если какая-нибудь наивная по молодости раса поверит их обещаниям. Мы думаем, это и случилось в царстве Страум. Они прельстились документацией, которая обещала чудеса, их обманом уговорили построить существо за гранью Перехода, Силу — но такую, которая обрекла себе в жертву разумных существ Края.

Равна не стала говорить, насколько редки такие отклонения. Силы бывали разные — злонамеренные, игривые, безразличные, но практически все они находили лучшее применение своему времени, чем истребление тараканов.

Фам Нювен задумчиво почесал подбородок.

— Вроде бы понял. Но я еще понял, что это вроде бы здесь всем известно. Если это так смертельно опасно, как эти ребята из Страума в такое влипли.

— Невезение или преступная некомпетентность.

Равна сама удивилась, с какой силой вырвались из нее эти слова. Она и не знала, что ее так задела эта история в Страуме. Где-то в душе старые чувства к царству Страум еще не погасли.

— Вот смотрите. Работа в Верхнем Крае или в Переходе — всегда опасна. Цивилизации там долго не живут, но всегда находятся люди, которые хотят попытаться. Очень мало из угроз является активным злом. Что же случилось у страумеров? Они напоролись на рецепт, обещавший чудесное сокровище. Вполне возможно, он лежал там миллионы лет — другие считали слишком рискованным это пробовать. Вы правы, страумеры осознавали опасность.

Но это была классическая ситуация неверной оценки риска и неверного выбора. Почти треть всей прикладной

теологии была посвящена тому, как танцевать возле пламени и не сгореть. Деталей катастрофы на Страуме не знал никто, но можно было попытаться их восстановить по сотням подобных случаев.

— Поэтому они и построили базу в Переходе у этого потерянного архива — если это был потерянный архив. Они начали реализовывать найденные схемы. Можно не сомневаться, что львиную долю своего времени они следили за ним, выискивая малейшие признаки обмана. Ясно также, что рецепт представлял собой последовательность более или менее разумных шагов с ясной точкой старта. На ранних этапах должны были участвовать компьютеры и программы эффективнее всех, что есть в Крае, но с очевидным хорошим поведением.

— Ага. Даже в Медленной Зоне большие программы бывают полны сюрпризов.

Равна кивнула.

— И некоторые из них были на грани или за гранью человеческой сложности. Конечно, страумеры не могли этого не знать и старались изолировать свое творение. Но злонамеренность в сочетании с хитроумной конструкцией... короче, неудивительно, если эти устройства нашли лаз в локальную сеть и исказили там информацию. С этого момента страумеры были обречены. Самые осторожные работники были обмануты, как дурачки. Обнаруживались фантомные угрозы, требовались аварийные действия. Строились еще более сложные устройства с меньшими ограничениями по безопасности. Из предосторожности люди были убиты или перепрограммированы еще раньше, чем Отклонение достигло трансразумности.

Наступило долгое молчание. Фам Нювен выглядел почти укрощенным.

Ага, приятель. Ты еще многого не знаешь. Лучше подумай, какие планы могут быть на тебя у Старика.

Синяя Раковина изогнул ветвь и попробовал коричневую смесь с запахом водорослей.

— Отлично сказано, миледи Равна. Но в данной ситуации существует одно отличие. Это может оказаться удачей, и очень важной... Видите ли, как раз перед отлетом со Страума-главного мы посетили пляж с группой наездников ма-

лых тележек. До того момента они были мало затронуты происходящими событиями; многие вообще не заметили потерю независимости на Страуме. При удаче они могли быть как минимум порабощены. — Писклявый голос упал сразу на октаву и замолчал. — На чем я остановился? Ах да, поход на пляж. Там был один участник, чуть более живой, чем вся группа в среднем. Много лет назад он был связан с одним путешественником из страумской службы новостей. Теперь он является неучтенным источником данных, столь незначительным, что даже не был занесен в собственную сеть этой службы.

Оказывается, исследователи Верхней Лаборатории не были столь неосторожны, как вы говорите. Они подозревали развитие Отклонения и были определенно настроены его разрушить.

Да, это действительно новость, но...

— Судя по всему, у них не очень получилось?

— Киваю в знак согласия. Они не могли ему помешать, но они планировали бегство из лаборатории на двух звездолетах. И они дали знать об этом по каналам, которые заканчивались на этом моем знакомом по пикнику на пляже. Есть здесь нечто важное: по крайней мере один из кораблей должен был нести некоторые окончательные элементы — *еще не включенные* в конструкцию.

— Там наверняка были резервные... — начал Фам Нювен.

Равна махнула ему рукой, чтобы он замолчал. Хватит на сегодня школьных объяснений. Все это было неимоверно. Она не меньше всякого другого следила за новостями из царства Страум. Царство было первой Верхней дочерней колонией Сьяндры Кеи; ужасно было видеть его гибель. Но такого слуха нигде в «Угрозах» даже не мелькнуло.

— Отклонение не целостно?

— Если это правда, то у страумеров может быть шанс. Зависит от недостающих частей конструкционной документации.

— Именно так. И разумеется, люди это тоже понимали. Они планировали направиться прямо к Дну Края, на встречу со своими сообщниками со Страума.

Что — учитывая огромный масштаб катастрофы — не произошло. Равна откинулась в кресле, впервые за много

часов начисто забыв о Фаме Нювене. Скорее всего оба корабля уже уничтожены. Если нет — ну, скорее всего страумеры в полуразумном состоянии направляются в сторону Дна. Если бы у них было то, о чем говорит Синяя Раковина, Отклонение было бы весьма заинтересовано их найти. И неудивительно, что Синяя Раковина и Зеленый Стебель не объявили об этом в группах новостей.

— Так вы знаете, куда они направились для встречи? — спросила она тихо.

— Приблизительно.

Зеленый Стебель что-то буркнула ему картаво.

— Не в нас, — сказал он. — Координаты в безопасности внутри нашего корабля. Но есть и еще кое-что. У страумеров был резервный план на случай, если встреча не произойдет. Они хотели дать сигнал на Ретранслятор по ультраволновой корабельной связи.

— Погодите. Насколько это большой корабль?

Равна не была инженером физического уровня, но знала, что главные передатчики Ретранслятора представляли собой рои элементов антенн, растянутые на световые годы, и каждый элемент десять тысяч километров в поперечнике.

Синяя Раковина поездил туда-сюда — жест возбуждения.

— Мы не знаем, но ничего исключительного. Если не искать его точно направленной большой антенной, отсюда его никогда не обнаружить.

Зеленый Стебель добавила:

— Мы считаем, что это было частью их плана, хотя это план отчаянный из отчаянных. С тех самых пор, как мы на Ретрансляторе, мы все время говорим Организации...

— Дипломатично! И спокойно! — резко добавил Синяя Раковина.

— Да. Мы попросили Организацию слушать космос в поисках корабля. Боюсь, что мы обращались не к тем, кому надо. Кажется, нашим словам никто не придал значения. В конце концов, источником сведений является наездник малой тележки.

Ага. Что они могут знать такого, чему меньше ста лет?

— То, чего мы просили, в обычных условиях потребовало бы огромных расходов, а сейчас цены, конечно, особенно высоки.

Равна попыталась приглушить свой энтузиазм. Если бы она прочла это в группе новостей, восприняла бы как очередной интересный слух. Зачем же так дергаться, услышав это лицом к лицу? О Силы, какая ирония! Сотни клиентов из Вершины и Перехода — даже Старик — загружают мощности Ретранслятора своим любопытством насчет катастрофы в царстве Страум. А что, если ответ сидит прямо перед ними, задавленный самой энергией их исследований?

— А с кем конкретно вы говорили? Ладно, не важно, не важно. — Может, ей самой стоит пойти с этим рассказом к Грондру Калира. — Наверное, вам следует знать, что я из Организации Вриними, хотя мой пост очень, очень незначителен. Но может быть, я смогу помочь.

Она ожидала хоть какого-то радостного удивления от этого неожиданного везения. Вместо этого наступила пауза. Синяя Раковина явно не мог найти своего места в разговоре. Наконец заговорила Зеленый Стебель:

— Я краснею. Видите ли, мы это знали. Синяя Раковина посмотрел директорию служащих, и вы — единственный человек в Организации. Вы не из службы контакта с клиентами, но мы думали, что, если встретим вас, так сказать, случайно, вы сделаете нам одолжение нас выслушать.

Ветви Синей Раковины с резким треском сомкнулись. Раздражение? Или он смог, наконец, включиться в разговор?

— Да. Что ж, поскольку мы все так откровенны, я полагаю, нам следует сознаться, что нам это даже может оказаться на пользу. Если сбежавший корабль сможет доказать, что Отклонение не полностью принадлежит Классу Два, то нам, возможно, удастся убедить наших покупателей, что наш груз не скомпрометирован. Мои друзья сертификанты, знай они это, ползали бы у ваших ног, миледи Равна.

В «Бродячей компании» они засиделись далеко за полночь. Здесь наступил час пик в связи с прибытием новых клиентов. Пронзительные голоса летали по залу. Глаза Фама бегали из стороны в сторону, успевая видеть все. Но более всего его захватили Синяя Раковина и Зеленый Стебель. Они были абсолютно не человекоподобны и имели вид странный даже для чужаков. Наездники были одной из очень

немногих рас, достигших долговременной стабильности в Крае. Видообразование их произошло очень давно, боковые ветви отошли очень далеко или вымерли. И оставались те, кто соответствовал этим древним тележкам — уникальное равновесие между мировоззрением и машинным интерфейсом, которому было уже больше миллиарда лет. Но Синяя Раковина и Зеленый Стебель были еще и торговцами, с мировоззрением очень похожим на то, что знавал Фам Нювен в Медленной Зоне. И хотя Фам действовал все так же невежественно, в нем появилось что-то от дипломата. Или, быть может, восхищение Краем пробилось наконец сквозь его толстый череп. Лучших собутыльников ему трудно было бы и пожелать. Раса наездников в целом предпочитала ленивое созерцание почти любой деятельности. Передав свою критическую информацию, эти двое с удовольствием обсуждали свою жизнь в Крае, объясняли варвару все подробности, которые он только хотел. Сертификанты с бритвенными челюстями больше не появлялись.

Равна слышала легкий гул и следила за профессиональным разговором троих. И улыбалась про себя. Теперь она была здесь лишняя — потому что никогда ничего не было ею *сделано.* Синяя Раковина и Зеленый Стебель бывали всюду, и некоторые их истории звучали дико даже для нее. У Равны была теория (не слишком широко признанная), что когда разумные существа находят общий язык и говорят бегло, остальное мало что значит. Двоих из этой троицы можно было принять за цветы в горшках или груженые телеги, а третий был не похож ни на кого из людей, которых она знала. Говорили они на искусственном языке, и у двоих вместо голосов было писклявое шуршание. И все же, послушав несколько минут, Равна могла себе представить личность каждого из них — поинтереснее ее школьных приятелей, но не слишком от них отличающуюся. Двое наездников были сожителями. У наездников для сексуальных отношений достаточно всего лишь оказаться поблизости друг от друга в нужное время года. Но эти были глубоко преданы друг другу. Особенно любящей личностью казалась Зеленый Стебель. Она была застенчивой, но упрямой, а еще — честной, что для торговца серьезный недостаток. И этот недостаток восполнял Синяя Раковина. Он

был убедителен и речист, умел представить вещи в нужном свете. Но под этой внешней стороной Равна видела личность, одержимую навязчивой неприязнью к собственной хитрости и в конечном счете благодарную Зеленому Стеблю за управление собой.

А Фам Нювен? Какую его внутреннюю сущность можно здесь увидеть? Странным образом он был более таинственным, чем эти двое. Нахальный невежда, которым он был днем, вечером был почти не виден. Может быть, это было всего лишь защитное прикрытие. Этот человек родился в культуре, где доминировали мужчины — совсем не так, как в матриархате, откуда пошло все человечество Края. Под этой надутостью мог оказаться очень симпатичный человек. И потом, как он действовал с этими бритвенночелюстными. И как говорил с наездниками.

Равна вдруг поняла, что, всю жизнь читая романтические истории, она встретила своего первого героя.

Они ушли из «Бродячей компании» после половины третьего. До восхода солнца из-за крутого горизонта было еще пять часов. Наездники вышли их проводить. Синяя Раковина перешел на самнорский, чтобы попотчевать Равну историей о своем последнем посещении Сьяндры Кеи — и чтобы напомнить попросить насчет сбежавшего корабля.

Равна и Фам поднялись в синеющий воздух и направились к жилым башням.

Несколько минут они молчали. Возможно даже, что на Фама Нювена произвел впечатление открывшийся вид. Они пролетали над темными провалами среди ярко освещенных Доков, там, где сквозь парки и стадионы можно было видеть поверхность планеты в тысяче километров внизу. Темным на темном клубились внизу облака.

Жилище Равны находилось на внешнем краю Доков. Здесь не было смысла в воздушных фонтанах — жилая башня поднималась в открытый вакуум. Они спланировали на балкон и выровняли давление в скафандрах и в квартире. Язык Равны жил своей жизнью, рассказывая, какая у нее была квартира, когда она работала в архиве, и что с новым жильем ее не сравнить. Фам Нювен кивал со спокойным

лицом. Едких замечаний, которые бывали в их прежних разговорах, он не вставлял.

Она болтала, пока они входили внутрь, а потом... она заткнулась, и они просто посмотрели друг на друга. В некотором смысле она хотела этого клоуна с той минуты, как увидела дурацкую анимацию Грондра. Но до сегодняшнего вечера в «Бродячей компании» она не чувствовала, что правильно было бы привести его к себе домой.

— Ну вот, я...

Эх, Равна, странствующая принцесса. Где же твой бойкий язычок?

Она села, наклонилась, положив руку ему на руку. Он улыбнулся ей в ответ — тоже застенчиво, о Силы!

— У вас очень симпатичный дом.

— Я его отделала в стиле первобытной технологии. Место на краю Доков имеет свои преимущества — естественный вид не затмевается огнями города. Вот, давай покажу!

Она приглушила свет и раздвинула занавеси. Окно с естественной прозрачностью выходило на край Доков. Сегодня должен быть потрясающий вид. По пути из «Бродячей компании» небо было до ужаса темным. Внутрисистемные заводы либо не работают, либо скрыты за планетой. Даже кораблей пролетало мало.

Равна вернулась и встала рядом с Фамом. Окно виднелось неясным прямоугольником.

— Подожди минуту, пока глаза привыкнут. Здесь нет усиления.

Теперь ясно виднелся круглый бок планеты — облака с редкими точками света. Равна обняла его рукой за талию и ощутила его руку на своих плечах.

Ее предположение было верным: сегодня на небе господствовала Галактика. Зрелище, на которое старые работники-вринимийцы благополучно не обращали внимания. Без усиления свет был очень тусклым. Двадцать тысяч световых лет — это очень, очень далеко.

Сначала виделся намек на туман, случайные звезды кое-где. Глаза привыкали к темноте, и туман обретал форму, выгибался дугами, где-то ярче, где-то тусклее. Еще минута — и в тумане показались узлы, полосы угольной черноты, отделяющие друг от друга изогнувшиеся рукава... структура

структур, и все вращается вокруг бледной ступицы, которая была Ядром. Мальстрем. Водоворот. Застывший поперек всего неба.

У Фама — это было слышно — захватило дух. Он что-то сказал — какие-то поющие звуки, не трисквелин и уж точно не самнорский.

— Я всю жизнь провел на узком клочке всего этого. И думал, что я хозяин космоса. Мне даже и присниться не могло стоять здесь и видеть все это великолепие сразу. — Рука его напряглась у Равны на плече, потом расслабилась и погладила ее по шее. — А если долго смотреть, мы увидим какие-нибудь признаки Зон?

Она медленно качнула головой.

— Но их легко себе представить.

Равна показала свободной рукой. В целом Зоны Мысли соответствовали распределению масс в Галактике. Безмысленная Бездна тянулась внутрь к галактическому Ядру. Дальше шла Зона Великой Медленности, где родилось человечество, где невозможны сверхсветовые скорости и где цивилизации жили и умирали незнающие и незнаемые. И Край — звезды на расстоянии четыре пятых всего размера Галактики от центра, далеко отходящие от плоскости и включающие такие места, как Ретранслятор. Известная Сеть в том или ином виде существовала в Крае уже миллиарды лет. Она не была цивилизацией — мало цивилизаций живут дольше миллиона лет. Но записи о прошлом были абсолютно полными. Иногда они были внятными. Существенно чаще для их чтения приходилось выполнять переводы с переводов, переданных от одной исчезнувшей расы к другой, и без всякой возможности подтверждения или проверки — хуже, чем это может быть с любым сообщением многокаскадной сети. Но кое-что всегда было абсолютно ясно: всегда были Зоны Мысли, хотя они постепенно, кажется, смещались к центру. Всегда были войны и мир, расы, всплывающие из Великой Медленности, тысячи мелких империй. Всегда были расы, идущие к Переходу, чтобы стать Силами... или их жертвами.

— А где Переход? — спросил Фам. — Вон та, дальняя темнота?

Темнота между галактиками.

Равна тихо рассмеялась.

— Это все туда входит, но... видишь внешние отроги спиралей? Они в Переходе.

Как и почти все, что дальше сорока тысяч световых лет от галактического центра.

Фам Нювен долго молчал. Равна ощутила, как по нему пробежала мелкая дрожь.

— После разговора с этими колесниками я... кажется, я лучше понимаю, о чем ты меня предупреждала. Есть многое, чего я не знаю, что может меня убить... или даже хуже.

Наконец-то триумф здравого смысла.

— Это верно, — тихо сказала Равна. — Но дело не только в тебе или в том, что ты здесь недолго. Можно изучать это всю жизнь и все равно ничего не знать. Сколько времени нужно рыбе, чтобы понять побуждения людей? Аналогия не слишком хорошая, но единственно надежная. Мы по сравнению с Силами Перехода — просто безмозглые твари. Все, что люди вытворяют с животными — изобретательность, садизм, милосердие, геноцид, — все это в миллион раз изощреннее развивается в Переходе в миллионе направлений. Зоны — это естественная защита. Без них вряд ли возник бы человеческий или эквивалентный разум. — Она махнула рукой в сторону туманных клубов звезд. — Край и то, что под ним, — это океанская бездна, и мы — твари, плавающие в глубоких водах. Мы настолько ниже тех, кто на поверхности — как бы они нас ни превосходили, — что им нас не достать. Конечно, они забрасывают сети, а бывает, насыщают верхние слои ядом, который мы даже не замечаем. Но глубокие воды остаются относительно безопасным местом.

Равна остановилась. Аналогию можно было продолжить.

— И точно так же, как в океане, есть постоянный дрейф планктона в глубину. Есть вещи, которые можно сделать только Наверху, для которых нужны почти разумные заводы, но которые могут здесь работать. Синяя Раковина кое-что назвал в разговоре с тобой: антигравитационная ткань, разумные устройства. Такие вещи являются величайшим физическим богатством в Крае, потому что мы сами их

делать не можем. А их добыча — смертельно рискованная затея.

Фам отвернулся к ней от окна и звезд.

— И всегда есть «рыбы», которые кончают жизнь, пробиваясь к поверхности.

Равне показалось, что она потеряла его, пойманного романтической смертельной мечтой о Переходе. А он говорил:

— Маленькая рыбка, рискующая всем ради кусочка божественности... и не умеющая, даже если найдет, отличить небеса от ада.

Равна почувствовала, как он вздрогнул, и тут же его руки обвились вокруг нее. Она наклонила голову и встретила его ждущие губы.

У Равны давно не было практики. И уж конечно не было свежего опыта для сравнения. Но Фам Нювен был хорош, *очень* хорош.

Шифр: 0

Получено: Ретрансляционный узел R01 на Ретрансляторе

Языковой путь: Аквилерон — Трисквелин, СК: Узлы Ретранслятора

От: Сетевой администратор Передатчика «Поющий Ветер» на Нижнем Деблее

Тема: Жалобы на Ретранслятор, предложение

Краткое содержание: Он портится, попробуйте работать с нами

Ключевые фразы: проблемы связи, ненадежность Ретранслятора, Переход

Рассылка: Группа специального интереса стоимости услуг связи

Передатчик R01 на Ретрансляторе

Передатчик Кратких сообщений на резерве

Отклики по адресу: Группа интереса расширения «Поющего Ветра»

Дата: 07:21:21 по времени Доков, 30/09 года Организации 52089

Текст сообщения:

За прошедшие пятьсот часов показания состояния связи дают значение 9834 жалобы на перегрузку уровня передатчиков

Организации Вриними на Ретрансляторе. Каждая такая жалоба касается обслуживания десятков тысяч планет. Вриними вновь и вновь клянется, что такая перегрузка связана с сугубо временным явлением использования Ретранслятора существом из Перехода.

Будучи главным конкурентом Ретранслятора в регионе, мы, «Поющий Ветер», получаем от этой перегрузки определенную выгоду. Однако до сих пор мы считали неудобным предложить координированный ответ на эту ситуацию.

События последних семи часов заставили нас изменить эту позицию. Читатели данного текста уже осведомлены о приводимом ниже инциденте, и многие из них от него пострадали. Начиная с [00:00:27 по времени Доков] Организация Вриними стала отключать передатчики вне графика. Так, передатчик R01 был отключен в 00:00:27, R02 в 02:50:32, R03 и R04 в 03:12:01. Вриними заявляет, что клиент из Перехода запросил срочное предоставление ему всей полосы частот. (Ранее этой Силе полностью были предоставлены в пользование передатчики R00.) Клиент запросил использование как восходящих, так и нисходящих связей. Как признает сама Организация, незапланированное использование потребовало более шестидесяти процентов всех ее мощностей. Заметим, что эксцессы предыдущих пятиста часов (которые вызвали полностью обоснованные жалобы) никогда не превосходили пяти процентов мощностей Организации.

Друзья! Мы, «Поющий Ветер», давно работаем в области дальних коммуникаций. Мы знаем, как тяжело обслуживать элементы передатчика, сравнимые по массе с целой планетой. Мы знаем, насколько тяжело поставщикам на нашем рынке выдерживать контрактные обещания.

В то же время поведение, подобное поведению Организации Вриними, недопустимо. Да, Организация за последние три часа вернула в строй передатчики с R01 по R04 и пообещала передать дополнительно полученные от Силы деньги всем, кому «были причинены неудобства». Однако лишь сама Организация Вриними знает, насколько велика будет полученная сумма. И никто (в том числе Вриними!) не знает, не последуют ли еще выходы передатчиков из строя или их блокировки.

Что оказалось для Вриними неожиданным и неимоверным золотым дождем, для вас, остальных, оказалось не поддающимся оценке убытком.

Поэтому «Поющий Ветер» на Нижнем Деблее рассматривает возможность существенного (и постоянного!) расширения

своих услуг — построение пяти основных передатчиков. Очевидно, такое предприятие будет весьма дорогостоящим. Передатчики никогда не были дешевы, а Нижний Деблей далеко не так удачно геометрически расположен, как Ретрансляторы. По нашему расчету, расходы могут окупиться за десятилетия удачного ведения дела. И мы не можем предпринять подобный шаг без ясно выраженных обещаний. Для цели определения спроса и гарантии того, что мы будем строить именно то, что нужно, мы создаем новую группу новостей — группу «Расширение Поющего Ветра», модератор и хранитель группы — «Поющий Ветер». Плата за передачу/прием для клиентов уровня передатчика составит всего лишь десять процентов от нашей обычной. Мы говорим вам, наши клиенты уровня передатчика: побеседуйте в этой группе друг с другом, решите, можете ли вы надежно полагаться в будущем на Организацию Вриними, и что вы думаете о нашем предложении.

Мы ждем ваших ответов.

9

Потом Равна крепко заснула. И проснулась только уже поздним утром. Телефон звонил монотонно и настойчиво — достаточно громко, чтобы разбудить от самых приятных снов. Она открыла глаза, ничего не понимающая спросонья и счастливая. Оказывается, она лежала, крепко обняв... большую подушку. Черт побери, он уже ушел. Секунду Равна пролежала, вспоминая. Последние два года она была одинока и только этой ночью поняла, насколько одинока. Счастье такое неожиданное, такое сильное... как странно.

А телефон продолжал звонить. Наконец Равна скатилась с кровати и неверным шагом подошла к аппарату. Черт возьми эту чушь с первобытной технологией.

— Да?

Звонил наездник. Зеленый Стебель?

— Прошу прощения за беспокойство, Равна. Вы... как вы себя чувствуете? — перебил сам себя наездник.

Равна поняла вдруг, что вид у нее странный. Глупая улыбка от уха до уха и патлы во все стороны. Она провела тыльной стороной руки по губам, подавляя смех.

— Чувствую себя отлично. — *Слабо сказано.* — А что случилось?

— Мы хотим сказать вам спасибо за помощь. Мы даже и думать не могли, что вы так высокопоставленны. Сто часов мы пытались убедить Организацию поискать беглецов. А через час после разговора с вами нам сообщают, что наблюдение установлено незамедлительно.

— Хм. — *Что тут скажешь?* — Это прекрасно, но я не уверена... а кто за это платит вообще-то?

— Не знаю, но это должно быть очень дорого. Нам сказали, что на поиск выделен основной передатчик. Если кто-то что-то передаст, через пару часов мы будем знать.

Они еще пару минут поболтали, пока Равна приходила в себя, расставляя события последних десяти часов по двум полочкам — дело и удовольствие. Она наполовину подозревала, что Организация прослушивала ее в «Бродячей компании». Может быть, Гронд, услышав этот рассказ, полностью поверил. Но ведь еще вчера он скулил насчет перегрузки передатчиков. Как бы там ни было, а новость была хорошей. Выдающейся. Если дикая история наездников была правдой, Страумское Отклонение могло быть не полностью Перешедшим. А если сбежавшие корабли несут способы его разрушить, то царство Страума, быть может, удастся спасти.

Когда Зеленый Стебель повесила трубку, Равна стала бродить по комнате, приводя себя в форму и прикидывая различные возможности. Она стала действовать более разумно, уже почти со своей обычной скоростью. Очень много вещей она хотела бы проверить.

Телефон зазвонил снова. На этот раз она сначала посмотрела, кто звонит. Ух ты! Сам Гронд Вринимикалир. Равна причесалась пальцами, но выглядела все равно растрепой, а этот телефон не умел показывать личины. И вдруг она заметила, что Гронд тоже не так уж прилизан. Хитин у него на лице расплылся, даже вокруг фасеток. Равна ответила на вызов.

— А! — пискнул он, и тут же голос его вернулся на нормальный уровень. — Спасибо за ответ. Я бы позвонил раньше, но все вышло так... хаотично.

Где его холодный отстраненный тон?

— Я просто хотел дать вам знать, что Организация к этому не имеет отношения. Нас это застало полностью врасплох всего пару часов назад.

И он пустился в несвязное описание массивного потока требований, затопившего все ресурсы Организации.

Под его рокот Равна вывела на экран последнюю сводку работы Ретранслятора. О Силы! *Отвлечение шестидесяти процентов?* Выдержки из группы «Цены связи» — она пробежала сообщение «Поющего Ветра». Воздушные мешки эти опять надуваются, но предложение заменить Ретранслятор — возможно, вполне реально. Это было из того сорта событий, которых опасался Гронд.

— Старик просил все больше и больше. Когда мы наконец все поняли и отказали ему... да, мы подошли близко к угрозе силой. Возможности уничтожить его корабль-посланник у нас были. Нельзя предсказать, какой могла быть месть, но мы сказали Старику, что его запросы и без того нас убивают. Слава Силам, он отнесся к этому с юмором и отступил. Ему теперь выделен один передатчик, причем на поиск сигнала, который не имеет к нам отношения.

Хм. Одна загадка решена. Наверное, Старик рыскал вокруг «Бродячей компании» и подслушал рассказ наездника.

— Может быть, все и будет хорошо. Но для нас важно не уступить, если Старик снова попытается злоупотребить нашим сервисом.

Слова вылетели у нее изо рта раньше, чем она сообразила, кому дает советы.

Гронд, кажется, не заметил. Если и да, то он был вполне готов согласиться.

— Да-да. Я вам скажу, что если бы Старик был обычным клиентом, мы его навеки занесли бы за такой обман в черный список. Впрочем, будь он обычным клиентом, ему бы никогда нас не одурачить.

Гронд провел по лицу пухлыми пальцами.

— Ни один обычный житель Края не мог бы изменить наши записи по экспедиции с драгой. Никто даже из Вершины Края не мог бы проникнуть на свалку и манипулировать с останками, не вызвав у нас даже подозрений.

Драга? Останки? Равна начала понимать, что она и Гронд говорят не об одном и том же.

— Так что конкретно сделал Старик?

— Подробности? Сейчас мы более чем уверены. С момента падения Страума Старик очень заинтересовался людьми. К сожалению, здесь не было таковых, желающих сотрудничать. И он начал нами манипулировать, переписывая записи кладбища кораблей. Мы восстановили чистую резервную копию из нашего филиала. Драга действительно нашла погибший корабль людей, там были части тел — но ничего такого, что мы могли бы оживить. Старику, наверное, пришлось сопоставлять и соединять то, что он там нашел. Может быть, память он восстановил по данным архивов о человеческой культуре. Задним числом мы теперь можем сопоставить его запросы в архив и вторжение на кладбище кораблей.

Гронд еще рокотал, но Равна уже не слушала. Глаза ее смотрели сквозь экран телефона.

Мы мелкая рыба в глубокой воде, и глубина нас защищает от рыбаков на поверхности. Но даже пусть они не могут здесь жить, у рыбаков есть свои приманки и смертельные хитрости.

И значит, Фам...

— Значит, Фам Нювен — это робот, — спокойно сказала Равна.

— Не совсем так. Он — человек, и со своей искусственной памятью может действовать автономно. Но когда Старик закупает целую полосу частот, это существо полностью становится его искусственным эмиссаром. — Части рта Гронда заклацали в неприятной озадаченности. — Равна, мы не все знаем, что случилось вчера ночью, — не было причин держать вас под строгим наблюдением. Но Старик нас заверяет, что в прямом исследовании больше нет необходимости. Как бы там ни было, мы никогда не дадим ему целую полосу для новой попытки.

Равна едва кивнула. Никогда в жизни она не испытывала такого гнева и такого страха одновременно. Ее окатила волна головокружения, она отошла от телефона, не слушая встревоженных окликов Грондра. В голове всплывали школьные истории, все эти мифы о десятках людских религий. Последствия, последствия. От некоторых она может защититься, другие — непоправимы.

И откуда-то из глубины сознания, из-под гнева и ужаса, выползала необыкновенно дурацкая мысль. Восемь часов она провела наедине лицом к лицу с Силой. Это была одна из тех вещей, о которых пишут главы в учебниках, которые всегда происходят где-то далеко и о них доходят перевранные рассказы. Из тех вещей, которых близко не переживал никто и никогда на Сьяндре Кеи. До этой минуты.

10

Джоанна долго плыла в лодке. Солнце так и не зашло, хотя раньше оно было сзади, теперь оказалось впереди, и небо затянуло облаками; по закрывшему ее поверх одеял просмоленному брезенту постукивал мелкий дождик.

Целые часы она провела в затуманенном болью полусознании. Вокруг творилось то, что бывает только во сне. Какие-то твари тянули ее за одежду, всюду налипла кровь. Чьи-то мягкие руки и морды перевязали ее раны и влили в глотку холодной воды. Когда она разметалась, мама поправила ей одеяла и утешила ее очень странными звуками. Несколько часов возле нее лежало что-то теплое. Иногда это был Джефри, а чаще — большая собака, которая мурлыкала.

Дождь перестал. Солнце было слева от лодки, но пряталось за холодной резкой тенью. Боль была все более и более различима. Часть ее была в груди и в плече и била молнией при каждом качании лодки. Еще она была в животе — пустота, которая не была даже тошнотой — так мучили голод и жажда.

Все чаще она уже не спала, а вспоминала. Кошмары, от которых никогда не избавиться. Потому что они произошли на самом деле. И продолжали происходить.

Солнце выныривало из облаков и пряталось снова. Оно все ниже и ниже скользило по небу, пока вновь не оказалось почти позади лодки. Джоанна пыталась припомнить, что папа сказал, перед тем... перед тем, как все стало плохо. Они в арктическом поясе планеты, летом. Значит, низшей точки солнце достигает на севере, а сейчас они плывут примерно на юг. Куда бы они ни плыли, с каждой минутой они все дальше от звездолета и от надежды найти Джефри.

Иногда они плыли будто по открытому морю, и дальние холмы то появлялись, то скрывались в облаках. Иногда река сужалась, и они неслись вплотную к скальным стенам. Джоанна понятия не имела, что путешествие на парусной лодке может быть таким стремительным и таким опасным. Четверо крысоподобных отчаянно работали, не давая лодке налететь на скалы. Они метались от мачты до бортов, иногда становясь друг другу на плечи, чтобы куда-то достать. Двухкорпусная лодка кренилась и стонала во вдруг вскипавшей воде. Потом быстрина кончалась, и снова медленно проплывали назад далекие холмы.

Джоанна долго притворялась, что все еще бредит. Стонала, металась. И наблюдала. Корпуса у лодки были длинные и узкие, почти как каноэ. Между ними был установлен парус. Тенью в ее сне и был этот парус, щелкающий на холодном и чистом ветру. В небе клубилось серое, то светлое, то темное. Под ним летали птицы. Они ныряли мимо мачты, кружили над лодкой. Воздух был наполнен щебетом и шипением. Но оно исходило не от птиц.

А от чудовищ. Джоанна рассматривала их из-под опущенных ресниц. Это были такие же твари, как те, что убили маму и папу. Даже одеты они были в те же смехотворные серо-зеленые куртки, усыпанные петлями и карманами. Она сначала решила, что это собаки или волки. Но это не было точным описанием. Да, у них было по четыре тонких ноги и по паре остроконечных ушей. Но, судя по длинным шеям и вспыхивающим красным глазкам, это могли быть и большие крысы.

И чем дольше она на них смотрела, тем противнее они ей казались. Неподвижное изображение этого ужаса передать не могло бы — надо было видеть их в действии. Джоанна смотрела, как четверо — те, что были на ее стороне лодки, — возились с ее компьютером. «Розовый Олифант» лежал привязанный в сетчатом мешке у кормы лодки. Теперь звери хотели его рассмотреть. Сначала это было похоже на цирковое представление, головы зверей метались туда-сюда. Но каждое движение было очень точным, очень *координированным* с движениями других. При этом чья-то лапа прижимала освободившуюся сеть к борту. Это было как смотреть на марионеток, управляемых одним кукловодом.

За считанные секунды они вытащили компьютер из мешка. Собаки уронили бы его на дно лодки, а потом стали бы подталкивать носами. Но не эти твари. Двое положили его на поперечную скамейку, а третий придерживал лапой. Они ощупывали края, обращая особое внимание на нажимные закраины и гибкие проушины. Они тоже толкали и тянули, но с очевидной целью.

Они хотели его открыть.

Над бортом другого корпуса показались две головы. Они произвели какие-то шипящие и булькающие звуки — среднее между птичьей песней и звуками рвоты. Один из тех, что был с ней, обернулся и ответил такими же звуками. Остальные трое продолжали возиться с защелками компьютера.

Наконец они потянули гибкие проушины одновременно. Компьютер со щелчком раскрылся, и появилось верхнее окно процедуры запуска, созданной самой Джоанной, — ее анимационное изображение произнесло:

«Как тебе не стыдно, Джефри! Не трогай мои вещи!»

Четверка тварей вдруг застыла, вытаращив глаза.

Потом повернула компьютер так, чтобы остальным было тоже видно. Один придерживал, пока другой заглядывал в верхнее окно, а третий играл с окном клавиатуры. Хмыри в соседнем корпусе обезумели, но ни один из них не подошел ближе. Первая четверка, тыкая наугад, прервала процедуру запуска. Один из них посмотрел на ребят во втором

корпусе, еще двое наблюдали за Джоанной. Она продолжала притворяться, лежа с почти закрытыми глазами.

— Как тебе не стыдно, Джефри! Не трогай мои вещи! — снова произнес голос Джоанны, но исходил он от одного из зверей.

Имитация была абсолютной. Потом девчоночий голос застонал и заплакал:

— Мама! Папа!

Это снова был ее голос, но такой детский и перепуганный, который ей не хотелось бы слышать никогда.

Казалось, они ждут ответа от компьютера. Когда ничего не произошло, один из них снова стал совать нос в окна. Все сколько-нибудь значительное и все опасные программы были закрыты на пароль. Из ящика слышались оскорбления и верещания — все мелкие сюрпризы, подготовленные Джоанной для пронырливого братца.

Джефри, увижу ли я тебя снова?

Звуки и образы какое-то время занимали этих бестий. Наконец их тыканье наугад убедило компьютер, что его открыл кто-то действительно очень молодой, и он переключился в детский режим.

Твари знали, что она за ними наблюдает. Один из четырех возившихся с Олифантом — не всегда один и тот же — все время на нее смотрел. Они с ней играли, притворяясь, что не знают, будто она притворяется.

Джоанна открыла глаза и посмотрела на собакоподобного.

— Черт бы тебя взял!

Она посмотрела в другую сторону. И вскрикнула. Свора в другой половине лодки сбилась в кучу. Из этой кучи высовывались головы на извивающихся шеях. В свете низкого солнца красным сверкали глаза. Стая змей или крыс, глядящая на нее небеса уже знают сколько.

Головы повернулись на ее крик, и она снова его услышала. У нее за спиной кто-то завопил ее голосом: «Черт бы тебя взял!» Откуда-то еще она звала «мама!» и «папа!». Джоанна снова вскрикнула, и они снова повторили этот крик эхом. Джоанна подавила ужас и замолчала. Чудища еще минуту продолжали ее передразнивать, в беспорядке повторяя то, что она, очевидно, говорила в бреду. Когда они

поняли, что больше им ее не напугать, голоса перестали быть человеческими. Повсюду раздавалось бульканье, будто эти две группы о чем-то договаривались. Потом четверо с ее стороны закрыли компьютер и снова запаковали в сетку.

Те шестеро расцепились. Трое прыгнули к внешнему борту лодки. Крепко зажав в когтях его край, они высунулись на ветер. В этот момент они почти полностью выглядели как собаки — большие собаки, выглядывающие из окна автомобиля и нюхающие воздух. Мотались туда-сюда длинные шеи. Каждые несколько секунд кто-то один из них опускал голову вниз, к воде. Пьют? Рыбу ловят?

Рыбу ловили. Взлетела голова, бросившая в лодку что-то маленькое и зеленое. Остальные три зверя придержали это носами. Джоанна видела мелькнувшие тонкие ножки и блестящий панцирь. Один держал это кончиком пасти, а двое других рвали на части. И все это делалось с той же невозможной точностью. Стая казалась единым существом, а каждая шея — тонким щупальцем с парой челюстей на конце. У Джоанны свело желудок, но блевать было нечем.

Рыбная ловля длилась еще четверть часа. Поймали еще семь этих зеленых штук. Но их не съели, по крайней мере не всех. Расчлененную добычу сложили в небольшую деревянную миску.

Еще булькающие звуки с двух сторон. Один из шести схватил миску за край и пополз через платформу с мачтой. Четверо на стороне Джоанны сгрудились поближе, будто боясь гостя. Только когда миска была поставлена и посетитель уполз назад, четверка на стороне Джоанны снова подняла головы.

Миску подхватила одна из крыс. И вместе с еще одной подошли к Джоанне. Она сглотнула слюну. Что еще за пытку они выдумали? Живот свело снова — на этот раз от сильнейшего голода. Она перевела взгляд на миску и поняла, что эти твари пытаются ее покормить.

Солнце вышло из-за северных облаков. Его низкие лучи падали, как в ясный осенний день сразу после дождя: вверху — темное небо, но все вокруг ярко блестит. Шерсть у этих тварей была густая и гладкая. Один поднес ей миску, а другой сунул в нее рыло и вытащил... что-то зеленое и

скользкое. Держал он это очень бережно, кончиком длинной пасти. Повернулся и протянул это Джоанне.

Джоанна съежилась, отстраняясь:

— Нет!

Тварь остановилась. Секунду Джоанне казалось, что зверь собирается повторить ее вопль. Но он только бросил взятый кусок обратно в миску. Первый зверь поставил миску на скамейку рядом с Джоанной. Секунду он смотрел на нее снизу вверх, затем отпустил край миски, который держал зубами. Мелькнул ряд остро отточенных игольчатых зубов.

Джоанна смотрела в миску, и в ней боролись отвращение и голод. Наконец она вытащила руку из-под одеяла и сунула ее в миску. Вокруг нее задергались головы, и между двумя сторонами лодки опять понеслись булькающие замечания.

Пальцы сомкнулись вокруг чего-то мягкого и холодного. Джоанна вытащила это на свет. Тело было серо-зеленым, бока блестели на солнце. Парни в той лодке оторвали ему ножки и отрубили голову. То, что осталось, было не больше трех сантиметров в длину. Выглядело это как филе моллюска. Когда-то Джоанна такое любила, но то было вареным. Когда эта штука дернулась в руке, Джоанна чуть ее не выронила.

Она поднесла кусок ближе ко рту и тронула языком. Соленое. На Страуме, если съесть сырого моллюска, почти наверняка заболеешь. Как же быть здесь, совсем одной, без родителей, без локальной сети связи? Подступили слезы. Джоанна сказала плохое слово, сунула зеленую штуку в рот и попробовала прожевать. Мягкий вкус с текстурой нутряного жира и слегка зернистой. Джоанна подавилась, выплюнула кусок... и попробовала съесть другой. Всего ей удалось пропихнуть в себя штуки две. Может быть, так и лучше. Теперь подождать и посмотреть, сильно ли ее вырвет.

Она легла снова и увидела несколько пар смотрящих на нее глаз. Снова забулькал разговор двух корпусов лодки. Потом один из четверки скользнул к ней, неся кожаный мех с затычкой. Фляга.

Эта тварь была больше других. Предводитель? Он придвинулся к Джоанне вплотную, приблизив горловину фля-

ги к ее губам. Этот большой казался хитрее остальных и приближался к ней осторожнее. Глаза Джоанны скользнули вдоль боков его куртки. Ниже ее края шерсть зверя на заду была почти белая... и ее прорезал глубокий шрам в виде буквы «У».

Это тот, который убил отца!

Бросок Джоанны был неожиданным для нее самой, быть может, поэтому он так хорошо удался. Бросившись мимо фляги, она обхватила шею зверя свободной рукой, перекатилась на него, прижав тварь к днищу. Сам по себе он был меньше ее и не настолько сильным, чтобы сбросить ее с себя. Когти его скребли по одеялу, но почему-то Джоанну не ранили. Она навалилась всем весом зверю на хребет, вцепилась руками в то место, где сходились горло и челюсть, и стала вбивать голову зверя в дерево.

Тут же на нее навалились остальные, рыла отталкивали ее снизу, челюсти тянули за рукав. Ряды игольчатых зубов пробили ткань. Тела их гудели звуком из ее бреда, который пронизывал все тело и громыхал в костях.

Они оторвали ее руку от горла врага и стали выкручивать; Джоанна ощутила, как рвет изнутри мышцы наконечник стрелы. Но еще одну вещь Джоанна могла сделать: она оттолкнулась ногами, упершись головой в основание челюсти зверя, и вбила его голову в борт. Тела вокруг нее дернулись, и она шлепнулась на спину. Теперь она ощущала только боль. Ее не могли сдвинуть с места ни страх, ни ярость.

Но какая-то часть ее сознания все еще следила за этой четверкой. Она сделала им больно. Сделала им больно. Сделала больно *им всем*. Остальные трое шатались, как пьяные, издавая свистящие звуки, которые на этот раз, кажется, исходят изо рта. Тот, со шрамом на заду, лежал на боку, подергиваясь. Она пробила ему на голове рану в форме звезды. Кровь стекала у него через глаза, как красные слезы.

Шли минуты. Свистки прекратились. Четыре твари сбились в груду, и послышалось знакомое шипение. У Джоанны снова пошла кровь из раны на груди.

Они смотрели друг на друга, потом Джоанна улыбнулась врагам. Они уязвимы. Уязвимы для нее, Джоанны. Ей стало лучше, чем за все время с момента приземления.

11

До начала движения Свежевателя самым знаменитым городом-государством к западу от Ледяных Клыков был город Резчиков. Основатель его насчитывал уже шестьсот лет. В те дни на севере жизнь была тяжелее, снег даже в долинах лежал почти весь год. Резчик начинал один — одинокая стая в маленькой хижине у края глубоко врезавшейся в материк бухты. Стая была столько же охотником и мыслителем, сколько художником. Жилья не было на сотни миль вокруг. Из хижины резчика вышло только с десяток его ранних статуй, но они породили начало его славы. И существовали до сих пор. Возле Длинных Озер был город, названный по имени одного из музеев Резчика.

Со славой появились и ученики. Вместо одной хижины появилось десять, рассыпанных вдоль фиорда Резчика. Прошло столетие-другое, и Резчик медленно, но изменился. Он боялся этой перемены, ощущения, что душа его ускользает от него. Он старался сохранить себя — как почти всякий в той или иной степени. В худшем случае стая впадает в извращение, может стать лишенной души. Для Резчика сам поиск этот был изменением. Он изучал, насколько каждый элемент соответствует душе. Изучал щенков и их воспитание и прикидывал, что может дать новый элемент. Он научился формировать душу, тренируя ее элементы.

Конечно, почти все это было не ново. Это было в основе почти всех религий, и каждый город имел своих советников по любви и знатоков-селекционеров. Подобные знания, верные или ошибочные, важны в любой культуре. Что сделал Резчик — это взглянул на все это в целом свежим глазом, без традиционных перекосов. Он осторожно экспериментировал на себе и на других художниках колонии. Следил за результатами, используя их для постановки новых экспериментов. И руководствовался тем, что видел, а не тем, во что хотелось бы ему верить.

По любым стандартам его века все, что он делал, было ересью, или извращением, или просто сумасшествием. В ранние годы короля Резчика ненавидели так же, как через

три столетия — Свежевателя. Но дальний север все еще страдает каждый год от суровой зимы. Нации юга не могли с легкостью посылать армии так далеко. Однажды попробовали и были разбиты наголову. А Резчик мудро не пытался обратить в свою веру юг — по крайней мере прямо. Но поселок его рос и рос, а слава его из-за статуй и мебели меркла перед прочими аспектами его репутации. Постаревший сердцем приходил в этот город и выходил не просто моложе, но умнее и счастливее. Город излучал идеи: машины для плетения, редукторы и ветряные мельницы, организация заводов. В этом месте родилось что-то новое. И это не были изобретения. Это был народ, рождению которого помог, как повитуха, Резчик, и созданное им мировоззрение.

Викрэкшрам и Джакерамафан прибыли в город Резчика под вечер. Почти весь день шел дождь, но сейчас облака развеялись, и яркая голубизна неба радовала глаз после долгой череды пасмурных дней.

Владения Резчика Страннику казались раем. Он устал от бесстайной и дикой местности. И устал волноваться за чужака.

Последние несколько миль за ними насторожено плыли катамараны. Они были вооружены, а Странник и Описатель появились с очень подозрительной стороны. Но они были только вдвоем и явно не опасны. Глашатаи затрубили, передавая их рассказ. Когда они прибыли в гавань, они уже были героями — две стаи, укравшие неоценимое сокровище у орды северных негодяев. Они обошли волнолом, которого не было, когда Странник был тут последний раз, и привязались к причалу.

Пирс был забит солдатами и фургонами. Горожане усыпали всю дорогу до самых городских стен. Это настолько было близко к своре, насколько это может быть, если сохранять место для ясной мысли. Описатель выпрыгнул из лодки и гордо прошелся с явным удовольствием под приветственные клики с холмов.

— Срочно! Нам нужно говорить с Резчиком!

Викрэкшрам подобрал брезентовый мешок, в котором лежал ящик с картинками чужака, и осторожно вылез из

лодки. Он еще плохо двигался после трепки, которую задал ему чужак. Передняя мембрана Шрама была при нападении порезана. Тогда он на секунду перестал себя осознавать.

Пирс имел странный вид — на первый взгляд каменный, но покрытый губчатым черным материалом, который Странник не видел со времен Южных Морей. Здесь он должен бы быть хрупким...

Где я? Я должен чему-то быть рад, какой-то победе...

Странник остановился перегруппироваться. Через секунду и боль, и мысли стали резче. Так будет еще несколько дней, не меньше. Теперь помочь чужаку. Вытащить его на берег.

Лорд-камергер короля Резчика оказался щеголем, набравшим излишний вес. Странник не ожидал увидеть такое у резчиков. Однако этот парень немедленно стал доброжелателен, как только увидел чужака. Он привел врача взглянуть на Двуногого — а заодно и на Странника. Чужак за последние пару дней набрал немного сил, но попыток насилия больше не предпринимал. И на берег его переправили без хлопот. Он только смотрел на Странника, и тот уже научился узнавать на этом плоском лице выражение бессильной ярости. Он задумчиво тронул голову Шрама. Двуногий просто ждал более верного шанса нанести еще больше вреда.

Через несколько минут путешественники сидели в запряженных керхогами повозках и катили по бугристой мостовой в сторону городских стен. Солдаты прокладывали путь сквозь толпу. Описатель Джакерамафан махал головами на все стороны — красавец герой. Сейчас Странник уже знал ту неловкую застенчивость, которая пряталась в душе Описателя. Может быть, она определяла его жизнь — до этой минуты.

Сам Викрэкшрам, даже если бы хотел, не мог быть таким экспансивным. Учитывая раненую мембрану Шрама, резкие движения сбили бы его с мыслей. Он лег на сиденья повозки и посмотрел во все стороны.

Если не считать изменений во внешней гавани, здесь все было так, как ему помнилось пятьдесят лет назад. По-

чти повсюду в мире мало что меняется за пятьдесят лет. Пилигрим, вернувшийся так быстро, подосадует на скуку неизменности. Но вот это... это почти пугало.

Новый массивный волнолом. Почти вдвое больше пирсов, и мультилодки с флагами, которых он в этой части света и не видал. Дорога была и раньше, но узкая, и боковых подъездов было втрое меньше. И городские стены раньше годились лишь для того, чтобы удержать керхогов и фрогенов внутри, а не врагов снаружи. Теперь они поднялись до десяти футов в высоту, и черный камень тянулся, сколько хватал глаз. И в последний раз солдат было почти не видно, сейчас же они мелькали повсюду. Не слишком хорошая перемена. Странник ощутил сосущее чувство у Шрама под ложечкой. Солдаты и войны — это плохо.

Они проехали в городские ворота, мимо лабиринта рынка, занимавшего несколько акров. Аллеи были всего пятьдесят футов в ширину и сужались там, где висели рулоны тканей, стояли образцы мебели или горы свежих фруктов. В воздухе висел аромат фруктов, пряностей и лака. Рынок был так забит народом, что торговля становилась почти что оргией, и Странник чуть не потерял сознание. Потом они выехали на узкую улицу, петлявшую среди рядов бревенчатых домов. Вдали над крышами нависали мощные укрепления. Еще через десять минуть процессия въехала во двор замка.

Они вышли из повозок, и лорд-камергер велел пересадить Двуногого на носилки.

— А как Резчик, он нас прямо сейчас примет? — спросил Описатель.

Чиновник рассмеялся:

— Не он, а она. Резчик сменил пол десять с лишним лет тому назад.

Странник в изумлении дернул головами. А это что значит? Почти все стаи со временем меняются, но Резчик — это всегда был только «он». Странник с трудом заставил себя прислушаться к дальнейшей речи лорда-камергера.

— И лучше того. Весь ее совет должен взглянуть на то, что вы привезли. Входите.

Он жестом отпустил охрану.

Они вошли в коридор, достаточно широкий, чтобы две стаи могли рассесться рядом. Впереди шел лорд-камергер, за ним путешественники и доктор с чужаком на носилках. Прием был куда торжественней прошлых... и это тоже беспокоило.

Скульптур было очень мало, а те, что были, принадлежали предыдущим столетиям.

Но были картины. Странник даже споткнулся, когда увидел первую, а за ним судорожно вздохнул Описатель. Страннику случалось видеть искусство всего мира. Орды тропиков предпочитали абстрактные фрески, мазки психоделических цветов. Островитяне Южных Морей так и не открыли законы перспективы — на их акварелях дальние предметы просто плавали в верхней половине картины. В Республике Длинных Озер был в почете репрезентализм — особенно мультиптихи с изображением целых стай.

Но такого Странник не видел никогда. Картины были мозаичными, каждый кусочек плитки около четверти дюйма размером. На расстоянии нескольких футов зернистость скрадывалась и возникали такие пейзажи, которые Странник никогда в жизни не видел. Все это были виды с холмов вокруг города резчиков. Если бы не недостаток цвета, их можно было принять за окна. Нижний край каждой картины был ограничен прямоугольной рамой, но верх не имел правильной формы — мозаика просто обрывалась горизонтом. Там, где на картинах должно было быть небо, были занавешенные стены коридора.

— Эй, друг! Я думал, ты хочешь видеть Резчицу?

Это замечание было адресовано Описателю. Джакерамафан растянулся вдоль пейзажей, каждый из него сидел перед своей картиной. Он повернул одну голову в сторону лорда-камергера. И в голосе его прозвучало изумление.

— Край души! Это как быть Богом. Будто мои элементы на каждом холме и я вижу все сразу.

Все же он смог подняться на ноги и поспешил, догоняя.

Коридор открывался в зал заседаний такой величины, каких Странник никогда не видел.

— Он большой, как в Республике, — сказал Описатель с явным восхищением, разглядывая три яруса балконов. Они вместе с чужаком стояли внизу.

— Хм.

Кроме лорда-камергера и врача, в зале было еще пять стай. Пока они смотрели, показалось еще несколько. Большинство было одето как дворяне Республики — меха и драгоценности. Еще несколько — в простые куртки, которые Странник помнил по прошлому разу. Да уж. Маленький поселок резчиков вырос в большой город, а теперь — в нацию-государство. Странник подумал, есть ли теперь у короля — то есть у королевы — реальная власть. Он повернул одну голову к Описателю и сказал высокой речью:

— Ни слова пока про ящик с картинками.

Джакерамафан принял вид одновременно недоуменный и заговорщицкий. И ответил тоже на высокой речи:

— Ага... ага. Козырь в рукаве?

— Что-то в этом роде.

Странник обвел глазами балконы. Почти все стаи входили, демонстрируя спешку, вызванную сознанием собственной важности. Он улыбнулся про себя. Одного взгляда в яму было достаточно, чтобы эта важность слетала с них напрочь. Воздух над ним наполнился гулом разговора. Ни одна из стай на Резчика не походила. Но ведь в ней мало должно было остаться прежних элементов, ее можно будет узнать лишь по манере и поведению. *И это не важно.* Иногда он мог хранить дружбу дольше времени жизни любого элемента. Но с другими получалось так, что друг сам меняется за десятилетие, меняются его взгляды, преданность превращается в единодушие. Вот так, он считал, было и с Резчиком. Но теперь...

Коротко протрубили фанфары, почти как призыв к порядку. Главные двери нижнего балкона отворились, и вошла пятерка. Странник на мгновенье ужаснулся. Это действительно был Резчик, но как-то... очень не в порядке. Один элемент был так стар, что остальным приходилось ему помогать. Двое других еле вышли из щенячьего возраста, и один постоянно пускал слюни. Самый большой элемент был слеп — на глазах жемчужные бельма. Такое можно

было видеть только в прибрежных трущобах или в последнем поколении инцеста.

Она глядела на Странника сверху и улыбалась, будто узнала его. Когда она заговорила, это говорил слепой. Но голос был ясен и тверд.

— Продолжай, Хранитель.

Лорд-камергер склонил головы.

— Как прикажете, ваше величество. — Он показал вниз, на чужака. — Вот причина нашего срочного собрания.

— Диковины можно смотреть в цирке, Хранитель.

Этот голос исходил от пышно одетой стаи на верхнем балконе. Судя по поднявшимся крикам, это было мнение меньшинства. Одна стая на нижнем балконе перепрыгнула через перила и попыталась отогнать доктора от носилок чужака.

Лорд-камергер поднял голову, призывая к молчанию, и полыхнул взглядом на того, кто перепрыгнул через перила.

— Будь добр сохранять терпение, Тщательник. Все смогут посмотреть.

Названный этим именем испустил несколько ворчливых шипящих звуков, но отошел.

— Хорошо. — Все внимание Хранителя было теперь направлено на Странника и Описателя. — Ваша лодка обогнала новости с севера, друзья мои. Никто, кроме меня, вашего рассказа не знает, да и у меня только кодовые сообщения от стражи, переданные рогом через залив. Вы говорите, это создание слетело с неба?

Это было приглашение к рассказу. Странник предоставил говорить Описателю Джакерамафану — тот это любил. Он рассказал о летающем доме, о засаде и убийствах, о спасении чужака. Он показал свой глазной прибор и объявил себя секретным агентом Республики Длинных Озер. *Ну какой настоящий шпион такое сделает?*

Все стаи совета смотрели на чужака — кто со страхом, кто, как Тщательник, с непобедимым любопытством. И лишь Резчица смотрела только парой голов. Остальные, быть может, спали. Она была такой усталой на вид, каким Странник ощущал себя внутри. Он свои головы положил на лапы. Боль в Шраме пульсировала, и легко было бы заставить этого элемента заснуть, но тогда он бы очень

мало что понял из сказанного. Э! А эта идея все же неплохая. Шрам отключился, и боль стихла.

Разговор шел еще несколько минут, но тройка, которой стал Викрэк, уже не очень понимала его смысл. Хотя тоны голосов он улавливал. Тщательник — та стая на полу — несколько раз нетерпеливо на что-то пожаловался. Хранитель что-то ответил, соглашаясь. Доктор отступил, и Тщательник подошел к чужаку.

Странник пробудил себя полностью.

— Осторожно! Это создание отнюдь не дружелюбно!

— Твой друг мне уже один раз это говорил, — огрызнулся Тщательник.

Он обходил вокруг носилок, глядя на коричневое безволосое лицо чужака. Тот глядел бесстрастно. Тщательник осторожно подался вперед и потянул чужака за одежду. Опять никакой реакции.

— Видишь? — спросил Тщательник. — Оно понимает, что я не желаю ему вреда.

Странник не стал его поправлять.

— Оно в самом деле ходит только на этих задних ногах? — спросил кто-то из советников. — Вообразите только, как бы оно над нами громоздилось!

Смех. Странник вспомнил, как эти похожие на богомолов чужаки выглядят, когда стоят прямо.

Тщательник сморщил один из носов.

— Ну и грязное же оно! — Он весь расположился вокруг нее — поза, которая, как знал Странник, чужой не нравилась. — Эту стрелу, знаете ли, надо вынуть. Кровь почти остановилась, но если мы хотим, чтобы это создание прожило подольше, нужна будет медицинская помощь.

Он укоризненно посмотрел на Странника и Описателя, будто ставя им в вину, что они не сделали эту операцию на борту катамарана. Вдруг что-то привлекло его внимание, и тон его резко изменился.

— О Стая Стай! Вы посмотрите на эти передние лапы! — Он ослабил веревки, связывающие передние лапы чужака. — Две такие лапы не хуже, чем пять пар губ! Вы только подумайте, на что может быть способна стая таких созданий!

И он приблизился к одной из пятищупальцевых лап.

— Осто... — начал Странник. Но чужак резко сложил свои щупальца в клубок, передняя нога дернулась под немыслимым углом, вбивая лапу точно в голову Тщательника. Удар не мог быть особенно сильным, но попал точно в мембрану.

— Ау! Вау-вау-вау!

Тщательник отскочил назад.

И чужак тоже кричал. Это был чисто ротовой шум, высокий и тонкий. Зловещий этот крик заставил подняться все головы, даже головы Резчицы. Странник уже слышал его много раз. Он не сомневался — это была межстайная речь чужаков. Через несколько секунд звук сменился регулярными резкими выдохами и затих.

Долго никто не говорил ничего. Затем Резчица частично поднялась на ноги и посмотрела на Тщательника:

— Ты не пострадал?

Она заговорила впервые с начала собрания.

Тщательник облизывал лоб.

— Да нет. Этот элемент вполне соображает.

— Когда-нибудь твое любопытство тебя погубит.

Тщательник возмущенно фыркнул, но был явно польщен таким предсказанием.

Королева Резчица окинула взглядом своих советников:

— Я вижу один существенный вопрос. Тщательник утверждает, что один элемент чужака может быть столь же искусен, сколь целая стая нас. Это так?

Вопрос был адресован Страннику и Описателю.

— Да, ваше величество. Если бы чужак мог дотянуться до узлов веревок, он бы их развязал. — Он знал, к чему ведет, ведь сам до этого три дня доходил. — И эти звуки кажутся мне координированной речью.

Когда это дошло до других, говор взметнулся волной. Артикулирующий элемент часто способен выдавать полуразумную речь, но обычно за счет ухудшения координации движений.

— Именно так. Это создание не похоже ни на что из нашего мира, и лодка его спустилась с неба. Я боюсь думать, каков должен быть разум такой стаи, если один элемент столь же разумен, как целая стая нас?

Ее слепой, говоря эти слова, оглядывался вокруг, будто видел. Двое других обтирали морду слюнявому. Королева не представляла собой вдохновляющего зрелища.

Тщательник приподнял одну голову.

— Я не слышал ни намека на звук мысли. И передней мембраны у нее нет. — Он показал на разорванную одежду возле раны чужака. — И никаких признаков плечевой мембраны. Может быть, эта стая, которая разумна даже в виде синглета... А может быть, это и все, на что эти чужаки способны.

Странник про себя улыбнулся. Тщательник, конечно, беспокойный дурак, но явно не из тех, кто держится традиции. Уже столетия ученые спорили, в чем разница между людьми и животными. У некоторых животных мозг больше, у некоторых лапы или губы куда более умелые, чем у элемента стаи. В саваннах Восточной Долины есть создания, похожие на элементы стай и держащиеся группами, но без особой глубины мысли. Кроме разумных стай, бывали только еще волчьи гнезда и стаи китов. Координация мысли между элементами — вот что давало им превосходство. Теория Тщательника была ересью.

— Но мы слышали звуки мысли, и громкие, когда на них напали из засады, — сказал Джакерамафан. — Может быть, вот этот — вроде наших грудных, еще не умеющих думать...

— И уже такой разумный, как целая стая, — мрачно закончила за него Резчица. — Если эти существа не умнее нас, мы можем усвоить их умения. Не важно, насколько они велики, мы можем в конце концов стать им равными. Но если этот элемент — всего лишь кусочек сверхстаи...

Минуту не было слышно разговора, только приглушенный звук мысли советников. Если эти чужаки — сверхстаи, и если их посланец был убит, — возможно, уже никому спасения не будет.

— Итак. Наша главная задача — спасти это создание, подружиться с ним и узнать его истинное имя.

Головы Резчицы склонились, казалось, она забылась совсем — или просто устала. Вдруг несколько голов ее повернулись к лорду-камергеру.

— Доставить это создание в мои покои.

Хранитель чуть не подпрыгнул от удивления.

— Как можно, ваше величество! Мы же видели, насколько оно враждебно. И ему нужна медицинская помощь!

Резчица улыбнулась, голос ее стал шелковым. Странник помнил этот тон по прежним временам.

— Ты забыл, что я владею хирургией? Ты забыл, что я — Резчица?

Хранитель облизал губы и поглядел на других советников. Секунду помолчав, он сказал:

— Никак нет, ваше величество. Будет исполнено, как вы сказали.

Чувство, которое испытал Странник, можно было назвать радостью. Может быть, Резчица еще здесь все-таки правит.

12

На следующий день Странник сидел на ступеньках своей квартиры, когда Резчица пришла его навестить. Она пришла одна, в тех же простых зеленых куртках, которые он помнил по прошлому разу.

Он не поклонился и не вышел ей навстречу. Она минуту холодно смотрела на него, а потому уселась всего в нескольких ярдах.

— Как Двуногий? — спросил Странник.

— Я вынула стрелу и зашила рану. Думаю, он выживет. Мои советники были довольны: это создание действовало не как разумное существо. Оно билось, даже когда его привязали, будто у него понятия нет о хирургии. Как твоя голова?

— Все в порядке, пока я не двигаюсь. — Остальная часть его (Шрам) лежала за дверью в темноте комнаты. — Мембрана заживает отлично, и я думаю, что буду через несколько дней здоров.

— Ну и хорошо.

Выведенная из строя мембрана могла вызывать постоянные ментальные проблемы или необходимость замены

элемента, при этом возникала болезненная задача: куда девать обреченного на молчание синглета.

— Я помню тебя, пилигрим. Все элементы новые, но ты все тот же Странник. У тебя были прекрасные рассказы. Я рада была твоему визиту.

— А я был рад видеть великого Резчика. Поэтому я и вернулся.

Она с усмешкой наклонила голову:

— Великого Резчика прежних дней, а не эту старую развалину?

Он пожал плечами и спросил:

— А что случилось?

Она ответила не сразу. Какое-то время они сидели молча и смотрели на город. Было облачно, срывался иногда дождь. Холодный ветер с канала покусывал глаза и губы. Резчица поежилась и вспушила мех. Наконец она сказала:

— Эта душа у меня уже шестьсот лет — если считать по когтям. По-моему, ясно, что со мной случилось.

— Раньше извращение тебе не вредило.

Обычно Странник так прямо не говорил. Но что-то в собеседнице вызывало на откровенность.

— Да, обыкновенный инцест доходит до моего состояния за пару столетий и становится идиотом гораздо раньше. Мои методы были куда умнее. Я знала, кого с кем скрещивать, каких щенков оставлять, а каких отдавать другим. И всегда выходило, что мои воспоминания несет моя же плоть, а душа остается чистой. Но я недостаточно хорошо понимала — или пыталась сделать невозможное. Выбор становился все труднее и труднее, и наконец пришлось выбирать между умственными и физическими дефектами. — Она утерла слюну, и все, кроме слепого, оглянулись на город. — Сейчас самые лучшие дни лета. Жизнь становится зеленым безумием и рвется ухватить последний кусочек тепла перед зимой.

И действительно, казалось, зелень хочет покрыть все. Перистая трава сбегала по холмам в город, папоротники лезли на вершину, вереск укрывал серые кроны гор по ту сторону канала.

— Мне здесь нравится.

Никогда Странник не думал, что ему придется утешать Резчицу народа резчиков.

— Ты совершила чудо. Я слыхал о нем всю дорогу с другой стороны мира. И я ставлю что угодно, что половина стай здесь в родстве с тобой.

— Да-да, я пользовалась таким успехом, который ни одному распутнику даже не снился. Недостатка в любовниках у меня не было, хотя не всех щенят могла использовать я сама. Иногда я думаю, что мои побеги — это и был мой величайший эксперимент. Тщательник и Хранитель — в основном мои отпрыски. Но и Свежеватель тоже.

Ха! Вот этого Странник не знал.

— За последние лет сорок я более или менее смирилась со свой судьбой. Вечность не перехитрить, и когда-нибудь мне придется дать моей душе спокойно заснуть. Совет все больше и больше перебирает дел на себя — как могу я претендовать на власть, когда я больше не я? Я вернулась к искусству — ты видел эти черно-белые мозаики?

— Да. Они прекрасны.

— Я тебе покажу как-нибудь другие мои работы. Процедура эта скрупулезная, но почти автоматическая. Отличное было бы дело для последних лет моей души. Но ты с твоим чужаком все смешал. Черт побери, почему бы этому не случиться лет сто назад? Что бы я из этого сделала! Мы поиграли с твоим «ящиком картинок», ты знаешь. Они немножко похожи на мои мозаики — как солнце на светлячка. Там каждая картинка складывается из миллионов цветных точек, таких мелких, что их без линз Описателя не рассмотреть. Я за многие годы работы сложила десятки мозаик. Этот картиночный ящик делает бесконечные тысячи так быстро, что они даже движутся. Твои чужаки превратили дело моей жизни в царапанье грудного щенка на стенах колыбели.

Королева резчиков тихо плакала, но в голосе ее слышалась злость.

— И теперь весь мир собирается перемениться, и слишком поздно для такой старой развалины, как я!

Практически не думая, Странник протянул одного из своих элементов в ее сторону. Тот подошел очень близко:

восемь ярдов, пять. Мысли внезапно загудели в интерференции, но было слышно, что она успокаивается.

Резчица неясно рассмеялась:

— Спасибо. Странно, что тебе приходится мне сочувствовать. Величайшая проблема моей жизни — для пилигрима пустяки.

— Тебе было больно...

Ничего другого он не придумал сказать.

— Вы, пилигримы, меняетесь, меняетесь и меняетесь бесконечно.

Она придвинула к нему один из своих элементов, они почти соприкасались, и думать стало еще труднее. Странник заговорил, сосредотачиваясь на каждом слове, стараясь не забыть, что хочет сказать.

— Но я сохраняю что-то от души. Части, которые остаются пилигримом, должны иметь определенное мировоззрение.

Иногда величайшее озарение приходит в шуме боя или близости. Сейчас наступил такой момент.

— И я думаю, что сам мир сейчас созрел для перемены души, раз к нам с неба свалился двуногий. Разве будет для Резчицы лучшее время, чтобы расстаться со старым?

Она улыбнулась, и неразбериха мыслей стала громче, но она была приятной.

— Я не думала об этом в таком аспекте. Да, сейчас время перемены...

Странник вошел в ее середину. Две стаи минуту стояли обнявшись, мысли сливались в сладкий хаос. Последнее, что они ясно помнили, как шли вверх по лестнице в его апартаменты.

К вечеру того же дня Резчица принесла картиночный ящик в лабораторию Тщательника. Сам Тщательник и Хранитель уже были там. И Описатель Джакерамафан тоже там был, но держался от других дальше, чем могла бы требовать вежливость. Появление Резчицы прервало какой-то спор. Несколько дней назад такая свара ее бы расстроила. А теперь она просто втянула в комнату своего хромого, посмотрела на всех глазами слюнявого — и улыбнулась. Ей было хорошо, как не было уже много лет. Резчица приняла

решение и проводила его в жизнь, и теперь ее ждали новые приключения.

При ее появлении Описатель расцвел.

— Вы были у Странника? Как он?

— Отлично, просто отлично. — *Стоп! Незачем им показывать, насколько на самом деле отлично.* — Я имею в виду — он оправится полностью.

— Ваше величество, я благодарен вам и вашим врачам. Викрэкшрам — отличная стая, и... я хочу сказать, что даже пилигрим не может менять элементы ежедневно, как костюмы.

Резчица небрежно махнула головой в знак согласия. Потом подошла к середине комнаты и поставила на стол картиночный ящик чужака. Он был больше всего похож на большую розовую подушку, только с висячими ушами и вышитым на ней странным зверем. Резчица, провозившись с этим прибором полтора дня, здорово научилась... его открывать. Как всегда, появилось лицо двуногой, производящее ротовой шум. Как всегда, Резчица благоговейно восхитилась видом движущейся мозаики. Для создания этой иллюзии нужно было синхронно двигать миллион мельчайших «плиток». И все равно она каждый раз повторялась.

Резчица повернула экран так, чтобы Тщательник и Хранитель тоже видели.

Джакерамафан пододвинулся ближе и вытянул пару голов, чтобы видеть.

— Ты все еще думаешь, что этот ящик живой? — спросил он Хранителя. — Дашь ему чего-нибудь сладкого, и он откроет свои секреты, да?

Резчица улыбнулась про себя. Описатель не был пилигримом. Пилигримы слишком зависимы от чужой доброй воли, чтобы подкалывать тех, кто у власти.

Хранитель просто не обратил на него внимания. Все его глаза смотрели на Резчицу.

— Ваше величество, прошу не принимать за оскорбление. Я — то есть мы, члены совета, должны снова вас попросить. Этот ящик с картинками слишком важная вещь, чтобы оставлять его в пастях одной стаи, даже столь вели-

кой, как вы. Просим вас. Оставьте его нам всем, по крайней мере на время вашего сна.

— За оскорбление не принимаю. Если вы настаиваете, можете принять участие в моих исследованиях. Дальнейшие уступки не рассматриваются.

Резчица посмотрела на Хранителя невинным взглядом. Хранитель был знаток в вопросах шпионажа, посредственный администратор и никуда не годный ученый. Лет сто назад она бы отправила такого, как он, ухаживать за посевами, если бы он вообще решил остаться. Сто лет назад не было нужды в шпионах и контрразведчиках и вполне хватало одного администратора. Как все изменилось. Она машинально ткнула ящик носом — может быть, все опять изменится.

Тщательник на вопрос Описателя ответил серьезно:

— Я вижу, милостивый государь, несколько возможностей. Первая: это волшебство. — Хранитель отвернулся, недовольно поморщившись. — Я имею в виду, что этот ящик настолько превосходит наши возможности понимания, что является магическим. Но это ересь, которую никогда не примет Резчица, и я ее вежливо опускаю. — Он мелькнул в сторону Резчицы сардонической улыбкой. — Вторая: это животное. В совете многие так и подумали, когда Описатель впервые заставил его заговорить. Но оно похоже на взбитую подушку, даже с этой забавной вышитой на боку фигурой. Что еще важнее, оно отвечает на раздражители с абсолютной повторяемостью. А это — то, что я *могу* распознать. Это поведение машины.

— Это ваша третья возможность? — спросил Описатель. — Но ведь быть машиной — это значит иметь движущиеся части, а здесь, кроме...

Резчица резко махнула хвостом. Тщательник мог говорить так часами, а Описатель явно того же типа стая.

— А *я* так скажу: сначала надо больше узнать, потом рассуждать.

Она похлопала по углу ящика — точно так же, как Описатель на первой демонстрации. Лицо чужака с картинки исчезло, сменившись вертящимся цветным узором. Раздался всплеск звука, затем — ничего, кроме гудения, которое всегда издавал ящик в открытом виде. Они знали, что ящик

умеет воспринимать низкие звуки и что он ощущает прикосновения к квадратной платформе у себя внизу. Но эта платформа сама была чем-то вроде экрана для картинок: определенные команды преобразовывали решетку точек прикосновения в совершенно другие формы. Первый раз, когда они это сделали, ящик отказался отвечать на все дальнейшие команды. Хранитель был тогда уверен, что они «убили маленького чужака». Но когда они закрыли ящик и открыли его вновь, он вел себя по-прежнему. Резчица была *почти* уверена, что никакие касания или слова не смогут причинить этой штуке вред.

Она повторила известные сигналы в обычном порядке. Результаты были зрелищными и идентичными предыдущим. Но если изменить их порядок, эффект был другой. Резчица не была уверена, что согласна с Тщательником. Да, ящик ведет себя с повторяемостью машины... но такое разнообразие ответов гораздо более свойственно животному.

У нее за спиной Описатель и Тщательник выдвинули вперед по элементу. Те выставили головы повыше, чтобы ясно видеть экран. Шум их мыслей становился сильнее и сильнее. Резчица пыталась вспомнить, что она планировала дальше. Но шум стал наконец слишком силен.

— Не будете ли вы столь добры отодвинуться?! Я своих мыслей не слышу!

И вообще тут вам не хор.

— Ох, простите! Так достаточно?

Они отодвинулись футов на пятнадцать. А друг от друга эти элементы были на расстоянии двадцати футов. Да, наверное, Тщательник и Описатель очень хотят видеть экран. Хранитель держался на соответствующем расстоянии с видом настороженного энтузиазма.

— У меня есть предложение, — сказал Описатель. Голос его дрожал в попытках сосредоточиться и отвлечься от мыслей Тщательника. — Когда вы касаетесь квадратика три/четыре и говорите... — он воспроизвел звуки чужака, что было очень легко, — экран показывает набор картинок. Они явно соответствуют квадратикам. Я думаю, что нам дается выбор.

Хм.

— Так этот ящик в конце концов будет нас учить? — *Это машина, придется найти новые определения.* — Ладно, давайте поиграем.

Прошло три часа. К концу их даже Хранитель выдвинул одного своего элемента к экрану. Шум в комнате гудел на грани умалишенного хаоса. И каждый предлагал «скажи это», «нажми то», «когда он последний раз это говорил, мы поступили так-то»... Появлялись интригующие цветовые образы, зарисованные чем-то, очень похожим на письменную речь. По экрану метались крошечные двуногие фигурки, сдвигая символы, открывая окошки... Идея Описателя Джакерамафана оказалась верной. Первые картинки в самом деле были вариантами выбора. И варианты разворачивались дальше — как дерево, сказал Описатель. Он был не совсем прав — иногда они возвращались к уже пройденному. Это была метафора сетки улиц. Четыре раза они оказывались в тупике и должны были начинать сначала, закрыв ящик. Хранитель отчаянно чертил карты путей. Это помогло, теперь можно было распознать места, которые они хотели видеть снова. Но даже он понимал, что здесь есть бесчисленные иные пути и места, куда никогда не попасть методом слепого поиска.

А Резчица бы отдала добрую часть своей души за картинки, которые уже видела. Звездные поля, луны, сияющие голубым и зеленым, луны с оранжевыми поясами. Движущиеся картины чужих городов, тысячи чужаков так близко друг к другу, что они просто *соприкасались!* Если они объединяются в стаи, то стаи эти больше, чем где бы то ни было, даже в тропиках. А может быть, вопрос этот не имел смысла. Города превосходили ее воображение.

Наконец Джакерамафан отвалился от экрана и собрался вместе. Голос его дрожал.

— В этой штуке — целая вселенная. Мы можем изучать ее вечно и никогда не узнаем...

Она оглянулась на остальных двоих. Хранитель уже не смотрел всезнайкой, все губы его были в чернилах. Письменные скамейки вокруг были усеяны десятками зарисовок, одни четче, другие неразборчивей. Он бросил перо и тяжело вздохнул.

— По-моему, надо взять, что у нас уже есть, и изучить. — Он стал собирать зарисовки, складывая в аккуратную стопку. — Завтра, когда хорошо отоспимся, с ясными головами...

Тщательник отступил назад и растянулся.

— Все так, но оставь эти рисунки, друг Хранитель. — Он резко ткнул в листы. — Вот видишь — здесь и здесь? Ясно, что наше слепое блуждание дало нам кучу пустых результатов. Иногда картиночный ящик просто отключается, но чаще вот такая картинка: никаких вариантов, и только пара чужаков танцуют в лесу и издают ритмичные звуки. И тогда, если сказать... — он воспроизвел последовательность звуков, — мы получаем вот эти картинки с кучками палочек. На первой одна, на второй две и так далее.

Резчица это тоже заметила.

— Да, и выходит фигура, показывает на каждую из них и для каждой издает короткий шум.

Они с Тщательником смотрели друг другу в глаза: радость понимания, нахождения порядка там, где был сплошной хаос. Уже сотни лет с ней такого не бывало.

— Чем бы эта штука ни была, она пытается учить нас языку двуногих.

В последующие дни у Джоанны Олсндот хватало времени на размышления. Боль в груди и плече постепенно проходила. Если двигаться осторожно, это было всего лишь пульсирующее покалывание. Стрелу вынули и рану зашили. Она никогда так не пугалась, как в тот момент, когда они привязали ее и собрались вокруг с ножами в пастях и сталью на когтях. Потом они начали резать; Джоанна представить себе не могла, что бывает такая боль.

Вспомнив ее, она содрогнулась. Но эта боль не являлась ей в кошмарах, как являлись...

Мама и папа погибли. Она собственными глазами видела их смерть. А Джефри? Джефри, быть может, жив. Иногда Джоанну целый день не оставляла надежда. Она видела, как горели дети в гибернаторах вне корабля, но те, что внутри, могли остаться в живых. Потом ей вспоминалось, как неумолимо шли нападающие, круша и сжигая все на своем пути и убивая всех вокруг корабля.

Она — пленница. Но сейчас она нужна убийцам живой и здоровой. Охранники не вооружены — если не считать зубов и когтей. И стараются держаться подальше от нее. Они знали, что она может быть опасной.

Джоанну держали в большой темной комнате. Когда она оставалась одна, она бродила туда-сюда.

Эти собакоподобные — варвары. Хирургия без обезболивания, быть может, даже не была намеренной пыткой. Не было воздушных судов, не было никаких признаков электричества. Туалет был просто щелью в мраморной плите. Была она так глубока, едва был слышен плеск на дне. Но все равно она воняла. Эти создания были такими отсталыми, как люди в самые темные века Ньоры. У них никогда не было техники, либо она была полностью забыта. Джоанна чуть не улыбнулась. Мама любила романы о кораблекрушениях, где героини оказывались в забытых колониях. Главной работой всегда было изобрести технологию и починить корабль. Мама всегда так погружена... была погружена в историю науки, она в этих романах любила подробности.

Что ж, теперь Джоанне приходится переживать это в жизни. Она хотела спасения, но еще она жаждала мести. В этих тварях нет ничего человеческого. Она даже не может припомнить, чтобы читала о чем-нибудь подобном. Можно было бы посмотреть в компьютере, если бы эти твари его не отобрали. Ха. Пусть поиграются. Быстро налетят на ее ловушки, и их просто выбросит.

Сначала у нее были только одеяла. Потом ей дали одежду, скроенную по образцу ее костюма, но сделанную из пушистых лоскутков. Одежда была теплая и прочная, а сшита с такой аккуратностью, какую нельзя было ожидать от шитья без машины. Теперь Джоанна могла спокойно гулять снаружи. Больше всего ей нравился сад рядом с ее домом. Это был квадрат со стороной примерно сто метров, и за ним лежала круча холма. В саду было полно цветов и деревьев с перистыми листьями. По мшистому дерну извивались выложенные плитняком дорожки. Мирное было место, если бы Джоанна мечтала о мире — как задний двор дома на Страуме.

Были тут и стены, но с высокого конца сада можно было заглянуть за них. Стены изгибались в разные стороны, и кое-где можно было видеть другую сторону стены. Бойницы окон были как в уроках по истории: через них можно было пускать стрелы или пули, не подставляясь под выстрел самому.

Когда солнце заходило, Джоанна любила сидеть там, где запах перистых листьев был сильнее всего, и смотреть на залив поверх нижних стен. Что именно она видит, она не знала. Это было похоже на гавань. Лес мачт и рей, почти как морской пейзаж на Страуме. Улицы города широкие, но вьются зигзагом, а дома стоят вкривь и вкось. Просто каменный лабиринт, нагромождение крыш. А еще есть другая стена — виляющая полоса, тянущаяся, сколько хватает глаз. Дальние холмы со скальными вершинами покрыты пятнами снега.

А внизу в городе ходят собакоподобные. Если смотреть их по одному, можно почти что принять их за собак (только со змеиными шеями и крысиными головами). Но если смотреть на них издали, то видна их истинная природа. Они всегда передвигаются небольшими группами, редко больше шести особей. Внутри одной стаи они касаются друг друга и помогают друг другу с продуманной грацией. Но Джоанна никогда не видела, чтобы одна группа подходила к другой ближе десяти метров. Отсюда, издали, члены одной стаи, казалось, сливаются, и будто движется один зверь с множеством конечностей, тщательно старающийся не столкнуться с другим таким же. Вывод был неизбежен: одна стая — один разум. *Разум настолько злобный, что не может вынести присутствие другого.*

Пятый выход в сад был самым приятным, почти близким к радостному. Цветы выбрасывали в воздух пушистые семена. Свет низкого солнца вспыхивал на тысячах парящих в легком бризе пушинках — цукатах в невидимом сиропе. Джоанна представила себе, как бы повел тут себя Джефри. Сначала напустил бы на себя взрослое достоинство, а потом запрыгал бы на одной ножке. А под конец побежал бы вниз по холму, стараясь поймать как можно больше пушинок. И смеялся бы...

— Здравствуйте, как поживаете? — раздался позади нее детский голос.

Джоанна подпрыгнула так резко, что чуть не разошлись швы на ее ране. Конечно, за ней стояла стая. Они — оно? — это была стая, которая вырезала у нее стрелу. Вшивая компания. Вся пятерка припала к земле, готовая тут же удрать. И вид у них был такой же пораженный, как была поражена сама Джоанна.

— Здравствуйте, как поживаете? — снова повторил голос.

Повторил точно, как звукозапись, только звук издавал один из стаи с помощью своих гудящих пятен на плечах, на холке и на голове. Джоанна видала животных, повторяющих звуки, как попугаи. Но на этот раз слова были почти к месту. Голос был не ее, но эту мелодию она уже слышала.

Джоанна положила руки на бедра и уставилась на стаю. Двое животных посмотрели на нее в ответ, остальные, казалось, любовались пейзажем. Один нервно вылизывал себе лапу.

Двое задних тащили ее компьютер! Джоанна сразу поняла, откуда они взяли песенку-обращение. И она знала, чего они ждут в ответ.

— Спасибо, хорошо. А как вы?

Глаза стаи почти комически вытаращились.

— И я тоже. Рады познакомиться!

На этом игра кончилась, и раздался взрыв бульканья. Снизу с холма кто-то ответил. Там была другая стая, прятавшаяся в кустах. Джоанна знала, что пока она остается возле первой, вторая не подойдет.

Значит, шипастые — так назвала Джоанна их за шипы на когтях передних лап, которые она никогда не забудет, — играли с Розовым Олифантом и не попали ни в одну ловушку для дураков. Это лучше, чем получалось у Джефри. Очевидно было, что они попали в языковую программу детского режима. Это можно было предусмотреть. Компьютер долго получал дурацкие ответы, и он переключился сначала в режим для малышей, а потом — для малышей, которые даже не говорят по-самнорски. Если Джоанна немножко поможет, эти стаи смогут выучить ее язык. Хочет ли она этого?

Стая подошла поближе; как минимум двое членов стаи все время следили за Джоанной. Они уже не были так го-

товы броситься наутек, как раньше. Ближайший плюхнулся на брюхо и посмотрел на Джоанну снизу вверх. Очень симпатичный и беспомощный, если не смотреть на когти.

— Меня зовут... — Джоанна услыхала короткое булькание с такими обертонами, от которых у нее загудело в голове. — А как тебя зовут?

Джоанна помнила, что это часть сценария обучения языку. Эта тварь никак не могла бы понять значение отдельных слов. Эта пара сочетаний — «меня зовут, тебя зовут» — повторялась в детской программе вновь и вновь. Даже растение в конце концов поняло бы смысл. Но произношение у шипастых было такое четкое...

— Меня зовут Джоанна.

— Джоуанна, — повторила стая голосом Джоанны, вставив лишнюю гласную.

— Джоанна, — поправила Джоанна. Имя шипастого она даже не пыталась повторить.

— Здравствуй, Джоанна. Давай поиграем в названия!

Это тоже было частью сценария и произносилось с дурацким энтузиазмом. Джоанна села. Конечно, знание самнорского даст шипастым над ней преимущество... но только так она сможет узнать о них, только так сможет услышать что-нибудь о Джефри. А если они и Джефри убили? Что ж, тогда она узнает, как наказать их посуровее, как они заслужили.

13

В королевстве Резчицы — а через несколько дней и на Скрытом Острове Свежевателя — кончился длинный день полярного лета. Сначала появились легкие сумерки точно в полночь, когда даже самые высокие холмы покрывала тень. И быстро стали нарастать часы темноты. День бился с ночью, и ночь побеждала. Перистые деревья в долинах приняли осенний цвет. Глядя днем на фиорд, можно было заметить красно-оранжевые пятна на ближайших холмах, а выше — зелень вереска, незаметно переходящую в серость

лишайника и черноту скал. Снежные пятна ждали своего времени, и оно было уже близко.

На закате, наступающем каждый день на несколько минут раньше, Тиратект обходила бастионы крепостной стены Свежевателя. Идти нужно было три мили. Нижние уровни охранялись линейными стаями, но наверху было лишь несколько смотровых постов кругового обзора. Когда она подходила, они отступали в сторону с военной четкостью. И даже более чем военной — проходя, она замечала их страх. К этому трудно было привыкнуть. Сколько она могла ясно помнить — почти двадцать лет, — Тиратект жила в страхе перед другими, в стыде и вине, в поисках того, за кем можно следовать. Теперь все перевернулось. Теперь она знала, нутром знала, какое зло она себе причинила. И знала, почему боятся ее часовые. Для них она и была Свежевателем.

Конечно, она даже намеком не выдавала такие мысли. Жизнь ее в безопасности лишь до тех пор, пока не раскроется ее обман. Тиратект трудно было подавить естественные, застенчивые манеры. Не раз она с момента прибытия на Скрытый Остров ловила себя на старой привычке опускать головы и закрывать глаза.

Но теперь у Тиратект был взгляд Свежевателя — и она его использовала. Обход ее по внешней стене был незаметным и зловещим — как у Свежевателя. Она оглядывала свои — его — владения его прежним взглядом — все головы устремлены вперед, будто видят то, что недоступно жалким умам последователей. Никто не должен догадаться о причине ее вечерних обходов: в это время здесь дни и ночи были как в Республике. Она даже почти представляла себе, что она снова дома, еще до Движения и резни на площади Парламента, до того, как ей перерезали глотки и обвенчали куски Свежевателя с обрубками ее души.

В золотых и охряных полях за каменными стенами крестьяне возились с посевами и стадами. Власть Свежевателя распространялась далеко за пределы видимости, но ему никогда не приходилось ввозить еду. Зерно и мясо в хранилищах создавались в пределах двух дней пути от проливов. Стратегический смысл этого был ясен, но сейчас это лишь

было мирным вечерним зрелищем, навевающим воспоминания о родном доме и школе.

Солнце зашло за горы, на поля легли длинные тени. Замок Свежевателя остался островом в море теней. Тиратект чуяла холод. Сегодня ночью снова будет морозно. Завтра с утра поля покроет иней, который исчезнет через час после восхода.

Тиратект плотнее запахнула куртки и подошла к восточной обзорной площадке. На той стороне проливов один из ближних холмов еще купался в солнце. Там и приземлился корабль чужаков. Он и сейчас там стоял, но за оградой из камня и дерева — Булат стал строить ее сразу после приземления. В карьерах на северной оконечности Скрытого Острова работа кипела сильнее, чем при Свежевателе. Постоянно шли через пролив баржи с камнем. Даже сейчас в меркнущем свете дня непрерывно шла работа на стройке Булата. Его Посещения и инспекции чиновников поменьше были суровее, чем Свежеватель когда-либо устраивал.

Властитель Булат был убийцей, хуже того — манипулятором. Но с момента приземления в нем было еще одно, и Тиратект это знала: смертельный страх. И по очень основательной причине. Хотя она знала, что народ, которого боится Булат, может убить их всех, в глубине затаенной души Тиратект желала этому народу победы. Булат и свежеватели налетели на звездных пришельцев без предупреждения, скорее из жадности, чем из страха. На их совести десятки существ. В некотором смысле эти убийства были хуже того, что Движение сделало с ней. Тиратект пошла за Свежевателем по собственной воле. У нее были друзья, которые предупреждали ее не лезть в Движение. О Свежевателе ходили черные слухи, и не все из них были чистой пропагандой. Но она так хотела идти за ним, отдать себя Чему-то Большему... Они использовали ее — в буквальном смысле — как свой инструмент. Но у нее была возможность этого избежать. У звездных людей такой возможности не было — Булат просто устроил им бойню.

Значит, теперь Булат трудится из страха. За первые три дня он укрыл летающий корабль крышей: вдруг, откуда ни возьмись, дурацкий крестьянский дом на холме. Вскоре пос

ле этого корабль чужаков скрылся за каменными стенами. Под конец эта крепость может оказаться больше той, что на Скрытом Острове. Булат понимал, что если его злодейство его не уничтожит, оно сделает его самой властительной стаей мира.

И потому Тиратект и оставалась на острове, продолжая свой маскарад. Но вечно он длиться не мог. Рано или поздно другие фрагменты доберутся до Скрытого Острова, Тиратект будет уничтожена, и Свежеватель возродится полностью. Может быть, она и до этого не доживет. Ведь двое ее — это Свежеватель. Хозяин просчитался, думая, что они вдвоем одолеют троих. Вышло же так, что сознание трех овладело блестящими способностями двух. Она помнила почти все, что знал великий Свежеватель, все его хитрости и предательства. Эти двое дали ей такую энергию, которой она никогда не знала раньше. В каком-то смысле она обрела то, ради чего так наивно пошла в Движение, и великий Свежеватель допустил ту самую ошибку, которую в своем самодовольстве считал невозможной. Пока она держит этих двух под контролем, у нее есть шанс. Пока она вся бодрствует, это не представляет трудности — она по-прежнему ощущает себя как «она», все еще помнит свою жизнь в Республике яснее, чем жизнь Свежевателя. Во сне же — дело другое. Секс во сне должен быть умиротворением, для нее же он был битвой. Она просыпалась избитая и измятая, будто отбивалась от насильника. Если эти двое когда-нибудь вырвутся на свободу, если она проснется и почувствует, что теперь она не «она», а «он»... Этим двоим понадобится секунда, чтобы разоблачить ее маскарад, еще чуть больше, чтобы убить остальных троих и поместить элементы Свежевателя в более управляемую стаю.

И все же она оставалась. Булат собирался использовать чужаков и их корабль, чтобы распространить по миру кошмар свежевателей. Но план его был уязвим, рискованный на каждом шагу.

И если есть что-то, что она может, чтобы уничтожить его и Движение Свежевателя, она это сделает.

На той стороне замка только западная башня еще была освещена солнцем. В оконных щелях не было видно лиц,

но глаза смотрели внимательно: Булат наблюдал за Фрагментом Свежевателя — Свежевателем-в-Ожидании, как он себя называл, — внизу, на бастионах.

Фрагмента признали все его командиры. Фактически они оказали ему то же почтение, что и полному Свежевателю. В некотором смысле Свежеватель создал их всех, потому и не странно, что их пробирала дрожь от присутствия Хозяина. Даже Булату становилось не по себе. Формируя его, Свежеватель заставлял нарождающегося Булата пытаться его убить; и каждый раз, когда попытка проваливалась, самых слабых элементов подвергали пытке. Булат знал, что вбитое тогда все еще сидит в нем, и это знание помогало ему с этим бороться. Как бы там ни было, говорил он себе, Фрагмент Свежевателя из-за этого в еще большей опасности: если он попытается сделать ставку на страх, Булат может просто не рассчитать и действовать сильнее, чем надо.

Рано или поздно Булату придется принять решение. Если он не убьет Фрагмент раньше, чем остальные фрагменты доберутся до Скрытого Острова, то весь Свежеватель соберется воедино. Если даже два его элемента смогли подчинить себе правление Булата, то все шесть просто сотрут его. Хочет ли он смерти Хозяина? И если да, есть ли надежный и безопасный способ? Эти вопросы пульсировали в уме Булата, когда он смотрел на одетую в черное стаю.

Булат привык играть по крупной. Он был рожден для такой игры. Но таких высоких ставок не бывало еще никогда. Свежеватель был близок к тому, чтобы обратить величайшую нацию континента, и мечтал о том, чтобы править миром... Властитель Булат глядел на склон холма на той стороне проливов, на новый замок, который он строил. В его теперешней игре мировое господство будет простым следствием победы, а следствием поражения будет крушение мира.

Вскоре после нападения Булат побывал у летающего корабля. От земли все еще шел пар. И с каждым часом, казалось, он становился горячее. Материковые крестьяне говорили о разбуженных демонах земли, от советников Булата тоже было мало пользы. Белым курткам, чтобы подойти ближе, приходилось надевать обмотанные тканью са-

поги. Булат не обратил внимания на пар, отказался от сапог и подошел к закругленному корпусу. Снизу он был очень похож на корпус лодки, если не считать стоек. Возле центра было выпячивание, похожее на сосок, земля под ним булькала расплавленной скалой. Вверх по холму от корабля отходили ряды выгоревших гробов. Извлекли и отправили на анатомирование несколько трупов. Советники первые часы были переполнены фантастическими теориями: богомолы — это были воины, бегущие от битвы, чтобы похоронить своих мертвых.

До сих пор никто не смог как следует осмотреть внутренность корабля.

Серые ступеньки были сделаны из материала, прочного, как сталь, но намного легче. Однако это определенно были ступеньки, хотя и довольно высокие для элемента средних размеров. Булат вскарабкался наверх, оставив Теневика и еще одного советника снаружи.

Он просунул в люк одну голову — и резко ее отдернул. Акустика была убийственная. Теперь он понял, на что жаловались белые куртки. Как это чужаки выносили? Элемент за элементом он заставил себя войти внутрь.

Эхо просто орало — хуже, чем от незанавешенного кварца. Булат заставил себя успокоиться, как часть делал в присутствии Хозяина. Эхо ослабело, но все равно стены гудели струной. Такого даже лучшая белокурточная стая больше пяти минут не выдержит.

Эта мысль заставила Булата подобраться. Дисциплина. Тишина не обязательно означает покорность — бывает, что она означает охоту. Булат оглянулся вокруг, игнорируя ревущее бормотание.

Свет исходил от голубоватых полос на потолке. Когда глаза привыкли, Булат увидел то, что описывали его люди: внутри было всего две комнаты. Он стоял в большей из них — грузовой трюм? В дальней стене был люк, а за ним — вторая комната. Стены не имели стыков — с виду, по крайней мере. Они сходились под углом, не соответствовавшим внешнему корпусу — там должно быть мертвое пространство. Вокруг комнаты веял ветер, но воздух был намного теплее наружного. Никогда еще не был Булат в таком месте, которое так излучало бы силу и зло, как это. Очевидно,

все дело в акустике. Когда здесь навесят поглощающую обивку и поставят рассеиватели, это чувство уйдет. И все же...

Комната была уставлена гробами, и эти были несожженными. Воздух вонял запахом тел чужаков. В каком-то смысле это успокаивало: чужаки дышат и потеют, как все живые существа, и при всех своих замечательных изобретениях не способны держать свое логово в чистоте.

Булат прошел вдоль гробов. Ящики были смонтированы в стойках с рельсами. Когда те, что снаружи, тоже были здесь, комната была забита очень плотно. Неповрежденные гробы были шедевром ремесла. Из щелей на боках стоек дул теплый воздух. Булат принюхался: сложный, немножко тошнотворный, но точно не запах смерти. И не отсюда шел все заглушающий запах пота богомолов, заполнявший все.

У каждого гроба на боку было окошко. Ну и почести для останков одиночного элемента! Булат подскочил и заглянул в одно из них. Труп полностью сохранился. В голубом свете он казался замороженным. Булат наклонил вторую голову над краем ящика, получив двойное изображение лежащего внутри существа. Оно было намного меньше, чем двое, убитые при нападении. Даже меньше, чем то, которое захватили в плен. Некоторые советники Булата считали, что маленькие — это щенки, может быть, еще грудные. В этом был смысл: пленник ни разу не издавал звуков мысли.

Частично ради самодисциплины Булат заставил себя долго смотреть на странное плоское лицо чужака. Эхо мысли было непрекращающейся болью, съедавшей внимание, требовавшей, чтобы он отсюда выбрался. *Ничего, пусть болит.* Ему приходилось выносить и худшее, и пусть все стаи снаружи знают, что Булат сильнее их всех. Он умеет преодолевать боль, и его проницательность непревзойденна. А потом они тут поработают, устанавливая обивку и изучая содержимое комнат.

И Булат, почти без мыслей, смотрел в это лицо. Вопль стен несколько утих. Ну и уродливое же лицо! Булат уже видел обугленные трупы снаружи, заметил мелкие челюсти и странно деформированные зубы. Как эти существа едят?

Прошли минуты, уродство и шум сливались в одно, как во сне... И посреди транса Булата вдруг ударил ужас кошмара: лицо шевельнулось. Перемена была небольшая и произошла очень, очень медленно. Но за несколько минут лицо изменилось.

Булат упал с гроба, стены отразили вопль ужаса. Несколько секунд Булату казалось, что шум его убьет. Потом он снова обрел способность мыслить тихо. И снова залез на ящик. Все его глаза смотрели сквозь кристаллическую стену, он застыл в ожидании, как стая на охоте...

Изменение было регулярным. Чужак в гробу дышал, но в пятьдесят раз медленнее любого нормального элемента. Булат перешел к другому ящику и стал смотреть в него. Каким-то образом они *все живы*. В этих ящиках просто замедлялась жизнь.

Почти не видя, он поднял глаза от ящиков. Зло, излучаемое этой комнатой, было звуковой иллюзией... и чистой правдой.

Богомолоподобные чужаки высадились вдали от тропиков, вдали от коллективов. Может быть, они думали, что северо-запад Арктики — необитаемая глушь. И прибыли на корабле, набитом щенками богомолов. Эти ящики — как коконы личинок: стая приземляется, выращивает детенышей до взрослого состояния — подальше от цивилизации... При этой мысли шерсть у Булата встала дыбом. Если бы стаю богомолов не захватили врасплох, если бы войска Булата были хоть чуть менее агрессивны... это мог быть конец мира.

Булат, шатаясь, добрался до внешнего люка, и страх его отражался от стен все громче и громче. Но даже при этом он все равно на момент остановился во тьме и в крике. Когда все его элементы сошли по лестнице, он двигался спокойно, каждая куртка точно на месте. Вскоре его советники узнают об опасности, но его страха они не увидят никогда.

Булат легкими шагами прошел дымящийся дерн, вышел из-под корпуса. Но даже он не смог удержаться от короткого взгляда на небо. Здесь был один корабль, одна стая чужаков. Ему не повезло, что он налетел на Движение. И даже при этом его поражение зависело от слепой

удачи. А сколько еще сядет кораблей или уже сели? Есть ли время чему-то научиться от своей победы?

Разум Булата вернулся к настоящему, к орлиному гнезду над замком. Первая встреча с кораблем была много декад тому назад. Угроза еще оставалась, но теперь он лучше ее понимал. И, как любая великая опасность, она открывала и великую перспективу.

На бастионе Свежеватель-в-Ожидании скользил вдоль стены в сгущающихся сумерках. Глаза Булата следили, как движется эта стая под факелами и исчезает один за другим на ведущей вниз лестнице. Чертовски много от Хозяина было в этом фрагменте; он многое понял о приземлении чужаков раньше всех прочих.

Булат бросил последний взгляд на темнеющие холмы, повернулся и пошел по винтовой лестнице вниз. Спуск был искривленный и крутой — обзорная площадка находилась на вершине сорокафутовой башни. Ширина лестницы еле достигала шестнадцати дюймов, а потолок нависал над лестницей в тридцати дюймах. Со всех сторон обступал плотный камень — настолько близко, что мысли не путались эхом, но при этом настолько близко, что разуму приходилось вытягиваться в длинную линию. Подъем по винтовой лестнице требовал вывернутой напряженной позы, которая делала любого атакующего легкой добычей защитников башни. Особенности военной архитектуры. Для Булата же ползание в искривленной темноте было приятной тренировкой.

Лестница выходила в общий коридор десяти футов шириной с закутками каждые пятьдесят футов. Там его ждали Теневик и телохранитель.

— Последние известия из королевства Резчицы, — сказал Теневик. Он держал свиток шелковой бумаги.

В свое время то, что второго чужака упустили в руки Резчицы, казалось страшным ударом. Лишь постепенно Булат сообразил, как это здорово можно использовать. У него были агенты среди резчиков. Сначала он намеревался приказать убить чужака — это было так просто сделать. Но просочившаяся на север информация была интересной. Среди резчиков были сообразительные ребята. Они доду-

мались до того, что ускользнуло от Булата и Хозяина — *фрагмента* Хозяина. Фактически у Резчицы оказалась дополнительная лаборатория Булата по изучению чужака, и враги Движения служили ему, как любой другой инструмент. Непобедимая ирония.

— Отлично, Теневик. Давай это в мое логово. Я там скоро буду.

Булат махнул белым курткам в сторону резервного закутка, они забились туда, а он прошел мимо. Прочесть рапорт за хорошей выпивкой — неплохая награда после трудового дня. А пока — другие обязанности и другие удовольствия.

Хозяин начал строительство Замка на Скрытом Острове уже больше ста лет назад, и Замок все еще рос. В самых старых строениях, где обычный правитель разместил бы тюрьмы, находились первые лаборатории Свежевателя. Хотя многие из них можно было принять за тюремные камеры — что и делали их обитатели.

Булат осматривал лаборатории не реже раза в декаду. Сейчас он обходил самые нижние этажи. От света факелов, которые нес телохранитель, разлетались в разные стороны сверчки. Пахло гниющим мясом. Иногда лапы Булата скользили на покрытом слизью камне. В полу через правильные расстояния были проделаны дыры. В каждой мог находиться один элемент, тесно прижав ноги к телу. Каждый был накрыт крышкой с небольшими отверстиями для воздуха. Средний элемент сходил с ума через три дня подобной изоляции. Результирующий «сырой материал» можно было использовать для построения стай с чистым разумом. Обычно получались стаи, способные на чисто растительную жизнь, но от некоторых Движение большего не требовало. А иногда из этих ям выходили замечательные вещи. Например, Теневик. Как его называли некоторые, Теневик Бесцветный. Теневик Бесстрастный. Стая, живущая вне боли и вне желаний. Его надежность была надежностью часов, но созданных из плоти и крови. Он был не гений, но Булат отдал бы одну из восточных провинций за еще пятерых таких. Ожидание еще большего успеха заставляло Булата использовать изоляторные ямы

снова и снова. На такую переработку он отправил большинство переживших засаду обломков...

Булат выбрался обратно на верхние уровни, где шли по-настоящему интересные эксперименты. Весь мир смотрел на Скрытый Остров с восхищенным ужасом. Потому что слышали о нижних уровнях. Но большинство не сознавало, насколько малую роль играли они в науке Движения. Чтобы должным образом вскрыть душу, нужно больше, чем скамьи с кровавыми потрошителями. Результаты с нижних уровней были всего лишь первым шагом интеллектуального поиска Свежевателя. В мире были великие вопросы, которые будоражили умы стай уже тысячелетия. Как мы думаем? Почему мы верим? Почему одна стая — гений, а другая — тупица? До Свежевателя философы вели нескончаемые споры и никогда близко не подходили к правде. Даже Резчик танцевал вокруг этих тем, не желая отказаться от традиционной этики. А Свежеватель был готов к тому, чтобы получить ответы. В этих лабораториях допросу подвергалась сама природа.

Булат прошел по камере шириной в сто ярдов, где крышу поддерживали десятки каменных колонн. С каждой стороны там были темные отделения, керамические стены, поставленные на колесики. Пещера могла быть перегорожена любым образом, превращаясь в лабиринт любого рисунка. Здесь Свежеватель экспериментировал с любыми позами мысли. Столетия до него было лишь несколько эффективных поз: инстинктивная — головы вместе, кольцевой часовой, различные рабочие позы. Свежеватель испробовал дюжины других: звезды, кольца, решетки. Большинство их было бесполезно и путало мысль. В звезде только один элемент мог слышать всех остальных, которые слышали только его. Фактически все мысли должны были проходить через этого осевого элемента. Осевой мог вообще не давать никакого разумного вклада, но стоило ему неверно что-то понять, мысль тут же искажалась бесповоротно. Получался пьяный бред... Конечно, этот эксперимент был обнародован для внешнего мира.

Но по крайней мере один из прочих — все еще секретный — работал до странности хорошо. Свежеватель расставил по кругу восемь стай, отделил их одну от другой

шиферными перегородками, а затем установил связь между членами каждой стаи и соответствующими им членами трех других. В сущности, он создал стаю восьми стай. Булат все еще продолжал этот эксперимент. Если связные были достаточно совместимы (а это и было главной трудностью), результат оказывался умнее кольцевого часового. Во многих смыслах стая не была так умна, как единая стая со сдвинутыми головами, но иногда ее посещали исключительные озарения. До ухода к Длинным Озерам у Хозяина были планы перестройки зала совета так, чтобы заседания проходили в этой позе. Булат не стал осуществлять эту идею. Слишком рискованно: превосходство Булата над другими не было столь полным, как у Хозяина...

Не важно. Были другие, более значительные проекты. Находящиеся впереди комнаты были истинным сердцем Движения. В этих комнатах родилась душа Булата, все величайшие творения Свежевателя пошли отсюда. Последние пять лет Булат продолжал эту традицию и улучшал ее.

Он миновал коридор, связывающий отдельные комнаты. На каждой был золотом выложен ее номер. Каждую дверь он открывал и частично заходил внутрь. Сотрудники оставляли у двери свой отчет о работе за последние десять дней. Булат кратко его пробегал, затем высовывал нос на балкон взглянуть на эксперимент внизу. Балконы были хорошо звукоизолированы и защищены. Оттуда легко было наблюдать незамеченным.

Одной из слабостей Свежевателя (по мнению Булата) была идея создать сверхсущество. Уверенность Хозяина в себе была столь велика, что он верил, будто каждый такой успех он сможет применить к собственной душе. У Булата таких иллюзий не было. Это общеизвестно, что создания — ученики, отделенные дети, приемыши — кто угодно — превосходят учителей. И он, Булат, — блестящая тому иллюстрация, хотя Хозяин об этом пока не знает.

Булат был намерен создавать существа, которые будут сверхсуществами *каждое в своем единственном роде* — а в остальных аспектах слабыми и недоразвитыми. В отсутствие Хозяина он начал группу экспериментов. Булат начинал с нуля, определяя наследственные линии независимо от членства в стае. Его агенты покупали или крали щенят,

которые могли оказаться перспективными. В отличие от Свежевателя, который вливал щенков в существующие стаи подобно природе, Булат создавал свои стаи полностью новорожденными. Его стаи щенков не имели воспоминаний или фрагментов души. Полный контроль с самого начала принадлежал Булату.

Разумеется, много таких конструкций быстро погибало. Щенков приходилось отбирать от маток, пока они еще не восприняли часть сознания взрослых. Новую стаю учили только речью и письменным языком. Вся входная информация контролировалась.

Булат остановился перед дверью номер тридцать три: Эксперимент Амдиранифани, математическое совершенство. Это была не единственная попытка в этом направлении, но намного более успешная, чем остальные. Агенты Булата обшаривали Движение в поисках стай, способных к абстракции. Они заходили и дальше: самый знаменитый математик мира жил в Республике Длинных Озер. Стая была готова к делению; у нее было несколько щенков от себя самой и математически одаренного любовника. Булат сумел изъять этих щенков. Они настолько хорошо сочетались с другими приобретениями, что он решил сделать восьмерку. Если получится, эта стая по разумности превзойдет все возможное.

Булат жестом приказал телохранителю затенить факелы. Открыв дверь тридцать третьей, он на цыпочках вывел одного своего элемента на балкон. Посмотрел вниз, тщательно заглушив переднюю мембрану этого элемента. Свет был тусклым, но ясно были видны щенки, сбившиеся в кучу... со своим новым другом. Богомолом. Безмятежность — так можно было бы назвать это все. Награда, приходящая к исследователю после долгой, тяжелой, тщательной работы. Раньше у него было две проблемы. Первая: Амдиранифани постепенно угасал, его элементы впадали в обычный аутизм полностью новорожденной стаи. Вторая — это был пленный чужак. Был он огромной угрозой, огромной загадкой и огромной возможностью. Но как с ним общаться? Возможности манипуляции без общения очень ограничены.

И вдруг по слепой прихоти судьбы решение обеих проблем указал нерадивый Слуга.

Глаза Булата привыкли к темноте, и под кучей щенков он смог рассмотреть чужака. Когда Булат впервые услышал, что это создание поместили в эксперимент, от гнева он чуть не потерял способность думать. Допустившего ошибку Слугу пустили в переработку.

Но бежали дни, и эксперимент Амдиранифани стал демонстрировать такую живость, которой не было у него с самого момента отнятия щенков от маток. Очень быстро выяснилось — из результатов вскрытия других чужаков — что богомольский народец *не живет* в стаях. У Булата в руках был *полный* чужак.

Чужак пошевелился во сне и издал низкий шум ртом. Никаких других звуков он издавать не умел. Щенки сдвинулись, приспосабливаясь к его новому положению. Они тоже спали, неясно думая между собой. На нижнем конце спектра этих звуков слышалась точная имитация звуков чужака. И это был самый большой прорыв из всех. Эксперимент Амдиранифани осваивал речь чужака. Для стаи новорожденных это была всего лишь иная форма межстайной речи, и, очевидно, его друг-богомол был интереснее, чем появлявшиеся на балконе учителя. Фрагмент Свежевателя утверждал, что здесь все дело в физическом контакте — щенки реагируют на чужака как на суррогатного родителя, хотя он совершенно безмысленен.

Но это все не важно. Булат высунул на балкон еще одну голову. И стоял тихо, ни один элемент не обращался мыслью непосредственно к другому. В воздухе стоял странный запах — смесь запаха щенков и пота богомола. Эти двое были величайшим сокровищем Движения. Ключом к выживанию, а то и больше. Теперь Булат уже знал, что летающий корабль не был частью флота вторжения. Скорее гости были похожи на собравшихся впопыхах беженцев. Ниоткуда не было вестей о других приземлениях, хотя шпионы Движения были повсюду.

Победа над чужаками висела тогда на волоске. Одно их оружие перебило почти весь полк. В хороших челюстях оно сможет повергнуть армии. Булат не сомневался, что в корабле есть куда более мощные убивающие машины — при-

чем еще функционирующие. Жди и смотри, посоветовал сам себе Булат. Пусть Амдиранифани найдет рычаги, которыми управляется этот чужак. Призом будет целый мир.

14

Когда-то мама говаривала про что-нибудь, что это «забавнее, чем полная корзина щенят». У Джефри Олсндота никогда не было больше одного зверька одновременно, и только раз это была собака. Но теперь он понимал, что имела в виду мама. С самого первого дня, когда он был такой уставший и перепуганный, восемь щенят привели его в восторг. А он — их. Они лезли на него, тянули за одежду и прыгали вокруг. Все время на него смотрели трое или четверо из них. Глаза у них были сплошь розовые или коричневые и для таких голов казались слишком большими. С самого начала эти щенки его передразнивали. И умели делать это куда лучше певчих птиц Страума — все его слова немедленно повторялись, будто эхом, или воспроизводились потом. А когда он плакал, щенки часто тоже плакали и собирались вокруг него.

Были и другие собаки, большие, которые ходили в одежде и появлялись в дверях на высоких балконах. Они спускали в комнату еду, а иногда издавали странные звуки. Но вкус у еды был мерзкий, а большие собаки его словам не подражали.

Прошло два дня, потом неделя. Джефри уже обследовал всю комнату. На самом деле это не была тюремная камера — слишком большая. А кроме того, пленникам не разрешают держать зверей. Джефри понял, что мир этот не цивилизован, не является частью Царства и, может быть, даже к Сети не подключен. Если мамы, папы и Джоанны поблизости нет, то, быть может, некому даже будет научить собак самнорскому. Значит, придется это делать Джефри Олсндоту, и ему же придется искать свою семью.

Теперь, когда на угловые балконы выходили собаки в белых куртках, Джефри выкрикивал им вопросы. Но это

не очень помогало. Не отвечал даже тот, что с красными полосами. Зато отвечали щенки. Они кричали вместе с Джефри, иногда повторяя его слова, а иногда производя бессмысленный шум.

Джефри быстро сообразил, что щенят ведет единый разум. Когда они вокруг него бегали, некоторые всегда сидели на расстоянии, их грациозные шеи изгибались в разные стороны — и бегающие точно знали, что видят сидящие. Если кто-то стоял сзади, от остальных тоже ничего нельзя было спрятать за спиной. Поначалу Джефри думал, что они как-то разговаривают. Но это было больше, чем разговор: когда он видел, как они расстегивают его ботинки или рисуют, головы, пасти и лапы действовали совместно так точно, как пальцы одной руки. Джефри не формулировал это словами, но через некоторое время стал воспринимать щенков как единого своего друга. При этом он заметил, что Щенки составляет фразы из его слов — и иногда даже получается смысл.

— Ты я играть.

Эта фраза звучала как набор слов, но обычно предшествовала бешеной игре и скаканию по мебели.

— Ты я рисовать.

Метр стены внизу вокруг всей комнаты был закрыт грифельной доской. Такого устройства отображения Джефри в жизни не видел: грязное, неточное, с плохим стиранием, без возможности сохранения. И Джефри оно нравилось. Его руки и лицо — и почти все губы Щенков — были покрыты пятнами мела. Они рисовали друг друга и сами себя. Щенки не рисовал точные картины, как Джефри; у нарисованных им фигур собак были большие головы и лапы, а тела слипались вместе. Когда он рисовал Джефри, руки всегда получались большими, а каждый палец тщательно прорисован.

Джефри рисовал свою семью и пытался дать Щенкам понять.

День за днем солнечный луч поднимался по стене все выше. Теперь иногда в комнате было темно. По крайней мере раз в день приходили стаи говорить со Щенками. Это была одна из немногих вещей, которые могли отвлечь малышей от Джефри. Щенки сидел под балконом, пища и

крякая в сторону взрослых. Это был школьный класс! Они спускали свитки, чтобы он на них смотрел, и вытаскивали те, на которых он писал.

Джефри сидел тихо и наблюдал за уроком. Он ерзал, правда, но учителям больше ничего не кричал. Еще немного, и он сможет говорить со Щенками. Еще немного, и Щенки узнает для него, где мама, папа и Джоанна.

Бывает, что ужас и боль — не самые лучшие приводные ремни. Обман, когда он срабатывает, — самая элегантная и недорогая манипуляция из всех. Как только Амдиранифани бегло овладел языком богомолов, Булат объяснил ему насчет «трагической гибели» родителей и однопометницы Джефри. Фрагмент Свежевателя против этого возражал, но Булат хотел достичь быстрого и несомненного контроля.

Теперь ему казалось, что фрагмент, быть может, был прав. По крайней мере нужно было оставить надежду, что однопометница выжила.

Булат серьезно смотрел на Эксперимента Амдиранифани:

— Чем мы можем помочь?

Юная стая доверчиво смотрела вверх.

— Джефри очень расстроен из-за родителей и *сестры.*

Амдиранифани употреблял много богомольских слов, часто без надобности: *сестра* вместо «однопометница».

— Он мало ест. Не хочет играть. Я очень огорчен.

Булат не спускал пары глаз с дальнего балкона. Там стоял фрагмент Свежевателя. Он не прятался, хотя почти все его лица были в тени. До сих пор его догадки были удивительны. Но сейчас взгляд фрагмента был как в старые времена, когда ошибка означала увечье или того хуже. *Что ж, пусть так.* Ставки сейчас выше, чем были когда-нибудь, и если страх у глоток Булата может помочь — пусть будет страх.

Булат отвернулся от балкона и напустил на все лица выражения нежного сочувствия горю Джефри.

— Ты просто должен сделать так, чтобы он понял. Никто не сможет оживить его родителей или *сестру.* Но мы знаем, кто убийцы. И делаем все, что можем, чтобы от них защититься. Скажи ему, как это трудно. Резчики — это империя, которой сотни лет. В бою мы им противостоять

не можем. Вот почему нам нужна вся помощь, которую он нам может оказать. Нам нужно, чтобы он научил нас пользоваться кораблем своих родителей.

Щенячья стая наклонила одну голову.

— Да, я попробую, только...

Трое элементов возле Джефри издали низкий хрюкающий звук в его сторону. Богомол сидел со склоненной головой, лапы со щупальцами он прижимал к глазам. Так он сидел уже несколько дней и отстранялся все больше и больше. Теперь он энергично потряс головой и издал несколько резких звуков повыше своего обычного регистра.

— Джефри говорит, что он не понимает, как работают вещи на корабле. Он просто маленький... — Стая поискала перевод. — Он очень молод еще. Понимаете, как я.

Булат с пониманием кивнул. Это было простым следствием одиночной природы чужаков, но все равно дико: каждый из них начинал со щенячьего возраста. Каждый был как щенячья стая из экспериментов Булата. Знания родителей передавались эквивалентом межстайной речи. Поэтому-то это создание и было таким простодушным, но сейчас, черт побери, это было неудобство.

— И все же, есть ли что-нибудь, что он может объяснить?

Еще хрюканье в сторону богомола. Булату надо будет выучить этот язык. Звуки простые: эти жалкие создания говорят *ртом*, как птицы или лесные улитки. Сейчас он в зависимости от Амдиранифани. Пока в этом ничего нет плохого, щенячья стая ему доверяет. Еще одно наитие. С некоторыми из предыдущих экспериментов Булат попытался использовать любовь вместо традиционной связки Свежевателя «страх-любовь». Был призрачный шанс, что это улучшит результат. По необыкновенной удаче Амдиранифани попал в эту группу. Даже его инструкторы избегали отрицательных стимулов. Стая поверит всему, что он скажет... а вместе с ней, надеялся Булат, поверит и богомол.

Амдиранифани переводил:

— Есть еще кое-что, о чем он меня спрашивал раньше. Джефри знает, как разбудить других детей (Амдиранифани буквально сказал: «стаи щенков»), которые на корабле. Вы удивлены, господин Булат?

Хотя Булат больше не думал с ужасом о чудовищных умах, ему тем не менее не было нужно, чтобы вокруг бегала еще сотня чужаков.

— Я не думал, что их можно так легко разбудить. Но сейчас этого делать не надо. Нам и так непросто найти еду, которая годится для Джефри. — Это было правдой: существо было в еде необыкновенно капризно. — Вряд ли мы сможем прокормить прямо сейчас еще нескольких.

Еще хрюканье. Еще резкие выкрики Джефри. Потом:

— Есть еще одна вещь, господин. Джефри считает, что можно использовать корабельный *ультраволновик* для вызова на помощь других, подобных его родителям.

Фрагмент Свежевателя выдернулся из тени. Пара голов уставилась вниз, на богомола, а еще одна смотрела прямо на Булата. Булат не реагировал: он умел сохранять хладнокровие лучше любой растянутой стаи.

— Здесь есть о чем подумать. Может быть, тебе стоит поговорить об этом с Джефри. Я не хочу ничего предпринимать, пока не буду уверен, что мы ничего в корабле не сломаем.

Слабо. Булат заметил, как дернул мордой фрагмент, с интересом наблюдая.

Он говорил, а Амдиранифани тут же переводил. Джефри ответил почти сразу:

— А, тут ничего страшного. Он имел в виду специальный вызов. Он говорит, что корабль давно передает сигнал... еще с момента посадки.

Булат подумал, случалось ли ему слышать смертельную угрозу, произнесенную с такой простодушной невинностью.

Джефри и Амди стали выпускать наружу поиграть. Сначала Амди из-за этого нервничал. Он не привык носить одежду. Вся его жизнь — все его четыре года — прошла в одной большой комнате. Он читал о наружном мире и любопытствовал, но все равно немножко боялся. А человеческий мальчик явно этого хотел. Каждый день он все больше уходил в себя и плакал тише. В основном он плакал из-за родителей и сестры, но иногда из-за того, что его так глубоко заперли.

Так что Амди поговорил с господином Булатом, и теперь они выходили почти каждый день, по крайней мере во внутренний двор. Сначала Джефри просто сидел, не глядя вокруг. Но Амди обнаружил, что ему самому нравится гулять, и каждый раз заставлял своего друга играть чуть больше.

По углам стояли и смотрели стаи учителей и охранников. Амди — а потом и Джефри — очень забавлялся, заставляя их волноваться. Внутри, на полу комнаты, они этого не понимали, но большинство взрослых к Джефри относились нервно. Мальчик был высок, как нормально стоящий элемент стаи. Когда он подходил ближе, обыкновенная стая хотела собраться вместе и отступить. Им не нравилось смотреть на него снизу вверх. Глупо это, думал про себя Амди. Джефри такой высокий и тощий, что кажется, будто он вот-вот опрокинется. А когда он бежал, казалось, что он на каждом шаге старается удержать себя от падения, и это получается плохо. И потому самой любимой игрой у него вначале были пятнашки. Когда была его очередь догонять, он загонял Джефри на белые куртки — на тех из них, у кого был самый строгий вид. Если все получалось, как задумано, игра становилась куда интереснее. Амди гоняется за Джефри, а белые куртки мечутся, уклоняясь от них обоих.

Иногда Амди было жалко этих белокурточников. Они такие чопорные и взрослые. Неужто они не понимают, как это весело — иметь друга, который бежит рядом с тобой, которого можно тронуть?

Теперь почти все время была ночь. Дневной свет появлялся и держался лишь пару часов до и после полудня. Рассвет и сумерки были такими яркими, что затмевали звезды и полярное сияние, но слишком тусклыми, чтобы видны были цвета. Хотя Амди всю свою жизнь провел в помещении, он достаточно понимал геометрию, чтобы понять причину явления, и любил наблюдать изменения света. Джефри же не очень нравилась зимняя тьма... пока не выпал первый снег.

Амди получил свой первый комплект курток. А господин Булат распорядился сделать специальную одежду для

человеческого мальчика. Эта пушистая ткань облегала все его тело и сохраняла тепло лучше, чем хороший мех.

На одной стороне двора снег собрался слоем глубже шести дюймов, зато в других местах намело сугробы выше голов Амди. В защищенные от ветра ниши стен вставили факелы, и их свет отражался на снегу золотом. Амди знал про снег, хотя никогда раньше его не видел. Он любил рассыпать его по какой-нибудь своей куртке. Он смотрел и смотрел, стараясь разглядеть снежинки, и чтобы они не таяли от дыхания. От их шестиугольного узора почти на грани возможностей его глаз трудно было отвести взгляд.

Но теперь в пятнашки уже было не поиграть: человек бегал по сугробам, где Амди приходилось барахтаться. И еще человек умел делать удивительные вещи. Он делал из снега шарики и бросал. Стражникам это очень не нравилось, особенно когда Джефри залепил по нескольким элементам. Тогда он впервые увидел, как они сердятся.

Амди метался по выметенной снегом стороне двора, уворачиваясь от снежков и досадуя. Эти человеческие руки — злая, злая штука. Как бы он хотел иметь пару таких — а лучше четыре пары! Наконец он зашел с трех сторон и бросился прямо на человека. Джефри метнулся к глубокому снегу — но поздно. Амди стукнул его сверху и снизу, опрокинув в сугроб. Была потешная битва, руки и ноги против хлопающих губ и лап. Но теперь Амди торжествовал победу. И человеку пришлось заплатить за свои снежки изрядным количеством засунутого ему за шиворот снега.

Иногда они просто сидели и смотрели на небо так долго, что крестцы и ноги начинали затекать. Сидя за самым большим сугробом, они были закрыты от факелов замка и ясно могли рассмотреть свет неба.

Сначала Амди был зачарован полярным сиянием. И даже некоторые из его учителей — тоже. Они говорили, что в этой части света свечение неба лучше всего видно. Иногда оно было настолько слабым, что его затмевал даже свет факела, играющий на снегу. А бывало, что оно повисало от горизонта до горизонта, зеленый свет с розовыми краями, и он качался, будто его раздувало вьюгой.

Амди и Джефри теперь свободно разговаривали, хотя всегда на языке Джефри. Человек не мог воспроизвести ни одного звука межстайной речи, даже имя Амди в его произношении было едва узнаваемым. Зато Амди отлично понимал самнорский. Это был их секретный язык.

На Джефри полярное сияние не производило особого впечатления.

— У нас дома такого полно. Это просто свет от...

Он произнес новое слово и посмотрел на Амди. Смешно, как этот человек умеет смотреть только в одном направлении. Поэтому у него голова и глаза все время дергались.

— ...от таких мест, где люди делают всякие вещи. Это выдуваются отработанные газы, и солнце их подсвечивает.

— Места, где люди делают всякие вещи? В небе?

У Амди был глобус, он знал размер мира и его ориентацию. Если это отражение солнца, то эти штуки должны быть на сотни миль над землей! Амди откинулся назад на куртку Джефри и свистнул совсем по-человечески. Географию он знал куда как хуже, чем геометрию, но...

— Стаи не работают в небе, Джефри. У нас даже летающих лодок нет.

— Да, это правда, у вас нет... Тогда не знаю. Но мне эта штука не нравится. Она звезды заслоняет.

Амди все знал про звезды, Джефри ему говорил. Где-то там живут друзья родителей Джефри.

Джефри несколько минут молчал. И больше не смотрел на небо. Амди придвинулся чуть ближе, глядя на меняющийся в небе свет. Заостренный ветром гребень сугроба у них за спиной отсвечивал желтым светом факелов. Амди понимал, о чем думает Джефри.

— А эти коммуникаторы, они в самом деле не годятся, чтобы позвать на помощь?

Джефри хлопнул ладонью по земле.

— Нет, я же тебе говорил! Это просто радио. Я могу заставить их работать, а что толку? Ультраволновая аппаратура на корабле, и она большая, ее не вытащишь. Не понимаю, почему господин Булат не хочет пускать меня на борт? Я же уже большой, мне восемь лет! И я могу понять,

как она работает. Мама ее настроила как раз перед... перед тем...

Слова затихли в знакомом отчаянном молчании.

Амди потерся одной головой о плечо Джефри. У него была теория, почему господин Булат не хочет, но Джефри он этого раньше не говорил.

— Может быть, он боится, что ты просто улетишь и нас бросишь.

— Глупости! Я тебя никогда не брошу. А кроме того, на этом корабле так просто не полетаешь. Он вообще не для посадки на планеты.

Джефри говорил иногда странные вещи, подчас Амди даже понимал его неправильно. Но иногда их надо было понимать буквально. Неужели у людей были корабли, которые *никогда* не приземлялись? А куда же они летали? Амди почти чувствовал, как у него в уме складывались новые понятия. Глобус господина Булата представлял не мир, а лишь какую-то малую, очень малую часть истинного положения вещей.

— Я-то знаю, что ты нас не бросишь. Но понимаешь, господин Булат этого боится. Он же даже разговаривать с тобой может только через меня. Мы должны ему показать, что нам можно доверять.

— Наверное.

— Если мы с тобой заставим работать эти радиоштуки, это может помочь. Я знаю, что мои учителя в них не разобрались. Одна у господина Булата, но не думаю, что он ее понял.

— Ага. Мы можем заставить работать вторую...

В этот день стражам повезло: их подопечные убрались с холода рано. А откуда такое везение — стражи не интересовались.

Логово Булата когда-то принадлежало Хозяину. Оно было совсем не похоже на зал собраний замка. Без объединения в хор здесь могла уместиться только одна стая. И не потому, что помещение было мало. В нем было пять комнат, не считая ванной. Но ни одна из них, кроме библиотеки, не была длиннее пятнадцати футов. Низкий потолок нависал в пяти футах над полом, и места для гостевых бал-

конов не было. Слуги дежурили в двух коридорах, имеющих общую стену с комнатами. В столовой, спальне и ванной были люки поменьше, как раз для того, чтобы отдать приказ, или получить еду и питье, или использовать как гардероб.

Главный вход охранялся снаружи тремя солдатскими стаями. Конечно, Хозяин никогда не стал бы жить в логове с одним выходом. Булат нашел восемь потайных люков (три в спальных комнатах). Открывались они только изнутри и вели в лабиринт, который Свежеватель велел построить в стенах замка. Протяженности лабиринта не знал никто, даже сам Хозяин. После ухода Свежевателя Булат перестроил те части лабиринта, что вели к этому логову.

Логово было почти неприступно. Даже если бы замок пал, в кладовых хватило бы запасов на полгода, вентиляцию обеспечивала сеть каналов почти столь же обширная, как секретные выходы Хозяина. И при всем при том Булат ощущал здесь лишь относительную безопасность. Всегда была возможность, что секретных ходов больше восьми и, быть может, один открывается снаружи.

И уж конечно, вопрос о хоре даже не стоял, ни здесь, ни где-либо. Единственный секс вне стаи, который Булат себе позволял, — это только с синглетами. Слишком опасно дать своему «я» сливаться с другими.

После обеда Булат перебрался в библиотеку и расположился за читальным столом в свободных позах. Двое его пили бренди, а еще один курил южную траву. Для удовольствия, но также и по расчету: Булат точно знал, какие вредные привычки и в чьем исполнении заводят его воображение до предельной остроты.

...И он все больше и больше убеждался, что в теперешней игре воображение уж по крайней мере не менее важно, чем сам по себе разум. Стол в его середине был покрыт картами, донесениями с юга, рапортами внутренней безопасности. Но посреди всех этих шелковых свитков, как яйцо слоновой кости в гнезде, лежало *радио* чужака. С корабля таких предметов вынесли два.

Булат поднял эту штуку, провел одним из носов по гладкой, закругленной поверхности. Лишь самое дорогое дерево — то, что идет на музыкальные инструменты или скульп-

туры, — могло сравниться по изяществу с этим предметом. А богомол утверждал, что с помощью такой штуки можно разговаривать через десятки миль со скоростью солнечного луча. Если так... Булат подумал, сколько могло бы быть выиграно проигранных битв, сколько завоеваний сделано без труда. А если научиться делать такие вещи... Сателлиты Движения, раскиданные по всему свету, были бы так же близко, как охранники возле логова. Ни одна сила в мире против них не устоит.

Булат взял последнее донесение из королевства Резчицы. Они во многих отношениях достигли со своим богомолом большего успеха, чем Булат со своим. Очевидно, у них был взрослый экземпляр. Еще важнее, что при нем была чудесная библиотека, которую можно расспрашивать, как живое существо. Были еще три других *компьютера*. Белые куртки Булата нашли их обгорелые остатки в обломках вокруг корабля. Джефри говорил, что *процессоры* корабля похожи на *компьютеры*, «только глупее» (так перевел Амди). Но пока что эти *процессоры* тоже бесполезны.

Но из персонала Резчицы несколько стай уже выучили язык богомолов. Они за день узнавали о цивилизации чужаков больше, чем Булат за десять. Он улыбнулся. Им было невдомек, что все наиболее важное немедленно сообщается на Скрытый Остров. Пусть пока играют со своей игрушкой и своим богомолом. Они заметили несколько моментов, которые от Булата иначе ускользнули бы. Не было бы счастья...

Булат пробежал донесение. Отлично. Чужак у резчиков все еще не хочет сотрудничать. Булат почувствовал, как улыбка переходит в смех. Дело было в мелочи: слово, которым чужак называл стаи. В донесении была попытка изобразить его буквами. Но не в этом дело. Переводилось это как «шипы» или «стальные когти». Богомол особенный ужас испытывал перед накладными шипами на когтях солдат. Булат задумчиво облизал лак на ухоженных когтях. Интересно. Когти, оказывается, могут быть источником страха, но они — часть того, что составляет личность. А сталь — это их механическое дополнение, от которого они еще страшнее. Такое название может навести на мысль об элитных подразделениях убийц, но не обо всех стаях. В конце

концов, в расе стай есть слабые, благодушные, несчастные, наивные — но есть и такие, как Булат или Свежеватель. То, что в качестве характеристики стай существо выбрало стальные когти, говорит кое-что о его психологии.

Булат отодвинулся от стола и поглядел на пейзаж, нарисованный на стенах библиотеки. Это был вид с башен замка. За картинами стены были выложены слюдой, кварцем и волокном; эхо звучало подобно тому, что можно услышать, оглядывая камень и пустоту. Такая аудио-визуальная комбинация в замке встречалась редко, а эта была сделана особенно хорошо. Булат всегда отдыхал, глядя на нее. Он на секунду отпустил мысль, давая волю воображению.

Стальные когти. А мне это нравится.

Этот образ придумал чужак, но для расы Булата он подходил. Жалкие его советники — а иногда даже фрагмент Свежевателя — боялись звездного корабля. Конечно, в этом корабле была сила, превосходящая все известное в мире. Но после первого приступа паники Булат понял, что чужаки не являются сверхъестественно одаренными. Они просто ушли по пути прогресса — в том смысле, которому такое значение придавала Резчица — куда дальше, чем современная наука мира стай. Конечно, цивилизация чужаков сейчас абсолютно неизвестна. Конечно, у нее может хватить сил испепелить этот мир начисто. Но чем больше Булат видел, тем больше он понимал, насколько природа чужаков ниже его собственной. Странный выкидыш: раса разумных синглетов. Каждый из них должен вырасти из ничего, как полностью новорожденная стая. Память передается только письмом и голосом. Каждое создание рождается, старится и *умирает* как единое целое. Против воли Булат вздрогнул.

Булат прошел долгий путь от начального недопонимания и первых страхов. Теперь он уже более тридцати дней строил планы использования звездолета для власти над миром. Богомол говорит, что корабль передает сигналы другим. У некоторых Слуг недержание началось бы от страха. Что ж, раньше или позже прибудут еще корабли. Теперь власть над миром не была конечной целью. Пришло время метить выше, к таким целям, которые Хозяин и вообра-

зить не мог. Отбери техническое преимущество — и народ богомолов останется сбродом жалких и хрупких созданий. Даже они, кажется, это понимают.

Они называют нас «Стальные Когти». Да будет так. Настанет день, когда Стальные Когти пройдут меж звезд и установят свой порядок.

Но до того пройдут годы, полные опасностей. Весь потенциал Булата в любой момент, как новорожденная стая, может быть уничтожен одним легким ударом. Выживет ли Движение — выживет ли мир, — зависит от превосходства разума, воображения, дисциплины, коварства. К счастью, всего этого Булату не занимать.

Булат мечтал в полумраке свечей... разум, воображение, дисциплина, коварство. Если ими правильно распорядиться... убедить чужаков устранить всех врагов Булата... и подставить ему глотки? Это было дерзновенно, почти безрассудно, но ведь может найтись способ... Джефри говорил, что с сигнализатором корабля он может работать. Булат сомневался. Чужак был тщательно дезинформированным, но не слишком умелым. Амдиранифани — другое дело. Он проявлял все стороны гения своей породы. И принципы преданности и жертвенности, вбитые в него учителями, тоже были крепки, хотя он и был слегка... ну, несерьезен. Не было в его повиновении той четкости, которую дает страх. Но не важно. Как орудие он стоит куда больше многих других. Он понимал Джефри и, кажется, понимал в изделиях чужаков больше, чем сам богомол.

Рисковать придется. Этих двух надо будет допустить на борт судна. И они отправят его послание вместо автоматического сигнала бедствия. Что же в нем будет? Слово за словом составится самое важное, самое опасное, такое, чего никогда не говорила ни одна стая.

Тремя ярдами дальше в глубине экспериментального крыла мальчик и стая щенят нашли неожиданную удачу: незапертую дверь, а за нею — шанс поиграть с коммуникатором Джефри.

Телефон был не самым простым из всех возможных. Он предназначался для работы в полевых и госпитальных условиях, и не только для передачи речи, но и для дис-

танционного управления устройствами. Но Джефри и Амди методом проб и ошибок постепенно определили его возможности.

Джефри Олсндот показал пальцем на цифры, появившиеся в окошке.

— По-моему, они значат, что мы соединились с каким-то приемником.

Он нервно оглянулся на дверь. Что-то ему говорило, что им здесь находиться не следует.

— Они точно такие же, как на радио у господина Булата, — ответил Амди. У него даже ни одна из голов не смотрела на дверь.

— Спорить могу, если мы вот это нажмем, по радио будет слышно все, что мы скажем. И он узнает, что мы сможем ему помочь... Так что нам делать?

Трое из Амди бегали по комнате, как собаки, которым надоели разговоры. Джефри уже знал, что это эквивалент человеческого бормотания себе под нос. И еще один жест он знал — вот этот взгляд под углом, который означал хитрую расплывающуюся улыбку.

— Я думаю, нам надо его удивить. Он всегда такой серьезный!

— Ага, — отозвался Джефри. Господин Булат был очень мрачным. Но все взрослые здесь такие. И в лаборатории так было.

Амди схватил радио и глянул на Джефри, будто говоря: «Смотри, что сейчас будет». Ткнув носом кнопку, он завопил в микрофон долгим улюлюкающим звуком, лишь отдаленно напоминавшим язык стаи. Один из Амди перевел это Джефри, и мальчик почувствовал, как у него из горла рвутся смешинки.

Властитель Булат углубился в свои планы. Его воображение, подогретое травами и алкоголем, уносилось вдаль, играя с вариантами. Он ушел в глубокие мягкие диваны, в комфорт и безопасность логова. На ландшафтовые стены отбрасывали полусвет догорающие свечи, блики играли на полированной мебели. Он уже почти сложил рассказ, который будет рассказан чужакам...

Шум на столе возник как досадная мелочь, где-то в глубине его снов. Он был низкочастотный, но были и обертоны на уровне мыслей, как обрывки чужого разума. Чьё-то присутствие, и оно увеличивалось... *Кто-то в моем логове!* Эта мысль резанула, как убийственный клинок Свежевателя. Элементы Булата задергались, дезориентированные дымом и алкоголем.

И среди этого безумия раздался голос. Искаженный, лишенный тонов любой нормальной речи, и этот голос провыл:

— Властитель Булат! Привет тебе от Стаи Стай, Господа Бога Всемогущего!

Часть Булата уже выскочила из главного люка, глядя расширенными глазами на охранников. Присутствие солдат принесло спокойствие и ледяную озадаченность. *Это чушь.* Булат повернул одну голову к прибору чужаков на столе. Эхо слышалось отовсюду, но исходили звуки из этого дальноговорителя чужаков... И теперь это уже был не язык стай, но бессмысленное чириканье в потоке мыслей. Так, постой. Хрюкающие звуки, в которых он узнал смех богомола.

Булат редко давал волю гневу. Гнев должен быть орудием, а не хозяином. Но, слушая этот смех и вспоминая слова... Булат ощутил, как поднимается кровь в первом элементе, потом в других. Почти не думая, он бросился назад и ударил *коммуникатор.* Тот немедленно замолчал. Он глянул на охранников, вытянувшихся в коридоре. Звук их мыслей был приглушен цепенящим страхом.

За это кто-то заплатит смертью.

Господин Булат принял Амди и Джефри на следующий день после успешного опыта с радио. Они его убедили. Их перевезут на материк. Джефри получит шанс вызвать помощь!

Булат был еще серьезнее, чем обычно. Он подчеркнул, насколько важно будет получить помощь для защиты от очередного нападения Резчиков. Но, кажется, на шуточку Амди он не сердился. Джефри тихо вздохнул с облегчением. Дома папа с него за такое шкуру спустил бы. Наверное, Амди прав. Господин Булат серьезен из-за лежащей на нем

огромной ответственности и предстоящих опасностей. А так он очень приятная личность.

Шифр: 0

Получено: Передатчик Ретранслятор 03 на Ретрансляционной Сети

Языковый путь: Файртонг — Клаудмарк — Трисквелин, СК: Устройства трансляции [Файртонг и клаудмарк — торговые языки Верхнего Края. Данный перевод передает только основные значения]

От: Корпорации Искусство Разрешения Споров в туманности Огненного Облака [Военная [?] организация Верхнего Края. Известный возраст ~ 100 лет]

Тема: Предмет для беспокойства

Краткое содержание: Очевидно разрушение трех односистемных цивилизаций

Ключевые фразы: Разрастающаяся межзвездная катастрофа, Разрастающаяся межзвездная война, Страумское отклонение

Рассылка: Группа по интересам «Отслеживание войн»

Группа по интересам «Хомо сапиенс»

Группа по интересам «Угрозы»

Дата: 53,57 дней от падения Страума

Текст сообщения:

Недавно отсталая цивилизация объявила, что создала в Переходе новую Силу. Затем она «временно» ушла с Известной Сети. С этого времени в группе «Угрозы» прошло примерно миллион сообщений о данном инциденте — в основном спекуляции о порождении Отклонения Класса Два, но никаких свидетельств об эффектах вне границ бывшего царства Страума.

Наша корпорация занимается урегулированием диспутов. В силу этого у нас мало общего с участниками группы «Угрозы». Возможно, это должно будет измениться: шестьдесят пять часов назад мы заметили очевидные признаки истребления трех изолированных цивилизаций в Верхнем Крае возле царства Страум. Две из них представляли собой две Религиозные Зоны и одну пентагрианскую фабрику. Ранее их основной связью с Сетью было царство Страума. В силу этого они были вне Сети с момента падения Страума за исключением приема от нас эпизодических сигналов запроса.

Мы отрядили три миссии для выполнения проверочных полетов. Слежение за сигналами выявило широкополосные обмены сигналами, напоминающими более нейронное управление, нежели трафик локальной сети. Замечено несколько новых больших структур. Все наши корабли были уничтожены ранее, чем могли передать какие-либо подробности. Учитывая природу данных поселений, мы заключаем, что это *не есть* нормальные последствия перехода.

Результаты наблюдения подходят под признаки атаки Класса Два из Перехода (хоть и скрытой). Наиболее вероятным источником является новая Сила, построенная царством Страума. Мы призываем цивилизации Верхнего Края к особой бдительности в данной части Края. Мы, самые большие, имеем меньше оснований для страха, но угроза весьма ясна.

Шифр: 0

Получено: Передатчик Ретранслятор 03 на Ретрансляционной Сети

Языковый путь: Файртонг — Клаудмарк — Трисквелин, СК: Устройства трансляции [Файртонг и клаудмарк — торговые языки Верхнего Края. Данный перевод передает только основные значения]

От: Корпорации Искусства Разрешения Споров в туманности Огненного Облака [Военная [?] организация Верхнего Края. Известный возраст ~ 100 лет]

Тема: Предлагается новая услуга

Краткое содержание: Корпорация Искусства Разрешения Споров предлагает услуги по ретрансляции на Сети

Ключевые фразы: Специальные цены, Разумные программы ретрансляции, Идеальные для цивилизаций Верхнего Края

Рассылка: Группа по интересам «Цены ретрансляции»

Административная группа «Мотли Хэтч»

Дата: 61,00 дней от падения Страума

Текст сообщения:

Корпорация Искусства Разрешения Споров рада объявить о специальной ретрансляционной службе, разработанной для сайтов в Верхнем Крае [тарифы приводятся после текста данного сообщения]. Программы самого современного для зоны уровня обеспечивают высокое качество ретрансляции и маршрутизации. Уже почти сто лет цивилизации Верхнего Края в данной ча-

сти Галактики интересуются обеспечением подобных телекоммуникационных услуг. Мы осознаем, что эта работа довольно скучна и требует значительных усилий, но мы все должны пользоваться преимуществами Зоны, в которой живем. Подробности приводятся в синтаксисе 8139...

[Клаудмарк: транслятор на язык трисквелин не поддерживает синтаксис 8139].

Шифр: 0

Получено: Передатчик Ретранслятор 03 на Ретрансляционной Сети

Языковый путь: Клаудмарк — Трисквелин, СК: Устройства трансляции [Клаудмарк — торговый язык Верхнего Края. Данный перевод передает только основные значения]

От: Торговый Союз у Центра Облака

Тема: Вопрос жизни и смерти

Краткое содержание: Корпорация Искусства Разрешения Споров пала жертвой Страумского Отклонения при нападении на Сеть. Пока опасность не будет устранена, пользуйтесь только ретрансляторами Среднего Края

Ключевые фразы: Нападение на Сеть, Разрастающаяся межзвездная война, Страумское Отклонение

Рассылка: Группа по интересам «Отслеживание войн»

Группа по интересам «Угрозы»

Группа по интересам «Хомо сапиенс»

Дата: 61,12 дней от падения Страума

Текст сообщения:

ВНИМАНИЕ! Сайт, называющий себя «Искусство Разрешения Споров», в настоящий момент контролируется Страумским Отклонением. Последнее его объявление о телекоммуникационных услугах есть смертельная ловушка. Мы имеем достаточные доказательства, что Отклонение использовало разумные пакеты Сети для вторжения и купирования защиты «Искусства». Большие куски «Искусства» в данный момент находятся, по всей видимости, под прямым управлением Страумской Силы. Части «Искусства», не зараженные в начале вторжения, уничтожены: разведочные полеты показывают несколько стеллифицированных миров.

Что можно сделать: Если за последнюю тысячу секунд вам случилось получить любые пакеты по протоколам Верхнего Края

от «Искусства», *уничтожьте их немедленно*. Если они были обработаны, то обрабатывающий сайт и все сайты, связанные с ним локальной сетью, должны быть немедленно уничтожены физически. Мы понимаем, что это означает уничтожение солнечных систем, но представьте себе альтернативу. Вы под атакой Силы, совершающей Переход!

Если вам удастся пережить начальный этап угрозы (приблизительно около тридцати часов), придерживайтесь очевидных процедур, гарантирующих относительную безопасность: не принимайте пакетов по протоколу Верхнего Края. По крайней мере маршрутизируйте все приходящие сообщения через сайты Среднего Края с трансляцией вниз и потом вверх на языки местного обмена.

В более долгосрочной перспективе: очевидно, что в нашем регионе Галактики развилось экстраординарно сильное Отклонение Класса Два. В течение примерно тринадцати лет все развитые цивилизации вблизи нас будут в огромной опасности.

Если определить происхождение настоящей опасности, можно надеяться обнаружить ее слабости и уязвимость защиты. Во всех без исключения Отклонениях Класса Два играет роль деформированная Сила, создающая симбиотические структуры в Верхнем Крае — но разнообразие их источников огромно. Некоторые из них представляют собой неудачные шутки Сил, которые уже сошли со сцены. Другие являются оружием, построенным вновь переходящими Силами и не дезактивированным должным образом.

Непосредственный источник настоящей опасности хорошо известен: это вид, недавно поднявшийся из Среднего Края, Хомо сапиенс, основавший царство Страума. Мы склонны верить, что теория, предложенная в сообщениях [...], а именно, что исследователи со Страума экспериментировали с какими-то объектами в Проходах и что рецепт явился самозагружаемым злом, оставшимся с прежних времен, верна. Одна из возможностей: Потерпевшая давнее поражение сущность имплантировала способы в Сеть (или в какой-либо утерянный архив) для своих потомков. Таким образом, мы заинтересованы в любой информации относительно Хомо сапиенс.

На следующий день Амди отправился в самое длинное в своей молодой жизни путешествие. Обвязанные ветров-

ками, они шли по широкой желобчатой улице к проливам у подножия замка. Впереди ехал господин Булат на санях, запряженных тремя керхогами. В красно-полосатых куртках он выглядел великолепно. Одетые в белый мех охранники катились с обеих сторон, а сзади шел угрюмый Тиратект. Северное сияние было такое яркое, какого Амдиджефри никогда не видел; ярче, чем полная луна на северном горизонте. С карнизов домов росли вниз сосульки, иногда до самой земли — сверкающие зелено-серебряные колонны света.

Потом они сели в лодки и погребли через проливы. Вода обтекала корпуса лодок как холодный черный жидкий камень.

Когда они доплыли до той стороны, над ними нависал Холм Звездолета, возносящийся выше любого замка. Каждую минуту являлось новое зрелище, новые миры.

Подъем к вершине холма занял полчаса, хотя все сани тащили керхоги и никто не шел пешком. Амди смотрел во все стороны, зачарованный необозримым пейзажем в лучах северного сияния. Джефри сначала был так же захвачен зрелищем, но у вершины холма он перестал осматриваться и крепко, до боли обнял своего друга.

Господин Булат построил вокруг корабля навес. Внутри него ветра не было и было чуть теплее. Джефри стоял у основания решетчатой лестницы, глядя на исходящий из двери корабля свет. Амди почувствовал, что он дрожит.

— Он что, боится собственного корабля?

Амди знал уже большинство страхов Джефри и понимал почти все его чувства. «А каково было бы мне, если бы убили господина Булата?»

— Нет, он не боится. Это воспоминания о том, что здесь было.

Булат мягко заметил:

— Скажи ему, что мы можем прийти в другой раз. Совсем не обязательно входить туда сегодня.

Джефри потряс головой, когда ему это передали, но сказать смог не сразу:

— Я должен пойти. Я должен быть смелым.

Он медленно полез по лестнице, останавливаясь на каждой ступеньке, чтобы проверить, что Амди с ним. Щенки разрывались между тревогой за Джефри и желанием броситься в эту чудесную тайну.

Они уже пролезли в странную обитель Двуногих: яркий голубоватый свет, тепло, как в замке... и тысячи загадочных штук. Они перешли через большую комнату, и господин Булат сунул несколько голов во входной люк. Его мысли отдавались громким эхом.

— Я приказал оббить здесь стены, Амди, но даже при этом там есть место только для одного из нас.

— Д-да.

Раскаты эха заставляли звучать мысли Булата как-то странно сурово.

— И это тебе придется защищать там своего друга и доложить мне все, что ты увидишь.

Булат отступил, и только одна его голова еще осталась в люке.

— Да! Да! Я так и сделаю!

Впервые за свою жизнь Амди был по-настоящему нужен кому-то еще, кроме Джефри.

Джефри молча обошел зал, полный его спящими друзьями. Он уже больше не плакал и не был в состоянии той молчаливой хандры, которая часто его охватывала. Просто он будто не мог поверить, что снова на корабле. Он медленно провел руками по ячейкам, разглядывая лица. «Столько друзей, — подумал Амди, — ждущих, чтобы их разбудили. Интересно, какими они будут?»

— Эти стены... я такого не помню, — сказал Джефри. Он коснулся повешенной Булатом тяжелой обивки.

— Это чтобы здесь не так шумело, — ответил Амди. Он потянул за обивку, интересуясь, что там за ней: зеленая стена, похожая и на камень, и на сталь... и покрытая крошечными бугорками и полосками серого. — А это что?

Джефри оглянулся через плечо:

— Это? Плесень. Она расползается. Хорошо, что господин Булат ее закрыл.

Мальчик пошел дальше. Амди помешкал еще секунду, ткнувшись в эту плесень парой голов. Плесень и грибки были в замке постоянной напастью, и их все время вычищали — и совершенно напрасно, по мнению Амди. Грибки — это было так интересно, они могли расти на самой твердой скале. А вот эти были особенно странными. Некоторые росли почти на полдюйма вверх и клубились, как твердый дым.

Глядящая назад его часть увидела, как Джефри удаляется в сторону кабины. Амди неохотно оторвался и последовал за ним.

Первый раз они пробыли в корабле всего час. Во внутренней кабине Джефри включил волшебные окна, которые смотрели во все стороны. Амди сидел вытаращив глаза — это было путешествие на небо.

Для Джефри это было кое-чем другим. Он скорчился в гамаке и уставился на ручки управления. Постепенно лицо его разглаживалось.

— А мне здесь нравится, — тихо сказал Амди.

Джефри тихо покачивался в гамаке.

— Ага. — Он вздохнул. — Я так боялся... но, когда я здесь, я вроде ближе к... — Он протянул руку и потрогал ближайшую к нему панель. — Мой папа смог его посадить, и он сидел тогда вот здесь. — Он резко повернулся и посмотрел на поблескивающую панель над головой. — А мама настроила ультраволновик... Они все это сделали. А теперь тут только ты и я, Амди. Даже Джоанны нет... И мы должны сами все сделать.

Секретность Вринимн: В пределах Организации. Не распространять за пределы Кольца 1 локальной сети.

Протокол поиска Ретранслятора 00:

Начало: 19:40:40 по времени Доков, 17/01 года 52090 Организации [128,13 дней от падения царства Страума]

Синтаксис уровня связи 14. Кольцевое сообщение, обнаруженное на канале сигналов опасности для жизни. Мощность и

полоса сигнала совпадает с ранее обнаруженным сигналом автоматического маяка

Языковый путь: Самнорский, СК: Устройство Ретранслятора

От: Джефри Олсндот я ни Знаю где ето.

Тема: Здрасте. Миня зовут Джефри Олсндот. Наш корабль повриждeн и нужна Помощ. Прошу Атвет.

Содержание: Извените за ошибки. Эта клаватура Дурацкая!

Ключевые фразы: Я не понял.

Кому: Скажите кому-небудь.

Текст сообщения: [пусто]

15

В прибое играли два наездника.

— Ты думаешь, его жизнь в опасности? — спросил тот, у которого был тонкий зеленый стебель.

— Чья жизнь? — переспросил другой, побольше, с синей раковиной у основания.

— Джефри Олсндота, человеческого ребенка.

Синяя Раковина вздохнул про себя и запросил свою тележку. Приходишь на берег забыть дневные заботы, так Зеленый Стебель тебе этого ни за что не даст. Он поискал «Джефри, опасность».

— Конечно, в опасности, дурища! Посмотри на его последние сообщения.

— А! — Зеленый Стебель говорила озадаченным тоном. — Извини за частичную память. Я помнила только, что надо беспокоиться, и более ничего.

Она замолчала, и он услышал ее довольное жужжание. Их омывал прибой.

Синяя Раковина открылся воде, пробуя на вкус силу жизни, кипевшую в волнах. Красивый пляж. Наверное, единственный такой — и это самое трудное, что можно сказать о чем угодно в Крае.

Когда пена стекала с их тел, видно было индиговое небо от края и до края Доков и в нем — проблески звездолетов.

Когда прибой накатывал, наездники погружались в бурлящую прохладу, окруженные зарослями коралла и обитателями приливной зоны, построившими здесь свои домики. На высоком приливе кривизна морского дна оставалась неизменной около часа. Потом вода уходила, и днем можно было видеть пятна стеклистого дна... а сквозь них в тысяче километров ниже — поверхность планеты.

Синяя Раковина пытался выбросить из ума заботы. Каждый час беззаботного созерцания накапливаются новые воспоминания... Не получается. Он сейчас не мог избавиться от беспокойства, как не могла и Зеленый Стебель. Помолчав, он сказал:

— Иногда я хотел бы быть малым наездником. Всю жизнь простоять на месте на самой малой тележке.

— Ага, — согласилась Зеленый Стебель. — Но мы решили перемещаться. Это требует кое от чего отказаться. Иногда мы должны запоминать то, что случается всего раз или два. Иногда у нас бывают большие приключения, и я рада, что мы взялись за этот контракт на спасение.

Так что ни у кого из них не было в этот день настроения по-настоящему поплескаться в море.

Синяя Раковина опустил колеса тележки и подъехал ближе к Зеленому Стеблю. Поглубже заглянув в механическую память своей тележки, он порылся в общих базах данных. Там много было насчет катастроф. Кто бы ни создавал исходные базы данных для тележек, он много значения придавал войнам, упадку и отклонениям. Это были интересные вещи, которые могли тебя убить.

Но Синяя Раковина видел, что, относительно говоря, эти катастрофы были лишь небольшой частью опыта цивилизаций. Серьезное отклонение возникало только раз в тысячелетие. И просто невезением было бы оказаться в его окрестности. За последние десять недель около дюжины цивилизаций Верхнего Края пропали с Сети, поглощенные симбиотической амальгамой, которую называли Страумским Отклонением. Торговля Верхнего Края была сильно искажена. После рефинансирования своего корабля они с Зеленым Стеблем выполнили несколько рейсов, но все в Средний Край.

Они всегда были очень осторожны, но сейчас, как сказала Зеленый Стебель, они должны подчиниться величию. Организация Вриними хотела выполнения секретного рейса ко Дну Края. Поскольку Синяя Раковина и Зеленый Стебель уже были посвящены в тайну, естественно, что для этой работы выбрали их. «Внеполосный» стоял на верфях Вриними, где на него устанавливали кучу новых антенн и оборудование придонного люггера. Одним ударом его стоимость увеличивалась в десять тысяч раз. Даже торговаться не надо было! И вот это пугало больше всего. Каждое дополнение поясняло маршрут путешествия. Им придется спускаться до самой границы Медленной Зоны. Даже при самых лучших условиях это требует ювелирного пилотирования, а сейчас последние наблюдения показали подвижку границ зон. Если не повезет, они могут оказаться не на той стороне, где скорость света — предел. И тогда единственной надеждой их станет обратная подвижка границы.

Для самого Синей Раковины это были вполне приемлемые условия. Еще до знакомства с Зеленым Стеблем он ходил на придонных люггерах, даже пару раз заскакивал в край Медленной Зоны. Но...

— Мне это приключение нравится так же, как и тебе, — сказал он Зеленому Стеблю. — Подойти к Дну, спасая разумных существ из когтей дикого космоса, да еще если за это заплатят — вполне приемлемо. Но... если этот корабль Страумеров действительно так важен, как думает Равна? Может быть, сейчас это кажется абсурдным, но убедила же она в этом Организацию Вриними? Если там есть что-то, что может нанести вред Страумскому Отклонению...

И если Отклонение заподозрило что-нибудь подобное, оно уже бросило туда же десятки тысяч военных кораблей. Возле Дна они вряд ли будут лучше обыкновенных звездолетов, но тем не менее они с Зеленым Стеблем могут считать себя мертвецами.

Если не считать мечтательного жужжания, Зеленый Стебель молчала. Потеряла нить разговора? Нет, ее голос донесся до него сквозь толщу воды.

— Я знаю, Синяя Раковина, что это может быть нашим последним рейсом. Но мне все равно хочется в него пойти.

Если у нас получится, прибыль будет неимоверная. Если мы сумеем нанести вред Отклонению... ну, это ведь страшно важно. Наша помощь спасет десятки цивилизаций — и миллионы пляжей наездников.

— Хм. Ты слушаешь свой стебель, а не тележку.

— Может быть.

Они следили за развитием Отклонения с самого начала, и ужас вместе с сочувствием все больше проникал в их естественные умы. И потому Зеленый Стебель — и Синяя Раковина тоже, чего он не мог отрицать, — больше придавали значения Отклонению, чем опасностям своего контракта.

— Может быть, — повторила Зеленый Стебель. — Мои опасения по поводу спасательной операции в основном аналитические, диктуемые тележкой. Но... если бы я считала, что мы можем подождать еще год, пока мы все полностью прочувствуем... Я думаю, мы все же выбрали бы действие.

Синяя Раковина раздраженно покатался туда-сюда. Гравий поскрипывал под колесами. Она права, да, она права. Но он не решался сказать этого вслух — задача по-прежнему его ужасала. А Зеленый Стебель говорила:

— И подумай: если это важно, то мы, быть может, сможем получить помощь. Ты же знаешь, что Организация ведет переговоры с Эмиссаром. Если нам повезет, то у нас будет эскорт, созданный Перешедшей Силой.

Синяя Раковина чуть не рассмеялся, представив себе такое. Два маленьких наездника, идущих ко Дну Края в окружении подмоги от Перехода.

— Будем на это надеяться.

Два наездника были не единственными, кто этого желал. Выше на берегу Равна Бергсндот бегала по своему кабинету туда-сюда. Мрачная ирония — даже величайшая катастрофа открывает возможности для достойных людей. Ее перевод в маркетинг стал постоянным после падения «Искусства Решений Споров». По мере того как расширялось Отклонение и падали рынки Верхнего Края, Организация становилась все более и более заинтересованной в продаже

информации о Страумском Отклонении. Ее «специальный» опыт в вопросах, связанных с людьми, становился все более и более ценен — и не важно, что царство Страума стало лишь малой долей того, что называлось теперь Погибелью. То немногое, что говорила Погибель о себе, чаще всего сообщалось на самнорском, и Гронд с компанией были крайне заинтересованы в анализах Равны.

Что ж, она принесла кое-какую пользу. Она приняла сигнал «Я здесь» сбежавшего корабля, и она же через девяносто дней разобрала сообщение выжившего человека, Джефри Олсндота. Они обменялись всего сорока сообщениями, но этого было достаточно, чтобы узнать о Стальных Когтях, господине Булате и злых резчиках. Узнать и о том, что маленькая человеческая жизнь прервется, если Равна им не поможет. Ирония природы: почти все время эта единственная жизнь значила для нее больше, чем весь ужас Отклонения, даже чем падение царства Страум. Слава Силам, что Гронд согласился финансировать спасательную экспедицию: был шанс узнать больше о Страумском Отклонении. Гронд держал всю затею в секрете и убедил свое начальство послать экспедицию. Но всей его помощи могло не хватить. Если сбежавший корабль был так важен, как полагала Равна, то спасателей могли ждать невообразимые опасности.

Равна глянула через прибой. Когда волны откатывались, виднелись ветви наездников среди тучи брызг. Этот вид был очень распространен в Крае. Их было много разновидностей, но анализ подтверждал легенду: *очень* давно это был единый вид. Еще в досетевую эру они были неподвижными обитателями морских берегов. Предоставленные самим себе, они выработали вид разумности, лишенный кратковременной памяти. Они росли на берегу и думали думы, не оставлявшие следов в умах. Такое может быть лишь под влиянием постоянно повторяющегося стимула. Но разум и память, которую они у себя выработали, имели значение для выживания вида: стало возможным выбирать наилучшие места для высева собственных семян, места, где была обеспечена безопасность и корм следующим поколениям.

Потом какая-то неизвестная раса наткнулась на этих мечтателей и решила «помочь им в развитии». Их поставили на мобильные платформы, тележки. Колеса дали возможность передвигаться вдоль берега, манипулировать ветвями и щупальцами. С помощью механической кратковременной памяти тележки они быстро поняли, что новообретенная подвижность для них не смертельна.

Равна отвернулась от наездников — что-то приближалось по воздуху между деревьями. Эмиссар. Может быть, ей стоит позвать из воды Синюю Раковину и Зеленого Стебеля. Или нет. Пусть еще понаслаждаются. Если она не раздобудет специального оборудования, им потом придется туго.

«А к тому же можно обойтись и без свидетелей». Равна сложила руки на груди и стала смотреть в небо. Организация Вриними пыталась говорить об этом со Стариком, но сейчас эта Сила действовала только через Эмиссара... а он настаивал на встрече один на один.

Эмиссар приземлился за пару метров от нее и поклонился. Его перекошенная улыбка несколько смазала эффект.

— Фам Нювен, к вашим услугам.

Равна ответила поклоном и провела его в тень своего кабинета. Если он думал, что встреча один на один заставит ее нервничать, он был прав.

— Спасибо за согласие на встречу, господин Нювен. У Организации Вриними есть важнейший вопрос к вашему принципалу. (Владельцу? Оператору? Хозяину?)

Фам Нювен плюхнулся в кресло и вытянулся. Он избегал Равны с того самого вечера в «Бродячей компании». Но Гронд р говорил, что Старик держал его на трансляции, раскапывая архивы в поисках информации о человечестве и его истоках. Теперь, когда Старика убедили сократить использование Сети, это имело смысл: Эмиссар мог делать всю работу в локальной сети, то есть использовать человеческий интеллект, суммировать и давать наверх лишь ту информацию, которая была Старику действительно нужна.

Равна, притворяясь, что работает с компьютером, изучала его краем глаза. Фам улыбался своей прежней лени-

вой улыбкой. Интересно, хватит ли у нее когда-нибудь смелости спросить, сколько в их... романе... было от человека. Были у Фама Нювена к ней хоть какие-то чувства? Да черт побери, ему хоть понравилось?

С точки зрения Перешедшей Силы он был всего лишь простым концентратором данных и передатчиком — но с точки зрения Равны в нем было по-прежнему слишком много от человека.

— Э-э, гм... Организация продолжает отслеживать сбежавший страумский корабль, хотя ваш принципал и потерял интерес.

Фам поднял брови с выражением вежливого интереса.

— Да?

— Десять дней назад простой сигнал «Я здесь» был прерван новым сообщением, очевидно, от уцелевшего члена экипажа.

— Мои поздравления. Вы сумели сохранить это в секрете даже от меня.

Равна не клюнула на наживку.

— Мы стараемся сохранить это в секрете от всех, господин Нювен. По причинам, которые должны быть вам известны.

Равна вывела на дисплей все полученные на сегодня сообщения. Несколько вызовов и ответов за последние десять дней. При переводе на трисквелин для Фама орфографические и синтаксические ошибки исчезли, но тон сохранился. Равна вела разговор со стороны Организации. Это было как вести в темной комнате разговор с человеком, которого никогда не видела. Можно было легко вообразить многое: тонкий плачущий голос между написанными большими буквами словами и восклицательными знаками. Видеоизображений ребенка не было, но в архиве человечества на Сьяндре Кеи Организация раскопала изображения родителей мальчика. Они выглядели типичными страумерами, но с карими глазами клана Линден. Маленький Джефри должен быть худой и темноволосый.

Глаза Фама Нювена бежали вниз по тексту, потом, кажется, зацепились за последние строчки.

Организация [17]: Сколько тебе лет, Джефри?

Абонент [18]: Мне восемь. Я ДОСТАТОЧНО БОЛЬШОЙ, НО МНЕ НУЖНА ПОМОЩЬ!

Организация [18]: Мы поможем. Мы прилетим, как только сможем, Джефри.

Абонент [19]: Извините, что я вчера не мог говорить. Плохие люди опять вчера приходили на холм. Идти на корабль было опасно.

Организация [19]: Плохие люди подходили так близко?

Абонент [20]: Ага. Я их видел прямо с острова. Сейчас я на корабле вместе с Амди, но здесь по дороге лежит много мертвых солдат. Резчики часто делают рейды. Мама погибла. Господин Булат очень старается меня защищать. Он говорит, что я должен быть смелым.

На минуту улыбка Фама исчезла.

— Бедный ребенок, — мягко сказал он. Потом пожал плечами и ткнул в одно из сообщений. — Что ж, я рад, что Вриними посылает спасательную экспедицию. Очень благородно с вашей стороны.

— Не совсем так, господин Нювен. Посмотрите на пункты с шестого по четырнадцатый. Мальчик жалуется на автоматику корабля.

— Ага, что-то из предрассветной эпохи. Клавиатура и монитор, без распознавания голоса. Абсолютно недружественный интерфейс. Похоже, крушение разбило почти все.

Он нарочно прикидывался бестолковым, но Равна решила проявить бесконечное терпение.

— Может быть, и нет, если учесть происхождение корабля. — Фам только улыбнулся, и Равна продолжала раскладывать все по полочкам. — Вероятно, процессоры из Верхнего Края или из Перехода, и в теперешней среде они стали почти безмозглыми.

Фам Нювен вздохнул.

— В полном соответствии с теорией наездников, да? Вы все еще надеетесь, что на этом корыте есть та страшная тайна, которая может убить Катастрофу?

— Да! Вот послушайте... Одно время Старик очень этим интересовался. Откуда же такая полная потеря интереса

теперь? Есть какая-то причина, по которой корабль не может быть ключом к битве с Отклонением?

Так объяснял эту потерю интереса Грондр. Всю свою жизнь Равна Бергсндот слыхала легенды о Силах, и всегда очень отдаленные. И теперь она почти что могла задать вопросы самой Силе. Очень странное ощущение.

Фам после паузы ответил:

— Нет. Это маловероятно, но вы можете оказаться правы.

Равна с шумом выдохнула воздух — она и не заметила, как затаила дыхание.

— Отлично. Тогда то, о чем мы спрашиваем, имеет смысл. Допустим, приземлившийся корабль содержит нечто, что нужно Отклонению или чего оно боится. Тогда вероятно, что Отклонение знает о его существовании — и даже следит за движением на гипердвигателях возле Дна. Спасательная экспедиция может навести Погибель на след. Тогда экспедиция будет самоубийством для экипажа — и может усилить мощь Погибели.

— Итак?

Равна хлопнула по компьютеру ладонью.

— Итак, Организация Вриними просит помощи Старика в создании экспедиции, которую Погибель не сможет отследить!

Фам Нювен только покачал головой:

— Равна, Равна! Вы говорите об экспедиции ко *Дну Края*. Там ни одна сила никак не сможет вам помочь. Даже Эмиссар будет предоставлен своей собственной воле.

— Не стройте из себя большего придурка, чем вы есть, Фам Нювен! Там, внизу, у Отклонения будут точно те же ограничения. Чего мы просим — это оборудования, сделанного в Переходе и рассчитанного на эти глубины, поставленного в необходимых количествах.

— Придурка? — Фам Нювен поднялся, но на губах его все еще играл призрак улыбки. — Это для вас нормальное обращение к Силе?

«До этого года я бы скорее умерла, чем обратилась бы к Силе хоть как-нибудь». Равна откинулась назад, выдав ему свой вариант небрежной улыбки.

— У вас, милостивый государь, прямая связь с богом, но позвольте мне вам открыть маленькую тайну: я точно знаю, когда она работает, а когда нет.

Вежливое любопытство:

— Да? А каким образом?

— Фам Нювен сам по себе — человек яркий, эгоцентричный и столь же утонченный, сколь дубовая колода. — Равна вспомнила проведенное вместе время. — И я не волнуюсь, пока не исчезает эта надменность вместе с идиотскими шуточками.

— Хм. В вашей логике есть слабое место. Если Старик управляет мной непосредственно, он может с той же легкостью изобразить придурка... — Фам склонил голову набок, — как и мужчину вашей мечты.

Равна скрипнула зубами.

— Может быть, но мне немножко помог мой начальник. Он позволил мне следить за использованием передатчика. — Она взглянула на компьютер. — Сейчас ваш Старик использует менее десяти килобит в секунду от всех Ретрансляторов... а это значит, мой друг, что вами не управляют на расстоянии. И весь непроходимый идиотизм, который я наблюдаю, принадлежит целиком Фаму Нювену.

Рыжий хихикнул, очевидно озадаченный.

— Вы меня поймали. Я в автономном режиме с тех самых пор, как Организация убедила Старика отступить. Но я хочу, чтобы вы знали: все эти десять килобит в секунду направлены сейчас на наш очаровательный разговор. — Он остановился, будто прислушиваясь, потом помахал рукой. — Старик говорит «привет!».

Равна рассмеялась против своей воли. Что-то было непобедимо абсурдное в этом жесте, в самой идее, что Сила может позволить себе такие тривиальные шуточки.

— Ладно. Я рада, что он может, так сказать, присутствовать. Послушай, Фам, мы не так уж много просим, по меркам Перехода, а спасти это может целые цивилизации. Дайте нам несколько тысяч кораблей; и одноразовые робокорабли вполне сгодятся.

— Старик это может, но они будут ничуть не лучше построенных здесь. Обмануть... — он остановился, будто

удивленный собственным выбором слов, — обмануть Зоны — работа тонкая.

— Отлично. Качество или количество. Мы согласны на все, что думает Старик...

— Нет.

— Фам! Мы говорим о нескольких днях работы для Старика. Он уже потратил больше на изучение Погибели.

Их единственная яростная ночь могла стоить больше — но этого она не сказала.

— Ага, и большую часть этого использовала Вриними.

— Расплачиваясь с клиентами, которых вы потеснили! Фам, ты можешь хотя бы сказать нам *почему?*

Ленивая улыбка сползла с его лица, и Равна кинула быстрый взгляд на компьютер. Нет, Фам Нювен не был под управлением. Она помнила выражение его лица, когда он читал письма Джефри Олсндота — тогда из-за маски надменности выглянуло нормальное человеческое существо.

— Я попробую. Но имей в виду: хоть я и был частью Старика, я могу помнить и объяснять лишь в пределах человеческих возможностей.

Да, ты права, Отклонение пожирает сейчас Вершину Края. Пока эта Сила утомится захватами, погибнут еще цивилизаций пятьдесят, и еще пару тысяч лет продлится эхо катастрофы — отравленные звездные системы, искусственные расы с кровожадными идеями. Но — и мне неприятно это говорить — что из этого? Старик обдумывал эту проблему со всех сторон так и этак больше ста дней. Это *очень* долго для Силы, особенно для Старика. Он существует уже больше десяти лет, и его разумы дрейфуют к... скажем, изменениям, которые выведут его за пределы любого общения. Так какое ему до всего этого дело?

Равна помнила, чему ее учили в школе. Да, это стандартный момент, но она все равно не могла удержаться от вопроса. На этот раз это был не учебный пример, а реальность.

— Но ведь в истории полно примеров, когда Силы помогали расам Края, а иногда отдельным их представителям? — Равна успела узнать сведения о расе, которая создала Старика. Это были разумные газовые пузыри. После самого лучшего истолкования Ретрансляторов их речь все

равно звучала абракадаброй. Очевидно, у них не было рычагов управления Стариком. И все, что она могла, — просить прямо. — Давай посмотрим на это с другой стороны. Даже обыкновенному человеку не нужно отдельного объяснения, чтобы помочь страдающему животному.

Улыбка Фама стала возвращаться на место.

— Ты отлично владеешь аналогиями. Только ты же помнишь, что ни одна аналогия не полна, и чем сложнее автомат, тем сложнее его возможные мотивы. Но... вот тебе такая аналогия: Старик — вполне достойный человек, имеющий приличный дом в приличной части города. И вот однажды у него появляется новый сосед, этакая свинья, усеявшая свой участок ядовитыми отходами. Будь ты на месте Старика, ты бы обеспокоилась, правда ведь? Начала бы брать пробы на краях своего владения. Могла бы попытаться поговорить с этим новым, узнать, что он такое творит. Организация Вриними видела часть этого расследования.

Вот, скажем, ты узнала, что у твоего соседа не все дома. Его стиль жизни требует отравлять луга и поедать получившуюся грязь. Это неприятно: дурной запах, истребление безвредных животных. Но в результате исследования выяснилось, что твоя земля не пострадает, и твой сосед согласен принять меры для уменьшения вони. Как бы там ни было, а поеданием ядовитой грязи он вредит только себе. — Фам помолчал. — Как аналогия, эта вполне точна. Разобравшись в изначальной загадочности, Старик решил, что данное Отклонение развивается по обычным схемам, столь простым и банальным, что даже создания вроде нас с тобой видят заключенное в нем зло. Оно в том или ином виде содержалось в архивах Края где-то сто миллионов лет...

— Да черт побери! Я бы собрала соседей и выставила бы извращенца из города!

— Это обсуждалось, но оно выходит дорого... и могут пострадать настоящие люди. — Фам Нювен плавно встал и улыбнулся, кончая разговор. — Что ж, это все, что мы должны были тебе сказать.

Он вышел из-под деревьев, Равна подпрыгнула, бросаясь ему вслед. Он сказал не оборачиваясь:

— Мой личный совет: не принимай это так близко к сердцу, Равна. Понимаешь, я все это видел. От Дна Медленной Зоны — внутрь Перешедшей Силы, и у каждой Зоны свои собственные минусы. Сама основа этого Отклонения — термодинамическая, экономическая, какая хочешь — состоит в высоком качестве мысли и связи в Вершине Края. Это Отклонение не тронуло ни одной цивилизации в Среднем Крае. Там слишком велики задержки связи и затраты и даже лучшее оборудование теряет разум. Там для управления нужны военные флоты, тайная полиция, неуклюжие передатчики — и все это столь же громоздко, как любая империя в Крае, а Силе от этого выгоды нет. — Он обернулся и увидел выражение ее лица. — Эй, подруга, я же говорю, что твоей хорошенькой заднице ничего не грозит.

И он потянулся потрепать ее по заду.

Равна шагнула назад, отбросив его руку. Она лихорадочно искала какой-то разумный аргумент, который заставит этого типа думать. Ведь бывали случаи, когда Эмиссар менял решение своего принципала. Но ничего не придумала, кроме как сказать:

— А о своем хвосте ты подумал? Ты говоришь, что Старик уже готов собрать чемоданы и пойти туда, куда только Силе есть ход. А собирается он взять тебя с собой или бросит, как щенка, который уже не нужен?

Это были дурацкие слова, и Фам Нювен рассмеялся.

— Опять аналогии? Нет, он скорее всего просто меня оставит, как робот-зонд после последнего запуска. — Еще одна аналогия, только эту выбрал он. — На самом деле, если это случится достаточно скоро, я бы и сам захотел пойти в эту спасательную экспедицию. Похоже на то, что Джефри Олсндот попал в средневековую цивилизацию. А я спорить могу, что никто в Организации не разбирается в таких вещах лучше меня. И там, у Дна, вашему экипажу не придумать лучшего помощника, чем старый разбойник из Кенг Хо.

Он говорил небрежным тоном, будто храбрость и опыт признавались за ним как данность — а все прочие по умолчанию трусливо поджимали хвосты.

— Нет, правда? — Равна уперлась руками в бока и склонила голову к плечу. Слишком много себе позволял этот

тип, само существование которого было подстроено. — Ах да, ты же маленький принц, воспитанный среди интриг и кинжалов, улетевший к звездам вместе с Кенг Хо... Фам Нювен, ты всерьез думаешь, что твое прошлое — это на самом деле? А не то, что вложил в тебя Старик? Я задумывалась об этом после нашего очаровательного вечера в «Бродячей компании». И знаешь что? Очень немногое ты можешь принять как факт. Ты действительно был космонавтом из Медленной Зоны — если не двумя или тремя космонавтами, поскольку ни один труп не был полон. Каким-то образом ты и твои приятели сумели угробиться у нижнего края Медленности. Что еще? Да, у твоего корабля не было восстановимой памяти. Единственная печатная копия, которую мы нашли, написана на каком-то азиатском языке Старой Земли. И это все, *все*, понимаешь, с чем начал Старик свою подделку.

Вот тут улыбка Фама стала чуть приморожденной. А Равна говорила, не давая ему шанса ответить:

— Только не вини Старика. Он же малость спешил, верно? Он должен был убедить и Вриними, и меня, что ты настоящий. Он и переворошил архивы и слепил для тебя реальность. Может быть, полдня на это потратил — ты ему благодарен за усилия? Кусочек отсюда, кусочек оттуда. Кенг Хо действительно существовала, видишь ли... только на *Земле*, за тысячелетия до космических полетов. И должны были быть, конечно, космические колонии, наследники Азии — это очевидная экстраполяция. У Старика отличное чувство юмора. Он сделал твою жизнь фантастическим романом, вплоть до последней трагической экспедиции. Уже это должно было меня насторожить, кстати. Это же комбинация нескольких доньоранских легенд.

Равна перевела дыхание, и ее понесло дальше.

— Мне жаль тебя, Фам Нювен. Пока ты не слишком о себе задумываешься, ты — самый самоуверенный тип во всем космосе. Но все твои умения, все достижения — ты пытался их получше изучить? Спорить могу, что нет. Быть великим воином или пилотом — это требует миллионов мелких навыков, вплоть до кинестетических мелочей на подсознательном уровне. Старку надо было подделать только

верхний уровень и сильную личность. А ты загляни под поверхность, Фам. Боюсь, ты там найдешь целую кучу пустоты.

Рыжий скрестил руки на груди и пальцем постукивал по рукаву. Когда у Равны наконец кончились слова, он улыбнулся широко и покровительственно.

— Ах ты, глупая ты Равна. Ты даже сейчас не поняла, как превосходят нас Силы. Старик — это тебе не какая-нибудь тирания Среднего Края, промывающая своим жертвам мозги фальшивыми воспоминаниями. Даже подделка, созданная Перешедшим, куда глубже, чем реальный образ в мозгу человека. И как ты можешь знать, что это *на самом деле* подделка? Ты покопалась в архивах Ретрансляторов и нашла мою Кенг Хо. — Он остановился. Вспоминая? Или пытаясь вспомнить? На долю секунды на его лице мелькнули страх и растерянность. Потом они исчезли, и вернулась та же ленивая улыбка. — Может ли кто из нас представить себе, какие архивы в Переходе, представить себе, что должен знать о человечестве Старик? Организация Вриними должна быть ему благодарна за то, что он разъяснил мои истоки — самим бы им никогда не докопаться.

Послушай, Равна. Мне и в самом деле жаль, что я не могу помочь. Пусть это будет дурацкая попытка, я бы хотел видеть этих детей спасенными. А насчет Погибели не волнуйся. Она почти достигла максимума расширения. И даже если вам удастся ее разрушить, для тех, кто уже поглощен, лучше не станет. — Он рассмеялся, может быть, чуть громче, чем надо. — Ладно, я должен идти. У Старика есть для меня еще несколько поручений на сегодня. Он не очень одобрял этот наш разговор, но я настоял. Преимущества автономного задания, как видишь. Но мы с тобой... нам было вместе хорошо, и я думал, нам приятно будет поболтать. Я не хотел тебя злить.

Фам включил антиграв и взлетел над песком, сделав краткий приветственный жест рукой. Равна подняла руку, чтобы помахать в ответ. Его силуэт странно мелькнул, когда он вышел из пригодной для дыхания атмосферы Доков и включился космический скафандр.

Равна смотрела еще несколько секунд, пока фигура не стала еще одной летящей точкой в индиговом небе. *Черт побери все.*

Позади послышался скрип колес по песку — Синяя Раковина и Зеленый Стебель вылезали из воды. Вода блестела на боках тележек, превращая косметические полосы в зазубренные радуги. Равна пошла им навстречу. *Как им сказать, что помощи не будет?*

С представительством кого-то вроде Фама Нювена Старик был совсем не таким, как она воображала в школе на Сьяндре Кеи. Она была близка к мысли, что может различить их просто по разговору. Теперь она пыталась себе представить существо настолько могущественное, что оно играло с душами, как программист играет с анимированной графикой, и настолько от нее далекое, что лишь его безразличие служило ей защитой.

«Ты еще радоваться должна, Равна. Ты только чуть опалила крылышки на огне».

16

Следующие недели дела шли на удивление хорошо. Несмотря на катастрофу с Фамом Нювеном, Синяя Раковина и Зеленый Стебель все еще желали лететь в спасательную экспедицию. Организация Вриними даже подкинула несколько дополнительных ресурсов. Равна каждый день предпринимала телепосещение ремонтной верфи. «Внеполосный» хотя и не получил приспособлений из Перехода, но подвергся полному и экстраординарному переоборудованию. Он плавал в золотой паутине строительных лесов, миллионы крошечных роботов выращивали новые формы корпуса придонного люггера. Иногда корабль казался Равне хрупким мотыльком, а иногда — глубоководной рыбой. Перестроенный корабль сможет выжить в самых разных средах: у него были шипы судна с гипердвигателями, но корпус был вытянут вдоль и имел осиную талию — классическая форма корабля для придонных полетов. Придонный люг-

гер должен уметь двигаться в опасной близости Медленной Зоны, а поверхность Зоны трудно определить издали, и еще труднее составить ее карту, потому что она подвержена миллионам кратковременных изменений. Для люггера вполне вероятно оказаться на один-два световых года внутри Медленной Зоны. И тогда приходится благодарить бога за наличие субсветовых двигателей и гибернаторов. Конечно, вернувшись в цивилизацию, ты окажешься безнадежно устарелым, но ты хотя бы вернешься.

Равна перемещала точку зрения вдоль шипов гипердвигателей, выступающих из корпуса. Они были шире, чем у большинства прибывающих к Ретрансляторам кораблей. Для Среднего и Верхнего Края такая форма не оптимальна, но с помощью соответствующих (то есть работающих в Нижнем Крае) компьютеров корабль возле Дна будет лететь не медленнее, чем всякий другой.

Грондр позволил ей половину своего времени тратить на этот проект, и после нескольких дней Равна поняла, что это не было простым одолжением. Именно ей эту работу и следовало поручить. Она знала человечество и знала архивную работу. Джефри Олсндота надо было каждый день ободрять. И то, что рассказывал Джефри, было очень важно. Даже если все пойдет по плану — даже если Отклонение никак не вмешается, — спасательная операция будет сложным трюком. Ребенок и корабль оказались, по всей видимости, в середине кровавой войны. Их извлечь — это потребует мгновенного принятия верных решений и действий согласно этим решениям. Понадобятся эффективные бортовые базы данных и стратегические программы. Но из этого мало что может работать вблизи Дна, и объем памяти будет очень ограничен. И Равне предстояло решать, какие библиотечные материалы переводить на корабль, балансировать ресурсы местные и доступные по ультраволновой связи с Ретрансляторами.

Грондр был доступен для нее по локальной сети, и часто — непосредственно. Он хотел, чтобы все получилось.

— Не волнуйся, Равна. Мы выделим часть Ретранслятора РОО на это задание. Если их антенные рои будут работать как должно, то у наездников будет связь с Ретранслятором на тридцать килобит в секунду. Ты будешь их

основным связным, и у тебя будет доступ к нашим лучшим стратегиям. Если ничего не... вмешается, тебе вообще не придется волноваться из-за управления операцией.

Еще четыре недели назад Равна не посмела бы просить большего. Но сегодня...

— У меня есть лучшая идея, господин Грондр. Пошлите меня с наездниками.

Все части рта Грондра щелкнули одновременно. Равна видела это в момент крайнего удивления у Эгравана, но у самого Грондра... Он на минуту замолчал.

— Нет. Вы нам нужны здесь. Вы — наш лучший способ проверить психическое здоровье, когда речь зайдет о поведении людей.

В группах новостей, заинтересованных Страумским Отклонением, проходило в день до тридцати тысяч сообщений, и примерно десятая их часть касалась людей. Тысячи из них содержали переложение старых идей, или явный абсурд, или заведомую ложь. Автоматика маркетинга отлично справлялась с отфильтровыванием лишнего и части абсурдного, но там, где дело касалось человеческой природы, Равне пары не было. Почти половину своего времени она проводила за анализом и обработкой запросов о человечестве в архивы. И отпустить ее с наездниками — это было почти невозможно.

В следующие несколько дней Равна продолжала подталкивать своего шефа к этому решению. Кто бы ни вел спасательную операцию, ему придется держать прямую связь с человеком — на самом деле, с человеческими детьми. Очень вероятно, что Джефри Олсндот никогда наездника не встречал. Это уже был хороший аргумент, и он действовал, но им одним ей бы никогда не пронять старого Грондра. Понадобилось еще несколько внешних событий: во-первых, за несколько недель распространение Погибели замедлилось. Как подсказывала обычная житейская мудрость (и Старик посредством Фама Нювена), были достигнуты естественные пределы, на которые распространяет свой интерес Отклонение. Унизительная паника в Верхнем Крае постепенно затихала. Потоки слухов и беженцев из захва-

ченных областей иссякли до незаметных капель. Разумных существ в захваченных Погибелью районах не осталось, но это было похоже на смерть на кладбище, а не на смерть от моровой язвы. Соответствующие группы новостей еще что-то бормотали о Погибели, но все больше повторяли старые песни. Просто очень мало чего происходило нового. В течение десяти ближайших лет в пораженном районе распространится физическая смерть. Снова начнется колонизация с тщательным прощупыванием развалин, информационных ловушек и выживших рас. Но это все пойдет своим чередом, а сейчас вихрь информации о Погибели на Ретрансляторе постепенно спадал.

...А маркетинг был куда как сильнее заинтересован в сбежавшем корабле. Ни одна из стратегических программ — и уж тем более Гронд — не верили, что унесенный кораблем секрет может нанести вред Погибели, но был хороший шанс, что он может принести коммерческий успех, когда Отклонению наконец надоест его игра в Переходе. И соответственно, требовалось приложить максимум усилий, а значит, Равна должна была оставить работу в Доках и вылететь на полевое задание.

И таким образом свершилось чудо и ее детские фантазии о приключениях стали явью. Что еще удивительнее, эта перспектива ее пугала только наполовину!

Абонент [56]: Прошу прощения, что долго не отвечал. Господин Булат говорит, что я должен с вами разговаривать. Он говорит, что мне нужно больше друзей, тогда мне самому будет лучше. Амди тоже так говорит, и он мой лутший друг... как стая собак, только умный и смешной. Жалко я не могу послать картинку. Господин Булат попробует получить ответы на ваши вопросы. Он все делает чтобы мне помочь. Но плохие стаи вернутся. Мы с Амди попробовали что вы сказали нащот корабля. Извените, оно не работает. Ненавижу эту клаватуру...

Организация [57]: Привет, Джефри. Амди и господин Булат правы. Я всегда люблю разговаривать, и мне от этого лучше... Есть изобретения, которые могут помочь господину Булату. Мы придумали, как улучшить его луки и огнеметы. Я посылаю также информацию о строительстве крепостей. Пожалуйста, ска-

жи господину Булату, что мы не можем ему рассказать, как летать на этом корабле. Это было бы опасно даже для опытного пилота.

Абонент [57]: Ага даже папе было трудно посадить корабль. Я думаю господин Булат просто ни понимает и он вроде огорчается... а нет ничего такого как в старые времена было? Бомбы там или эропланы, чтобы он их мог зделать?

Организация [58]: Есть другие изобретения, но у господина Булата много времени ушло бы на их изготовление. Скоро наш звездолет уйдет с Ретранслятора, Джефри. И мы прибудем раньше, чем все это могло бы вам пригодиться...

Абонент [59]: Вы летите? Вы наконец летите!!! Когда? Когда вы тут будете???

Обычно Равна составляла послания для Джефри на клавиатуре — это давало возможность прочувствовать положение ребенка. Казалось, он держится, хотя бывали дни, когда он не писал (странно было думать об «умственной депрессии» у восьмилетнего мальчика). Иногда он злился на клавиатуру, и через двадцать одну тысячу световых лет летели отпечатки кулачков бьющего по клавиатуре ребенка.

Равна улыбнулась дисплею. Сегодня она могла послать Джефри больше, чем туманные обещания: точное время отправления. Сообщение [59] ему понравится. Она ввела: «Мы планируем отлет через семь дней, Джефри. Время полета около тридцати дней». Надо ли это указывать? Последние сообщения в группе новостей по Зонам отмечали необычную активность Дна. А мир Стальных Когтей так близок к Медленной Зоне... Если «буря» станет сильнее, время полета затянется. Был шанс около одного процента, что полет займет и все шестьдесят. Равна откинулась на спинку кресла. А хочет ли она это говорить? Черт возьми, лучше быть откровенной — точные даты могут спутать местных, которые помогают Джефри. Она объяснила все «если» и «но», потом перешла к описанию корабля и тех чудесных вещей, которые на нем будут. Мальчик обычно не писал длинных писем (кроме тех случаев, когда передавал информацию от Булата), но ему явно нравились длинные письма от нее.

«Внеполосный» проходил последние предполетные проверки. Его гипердвигатели были смонтированы и испытаны, наездники водили его за пару тысяч световых лет проверить антенный рой. Рой работал великолепно. Равна и Джефри смогут разговаривать почти в течение всего полета. Вчера корабль грузили припасами. (Звучит как описание средневековой авантюры. Но кое-какие припасы надо взять, если собираешься так далеко, что нельзя верить графическому описанию реальности.) Где-то завтра сотрудники Грондра нагрузят трюм приборами, которые могут пригодиться для спасательной операции. Это надо говорить? Некоторые из этих приборов могут испугать местных друзей Джефри.

Вечером Равна и наездники устроили пикник на берегу. Они его так назвали, хотя это скорее был его человеческий вариант, чем свойственный наездникам. Синяя Раковина и Зеленый Стебель откатились от воды подальше, где песок был сухой и теплый. Равна поставила напитки на грузовой шарф Синей Раковины. Они сидели на песке и любовались закатом.

Это было празднование — Равна получила разрешение лететь на «Внеполосном», корабль был готов к отбытию. Но...

— Вы действительно довольны, что летите, миледи Равна? — спросил Синяя Раковина. — Мы-то двое отлично на этом заработаем, но вы...

Равна рассмеялась:

— Мне заплатят командировочные. — Она с пеной у рта добивалась разрешения лететь, теперь можно было торговаться об оплате. — И это правда, я в самом деле этого хочу.

— Я рада, — сказала Зеленый Стебель.

— Я смеюсь, — добавил Синяя Раковина. — Моя подруга особенно довольна тем, что наш пассажир не будет унылым. Мы почти утратили любовь к двуногим после путешествия с нашими сертификантами. Но теперь нет ничего, чего надо пугаться. Читали ли вы группу «угрозы» за последние пятнадцать часов? Погибель перестала расти, и ее края очень четко определились. Отклонение вступило в средний возраст. Я готов отбыть прямо сейчас.

Синяя Раковина погрузился в общие рассуждения о стаях Стальных Когтей и возможной судьбе Джефри и других уцелевших. Зеленый Стебель вставляла слово время от времени. Она уже не так стеснялась, как раньше, но казалась мягче, чем ее друг, не такой уверенной в себе. И ее самооценка была чуть более реалистичной. Все еще шла окончательная проверка «Внеполосного» — и Гронд к тому же финансировал небольшой флот ложных кораблей. Сейчас уже их было готово пятьдесят. К концу следующей недели их будет сто.

Доки вплывали в ночь. В неплотной атмосфере сумерки были короткими, но цвета — поразительными. Блестели в горизонтальных лучах пляж и деревья. Запах цветов мешался с ароматом морской соли. На дальнем берегу моря резко разграничивалось темное и яркое, силуэты сооружений — то ли фантазия вринимийцев, то ли оборудование Доков, Равна так и не могла понять. Солнце скользнуло за море. Горизонт окрасился оранжевым и красным, с широкой полосой зеленого поверху — может быть, ионизированный кислород.

Наездники не стали поворачивать тележки, чтобы лучше рассмотреть — насколько знала Равна, они могли видеть во всех направлениях, — но замолчали. Когда солнце село, волноломы разбили его на тысячу изображений — блики зеленого и желтого в пене. Равна подумала, что эти двое предпочли бы сейчас быть там. Она часто видала, как они на закате нарочно забирались в самый сильный прибой, подняв повыше ветви и стебли. В такое время она почти понимала малых наездников — они проводили жизнь, запоминая такие повторяющиеся моменты. Равна улыбнулась зеленоватым сумеркам. Чтобы волноваться и строить планы, всегда будет достаточно времени потом.

Так они сидели минут двадцать. Вдоль изгиба берега в густеющей тьме тянулась ниточка огней — работники из офисов выходили на пляж. Где-то очень близко послышался хруст песка под ногами. Обернувшись, Равна увидела Фама Нювена.

— Мы здесь, — позвала она.

Фам неторопливо подошел. Он почти не появлялся с момента их последней стычки — наверное, какие-то уколы

Равны его хорошо достали. Стоит надеяться, что Старик заставит его это забыть. Фам Нювен был в потенциале настоящей личностью, и нехорошо язвить его лишь потому, что его принципал вне досягаемости.

— Садитесь с нами. Галактика взойдет через полчаса.

Наездники так углубились в созерцание заката, что только сейчас заметили гостя.

Фам Нювен сделал два шага к Равне и встал, упираясь руками в бока и глядя в море. Когда он повернулся к ней, зеленые сумерки придавали его лицу какую-то странную твердость. Он полыхнул своей несимметричной улыбкой:

— Кажется, я должен перед вами извиниться.

«Неужели Старик все-таки позволил ему присоединиться к человечеству?» — подумала Равна. И все-таки она была тронута.

— И я перед вами тоже. В конце концов, если Старик не хочет помогать, то и не будет, а я не должна была выходить из себя.

Фам Нювен тихо рассмеялся.

— Ваша ошибка куда меньше. Я все еще пытаюсь понять, в чем был неправ, и... кажется, у меня сейчас не будет времени это узнать.

Он снова повернулся к морю. Равна встала рядом с ним. Вблизи его глаза казались стеклянными.

«Черт тебя побери, Старик! Если ты собираешься его от себя оторвать, так не делай этого по частям!»

— Вы крупная специалистка по Перешедшим Силам, правда?

Зачем такой сарказм?

— Ну, я...

— У этих больших мальчиков бывают войны?

Равна пожала плечами:

— Слухи бывают всякие. Мы считаем, что конфликты бывают, но слишком тонкие, чтобы назвать их войнами.

— И вы чертовски правы. Борьба существует, но у нее куда больше граней, чем у любого явления, которое случается здесь. Обычно преимущества сотрудничества настолько велики, что... В общем, в этом частично состоит причина того, что я не принимал Отклонение всерьез. Кроме того, это создание жалкое: мерзкая дворняга, гадящая в

собственном логове. Даже захоти оно убивать другие Силы, такое, как оно, никогда бы этого не смогло. Даже за миллиард лет...

К ним подъехал Синяя Раковина.

— Кто это, миледи?

Это была обычная выходка наездника, к которым Равна только начинала привыкать. Если бы Синяя Раковина справился с памятью своей тележки, он бы знал. Но потом до нее дошел смысл вопроса. В самом деле, кто это? Она посмотрела на компьютер. Он показывал состояние передатчиков с момента появления Фама Нювена... О Силы! Три передатчика были заняты одним клиентом!

Она быстро шагнула назад.

— Ты!

— Я! Снова лицом к лицу, Равна. — Похотливая гримаса была пародией на самоуверенную улыбку Фама. — Извини, сегодня я не могу быть очаровательным. — Он неуклюже похлопал себя по груди. — Я использую глубинные инстинкты этого предмета. Потому что слишком занят попытками сохранить себе жизнь.

По его подбородку стекала струйка слюны. Глаза Фама то наводились на нее, то блуждали по сторонам.

— Что ты делаешь с Фамом!

Эмиссар шагнул к ней, споткнулся.

— Расчищаю место, — донесся голос Фама Нювена.

Равна назвала код телефона Грондра. Ответа не было.

Эмиссар покачал головой.

— Организация Вриними слишком занята сейчас, пытаясь уговорить меня освободить их аппаратуру или собраться с духом и заставить меня. Они не верят в то, что я им говорю. — Он рассмеялся коротким кашляющим смехом. — Не важно. Теперь я вижу, что атака была лишь смертельным отвлекающим маневром. Как тебе это, маленькая Равна? Понимаешь, Погибель — это не Отклонение Класса Два. В оставшееся мне время я могу только строить догадки о том, что это. Что-то очень старое и очень большое. Что бы это ни было, оно пожирает меня заживо.

Синяя Раковина и Зеленый Стебель подкатились к Равне поближе. Где-то за тысячи световых лет, в глубине Перехо-

да, Сила билась за свою жизнь. А они видели только человека, ставшего пускающим слюну безумцем.

— Так вот, мои извинения, маленькая Равна. Если я вам помогу, меня это вряд ли спасет. Но это послужит до некоторой степени — пусть местью, чтобы вы поняли мой мотив. Я вызвал сюда ваш корабль. Если вы будете действовать быстро и не используя антигравы, у вас есть шанс пережить следующий час.

Голос Синей Раковины прозвучал одновременно испуганно и хвастливо.

— Пережить? Здесь может случиться лишь обычное нападение, а никаких его признаков пока не видно.

Маньяк в тихой и мягкой ночи. Компьютер Равны не заметил ничего необычного, кроме захвата Стариком огромной полосы частот.

Фам Нювен снова рассмеялся кашляющим смешком.

— А оно вполне обычное, только очень хитрое. Небольшие отклонения при тиражировании данных, накапливаемые неделями. Сейчас они срабатывают, одновременно с атакой, которую вы видите. И умрут через несколько часов, разрушив всю драгоценную Верхнюю автоматику Ретрансляторов. Равна! Бегите на корабль или умрите в течение ближайшей тысячи секунд. Бегите на корабль. Если выживете, летите ко Дну. Возьмите... — Эмиссар пресекся в середине фразы. Собравшись из последних сил, он выпрямился и в последний раз улыбнулся зеленоватой улыбкой. — И вот мой дар тебе, лучшая помощь, которую я могу оказать.

Улыбка исчезла. Остекленевший взгляд сменился выражением удивления... и растущего ужаса. Фам Нювен сделал неимоверной силы вдох и успел сделать лающий выкрик перед самым падением. Упал он лицом вниз, дергаясь и задыхаясь в песке.

Равна снова выкрикнула код Гронда и бросилась к Нювену. Перевернув его на спину, она стала очищать его рот от песка. Припадок длился несколько секунд, руки и ноги Фама беспорядочно дергались. Равне досталось несколько увесистых ударов, но она старалась его удержать. Потом Фам затих, и ей еле удалось услышать его дыхание.

А Синяя Раковина говорил:

— Он каким-то образом захватил «Внеполосного». Корабль в четырех тысячах километров и направляется прямо к Докам. О горе. Мы разорены.

Полет вблизи Доков без разрешения почти наверняка означал конфискацию.

Но Равна почему-то знала, что это уже не важно.

— Есть ли признаки нападения? — спросила она через плечо.

Она оттянула голову Фама назад, чтобы ему легче было дышать.

Наездники пошелестели друг с другом. Потом Зеленый Стебель сказала:

— Что-то странное. На всех главных передатчиках обслуживание остановлено.

Значит, Старик все еще передает?

— Локальная сеть блокирована. Большое количество автоматики и много работников вызваны для выполнения специальных работ.

Равна откинулась назад, глядя в небо. Его уже охватила ночная тьма, проколотая десятком ярких световых точек — идущими к Докам кораблями. Все как обычно. Но и на ее компьютере было видно то, о чем сказала Зеленый Стебель.

— Равна, я сейчас не могу говорить, — раздался в воздухе щелкающий голос Грондра. Наверное, говорила программа — его помощник. — Старик занял почти все Ретрансляторы. Следи за его Эмиссаром. — «Уже поздно!» — Мы потеряли контакт со службой охранного наблюдения за пределами передатчиков. Наблюдаются аппаратные и программные отказы. Старик утверждает, что на нас напали. — Пятисекундная пауза. — Есть признаки действия какого-то флота возле наших охраняемых границ.

Это всего в половине светового года отсюда.

— Эй! — Это был Синяя Раковина. — У самых охраняемых границ? А как вы могли пропустить их приближение?

Он быстро закружился на месте.

Помощник Грондра оставил вопрос без ответа.

— Не менее трех тысяч кораблей. Разрушение передатчиков немину...

— Равна, наездники с тобой?

Это был по-прежнему голос Грондра, но более отрывистый, более озабоченный. Это говорил он лично.

— Д-да.

— Локальная сеть отказывает. Жизнеобеспечение отказывает. Доки упадут. Мы были бы сильнее атакующего флота, но мы прогнили изнутри. Ретрансляторы умирают... — его голос стар резче, — но Организация Вриними не умрет, а контракт есть контракт! Скажи наездникам, мы им заплатим... когда-нибудь, как-нибудь. Мы требуем... умоляем их выполнить задание, на которое они подрядились. Равна?

— Да. Они вас слышат.

— Тогда летите!

И голос исчез.

— «Внеполосный» будет здесь через двести секунд, — сказал Синяя Раковина.

Фам Нювен уже затих, и дыхание его стало ровнее. Наездники ерзали на месте, а Равна огляделась вокруг — и вдруг поняла, что вся эта смерть и разрушение — это были доклады издалека. Пляж и небо были так же безмятежны, как и всегда. Последние лучи солнца покинули волны. В низком зеленом свете неясно темнела полоса пены. Тут и там между деревьями и на дальних башнях светились желтые огоньки.

Но тревога явственно ширилась. Равна видела, как включались другие переносные компьютеры. Огни на берегу вспыхивали, угасая, разбегались в деревья и вверх к офисам чьи-то фигуры. Вылетали со стоянок звездолеты и уносились выше и выше, пока не вспыхивали в уходящем солнце.

Последнее мгновение мира на Ретрансляторах.

По небу расползалось растущее пятно тьмы. Равна охнула от света такого *искаженного*, что еле его заметила. Он сиял больше у нее в голове, чем перед глазами. После она не могла сообразить, как отличила его от черноты.

— Еще одно! — сказал Синяя Раковина.

Это пятно было возле горизонта Доков — примерно один градус в диаметре. Края его были неясным бурлением черного на черном.

— Что это?

Равна не была фанатиком войн, но свою долю приключенческих книг прочла. О бомбах из антиматерии она знала, и о снарядах с релятивистской кинетической энергией — тоже. Издали такое оружие казалось ярким пятном света, иногда с радужными бликами. Или еще точнее: такой разрушитель миров сияет из-за кривизны планеты, обволакивая ее шар, как капля воды, но медленно, очень медленно. Об этом она читала и такое была готова увидеть. А то, что она видела сейчас, — это было скорее дефектом зрения, чем зрелищем войны.

Только Силы знают, что видели наездники, но...

— Кажется, испаряются ваши главные передатчики, — сказал Синяя Раковина.

— Но они же в световых годах от нас! Мы никак не могли бы увидеть...

Появилось еще одно пятно, даже не в ее поле зрения. Плыл цвет, и нельзя было даже точно сказать где. Фам Нювен снова дернулся в судороге, но уже слабой. Удержать его теперь было нетрудно, но изо рта у него закапала кровь. Спина его рубашки чем-то воняла, похожим на гниль.

— «Внеполосный» будет здесь через сто секунд. Времени достаточно, вполне достаточно. — Синяя Раковина ездил вокруг них туда и сюда, говоря успокоительные слова, которые только показывали, как он нервничает. — Да, миледи, в световых годах от нас. И через годы их вспышка осветит небо для тех, кто останется здесь в живых. Но свет образуется только из доли испарившегося. Остальное дает ультраволновый импульс такой силы, что даже обычная материя подвергается его влиянию. Зрительные нервы тоже реагируют... Даже ваши собственные нервы становятся приемником. — Он развернулся на месте. — Но не беспокойтесь. Мы умелы и быстры. Нам приходилось уже выбираться из узких мест.

Странно было слышать, как существо без кратковременной памяти хвастается своей молниеносной сообразительностью. Равна надеялась, что тележка этот недостаток компенсирует.

Громко прозвучал голос Зеленого Стебля:

— Смотрите!

Линия прибоя отходила назад, куда дальше, чем Равна за все время видела.

— Море падает! — крикнула Зеленый Стебель.

Вода отошла на сто метров, на двести. Зеленый горизонт погружался.

— До прибытия корабля еще пятьдесят секунд. Мы полетим ему навстречу. Давай, Равна!

И тут смелость Равны умерла окончательно. Гриндр сказал, что Доки упадут! Ближнее небо заполнилось десятками летящих в поисках спасения существ — лавина, летящая к бездне. Равна вспомнила, что говорил Старик, и вдруг поняла, что летящие сделали смертельную ошибку. И эта мысль передернула ее ужасом.

— Нет! Только поднимемся выше по берегу.

Ночь уже не была безмолвной. С моря донесся стон, подобный удару колокола, и этот звук ширился. Закатный бриз перешел в ураган, гнущий деревья к воде, несущий обломанные сучья и песок.

Равна все еще стояла на коленях, прижимая ослабевшие руки Фама. Ни пульса, ни дыхания. Глаза смотрели не видя. Подарок ей от Старика. Проклятье всем Силам! Она схватила Фама Нювена за плечи и перевернула на спину.

Равна вскрикнула, чуть его не выпустив. Под рубашкой, где должны была быть плоть, она ощутила пустоты. По ее бокам потекло что-то мокрое и зловонное. С усилием поднявшись, она наполовину понесла, наполовину поволокла это тело.

— Часы придется дотащить! — кричал Синяя Раковина. Он поднялся с земли, настраивая антиграв на ветер. Тележка и наездник качнулись, как пьяные... и шлепнулись опять на землю: их поволокло ветром в стонущую дыру, которая была морем. Зеленый Стебель бросилась и перекрыла ему путь. Синяя Раковина выпрямился, и они вдвоем подкатились к Равне. Голос наездника почти заглушило ветром:

— Отказ... антиграва!

И всей структуры Доков.

Они ногами и колесами пробивали себе путь от засасывающего моря.

— Найди место, где посадить «Внеполосного»!

Линия деревьев превратилась в зазубренную гряду холмов. Ландшафт менялся перед глазами и под ногами. Стон шел отовсюду, кое-где он был так громок, что у Равны звенело в ушах. Они обходили ненадежные участки, открывающиеся повсюду засасывающие дыры. Ночь уже не была темной. Было это аварийное освещение или побочный эффект отказа антигравов, но сквозь дыры лился голубой свет. Сквозь них же видны были ночные гряды облаков планеты в тысяче километров внизу. Пространство между ними не было пусто. Там были мелькающие призраки: миллиарды тонн земли и воды — и тысячи умирающих летунов. Организация Вриними расплачивалась за построенные на антигравах вместо инерционной орбиты Доки.

Но Равна и наездники как-то шли. Фама Нювена они несли и волокли из последних сил; Равна шаталась вправо и влево чуть ли не больше, чем двигалась вперед. И все же он оказался легче, чем она рассчитывала. И это тоже пугало.

Почти все антигравы тихо отказали, но некоторые вместо этого сошли с ума: группы деревьев вырывало с корнем из почвы холмов и уносило вверх. Ветер рвал во все стороны, вверх и вниз... но теперь он был слабее, и шум стал дальше. Искусственная атмосфера, окутывающая Доки, грозила исчезнуть. Карманный скафандр Равны несколько минут проработал и тоже сдыхал. Через несколько минут он будет мертв, как ее антиграв... и как она сама. Мелькнула отстраненная мысль, как Погибель смогла это организовать. Очевидно, Равна, как и Старик, умрет, так этого и не узнав.

Стали видны огни факелов — это были корабли. Большинство их ускорялось для выхода на инерциальные орбиты, некоторые сразу уходили в гипердрайв, и лишь немногие висели над распадающимся ландшафтом. Синяя Раковина и Зеленый Стебель шли впереди. Они пользовались осями тележек, как Равна и вообразить себе не могла, — упирались ими и лезли вверх по склонам, на которые она еле вползала с тяжестью Фама на спине.

Они вышли на вершину холма, но ненадолго. Это была часть приофисной рощи. Сейчас деревья торчали во все стороны, как шерсть бродячей собаки. Под ногами дрогнула земля. Что теперь? Наездники мотались между краями

верхушки холма. Их спасут здесь или нигде. Равна упала на колени, чтобы больше веса Фама приходилось на землю. Отсюда открывался широкий вид. Доки смотрелись как медленно плещущий флаг, и при каждом всплеске ткани отрывались куски. Пока между оставшимися антигравами было какое-то согласование, сохранялась плоская форма. Но она расплывалась. Вокруг рощицы, где они стояли, было полно засасывающих дыр. На горизонте край Доков отделился и медленно поплыл прочь: сто километров в длину, десять в ширину, он грозил захлестнуть пытающиеся прийти на помощь корабли.

Синяя Раковина притерся к ней с одной стороны, Зеленый Стебель — с другой. Равна пошевелилась, пытаясь переложить часть тяжести тела Фама на корпуса тележек. Если они объединят скафандры, можно выиграть еще несколько мгновений сознания.

— «Внеполосный» сообщает: «Я снижаюсь!» — крикнул Синяя Раковина.

Что-то действительно снижалось. Факел корабля подсветил землю бело-голубым, задергались резкие тени. Не очень полезно стоять вблизи ракетного двигателя, паря в поле гравитации в одно g. Часом раньше такой маневр был бы невозможен — по крайней мере без нарушения самых основ закона. Теперь было без разницы, если факел пробьет Доки или сожжет груз, собранный с половины Галактики.

И все же... сможет Синяя Раковина его посадить? Вокруг — засасывающие дыры и шевелящиеся утесы. Равна закрыла глаза, когда перед ней спустилось голубое пламя... и потускнело. В общей разреженной атмосфере четверых голос Синей Раковины звучал далеким-далеким:

— Идем все вместе!

Равна держалась за наездников, и они ползли-катились вниз с невысокого холма. «Внеполосный» парил в середине засасывающей дыры. Факела его не было видно, но сияние по краям дыры очерчивало корабль резким силуэтом, шипы гипердвигателей смотрелись белыми дугами. Гигант с пылающими крыльями... и вне досягаемости.

Если выдержат скафандры, они могут добраться до края дыры. А потом? Шипы не давали кораблю подойти ближе чем на сто метров. Владеющий своим телом (и сумасшед-

ший) человек мог бы попробовать схватиться за шип и полезть по нему.

Но и у наездников был свой вид безумия. Как только свет — отраженный свет — стал невыносим, факел мигнул и исчез. «Внеполосный» прошел сквозь дыру. Но это не остановило наездников.

— Быстрее! — крикнул Синяя Раковина.

И равна поняла, что они задумали. Достаточно быстро для такого неуклюжего набора колес и конечностей они подобрались к краю темневшей дыры. Равна ощутила, как под ней проваливается песок, и вот они уже падают.

Доки были толщиной в сотни, местами в тысячи метров. И они пролетали теперь сквозь их толщу, сквозь мелькание внутренних разрушений.

Они пролетели Доки насквозь и продолжали падать. На секунду ощущение дикой паники оставило Равну. В конце концов, это же всего лишь свободное падение, вещь известная и куда как более мирная, чем крушение Доков. Теперь держаться наравне с наездниками и Фамом Нювеном было проще, и даже их общая атмосфера стала чуть плотнее. Глубокий вакуум и свободное падение — это было не так страшно. Если не считать попадавшихся одиноких антигравов, все падало вниз с одним и тем же ускорением, ровным и мирным потоком. Через четыре-пять минут они ударятся об атмосферу планеты, скорость входа около трехчетырех километров в секунду. Хватит, чтобы сгореть? Возможно. Над грядой облаков вспыхивали огни.

Весь мусор вокруг был в основном темный — тени на фоне неба внизу. Но контур точно под ними был правильной формы... «Внеполосный», идущий носом вверх! Каждые несколько секунд вспыхивал маневровый двигатель, неясное красноватое сияние. Они сближались с кораблем. Если там есть носовой люк, они попадут прямо в него.

Ярко мелькнули причальные огни. Расстояние десять метров. Пять. Люк был, и он был открыт! Равна видела внизу такой обыкновенный воздушный шлюз...

Что бы ни было то, что их стукнуло, оно было большое. Равна ощутила широкую пластиковую плоскость, задевшую ее за плечо. Одиночный антиграв поворачивался медленно и задел их только вскользь — но этого хватило. Фама Нювена

вырвало у нее из рук. Его тело исчезло в тени, потом вдруг ярко осветилось, когда его поймал прожектор корабля. Одновременно с этим воздух вырвался у Равны из легких. У них осталось всего три генератора поля давления, и те садились, и их не хватило. Равна ощутила, как ускользает сознание, поле зрения сужается до туннеля. *А было уже так близко.*

Наездники расцепились. Равна схватилась за корпуса тележек, и они разъехались над самым люком. Мимо нее дернулась тележка Синей Раковины, бросившегося к люку. От толчка она повернулась, подбросив вверх тележку Зеленого Стебля. Все было медленно, как во сне. Где же панический страх, когда он нужен? Тоненький голос у нее в голове твердил: «Держись, держись, держись!» — и это все, что осталось от сознания. Удар, рывок. Наездники тянули и толкали ее. Или это корабль их толкал. Они были куклами, танцующими на единой нити.

...Глубоко в туннеле ее зрения кто-то из наездников схватился за ускользающую фигуру Фама Нювена.

Равна не помнила, как потеряла сознание, но осознала себя, когда судорожно дышала и ее рвало — уже в шлюзе. Со всех сторон ее обступили такие надежные зеленые стены. Фам Нювен лежал у дальней стены, засунутый в контейнер первой помощи. Лицо его было синим.

Равна неуклюже протолкалась к стене, где лежал Фам Нювен. В шлюзе было непонятное нагромождение всякого — совсем не то, что Равна видала раньше на пассажирских и спортивных судах. По стенам были разбросаны пятна липучки, и Зеленый Стебель устроила на одном из них свою тележку.

Они ускорялись примерно на одной двенадцатой g.

— Мы все еще падаем? — спросила Равна.

— Да. Если мы остановимся или пойдем вверх, столкнемся со всем этим падающим мусором. Синяя Раковина пытается нас вывести.

Они падали со всем мусором, но пытались постепенно выдрейфовать наверх — до того, как рухнут на поверхность. Время от времени по корпусу что-то грохотало или звене-

ло. Иногда ускорение пропадало или меняло направление — Синяя Раковина уходил от крупных обломков.

...И не преуспел. Раздался долгий скребущий звук, который закончился ударом, и комната медленно повернулась вокруг Равны.

— Брап! — раздался голос Синей Раковины. — Потерял шип гипердвигателя. Еще два тоже повреждены. Пристегнитесь, миледи.

Через сто секунд они коснулись атмосферы. Жужжание на грани восприятия человека охватило корпус. Для такого корабля это звучало песней смерти. Тормозить в атмосфере он мог не лучше, чем собака — перепрыгнуть через луну. Шум становился громче. Синяя Раковина просто нырял в атмосферу, пытаясь уйти достаточно глубоко, чтобы выйти из облака окружающего мусора. Сломались еще два шипа. Потом был долгий напор ускорения вдоль главной оси. «Внеполосный» вырвался из тени падающих Доков и пошел дальше и дальше, выходя на инерциальную орбиту.

Равна выглянула мимо стеблей Синей Раковины во внешнее окно. Они только что пересекли терминатор планеты и летели по инерциальной орбите. Теперь они снова были в свободном падении, но эта траектория загибалась вокруг больших твердых предметов — вроде планеты, — не упираясь в них.

Равна немного знала о космосе больше того, что можно ожидать от привычного пассажира и любителя приключенческой литературы. Но даже ей было ясно, что Синяя Раковина совершил просто чудо. Когда она попыталась его поблагодарить, наездник лишь покатался туда-сюда по пятнам липучки, что-то про себя жужжа. Смутился? Или просто не обратил внимания, как свойственно наездникам?

Ответила Зеленый Стебель, слегка застенчиво и немножко гордясь:

— Дальняя торговля — это наша жизнь. Если соблюдать осторожность, то обычно все безопасно и мирно, но все равно бывают узкие места. Синяя Раковина все время тренируется, программирует свою тележку всем, что только может вообразить. И он мастер.

В обыденной жизни нерешительность казалась доминантой наездников. Но в решительную минуту они не задумывались рискнуть всем. Равне стало интересно, насколько в этот момент тележка управляет своим наездником.

— Грамп! — хмыкнул Синяя Раковина. — Проход узкого места просто отложен на потом. Несколько шипов гипердвигателей я сломал. Что будем делать, если они не самовосстановятся? Вокруг планеты все разрушено. На сотню радиусов все забито мусором. Не так плотно, как вокруг Доков, но зато с гораздо большей скоростью обломков. Если выпустить миллиарды тонн мусора на случайные орбиты, о безопасной навигации говорить уже не приходится. И в любую секунду могут появиться создания Отклонения, чтобы пожрать уцелевших.

— Урк. — Щупальца Зеленого Стебля застыли в комическом беспорядке. Она еще секунду что-то обсуждала сама с собой. — Ты прав... я забыла. Я думала, мы вышли в открытый космос, но...

Открытый космос, только прямо на стрельбище. Равна посмотрела в окна командного мостика. Они были теперь на дневной стороне, на высоте примерно пятьсот километров над главным океаном планеты. Космос над туманно-голубым горизонтом был чист — ни вспышек, ни сияния.

— Я не вижу признаков боя, — с надеждой сказала Равна.

— Извините. — Синяя Раковина переключил окна на более существенный вид. В основном это была навигационная информация и данные гиперслежения; для Равны это было абсолютно непонятно. Она посмотрела на медицинскую каталку: Фам Нювен снова дышал. Хирург корабля считал, что его удастся спасти. Но было еще окно состояния каналов связи, и на нем картина атаки была до ужаса ясной. Локальная сеть разлетелась на сотни кричащих осколков. С поверхности планеты доносились только голоса автоматов, и они просили медицинской помощи. Там был и Гронд. Равна почему-то подозревала, что его персонал маркетинга тоже не выжил. Что бы ни ударило по планете, это было смертоносней, чем даже то, что обрушилось на Доки. В околопланетном космосе остались уцелевшие на нескольких кораблях и обломках обитаемых баз, в основном на безнадежных траекториях. Без массирован-

ной и координированной помощи они умрут в течение минут — в лучшем случае часов. Директора Организации Вриними погибли, даже не успев понять, что случилось.

«Уходите, — сказал тогда Гронд, — уходите!»

За пределами системы шел бой. Равна видела поток сообщений от защитных устройств Вриними. Даже лишенные контроля и координации, некоторые из них еще противостояли флоту Отклонения. Свет от этих битв придет уже намного после поражения, намного после того, как придет сюда враг. «Сколько у нас времени? Минуты?»

— Брап! Посмотрите на эти следы, — сказал Синяя Раковина. — У Отклонения почти четыре тысячи кораблей. Они обходят защитников.

— Но там вряд ли кто-то остался, — ответила Зеленый Стебель. — Я только надеюсь, что они не все погибли.

— Не все. Я видел несколько тысяч уходящих кораблей, каждый со средствами передвижения и со смыслом. — Синяя Раковина раскатывал взад-вперед. — Увы! У нас тоже был смысл... но посмотри на этот ремонтный доклад. — Одно из окон раскрылось шире, заполненное цветным узором, который для Равны не значил ничего. — Два шипа все еще сломаны, без возможности ремонта. Три отремонтированы частично. Если они не вылечатся, мы здесь застрянем. Это неприемлемо!

Его голос поднялся до визга. Зеленый Стебель придвинулась к нему, и они стали постукивать друг друга ветками.

Прошло несколько минут. Синяя Раковина снова заговорил по-самнорски, на этот раз тише:

— Один шип отремонтирован. Может быть, может быть, может быть... Он открыл общий вид. «Внеполосный» проходил над южным полюсом планеты, уходя обратно в ночь. Эта орбита должна была привести в самую гущу обломков Доков, но и без того полет был постоянным вилянием корабля между обломками. Крики ярости битвы из-за пределов системы стихали. Организация Вриними стала огромным дергающимся трупом... и очень скоро ее убийца будет здесь, вынюхивая оставшихся.

— Два отремонтированы. — Синяя Раковина стал очень спокоен. — Три! Три восстановленных. Пятнадцать секунд на калибровку — и можно прыгать.

Эти пятнадцать секунд тянулись долго... но потом все окна переключились на общий вид. Планета и солнце исчезли. Вокруг тянулись звезды и тьма.

Через три часа Ретрансляторы остались в ста пятидесяти световых годах позади. «Внеполосный» шел в основной группе убегающих кораблей. Из-за архивов и туризма на Ретрансляторах всегда было необычайно много межзвездных кораблей: десять тысяч их растянулись вокруг Ретрансляторов на целый световой год. Но звезды в этой удаленной точке галактической плоскости попадались редко, и от ближайшего беглеца они были не меньше чем в ста часах полета.

Для Равны это было началом новой битвы. Она смотрела на Синюю Раковину с другого конца палубы. Наездник мелькал, его ветви обвивались одна вокруг другой так, как Равна раньше не видала.

— Видите ли, миледи Бергсндот, Высокий Остров — прекрасная цивилизация, и в нее входят и двуногие. Там безопасно. И это рядом. Вы могли бы приспособиться. — Он замолчал. «Он что, мои мысли читает по выражению лица?» — Но, если это неприемлемо, мы можем отвезти вас дальше. Дайте нам шанс найти подходящий груз — и мы отвезем вас обратно до самой Сьяндра Кеи. Как вы на это смотрите?

— Нет. У вас уже есть контракт, Синяя Раковина. С Организацией Вриними. Мы трое... — *и то, что останется от Фама Нювена*... — идем к Дну Края.

— Я качаю головой в недоумении! Да, мы получили задаток, но Организация Вриними погибла. И их обязательства выполнять некому. Следовательно, мы свободны от своих.

— Вриними не погибла. Вы слышали Гронда Калира. У Организации были — я хочу сказать, есть — филиалы по всему Краю. Обязательства остаются в силе.

— Технический вопрос. Мы с вами оба знаем, что эти филиалы никогда не смогут выполнить окончательный платеж.

На это у Равны хорошего ответа не было.

— У вас есть обязательство, — сказала она, но это прозвучало без должной силы. Нажим ей никогда не удавался.

— Миледи, вы действительно говорите с точки зрения этики Организации или из чистой гуманности?

— Я... — На самом деле Равна никогда до конца не понимала этику Организации. Это было одной из причин, почему она после своей стажировки хотела вернуться на Сьяндру Кеи, и одной из причин, по которой Организация вела дела с людьми очень осторожно. — Не важно, с какой точки зрения я говорю! Есть контракт. Вы были счастливы получить эту честь, когда все было безопасно. Теперь он обернулся смертельной опасностью — но разве это не было частью сделки? — Равна посмотрела на Зеленого Стебля. Та до сих пор молчала, даже не шелестела ничего своему супругу. Ветви ее были плотно прижаты к центральному стеблю. — Послушайте меня, есть и другие причины, кроме контракта. Отклонение оказалось сильнее, чем кто-либо мог думать. Сегодня оно *убило Силу*. И оно действует в Среднем Крае... У наездников долгая история, Синяя Раковина. Отклонение может оказаться достаточно сильным, чтобы положить ей конец.

Зеленый Стебель выкатилась вперед и слегка раскрылась.

— Ты... ты в самом деле думаешь, что мы сможем найти на этом корабле у Дна что-то, что может повредить Силе среди Сил?

Равна помолчала, потом сказала:

— Да. Так думал сам Старик как раз перед тем, как погиб.

Синяя Раковина туже обернул вокруг себя ветви, подергиваясь. В гневе?

— Миледи, мы торговцы. Мы долго жили и далеко летали... и выжили, потому что не лезли не в свое дело. Что бы ни думали романтики, торговцы не пускаются на поиски приключений. То, чего вы просите, — невозможно. Простые жители Края не могут свергнуть Силу.

«Но это же и есть риск, на который ты подписался». Этого Равна вслух не сказала. Но быть может, это сказала Зеленый Стебель: ее ветви зашуршали, и Синяя Раковина еще сильнее задергался. Зеленый Стебель помолчала се-

кунду, потом что-то странное сделала со своими осями, освободившись от липучки. Колеса ее проехали по пустоте, как по медленной дуге, пока она не оказалась вниз стеблем, и ее ветви потянулись и коснулись Синей Раковины. Почти пять минут они шелестели вместе. Синяя Раковина медленно развернулся, ветви его распустились и погладили подругу.

Наконец он сказал:

— Ладно... одно приключение. Но запомни себе: последний раз.

Часть вторая

17

Мокрая и холодная весна наступала мучительно медленно. Последние восемь дней шел дождь. Джоанна так мечтала о любой перемене, пусть даже возврате зимней тьмы.

Она пробиралась по грязи, которая раньше была мхом. Был полдень, и еще три часа тусклого света впереди. Шрамозадый обещал, что, если не будет облаков, сегодня покажется солнце. Джоанна иногда думала, что никогда вообще его не увидит.

Большой двор замка лежал на склоне холма. До самого его подножия лежали вперемешку грязь и почерневший снег, наметенный у деревянных домов. Летом отсюда был величественный вид. Зимой на снегу играли синие и зеленые сполохи полярного сияния, блестя отсветами на замерзшей гавани и очерчивая контуры дальних холмов на фоне неба. А теперь за дымкой дождя не видно даже дальше городских стен. Облака висели над головой низким зазубренным потолком. На стенах замка, как знала Джоанна, были часовые, но в такую погоду они наверняка прятались за бойницами. Не видно было ни одного зверя, ни одной стаи. Мир Стальных Когтей был пустыней по сравнению со Страумом, но не с Верхней Лабораторией. Та была безвоздушной скалой на орбите вокруг красного карлика. А мир Стальных Когтей был *живым*, в нем было движение, и иногда он казался таким же приветливым, как

какой-нибудь туристский заповедник на Страуме. Джоанна, разумеется, понимала, что этот мир куда добрее к расе людей, чем многие освоенные человечеством миры, — разумеется, мягче Ньоры и, может быть, так же хорош, как Старая Земля.

Джоанна добралась наконец до своей хижины. Остановилась на секунду у ее закругленных стен и оглядела двор. Да, очень похоже на средневековую Ньору. Но истории Века Принцесс не упоминали одну неумолимую силу природы: всюду, куда только было видно, шел дождь. А в отсутствии приличной технологии даже холодный дождь может быть смертелен. Как и ветер. И море совсем не годилось для прогулок под парусом — холодные бугры прибоя, рябые от дождя, бесконечно налетающие на берег. Даже леса вокруг города могли быть опасными. По такому лесу хотелось бродить, но без радиопоиска, без киосков с напитками, замаскированными под стволы деревьев, можно и заблудиться. А заблудившийся здесь мог просто умереть. Теперь волшебные сказки Ньоры приобрели для Джоанны новое значение: не надо было большого воображения, чтобы представить себе духи моря, ветра и дождя. Это был опыт предтехнической эпохи, когда даже в отсутствии врагов ты мог просто погибнуть от враждебных сил мира.

А у нее враги были.

Джоанна открыла крошечную дверь и вошла в хижину.

Вокруг очага сидела стая шипастых. Она вскочила на ноги и помогла Джоанне снять плащ. Джоанна уже больше не боялась этих острозубых пастей. Эта стая была одним из обычных ее помощников, и она уже почти представляла себе эти челюсти как руки, аккуратно снимающие промасленные рукава дождевика с ее рук и вешающие у огня.

Джоанна стряхнула с себя сапоги и штаны и приняла одежду, которую подала ей стая.

— Обед. Сейчас, — сказала Джоанна.

— Сейчас.

Джоанна села на подушку у очага. На самом деле Стальные Когти были примитивнее, чем люди Ньоры: их мир не был отделившейся колонией. У них не было даже ведущей

их легенды. Санитария была первобытной. До Резчицы врачи только пускали кровь своим пациентам-жертвам... Джоанна знала, что живет в роскошном по местным меркам жилище. Полированное дерево встречалось далеко не в каждом доме. Узоры на подушках и стенах обошлись кому-то во много часов работы.

Положив подбородок на руки, Джоанна смотрела в огонь. Она почти не замечала суетящуюся возле огня стаю. Та почти не говорила по-самнорски и не участвовала в изучении компьютера под руководством Резчицы. Еще несколько месяцев назад сюда предложили переселиться Шрамозадому — Джоанна вздрогнула при этом воспоминании. Она знала, что это — отдельный элемент, что стая, убившая ее отца, сама мертва. Но каждый раз, когда она видела «Странника», она видела жирного и довольного убийцу отца, который пытался спрятаться за тремя приятелями поменьше. Джоанна улыбнулась, вспомнив, как треснула Шрамозадого в ответ на это предложение. Она вышла из себя, но это того стоило. Больше предложений поселиться вместе с ней от «друзей» не поступало. По вечерам ее, как правило, оставляли одну. Но иногда ночами... Казалось, что папа с мамой совсем рядом, может быть, за дверью, ждут, когда их заметят. Хотя она и видела, как они умерли, что-то не позволяло ей до конца в это поверить.

Сквозь знакомые мечтания донесся запах еды. Сегодня на обед было мясо с бобами и чем-то вроде лука. Сюрприз. Еда пахла хорошо, и Джоанне она должна была понравиться. Зато свежих фруктов она не видела уже шестьдесят дней. Зимой были доступны только солонина и овощи. Будь здесь Джефри, он бы устроил концерт. Уже месяцы прошли со времени доклада разведчиков Резчицы с севера: Джефри погиб при нападении. С этим Джоанна уже смирилась, на самом деле смирилась. И то, что она одна... от этого было проще.

Стая поставила перед ней тарелку с мясом и бобами и дала что-то вроде ножа. Ну и отлично. Джоанна схватила изогнутую рукоятку (выгнутую в сторону, чтобы шипастым было легче ее держать) и начала есть.

* * *

Она почти закончила, когда в дверь вежливо поскреблись. Ее слуга что-то булькнул, снаружи ответили, потом гость довольно прилично по-самнорски сказал:

— Здравствуйте, мое имя — Описатель. Я хотел бы немножко поболтать, можно?

Один из слуг обернулся к ней, остальные следили за дверью. Описатель — это был тот, которого она прозвала «Надутый Клоун». Он был вместе со Шрамозадым в момент нападения, но был он такой дурак, что Джоанна его не боялась.

— Ладно, — сказала она, глядя на дверь. Слуга (телохранитель) схватил челюстями арбалеты, и все пять его элементов скрылись по лестнице на чердак — внизу было место только для одной стаи.

С гостем в комнату ворвались холод и сырость. Джоанна перешла на другую сторону от очага, пока Описатель снимал свои дождевики. Элементы стаи отряхивались шумно, как собаки, — забавное зрелище, но рядом лучше при этом не стоять.

Наконец Описатель расселся у огня. Под дождевиками у него были обычные куртки со стременами, открывающие места между плечами и ляжками. Но Описатель еще подбивал их у плеч, чтобы его элементы казались больше, чем на самом деле. Один из него обнюхал ее тарелку, а остальные головы оглядывались по сторонам, но ни одна не смотрела прямо на Джоанну.

Она оглядела стаю. Ей все еще было трудно говорить больше чем с одним лицом, и обычно она выбирала то, которое на нее смотрит.

— Ну? О чем ты хотел говорить?

Одна из голов повернулась к ней и облизала губы.

— Конечно. Да. Я думал зайти и посмотреть, как ты поживаешь. То есть...

булькающий звук.

Ее слуга ответил с лестницы — наверное, сказал, в каком она настроении. Описатель выстроился плотнее. Четыре из его шести голов глядели на Джоанну. Остальные

два элемента расхаживали по комнате, будто рассматривая что-то важное.

— Послушай. Ты — единственный человек, которого я знаю, но я всю жизнь хорошо разбирался в характерах. Я знаю, что здесь ты несчастлива...

Надутый Клоун был мастер говорить банальности.

— ...и я это понимаю. Но мы делаем все, чтобы тебе помочь. Мы — это не те плохие стаи, которые убили твоих родителей и брата.

Джоанна уперлась рукой в низкий потолок и наклонилась вперед. *Вы все бандиты, просто у вас сейчас те же враги, что у меня.*

— Я это знаю, и я с вами сотрудничаю. Если бы не я, вы все еще играли бы с детским режимом компьютера. Я показала вам обучение чтению, и если у вас, ребята, есть хоть капля мозгов, к лету у вас будет порох.

Олифант был игрушкой, которую Джоанне давно бы пора перерасти, но в нем были сведения по истории — рассказы о королевах и принцессах Темных Веков и их борьбе с джунглями, как они восстанавливали города и строили звездолеты. И были там хитрые пути, ведущие к рассказам об истории техники и технологии. Порох — это была очень простая вещь. Когда улучшится погода, выйдут экспедиции — Резчица знала, что такое сера, но в городе ее в достаточных количествах не было. Труднее будет сделать пушку. Но потом...

— И тогда ваши враги будут убиты. Вы получите от меня, что хотите. Так на что же ты жалуешься?

— Жалуюсь? — Надутый Клоун стал качать головами вверх и вниз. Такой распределенный жест — это был аналог выражения лица, хотя Джоанна не очень в них разбиралась. Этот, например, мог означать озадаченность. — У меня нет жалоб. Я знаю, что ты нам помогаешь. Но... но... — Теперь уже бегали по комнате три его элемента. — Дело в том, что мне хотелось бы видеть больше других, может быть, как раньше видела Резчица. Я — я видел у тебя это слово — «дилетант». Понимаешь, это лицо, которое изучает все и ко всему имеет талант. Мне всего тридцать лет, но я уже прочел почти все в мире книги, и... — головы его склони-

лись — не от смущения ли? — ...я даже собираюсь написать книгу; быть может, рассказ о твоих приключениях.

Джоанна поймала себя на том, что улыбается. Чаще всего Стальные Когти казались ей чуждыми варварами, нечеловеческими по духу не менее, чем по форме. Но если закрыть глаза, то этот Описатель вполне мог бы быть соотечественником-страумером. У мамы было несколько друзей таких же безмозглых, как этот, готовых строить сотню грандиозных проектов и никогда ничего не сделавших. А этот... в общем, глупость Описателя чуть ли не создавала впечатление, что Джоанна снова дома.

— И ты здесь, чтобы изучать меня для своей книги?

Еще кивки.

— В общем, да. И еще я хотел поговорить с тобой о других своих планах. Я, видишь ли, всегда был немножко изобретателем. Я знаю, что теперь это мало что значит. Кажется, все, что было когда-либо изобретено, есть в Компьютере. Я там видел многие из самых блестящих моих идей. — Он вздохнул или просто изобразил звук вздоха. Теперь он имитировал голоса компьютера, излагавшие научно-популярные сведения. Для Стальных Когтей имитация звуков была простейшей вещью, и это часто сильно сбивало с толку. — В любом случае я очень интересуюсь, как некоторые из этих идей можно улучшить.

Четыре элемента Описателя легли на брюхо возле ямы очага. Похоже, он готовился к долгому разговору. Оставшиеся два обошли вокруг огня, чтобы передать Джоанне стопку бумаги, сшитую медными обручами. Пока один из лежащих перед огнем продолжал говорить, эти двое аккуратно перевернули страницы и показали ей, куда смотреть.

Да, у него было много идей. Упряжные птицы тянут летающие лодки, гигантские линзы собирают солнечные лучи и поджигают врагов. По некоторым рисункам было ясно, что он считает, будто атмосфера тянется до луны. Каждую идею Описатель излагал в утомительных деталях, тыча в рисунки и похлопывая Джоанну по руке.

— Ты видишь, какие открываются возможности? Моя уникальная изобретательность в сочетании с проверенными идеями Компьютера. И кто знает, чего мы так достигнем?

Джоанна хихикнула, не в силах отогнать видение гигантских птиц Описателя, тянущих к луне километровые линзы. Он, кажется, принял это за знак поощрения.

— Да, правда, это блестяще? Моя последняя идея, и если бы не Компьютер, я бы до нее никогда не додумался. Вот это самое «радио», оно ведь передает звук очень далеко и быстро? Так почему бы не объединить его с мыслью шипастых? Стая сможет думать как единое целое и растянуться при этом на сотню этих... километров!

А в этом почти даже был смысл! Но если изготовление пороха требует полугода — даже при известной формуле, — то сколько десятилетий пройдет, пока у стай появится радио? А Описатель был просто фонтаном незрелых идей. Джоанна более часа сидела под несмолкаемым потоком слов. Это было сумасшествие, но совсем не такое чужое, как все, что она выдержала за последний год.

Наконец он, кажется, стал иссякать. Паузы стали длиннее, он чаще спрашивал ее мнение. Наконец он сказал:

— Ну что, это же в самом деле интересно, да?

— Хм, да, довольно занимательно.

— Я знал, что тебе это понравится. Ты как мой народ. Ты не злая, то есть не всегда...

— Что ты этим хочешь сказать?

Джоанна отпихнула от себя мягкую морду и встала. Собакоподобный отступил, присев и глядя на нее.

— Я... в том смысле, что у тебя есть что ненавидеть. Но у тебя все время такой сердитый вид, и ты сердишься на нас, которые пытаются тебе помочь! Ты после рабочего дня сидишь здесь и не хочешь говорить ни с кем — хотя теперь я вижу, что мы сами виноваты. Ты хотела, чтобы мы сами к тебе приходили, но была слишком горда, чтобы это сказать. Я же тебе говорил, что разбираюсь в характерах Вот мой друг, которого ты зовешь Шрамозадый — он же отличный парень! Я знаю, что могу честно тебе это сказать, и ты поверишь мне, своему новому другу. Он очень был бы рад прийти к тебе в гости, и... ох!

Джоанна медленно обходила очаг, тесня два элемента, которым приходилось пятиться задом. Теперь все элементы Описателя глядели на нее, изгибая шеи поверх друг друга и вытаращив глаза.

— Я не такая, как вы. Мне не нужны ни ваши разговоры, ни ваши дурацкие идеи! — Она швырнула блокнот Описателя в огонь. Описатель подскочил к краю ямы, отчаянно выхватывая обгорелые записки и прижимая к грудям.

Джоанна шла на него, лягая его по ногам. Описатель отступал, извиваясь и пятясь.

— Глупые и грязные мясники! Я не такая, как вы! — Она хлопнула рукой по потолочной балке. — Люди не любят жить, как животные! Мы не принимаем в себя убийц! И скажи своему отличному парню, скажи этому Шрамозадому! Если он посмеет здесь появиться, я ему голову разобью! Все его головы!

Описатель уже уперся в стену. Его головы дико вертелись во все стороны, и шум от него стоял довольно сильный. Что-то он говорил и по-самнорски, но слишком высоким тоном, чтобы можно было понять. Одна из его пастей нащупала дверной шест, он рывком открыл дверь, и все шесть его элементов выбежали в сумерки, забыв дождевики.

Джоанна упала на колени и высунула голову в открытую дверь. Ветер нес сплошной туман дождя. В тот же миг лицо Джоанны охватил такой холод, что она не могла сдержать слез. Описатель превратился в шесть теней в темнеющей серости, и эти тени бежали вниз по холму, иногда в спешке оступаясь. Секунда — и его не стало. Ничего не стало, кроме неясных силуэтов ближайших хижин и желтого света от очага вокруг Джоанны.

Странно. Сразу после нападения она ощущала ужас. Эти Стальные Когти были неостановимыми убийцами. Потом, в лодке, когда она ударила по голове Шрамозадого... как это было прекрасно: рухнула целая стая, и Джоанна вдруг поняла, что может защищаться, драться, ломать им кости. Она могла не полагаться на их милость... А сегодня она узнала еще кое-что. Им можно нанести вред, даже не прикасаясь. По крайней мере некоторым из них. Надутый Клоун бежал всего лишь от ее гнева.

Отступив в дымное тепло, Джоанна закрыла дверь. Она должна была бы ощущать триумф.

18

Описатель Джакерамафан о своем разговоре с Двуногой не сказал никому. Конечно, охранник Хранителя видел все. По-самнорски он говорит не очень, но направление спора должен был уловить. В конце концов все будут знать.

Описатель несколько дней ошивался у замка, много часов провел, скорчившись над остатками своего блокнота, пытаясь восстановить чертежи. Теперь пройдет много времени, пока он снова встретится с Компьютером, особенно если Джоанна будет поблизости. Описатель знал, что в глазах окружающих он выглядит сорвиголовой, но на самом деле приход к Джоанне потребовал от него незаурядной смелости. Он *знал*, что его идеи гениальны, но всю жизнь лишенные воображения собеседники пытались ему сказать, что это не так.

Во многом Описатель был весьма удачливой личностью. Он родился в делящейся стае в Рангатире, на восточной окраине Республики. Его родитель был богатым купцом. Джакерамафан унаследовал некоторые свойства родителя, но унылого терпения, необходимого для ежедневной упорной работы, ему не досталось. Его стая-близнец таковое унаследовала в излишних количествах, и семейный бизнес процветал, и в первые годы стая-близнец не жалела Описателю его доли богатства. С самых ранних дней Описатель был интеллектуалом. Он читал все: естественную историю, жизнеописания, теорию выведения стай. Под конец он собрал самую большую в Рангатире библиотеку — более двухсот книг.

Даже в те времена у Описателя были колоссальные идеи, озарения, которые — если их должным образом исполнить — сделали бы его и близнеца самыми богатыми купцами всех восточных провинций. Но увы, невезение и отсутствие воображения у близнеца обрекли его ранние идеи на провал. В конце концов близнец выкупил его долю в деле, а Джакерамафан переехал в Столицу. Все это было к лучшему. К этому времени Описатель разросся до шести элементов, и ему необходимо было посмотреть мир. А к тому же там в

библиотеке было *пять тысяч книг* — опыт истории всего мира! Его собственные блокноты тоже стали уже библиотекой. И все равно все стаи вселенной не имели для него времени. Его план книги, содержащей все факты естественной истории, был отвергнут всеми издателями, хотя за плату они соглашались на публикацию небольших отрывков. Было очевидно, что в этом мире действий необходим успех, чтобы его идеи могли привлечь внимание, которого они заслуживали — отсюда и его шпионское задание. Сам Парламент скажет ему спасибо, когда он вернется с секретами Скрытого Острова Свежевателя.

Это было почти год назад. И то, что случилось с тех пор — летающий дом, Джоанна, Компьютер, — выходило за пределы самых смелых его мечтаний (а Описатель мог гарантировать, что эти мечтания и сами доходили до крайностей). Библиотека в Компьютере насчитывала *миллионы* книг. Если Джоанна поможет ему отшлифовать его идеи, они сотрут движение Свежевателя с лица земли. Они вернут ее летающий дом. И даже небо не будет им границей.

И то, что она все это бросила ему в лицо... это заставило Описателя задуматься о самом себе. Может быть, она вышла из себя из-за его попытки защитить Странника. Ей бы понравился Странник, если бы она себе позволила перестать его ненавидеть — в этом Описатель был уверен. Но опять-таки... а вдруг его идеи не так уж хороши, особенно по сравнению с человеческими?

И эта мысль резко снизила его настроение. Но все равно он закончил восстановление чертежей и даже несколько новых идей нашел. Может быть, удастся найти еще сколько-нибудь шелковой бумаги.

Подошедший Странник уговорил его пойти в город.

Джакерамафан придумал десяток объяснений, почему он больше не принимает участие в сеансах работы с Джоанной. Некоторые из них он попробовал на Страннике на пути по Замковой улице к гавани.

После минуты-другой разговора его друг повернул одну голову.

— Да все нормально, Описатель. Когда захочешь, тогда мы будем рады видеть тебя снова.

Описатель всегда очень точно определял отношение к себе. В частности, точно знал, когда к нему относятся покровительственно. Наверное, он это как-то выдал, поскольку Странник добавил:

— Это на самом деле так, Описатель. Даже Резчица про тебя спрашивала. Ей нравятся твои идеи.

Была это правда или утешительная ложь, но Описатель просиял.

— Нет, правда? — Сегодняшняя Резчица — это было грустное зрелище, но Резчик старых времен — это был один из великих героев исторических книг Джакерамафана. — Никто на меня не злится?

— Ну, Хранитель несколько раздражен. Он же отвечает за безопасность Двуногой и потому нервничает. Но ведь ты только попробовал то, что хотел каждый из нас.

— Ага.

Даже если бы не было Компьютера, даже если бы Джоанна Олсндот не прилетела бы со звезд, она была бы самым интересным существом во всем мире: эквивалент ума стаи в едином теле. К ней можно было подойти, ее можно было *коснуться*, и мысли не мешались ничуть. Сначала это пугало, но все быстро почувствовали притягательность этого. Для стай близость всегда означала безумие — секса или битвы. Вообразить себе — иметь возможность сидеть у огня с другом и вести разумный разговор! У Резчицы была теория, что цивилизация Двуногих *изначально* более эффективна, чем любая стаеподобная цивилизация; что для людей сотрудничество настолько легче, что они учатся и совершенствуются быстрее, чем могут стаи. Единственной проблемой на пути этой теории была Джоанна Олсндот. Если Джоанна — нормальный человек, то удивительно, что эта раса может вообще сотрудничать в чем бы то ни было. Иногда она бывала дружелюбной, обычно на сеансах с Резчицей, казалось, она понимает, что Резчица слаба и немощна. Чаще же она вела себя покровительственно, язвительно, и казалось, старается придумать любой способ, чтобы оскорбиться. А иногда она бывала, как вчера вечером.

— Как идет работа с Компьютером? — спросил Описатель после паузы.

Странник пожал плечами:

— Примерно как и раньше. И Резчица, и я вполне нормально читаем по-самнорски. Джоанна выучила нас — меня, надо сказать, посредством Резчицы, — как использовать почти все возможности Компьютера. Их столько, что они могли бы изменить мир. Но сейчас мы должны сосредоточиться на изготовлении *пороха* и *пушек*. И вот эта реальная работа, она идет медленно.

Описатель понимающе кивнул. В его жизни это тоже было главной проблемой.

— Как бы там ни было, если мы сделаем это к середине лета, сможем тогда противостоять армии Свежевателя и отбить летающий дом до начала следующей зимы. — Странник изобразил улыбку, которая переползла с лица на лицо. — А тогда, мой друг, Джоанна сможет позвать свой народ на помощь... а мы сможем посвятить наши жизни изучению чужаков. И я смогу странствовать от звезды к звезде.

Эту идею они уже обсуждали раньше. Странник об этом подумал еще раньше Описателя.

Они свернули с Замковой на Окраинную. Описатель с энтузиазмом ждал встречи с книготорговцем — ведь там может найтись то, что нужно. Он оглядывался вокруг с интересом, которого у него уже несколько дней не было. Город резчиков был довольно большой — почти такой, как Рангатир. В его стенах и в окрестных домах жили без малого двадцать тысяч стай. День выдался холоднее предыдущих, но дождя не было. По улицам рынка задувал холодный ветер, несущий запах плесени и сточной канавы, пряностей и свежих опилок. Темные облака висели низко, затеняя холмы вокруг гавани. В воздухе определенно пахло весной. Описатель резвился, пробивая ногами наст на бугре.

Странник вывел на боковую улочку. Там было тесно, стаи сближались даже на семь-восемь ярдов. У киосков книготорговца было еще хуже. Войлочные завесы были слишком тонки, и у резчиков оказалось больше интереса к литературе, чем Описателю приходилось видеть где бы то ни было. Разговаривая с книготорговцем, он еле мог слышать собственные мысли. Сам купец сидел на приподнятой платформе с толстой обивкой; и *ему* этот шум мало мешал. Описатель сдвинул головы вплотную, стараясь со-

средоточиться на ценах и товаре. Из прошлой жизни он сохранил достаточно этого умения.

В конце концов он купил себе бумагу по вполне пристойной цене.

— Пойдем на площадь, — предложил он.

Путь был довольно долог и лежал через центр рынка. Когда Описатель бывал в хорошем настроении, он любил толпу, потому что был фанатиком изучения личностей. Город резчиков не был таким космополитичным, как многие города Длинных Озер, но здесь были торговцы отовсюду. Попались несколько стай в шляпах тропического коллектива. На перекрестке какие-то красные куртки из Восточного Дома болтали с подрядчиком.

Когда стаи сходились так близко и в таком числе, мир, казалось, балансировал на грани хора. Каждый старался собраться как можно теснее, сохраняя свои мысли. Трудно становилось ходить, не наступая самому себе на ноги. Иногда звуковой фон вдруг становился громче — когда несколько стай почему-то начинали мыслить синхронно. Сознание начинало качаться, и на минуту стае казалось, что она влилась в единую со многими, в сверхстаю, которая могла бы быть богом. Джакерамафан вздрогнул. Это было основной приманкой Тропиков. Там толпы становились *сворами*, огромными групповыми разумами, столь же глупыми, сколь и восторженными. Если верить рассказам, то некоторые из южных городов были нескончаемой оргией.

Они шли через рынок уже больше часа, когда Описателя осенило. Он резко затряс головами, повернул, вышел из ворот рынка и пошел вверх по переулку. Странник вышел за ним.

— Слишком плотная толпа? — спросил он.

— У меня вдруг возникла идея, — ответил Описатель. В толпе идеи приходили часто, но *эта* была очень интересной.

Несколько минут он молчал. Улица шла резко вверх и потом начинала петлять по Замковому холму. Верхняя ее сторона была застроена жилыми домами. Со стороны гавани виднелись островерхие крыши других домов. Эти были побольше и поэлегантнее. Только в нескольких из них были выходящие на улицу магазины.

Описатель пошел медленнее и чуть растянулся, чтобы не наступать самому себе на ноги. Теперь он понимал, что ошибся, когда пытался предложить Джоанне свои творческие способности. В Компьютере было слишком много собственных изобретений. И все же он им нужен. В особенности Джоанне. Но дело в том, что они этого пока не знали. Наконец Описатель спросил Странника:

— Тебе не показалось странным, что свежеватели не стали нападать на город? Мы с тобой создали Властителю Скрытого Острова самую большую угрозу за время его существования. Мы ведь держим ключи к его полному поражению.

Джоанна и Компьютер.

— Хм-м, — засомневался Странник. — Я думаю, их армия к этому не готова. Если бы они могли, они бы давным-давно сокрушили резчиков.

— Может быть, они и могли бы, но дорогой ценой. И теперь цена того стоит. — Он посмотрел на Странника с серьезным видом. — Нет, я думаю, причина тут другая. У них летающий дом, но они понятия не имеют, как им пользоваться. Они хотят заполучить Джоанну живой — не меньше, чем хотят видеть всех нас мертвыми.

Странник горько хмыкнул:

— Не рвался бы так Булат убить всех, кто был на двух ногах, сейчас он мог бы получить любую помощь.

— Верно, и свежеватели наверняка это знают. Я спорить могу, у них есть шпионы среди местных стай и сейчас их больше, чем когда-либо. Ты заметил эти стаи из Восточного Дома?

Восточный Дом был колыбелью сочувствия Свежевателю. Это еще и до Движения был суровый народ, убивавший щенят, не отвечавших стандартам выведения.

— Одного видел. Который говорил с подрядчиком.

— Вот и я о нем. Кто знает, что может скрываться под личиной стаи, прибывшей по своим делам? Я готов отдать все головы на отсечение, что они планируют похитить Джоанну. Если они догадываются, что мы собираемся с ее помощью сделать, они могут просто попытаться ее убить. Понимаешь? Мы должны предупредить Резчицу и Хранителя, организовать охрану против шпионов.

— И ты все это заметил за один проход по рынку?

В голосе Странника слышалось то ли удивление, то ли недоверие — Описатель не уловил.

— Ну, в общем, нет. Это не так прямо. Но ведь смысл в этом есть, как ты думаешь?

Несколько минут они шли в молчании. Здесь ветер дул сильнее и вид открывался более зрелищный. Там, где не было моря, тянулись бесконечные серые и зеленые леса. И пейзаж был такой мирный... потому что эта игра велась тайно. К счастью, к такого рода играм у Описателя был талант. В конце концов, разве не сама Политическая Полиция Республики дала ему задание провести наблюдение на Скрытом Острове? Ему несколько декад пришлось потратить на терпеливые уговоры, но к концу он сумел их расшевелить. «Все, что вы сможете обнаружить, мы будем счастливы видеть». Вот такие слова были ему сказаны.

Странник расползся по дороге, явно увлеченный мыслью Описателя. И потом сказал:

— Мне кажется, есть одна вещь, которую тебе следует знать. Но ее надо сохранить в абсолютном секрете.

— Клянусь душой! Странник, я секретов не выбалтываю.

Описатель был слегка уязвлен — во-первых, недостатком доверия, а во-вторых, тем, что кто-то заметил то, что он, Описатель, пропустил. Но второе не должно его беспокоить. Он давно полагал, что Странник и Резчица друг в друга входили. Трудно сказать, какой информацией они могли обменяться.

— Ладно... ты лезешь в такое дело, о котором не стоит шуметь. Ты знаешь, что Хранитель — начальник тайной стражи у Резчицы?

— Конечно. — Это негласно входило в обязанности лорда-камергера. — И, учитывая, сколько чужаков тут шляется, я не могу сказать, что он справляется с работой.

— На самом деле он справляется с ней более чем отлично. У Хранителя есть агент на Скрытом Острове на самом верху — всего на шаг от Властителя Булата.

Описатель почувствовал, как у него глаза вылезают на лоб.

— Да, ты понял, что это значит. Через Хранителя Резчице становятся достоверно известны *все* планы высшего

совета. С помощью продуманной дезинформации мы можем обдурить свежевателей, как лягушек. И после наличия самой Джоанны это — второе величайшее преимущество Резчицы.

— Я... — «Я даже подумать не мог!» — Значит, плохая работа тайной стражи — это просто прикрытие.

— Не совсем так. Она выглядит солидной и продуманной, но имеет достаточно обнаружимых слабых мест, чтобы Движение предпочло шпионаж нападению. — Странник улыбнулся. — Я думаю, Хранитель был бы ошеломлен, услышав твою критику.

Описатель неуверенно рассмеялся. Он был одновременно и польщен, и сконфужен. Хранителя следовало бы считать величайшим мастером шпионажа текущего века — а он, Описатель Джакерамафан, почти его раскусил.

Остаток дороги до замка Описатель шел почти молча, но ум его работал на полных оборотах. Странник куда больше прав, чем сам думает: секретность — это вопрос жизни и смерти. Ненужных обсуждений — даже с друзьями — необходимо будет избегать. Да! Он предложит свои услуги Хранителю. Его новая роль заставит его держаться на заднем плане, но зато вклад его в общее дело будет непревзойденным. И даже Джоанна увидит наконец, насколько он полезен.

В глубь колодца ночи. Хоть Равна и не глядела в окна, избавиться от этого образа она не могла. Ретранслятор был очень далеко от диска галактики. А «Внеполосный» спускался к этому диску — и даже глубже в сторону медленности.

Но им удалось сбежать. «Внеполосный» был подбит, но они ушли от Ретрансляторов со скоростью почти пятьдесят световых лет в час. С каждым часом они уходили все глубже в Край, и возрастало время расчета микропрыжков, и падала псевдоскорость. И все же они двигались вперед. Корабль ушел глубоко в Середину Края. И, слава Силам, их никто не преследовал. Что бы ни навело Катастрофу на Ретрансляторы, это не были конкретные сведения о «Внеполосном».

Надежда. Равна чувствовала, как в ней растет надежда. Средневековые автоматы корабля обещали, что Фама Нюве-

на удастся спасти, что есть признаки мозговой деятельности. Страшные раны в его спине — это были имплантированные приборы Старика, органические механизмы, которые обеспечивался связь Фама с локальной сетью Ретрансляторов, и тем самым — с Силой. А когда Сила умерла, эти приспособления в Фаме превратились в гниющие остатки. *Но Фам как личность должен был сохраниться. Молись, чтобы так и было.* Хирург считал, что потребуется три дня, пока спина заживет настолько, что станет возможным привести его в сознание.

А тем временем Равна все больше узнавала о том апокалипсисе, что захлестнул ее. Каждые несколько часов Синяя Раковина и Зеленый Стебель уводили корабль на несколько световых лет в сторону в какую-нибудь большую магистраль Известной Сети, чтобы подключиться к группам новостей. В многодневных полетах это было обычной практикой — так путешественникам и купцам было проще всего быть в курсе событий, которые могут повлиять на успех или неудачу в конце пути.

Согласно Новостям (то есть подавляющему большинству выраженных мнений), крушение Ретрансляторов было полным. О Грондр! О Эграван и Сараль! Мертвы вы сейчас или порабощены?

Некоторые участки Известной Сети были недоступны контакту; некоторые внегалактические участки еще много лет не смогут заменить. Впервые за много тысячелетий была убита Сила, и об этом стало известно. Высказывались десятки тысяч предположений о мотивах нападения и десятки тысяч предсказаний, что будет дальше. Равна предоставила автоматике корабля фильтровать эту лавину, стараясь выделить суть суждений.

Суждение, пришедшее из царства Страум, имело не меньше смысла, чем любое другое: рабы Отклонения торжественно вопили о наступлении новой эры, о браке существа из Перехода с расами Края. Если удалось разрушить Ретрансляторы, если удалось убить Силу — ничто теперь не остановит победного марша.

Некоторые отправители считали, что Ретрансляторы были давней целью того явления, что захватило царство

Страум. Может быть, это нападение — всего лишь эхо какой-то древней войны, бессмысленная трагедия потомков забытых рас. Если так, то рабы Отклонения могут просто исчезнуть, и восстановится исходная культура людей.

Некоторые полагали, что целью атаки было похищение архивов Ретрансляторов, но лишь один или двое утверждали, что Погибель пыталась восстановить некоторый артефакт или воспрепятствовать Ретрансляторам в его восстановлении. Такие гипотезы были присланы хроническими теоретиками, цивилизациями, пересыщенными автоматикой групп новостей. И все же Равна внимательно просмотрела эти сообщения. Ни одно из них не предполагало нахождения этого артефакта в Нижнем Крае; если предположения и были, то они сводились к тому, что Погибель что-то ищет в Верхнем Крае или Нижнем Переходе.

Был и сетевой трафик, исходивший от Погибели. Сообщения по высшим протоколам отбрасывали все, кроме самоубийц, и никто не стал бы их переправлять дальше. Но все же от ужаса и любопытства некоторые из них расходились. Это было «видео» Погибели: примерно четыреста секунд визуальных, слуховых и прочих сенсорных данных без компрессии. Столь неимоверно дорогие сообщения были, возможно, самыми жрущими ресурс за всю историю Сети. Синяя Раковина держал «Внеполосного» на магистральном пути почти два дня, чтобы получить его целиком.

Все рабы Отклонения оказались людьми. Почти все новости, приходящие из Царства, были видеороликами, хотя и не столь длинными, и все они показывали ораторов-людей. Самый большой Равна смотрела снова и снова: она узнала оратора, Увна Нильсндота. Он был когда-то чемпионом Страума по траелу. Теперь у него не было титула, а возможно, и имени тоже. Нильсндот говорил из кабинета, который мог быть садом. Отступив в сторону от изображения человека, Равна могла видеть приземный уровень за его плечом. Город выглядел как Страум-главный на старых записях. Много лет назад Равна с сестрой бредили этим городом, сердцем авантюрного проникновения человечества в Переход. Центральная площадь была точной копией Поля Принцесс на Ньоре, и иммиграционные призывы

гласили, что, как бы далеко ни ушли от родного дома страумеры, все так же будет бить фонтан на поле, означая преданность страумеров истоку человечества.

Теперь фонтана не было, и Равна ощущала смерть за взглядом человека.

— Этот человек говорит от имени Силы, которая Помогает, — говорил бывший герой. — Я хочу, чтобы все видели, что я могу сделать даже для третьесортной цивилизации. Поглядите, как я Помогаю... — Объектив метнулся к небу. Был закат, и ряды антигравитационных конструкций громоздились на фоне неба, мегаметр за мегаметром. Такого грандиозного применения антигравитационных материалов Равна не видала никогда, даже в Доках. Конечно, ни один мир в Середине Края никогда не смог бы импортировать столько антигравитационного материала. — То, что вы видите надо мной, — всего лишь рабочие бараки для строительства, которое я вскоре начну в системе Страума. Когда оно будет закончено, пять звездных систем станут единой обитаемой базой, их планеты и лишняя звездная масса будут распределены с целью поддержания жизни и техники на таком уровне, как никогда не видали на этих глубинах, как редко можно увидеть и в самом Переходе. — В кадре снова показался Нильсндот — одинокий человек, служащий устами богу. — Некоторые из вас могут взбунтоваться при мысли посвятить себя мне. В конечном счете это не важно. Против симбиоза моей Силы с руками обитателей Края не устоит ничто. Но я говорю сейчас, чтобы уменьшить ваш страх. То, что вы видите в царстве Страума, — столько же радость, сколько и чудо. Никогда больше Переход не оставит позади себя расы Края. Те, кто соединятся со мной — а это в конце концов будут все, — станут частью Силы. Вы получите технологию со всей Вершины Края и Нижнего Перехода. Вы будете размножаться далеко за те пределы, которые ставит для вас ваша собственная технология. Вы поглотите все, что встанет против меня. Вы обретете новую стабильность.

Глядя это в третий или четвертый раз, Равна старалась отвлечься от слов, сосредоточиться на выражении лица

Нильсндота, сравнить с речами, которые были записаны в ее персональном компьютере. Да, разница была, это не было ее воображение. У существа, говорившего с экрана, была мертвая душа. Почему-то Погибель не заботилась об очевидном... может быть, это было очевидным только для зрителей-людей, а это была исчезающе малая часть аудитории. Наплывом показали темное лицо Нильсндота, его обыкновенные синие глаза.

— Некоторые из вас могут заинтересоваться, как все это стало возможным и почему прошли миллиарды лет анархии без такой помощи от Силы. Ответ сложен. Как многие развивающиеся разумные объекты, данный объект имел высокий порог. С одной стороны от этого порога вероятность развития была мала до полной невозможности, по другую сторону она стала неизбежностью. Симбиоз Помощи требует эффективной и широкополосной связи между мною и теми существами, которым я Помогаю. Создания, подобные тому, которое говорит сейчас мои слова, должны отвечать также быстро и верно, как рука или рот. Их глаза и уши должны докладывать через световые годы. Этого трудно было достигнуть — особенно потому, что все системы должны были быть установлены раньше, чем начали функционировать. Но теперь этот симбиоз существует, и прогресс пойдет быстрее. Почти любая раса может быть модифицирована так, что она сможет получить Помощь.

Почти любая раса может быть модифицирована. Эти слова были сказаны человеком со знакомым лицом и на родном языке Равны... но их источник был чудовищно далеко.

Было много разных анализов. Создались целые новые группы новостей: от группы «Угрозы» отделилась группа «Угроза Погибели», группа «Изучение Хомо сапиенс» и группа «Автоматика с тесной связью». И эта последняя группа была забита сообщениями больше, чем любые пять других. В этой части Галактики значительная часть трафика сообщений приходилась на эту новую группу. В анализе речи бедного Увна Нильсндота было больше битов, чем в самой речи. Судя по гневным репликам и столь же гневным возражениям, отношение «сигнал-шум» было в ней очень низким.

Шифр: 0

Получено: борт «Внеполосного»

Языковый путь: Аквилерон — Трисквелин, СК: Устройства трансляции

От: Хурвакский университет [Объявляет себя университетом обитаемой базы в Среднем Крае]

Тема: Видео от Погибели

Краткое содержание: По сообщениям видна подделка

Рассылка: Группа «Отслеживание войн»

Группа по интересам «Изучение Хомо сапиенс»

Группа «Где они»

Группа «Угроза Погибели»

Дата: 7,06 дней от гибели Ретрансляторов.

Текст сообщения:

Очевидно, что «Помощник» — это подделка. Мы тщательно изучили вопрос. Хотя оратор не назвал себя, он является высокопоставленным лицом бывшего режима Страума. Почему же — если «Помощник» просто использует людей как телеуправляемых роботов — сохранена прежняя социальная структура? Ответ ясен любому идиоту: Помощник не обладает достаточной силой для телеуправления большим количеством разумных существ. Очевидно, что падение царства Страум состояло в захвате ключевых элементов властных структур данной цивилизации. Наше заключение: Симбиоз Помощника — это всего лишь очередная мессианская религия, очередная сумасбродная империя ищет оправдания своим эксцессам и пытается обмануть тех, кого не может присоединить непосредственно. Не давайтесь в обман!

Шифр: 0

Получено: борт «Внеполосного»

Языковый путь: Оптима — Аквилерон — Трисквелин, СК: Устройства трансляции

От: Общество Рациональных Исследований [Возможно, отдельная система в Среднем Крае, 7500 световых лет от Сьяндры Кеи в направлении против вращения Галактики]

Тема: Видео от Погибели, статья Хурвакского Университета 1

Ключевые фразы: [Вероятно, ругательство] трата драгоценного времени

Рассылка: Общество Рационального Управления Сетью

Группа «Изучение Погибели»

Дата: 7,91 дней от гибели Ретрансляторов.

Текст сообщения:

Так кто дурак? [Вероятно, ругательство] [вероятно, ругательство] идиоты, которые не следят за дискуссией в группах новостей, не должны тратить мое время на свой [очевидное ругательство] мусор. Так вы думаете, что «Симбиоз Помощника» — это трюк царства Страума? А что, по-вашему, вызвало падение Ретрансляторов? На случай, если у вас голова полностью засунута в зад [возможно, оскорбление], сообщаю, что в союзе с Ретрансляторами выступала *Сила*. И эта Сила сейчас мертва. По-вашему, она покончила жизнь самоубийством? Подумай сам, тупоголовый [возможно, оскорбление]. Ни одна Сила никогда не была побеждена ни одной расой Края. Погибель — это что-то новое и интересное. Я думаю, что [ругательство] придуркам из Хурвакского университета стоит сидеть в своих группах для идиотов и не мешать остальным вести разумную дискуссию.

Некоторые сообщения были явной чушью. Характерная черта Сети: автоматический перевод часто скрадывал фундаментально чуждую природу участников. За сообщениями непринужденного разговорного стиля скрывались дальние миры, столь отдаленные расстоянием и различием, что общение становилось невозможным — хотя этот факт не сразу был заметен. Например:

Шифр: 0

Получено: борт «Внеполосного»

Языковый путь: Арбвит — Торгяз-24 — Чергелен — Трисквелин, СК: Устройства трансляции

От: Твирлипы туманов [Возможно, организация летающих в облаках в отдельной юпитероподобной системе. Более ранние сообщения очень редки]

Тема: Видео от Погибели

Ключевые фразы: Гексаподия как ключевая идея

Рассылка: Группа «Изучение Погибели»

Дата: 8,68 дней от гибели Ретрансляторов.

Текст сообщения:

Я не имел возможности видеть известный видеоролик от царства Страум, лишь слышал звуковое сопровождение (мой единственный выход на Сеть обходится очень дорого). Верно ли, что у людей шесть ног? По звуковой информации трудно заключить

с уверенностью. Если у этих «людей» три пары ног, то это легко объясняет...

Гексаподия: шестиногое? Три пары ног? Наверное, ни один из переводов не дает даже близкого понятия о том, что имел в виду таинственный твирлип. Дальше Равна читать не стала.

Шифр: 0

Получено: борт «Внеполосного»

Языковый путь: Трисквелин, СК: Устройства трансляции

От: Хансе [Нет упоминаний до падения Ретрансляторов. Возможные источники не указаны. Кто-то очень осторожный]

Тема: Видео от Погибели, статья Хурвакского Университета 1

Рассылка: Группа «Изучение Погибели»

Группа «Отслеживание войн»

Дата: 8,68 дней от гибели Ретрансляторов.

Текст сообщения:

Хурвакский Университет считает, что Погибель — это подделка, поскольку на Страуме уцелели элементы прежнего режима. Есть и другое объяснение. Допустим, что Погибель, несомненно, является Силой и что ее утверждения об эффективном симбиозе в общих чертах верны. Это означает, что создание, получающее «Помощь», является не более чем телеуправляемым устройством, а его мозг — всего лишь локальным процессором, обеспечивающим связь. *Вы* хотели бы, чтобы вам помогали подобным образом? Мой вопрос — не вполне риторический; читательская аудитория настолько широка, что могут найтись и желающие ответить «да». Однако в большинстве своем разумные и независимо развившиеся существа отнесутся с отвращением к подобной перспективе. Разумеется, Погибель это знает. Моя гипотеза состоит в том, что подделкой является не Погибель, а видимость выживания страумской культуры. Погибель пытается тонко создать впечатление, что непосредственно порабощены лишь немногие и что культура как целое сохранилась. Сопоставьте это с заявлением Погибели о том, что не все расы поддаются телеуправлению. Оставим в подтексте обещание немереного богатства, которое будет доступно расам, связавшим себя с этой Силой, но биологические и интеллектуальные императивы таких рас будут удовлетворены.

Итак, вопросы остаются. Насколько детален контроль Погибели над завоеванными расами? Мне это неизвестно. Может

быть, в Крае Погибели не осталось ни одного осознающего себя разума — только телеуправляемые роботы. Но ясно одно: Силе нужно от нас что-то, что она пока не может просто *взять*.

И так далее. Десятки тысяч сообщений, сотни точек зрения. Не зря Сеть прозвали «Сетью Миллионов Врак». Равна каждый день обсуждала это с Синей Раковиной и Зеленым Стеблем, пытаясь собрать информацию воедино, пытаясь решить, какому истолкованию верить.

Наездники хорошо знали людей, но даже они не улавливали мертвенности лица Увна Нилсндота. И Зеленый Стебель достаточно хорошо знала людей, чтобы понимать: ответа, который утешил бы Равну, нет. Она каталась взад и вперед перед окном Новостей, потом протянула ветвь и коснулась женщины.

— Может быть, господин Фам сможет сказать, когда поправится.

Синяя Раковина просто откровенно паниковал.

— Если вы правы, то это значит, что Погибели все равно, что известно людям и близким к ним расам. — Его голосовой аппарат несколько секунд гудел, будто разговаривая сам с собой. — Я не верю этому сообщению. Четыреста секунд широкополосного вещания, столь насыщенного, что создает полные образы по всем чувствам у многих различных рас. Это неимоверный объем информации и без какого-либо сжатия... Может быть, это подслащенная приманка, которую мы, несчастное население Края, сами разнесем в свои гнезда. — Такое подозрение тоже в группах новостей высказывалось. Но в этом сообщении не было очевидных вложений и не было ничего, что обращалось бы к автоматике Сети. Такой тонкий яд мог бы сработать в Вершине Края, но не здесь, внизу. И оставалось только более простое объяснение, такое, которое имело бы смысл даже на Ньоре или Старой Земле: видеоролик содержал шифрованное сообщение для уже внедренных агентов.

Народу резчиков Хранитель был хорошо известен — и по большей части не по тем причинам. Ему было пример-

но сто лет, и он произошел при выделении из Резчика двух его стратегов. В ранние свои десятилетия Хранитель управлял городской лесопилкой. На этой работе он придумал усовершенствования для водяного колеса. Были у него довольно романтические связи — в основном с политиками и составителями речей. Постепенно заменяемые элементы склонили его к участию в общественной жизни. Последние тридцать лет он имел один из самых весомых голосов в совете Резчицы; десять лет, как стал лордом-камергером. В обоих этих качествах он отстаивал интересы гильдий и честной торговли. Ходили слухи, что если когда-нибудь Резчица отречется или полностью умрет, Хранитель будет следующим Главой Совета. Многие считали, что в случае подобного несчастья это станет лучшим исходом — хотя напыщенные речи Хранителя и были проклятием заседаний Совета.

Таков был публичный образ Хранителя. Каждый, кто разбирался в вопросах безопасности, предположил бы, что Хранитель командует и шпионами Резчицы. Без сомнения, у него были десятки информаторов в порту и на лесопилках. Но теперь Описатель знал, что и это — всего лишь прикрытие. Только представить себе — иметь агентов в самом узком кругу свежевателей, знать их планы, их опасения, их слабости, иметь возможность ими манипулировать! Хранитель сделал просто невозможное. Описатель должен был с сожалением признать неоспоримый гений другого.

И все же... это знание не гарантирует победы. Не все планы свежевателей управляются непосредственно сверху. Некоторые операции противника на более низком уровне могут быть подготовлены незаметно и иметь полный успех... а для полной гибели Джоанны Олсндот достаточно одной стрелы.

И здесь-то Описатель Джакерамафан может показать, чего он стоит.

Он попросил разрешения переехать в стены замка на третий этаж. Разрешение дали без труда. Новая квартира была поменьше, обивка на стенах грубее. Из узких бойниц открывался довольно унылый вид на площадки замка. Но

для новой цели Описателя эта комната подходила идеально. Несколько первых дней он посвятил тайным прогулкам по замку. Стены были испещрены плетением туннелей шириной в пятнадцать дюймов и высотой в тридцать. И в пределах замка Описатель мог попасть почти в любое место, не будучи замеченным снаружи. Он шел цепочкой по одному от одного туннеля к другому, на мгновения возникая на бастионах и скользя от амбразуры к амбразуре, высовывая одну-две головы то здесь, то там.

Конечно, он сталкивался с охраной, но Джакерамафан имел разрешение находиться среди стен... и он изучал график службы часовых. Они знали, что он тут бродит, но Описатель был уверен, что они понятия не имеют о цели его усилий. Работа была тяжелая и на холоде, но она стоила сил. Величайшей целью жизни Описателя было сделать что-нибудь замечательное и великое. Трудность была в том, что идеи его были весьма глубоки, и другие стаи — даже весьма уважаемые многими — их не могли понять. Вот так же вышло и с Джоанной. Но еще несколько дней, и он сможет обратиться к Хранителю, и тогда...

Выглядывая за углы и сквозь бойницы, два элемента Описателя делали записи. И после десяти дней их собралось столько, что даже на Хранителя это должно было произвести впечатление.

Официальная резиденция Хранителя была окружена комнатами его помощников и охранников. Не то место, где можно сделать секретное предложение. А кроме того, Описателю уже не повезло как-то раньше при попытке прямого обращения. Аудиенции можно ждать целые дни, и чем больше ты следуешь правилам, чем больше проявляешь терпения, тем ничтожнее считают тебя бюрократы.

Но иногда Хранитель бывает один. Есть башня на старой стене, со стороны леса...

К вечеру одиннадцатого дня своих исследований Описатель стоял на этой башне и ждал. Прошел час. Ветер ослабел, с гавани наползал тяжелый туман, одевая старую стену будто медленной морской пеной. Все стало очень, очень тихо — как всегда бывает при густом тумане. Описа-

тель изучал от нечего делать старую площадку — она действительно была уже развалиной. Известь крошилась под когтями. Будто можно было вытащить из стены целые камни. Проклятье, может быть, Хранитель изменил своей привычке и сегодня не придет?

Но Описатель прождал еще полчаса — и его терпение было вознаграждено. На винтовой лестнице послышалось щелканье стали. Звуков мысли слышно не было — их глушил туман. Прошла еще минута. Приподнялась дверца, и просунулась голова.

Даже в тумане удивление Хранителя проявилось яростным шипением.

— Мир, господин! Это только я, вполне лояльный Джакерамафан.

Голова просунулась дальше.

— И что здесь делает лояльный гражданин?

— Я пришел увидеться с вами, господин, — сказал Описатель, рассмеявшись, — в этом вашем тайном кабинете. Входите, господин, здесь из-за тумана хватит места нам обоим.

Один за другим элементы Хранителя пролезли в дверь. Некоторым это едва удалось — их ножи и украшения зацепились за косяк. Хранитель не был самой изящной из стай. Шеф безопасности расположился по одну сторону башни — поза, которая выражала подозрительность. Это была совсем не та надменная с покровительственной манерой стая, которая появлялась публично. Описатель усмехнулся про себя. Он явно завладел вниманием собеседника.

— Ну? — сказал Хранитель лишенным интонации голосом.

— Господин, я пришел предложить вам свою службу. Я думаю, что даже само мое здесь присутствие свидетельствует, что я могу пригодиться тайной страже Резчицы. Кто, кроме талантливого профессионала, мог определить, что здесь у вас тайное логово?

Хранитель, по всей видимости, немного успокоился. И слегка улыбнулся:

— Действительно — кто? Я прихожу сюда потому, что эта стена не видна ниоткуда из замка. Здесь я могу... сли-

ваться с природой и освобождаться от бюрократической скуки.

Джакерамафан кивнул:

— Я понимаю, господин. Но вы не учли одной мелочи. — Он показал в сторону гавани. — Сейчас туман и не видно, но на той стороне гавани, что выходит на замок, есть одно место, откуда видна ваша башня.

— И что? Как оттуда можно увидеть... а, этот ваш глазной прибор из Республики!

— Совершенно верно. — Описатель полез в карман и достал свой *телескоп*. — И я смог узнать вас даже через двор.

Эти глазные приборы сделали Описателя известным в городе. Резчица и Тщательник были ими очарованы. К сожалению, честность заставила Описателя признать, что он купил прибор в Рангатире у его изобретателя. И не важно, что это он понял важность этого изобретения, что это он воспользовался прибором, чтобы организовать спасение Джоанны. Когда они поняли, что он не знает точно, как работают линзы, они приняли в подарок один из приборов... и обратились к собственным стеклодувам. Ну и ладно, все равно в этой части света *он* лучше всех умел пользоваться этим прибором.

— На самом деле я следил не за вами, господин. Это всего лишь небольшая деталь в моем расследовании. За последние десять дней я много часов провел за изучением ходов в замке.

Губы Хранителя дернулись.

— Это ясно.

— Я посмею сказать, что немногие меня заметили, и я был очень осторожен, чтобы никто не видел, как я пользуюсь глазным прибором. Как бы то ни было... — он достал свои записи, — ...я составил обширное описание. Я знаю, кто сюда приходит почти в любой момент светлого времени. Можете себе представить, насколько мощным будет этот способ летом!

Описатель положил блокнот на пол и толкнул в сторону Хранителя. Тот выдвинул вперед одного элемента и подтянул блокнот к себе. Особого энтузиазма он не проявлял.

— Прошу вас понять меня, господин. Я знаю, что вы информируете резчицу о том, что происходит в высшем совете Свежевателя. Без ваших источников мы были бы беспомощны перед его Властителями, но...

— Кто — тебе — это — сказал?

Описатель подавился словами. *Все отрицать!* Он слегка улыбнулся.

— Никто и не должен был мне говорить. Я же профессионал, как и вы, и я умею хранить секреты. Но подумайте вот о чем: в замке могут найтись и другие стаи с моим умением, и среди них могут быть предатели. И от ваших высокопоставленных источников вы можете этого и не узнать. Подумайте, какой они могут нанести вред! Вам нужная моя помощь. Моими методами я могу выследить любого. Я буду рад обучить группу сыщиков. Мы можем действовать даже в городе, наблюдая с рыночных башен.

Шеф безопасности заерзал вдоль парапета, рассеянно пиная камешки в полурассыпавшихся стенах.

— Эта идея не лишена привлекательности. Видишь ли, я считаю, что мы определили агентов Свежевателя, и мы их хорошо снабжаем информацией... ложной. Интересно получается, когда эта ложь возвращается от наших агентов нам. — Хранитель коротко рассмеялся и выглянул из-за парапета, задумавшись. — Но ты прав. Если мы пропустили кого-то, кто имеет доступ к Двуногой или к Компьютеру... это может оказаться катастрофой. — Он повернул к Описателю еще несколько голов. — Договорились. Я тебе дам четверых или пятерых, и ты обучишь их своим... э-э... методам.

Описатель не мог скрыть своего восторга и чуть не подпрыгнул, всеми глазами глядя на Хранителя.

— Вы не пожалеете об этом, господин!

— Возможно, и нет. Так, теперь: скольким ты рассказал о своем расследовании? Мы их должны будем собрать и взять клятву о сохранении тайны.

Описатель подтянулся плотнее.

— Господин! Я же вам сказал, что я профессионал. Естественно, что я не говорил никому, ожидая нашего разговора.

Хранитель улыбнулся и даже принял почти добродушную позу.

— Превосходно. Тогда можно начать.

Может быть, дело было в голосе Хранителя — чуть слишком громком, а может быть, Описатель услышал слабый шум позади себя. Что бы это ни было, а Описатель повернул голову и увидел быстрые тени, летящие с лесной стороны парапета. И услышал шум мысли нападающего — слишком поздно.

Свистнули стрелы, и горло Фана обожгло огнем. Описатель закашлялся, но держал себя вместе, бросившись вокруг башни к Хранителю.

— Спасите! — крикнул он.

Это было бросание слов на ветер. И Описатель это уже знал даже раньше, чем другой вытащил ножи и попятился.

Хранитель отошел, освобождая место, и его наемник бросился в середину Описателя. Одна разумная мысль еще билась в ярости шума и режущей боли. Сказать Страннику! Сказать Джоанне! Бойня тянулась бесконечные мгновения, и потом...

Часть его тонула в липком и красном. Часть ослепла. Мысль Джакерама мелькала разбитыми осколками. Один из него уже точно был мертв: Фан лежал обезглавленный в расплывающейся луже крови, и пар поднимался в морозном воздухе. Боль и холод, захлебываясь, кашляя, и последняя мысль — «сказать Джоанне».

Убийца и его хозяин отошли в сторону. Хранитель. Тайная стража. Тайный предатель. *Сказать Джоанне.* Они стояли спокойно... стояли и смотрели. Спокойно, чтобы не мешать свои мысли с его. Они будут ждать... ждать... пока шум его мыслей стихнет, и тогда закончат работу.

Тихо. Как тихо. Далекие мысли убийц. Рвота, стоны. И никто не узнает...

Почти все затихли. Джа тупо смотрел на две стаи чужаков... Одна шла к нему со стальными когтями на лапах, с клинками в зубах. Нет! Джа подпрыгнул, оскользаясь на мокром, стая бросилась, но Джа уже стоял на парапете. Бросился вниз и падал, падал...

И ударился о скалы внизу. Отполз от стены. В спину ударила боль, потом спина онемела. Где я? Где я? Всюду туман. Далеко над ним — голоса. Воспоминания о шипах и ножах переполнили крохотный умишко, все мешалось. Ска-

зать Джоанне! Он что-то помнил... что-то... до того... Скрытая тропа через кустарник. Если пойти по ней далеко, там будет Джоанна.

Джа медленно пополз по тропе. Задние ноги не слушались, он их не чуял. *Сказать Джоанне.*

19

Джоанна кашляла. Все, казалось, меняется от плохого к худшему. Последние три дня ее мучили першение в горле и насморк. Она даже не знала, бояться этого или нет. Ведь в средние века болезни были обычным делом. *Да, но и смерть от них — тоже!* Джоанна вытерла нос и попыталась сосредоточиться на словах Резчицы.

— Тщательник уже создал образцы пороха. Они действуют точно так, как предсказывал Компьютер. К несчастью, Тщательник чуть не потерял своего элемента, пытаясь использовать порох в деревянной пушке. Боюсь, что если нам не удастся сделать пушку...

Неделю назад Резчица не была бы здесь желанной гостьей — все встречи проходили в зале замка. Но Джоанна заболела — она была уверена, что это «простуда», и ей не хотелось выходить за двери. Кроме того, визит Описателя ее... пристыдил, что ли. Некоторые стаи были вполне достойными личностями. Она решила, что теперь будет общаться с Резчицей — да и с Надутым Клоуном тоже, если он опять появится. Пока типы вроде Шрамозадого будут держаться от нее подальше...

Джоанна придвинулась ближе к огню и отмела жестом сомнения Резчицы. Иногда эта стая казалась ей ее старой-старой бабушкой.

— Допустим, что мы ее сделаем. У нас до лета еще полно времени. Только прикажите Тщательнику методичнее изучать Компьютер и перестать искать короткие пути. Вопрос в том, как использовать пушки, чтобы выручить мой звездолет.

Резчица просияла. Слюнявый перестал обтираться и закивал головой вместе с другими.

— Я говорила об этом со Стран... с несколькими стаями, в частности, с Хранителем. Вообще говоря, доставка армии на Скрытый Остров — это страшная проблема. По морю это быстро, но по дороге есть несколько очень опасных мест. Через лес — медленно, и противника невозможно будет застать врасплох. Но большая удача — Хранитель нашел несколько безопасных троп. Мы сможем прокрасться...

В дверь кто-то скребся.

Резчица насторожила пару ушей.

— Странно, — сказала она.

— Почему? — спросила Джоанна, кутаясь в покрывало и поднимаясь. Двое из Резчицы подошли к двери вместе с ней.

Открыв дверь, Джоанна выглянула в туман. Резчица вдруг громко заговорила, в основном булькaньем. Гость попятился. Да, что-то здесь было, несомненно, странное, и она даже сразу не поняла что. *Впервые она увидела одиночного собакоподобного.* Только она успела это сообразить, как двое из Резчицы мелькнули мимо нее в дверь. Потом закричал слуга Джоанны на чердаке. У Джоанны засверлило в ушах.

Одинокий шипастый неуклюже повернулся вокруг задних лап и попытался уползти, но Резчица уже его окружила. Она что-то крикнула, и вопли с чердака затихли. Затопали лапы по деревянным ступеням, и слуга выпрыгнул на открытое место с взведенными арбалетами. Снизу на склонах холма залязгало оружие — к ним бежали охранники.

Джоанна подбежала к Резчице, готовая добавить к защите свои кулаки. Но стая тыкалась в незнакомца носами, вылизывая его шею. Потом Резчица схватила одинокого элемента за куртку.

— Пожалуйста, Джоанна, помоги мне втянуть его внутрь.

Девочка подняла собакоподобного за бок. Шерсть была влажной от тумана... и липкой от крови.

Они втащили элемента в дверь и положили на подушку у огня. Существо издавало свист с придыханием — звук невыносимой боли. Оно взглянуло на Джоанну, глаза его так выкатились, что радужка была со всех сторон окружена белком. На миг Джоанна подумала, что элемент ее боится,

но когда она отступила, он лишь засвистел громче и потянулся к ней шеей. Она опустилась на колени возле подушки, и элемент положил морду ей на руку.

— Ч-что это?

Джоанна посмотрела на тело ниже куртки. Ляжки элемента были вывернуты под странным углом, одна нога свесилась к огню.

— Ты не знаешь? — ответила Резчица. — Это часть Джакерамафана.

Она носом подтолкнула свисающую ногу на подушку.

Между охранниками и слугой Джоанны шел громкий разговор. Сквозь дверь были видны элементы, держащие факелы. Они ставили передние ноги на спины своих товарищей и поднимали свет повыше. Войти не пытался никто — для этого не было места.

Джоанна оглянулась и посмотрела на шипастого. Описатель? Тут она узнала куртку. Элемент глядел на нее, все так же выражая боль.

— Вы что, не можете привести врача?

Резчица окружила ее со всех сторон.

— Я сама врач, Джоанна. — Кивнув в сторону Компьютера, она добавила: — По крайней мере то, что у нас называется врачом.

Джоанна вытерла кровь с шеи элемента. Она тут же выступила снова.

— А вы можете его спасти?

— Этот фрагмент — быть может. Но... — Один из Резчицы подошел к двери и обратился с чем-то к охранникам снаружи. — Мои стаи ищут остальные его части. Боюсь, он в основном убит, Джоанна. Если бы остались другие... понимаешь, даже фрагменты держатся вместе.

— Он что-нибудь сказал?

Это был другой голос, говоривший по-самнорски. Шрамозадый сунул в комнату свое мерзкое рыло.

— Нет, — ответила Резчица. — И шум мысли — сплошной мусор.

— Дай я его послушаю, — предложил Шрамозадый.

— Эй, ты, пошел вон, гад! — крикнула Джоанна, и существо у нее в руках вздрогнуло.

— Джоанна! Это же друг Описателя. Дай ему помочь.

Стая Шрамозадого вошла в комнату, и Резчица отступила на чердак, давая ему место.

Джоанна высвободила руку из-под раненого шипастого и отступила, сама оказавшись около двери. За дверью было больше стай, чем она могла себе вообразить, и они стояли ближе, чем ей приходилось видеть. В туманной темноте их факелы казались неясными светляками.

Взгляд Джоанны метнулся к очагу.

— Смотри, я за тобой слежу!

Элементы Шрамозадого расселись вокруг подушки. Большой положил свою голову возле головы раненого. Сначала раненый все так же продолжал свистеть с придыханием. Шрамозадый ему что-то булькал. В ответ раздалось щебетание, почти красивое. Что-то сказала Резчица с чердака. Они со Шрамозадым стали переговариваться.

— Ну и что? — спросила Джоанна.

— Джа — этот фрагмент — он не «говоритель», — донесся голос Резчицы.

— Хуже того, — отозвался Шрамозадый. — По крайней мере сейчас я не могу разобрать звуки его мысли. В них нет ни смысла, ни образа. Я не знаю, кто убил Описателя.

Джоанна шагнула обратно в комнату и медленно подошла к подушке. Шрамозадый раздвинулся, но не отошел от раненого элемента. Джоанна встала на колени между двумя его элементами и погладила длинную окровавленную шею.

— Джа, — произнесла она, стараясь как можно лучше выговорить этот звук, — будет жить?

Шрамозадый провел по телу тремя носами, мягко нажимая на раны. Джа дергался и посвистывал, но был неподвижен, когда Шрамозадый надавливал на его задние ноги.

— Не знаю. Почти вся эта кровь — просто пятна, скорее всего от других элементов. Но у него сломан позвоночник. Даже если этот фрагмент выживет, пользоваться он сможет только двумя ногами.

Джоанна задумалась, пытаясь представить себе эту перспективу с точки зрения народа стай. И ей она не понравилась. Пусть это не имело смысла, но для нее «Джа» был по-прежнему Описателем. Для Шрамозадого это был просто фрагмент, орган свежего трупа. И еще поврежденный. Она

посмотрела на Шрамозадого, на его большой элемент, на убийцу.

— И что ваш народ делает с такими... остатками?

Три его головы повернулись к ней, и она увидела, как вздыбилась шерсть на его шеях. Его синтетический голос прозвучал высоким стаккато.

— Описатель был хорошим другом. Мы могли бы построить для него двухколесную тележку, чтобы Джа мог возить на ней свой задний конец. Труднее всего будет найти для него стаю. Ты знаешь, что мы ищем сейчас другие фрагменты, может быть, что-нибудь соберем. Если нет... ладно, у меня только четыре элемента. Попробую его в себя встроить. — Пока он говорил, одна из его голов гладила раненого элемента. — Только я не уверен, что это выйдет. Описатель был личностью с безалаберной душой, никак не пилигримом. И такой, как есть, я ему никак не подойду.

Джоанна плюхнулась назад. В конце концов, Шрамозадый не отвечает за все, что во вселенной неправильно.

— У Резчицы отличные составители. Может быть, найдется что-то подходящее. Но ты пойми... для взрослого элемента очень трудно влиться в стаю, особенно для не-говорителей. Отдельные элементы, такие, как Джа, часто умирают по собственной воле — просто перестают есть. А иногда... ты сходи как-нибудь в гавань, посмотри на рабочих. Там есть большие стаи, но у них разум идиотов. Они даже не могут держаться вместе: малейшая трудность — и они разбегаются в разные стороны. Так кончаются неудачные попытки восстановления стай.

Голос Шрамозадого переходил от одного элемента к другому и наконец затих. Все его головы повернулись к Джа. Раненый элемент закрыл глаза. Спит? Он все еще дышал, но теперь чуть при этом булькал.

Джоанна посмотрела на дверь, ведущую на чердак. Резчица выставила оттуда одну голову. Перевернутое лицо смотрело на Джоанну. В другое время это могло показаться комичным.

— Если не случится чуда, то Описатель сегодня умер. Пойми это, Джоанна. Но если фрагмент выживет, пусть и не надолго, мы, быть может, найдем убийцу.

— Как, он же не может общаться?

— Да, но *показать* нам он сможет. Я велела солдатам Хранителя проследить, чтобы персонал находился в своих квартирах. Когда Джа успокоится, мы проведем перед ним каждую стаю замка. Фрагмент наверняка помнит, что случилось с Описателем, и *хочет* нам это сказать. Если среди убийц был кто-то из наших стай, он ее узнает.

— И поднимет шум.

Как собака.

— Верно. Так что сейчас главное — обеспечить ему защиту... и надеяться, что наши доктора его спасут.

Остальные части Описателя нашли через пару часов на башне старой стены. Хранитель заявил, что, по всей видимости, стая или две вышли из лесу и залезли на башню, возможно, в попытке проследить за площадками замка. Это был признак непрофессиональной и ненужной попытки: ничего с этой башни не разглядишь даже в ясный день. Но для Описателя это оказалось фатальным невезением. Очевидно, он застал лазутчиков врасплох. Пятеро его элементов были кто застрелен, кто зарублен, кто обезглавлен. Шестой — Джа — сломал себе спину об каменную кладку фундамента. Джоанна поднялась на эту башню на следующий день. Даже с земли были видны коричневые пятна на парапете. Джоанна была рада, что не может залезть наверх.

Джа умер ночью, хотя и не от дальнейших действий противника — он все это время был под защитой Хранителя.

Несколько дней Джоанна была очень неразговорчива, а по ночам немного плакала. *Черт бы побрал ихнее «врачевание»*. Они могли распознать сломанную спину, но скрытые повреждения, внутреннее кровотечение — в этом они вообще ничего не понимали. Да, Резчица прославилась своей теорией о том, что сердце перекачивает кровь по всему телу. Дай ей еще тысячу лет — может, она и стала бы из мясника хирургом!

Одно время Джоанна ненавидела их всех: Шрамозадого — по старым причинам, Резчицу — за невежество, Хранителя — за то, что подпустил свежевателей так близко к замку... а Джоанну Олсндот — за то, что оттолкнула Описателя, когда тот старался быть ее другом.

Что бы сказал сейчас Описатель? Он хотел, чтобы она им доверяла. Он говорил, что Шрамозадый и прочие — хороший народ. И однажды вечером, примерно через неделю, Джоанна пришла к миру с самой собой. Она лежала на своем матрасе под тяжелым и теплым покрывалом. В янтарном свете мерцали узоры на стенах.

«Ладно, Описатель. Для тебя... я буду им доверять».

20

О первых днях после смерти, когда кончалась боль Старика, Фам Нювен почти ничего не помнил. Призрачные фигуры, безымянные слова. Кто-то сказал, что его сохраняли живым в корабельном хирурге. Ничего этого он не помнил. Почему они сохраняли дыхание в теле — черт их знает. Наконец стали возвращаться животные рефлексы. Тело стало дышать самостоятельно. Открылись глаза. Мозг не поврежден, сказала эта Зеленый Стебель (?), полное восстановление. Оболочка, которая была когда-то живым существом, не возразила.

Человек, который остался от Фама Нювена, много времени проводил на мостике «Внеполосного». Корабль напоминал ему большого жука-мокрицу. Такие жуки кишели в соломе, которая покрывала полы Большого Зала в отцовском замке на Канберре. Ребятишки любили с ними играть. У жуков не было настоящих ног, а только пушистые шипы, торчащие из хитиновой груди. Как этого жука ни переворачивай, эти шипы-антенны возвращали жука на курс, и тот полз себе дальше, не обращая внимания, что ползет брюхом кверху. И шипы гипердвигателей «Внеполосного» очень были похожи на шипы жука-мокрицы, хотя и не так резко выраженные. И само тело его тоже было жирное и скользкое, чуть суженное в середине.

Итак, Фам Нювен оказался внутри мокрицы. Вполне подходящее место для мертвеца.

Сейчас он сидел на мостике. Женщина часто его сюда приводила; кажется, она понимала, как это его интересует.

Стены были дисплеями, и гораздо лучшими, чем он видал на своих торговых кораблях. Когда на окна подавались изображения с внешних камер корабля, вид был не хуже, чем с мостика любого корабля Кенг Хо.

Это было как изображение, продиктованное разнузданной фантазией, или как графическая имитация. Если долго сидеть, можно было заметить, как звезды движутся в небе на самом деле. Корабль шел со скоростью десять гиперпрыжков в секунду: прыжок, пересчет и снова прыжок. В этой зоне Края корабль делал одну сотую светового года на каждом прыжке — можно и больше, но тогда резко возрастет время пересчета. При десяти прыжках в секунду получалось больше тридцати световых лет в час. Сами прыжки органами чувств человека не воспринимались, а в интервале между ними корабль находился в свободном полете с той же собственной скоростью, с которой уходил с Ретрансляторов. Поэтому не ощущался допплеровский сдвиг, свойственный полету на релятивистских скоростях; звезды видны были ясно, как ночью в пустыне или при полете с малой скоростью. За полчаса Фам Нювен улетел дальше, чем мог бы улететь за столетие на корабле Кенг Хо.

Однажды на мостике появилась Зеленый Стебель и стала менять изображения в окнах. Как всегда, она говорила что-то Фаму Нювену, будто он был полноценной личностью, способной слушать.

— Видишь? Вот окно в центре — это гиперкарта пройденного нами региона. — Зеленый Стебель повела щупальцем над кнопками. На других стенах появились многоцветные картинки. — А это такие же карты для пяти пунктов на нашем маршруте.

Слова эти шумели в ушах Фама Нювена; они были понятны, но интереса не вызывали. Наездница замолчала, потом заговорила дальше с каким-то напором, похожим на бесполезную настойчивость этой женщины, Равны.

— Когда корабли делают прыжки... когда возвращаются, случается гиперволновый всплеск. Я проверяю, нет ли за нами преследования.

Цвета плыли по окнам вокруг всей комнаты, даже перед глазами Фама Нювена. Были только плавные переходы — ни выделяющихся пятен, ни линейных структур.

— Знаю, знаю, — продолжала Зеленый Стебель, отвечая за своего собеседника. — Анализаторы корабля все еще пережевывают данные. Но если бы кто-нибудь подошел к нам ближе ста световых лет, мы бы его заметили. А если преследователь будет дальше... что ж, может быть, он заметит нас.

И не важно. Фам почти отключился от этого вопроса. Но не было звезд, на которые можно глядеть, и он стал смотреть на цвета и думать об этой проблеме. *Думать.* Шутка: никто здесь никогда ни о чем по-настоящему не думал. Возможно, при крушении Ретрансляторов спасся десяток тысяч кораблей. Скорее всего Противник не произвел инвентаризацию отбывших. Атака на Ретрансляторы — это было лишь мелкое приложении к операции по ликвидации Старика. Почти наверняка «Внеполосный» сбежал незамеченным. Зачем Противнику беспокоиться о могущих остаться скрытыми воспоминаниях Старика? Зачем ему думать, куда может направляться их кораблик?

По его телу прошла дрожь — очевидно, животный рефлекс.

Каждый день Равну Бергсндот все сильнее охватывала паника. Не резко, как при катастрофе. Это было медленное умирание надежды. Она старалась каждый день больше быть с Фамом Нювеном, говорить с ним, держать его за руку. Он никогда не отвечал, никогда — разве что случайно — на нее не смотрел. Зеленый Стебель тоже старалась. Хоть она была совершенно чужой, прежний Фам, кажется, очень интересовался наездниками. Сейчас он жил уже без медицинской поддержки, но с тем же успехом мог оставаться растением.

И все это время их спуск замедлялся, и всякий раз чуть сильнее, чем прогнозировал Синяя Раковина.

А когда она обращалась к Новостям... в некотором смысле это больше всего и пугало. Становилась популярной теория «смертоносной расы». Все более и более укреплялось мнение, что это раса людей распространяет Погибель.

Шифр: 0

Получено: борт «Внеполосного»

Языковый путь: Бэлореск — Трисквелин, СК: Устройства трансляции

От: Союз Обороны [Объявляет себя союзом пяти многовидовых империй в Крае ниже страумского царства. До крушения Царства неизвестен]

Тема: Видео от Погибели

Рассылка: Группа «Угроза Погибели»

Группа «Отслеживание войн»

Группа «Изучение Хомо сапиенс»

Дата: 17,95 дней от крушения Ретрансляторов.

Текст сообщения:

К настоящему моменту мы обработали полмиллиона сообщений о видеоролике этого объекта и добрую часть их прочли. Большинство участников упустили из виду суть дела. Принцип операции «Помощника» ясен. Он представляет собой Перешедшую Силу, действующую в Крае посредством некоторой расы. Такие вещи легко делаются в Переходе — и есть много сведений о порабощенных Силами расах. Но чтобы такая связь стала возможной в Крае, требуются существенные конструкторские изменения в умах управляемой расы. *Такие изменения не могут произойти естественным путем*, и их невозможно быстро произвести над новыми расами, что бы ни утверждала Погибель.

С самого появления Погибели мы следим за группой новостей «Изучение Хомо сапиенс». Где находится эта самая «Земля», с которой они якобы прибыли? «На полпути вокруг Галактики», — отвечают они, да еще в глубине Медленной Зоны. Даже их приблизительный источник, Ньора, находится тоже в Медленной Зоне — как удобно! Мы видим альтернативную теорию: когда-то, может быть, раньше, чем доступно любому архиву, произошла битва среди Сил. И тогда были созданы эскизы «расы людей» со встроенными интерфейсами связи. Много позже, когда исчезли не только воюющие, но и память о них, эта раса оказалась в положении, когда могла совершить Переход. И этот Переход тоже был запланирован, чтобы снова возродить Силу, которая и поставила эту ловушку.

Мы точно не знаем деталей, но по существу ничего другого не могло и не может быть. Что нам делать — также совершенно ясно. Царство Страума оказалось сердцем Погибели, очевидно защищенным от любого нападения. Но есть и другие колонии

людей. Мы просим Сеть помочь нам в идентификации их всех. Сами мы не очень большая цивилизация, но будем счастливы сотрудничать в сборе информации и военных операциях, необходимых, чтобы остановить распространение Погибели в Среднем Крае.

Почти уже семнадцать недель. Мы призываем к действию. Если бы вы прислушались к нам сразу, хватило бы одного совместного удара, чтобы уничтожить царство Страум. Неужели и крушение Ретрансляторов вас не разбудит? Друзья, совместные действия — наш последний шанс!

Истребить заразу!

Эти суки даже сыграли на неизвестном происхождении человеческой расы. Вообще расы с неизвестным происхождением были редки, но вряд ли неизвестны. Теперь эти типы из «Истребить заразу» пытались представить Чудо Ньоры проявлением смертельного зла.

Эти самые «Истребить заразу» были единственными, кто призывали к погромам, но даже вполне уважаемые корреспонденты говорили вещи, которые можно было считать косвенной поддержкой подобных акций:

Шифр: 0

Получено: борт «Внеполосного»

Языковый путь: Трисквелин, СК: Устройства трансляции

От: Сандорская Разведка при Зоопарке [Известная военная корпорация Верхнего Края. Если это маска, кому-то грозит опасность]

Тема: Видео от Погибели, ответ от Хансе

Ключевые фразы: Границы Погибели; Погибель что-то ищет

Рассылка: Группа «Угроза Погибели»

Группа «Отслеживание войн»

Группа «Автоматика тесной связи»

Дата: 11,94 дней от крушения Ретрансляторов.

Текст сообщения:

Погибель признает, что является Силой, осуществляющей телеуправление разумными существами в Крае. Но вспомним, насколько трудно осуществлять автоматику тесной связи при временных задержках более нескольких миллисекунд. Известная Сеть — превосходный тому пример: задержки варьируются

от пяти миллисекунд для систем, разделенных двумя световыми годами, до (как минимум) нескольких сот секунд, когда сообщение вынуждено проходить через промежуточные узлы. Это в сочетании с узостью полосы, доступной для связи на межзвездных расстояниях, превращает Известную Сеть в свободный форум обмена информацией и ложью. И эти ограничения *неотъемлемо присущи* природе Края, и именно они частично и делают невозможной существование в нем Сил.

Мы заключаем, что даже Погибель не может осуществить плотный контроль где бы то ни было, кроме Верхнего Края. Там, наверху, принадлежащие Погибели разумные существа являются буквально ее органами. В Среднем же Крае, по нашему мнению, ментальная «одержимость» возможна, но контролируемый разум должен пройти значительную предварительную обработку. Далее, для поддержки подобной связи требуется значительное внешнее оборудование (на этой глубине — достаточно громоздкое). Прямой контроль «миллисекунда в миллисекунду» в Среднем Крае практически невозможен. Битва на этом уровне требует использования иерархического управления. В долгосрочных операциях используются также запугивание, обман и предательство.

Таковы угрозы, которые должны осознать жители Среднего и Нижнего Края.

Таковы будут средства, применяемые Погибелью в Среднем и Нижнем Крае, и мы должны быть к этому готовы в ближайшем будущем. Мы не предвидим захвата империй, в этом нет выгоды. Даже разрушение Ретрансляторов было, возможно, просто побочным эффектом убийства, совершенного в Переходе. Самые большие трагедии произойдут в Вершине Края и Нижнем Переходе. Но мы знаем, что Погибель чего-то ищет; она проводила атаки на огромных расстояниях, и целью их были большие архивы. Остерегайтесь предателей и шпионов.

Даже от сообщений некоторых защитников человечества у Равны шел мороз по коже.

Шифр: 0
Получено: борт «Внеполосного»
Языковый путь: Трисквелин, СК: Устройства трансляции
От: Хансе
Тема: Видео от Погибели, заявление Союза Обороны
Ключевые фразы: Теория смертельной расы

Рассылка: Группа «Угроза Погибели»
Группа «Отслеживание войн»
Группа «Изучение Хомо сапиенс»
Дата: 18,29 дней от крушения Ретрансляторов
Текст сообщения:

В нашем архиве есть образцы из человеческих миров. Подробный анализ в архиве группы «Изучение Хомо сапиенс». Мое заключение: более ранний (но менее обширный) анализ физиологии/психологии людей вполне правилен. Данная раса *не содержит* встроенных структур для поддержки дистанционного управления. Эксперименты с живыми субъектами не показали особых наклонностей к подчинению. Мною не найдено никаких признаков искусственной оптимизации. (Есть признаки хирургии на уровне ДНК для повышения резистентности к болезням; работа датируется примерно две тысячи лет до настоящего времени. Кровь образцов из царства Страум содержит группу оптигенов, Тиролт [дешевый медицинский рецепт, которым может быть настроен почти для любого млекопитающего вида].) Эта раса, судя по представленным у меня образцам, прибыла из Медленной Зоны совсем недавно и, возможно, из единственного мира-источника.

Проводил ли кто-нибудь подобные испытания на более отдаленных людских мирах?

Шифр: 0
Получено: борт «Внеполосного»
Языковый путь: Бэлореск — Трисквелин, СК: Устройства трансляции
От: Союз Обороны [Объявляет себя союзом пяти многовидовых империй в Крае ниже страумского царства. До крушения Царства неизвестен]
Тема: Видео от Погибели, статья Хансе 1
Рассылка: Группа «Угроза Погибели»
Группа «Отслеживание войн»
Группа «Изучение Хомо сапиенс»
Дата: 19,43 дней от крушения Ретрансляторов.
Текст сообщения:

Кто этот Хансе? Он тут гундит свои возражения и предлагает исследовать образцы людей, но собственную свою природу скрывает. Не давайте себя одурачить рассказами людей о са-

мих себе! У нас нет способа изучать создания, живущие в царстве Страум, — их защитник об этом позаботился.

Истребить заразу!

И был маленький мальчик, пойманный на дне колодца. Случались дни, когда связь была невозможна. В другие дни, когда антенна «Внеполосного» смотрела в нужном направлении и условия зоны позволяли, Равна слышала его корабль. Но и тогда сигнал был так слаб и так искажен, что эффективная скорость обмена была всего несколько бит в секунду.

Джефри и его проблема могли бы оказаться лишь крохотным примечанием к истории Погибели (и даже меньше того, потому что никто о нем не знал), но для Равны Бергнсдот разговоры с ним были единственным светлым моментом ее теперешней жизни.

Мальчик был одинок, но теперь, думала она, уже не так одинок. Она узнала о его друге Амди, о суровом Тиратекте, героическом господине Булате, о гордом народе Стальных Когтей. Равна улыбнулась про себя. На стенах ее каюты была плоская фреска с изображением джунглей. Глубоко во влажной мгле лежали ровные тени — замок, построенный в корнях гигантского мангрового дерева. Фреска была знаменитой, оригинал был создан две тысячи лет назад. И показаны на ней были времена еще более древние — Темные Века Ньоры. В детстве они с сестрой Линн воображали, как их перенесло бы в те времена. А маленький Джефри попал в те времена по-настоящему. Мясники Резчицы не были межзвездной угрозой, но для своих соседей были смертельной опасностью. Слава богу, что Джефри не видел самого убийства.

Это был настоящий средневековый мир. Суровый и непрощающий мир, хоть Джефри и попал в окружение народа с широким кругозором. И сравнение с Ньорой было только очень приблизительной аналогией; эти Стальные Когти обладали разумом стай, что удивило даже старого Грондра Вринимикалира.

А по письмам Джефри было видно, что народ Булата близок к панике:

Господин Булат снова меня спрашивал можем ли мы заставить наш корабль подлететь хоть немножко. Я не знаю. Я думаю мы почти разбиты. Нам нужны пушки. Они нас спасут хотя бы пока вы не прилитите. У них есть луки и стрелы как на Ньоре но ружей нет. Он меня просил вас спросить можете ли вы нас научить делать пушки?

Солдаты Резчицы вернутся, и на этот раз достаточными силами, чтобы сокрушить маленькое королевство Булата. Когда они думали, что «Внеполосный» доберется за сорок дней, это было не важно, но сейчас... Равна могла прилететь к оставленным Резчицей свежим трупам.

Ох, Фам, дорогой мой Фам. Если ты хоть когда-то был на самом деле, прошу тебя, вернись сейчас. Фам Нювен со средневековой Канберры. Фам Нювен, торговец из Медленной Зоны... Как бы поступил здесь человек вроде тебя? Не знаю.

21

Равна знала, что под напускным спокойствием Синяя Раковина волнуется не меньше ее. И даже хуже, потому что он был педантом. Каждый раз, когда Равна спрашивала его о том, как они продвигаются, он засыпал ее техническими деталями.

Наконец Равна не выдержала:

— Послушайте, там мальчик сидит на чем-то, что может взорвать Погибель, и все, что у него есть, — это луки и стрелы. Сколько нам еще времени лететь, Синяя Раковина?

Синяя Раковина стал нервно кататься по потолку взад и вперед. У наездников были реактивные двигатели, и они могли куда лучше передвигаться в невесомости, чем большинство людей. Но вместо этого они использовали липкие нашлепки и каталась по стенам. В определенном смысле это было мило. Сейчас это раздражало.

Но с ними хотя бы можно было говорить. Равна посмотрела на мостик, где сидел Фам Нювен с обращенным к главному дисплею лицом. Как обычно, все его внимание было поглощено медленно двигающимися звездами. Он был небрит, и рыжая борода ярко выделялась на коже, длинные нечесаные волосы висели спутанными прядями. Физически он уже оправился от всех ран. Корабельный хирург даже нарастил мышечную массу, место которой занимали приборы связи Старика. Фам теперь мог самостоятельно одеваться и есть, но все еще жил в мире своих снов.

Двое наездников обменялись щебетом, и на вопрос Равны ответила Зеленый Стебель:

— Честно говоря, мы не знаем сроков. Структура Края меняется по мере нашего спуска. Каждый прыжок занимает чуть больше времени, чем предыдущий.

— Это я знаю. Мы приближаемся к Медленной Зоне. Но корабль на это рассчитан, и экстраполировать это замедление не должно быть трудно.

Синяя Раковина опустил щупальце с потолка на пол. Он пообщался со своей подругой, и его голосовое устройство изобразило человеческий звук, выражающий озадаченность.

— В обычных обстоятельствах вы были бы правы, миледи Равна. Но сейчас особый случай. Во-первых, сами зоны, по всей видимости, сейчас дрейфуют.

— Что?

— Это не такая уж неслыханная вещь. Небольшие сдвиги происходят все время. Это основное назначение придонных люггеров: следить за изменениями. Нам не повезло, что мы попали в центр подобной неопределенности.

На самом деле Равна знала о том, что у Дна Края возмущения поверхности сильны. Но она не думала об этом в таких масштабных терминах, как «дрейф Зон», и не сознавала до сих пор, что они достаточно сильны, чтобы сильно изменить сроки полета.

— Ладно, и насколько это сильно? Насколько это нас замедлит?

— О боже мой! — Синяя Раковина переехал на дальнюю стену и теперь катался по звездному небу. — Как было бы хорошо быть малым наездником! Так много проблем приносит мое высокое призвание! Как хорошо было бы сейчас полоскаться глубоко в прибое, думая о старых воспоминаниях.

«Интересно о каких. О прежних днях в прибое?»

За него ответила Зеленый Стебель:

— Это не то, что «как высоко может достать прилив?» Это скорее: «Насколько сильной может стать буря?» Сейчас она хуже всего, что бывало в этом регионе за последние тысячелетия. Но мы следим за местными сводками, и почти все согласны, что шторм достиг максимума. Если нам не помешают другие проблемы, то долетим примерно за сто двадцать дней.

Другие проблемы.

Равна переместилась на середину мостика и пристегнулась к седлу.

— Вы говорите о повреждениях, которые мы получили у Ретрансляторов? Сломанные шипы гипердвигателей? Как они держат?

— По всей видимости, превосходно. Мы еще не пытались прыгать быстрее чем на восемьдесят процентов максимальной расчетной скорости. С другой стороны, у нас нет хороших средств диагностики. И вполне допустимо, что серьезное повреждение может обнаружиться в любой момент.

— Допустимо, но маловероятно, — добавила Зеленый Стебель.

Равна кивнула головой. Учитывая все обстоятельства, не было смысла волноваться из-за проблем, которые от них не зависели. Там, на Ретрансляторах, она рассчитывала на полет в течение тридцати или сорока дней. А теперь... мальчику на дне колодца придется проявлять храбрость довольно долго, как бы ни хотелось ему иного. Что ж, значит, время для плана «Б». Время для того, что мог бы предложить человек вроде Фама Нювена. Равна оттолкнулась от пола и устроилась рядом с Зеленым Стеблем.

— Хорошо, значит, мы можем рассчитывать в лучшем случае на сто двадцать дней. Если же дрейф Зон станет сильнее или если нам потребуется ремонт... — А где? Это может быть задержкой, но вряд ли непреодолимым препятствием. Перестроенный «Внеполосный» можно было отремонтировать даже в Нижнем Крае. — ...то даже и двести дней. — Равна посмотрела на Синюю Раковину, но он не стал вставлять свои уточнения и разъяснения. — Вы оба читали сообщения, которые шлет этот мальчик. Он говорит, что местный народ будет вот-вот завоеван, и, может быть, меньше чем за сто дней. Значит, мы как-то должны ему помочь — и еще до своего прибытия.

Зеленый Стебель пострекотала ветвями, что Равна восприняла как выражение озадаченности. Она оглянулась на Фама и чуть возвысила голос. «Ну, ты, ты же должен быть в этих вещах экспертом!» Но вслух она сказала:

— Вы, наездники, быть может, с этим не сталкивались, но эта проблема встречалась в Медленной Зоне миллион раз. Цивилизации там разделены годами, если не столетиями полета. И они впадают в темные века. Становятся такими же примитивными, как эти создания, Стальные Когти. Потом приходят гости извне. И они за короткое время восстанавливают технологию.

Фам не обернулся, изучая звездное небо.

Наездники чуть потрещали друг с другом, потом кто-то из них сказал:

— А чем это нам поможет? Разве восстановление цивилизации не занимает десятки лет? Кроме того, в мире Стальных Когтей нечего восстанавливать. Если верить этому ребенку, у этого мира нет прошлого. Сколько времени займет строительство цивилизации с нуля?

Равна отмела эти возражения жестом руки. «Не останавливайте меня, я уже разогналась».

— Не в этом дело. Мы с ними на связи. У нас на борту хорошая общая библиотека. Те, кто изобретают впервые, не знают дороги, они идут в темноте. Даже инженерам-археологам на Ньоре пришлось много изобретать заново. Но мы же все знаем про то, как строить самолеты и другие

машины, мы знаем тысячи подходов. — Оказавшись вдруг перед лицом необходимости, Равна почему-то вдруг была уверена, что они смогут. — Мы можем изучить все пути развития, обойти все тупики. Более того, мы можем найти самый быстрый путь от средневековья до нужных изобретений, до тех вещей, которые помогут друзьям Джефри отбить всех нападающих варваров.

Равна внезапно замолчала, с улыбкой глядя сначала на Зеленый Стебель и потом — на Синюю Раковину. Но молчаливые наездники — это самая бесстрастная аудитория во вселенной. Трудно даже было сказать, смотрят ли они на нее. После паузы Зеленый Стебель сказала:

— Да, понимаю. И повторные открытия — настолько обычные явления в Медленной Зоне, что большинство их уже вполне может быть в библиотеке корабля.

И вот тут это и случилось: Фам отвернулся от окна. Поглядел через палубу на Равну и наездников. И впервые со времени отлета с Ретрансляторов он заговорил. И более того, его слова не были бессмыслицей, хотя их не сразу удалось понять.

— Ружья и радио, — сказал он.

— А... да. — Равна смотрела на него, не отрываясь. «Придумай что-нибудь, чтобы заставить его сказать еще». — А почему именно это?

Фам Нювен пожал плечами:

— Это сработало на Канберре.

Тут заговорил этот проклятый Синяя Раковина, зачастил что-то насчет поиска в библиотеке. Фам посмотрел секунду с ничего не выражающим лицом, потом отвернулся обратно к звездам. Момент был упущен.

22

— Фам? — раздался у него за спиной голос Равны. Она осталась на мостике, когда наездники ушли выполнять те мелочи, которые были решены в предыдущем разговоре.

Фам не ответил, и она, подождав, обошла вокруг него и заслонила звездный дисплей. Почти автоматически он поднял глаза к ее лицу.

— Спасибо, что ты с нами заговорил. Ты нам нужен сейчас, как никогда.

Все-таки еще было видно много звезд. Они были вокруг Равны и все так же двигались. Равна чуть склонила голову.

— Мы можем помочь...

Он снова не ответил. Что вообще заставило его заговорить? И вдруг, сам удивившись, он произнес:

— Мертвому ты не поможешь.

Наверное, как и движение глаз, речь была рефлекторной.

— Ты не мертвый. Ты такой же живой, как я.

И тут из него хлынули слова, сколько их не было за всю дорогу от Ретрансляторов.

— Верно. Иллюзия самосознания. Счастливый автомат, работающий под тривиальной программой. Тебе этого не понять — я имею в виду изнутри. А вот снаружи, с точки зрения Старика...

Он отвернулся, чувствуя головокружение от двойного взгляда — на нее и на звезды.

Равна придвинулась ближе, их лица разделяли сантиметры. Она свободно парила в воздухе, только одной ногой цепляясь за пол.

— Милый мой Фам, ты ошибаешься. Ты бывал у Дна, бывал на Вершине, но никогда посередине. Иллюзия самосознания? Да это же общее место любой философии в Крае. Есть у этой концепции приятные следствия, есть и пугающие. Тебе известны только последние. А ты подумай: ведь эта иллюзия должна быть не менее применима к Силам.

— Нет. Он мог создавать такие устройства, как ты и я.

— Быть или не быть мертвым — это вопрос выбора, Фам. — Равна протянула руку и провела ладонью по его плечу и руке. Он видел измененную, как всегда при нулевой гравитации, перспективу: «низ» свернулся куда-то в сторону, и он смотрел на нее вверх. Вдруг он ощутил свою всклокоченную бороду, плавающие в воздухе спутанные волосы. Глядя вверх на Равну, он вспомнил все, что о ней думал. Там, на Ретрансляторах, она казалась ему яркой,

пусть не умнее его, но уж не глупее большинства конкурентов из Кенг Хо. Но были и другие воспоминания — какой ее видел Старик. И как обычно, Его воспоминания ошеломляли. Как обычно, их почти невозможно было разобрать. Даже Его эмоции трудно было интерпретировать. Но он видел Равну... в каком-то смысле как любимую собачку. Старик видел ее насквозь. Равна Бергсндот была очень мало доступна манипулированию. Старика этот факт радовал — а может быть, забавлял? Но за всеми ее разговорами и возражениями Он видел много... может быть, подходит человеческое слово «доброта». Старик желал ей добра. *Под конец он даже пытался помочь.* Какое-то наитие мелькнуло и проскользнуло, Фам не успел его уловить. А Равна опять говорила:

— То, что случилось с тобой, Фам, достаточно ужасно, но это случалось и с другими. Я о таком читала. Даже Силы не бессмертны. Иногда они сражаются друг с другом, и некоторые из них погибают. Иногда они совершают самоубийства. Есть звездная система, которая в истории получила название Рок Богов: миллион лет назад она была в Переходе. Ее посетила группа Сил. Потом был прилив Зоны, и система вдруг оказалась на световые годы в глубине Края. Это был самый большой прилив, зарегистрированный в истории. У сил на Роке Богов не было даже шанса на спасение. Они все погибли — от некоторых остались только ржавые руины, другие деградировали до уровня умов обыкновенных людей.

— Ч-чем они потом стали?

Равна минуту помолчала, взяв его руку в свои.

— Можешь посмотреть в архивах. Смысл в том, что такое бывает. Для жертв это конец света. Но с нашей точки зрения, с человеческой... Ну, Фаму Нювену как человеку повезло. Зеленый Стебель говорит, что крушение связей со Стариком не вызвало грубых органических повреждений. Может быть, тонкие повреждения есть. Иногда такие остатки разрушают сами себя.

Фам ощутил, что у него из глаз текут слезы. И знал, что его омертвелость частично была просто горем из-за Его собственной смерти.

— Тонкие повреждения! — Он тряхнул головой, и слезы поплыли в воздух. — У меня голова набита Им, Его памятью.

Памятью? Эта память господствовала над всем остальным. Он даже не мог ее понять. Не мог понять деталей. Он не мог понять эмоций, если не делать бессодержательных упрощений — радость, смех, удивление, страх и холодностальная решимость. И он потерялся в этих воспоминаниях, как кретин в кафедральном соборе. Не понимая, а только ползая перед иконами.

Равна повернулась вокруг их сцепленных рук, как вокруг оси. Ее колено мягко стукнулось о его ногу.

— Ты все еще человек, и у тебя есть собственная... — Ее голос пресекся, когда она встретила его взгляд.

— Моя собственная память. — Рассеянные обрывки, случайно попадающиеся среди неразборчивого: вот он, пятилетний, сидит на соломе в большом зале, опасаясь появления взрослых, — отпрыски королевской крови в грязи играть не должны. Через десять лет, когда они с Синди первый раз любили друг друга. Еще через год — первая увиденная им летательная машина — орбитальный паром, приземлившийся на отцовском поле для парадов. Десятилетия в космосе. — Да, Кенг Хо. Фам Нювен, величайший торговец Медленной Зоны. Все эти воспоминания со мной. И насколько я знаю, это все ложь Старика, послеобеденная выдумка, чтобы обдурить Ретрансляторов.

Равна прикусила губу, но ничего не сказала. Она была слишком честна, чтобы лгать, даже сейчас.

Он протянул руку и отвел волосы с ее лица.

— Я помню, что ты это тоже говорила, Рав. Не переживай: так или иначе я бы уже это заподозрил.

— Да, — тихо сказала она. Теперь она смотрела ему прямо в глаза. — Но вот что я тебе хочу сказать, как человек человеку: теперь ты человек. И действительно могла когда-то быть Кенг Хо, и ты мог быть в точности тем, кого ты помнишь. И каково бы ни было прошлое, ты можешь стать великим в будущем.

Какое-то призрачное эхо прошуршало в мозгу, больше из памяти, чем из разума. Он заглянул ей в глаза. «Она любит тебя, идиот!» И он почти засмеялся.

Фам Нювен обнял Равну, крепко притянув к себе. Она была такой реальной! Он ощутил, как ее нога скользнула между его бедрами. Он смеялся. Как посылка от самого сердца, бездумный рефлекс, возвращающий ум к жизни. Так глупо, так тривиально, но...

— Я хочу, я хочу вернуться. — Слова вылетали, перемежаясь всхлипываниями. — Во мне сейчас столько всякого, столько такого, чего я не могу понять. Я в собственной голове заблудился.

Она ничего не отвечала, может быть, просто не понимая его речи. Один миг он ничего вообще не воспринимал, кроме ощущения Равны у себя в руках, обнимающей его в ответ. «О Господи, как я хочу вернуться!»

Заниматься этим на мостике звездолета — такого Равна раньше никогда не делала. Но у нее и своего звездолета никогда раньше не было. *Да, его не зря прозвали придонным люггером.* Увлекшийся Фам потерял привязь. Они парили в воздухе, иногда налетая на стены, на сброшенную одежду, вплывая в капли слез. Много прошло минут, и их головы оказались в сантиметре от пола, а тела выгнулись под углом к потолку. Равна едва осознавала, что ее трусы развеваются, как флаг, зацепившись за лодыжку. Этот приступ любви был не совсем такой, как описывается в романах. Во-первых, в свободном полете не на что опереться. Во-вторых...

Фам чуть отодвинулся, ослабив хватку на ее спине. Она отвела рыжие волосы с его лица и посмотрела в покрасневшие глаза.

— Знаешь, — сказал он трясущимся голосом, — я никогда не знал, что могу так кричать, что лицо потом болит.

Она улыбнулась:

— Значит, ты был заколдован.

Она выгнулась у него в руках, нежно притянув его ближе. Они несколько минут парили в молчании, тела их отдыхали в изгибах друг друга, ничего, кроме друг друга, не чувствуя.

— Спасибо, Равна.

— ...всегда пожалуйста. — Ее голос был сонно-серьезен, и она обняла его крепче. Непонятно, чем он для нее

был — чем-то пугающим, чем-то чарующим, чем-то раздражающим. А что-то она даже не хотела признать сама перед собой — до этой минуты. Впервые с момента крушения Ретрансляторов она почувствовала надежду. Глупая физическая реакция, может быть... а может быть, и нет. Здесь, в ее руках, мужчина, который не уступит любому герою приключенческих книг, и более того — человек, который был частью Силы.

— Фам... как ты думаешь, что там случилось на Ретрансляторах? Зачем убили Старика?

Смешок Фама не показался ей деланным, но руки его вокруг ее тела напряглись.

— Ты меня спрашиваешь? Я же тогда умирал, вспомни... Нет, не так. Это Старик, Он тогда умирал. — Фам на минуту замолчал. Мостик медленно поворачивался вокруг них, молча двигались дальние звезды. — Мое божеское естество страдало от боли, это я помню. Он был в отчаянии, в панике... Но перед тем, как умереть, Он пытался для меня что-то сделать. — Голос Фама стал тише, он углубился в воспоминания. — Да. Это было как будто я — дешевый чемодан, и Он набивает меня всем барахлом, которое еще можно вывезти. Вроде как десять килограммов в девятикилограммовый мешок. Он знал, что мне это больно — в конце концов, я же был частью Его, — но это было не важно. — Фам дернулся в ее объятиях, его лицо снова стало диковатым. — Я не садист, и он вряд ли им был, но...

Равна покачала головой:

— Я... я думаю, он переводил себя в тебя.

Фам секунду помолчал, пытаясь это осмыслить.

— В этом нет смысла. Во мне *места* не хватит на сверхчеловека.

Страх и надежда гонялись друг за другом по сужающимся кругам.

— Нет, подожди. Ты прав. Даже если бы умирающая сила считала реинкарнацию возможной, в нормальном мозгу нет места столько сохранить. Но Старик пытался сделать что-то другое. Помнишь, как я молила его помочь нам в этом полете в сторону Дна?

— Да. Я — то есть Он — вам сочувствовал, как зверькам, которые попались какому-то новому хищнику. Он даже

не думал, что Отклонение может быть опасно и для него, пока не...

— Верно. Пока не оказался под атакой. И это было полным сюрпризом для Сил — что Отклонение оказалось большим, чем проблемой для недоразвитых умов. И тогда Старик действительно попытался помочь. Он вбил в тебя все планы и автоматику. И вбил так много, что ты чуть не умер, так много, что ты в этом не можешь разобраться. Я о таких случаях читала в прикладной теологии... — «Не больше фактов, чем легенд». — Это называется «Богошок».

— Богошок? — Фам заинтересовался этим словом. — Какое странное название. Я помню Его панический страх. Но если Он действительно делал то, что ты говоришь, почему Он мне просто не *сказал?* И если я набит добрыми советами, то почему все, что я вижу внутри себя... — взгляд его стал чуть похож на тот, что был пару дней назад... — это тьма. Темные статуи с резкими краями, они толпятся во тьме.

Снова наступило долгое молчание. Но теперь Равна почти физически ощущала, что Фам думает. Его руки крепко сжались, подергиваясь, иногда по телу проходила дрожь.

— Да. Многое сходится. Большую часть я все равно не понимаю и никогда не пойму. Старик к концу открыл что-то верное. — Его руки снова сжались, и он зарылся лицом в ее шею. — Это было очень... очень личное, то убийство, что совершило над ним Отклонение. И даже умирая, Старик это понял. — Снова молчание. — Отклонение — это нечто очень древнее, Равна. Ему, быть может, миллиарды лет. Угроза, которую Старик мог вообразить только теоретически, пока она Его не убила. Но...

Минута. Вторая. Фам молчал.

— Да ты не волнуйся, Фам. Дай ему время созреть.

— Ага. — Фам отодвинулся, чтобы видеть ее лицо. — Но одно я теперь знаю: Старик сделал это не без причины. Мы не гонимся за призраком. Есть что-то там, у Дна, на этом корабле страумеров, что было, по мнению Старика, важно.

Он провел ладонью по ее лицу, и улыбка его была грустна, а не радостна.

— Но разве ты не понимаешь, Равна? Если ты права, сегодня я больше человек, чем буду уже когда-нибудь. Я полон того, что нагрузил в меня Старик, этого богошока. Большую часть этого я никогда не пойму сознательно, но если все пойдет, как задумано, то это когда-нибудь взорвется. Я стану Его телеуправляемым устройством, Его роботом возле Дна.

«Только не это!» Но Равна заставила себя пожать плечами.

— Может быть. Но ты — человек, и мы делаем одно дело... и я тебя не оставлю и не отпущу.

Равна знала, что в библиотеке корабля есть технология «Резкого старта». Но оказалось, что эта тема — серьезная академическая дисциплина. Кроме десятков тысяч примеров, были программы настройки на специфические обстоятельства и куча теорий довольно скучного вида. Хотя в Крае «проблема повторного открытия» была тривиальной, в Медленной Зоне случались практически любые комбинации событий. Цивилизации там не могли существовать более нескольких тысяч лет. Иногда их коллапс бывал резким — несколько десятилетий после глобальной войны или отравления атмосферы. Другие загоняли себя назад в средневековье. И разумеется, большинство рас заканчивали самоистреблением, по крайней мере в пределах одной солнечной системы. Те, кто себя не истребил (и даже некоторые из тех, кто истребил), начинали трудное восхождение к потерянным высотам.

Изучение этих вариаций носило имя «Прикладная история технологии». К обоюдному сожалению как ученых, так и цивилизаций в Медленной Зоне, настоящее прикладное значение теория имела редко: события в описываемых примерах к моменту, когда становились известны в Крае, устаревали на столетия, и мало кто из исследователей желал вести полевые работы в Медленной Зоне, где поиск места для эксперимента и его проведения мог отнять существенную часть жизни. Как бы там ни было, а для миллионов университетских факультетов эта дисциплина была приятным хобби. Одной из любимых игр был поиск скорейшего пути от данного уровня технологии до наивысше-

го возможного в Медленной Зоне. Приходилось учитывать множество деталей, включая сюда уровень примитивности, количество остаточных научных познаний (или терпимости) и физическую природу расы. Теории историков воплощались в программах, у которых на входе были факты о состоянии цивилизации и желательных результатах, а на выходе — действия, ведущие к этим результатам скорейшим путем.

На третий день все четверо собрались на мостике «Внеполосного». *И на этот раз мы говорим все четверо.*

— Итак, мы должны решить, какие приспособления для стрельбы, могущие спасти Королевство Скрытого Острова...

— ...и такие, которые «господин Булат» может сделать меньше чем за сто дней, — перебил Синяя Раковина. Он последние два дня возился с программами развития цивилизаций в библиотеке «Внеполосного».

— Я все же говорю: пушки и радио, — заявил Фам.

«Огневая мощь и связь». Равна улыбнулась Фаму. Одних его человеческих воспоминаний хватило бы, чтобы спасти детей в мире Стальных Когтей. Он больше не говорил о планах Старика. Планы Старика... В представлении Равны они были как судьба, хорошая или дурная, но сейчас неизвестная. *И даже судьбу можно перехитрить.*

— Что ты об этом думаешь, Синяя Раковина? — спросила она. — Радио — это то ли, что они могут сделать быстро, начав с нуля? На Ньоре радио появилось почти одновременно с первыми спутниками — и чуть ли не столетие ушло на его возрождение.

— Разумеется, миледи Равна. Есть простые вещи, которые невозможно заметить, пока не будет достигнут очень высокий уровень технологий. Например, квантово-торзионные антенны можно построить из серебряных и кобальтово-стальных конструкций, если правильно подобрать геометрию. К несчастью, поиск этой геометрии требует больших теоретических знаний и умения решать огромные системы уравнений в частных производных. Очень много цивилизаций в Медленной Зоне так и не открыли этот принцип.

— Все это хорошо, — заметил Фам. — Но остаются проблемы перевода. Джефри, может быть, и слышал слово «кобальт». Но как он опишет его тем, кто не имеет о нем понятия? Без знания их мира мы не сможем даже сказать, как искать кобальтовую руду.

— Да, это сильно нас замедлит, — признал Синяя Раковина, — но программа это учитывает. Кажется, господин Булат имеет понятие об эксперименте. Мы дадим ему набор экспериментов на основе предполагаемых руд и соответствующих химических анализов.

— Это не все так просто, — возразила Зеленый Стебель. — Некоторые из этих химических анализов требуют разветвленного набора тестов. И есть еще эксперименты на испытание токсичности. О биологии этих стайных созданий мы знаем меньше, чем обычно бывает при работе с этой программой.

Фам улыбнулся:

— Надеюсь, этим существам свойственна благодарность. Я, например, никогда не слыхал о «квантово-торзионных антеннах». У этих Стальных Когтей будет такая аппаратура связи, которой никогда не было у Кенг Хо.

Но такой подарок можно было сделать. Вопрос был в том, успеет ли это спасти Джефри и его корабль от резчиков? Все четверо гоняли программу снова и снова. Но очень уж мало они знали о самих стайных существах. Казалось, что королевство Скрытого Острова отличалось большой гибкостью. *Если* они проявят добрую волю и настойчивость в выполнении указаний и *если* им повезет найти в окрестности критически важные материалы, то, кажется, они смогут сделать в ограниченном количестве огнестрельное оружие и устройства радиосвязи в пределах ста дней. С другой стороны, если стаи Скрытого Острова уйдут по неблагоприятным ветвям дерева поиска, это все может растянуться на годы.

Равне трудно было смириться с простым фактом: что бы они четверо ни делали, спасение Джефри от резчиков все равно остается делом случая. Ох-ох-ох. В конце концов она выбрала лучший из планов, который им удалось выработать, перевела его на самнорский и отослала вниз.

23

Булат всегда восхищался военной архитектурой. Теперь он сам приписал к ней новую главу, построив замок, защищенный не только по периметру, но и с воздуха. Сейчас этот угловатый «корабль на сваях» был известен по всему континенту. Еще не пройдет лето, как появятся армии противника, чтобы отобрать — или хотя бы разрушить — попавший к нему приз. Что гораздо опаснее — появятся Звездные Люди. Он должен быть готов.

Теперь Булат инспектировал работы каждый день. Каменная кладка, сменяющая ограду, с южной стороны была уже готова. Со стороны утеса, откуда открывался вид на весь Скрытый Остров, его новое логово было почти готово... «Уже давно готово», — пробурчала какая-то его часть. Да, надо перебираться туда, его безопасность на Скрытом Острове быстро становится иллюзорной. Холм Звездолета уже стал центром Движения — и это не было голой пропагандой. То, что посольства Свежевателя за границей называли «оракул Холма Звездолета», — это было больше, чем мог выдумать самый разнузданный лжец. Кто стоит возле этого оракула, тот и будет в конце концов править, каким бы умным ни был Булат во всем остальном. Он уже перевел или казнил нескольких служителей — те стаи, которые, казалось, *чуть* больше, чем нужно, подружились с Амдиджефри.

Холм Звездолета! Когда чужаки здесь сели, тут был только вереск и скалы. После зимы остались ограда и деревянный навес. Теперь же конструкция превращалась в замок, в корону, жемчужиной в которой был звездолет. Скоро этот холм будет столицей острова и мира. А потом... Булат поглядел в глубокую голубизну неба. Ключ к расширению его владычества — в нужных словах, которые придется сказать пришельцам, в очень специальной архитектуре замка. *Хватит мечтать!*

Властитель Булат собрался и спустился с новой стены по свежевырезанным каменным ступеням. Двадцать акров двора были в основном покрыты грязью. Она холодила лапы, но с дорожек, по которым ходили рабочие, снег сгреб-

ли. Весна наступала стремительно, и солнце ощутимо грело, несмотря на холодный воздух. Видно было на много миль вокруг, через весь Скрытый Остров и далеко в океан и вдоль изрезанного фиордами берега. Булат поднялся последние сто ярдов по холму и подошел к кораблю. Охранники шли с обеих сторон от него, а Теневик прикрывал тыл. Места хватало, и рабочим не приходилось пятиться в сторону, так что Булат отдал приказ: пусть никто не останавливается из-за его присутствия. Частично это было нужно для поддержания своего образа в глазах Амдиджефри, а частично потому, что крепость скоро понадобится Движению. Вот насколько скоро — этот вопрос его и грыз.

Булат смотрел во все стороны, но внимание его было сосредоточено там, где и должно было быть — на работах. Двор был усыпан кучами тесаного камня и штабелями бревен. Земля уже оттаивала, и потому рылись фундаменты под внутренние стены. Туда, где земля была еще твердая, саперы Булата заливали кипяток. Из скважин шел пар, закрывая лебедки и землекопов. На стройке было шумно, как на поле битвы: скрипели лебедки, стучали по грязи лопаты, десятники командовали рабочими. И тесно было так же, как в ближнем бою, хотя и далеко не столь хаотично.

Булат наблюдал за стаей-землекопом на дне одной из траншей. В ней было тридцать элементов, сдвинувшихся так плотно, что они касались плечами. Это была огромная свора, но ничего похожего на оргию не наблюдалось. Еще до работ Резчика гильдии фабричных и строительных рабочих проделывали подобное, и тридцатка внизу вряд ли была умнее средней тройки. Передний ряд из десяти элементов взмахивал в унисон кирками, постепенно вгрызаясь в стену грязи. Когда головы и кирки задирались до самого верха, следующие десять кидались вперед и отгребали только что выкинутую землю и камни. Третий ряд выкидывал грязь из ямы. Организация такой работы требовала четкого согласования по времени, поскольку грязь и камни не были однородны, но это вполне было в пределах умственных способностей стаи. Они могут работать так часами, каждые несколько минут меняя порядок рядов. В прошлые годы гильдии ревностно оберегали секрет каждой такой слиянной стаи. После работы команда распада-

лась на обычные разумные стаи, и каждая шла домой с приличной платой в карманах. Резчик улучшил эти старые приемы гильдий, но существенное усовершенствование внес Свежеватель (фактически одолжил у тропического коллектива). Зачем давать стае распадаться после смены? И рабочие команды Свежевателя оставались вместе неопределенно долго, втиснутые в столь малые бараки, что отдельные стаи не могли восстановить свой разум. Это работало отлично. После года или двух и соответствующей отбраковки такие команды превращались в тупые создания, которые вряд ли уже хотели бы разделиться.

Минуту Булат смотрел, как в новую яму кладется тесаный камень и закрепляется на своем месте известью. Потом он кивнул дежурному белокурточнику и пошел дальше. Скважины фундамента продолжались до стен, окруживших звездолет. Это была самая искусная конструкция, та часть, которая превратит замок в красивую западню. Еще чуть-чуть информации от Амдиджефри — и он будет точно знать, что строить.

Дверь к отсеку звездолета была открыта, и у проема сидел спина к спине белокурточник. Охранник услышал шум на секунду раньше Булата: двое из его элементов сломали строй и заглянули в отсек. Почти сразу донеслись высокие крики, за ними — трубный боевой клич. Белые куртки сорвался со ступеней и побежал вокруг здания. Булат с охранниками отстал от него ненамного.

Перед траншеей фундамента на дальней стороне корабля он резко затормозил. Непосредственная причина переполоха была очевидна. Три стаи белых курток притащили говорителя рабочей команды на допрос. Отделив его от других, они лупили его рукоятками плетей. На таком расстоянии вопли мысли были почти такими же громкими, как голосовой крик. Остальные элементы землекопной команды вылезали из траншеи, строясь в нормальные стаи и атакуя белокурточников кирками. Как могло все так перепутаться? Можно было предположить. Эти внутренние фундаменты должны были содержать самые секретные туннели всего замка и еще более секретные приспособления, которые он планировал применить против двуногих. Конечно, все рабочие, занятые на столь секретных объектах,

должны были быть ликвидированы по окончанию работ. И как они ни были глупы, могли догадаться о своей судьбе.

В других обстоятельствах Булат бы просто отступил назад и стал бы наблюдать. Подобные неудачи могут давать серьезные наводящие соображения, помогать определить слабости подчиненных, слишком глупых (или слишком умных) для предназначенной им работы. Но сейчас было другое дело. Амди и Джефри были на борту звездолета. Через деревянные стены их было не видно, и наверняка их охраняли другие белокурточники, но... даже когда Булат прыгнул вперед, выкрикивая команды слугам, его глядящий назад элемент увидел выходящего из отсека Джефри. Двое щенят сидели у него на плечах, остальные из Амди шныряли вокруг его ног.

— Назад! — гаркнул Булат на плохом самнорском. — Назад! Опасность!

Амди остановился, но Двуногий шел дальше. Двое солдат брызнули с его пути. Они выполняли приказ: *никогда* не касаться чужака. Еще секунда — и погибнет тщательная работа целого года. Еще секунда — и Булат потеряет целый мир, и все из-за глупости и невезения.

Но пока его задние элементы кричали Двуногому, передние вспрыгнули на штабель камня. Булат показал на вылезающего из траншеи землекопа:

— *Убить нарушителей!*

Личная охрана сомкнулась вокруг него, а Теневик и несколько солдат рванулись вперед. Сознание Булата поплыло в кровавом шуме. Это не было управляемой дракой, как в экспериментальных подземельях Скрытого Острова. Здесь во всех направлениях летала слепая смерть: стрелы, копья, кирки. Элементы землекопной команды метались и орали. У них не было ни единого шанса на спасение, но они многих прихватили с собой на тот свет.

Булат отпрянул от свалки поближе к Джефри. Двуногий все еще бежал к нему. Один спятивший элемент землекопной команды, одна шальная стрела — и Двуногий погибнет, погубив своей смертью все. Никогда в жизни Булат не испытывал такого страха за чужую жизнь. Он подбежал к человеку, окружив его со всех сторон. Двуногий упал на колени и схватил Булата за одну из шей. Только выработ-

танное всей жизнью самообладание дало Булату силы удержаться и не полоснуть зубами в ответ. Чужак не нападал, он «обнимал».

Землекопная команда была почти полностью мертва, и Теневик достаточно отогнал уцелевших элементов, чтобы они не представляли более опасности. Амди сбился в кучу, съежившись под шумом мысли, но все еще крича что-то Джефри. Булат пытался отцепить человека от себя, но Джефри цеплялся за все шеи по очереди, иногда за две сразу, издавая булькающие звуки, которые не были похожи на самнорские слова. Булат дрожал. *Не выдавать отвращения.* Человек его не распознал бы, но Амди мог. Джефри уже устраивал такое и раньше, и Булат этим пользовался, хотя это стоило ему дорого. Детеныш богомола нуждается в физическом контакте, и это было основой отношения между Амди и Джефри. Такое же доверие должно было возникнуть от позволения этому существу касаться Булата. Он провел головой и шеей по спине богомола, как делали родители со щенятами в подземных лабораториях. Джефри обнял его крепче и провел своими длинными разветвленными лапами по спине Булата. Если отбросить отвращение, это было очень странное ощущение. Обычно столь тесный контакт с другим разумным существом возникал лишь в бою или в половом сношении — и в любом случае места для нормальных мыслей при этом не оставалось. А этот человек — это существо — реагировало явно разумно, но без малейшего следа шума мысли. Одновременно можно было и думать, и чувствовать. Булат прикусил губу, стараясь унять дрожь. Это было... это было как секс с трупом.

Наконец Джефри отступил назад, поднял руку и что-то очень быстро сказал, и Амди тут же перевел:

— Властитель Булат, вы ранены! Смотрите, вот кровь.

На лапе человека было красное пятно. Булат оглядел себя. Да, царапина на одном крестце. Он даже не почувствовал ее в горячке. Отступив от богомола, Булат сказал Амди:

— Это ерунда. Вы с Джефри невредимы?

Дети затарахтели друг с другом — Булат почти ничего не понял.

— С нами ничего не случилось. Спасибо, что вы нас защитили.

Быстрота мысли — это качество было врезано в Булата ножами Свежевателя.

— Да. Но такого не должно было быть. Резчики замаскировались под рабочих. Я полагаю, они много дней выжидали, когда представится шанс напасть на вас. Когда мы заподозрили обман, было уже почти поздно. Вам следовало остаться внутри, когда вы услышали шум боя.

Амди пристыжено повесил головы и перевел Джефри слова Булата.

— Мы просим прощения. Мы всполошились, а потом... мы боялись, что вас могут ранить.

Булат издал несколько утешительных звуков. В то же время двое его элементов оглядывали сцену бойни. Где эти белокурточники, которые оставили лестницу в самом начале? Эта стая горько поплатится... И тут его мысли оборвались — он заметил Тиратект. Фрагмент Свежевателя смотрел из зала собраний. Теперь Булат понял, что тот наблюдал с самого начала битвы. Для других его поза могла показаться бесстрастной, но Булат видел угрюмое веселье в выражении тел Фрагмента. Булат коротко кивнул ему, но в душе съежился: он был на грани поражения — и Свежеватель это видел.

— Ладно, доставим вас обратно на Скрытый Остров. — Он подал сигнал охране, которая вышла из-за звездолета.

— Только не сейчас, Властитель Булат! — взмолился Амди. — Мы только что пришли. И очень скоро должен быть ответ от Равны.

Зубы Булата скрипнули, но так, чтобы дети не видели.

— Хорошо, оставайтесь. Но будьте теперь поосторожнее, ладно?

— Да! — Амди перевел человеку ответ Булата. Булат встал ногами на плечи одного элемента и потрепал Джефри по голове.

Потом Булат и Теневик отвели детей обратно в отсек. Пока они не скрылись из виду, он стоял и смотрел с выражением гордости и любви. Потом повернулся и пошел через порозовевшую грязь. Где тут этот идиот в белых куртках?

Зал собраний на Холме Звездолета был маленьким и временным сооружением. Он вполне годился для защиты

от зимнего холода, но при совещании более чем трех стай превращался в сумасшедший дом. Булат протопал мимо Фрагмента Свежевателя и собрался на чердаке, откуда открывался лучший вид на строительные работы. Выдержав вежливую паузу, Тиратект вошла и влезла на чердак напротив.

Но весь этот декорум был предназначен для глядящих с земли стай. Через зал до Булата донесся тихий шипящий смех Свежевателя, такой, что только Булат мог услышать.

— Дорогой мой Булат. Иногда я сомневаюсь, действительно ли ты мой ученик, или подменыш, подкинутый после моего отбытия. Ты *нарочно* хочешь все разрушить?

Булат полыхнул на него взглядом. Он был уверен, что его поза никак не выдает той неловкости, которую он ощущал в душе.

— Бывают несчастные случаи. Виновные будут отбракованы.

— Верно. Но похоже, что таков твой ответ на *все* проблемы. Если бы ты не был так увлечен ликвидацией землекопных команд, они могли бы и не взбунтоваться... и у тебя было бы одним «несчастным случаем» меньше.

— Прокол был в том, что они догадались. Ликвидации подобного рода при строительстве военных сооружений необходимы.

— Да? Ты действительно думаешь, что мне пришлось убить всех, кто построил залы под Скрытым Островом?

— Как? Вы хотите сказать, что не... а как же?

— Подумай, Булат. В качестве упражнения.

Булат разложил на столе свои записки и притворился, что их изучает. Потом все его элементы подняли глаза на другую стаю.

— Тиратект! Я почитаю тебя, поскольку в тебе Свежеватель. Но помни: ты живешь, пока я это терплю. Ты — не «Свежеватель-В-Ожидании».

Эти сведения пришли поздней осенью, но пока зима еще не закрыла перевал на Ледяных Клыках: стаи, несущие остальные части Хозяина, не выбрались из Чаши Парламента. Свежеватель в его полноте ушел навсегда. Для Булата это было неописуемым облегчением, и после этого Фрагмент стал куда сговорчивей.

— Никто из моих лейтенантов и глазом не моргнет, если я убью тебя полностью — даже элементы Свежевателя.

«И я это сделаю, если ты меня заставишь, клянусь, я это сделаю».

— Разумеется, дорогой мой Булат. Ты здесь командуешь.

На миг проявился страх другого. «Помни, — подумал про себя Булат, — всегда помни: это только фрагмент Хозяина. Остальное — это маленькая школьная учительница, а не Великий Учитель С Ножом». Да, сейчас над стаей доминируют два элемента Свежевателя. Дух Хозяина присутствовал в комнате, но смягченный. Стаей Тиратект можно было управлять, и мощь Хозяина служила Булату.

— Вот и хорошо, — спокойно сказал Булат. — Пока ты это понимаешь, ты можешь приносить Движению великую пользу. В частности... — он пошуршал бумагами, — я хочу обсудить с тобой ситуацию с Посещением.

«Мне нужен совет».

— Слушаю.

— Мы убедили «Равну», что ее драгоценному Джефри грозит неминуемая опасность. Амдиджефри сообщил ей обо всех нападениях резчиков, и теперь мы опасаемся сокрушительного штурма.

— И он и в самом деле может случиться.

— Да. Резчица и в самом деле планирует нападение, и у нее есть свой источник «магической» помощи. У нас же есть нечто куда лучше. — Он похлопал по бумагам; сведения, которые приходили с начала зимы. Он вспомнил, как Амдиджефри принес первые страницы, страницы числовых таблиц, вычерченных аккуратной, но детской рукой. Булат с Фрагментом дни тогда проводили над ними, пытаясь разобраться. Некоторые названия были очевидны. Рецепты Гостя требовали золота и серебра столько, что хватило бы на финансирование войны. Но что такое «жидкое серебро»? Тиратект это вспомнила — Хозяин использовал его в лабораториях Республики. В конце концов они достали указанное количество. Но для многих ингредиентов были указаны лишь методы их создания. Булат помнил, как возился с ними Фрагмент, планируя действия против природы, будто это был очередной противник. Мистические рецепты были полны выражений вроде «рог кальмара»

или «замороженный лунный свет». А иногда указания от Равны звучали еще более странно. Были указания внутри указаний, долгие обходные пути испытания обычных материалов, чтобы решить, которые из них действительно подходят для великого плана. Построение, испытание, построение. Очень было похоже на методы самого Хозяина, но без тупиков.

Кое-что приобрело смысл на ранних стадиях. У них будут порох и пушки, которые Резчица считала своим секретным оружием. Но многое было по-прежнему непонятным — и легче не становилось.

Булат с Фрагментом работали весь остаток дня, планируя новые эксперименты, решая, где искать ингредиенты, указанные Равной.

Тиратект откинулась назад, испустив довольных вздох.

— Этап строится за этапом. И скоро у нас будут «радиостанции». У старухи Резчицы нет ни одного шанса, ты прав, Булат. Имея это в руках, ты сможешь править миром. Представь себе, что это значит — немедленно узнавать все, что творится в Столице Республики, и иметь возможность командовать армиями на основе этого знания. Движение станет Разумом Бога. — Это был старый лозунг, и сейчас он мог стать правдой. — Я приветствую тебя, Булат. Твоя хватка достойна лидера Движения. — Это, что ли, презрение скользнуло в улыбке Учителя? — «Радио» и «пушки» бросят мир к нашим ногам. Но ведь это только крошки со стола Гостей. Когда они прибывают?

— Через сто — сто двадцать дней, считая от сегодняшнего. Равна снова пересматривает сроки. Очевидно, даже у Двуногих есть проблемы с межзвездными перелетами.

— И это время, которое у нас есть, чтобы насладиться триумфом Движения. А потом мы превращаемся в ничто, хуже дикарей. Может быть, дешевле будет воздержаться от подарков и убедить Гостей, что спасать здесь нечего.

Булат выглянул сквозь горизонтально прорезанные в бревнах бойницы. Отсюда была видна часть отсека для звездолета и фундаменты замка, а дальше за островами простиралась страна фиордов. Вдруг Булат почувствовал себя таким уверенным, умиротворенным, каким давно уже не был.

— Ты в самом деле не понимаешь, Тиратект? Интересно, понял бы это полный Хозяин, или я его все же превзошел? Поначалу у нас не было выбора. Звездолет сам по себе посылал Равне какой-то сигнал. Мы могли его сломать, и, быть может, Равна потеряла бы интерес... — *А может быть, и нет, и тогда Булата поймали бы за жабры, как рыбу из ручья.* — Может быть, я выбрал больший риск, но если я выиграю, приз будет куда больше, чем ты можешь себе представить. — Фрагмент смотрел на Булата, склонив головы. — Я изучил этих «людей», Джефри и — через моих шпионов — того, который у резчиков. Может быть, их раса и старше нашей, и они так многому научились, что кажутся всемогущими. Но их раса имеет дефекты. Будучи синглетами, они настолько ограничены в возможностях, что нам даже трудно себе это представить. Если я смогу использовать их слабость...

Ты же знаешь, что средний шипастый заботится о щенятах. Мы часто манипулировали родительскими чувствами. Вообрази же теперь, каково это у людей. Для них один щенок — это уже целый ребенок. Подумай, какой рычаг дает это нам.

— Ты всерьез ставишь на это? Равна даже не родитель Джефри.

Булат раздраженно отмахнулся.

— Ты не видел всех переводов Амди. — Простодушный Амди, идеальный шпион. — Но ты прав, спасение одного ребенка — не главная цель этого Посещения. Я пытался выяснить истинный мотив. Здесь примерно сто пятьдесят детей в каком-то смертном оцепенении, засунутых в гробы внутри корабля. Гости отчаянно хотят спасти этих детей, но есть еще что-то, чего они хотят. Они никогда об этом не говорят ясно... Но я думаю, это механизмы самого корабля.

— По всему, что мы знаем, выходит, что эти дети — зародыши, часть плана вторжения.

Это был старый страх, и после наблюдения над Амдиджефри Булат не считал его хоть сколько-нибудь вероятным. Могли быть другие ловушки, но...

— Если Гости нам лгут, то мы ничего не можем сделать для победы. Мы будем преследуемой дичью. Может быть,

через поколения мы узнаем все их фокусы, но для *нас* это будет конец. С другой стороны, у нас есть основания верить, что Двуногие слабы и что, каковы бы ни были их цели, нас они прямо не касаются. Ты был здесь в день приземления куда ближе, чем я. Ты видел, как легко было их перебить, хотя корабль их неприступен, а каждое их оружие может противостоять целой армии. Ясно, что они не рассматривают нас как угрозу. Как бы ни были могущественны их инструменты, предмет их страха где-то в другом месте. А в звездолете есть что-то, что им нужно.

Посмотри на фундаменты нашего нового замка, Тиратект. Я сказал Амдиджефри, что их назначение — защитить корабль от Резчицы. И я это сделаю позже, летом, когда разобью Резчицу у его подножия. Но посмотри на фундаменты стен вокруг звездолета. Когда наши Гости прибудут, звездолет будет ими окружен. Я проверил его корпус. Его можно сломать — несколько тонн сброшенного сверху камня отлично его сомнет. Но Равне не надо волноваться — это все для защиты того приза, за которым она охотится. А рядом будет открытый двор, окруженный необычно высокими стенами. Я просил Джефри спросить Равну о том, что мне нужно. Этот двор будет достаточно велик, чтобы вместить корабль Равны, защитив и его.

Много еще предстоит сделать. Мы должны изготовить инструменты, которые описывает Равна. Мы должны организовать отречение Резчицы до прибытия Равны. Во всем этом мне нужна твоя помощь, и я рассчитываю ее получить. Наконец, если Гости окажутся вероломными, мы будем стоять до конца изо всех сил. А если нет... но я думаю, ты согласишься, что мой размах уж никак не меньше размаха моего учителя.

Впервые за все время Фрагмент Свежевателя не ответил.

Во всем владении Властителя Булата любимым местом Джефри и Амди была рубка управления корабля. Иногда Джефри здесь очень грустил, но сейчас хорошие воспоминания брали верх... и можно было надеяться на будущее. Амди был все так же поглощен дисплейными окнами — хоть теперь в них были видны только деревянные стены. Во время второго посещения они уже считали рубку своим

королевством, как древесный дом Джефри на далеком Страуме. И на самом деле кабина была слишком мала, чтобы вместить более одной стаи. Обычно элемент телохранителя сидел у входа в главный трюм, но даже это казалось обременительной обязанностью. Здесь было место, где с ними считались.

Несмотря на всю свою неугомонность, Амди и Джефри осознавали доверие, которым почтили их Властитель Булат и Равна. Эти двое детей могли носиться за дверями, сводя охранников с ума, но к оборудованию рубки относились с такой осторожностью, будто мама и папа Джефри все еще были здесь. В некотором смысле на корабле мало что осталось. Переносные компьютеры были уничтожены — родители Джефри вынесли их наружу перед нападением резчиков. За зиму господин Булат вынес почти все незакрепленные предметы для изучения. Гибернаторы стояли в безопасности холодных камер поблизости. Амдиджефри обследовал все боксы, заглянул в каждое знакомое лицо, проверил диагностические дисплеи. С момента нападения ни один из спящих не умер.

То, что осталось от корабля, было намертво закреплено на корпусе. Джефри показал приборные панели и статусные элементы, которые управляли ракетами контейнеровоза, и они с Амди тщательно держались от них подальше.

Стены были затянуты материей, закрепленной по приказу господина Булата. Багажа, спальных мешков и тренажеров соплеменников Джефри уже не было, но амортизационная паутина и закрепленная аппаратура остались. Амди месяцами сносил сюда бумагу, и ручки, и одеяла, и прочую ерунду. В рубке всегда был легкий ветерок от вентиляции.

Это было приятное место, странно-беззаботное, несмотря на все вызываемые им воспоминания. Здесь они спасут всех Стальных Когтей и всех спящих. И это было единственное место в мире, где Амдиджефри мог говорить с другим человеком. В определенном смысле средства разговора были такими же средневековыми, как замок Властителя Булата: единственный простой дисплей — без глубины, без цвета, даже без картинок. Единственное, что он умел показывать, — буквы и цифры. Но он был присоединен к ультраволновому коммуникатору корабля и был по-

прежнему запрограммирован следить за спасателями. Распознавателя голоса у этого дисплея не было, Джефри чуть не отчаялся, пока не понял, что нижняя часть экрана служит клавиатурой. Это была трудоемкая работа — вводить каждую букву каждого слова — хотя Амди очень здорово этому научился, стукая по клавишам двумя носами. А сейчас он даже умел читать по-самнорски лучше Джефри.

Амдиджефри проводил здесь много дней. Если оставалось сообщение от предыдущего дня, они выводили его страницу за страницей, и Амди его переписывал и переводил. После этого они вводили вопросы и ответы, которые говорил им господин Булат. Потом долго ждали. Даже если Равна на другом конце ожидала сообщения, на получение ответа уходило несколько часов. Но связь была сейчас куда лучше, чем зимой; они почти физически чувствовали приближение Равны. Неофициальные разговоры с ней часто бывали главным событием дня.

Но *этот* день оказался совсем другим. После нападения лже-рабочих Амдиджефри еще полчаса била дрожь. Господин Булат был ранен, защищая их. Может быть, теперь всюду было опасно. Амди и Джефри возились с внешними дисплеями, пытаясь выглянуть сквозь щели в бревнах.

— Если бы нам было видно наружу, мы могли бы предупредить господина Булата, — сказал Джефри.

— Надо его попросить сделать в стенах дырки. Мы тогда будем вроде часовых.

Они немного помусолили эту мысль, а потом стало приходить последнее сообщение с идущего на выручку корабля. Джефри прыгнул в амортизационную паутину возле дисплея. Тут всегда сидел папа, и места здесь хватало. Двое из Амди пристроились рядом. Еще один элемент вспрыгнул на подлокотник и обхватил лапами плечи Джефри. Его тонкая шея вытянулась поближе к экрану. Остальные завозились с ручками и бумагой. Очень легко было прокрутить сообщение обратно, но Амдиджефри слегка боялся смотреть, как оно становится «живым».

Сначала пошел стандартный заголовок — на тысячный раз это уже совсем не интересно, — а потом настоящие слова Равны. Только теперь это были табличные данные, что-то, что нужно для создания радио.

— Вот черт, опять цифры! — возмутился Джефри.

— Цифры?! — встрепенулся Амди.

Свободный элемент его забрался на колени мальчика, сунул нос в экран, перепроверяя то, что увидел другой элемент из-за плеча Джефри. Четверо на полу с увлечением царапали ручками по бумаге, переводя десятичные цифры с экрана в крестики, нолики, палочки и треугольники четверичной системы счисления Стальных Когтей. Джефри почти с самого начала знал, что Амди *очень* силен в математике. Но он не завидовал. Амди говорил, что мало кто из Стальных Когтей в ней понимает, а он, Амди, — особая стая. Джефри был горд таким другом. Маме и папе Амди бы понравился. И все-таки... Джефри вздохнул, устраиваясь в паутине поудобнее. Эти письма с цифрами шли все чаще и чаще. Однажды мама читала ему рассказ «Затерянные в Медленной Зоне» — как потерпевшие крушение исследователи космоса принесли цивилизацию в потерянную колонию. Там герои просто собрали нужные материалы и построили, что хотели. Там не было разговоров о точности, отношениях или проектах.

Он отвернулся от экрана и погладил двух из Амди, сидящих рядом с ним. Один из них дернулся у него под рукой. Их тела загудели ему в ответ. Глаза их были закрыты. Если бы Джефри не знал, он мог бы подумать, что они спят. Это были те элементы Амди, которыми он говорил.

— Что-нибудь интересное? — спросил Джефри после паузы. Тот, что был слева от него, открыл глаза.

— Равна нам объясняет про полосу частот. Если мы не сделаем все правильно, будем слышать только длинный и короткий писк.

— А, ладно. — Джефри знал, что вновь изобретенное радио сначала годится обычно только для кода Морзе. Кажется, Равна считает, что эту стадию можно миновать. — А как ты думаешь, как она выглядит, Равна?

— Чего? — Скрип перьев на минут смолк — Джефри завладел всем вниманием Амди, хоть они уже и раньше об этом говорили. — Ну, вроде тебя... только побольше и постарше?

— Ага, только... — Джефри знал, что Равна — с Сьяндры Кеи. Она взрослая, постарше Джоанны и помоложе

мамы. *Интересно, как же она выглядит?* — Понимаешь, она идет так издалека нам на выручку и чтобы закончить то, что хотели сделать мама с папой. Она наверняка замечательный человек.

Скрип снова приостановился, и письмо на дисплее проехало вперед. Придется возвращаться.

— Да, — сказал Амди, помолчав. — Она — она должна быть очень похожей на господина Булата. Хорошо будет встретиться с кем-то, с кем можно обняться, как ты с господином Булатом.

Джефри даже слегка обиделся.

— Но погоди, ты же можешь обнять меня!

Элементы Амди рядом с ним замурлыкали.

— Я знаю. Но я имею в виду кого-то взрослого... как родителя.

— А!

Примерно через час они перевели и проверили все таблицы. Пора было передавать последние вопросы господина Булата. Это было примерно четыре страницы, аккуратно переведенные Амди на самнорский. Обычно он любил и сам набивать текст и толпился около клавиатуры и дисплея. Сегодня он не рвался к этой работе. Лежа на коленях Джефри, он не обращал особого внимания на вводимый текст. Часто Джефри слышал, как у него что-то гудит в груди или подставка экрана начинала издавать странное гудение в резонанс неслышимым звукам, которыми обменивались элементы Амди. Джефри узнал признаки глубокой задумчивости.

Введя последнее сообщение, он добавил несколько вопросов от себя:

«Сколько лет вам и Фаму? Вы женаты? На что похожи наездники?»

День угасал в щелях стен. Скоро землекопные команды отложат кирки и пойдут в бараки на той стороне холма. На той стороне проливов башни Скрытого Острова закроет туман, как в волшебной сказке. С минуты на минуту белые куртки позовут Амди и Джефри ужинать.

Двое из Амди спрыгнули с амортизационной паутины и стали гоняться друг за другом вокруг кресла.

— Я придумал! Я придумал! Это радио — почему только для разговоров? Равна говорит, что звук — это просто разные частоты одного и того же. Но звук — это же то же самое, что мысль! Если мы изменим некоторые таблицы и сделаем передатчик и приемник у меня на мембране, я же смогу *думать* по радио!

— Ну, не знаю. — Полоса частот была привычным ограничением во многих обыденных работах, хотя Джефри имел о ней весьма неопределенное понятие. Он смотрел на последние таблицы, все еще оставшиеся на экране. Вдруг его осенила мысль, до которой не додумались бы многие взрослые с технической подготовкой. — Я пользуюсь этим каждый день, хотя не знаю в точности, как они работают. Мы можем выполнить, что тут сказано, но как мы узнаем, что менять?

Амди уже весь завелся, как бывало всегда, когда он делал великое открытие.

— Нет, нет! Мы не должны понимать все. — Еще трое из него спрыгнули на пол, он махнул пачкой листов в сторону Джефри. — Равна не знает точно, как мы производим звук. И в указаниях есть возможности для небольших изменений. Я думал. Я знаю, где сделать изменения. — Он остановился и издал высокий пискливый звук. — Проклятие! Я не могу этого точно объяснить. Но я думаю, что мы развернем таблицы и это изменит машину очевидным образом. А тогда... — Амди оказался весь рядом с Джефри и на миг замолчал. — Ой, Джефри, вот если бы ты тоже был стаей! Представь себе: по одному себя ставишь на вершины соседних гор и думаешь по радио. Мы могли бы быть такими большими, как мир!

И тут за дверьми рубки раздалось бульканье межстайной речи, а потом самнорские слова:

— Время обедать. Мы уходим, Амдиджефри. Понятно?

Это был господин Теневик — он довольно прилично говорил по-самнорски, хотя и не так хорошо, как господин Булат. Амдиджефри собрал раскиданные листки бумаги и тщательно рассовал их по карманам курток Амди. Они выключили питание дисплея и выползли в главный трюм.

— А ты думаешь, господин Булат позволит нам сделать изменения?

— Может быть, нам следует отослать их Равне тоже.

Элемент белых курток отошел от люка, и Амдиджефри слез по ступеням. Через минуту они уже стояли в косых лучах заходящего солнца. Но дети его почти не заметили — они были поглощены картиной, которую вообразил Амди.

24

Для Джоанны многое изменилось со смерти Описателя Джакерамафана. В основном к лучшему — то, что не случилось бы, не будь убийства... и это очень печалило Джоанну.

Она разрешила Резчице жить у себя в доме, заменив стаю помощника. Очевидно, что Резчица хотела этого с самого начала, но боялась приступов гнева человека. Теперь и компьютер тоже держали в доме. Вокруг никогда не было меньше четырех охранников из службы Хранителя, и шли разговоры о строительстве казарм для них.

С остальными Джоанна виделась на совещаниях или тогда, когда им был нужен компьютер. Тщательник, Хранитель, и Шрамозадый — «Странник» — все теперь бегло говорили по-самнорски настолько хорошо, что Джоанна теперь знала характеры этих нечеловеческих форм. Тщательник, суетливый и очень сообразительный. Хранитель, такой же надутый, каким казался Описатель, но без его живости и воображения. Странник Викрэкшрам. Каждый раз, когда она видела этого большого со шрамом, по спине пробегал холодок. Он всегда садился сзади, чтобы не выглядеть угрожающе. Странник, несомненно, знал, как действует на нее вид этого элемента, и старался ее не огорчать, но даже после смерти Описателя она могла эту стаю разве что терпеть... И в конце концов, в замке Резчицы могут быть предатели. Это всего лишь теория Хранителя, что убийство было совершенно налетчиками из-за стен. И Джоанна не сводила со Странника подозрительного взгляда.

По вечерам Резчица прогоняла другие стаи прочь. Она располагалась вокруг огня и задавала компьютеру вопросы, не имеющие видимой связи с битвой против свежева-

телей. Джоанна сидела рядом и пыталась объяснять то, чего Резчица не понимала. Это было странно. Резчица была вроде как королева этого народа. Она владела этим огромным (примитивным, неуютным, уродливым — но все-таки огромным) замком. У нее были десятки слуг. И все-таки большую часть каждого вечера она проводила в бревенчатом доме Джоанны и возилась с очагом и готовкой по крайней мере не меньше, чем та стая, которая была до нее.

И так вышло, что Резчица стала вторым другом Джоанны среди Стальных Когтей. (Первым был Описатель, хотя Джоанна не знала об этом, пока он не погиб.) Резчица была очень умной и очень странной. В некоторых отношениях Резчица была умнее всех, кого знала Джоанна, хотя эта мысль пришла не сразу. Ее не удивило, что Стальные Когти так легко выучили самнорский, — так всегда бывало в приключенческих книгах, а к тому же в компьютере была обучающая программа. Но вечер за вечером Джоанна смотрела, как Резчица играет с компьютером. Стая не проявляла интереса к военной тактике или химии, которая занимала их весь день. Вместо этого она читала о Медленной Зоне, и о Крае, и об истории царства Страум. Нелинейным чтением она овладела быстрее, чем все прочие. Иногда Джоанна просто сидела и смотрела поверх ее плеч. Экран делился на окна, и в главном из них информация менялась так быстро, что Джоанна не могла уследить. Раз десять в минуту Резчице могло попасться слово, которого она не знала. Чаще всего это бывало неизвестное самнорское слово — тогда она тыкала носом в непонятное слово, и его определение тут же возникало в окне словаря. Иногда это были новые понятия, и тогда другие окна уводили стаю в другие области — иногда всего на несколько секунд, иногда на долгие минуты, а иногда обходной путь становился новой главной дорогой. В каком-то смысле она была тем, кем Описатель только хотел быть.

Много раз у нее возникали вопросы, на которые у компьютера не было настоящих ответов. И они с Джоанной долго разговаривали по вечерам. На что похожа человеческая семья? Что хотело царство Страума создать в Верхней Лаборатории?

Джоанна больше не считала стаи бандой крыс со змеиными шеями. Далеко за полночь свет экрана компьютера становился ярче тусклых углей очага. Спины Резчицы окрашивались в радостные цвета. Стая собиралась вокруг Джоанны, глядя на нее вверх — почти как дети на учителя.

Но Резчица не была ребенком. Она с самого начала казалась очень старой. И в этих долгих ночных разговорах Джоанна многое узнала о Стальных Когтях. Стая говорила ей то, чего никогда не говорила днем. В основном это были вещи, для других Стальных Когтей очевидные, но никогда не упоминаемые. И человеческая девочка задумывалась, есть ли у Королевы Резчицы с кем поговорить по душам.

Физически стар был только один элемент Резчицы, два других были едва ли не щенята. Так выглядела стая, которой было уже полтысячи лет. И это проявлялось. Ценой бессмертия был инбридинг. Изначальные производители были здоровыми, но после шестисот лет... Один из младших элементов все время пускал слюни, у его пасти все время приходилось держать платок. У другого глаза были молочно-белыми там, где должны были быть темно-карими. Резчица говорила, что он слеп, как стена, но зато здоров и ее лучший говоритель. Самый старый элемент был заметно дряхл, он все время тяжело дышал. К сожалению, говорила Резчица, он самый живо реагирующий и с наилучшим воображением. Когда он умрет...

Один раз присмотревшись, Джоанна стала замечать слабости во всей Резчице. Даже два самых здоровых элемента, сильных и с плюшевым мехом, ходили несколько странно по сравнению с нормальными элементами стай. Деформация позвоночника? Эти двое также набирали лишний вес, что не улучшало походку.

Все это Джоанна узнала не сразу. Резчица рассказывала ей о разных делах Стальных Когтей, и постепенно выплывала и ее собственная история. Казалось, она рада, что есть кому ее рассказать, но жалости к себе Джоанна в ней не заметила. Резчица выбрала этот путь — хоть некоторым он казался извращением — и продержалась против всех шансов дольше, чем любая стая в письменной истории. Если она о чем и жалела, то лишь о том, что везение кончилось.

* * *

Архитектура народа Стальных Когтей тяготела к крайностям — гротескно огромная или слишком тесная для человека. Зал совета Резчицы был среди верхних крайностей — уютным местечком его трудно было назвать. В этой чашеобразной полости можно было собрать человек триста, и тесно им бы не было. По верхнему краю стены шли отдельные балконы, на которых можно было бы разместить еще сотню.

Джоанна достаточно часто бывала здесь раньше; в основном здесь и велась работа с компьютером. Обычно при этом была она сама, Резчица и кто-нибудь, кому нужна была информация. Сегодня все было по-другому — вообще без консультации с компьютером — Джоанна впервые встречалась с советом. В Высшем Совете было двенадцать стай, и все они присутствовали. На каждом балконе стояло по стае, и еще три на полу. Джоанна достаточно знала о Стальных Когтях, чтобы понимать, что это с виду пустое место забито до отказа. Стоял шум мысли пятнадцати стай. Даже при всей звукопоглощающей обивке у нее иногда гудело в голове или руки чувствовали дрожь перил.

Она стояла на самом большом балконе вместе с Резчицей. Когда они прибыли, Хранитель уже раскладывал схемы на полу. Когда все стаи совета поднялись на ноги, он посмотрел на них и что-то сказал Резчице. Королева ответила по-самнорски:

— Я знаю, что так будет медленнее, но, возможно, это лучше.

И она издала звук человеческого смеха.

На балконе сверху стоял Странник Викрэкшрам, как будто он был членом совета. Странно. Джоанна еще не поняла почему, но Шрамозадый казался одним из фаворитов Резчицы.

— Странник, будешь переводить для Джоанны?

Странник закивал несколькими головами.

— Тебя это устроит, Джоанна?

Девочка слегка замялась, но кивнула. Это имело смысл. После Резчицы лучше всех по-самнорски говорил Странник.

Когда Резчица села, она взяла компьютер у Джоанны и открыла его. Джоанна взглянула на экран. *Она сделала запи-*

си! Но не успела Джоанна удивиться, как королева заговорила вновь — на этот раз булькающей межстайной речью. Почти сразу же Странник начал переводить:

— Прошу всех сесть. Сесть. Здесь и без того достаточно тесно.

Джоанна чуть не улыбнулась. Странник Викрэкшрам отлично переводил. Он даже в совершенстве подражал человеческой речи Резчицы. Даже ироническую авторитетность ее речи он смог передать.

После серии шаркающих звуков на каждом балконе остались видны одна-две головы. Теперь почти весь шум мысли будет глохнуть в обивке балконов или поглощаться занавесями, свисающими по стенам комнаты.

— Хранитель, ты можешь продолжать.

Хранитель стоял на полу и смотрел во все стороны. Он начал свою речь:

— Благодарю вас, — звучал перевод, имитирующий теперь интонации начальника тайной стражи. — Резчица просила меня собрать этот совет в связи с развитием событий на севере. Наши источники сообщают, что Булат укрепляет район, где стоит корабль Джоанны.

Кто-то перебил его бульканьем. Тщательник?

— Это уже не новость. Мы же для этого и создаем пушку и порох.

Хранитель ответил:

— Да, эти планы нам уже некоторое время известны. Тем не менее дата завершения работ передвинута ближе, и стены будут сделаны намного толще, чем мы предполагали. Также есть основания предполагать, что одно здание уже закончено. Булат намеревается разобрать корабль и распределить его груз по лабораториям.

Для Джоанны эти слова прозвучали как удар под дых. Раньше у них был шанс: в тяжелой битве отбить корабль. Она могла бы завершить миссию родителей, может быть, даже спастись самой.

Странник что-то булькнул от себя и тут же перевел:

— А когда новый срок?

— Они уверены, что смогут закончить главные стены в течение десяти декад.

Резчица склонила пару носов к клавиатуре и что-то записала. Одновременно с этим она выставила голову за ограждение и посмотрела на начальника службы безопасности.

— Я и раньше замечала, что Булат склонен к излишнему оптимизму. Есть у вас объективные оценки?

— Да. Стены будут возведены в срок от восьми до одиннадцати декад.

— Мы рассчитывали минимум на пятнадцать. Это ответ на наш план?

Внизу на полу Хранитель собрал себя плотнее.

— Это было наше первое подозрение, Ваше Величество. Но... как вы знаете... у нас есть несколько очень специальных источников информации, которые мы не должны обсуждать даже здесь.

— Ну и хвастун. Иногда мне кажется, что он вообще ни черта не знает. Ни разу не видел, чтобы он *свои* задницы вытащил в поле.

Джоанна не сразу поняла, что это комментарий Странника. Она выглянула через перила. Были видны три головы Странника, и две из них смотрели в ее сторону. Выражение на них Джоанна распознала как глупую улыбку. Кажется, никто больше на этот комментарий не отреагировал — очевидно, Странник умел направлять перевод только на Джоанну. Она полыхнула на него взглядом, и он продолжал перевод по протоколу:

— Булат знает, что мы планируем нападение, но о нашем оружии он не знает. Это изменение планов должно быть следствием чистой подозрительности. К сожалению, это худший для нас вариант.

Трое советников заговорили одновременно.

— Много громких жалоб, — подвел итог Странник. — Много «Я знал, что из этого плана ничего не выйдет» и «Зачем мы вообще решили нападать на свежевателей?».

Сидящая рядом с Джоанной Резчица испустила пронзительный свист. Гвалт рассыпался и затих.

— Кое-кто здесь потерял храбрость. Мы согласились напасть на Скрытый Остров, потому что он — смертельная угроза, которую, как мы считали, мы можем уничтожить

пушками Джоанны и которая уничтожит нас, если Булат научится пользоваться звездолетом.

Один из элементов Резчицы потерся носом о ногу Джоанны.

Направленный голос Странника хмыкнул у нее в ухе.

— И еще небольшое дельце насчет доставить тебя домой и установить контакт со звездами, но это она не может сказать вслух этим «практичным» типам. Если ты сама не догадалась, то одна из причин твоего присутствия здесь — напомнить этим оболтусам, что на небе есть больше, чем им даже может присниться.

И он дальше переводил слова Резчицы:

— Ошибка будет не в том, чтобы предпринять эту кампанию: уклонение от нее столь же смертельно, сколь ее проигрыш. Итак... есть ли у нас шанс вовремя доставить на побережье эффективную армию? — Она ткнула носом в сторону балкона на противоположной стене. — Тщательник! Прошу быть кратким.

— Это последнее, что он может... ой, прошу прощения.

Тщательник выставил еще пару голов.

— Я обсуждал это с Хранителем, Ваше Величество. Мобилизация армии, переход к побережью — все это можно сделать куда раньше, чем за десять декад. Проблема — это пушка и обучение стай работе с нею. Это мои особые обязанности.

Резчица вставила короткую реплику.

— Да, Ваше Величество. У нас есть порох. Он в точности настолько мощен, насколько обещал Компьютер. Гораздо больше трудностей со стволами пушек. До последнего времени металл казенника трескался при охлаждении. Теперь, мне кажется, это удалось исправить. По крайней мере два безупречных ствола у меня есть. Я рассчитывал на несколько декад на испытания...

— ...но сейчас мы этого себе позволить не можем, — перебила Резчица. Она полностью была на ногах и глядела на всю комнату. — Я хочу немедленного проведения полных испытаний. Если они пройдут успешно, мы начнем делать стволы со всей возможной скоростью.

А если нет...

* * *

Через два дня...

Самое смешное — Тщательник ожидал, что Джоанна перед испытанием осмотрит ствол. Стая возбужденно разгуливала вокруг испытательного стенда, давая неуклюжие объяснения на самнорском. Джоанна ходила вслед за ним, серьезно хмурясь. В нескольких метрах от них, в основном скрытые уступом, за этим упражнением смотрели Резчица и ее Высший Совет. Да, эта штука *выглядела* как настоящая. Ее поставили на небольшую тележку, которая могла откатываться по куче грязи под действием отдачи. Сам ствол был цельнометаллической отливкой длины примерно метр и отверстием в десять сантиметров. Порох и ядро закладывали спереди. Поджигали порох через узкий канал в казенной части.

Джоанна провела рукой по стволу. Свинцовая поверхность была неровной, и казалось, что в металл вплавлены зернышки грязи. Даже стенки канала не были полностью гладкими — а интересно, это важно? Тщательник рассказывал, как использовал при отливке солому, чтобы металл при охлаждении не растрескивался. Надоел.

— Надо сначала испробовать ее с малым количеством пороха, — сказала Джоанна.

Голос Тщательника стал заговорщицким и более направленным.

— Строго между нами, я это сделал. Прошло отлично. Теперь — главное испытание.

Хмм. Все-таки ты не совсем трепач.

Джоанна улыбнулась ближайшему его элементу, у которого на голове совсем не было черной шерсти. Чем-то Тщательник был похож на ученых из Верхней Лаборатории.

Тщательник отступил от пушки и громко спросил:

— Можно продолжать? — Два его элемента нервно смотрели в сторону членов Высшего Совета.

— Что ж, по-моему, все выглядит отлично. — Как и должно было быть: конструкция была скопирована с ньоранской модели в исторических файлах Джоанны. — Но будьте осторожны — если взорвется, могут погибнуть стоящие рядом.

— Да-да.

Получив ее официальное разрешение, Тщательник рассыпался вокруг изделия и прогнал Джоанну за черту. Пока она шла к Резчице, он продолжал говорить на языке стай, явно продолжая объяснения.

— Как ты думаешь, получится? — тихо спросила Резчица. Она казалась еще дряхлее обычного. Ее элементы разлеглись на плетеном коврике за уступом, и почти все они спокойно лежали, положив голову между лапами. Слепой, казалось, спал. Молодой и слюнявый уткнулся ему в бок, нервно подергиваясь. Странник Викрэкшрам был, как всегда, рядом, но сейчас он не переводил. Все его внимание сосредоточилось на Тщательнике.

Джоанна подумала о соломе, которую Тщательник использовал в отливках. Народ Резчицы очень старался, но... Джоанна тряхнула головой.

— Я... кто знает?

Она встала на колени и выглянула из-за уступа. Все это было как картинка циркового представления из файла по истории. Были дрессированные звери и пушка. Даже цирковая палатка была: Хранитель настаивал на максимальном скрытии операции от возможных шпионов с холмов. Что-то враг, быть может, и увидит, но чем меньше он будет знать подробностей, тем лучше.

Стая Тщательника крутилась возле пушки, все время что-то говоря. Двое из него притащили кружку черного пороха и стали заталкивать его в ствол. За порохом последовал пыж из шелковой бумаги. Затолкав ее на место, Тщательник зарядил пушку ядром. Тем временем остальные его элементы разворачивали тележку, чтобы пушка смотрела из палатки.

Они находились с лесной стороны замкового двора, между старыми и новыми стенами. Сквозь низко висящие облака и дымку дождя были видны зеленые пятна склона холма. А старая стена была метрах в ста. Это была та самая полоса камня, где убили Описателя. Даже если эта чертова пушка и не взорвется, никто понятия не имел, как далеко долетит ядро. Джоанна была готова поспорить, что оно даже до стены не достанет.

Тщательник теперь собрался по эту сторону пушки, стараясь зажечь длинную лучину. Джоанна с сосущим чувством в животе вдруг поняла, что эта штука сработать не может. Они все дураки и любители, и она вместе с ними. *И сейчас этот бедняга погибнет ни за что.*

Джоанна вскочила на ноги. *Это надо остановить!* Но что-то схватило ее за ногу и потянуло вниз. Это был один из элементов Резчицы, один из толстых, которые не умели толком говорить.

— Мы должны попытаться, — мягко сказала стая.

Тщательник уже зажег лучину. Вдруг он перестал разговаривать. Все его элементы, кроме белоголового, бросились под защиту укрытия. Сначала это казалось каким-то странным приступом трусости, но потом Джоанна поняла. Ведь человек, работающий со взрывчатым веществом, тоже старается защитить свое тело — кроме той руки, которая держит спичку. Тщательник рисковал увечьем, но не жизнью.

Белоголовый оглянулся на остальные элементы Тщательника. Он был не столько взволнован, сколько внимательно слушал. На таком расстоянии он не мог быть частью разума Тщательника, но эта тварь была умнее любой собаки — и очевидно, получила какие-то указания от группы остальных.

Белоголовый повернулся и подошел к пушке. Последние несколько метров он прополз на брюхе, укрываясь, как мог, за грязью позади тележки, на которой пушка стояла. Он поднес лучину к стволу и медленно наклонил ее в сторону запального канала. Джоанна нырнула за бруствер...

Взрыв прозвучал резким хлопком. Резчица вздрогнула всеми телами и издала свист боли. Такой же свист послышался всюду вокруг навеса. Бедняга Тщательник! У Джоанны выступили слезы. *Я должна посмотреть, я тоже за это отвечаю.* Она медленно встала и заставила себя оглядеть поле, где минуту назад стояла пушка, — и она оказалась на месте! С обоих ее концов шел густой дым, но ствол остался цел. И более того: белоголовый тоже шатался, оглушенный, возле пушки, и его белая шерсть стала черной от сажи.

К нему бежали остальные элементы Тщательника. Они все пятеро стали прыгать вокруг пушки, наскакивая в вос-

торге друг другу на плечи. Долгую минуту все остальные только смотрели. Пушка не развалилась. Канонир остался цел. Ах да... Джоанна посмотрела поверх пушки на склон холма: на верхушке старой стены осталась метровой ширины зазубрина, которой раньше не было. Да, Хранителю придется потрудиться, скрывая от шпионов *такое!*

Глухое молчание сменилось таким шумом, которого Джоанна в жизни не слышала. Было, кроме обычного бульканья, еще и шипение на самом пороге слышимости. На другой стороне навеса двое шипастых, которых она не знала, врезались друг в друга, и одно мгновение безумного восторга они были огромной стаей из девяти или десяти элементов.

Но мы же еще не отбили корабль!

Джоанна повернулась и обняла Резчицу. Но королева не ликовала вместе с остальными. Она сдвинула все головы вместе и дрожала.

— Резчица?

Джоанна погладила шею одного из больших, толстых. Он отдернулся, и тело его свело судорогой.

Удар? Сердечный приступ? Почему-то всплыли эти названия убийственных болезней старых времен. А может ли такое случиться со стаей? Происходило что-то ужасное, и никто этого не замечал. Джоанна снова вскочила и заорала:

— Странник!

Через пять минут Резчицу вытащили из-под навеса. Там по-прежнему творилась сумасшедшая суета, но для ушей Джоанны это была мертвая тишина. Она помогла положить королеву в ее экипаж, но после этого ее уже близко не подпускали. Даже Странник, вчера еще так охотно переводивший, только от нее отмахивался.

— Все будет хорошо, — бросил он на ходу, забегая вперед повозки и хватая под уздцы этих, как они там называются. И карета поехала дальше в окружении нескольких стай-охранников. Как-то мгновенно Джоанна снова увидела странность мира стай. Явно происходило что-то срочное. Возможно, умирала личность. Народ суетился во все стороны. И все же... Стаи были сами по себе. Никто не подходил близко. Никто никого не мог коснуться.

Но этот миг прошел, и Джоанна уже выбегала из-под навеса вслед за каретой. Она старалась не отстать на раскисшей тропе, и это ей почти удалось. Все вокруг было мокрым, холодным, серым, как ружейный металл. Все так настаивали на испытании — а что, если это был очередной коварный ход Свежевателя? Джоанна споткнулась и упала на колени в грязь. Карета свернула за угол, на мостовую и скрылась из глаз. Джоанна встала и пошла по мокрой тропе дальше, но теперь чуть медленнее. Она ничего, совсем ничего не могла сделать. Она подружилась с Описателем, и его убили. Она подружилась с Резчицей, и вот теперь...

Джоанна шла по мощеной улице между кладовыми замка. Карета скрылась из виду, но слышен был стук ее колес по камням. По обеим сторонам от нее шли стаи-охранники из службы Хранителя, иногда прячась в ниши, чтобы пропустить встречных. На ее вопросы никто не отвечал — может быть, никто из них не говорил по-самнорски.

Джоанна чуть не заблудилась. Карета была еще слышна, но она куда-то свернула. Теперь стук ее колес слышался позади. Они везли Резчицу домой к Джоанне! Она повернула обратно и пошла вверх по холму к двухэтажному дому, которые делила с Резчицей последние недели. Джоанна уже слишком выдохлась, чтобы бежать. Поэтому она медленно брела по склону, почти не замечая, как промокла и замерзла. Карета стояла метрах в пяти от двери. Стаи охранников растянулись по холму, но луки не натянули.

Полуденное солнце нашло брешь в облаках и на миг озарило мокрый вереск и блеснувшие бревна, ярко засветившиеся на фоне темного неба над холмами. Такая игра света и темноты всегда казалась Джоанне особенно красивой. *Только бы с ней ничего плохого не случилось.*

Охранники ее пропустили. Вокруг входа расположился Странник Викрэкшрам, три его элемента следили, как подходит Джоанна. Четвертый, Шрамозадый, просунул длинную шею в дверь, глядя, что творится внутри.

— Она хотела быть здесь, когда это случится, — пояснил он.

— Ч-что случится? — спросила Джоанна со страхом.

Странник сделал жест, эквивалентный пожатию плечами.

— Это был шок от выстрела пушки. Но это могло случиться от чего угодно.

Как-то странно мотались в воздухе его головы. Джоанна вдруг поняла — и ее это потрясло, — что стая *улыбается*, не в силах сдержать радости.

— Я хочу ее видеть! — Джоанна бросилась вперед.

Шрамозадый поспешно освободил ей дорогу.

Внутренность дома была освещена только открытой дверью и щелями окон под потолком, и Джоанне пришлось подождать, пока глаза привыкнут. Пахло чем-то... влажным. Резчица лежала кольцом на матрасах, на которых всегда лежала по вечерам. Джоанна подошла к стае и встала на колени. От ее прикосновения стая нервно вздрогнула и отодвинулась. В середине кольца матрасов была кровь и что-то, похожее на клубок внутренностей. Джоанна почувствовала, что ее может стошнить.

— Резчица? — тихо позвала она.

Один из элементов Резчицы пододвинулся к девочке и ткнулся мордой ей в ладонь.

— Здравствуй, Джоанна. Как это странно... когда кто-то с тобой... в такую минуту.

— У тебя кровь. Что случилось?

Тихий человеческий смех.

— Мне больно, но это хорошо... вот, смотри.

Слепой держал в челюстях что-то маленькое и мокрое. Один из остальных это вылизывал. Что бы это ни было, но оно шевелилось, оно было живым. И Джоанна вспомнила, какими неуклюжими были последнее время части Резчицы.

— Ребенок?!

— Да. И через день-другой будет еще один.

Джоанна плюхнулась на доски пола, закрыв руками лицо. Она готова была снова заплакать.

— Почему же ты мне не сказала?

Резчица ответила не сразу. Она облизала малыша с головы до ног и положила под живот элемента, который, наверное, был его матерью. Новорожденный прижался потеснее, тыкаясь носом в густой мех. Если он и издавал какие-то звуки, Джоанна их не слышала. Наконец королева сказала:

— Я не знала, смогу ли тебе объяснить. Мне... мне это было трудно.

— Трудно иметь детей?

Руки Джоанны были липкими от залившей подстилку крови. Конечно, это должно быть трудно, но ведь только так и может начинаться жизнь в мире, подобном этому. Это была боль, которая требовала поддержки друзей, боль, которая вела к радости.

— Нет, иметь детей нетрудно. Я на своей памяти родила больше сотни... Но эти два... это мой конец. Как я могу дать тебе понять? У вас, людей, нет выбора — продолжать жизнь или нет; ваши отпрыски никогда не будут вами. Но для меня это конец жизни длиной в шестьсот лет. Понимаешь, я собираюсь сохранить этих двоих как часть меня самой... и впервые за столетия я не буду им одновременно матерью и отцом. Я стану новой.

Джоанна поглядела на слепого и на слюнявого. Шестьсот лет инцеста. Сколько еще могла бы протянуть Резчица, пока не начал бы угасать сам ее ум? «Не буду одновременно матерью и отцом».

— А кто же тогда отец? — вырвалось у нее.

— Как ты думаешь? — Этот голос донесся из-за двери. Одна из голов Странника Викрэкшрама просунулась в дверь так, что был виден ее глаз. — Когда Резчица принимает решение, она не останавливается на полпути. Она была самой строго сберегаемой душой всю свою жизнь. Но теперь в ней есть кровь — Компьютер сказал бы «гены» — от стай со всего мира, от одного из самых чокнутых странников, кто когда-либо бросал душу на ветер.

— И от одного из самых умных, — добавила Резчица голосом одновременно насмешливым и присвистывающим от боли. — Новая душа будет уж точно не глупее предыдущей и куда более гибкая.

— А я сам тоже немножко беременный, — добавил Странник. — Но мне это ну ни капельки не грустно. Слишком долго я был четверным. И к тому же вообрази: иметь щенков от самой Резчицы! Может быть, я стану солидным и где-нибудь осяду.

— Ха! Даже двоих от меня не хватит усмирить твою бродяжью душу.

Джоанна слушала. Сами идеи были такими чуждыми, но интонации и юмор были очень знакомы. Откуда-то... и вдруг она вспомнила. Когда ей было пять лет, мама с папой принесли домой маленького Джефри. Слов их Джоанна не помнила, даже смысла их не помнила, но тон — тон был тот же, что сейчас у Резчицы и Странника.

Джоанна снова села, и напряжение этого длинного дня отпустило ее. Артиллерия Тщательника действовала, был шанс отбить звездолет. И даже если нет... у нее появилось чувство, что она немножко дома.

— А м-можно погладить твоего щенка?

25

Путешествие «Внеполосного» началось с катастрофы, где разницу между жизнью и смертью решали часы и минуты. В первые недели полета был ужас и одиночество и попытки воскресить Фама. «Внеполосный» быстро падал к плоскости Галактики, уходя от Ретрансляторов. День за днем звездный завиток выпрямлялся им навстречу, пока не стал сплошной полосой света, Млечным Путем, каким он виден с Ньоры и Старой Земли — и с большинства обитаемых планет Галактики.

Двадцать тысяч световых лет за три недели. Но это был путь через Средний Край. Теперь, в галактической плоскости, они все еще были в нескольких тысячах световых лет от Дна Края. Границы Зон проходили примерно по уровню поверхностей, отвечающих одинаковой плотности материи. В галактических масштабах Дно было расплывчатой поверхностью, имеющей форму линзы, окружающей большую часть галактического диска. «Внеполосный» двигался теперь в плоскости этого диска, более или менее в сторону центра Галактики. Каждую неделю они подходили все ближе к Медленной Зоне. Хуже того, их путь, со всеми разумными вариантами проходил точно через регион, где наблюдался массивный сдвиг Зон. В сетевых группах новостей это называлось «Великая Зонная Буря», хотя никаких, разу-

меется, физических возмущений в этом регионе не было. Но иногда им за день не удавалось пройти и восьмидесяти процентов намеченного.

Они довольно рано узнали, что их продвижение тормозит не только буря. Синяя Раковина выходил наружу и осматривал повреждения, полученные во время бегства.

— Значит, дело в самом корабле? — спросила Равна, глядя на ставшее неуловимым движение ближайших звезд по небу.

Подтверждение не было откровением. Но что же делать.

Синяя Раковина ездил взад-вперед по потолку. Каждый раз, доезжая до дальней стены, он запрашивал программу управления кораблем о состоянии герметизации носового люка. Равна метнула на него рассерженный взгляд:

— Слушай, ты уже проверяешь это энный раз за последние три минуты. Если ты думаешь, что там неполадка, так устрани ее!

Тележка наездника резко остановилась. Ветви неуверенно зашевелились.

— Но я же выходил. Я хочу быть уверен, что закрыл люк как следует... А, ты хочешь сказать, что я это уже проверял?

Равна посмотрела на него и постаралась убрать язвительность из своего голоса. Недовольство не следовало срывать на Синей Раковине.

— Ага. Раз пять, не меньше.

— Извини. — Он остановился, уходя в спокойствие полной сосредоточенности. — Я не включил память.

Иногда эта привычка умиляла, а иногда раздражала. Когда наездник пытался думать о двух разных вещах одновременно, его тележка иногда сбоила в кратковременной памяти. Синяя Раковина, в частности, иногда зацикливался, повторяя одни и те же действия и тут же о них забывая.

Фам усмехнулся — он держался гораздо хладнокровнее Равны.

— Чего я не понимаю, так это почему вы, наездники, со всем этим мучаетесь.

— Как это?

— Ну, согласно сведениям из библиотеки корабля, у вас эти тележки были еще до того, как возникла Сеть. Так

почему же вы не усовершенствовали конструкцию, не избавились от этих дурацких колес, не улучшили отслеживание памяти? Спорю на что хотите, что даже боевой программист Медленной Зоны вроде меня придумал бы конструкцию получше той, на которой вы ездите.

— Это действительно вопрос традиций, — сухо ответил Синяя Раковина. — Мы прежде всего благодарны Тому, кто дал нам колеса и память.

— Хм.

Равна чуть не улыбнулась. Сейчас она достаточно хорошо знала Фама, чтобы догадаться, о чем он думает — а именно, что довольно много наездников могли перейти на гораздо лучшие приборы в Переходе. Тем, кто остались, явно нравились наложенные на самих себя ограничения.

— Да, традиций. Многие из тех, кто были наездниками, изменились — даже Перешли. Но мы остались. — Зеленый Стебель замолчала, а когда заговорила вновь, ее голос был еще застенчивей обычного. — Вы слыхали Легенду наездников?

— Нет, — ответила Равна, заинтересованная помимо своего желания. Может быть, когда-нибудь она узнает об этих наездниках не меньше, чем о своих друзьях-людях, но пока что они были полны сюрпризов.

— Мало кто слыхал. Не то чтобы это была тайна, просто мы редко ее вспоминаем. Это близко к религии, но мы никого не стремимся обратить. Четыре или пять миллиардов лет назад Некто построил первые тележки и дал разум первым наездникам. Это проверенный факт. Легенда состоит в том, что нечто погубило Создателя и все его работы. Катастрофа столь великая, что с расстояния стольких лет она даже не может быть понята, как действие Разума.

Много было теорий о том, какой была Галактика в далеком прошлом, во время Разделения. Но ведь Сеть не могла существовать извечно, она должна была иметь начало. Равна никогда особо не верила в Древние Войны и в Катастрофы.

— Так что в определенном смысле, — говорила Зеленый Стебель, — мы, наездники, — это те, кто остались верны, те, кто ждет возвращения Создавшего нас. Тради-

ционная тележка и традиционный интерфейс с ней — это стандарт. Верность ему питает наше терпение.

— Именно так, — добавил Синяя Раковина. — И сама конструкция очень изощренная, миледи, хотя функции ее просты. — Он откатился в центр потолка. — Традиционная тележка требует хорошей дисциплины — сосредоточенности на том, что действительно важно. А сейчас я пытался беспокоиться сразу о многом... — Он резко вернулся к теме: — Два наших шипа гипердвигателя не восстановились после катастрофы на Ретрансляторах. Еще три, по всей видимости, выходят из строя. Мы думали, что медленность нашего продвижения связана с бурей, но сейчас я осмотрел шипы с близкого расстояния. Диагностические предупреждения не были ложной тревогой.

— И дело становится все хуже?

— К несчастью, да.

— И насколько плохо оно станет?

Синяя Раковина сложил свои щупальца.

— Миледи Равна, мы не можем быть уверены в наших экстраполяциях. Может стать ненамного хуже, чем сейчас, или... Вы же знаете, что «Внеполосный» не был окончательно готов к отлету. Еще оставалось провести окончательные испытания. В некотором смысле это волнует меня больше всего остального. Мы не знаем, какие могли затаиться ошибки в программах, особенно когда мы достигнем Дна и отключится нормальная автоматика. Нам остается тщательно следить за гипердвигателями... и надеяться.

Это был кошмар всех путешественников, особенно возле Дна Края: отказывают гипердвигатели — и световой год становится делом не минут, а лет. Даже если они запустят субсветовой двигатель и лягут в гибернацию, то в момент их прибытия Джефри Олсндот будет много тысяч лет как мертв, а тайна корабля его родителей похоронена в какой-нибудь средневековой помойке.

Фам Нювен махнул рукой в сторону ползущих звездных полей.

— И все же это Край. С каждым часом мы пролетаем больше, чем флот Кенг Хо мог пройти за десятилетия. — Он пожал плечами. — Ведь здесь наверняка есть места, где мы можем сделать ремонт?

— Несколько таких.

Ничего себе «Быстрый полет, никем не замеченный». Равна вздохнула. Окончательная подготовка корабля на Ретрансляторах должна была включать установку дублирующего оборудования и оттестированных программ, способных работать возле Дна. Все это теперь далекие «могло быть». Она посмотрела на наездницу.

— А какие есть мысли?

— На какую тему? — спросила Зеленый Стебель.

Равна прикусила губу. Кто-то говорил, что наездники — раса комиков. Это, конечно, так, но, как правило, они не нарочно.

Синяя Раковина что-то протрещал подруге.

— А! О том, где можно получить помощь. Да, есть несколько возможностей. Сьяндра Кеи отсюда в трех тысячах девятистах световых лет, но по ту сторону бури. Мы...

— Слишком далеко, — сказали Равна и Синяя Раковина почти в один голос.

— Да-да, но вспомните: миры Сьяндры Кеи почти все людские, ваш дом, миледи Равна. И мы с Синей Раковиной их очень хорошо знаем; в конце концов, там мы брали груз шифровального оборудования, которое везли на Ретрансляторы. У нас там друзья, а у вас — семья. Даже Синяя Раковина согласен, что там мы можем сделать эту работу, не привлекая внимания.

— Да, если мы туда попадем, — ворчливо заявил Синяя Раковина.

— Ладно, а каковы другие варианты?

— Они не так хорошо известны. Я составлю список. — Щупальца Зеленого Стебля задвигались над консолью. — Наш последний шанс на выбор довольно близко от выбранного нами курса. Цивилизация в отдельной системе. Называется... название переводится как «Гармоничный Покой».

— Вечный покой? — пошутил Фам.

Пока что они решили спокойно продвигаться вперед, наблюдая за шипами и отложив решение об остановке на ремонт. Дни складывались в недели, недели — в месяцы. Четверо путешественников в опасном рейсе ко Дну ради

благородной цели. Показатели гипердвигателей ухудшались, но медленно, в точном соответствии с предсказаниями корабельного диагноста.

Погибель расходилась по Вершине Края, и ее атаки на архивы Сети растянулись куда дальше, чем она могла достать непосредственно.

Связь с Джефри стала лучше. Сообщения стали поступать по одному-два в день. Иногда, когда антенный рой «Внеполосного» оказывался правильно настроен, они с Равной могли говорить почти в реальном времени. Развитие мира Стальных Когтей шло быстрее, чем ожидалось, — возможно, достаточно быстро, чтобы мальчик смог спасти себя сам.

Тяжело было время — вчетвером взаперти в одиноком корабле, с единственной нитью во внешний мир, и та вела к потерявшемуся ребенку.

Как бы там ни было, а это было по-настоящему скучно. Хотя у каждого было достаточно работы. Равне досталось управление библиотекой корабля и извлечение из нее планов для помощи господину Булату и Джефри. Библиотека «Внеполосного» была нулем по сравнению с Архивом Ретрансляторов или даже с университетской библиотекой на Сьяндре Кеи, но без соответствующей поисковой автоматики она была столь же непознаваемой. А по мере их продвижения с автоматикой приходилось возиться все больше и больше.

И все-таки... в присутствии Фама скучно быть не могло. У него были десятки проектов, и он интересовался всем.

— Путешествие может быть подарком, — любил говаривать он. — Сейчас у нас есть время собраться, время подготовиться ко всему, что может ждать впереди.

Он стал учить самнорский. Это шло медленнее, чем имитация обучения на Ретрансляторах, но у этого парня была настоящая склонность к языкам, а Равна давала ему достаточно практики.

Каждый день он проводил несколько часов в мастерских «Внеполосного», часто на пару с Синей Раковиной. Реализуемая графика была для него новым понятием, но уже через пару недель он мог делать не только игрушечные

прототипы. Построенные им скафандры имели двигатели и карманы для оружия.

— Мы не знаем, как там будет, когда мы прилетим, и силовая броня может очень и очень пригодиться.

В конце каждого рабочего дня они сходились на мостике сличить свои записи, рассмотреть последние сведения от Джефри и господина Булата, проверить состояние гипердвигателей. Для Равны это бывало самое счастливое время дня... и самое тяжелое — тоже. Фам настроил автоматику дисплея на показ кругового обзора стен замка. Огромный очаг заменял окно, где обычно выводилось состояние связи. Звук был почти натуральный, даже часть жара от «огня» шла от этой стены. Это был зал замка из памяти Фама, с той Канберры, о которой он говорил. Но это не сильно отличалось от Века Принцесс на Ньоре (хотя те замки стояли в основном на тропических болотах, где редко использовались большие очаги). По какой-то непонятной причине он нравился даже наездникам; Зеленый Стебель говорила, что он напоминает ей торговую стоянку времен первых лет с Синей Раковиной. Как путешественники после долгого ходового дня, они отдыхали в уюте фантомного зала. А когда все деловые вопросы бывали решены, Фам с наездниками обменивались рассказами, и это затягивалось иногда до глубокой «ночи».

Равна сидела рядом с ним, самая молчаливая из всех четырех. Она смеялась вместе со всеми, иногда принимала участие в дискуссиях: у Синей Раковины бывали припадки юмора по поводу веры Фама в шифрование открытым ключом, и Равна рассказывала истории, подтверждающие мнение наездника. Но это было и самым тяжелым для нее временем. Да, рассказы были удивительны. Синяя Раковина и Зеленый Стебель побывали во многих местах, и в душе они были бродячими торговцами. Надувательство, яростный спор о цене, товары — это было частью самой их жизни. Фам самозабвенно слушал рассказы своих друзей, а потом рассказывал свои — как он был принцем на Канберре и что значит быть торговцем и исследователем в Медленной Зоне. И при всех ограничениях Медленности его рассказы перешибали истории наездников. Равна улыбалась и старалась изобразить энтузиазм.

Потому что истории Фама — это была натяжка. Он честно верил в них, но она не могла вообразить, как один человек мог столько видеть, столько совершить. Там, на Ретрансляторах, она говорила, что его память — это синтетика, шуточка Старика. Она сказала это в приступе необоримой злости, и больше всего на свете ей бы хотелось, чтобы этого никогда не было... потому что так ясно, что это правда. Зеленый Стебель и Синяя Раковина никогда этого не замечали, но бывало, что Фам в середине рассказа запинался, и в глазах его проглядывал едва прикрытый страх. Где-то в душе он тоже знал правду, и ей вдруг хотелось его обнять, утешить. Как если бы у тебя был страшно израненный друг, и ты можешь с ним говорить, но никогда не упоминать, насколько он искалечен. Но вместо этого она притворялась, что этих провалов просто нет, улыбалась и смеялась над его дальнейшим рассказом.

И вся эта злая шутка Старика была без надобности. Фаму не надо было быть героем. Он был достойным человеком, хотя слегка эгоистичным и не слишком уважающим правила. У него было упорства не меньше, чем у Равны, а храбрости даже больше.

Каким искусством должен был обладать Старик, чтобы создать такого человека! Какой... Силой! И как же она ненавидела Его за злую шутку над таким человеком!

Богошок Фама почти совсем прошел. За это Равна была очень благодарна. Раз или два в месяц у него бывали приступы снов наяву. После этого он день-другой с сумасшедшим энтузиазмом предлагал какой-нибудь новый проект, который часто и сам не мог толком объяснить. Но эти явления не усиливались, и он от нее не отдалялся.

— Может быть, этот богошок и спасет нас в конце концов, — говорил Фам, когда Равна решалась об этом заговорить. — Нет, не знаю я, как это будет. — Он похлопывал себя по голове. — Здесь до сих пор есть личный чердак бога. И это более, чем просто память. Иногда этому богошоку нужен весь мой мозг, чтобы думать, и для моего самосознания не остается места, и потом я не могу объяснить, но иногда что-то все-таки брезжит. Что бы ни

принесли родители Джефри в мир Стальных Когтей, ясно одно: это может повредить Погибели. Можешь называть это противоядием или — лучше — контрмерой. Что-то, что было взято у Отклонения, когда оно зарождалось в лаборатории Страума. Что-то, о чем Отклонение заподозрило лишь много позже.

Равна только вздыхала. Трудно было представить себе добрую весть, которая в то же время так бы страшила.

— И страумеры смогли что-то вроде этого увести прямо из сердца Отклонения?

— Может быть. А может быть, Контрмера смогла использовать Страумеров, чтобы ускользнуть от Отклонения. Спрятаться на недоступной глубине и ждать момента для удара. И я думаю, это может сработать, если я — то есть если богошок от Старика — доберется туда вниз и поможет ей. Посмотри, что творится в группах новостей. Погибель переворачивает весь Верхний Край вверх дном — что-то ищет. Удар по Ретрансляторам — это был малый побочный эффект операции по убийству Старика. Но пока что она ищет не там. У нас будет шанс запустить Контрмеру.

Равна вспомнила письма Джефри.

— Гниль на стенах корабля. Ты думаешь, это она и есть?

Взгляд Фама стал задумчивым.

— Может быть. Она кажется вполне пассивной, но он говорит, что она была с самого начала и что его родители не разрешали ему к ней подходить. Кажется, она ему слегка противна... И это хорошо, потому что его шипастые друзья тоже не будут ее трогать.

У Равны мелькали тысячи вопросов. Очевидно, что у Фама — тоже. И сейчас ни на один из них не было ответа. Но когда-нибудь они предстанут перед неизвестным, и мертвая рука Старика сделает свой ход... посредством Фама. Равна вздрогнула, и они долго молчали оба.

Месяц за месяцем изобретение пороха шло точно по графику библиотечной программы. Стальные Когти научились легко его производить; очень мало им приходилось возвращаться назад по дереву разработки к пройденным этапам. Критическим пунктом, который замедлял ход ра-

бот, было испытание сплавов, но здесь уже тоже было пройдено самое трудное. Стаи «Скрытого Острова» уже построили первые три прототипа: заряжающиеся с казенной части орудия, которые могла нести одна стая. Джефри считал, что через десять дней можно будет начать серийное производство.

С радио дело обстояло сложнее. В одном смысле проект отставал от графика, в другом же он стал куда более грандиозным, чем Равна могла себе вообразить. После долгого периода нормального развития Джефри предложил контрплан. Он состоял в полной переработке таблиц для акустического интерфейса.

— Я-то думал, что эти ребята только-только в раннем средневековье, — заметил Фам Нювен, прочитав письмо Джефри.

— Так и есть. Очевидно, они всего лишь продумали следствие из того, что мы им послали. Они хотят организовать передачу стайной мысли по радио.

— Ха. Смотри, мы описали, как таблицы задают сетку передатчика — и все это на нетехническом самнорском. И при этом показали, как малые изменения таблиц дают совсем другую сетку. Но видишь ли, наша конструкция дает им полосу три килогерца — вполне нормально для голосовой связи. А ты мне говоришь, что реализация этой новой таблицы даст им полосу двести килогерц.

— Да. Так говорит мой компьютер.

Он улыбнулся своей хитрой улыбкой.

— Во! О чем я и говорю. Конечно, *в принципе* мы дали им достаточно информации, чтобы придумать эту модификацию. Как по-моему, так построение этой расширенной таблицы спецификаций эквивалентно численному решению... — Он посчитал число строк и столбцов — системы примерно пятисот уравнений в частных производных. А малыш Джефри утверждает, что все переносные компьютеры сломаны, а бортовой тоже не работает.

Равна откинулась от дисплея.

— А! Теперь я поняла. — Когда привыкаешь к инструментам, иногда забываешь, как жить без них. — Ты... ты думаешь, это работа Контрмеры?

Фам Нювен удивился, будто никогда и не предполагал такую возможность. И ответил:

— Нет... нет, не это. Я думаю, что «господин Булат» слегка морочит нам головы. Все, что мы имеем, — это поток байтов от «Джефри». Что мы *действительно* знаем о том, что там творится?

— Ладно, я тебе скажу, что знаю я. Мы говорим с маленьким человеческим детенышем, который вырос в царстве Страума. Ты большую часть сообщений видел в трисквелинском переводе. При этом теряется множество детских оборотов и ошибок ребенка, чей родной язык — самнорский. Единственный, кто мог бы такое подделать, — взрослый человек. И после двадцати недель общения с Джефри я тебе точно скажу, что это маловероятно.

— Отлично. Тогда положим, что Джефри есть на самом деле. Значит, мы имеем восьмилетнего ребенка, попавшего в мир Стальных Когтей. Он говорит нам то, что считает правдой. Что я говорю — это то, что похоже, будто кто-то врет *ему*. Может быть, тогда можно верить тому, что он видит своими глазами. Он говорит, что эти создания не разумны иначе как в группах примерно по пять. Ладно, поверим. — Фам закатил глаза. Его вид явно показывал, насколько редко встречается групповой разум по эту сторону Перехода. — Мальчик говорит, что с воздуха они видели только маленькие города и что все там имеет очень средневековый вид. Тоже поверим. Тоже поверим. Но! Каковы тогда шансы, что у этой расы хватает ума решать в уме уравнения в частных производных и вывести эти уравнения как следствия из твоего письма?

— Ладно, среди людей тоже бывали гениальные. — Равна могла бы вспомнить случай из ньоранской истории и еще пару примеров со Старой Земли. Но если среди стай такие способности были обычными, они умнее любой природной расы, о которой ей доводилось слышать. — Значит, это не похоже на первичное средневековье?

— Вот именно. Я спорить могу, что это колония, впавшая в упадок в тяжелые времена — как твоя Ньора или моя Канберра, только им повезло, что они оказались в Крае. У этих собачьих стай где-то есть работающий компьютер. Мо-

жет быть, он под контролем касты жрецов, может быть, у них мало что есть, кроме этого. Но что-то они от нас прячут.

— Но зачем? Мы же в любом случае им помогли бы. И Джефри сообщил, что эта группа его спасла.

Фам снова улыбнулся — прежней улыбкой высокомерия. И тут же опомнился. Он действительно хотел избавиться от этой привычки.

— Равна, ты бывала на десятке разных планет. И еще о тысяче читала, по крайней мере обзоры. Ты столько знаешь вариантов средневековья, что мне даже и не догадаться. Но понимаешь, я там *был*... по-моему.

Последнее слово он нервно буркнул себе под нос.

— Я читала о Веке Принцесс, — мягко заметила Равна.

— Да... и прости меня, что об этом забыл. В любой средневековой политике мысль и клинок неразделимы. И это куда больше значит для того, кто это пережил. Послушай, пусть мы и поверим, что Джефри сообщает то, что видел, все равно королевство Скрытого Острова — штука очень странная.

— Ты насчет имен?

— Вроде Свежевателя, Булата и Стальных Когтей? Суровые имена не обязательно понимать буквально. — Фам рассмеялся. — Когда я был восьмилетним принцем, одним из моих титулов был такой: «Властелин и Потрошитель». — Увидев выражение лица Равны, он быстро добавил: — Я в том возрасте вряд ли даже *видел* больше двух казней! Нет, имена — это лишь мелкая деталь. Я вспоминаю, как малыш описывает замок — который явно рядом с кораблем — и нападение из засады, от которого, как он думает, его спасли. Это не сходится. Ты спрашивала: что они могут выиграть, предав нас? Я могу посмотреть на этот вопрос с их точки зрения. Если это — пришедшая в упадок колония, то они точно знают, чего лишились. У них могли сохраниться остатки технологии, и они чертовски параноидальны. Я бы на их месте рассмотрел возможность внезапного нападения на спасателей, если таковые проявят слабость или неосторожность. И даже если мы явимся сильными... посмотри на вопросы, которые задает Джефри от имени Булата. Этот тип хитрит, стараясь выяснить, что именно

нам дорого: корабль-беглец, Джефри и дети в гибернаторах или что-то еще на корабле. Когда мы прилетим, Булат уже наверняка сотрет в порошок местную оппозицию — с нашей помощью. Мое предположение — что на планете Стальных Когтей наш ждет тяжелый случай вымогательства.

Я-то думала, мы обсуждаем хорошие вести.

Равна стала листать последние сообщения. Фам был прав. Мальчик рассказывал ту правду, которую знал, но...

— Я не знаю, как нам играть по-другому. Если мы не будем помогать Булату против резчиков...

— Ага. Мы слишком мало знаем, чтобы делать что-нибудь другое. Что бы там ни было еще, а резчики кажутся реальной угрозой Джефри и кораблю. Я только говорю, что мы должны рассматривать все возможности. И в одном я абсолютно уверен — мы никак не должны проявлять заинтересованность в Контрмере. Если местный народ узнает, как отчаянно она нам нужна, у нас не будет ни одного шанса. И нам надо начать немного врать самим. Булат говорит о строительстве для нас посадочной площадки — внутри замка. «Внеполосный» никак туда не влезет, но давай подыграем. Скажи Джефри, что мы отделимся от гипердвигателя, как его контейнеровоз. Пусть Булат ставит безвредные капканы... — Он замычал один из своих странных «маршевых» мотивов. — А насчет радио: давай так между прочим поблагодарим за улучшение нашего проекта. Интересно, что они скажут?

Ответ на свой вопрос Фам Нювен получил через три дня. Джефри Олсндот утверждал, что оптимизацию выполнил *он*. Если верить ребенку, то доказательств существования спрятанного компьютера не было. Но Фам не был убежден.

— Значит, по простому совпадению у нас на том конце связи оказался Ньютон?

Равна с этим не спорила. Это было невероятное везение, но... Она пересмотрела предыдущие письма. В области языка и общего образования мальчик был для своего возраста вполне обыкновенный. Но иногда, когда ситуация требовала математического озарения — не формальной, выученной математики, — Джефри говорил потрясающие вещи. Некоторые из этих разговоров шли в хороших

условиях, когда между вопросом и ответом проходило не больше минуты. Все это выглядело слишком естественно, чтобы быть ложью, которую подозревал Фам Нювен.

Джефри Олсндот, мне очень хочется с тобой познакомиться.

Всегда что-то было. Проблемы с разработками для Стальных Когтей, опасения, что злодеи резчики сокрушат господина Булата, беспокойство за неуклонно ухудшающиеся показатели гипердвигателей и шевеление Зон, которые замедляли продвижение корабля. Жизнь попеременно, а то и одновременно, вызывала неверие, страх и тоску. И все же...

Однажды ночью примерно в конце четвертого месяца полета Равна проснулась в каюте, которую теперь делила с Фамом. Может быть, ей что-то снилось, но она не помнила. Только помнила, что не кошмар. В комнате ничего не шумело — ничего, от чего бы она могла проснуться. Рядом с ней в сетке гамака крепко спал Фам. Она подсунула руку ему под спину и нежно притянула к себе. Его дыхание изменилось, он что-то мирно и неразборчиво пробормотал. По мнению Равны, секс в невесомости — совсем не то, что об этом рассказывают, но просто *спать* рядом с кем-то... это в невесомости получается гораздо лучше. Объятия легкие, нежные, без усилий.

Равна оглядела тускло освещенную каюту, пытаясь понять, что могло ее разбудить. Может быть, отголосок дневных забот — видят Силы, их было достаточно. Равна устроила свою щеку на плече Фама. Да, все время заботы, но... в чем-то она была более довольна, чем за последние годы. Да, проблем хватало. Положение бедного Джефри. Все люди, погибшие на Страуме и на Ретрансляторах. Зато у нее есть три друга и есть любовь. Запертая в крохотном кораблике, идущем ко Дну, она была меньше одинока, чем за все время после отлета с Сьяндры Кеи. Более чем за всю свою жизнь она могла помочь решать проблемы.

И ей пришло в голову, немного с грустью, что через много лет она будет оглядываться на эти месяцы как на золотое счастливое время.

26

Наконец почти через пять месяцев выяснилось, что дойти без ремонта шипов надежды нет. Вдруг скорость «Внеполосного» упала до четверти светового года в час там, где вполне можно было бы делать два. И положение ухудшалось. До Гармоничного Покоя они могли добраться без проблем, но дальше...

Мерзкое название, подумала Равна. «Легкомысленный» перевод Фама был и того хуже: «Вечный Покой». В Крае использовались почти все объекты, подходящие для обитания. Цивилизации Переходили, и исчезали расы... но всегда кто-то поднимался Снизу. В результате чаще всего получались лоскутные многовидовые системы. Молодые расы только что из Медленности плохо уживались с остатками более старших народов. Согласно сведениям библиотеки корабля, этот самый «Покой» находился в Крае долго. Он был обитаем уже более двух миллионов лет, и за это время его называли домом более десяти тысяч видов. Последние записи гласили, что там создался конгломерат более сотни рас. Даже самые молодые были остатками дюжины эмиграций. Да, это место должно быть мирным, как палата умирающих.

Что ж, значит, туда. Они перебросили «Внеполосный» на три световых года в сторону вращения Галактики и теперь летели вдоль магистрали Сети к «Вечному Покою». Сейчас можно было слушать новости всю дорогу.

С Гармоничного Покоя шли объявления. По крайней мере один вид ценил внешние товары и специализировался по оснащению и ремонту кораблей. Объявления рекламировали «предприимчивую, твердоногую (?) расу». Потом появилась и видеоинформация: создания, передвигающиеся на слоновых бивнях и имеющие пучки коротких рук, растущих сразу под шеей. В объявлениях приводились и сетевые адреса довольных клиентов. «Жаль, что мы не можем это проверить». Вместо этого Равна послала короткое письмо на трисквелине с запросом о воз-

можности общей замены гипердвигателя и списка возможных способов платежа.

А тем временем плохие новости шли потоком.

Шифр: 0

Получено: борт «Внеполосного»

Языковый путь: Бэлореск — Трисквелин, СК: Устройства трансляции

От: Союз Обороны [Объявляет себя союзом пяти многовидовых империй в Крае ниже страумского царства. До крушения Царства неизвестен]

Тема: Призыв к действию

Рассылка: Группа «Угроза Погибели»

Группа «Отслеживание войн»

Группа «Изучение Хомо сапиенс»

Дата: 158,00 дней от крушения Ретрансляторов

Ключевые фразы: Действия, а не разговоры

Текст сообщения:

Силы Защиты планируют акцию против орудий Отклонения. Время нашим друзьям заявить о себе. Сейчас нам не нужна ваша военная сила, но в ближайшем будущем нам понадобится поддержка, в том числе и бесплатное время на Сети.

В ближайшие секунды мы будем внимательно следить, кто поддерживает нашу акцию, а кто, быть может, уже порабощен Отклонением. Если вы живете в местах, инфицированных людьми, у вас есть выбор: действуйте сейчас с хорошими шансами на победу — или промедлите и погибнете.

Истребить заразу!

На это сообщение было много откликов, в том числе соображений, кого имеет в виду этот «Истребить заразу» (он же «Союз Обороны»). Были также слухи о военном движении. Это не вызвало того всплеска сообщений, какой последовал за крушением Ретрансляторов, но привлекло внимание некоторых групп новостей. Равна тяжело сглотнула и отвернулась от дисплея.

— Что ж, пока они только громко шумят. — Она хотела сказать это небрежным тоном, но не вышло.

Фам Нювен тронул ее за плечо.

— Совершенно верно. А настоящие убийцы обычно не кричат до того. — Но в его голосе было больше сочувствия,

чем убежденности. — Мы пока еще не знаем, есть ли за этим реальная сила, а не просто громкая пасть. Достоверных известий о движении кораблей пока нет. В конце концов, что они могут сделать?

Равна оттолкнулась от стола.

— Надеюсь, что немного. Есть сотни цивилизаций с небольшими человеческими поселениями. Разумеется, они приняли меры предосторожности после появления этих... «Истребить заразу».

О Силы, хотела бы я верить, что Сьяндре Кеи ничего не грозит.

Равна уже два года не видела Линн и родителей. Иногда Сьяндра Кеи казалась элементом другой жизни, но просто знать, что она существует, — это было большим утешением, чем осознавала Равна. И вот теперь...

На другом конце палубы наездники разрабатывали спецификации ремонта. Синяя Раковина подкатился к людям.

— Я действительно боюсь за малые селения, но люди на Сьяндре Кеи суть движущая сила этой цивилизации, и даже название ее человеческое. Любая атака на них — это будет атака на целую цивилизацию. Мы с Зеленым Стеблем часто там вели торговлю и знаем их силы безопасности. Объявить о вторжении туда заранее может либо дурак, либо тот, кто блефует.

Равна, секунду подумав, прояснела. Дирокимы и лоферы выстоят против любой угрозы человечеству на Сьяндре Кеи.

— Да, мы там не в гетто. — Дело может выйти худо для изолированных людей, но на Сьяндре Кеи ничего дурного не произойдет. — Блефуют. Что ж, сеть не зря прозвали «Сеть миллионов врак». — И Равна вернулась мыслью к тому, что от нее зависело. — Но одно ясно: во время остановки на Гармоничном Покое мы должны очень постараться, чтобы на нашем корабле ничего человеческого на виду не было.

Разумеется, при этом нужно было, чтобы никаких признаков Равны или Фама на корабле не было. Весь «разговор» будут вести наездники. Равна и наездники прочесали все внешние программы корабля, выпалывая все человеческие нюансы, которые проросли за время после бегства

с Ретрансляторов. А если на борт нагрянут с принудительной проверкой? Что ж, если будут знать, что искать, — тогда плохо. Но все, имеющее отношение к людям, свалили в фальшивый трюм с юпитерианской атмосферой. Два человека там могут укрыться.

Фам Нювен проверил их работу и нашел не один прокол. Для программиста-варвара он был очень неплох. Но в конце концов, они шли на глубину, где самый сложный компьютер окажется немногим лучше, чем те, которые он знал.

Юмор был в том, что одну вещь замаскировать было невозможно: то, что «Внеполосный» пришел с Вершины Края. Да, этот корабль был придонным люггером, построенным по проекту Среднего Края. Но *элегантность* его исполнения кричала об умении почти сверхчеловеческом.

— Эта чертова штука выглядит как каменный топор фабричного производства, — так охарактеризовал ситуацию Фам Нювен.

Служба безопасности «Покоя» внушала надежды: поверхностная беглая проверка без визита на борт. «Внеполосный» прыгнул в систему и ракетными двигателями согласовал вектора скорости-положения с центром Гармоничного Покоя и «Ремонтной гаванью святого (?) Ринделла». (Фам прокомментировал: «Если ты святой, то должен быть честным».)

«Внеполосный» находился над эклиптикой в восьми миллионах километров от единственной звезды Покоя. Даже если быть готовым к этому зрелищу, оно производило впечатление. Внутренняя система была набита пылью и газом, как звездная колыбель, хотя главное светило было звездой класса «G» возраста три миллиарда лет. Солнце было окружено миллионами колец, куда более впечатляющих, чем кольца любой планеты. Самые большие и яркие делились на мириады более мелких. Даже в естественном виде всюду был яркий цвет, нити зеленого, красного и фиолетового. Деформации в плоскости колец темными тенями лежали между цветными холмами, склоны которых тянулись на миллионы километров. Попадались случайные предметы — конструкции? — выступающие из плоскости колец так дале-

ко, что отбрасывали игольчатые тени за пределы системы. Окна инфракрасного вида и собственного движения показывали более привычные виды: за кольцами лежал массивный пояс астероидов, а за ним — единственная планета юпитерианского типа, и ее собственная миллионнокилометровая система колец казалась жалкой копией. Других планет не было. Самые крупные объекты в главной системе колец были всего триста километров в поперечнике... но их были тысячи.

Они опустили корабль в плоскость кольца в направлении святого Ринделла и согласовали скорость со скоростью обломков. Пришлось давать большой импульс: примерно три g в течение почти пяти минут.

— Как в старые добрые времена, — заметил Фам Нювен.

Оказавшись снова в свободном полете, они осмотрели гавань. Вблизи она казалась планетарной кольцевой системой вроде тех, которые Равна знала всю жизнь. Летали объекты всех размеров вплоть до ладони, несчитанные шарики льда — все это мягко сталкивалось, слипалось, разделялось. Рядом с ними эти осколки висели почти без движения — это был хаос, давно уже укрощенный. В плоскости колец было видно всего на несколько сот метров — дальше все закрывали мелкие осколки. И они не все летали свободно. Зеленый Стебель показала на линию, которая, казалось, шла из бесконечности, проходила рядом с ними и уходила навеки в другую сторону.

— Это выглядит как единая конструкция, — заметила она.

Равна прибавила увеличение. В системах планетарных колец такие «снежки» иногда слипались в ленты тысячи километров длиной...

Белая лента широко расстилалась перед окном. Дисплей давал ее ширину примерно в километр. Эта дуга определенно состояла не из снежков. Были видны шлюзы для кораблей и узлы связи. Посмотрев изображения, снятые на подходе, Равна заключила, что вся конструкция длиннее сорока миллионов километров. Вдоль дуги попадались проломы. Это значило, что прочность такой конструкции на растяжение где-то около нуля. Подчиняясь местным возмущениям, она то распадается, то соединяется вновь. Все

это было похоже на сцепление вагонов железной дороги в далекие века на Ньоре.

Следующий час они осторожно входили в ангар на кольцевой дуге. Единственной регулярной характеристикой этой конструкции была ее линейность. Некоторые модули явно были созданы для сцепления спереди и сзади. Другие были просто кое-как скрепленными грязным льдом кучами аппаратуры. Последние километры корабль плыл через лес шипов гипердвигателей. Заняты были две трети гнезд.

Синяя Раковина открыл окно деловых условий Ринделла.

— Хм-м, кажется, господин Ринделл весьма занятое лицо. — Он повернул несколько щупальцев к окну с внешним видом корабля.

— Может быть, он содержит свалку металлолома, — предположил Фам.

Синяя Раковина и Зеленый Стебель подошли к грузовому шлюзу, готовясь к первой высадке с корабля. Наездники были вместе уже двести лет, а Синяя Раковина и до того был потомственным межзвездным торговцем. Но сейчас они спорили так и сяк, какой подход лучше использовать со «святым Ринделлом».

— Дорогой мой Синяя Раковина, этот Покой, конечно же, вполне типичен. Я бы запомнила этот тип, даже если бы никогда на тележке не ездила. Но *наше* дело здесь весьма нетипично и не похоже на все, что мы раньше делали.

Синяя Раковина нечленораздельно бурчал и запихивал еще один пакет под свой грузовой шарф. Этот шарф был более чем красив. Тугой и эластичный материал защищал все, что было им закрыто.

Это была та процедура, которую они всегда применяли в кольцевых системах, и она вполне себя до сих пор оправдывала. Наконец Синяя Раковина сказал:

— Разумеется, различия есть, тем более что мы очень мало что можем предложить за ремонт и у нас раньше не было контактов. Если мы не включим всю нашу торговую сметку, мы здесь ничего не получим! — Он проверил разные сенсоры, подключенные к тележке, и обратился к лю-

дям: — Как вы скажете, передвинуть какие-нибудь из камер? Вам ясно видно?

Когда дело дошло до выделения полосы частот, святой Ринделл оказался скрягой — или просто осторожничал.

Ответил голос Фама Нювена:

— Нет, не надо. Вы меня слышите?

Он говорил через встроенный в тележку телефон. Связь была зашифрована.

— Да.

Наездники вышли из воздушного шлюза «Внеполосного» в обитаемый отсек дуги святого Ринделла.

Их охватила дуга прозрачности, линии естественных окон, терявшиеся вдали. Перед ними были клиенты святого Ринделла и распушенное кольцо вдали. Солнце в окнах было приглушено, но все было ярко освещено, как светом короны. Разумеется, это был рой силовых спутников — кольцевые системы редко пользовались энергией центрального светила. На мгновение наездники остановились, пораженные видом моря, более величественным, чем любое море: такой свет мог быть на закате в неглубоком прибое. А дрейф многих тысяч частиц поблизости можно было принять за приливную волну.

Помещение было забито народом. Бывшие здесь создания имели довольно ординарные строения тел, хотя Зеленый Стебель не могла узнать ничего наверняка знакомого. Больше всего было бивненогих, которые явно распоряжались в этом месте. Почти сразу же один такой выплыл из стены рядом со шлюзом «Внеполосного». Он что-то прогудел, что прозвучало на трисквелине следующим образом:

— Для торговли мы ходим сюда.

Его бивневые ноги легко прошли по сетке к открытому автомобилю. Наездники устроились сзади, и машина поехала вдоль арки. Синяя Раковина махнул веткой Зеленому Стеблю:

— Старая история, правда? Чего хорошего теперь в их ногах?

Это была старая шутка наездников, но ее всегда встречали смехом. Две ноги или четыре ноги, развившиеся из плавников или чего там другого, отлично годятся для пере-

движения по твердой земле. Но в космосе они не лучше чего-нибудь другого.

Автомобиль делал примерно сто метров в секунду, слегка покачиваясь на стыках сегментов кольца. Синяя Раковина вел непрекращающийся разговор с гидом — болтовню, которая, как знала Зеленый Стебель, была одним из самых больших удовольствий его жизни.

— А куда мы едем? А кто эти создания? А что они ищут у святого Ринделла?

Все это весело, почти человеческой скороговоркой. Когда его подводила кратковременная память, он обращался к тележке.

Бивненогий владел лишь упрощенным трисквелином и некоторые вопросы, очевидно, не совсем понимал.

— Мы едем к Начальнику Продаж... Это вспомогательные создания... Союзники нового большого клиента...

Но милого Синюю Раковину эта урезанная речь никак не смущала — он воспринимал больше, чем словесные ответы. У большинства рас были интересы, непонятные таким, как Зеленый Стебель и Синяя Раковина. Наверняка здесь на Гармоничном Покое были миллиарды существ, непонятных наездникам, людям или дирокимам. Однако простой разговор часто давал наводящие соображения по двум самым важным вопросам: «Что у тебя есть такое, что мне может быть полезно, и как убедить тебя с этим расстаться?» Вопросы Синей Раковины заставляли собеседника раскрыться, выявляли параметры личности, ее интересов и возможностей.

Это была командная игра двух наездников. Пока Синяя Раковина болтал, Зеленый Стебель наблюдала за всем вокруг, включив записывающие аппараты тележки на всех частотах, стараясь сопоставить обстановку с другими местами, им уже знакомыми. Технология: что нужно этому народу? Что может здесь работать? В таком плоском месте антигравитационная ткань вряд ли будет полезна. И так близко около дна любой сложный импортный прибор сдохнет почти немедленно. Рабочие за длинными окнами были одеты в обычные скафандры — костюмы из силовых полей, применяемые в Верхнем Крае, здесь не продержались бы и недели.

Они проехали деревья, растущие, как лианы. Кое-где стволы обвивали стены арки, другие тянулись вдоль дороги на сотни метров. Повсюду среди растений летали бивненогие садовники, но признаков земледелия не было. Все это было только декорацией. В плоскости кольца за окнами попадались кое-где башни, конструкции, выступавшие из плоскости на тысячи километров и отбрасывавшие резкие тени, которые были видны на подходе к системе. Голоса Равны и Фама гудели в стебле, тихо спрашивая о башнях и строя предположения о возможном назначении таких неустойчивых конструкций. Зеленый Стебель записала это, чтобы обдумать потом. Но она сомневалась в их правдоподобности — кое-что может работать только в Верхнем Крае, а остальное просто неэкономично.

За свою жизнь Зеленый Стебель видела восемь разных цивилизаций в кольцевых системах. Обычно они возникали как последствия катастроф и войн (и лишь редко в результате намеренного строительства обитаемых баз). Согласно библиотеке «Внеполосного», еще десять миллионов лет назад Гармоничный Покой был нормальной планетной системой. Потом начался спор за жизненное пространство: молодая раса Снизу возжелала покорить и истребить вырождающихся обитателей. Нападение оказалось просчетом, поскольку оказалось, что умирающие еще могут убивать, и система разлетелась на булыжники. Может быть, молодая раса и выжила. Но прошло десять миллионов лет, и если кто-то и остался из этих молодых хищников, то сейчас они были самой дряхлой расой во всей системе. Может быть, тысячи других рас прошли через нее за это время, и каждая из них перекраивала кольцо по своему вкусу, оставляя после разгрома газовое облако. То, что осталось, вовсе не было руинами, но было старым... очень старым. Согласно библиотеке корабля, за последнюю тысячу лет ни одна раса Гармоничного Покоя не совершала Перехода. И этот факт был куда важнее других. Современные цивилизации шли к своему закату, шлифуя свою посредственность. Больше всего система напоминала старый и красивый лиман возле берега, ухоженный, отгороженный от возмущающих волн, которые могут попортить его распушенные перья. Скорее всего бивненогие были здесь самым жизнеспособным ви-

дом и, быть может, единственным, заинтересованным во внешней торговле.

Автомобиль замедлил ход и въехал по спирали в небольшую башню.

— Флотом клянусь, чего бы я только не дал, чтобы там быть с ними! — Фам Нювен махнул рукой в сторону видов, передаваемых камерами тележек. С момента отбытия наездников он не отходил от окон, обегая широко раскрытыми глазами огромные башни кольца и задумчиво летая между полом и потолком. Равна никогда еще не видела его таким поглощенным, таким целеустремленным. Как бы ни были фальсифицированы его воспоминания о жизни торговца, он искренне считал, что мог бы принести пользу. *Может быть, он и прав.*

Фам спустился с потолка и подтянулся к экрану. Казалось, сейчас начнутся серьезные переговоры. Наездников привели в сферическое помещение метров пятидесяти диаметром. Очевидно, они парили где-то вблизи его центра. От поверхности внутрь во всех направлениях рос лес, и наездники летали всего в нескольких метрах над верхушками деревьев. Между ветвями проглядывала почва, укрытая мозаикой цветов.

Продавцы святого Ринделла были рассеяны по самым высоким деревьям. Они сидели, обхватив верхушки своими бивневыми конечностями. Бивненогие в Галактике встречались довольно часто, но Равна видела их впервые. Структура тела у них полностью отличалась от всего, что ей приходилось видеть, и даже сейчас она не могла бы точно описать их внешний вид. Когда они сидели на деревьях, их конечности казались пальцами скелетов, вцепившимися в древесину. У главного их представителя — который объявил, что он и есть святой Ринделл, — резьба покрывала две трети всей его слоновой кости. Два окна показывали эту резьбу крупным планом — Фам решил, что полезно будет разобраться в этом узоре.

Переговоры продвигались медленно. Трисквелин был общим языком, но хорошая аппаратура перевода не могла работать на этих глубинах, и представители святого Ринделла были только поверхностно знакомы с языком тор-

говли. А Равна привыкла к ясному переводу. Даже сообщения по Сети, с которыми она имела дело, обычно были вполне разборчивы, хотя иногда и неправильно поняты.

Только после двадцати минут разговора удалось выяснить, что святой Ринделл имеет возможность отремонтировать «Внеполосный». Дело было в обычной неторопливости наездников, но и не только. Эта волокита Фаму Нювену почему-то нравилась.

— Рав, это работа почти как в Кенг Хо. Лицом к лицу с неизвестными созданиями и почти без общего языка.

— Мы им послали описание необходимого нам ремонта уже несколько часов назад. Почему простое «да» или «нет» должно занимать столько времени?

— Потому что они базарят, — ответил Фам, улыбаясь еще шире. — Этот «честный» святой Ринделл... — он махнул рукой в сторону покрытого резьбой, — старается нам внушить, какая это тяжелая работа... О Господи, хотел бы я там быть!

Теперь даже Синяя Раковина и Зеленый Стебель казались несколько странными. Их трисквелинская речь стала гораздо беднее, почти такой же скудной, как у святого Ринделла. И казалось, что вся дискуссия ходит по кругу. Работая на Вриними, Равна приобрела некоторый опыт продаж и торговли. Но *базарить* — этого она не понимала. Есть базы данных с ценами, есть указания от сотрудников Гронда. Либо заключаешь контракт, либо нет. А то, что происходило сейчас между наездниками и святым Ринделлом, для Равны было самым непонятным из виденного в жизни.

— На самом деле все вполне хорошо... я так думаю. Ты видела, когда мы прилетели, эти костяные ноги внесли образцы Синей Раковины. Теперь они точно знают, что у нас есть. В этих образцах есть что-то, чего они хотят.

— Да?

— Наверняка. Святой Ринделл ругает наш товар не ради собственного удовольствия.

— Черт возьми, а если у нас на борту нет ничего, что им нужно? Эта же экспедиция не планировалась как торговая!

Синяя Раковина и Зеленый Стебель выскребли «образцы товаров» из корабельных запасов — тех, без которых

«Внеполосный» мог выжить. Это были в основном сенсорное оборудование и компьютерное снаряжение для Нижнего Края. Утрата некоторых предметов была бы серьезным лишением. Но так или иначе ремонт был необходим.

Фам коротко рассмеялся.

— Не. Что-то есть, что хочет святой Ринделл. Иначе он давно бы перестал трепаться. И ты заметила, как он нажимает на «потребности других наших клиентов»? Этот парень ведет себя по-человечески.

По связи с наездниками послышалось что-то вроде человеческой песни. Равна направила камеры тележки Зеленого Стебля в сторону звука. Со стороны «леса» напротив Синей Раковины появились новые создания.

— Смотри, какие красивые, — сказала Равна. — Бабочки.

— Чего?

— Я говорю, они похожи на бабочек. Знаешь? Ну, насекомые с большими цветными крыльями.

Только гигантские бабочки. У вновь пришедших было строение тела в общем гуманоидное. Рост примерно сто пятьдесят сантиметров и мягкий по виду мех. Крылья росли из-за лопаток. В размахе они были почти два метра, неярко-голубые с желтым, у некоторых был более затейливый узор, чем у других. Конечно же, крылья были искусственные или выращенные генно-инженерным способом — для полета в сколько-нибудь разумной гравитации они не годились. Но при невесомости... Эти трое на миг зависли у входа, глядя на наездников большими бархатными глазами. Потом размеренными взмахами крыльев грациозно перепорхнули над лесом. Весь эффект был будто взят из детского фильма. Носы задорно и твердо торчат, глаза такие большие и глубокие, как никогда не рисовал человек-мультипликатор. А голоса — как у поющих подростков.

Святой Ринделл и его коллеги повернулись на своих деревьях. Что-то пропел самый высокий из гостей, играя крыльями. Равна не сразу поняла, что он бегло говорит на трисквелине через транслятор, настроенный на свою родную речь:

— Привет тебе, святой Ринделл! Наши корабли готовы принять твоих ремонтников. Мы щедро тебе заплатили, и мы спешим. Ты должен начать работу немедленно!

Эксперт святого Ринделла по трисквелину перевел эту речь своему хозяину.

Равна перегнулась через плечо Фама.

— Так, может быть, наш дружелюбный ремонтник действительно перегружен заказами.

— Ага...

Святой Ринделл повернулся обратно вокруг верхушки своего дерева. Когда он стал отвечать, его ручки вцепились в зеленые иглы.

— Уважаемые клиенты! Вы сделали предложение об оплате, не принятое полностью. То, что вы просите, у нас в дефиците... и это трудно исполнить.

Красивая бабочка издала звук, который мог сойти за мальчишескую песню радости, но значение у него было совсем другое.

— Времена меняются, слышишь, ты, Ринделл! Твой народ должен понять: с нами проволочки не пройдут! Тебе известна священная миссия моего флота. И каждый прошедший час будет поставлен тебе в вину. Подумай о флоте, который обернется против тебя, если будет обнаружено твое нежелание сотрудничать — если оно будет хотя бы *заподозрено!* — Взмахнули синие с желтым крылья, и бабочка повернулась. — А эти деревья в горшках — они, что ли, клиенты? Отправь их прочь. Пока мы здесь, у тебя нет других клиентов!

Равна судорожно вздохнула. У этих трех не было на виду оружия, но Равна вдруг смертельно испугалась за Синюю Раковину и Зеленого Стебля.

— Интересное зрелище, — заметил Фам. — Бабочки в солдатских сапогах.

27

Если судить по часам, обратная дорога заняла у наездников полчаса. Фаму Нювену показалось, что это длилось гораздо дольше, хотя он и сохранял беззаботный вид перед Равной. Может быть, она тоже притворялась — он знал, что она считала его нервную систему хрупкой.

Но камеры наездников больше не показывали никаких следов присутствия бабочек-убийц. Наконец щелкнул грузовой люк, и Зеленый Стебель с Синей Раковиной вернулись на корабль.

— Я был уверен, что эти лукавые бивненогие блефуют насчет сильного спроса, — сказал Синяя Раковина. Они с Фамом немедленно бросились обсуждать случившееся.

— Ага, я тоже так думал. На самом деле я подозреваю, что эти бабочки — тоже часть постановки. Очень уж это было мелодраматично.

Ветви Синей Раковины затрещали звуком, который Фам воспринял как дрожь.

— Я бы не ставил на это, сэр Фам. Это были апраханти. Один их вид уже наполняет вас ужасом, разве нет? Они теперь стали редки, но звездные торговцы помнят старые истории. Но все же... это было слишком даже для апраханти. Их Гегемония в упадке уже много столетий. — Он что-то протрещал кораблю, и окна заполнились видом ближайших ремонтных доков гавани. Раздался еще трескучий говор наездников, теперь между Синей Раковиной и Зеленым Стеблем. — Вот эти корабли, видите, они однотипны. Конструкция Верхнего Края, как и у нашего корабля, но более... хм... военизированная.

Зеленый Стебель придвинулась к окну.

— Их там двадцать. Зачем сразу ремонтировать столько двигателей?

Военизированная? Фам окинул корабли критическим взглядом. Сейчас он уже знал главные характеристики кораблей Края. У этих на вид была большая грузоподъемность. И развитая система датчиков.

— Ладно, значит, эти бабочки — крутой народ. Насколько напуганы Ринделл и компания?

Наездники долго молчали. Фам не знал, то ли его вопросу уделено серьезное внимание, то ли оба наездника одновременно потеряли нить разговора. Он посмотрел на Равну.

— А что там на местной сети? Интересно было бы знать, что тут вообще творится.

Равна уже возилась с коммуникатором.

— До сих пор были недоступны. Даже к группам новостей было не пробиться.

Это Фам мог понять, хотя это сильно раздражало. «Местная сеть» — это была комбинированная ультраволновая компьютерная сеть и сеть связи «Вечного Покоя», более сложная, чем все, известное Фаму, но концептуально подобная аналогичным организациям Медленной Зоны. А Фам Нювен видал, что могут сделать с такими конструкциями вандалы; Кенг Хо по крайней мере одну докучную цивилизацию уничтожила, извратив ее компьютерную сеть. Так что не удивительно, что святой Ринделл не дал им выхода в местную сеть. А пока они стоят в гавани, антенный рой «Внеполосного» по необходимости отключен, и связи с Известной Сетью и ее группами новостей тоже нет.

Лицо Равны озарилось улыбкой.

— Эй! Нам дали доступ на чтение, может быть, и больше. Зеленый Стебель, Синяя Раковина! Проснитесь!

Треск.

— Я не спал, — заявил Синяя Раковина, — я думал над вопросом сэра Фама. Святой Ринделл очевидным образом боится.

Зеленый Стебель, как обычно, не стала оправдываться. Она объехала своего супруга, чтобы лучше видеть открытое Равной окно. Там была конструкция из повторяющихся треугольников и аннотация на трисквелине. Фам ничего не понял.

— Интересно, — заметила Зеленый Стебель.

— Я смеюсь, — отозвался Синяя Раковина. — Это более чем интересно. Святой Ринделл — торговец неуступчивый. Но посмотрите, он за эту услугу не взял платы, даже процента к бартеру. Он напуган, но все равно хочет иметь с нами дело.

Хм. Значит, что-то из образцов товаров Верхнего Края могло заставить его рискнуть яростью апраханти. *Лишь бы это не было такое, без чего нам не обойтись.*

— Ладно, Рав, ты посмотри там...

— Погоди секунду, — ответила женщина. — Я хочу посмотреть группы новостей. — Она запустила программу поиска. Пальце ее быстро летали по окну консоли... и вдруг она задохнулась и побледнела.

— О Силы, только не это!

— Что там?

Но Равна не отвечала и на главное окно новости не вывела. Фам взялся за поручень возле ее консоли, подтянулся и прочел:

Шифр: 0
Получено: Синод Связи Гармоничного Покоя
Языковый путь: Бэлореск — Трисквелин, СК: Устройства трансляции
От: Союз Обороны [Объявляет себя союзом пяти многовидовых империй в Крае ниже страумского царства. До крушения Царства неизвестен]
Тема: Доблестная победа над Отклонением
Рассылка: Группа «Угроза Погибели»
Группа «Отслеживание войн»
Группа «Изучение Хомо сапиенс»
Дата: 159,06 дней от крушения Ретрансляторов.
Ключевые фразы: Действия, а не разговоры; Многообещающее начало
Текст сообщения:
Сто секунд назад силы Союза начали операцию против орудий Отклонения. Когда вы будете это читать, миры Хомо сапиенс, известные как Сьяндра Кеи, будут уничтожены.
Заметьте как следует: при всех разговорах и теоретизированиях о Погибели впервые кто-то начал *действовать*, и успешно. Сьяндра Кеи — одна из трех известных систем вне царства Страума, где водятся люди в больших количествах. Одним ударом мы уничтожили треть потенциала Погибели.
Следите за подтверждениями.
Истребить заразу!

В том же окне было еще одно сообщение, своего рода подтверждение, но не от «Истребить заразу».

Шифр: 0
Расчет: Благотворительность/Общий интерес
Получено: Синод Связи Гармоничного Покоя
Языковый путь: Самнорский — Трисквелин, СК: Устройства трансляции
От: [Замечание с уровня протокола: Данное сообщение получено на Сниироте в районе Сьяндры Кеи. Сигнал был очень слабый, возможно, с корабельного передатчика]

Тема: Помогите
Распределение: Группа новостей «Угрозы»
Дата: 5,33 часа от катастрофы на Сьяндре Кеи
Текст сообщения:
Сегодня наши основные обитаемые базы и планеты были поражены релятивистскими ракетами. Число смертных случаев не менее двадцати пяти миллиардов. Возможно, три миллиарда еще живы в кораблях и малых обитаемых базах.
Нападение продолжается.
Корабли противника внутри системы. Нам виден свет бомб. Они убивают всех.
Нам нужна помощь.

— Нет, нет, нет!

Равна обхватила его обеими руками, лицом зарылась в плечо, всхлипывая, неразборчиво выкрикивая что-то по-самнюрски. Тело ее тряслось. Фам почувствовал, что на его глазах тоже выступают слезы. Очень непривычное ощущение. Ведь это она была сильной, а он — хрупким на грани безумия. Теперь все повернулось наоборот, и что ему делать? А она бормотала:

— Мама, папа, Линн — никого, никого!

Это была катастрофа, которую они считали невозможной, но она случилась. За минуту Равна потеряла мир, в котором она выросла, и осталась вдруг одна во вселенной. «А для меня это случилось уже давно», — подумал он на удивление бесстрастно. Зацепившись ногой за палубу, он нежно укачивал Равну, пытаясь ее утешить.

Постепенно звуки горя стихли, хотя он еще ощущал грудью ее всхлипывания и дрожь. Она не отрывала лица от его промокшей рубашки. Фам посмотрел поверх ее головы на Синюю Раковину и Зеленый Стебель. Их кроны приобрели странный вид... будто увяли.

— Послушайте, я хочу увести Равну на время. Узнайте все, что сможете, а я вернусь.

— Да, сэр Фам. — И они, казалось, поникли еще больше.

Прошел час, пока Фам вернулся на мостик и застал наездников глубоко ушедшими в трещащий разговор с

«Внеполосным». Во всех окнах мелькало что-то странное. Иногда попадались обрывки пояснений, из которых Фам мог понять, что видит обычные дисплеи корабля, но приспособленные для органов чувств наездников.

Синяя Раковина заметил его первым. Резко подъехав, он спросил, и его голосовое устройство звучало чуть пискливо:

— Что с ней?

Фам слегка пожал плечами:

— Она спит. — «Под успокоительным и под наблюдением корабля, на случай, если я неверно оценил ее состояние». — Понимаете, ее постиг тяжелый удар, но она оправится. Она из нас самая стойкая.

Ветви Зеленого Стебля простучали улыбку.

— Я всегда так думала.

Синяя Раковина минуту стоял неподвижно. Потом со словами «Ладно, к делу, к делу!» что-то протрещал кораблю, и изображения сменили формат так, что стали понятны и наездникам, и человеку.

— Мы многое узнали, пока вас не было. Да, святому Ринделлу есть чего бояться. Флотилия апраханти — это мизерная часть истребительного флота этих «Истребить заразу». Есть отставшие, которые до сих пор на пути к Сьяндре Кеи!

Все готовы к бойне, а податься им некуда.

— Значит, теперь они хотят тоже выполнить какую-нибудь операцию.

— Да. Очевидно, Сьяндра Кеи оказала какое-то сопротивление и есть спасшиеся бегством. Командующий этим флотиком хочет кого-нибудь из них перехватить — если получит должный ремонт.

— И какой вид вымогательства здесь возможен? Эти двадцать кораблей действительно могут уничтожить «Вечный Покой»?

— Не в этом дело. Дело в репутации той силы, частью которой являются эти корабли — после гибели Сьяндры Кеи. Так что святой Ринделл их боится до судорог, а для ремонта им нужны те же агенты роста, что и нам. Мы и в самом деле конкурируем с ними за услуги святого Ринделл-

ла. — Ветви Синей Раковины хлопнули друг о друга с тем энтузиазмом «сейчас мы им зададим!», который у него случался при воспоминании о горячем деле. — Но выходит так, что у нас есть такое, что очень, *очень* нужно святому Ринделлу, из-за чего он даже может рискнуть обмануть апраханти. — Синяя Раковина сделал актерскую паузу.

Фам мысленно вспомнил список, который они предложили вечнопокойцам. *Господи, только бы не ультраволновое оборудование для нижней зоны.*

— Ладно, я сдаюсь. Что это?

— Комплект обожженных шпалер! Ха-ха.

— А? — Фам вспомнил это название из списка всякой всячины, которую наскребли наездники. — Что такое «обожженная шпалера»?

Синяя Раковина сунул ветвь под грузовой шарф и показал Фаму что-то корявое и черное: неправильной формы твердый предмет примерно сорок на пятнадцать сантиметров, гладкий на ощупь. Судя по виду, масса была не больше пары граммов. Искусственно выглаженный... шлак. У Фама любопытство взяло верх над более важными заботами.

— А на что это нужно?

Синяя Раковина дрожал от возбуждения. В следующую секунду заговорила Зеленый Стебель, чуть стеснительно:

— Есть всякие теории. Это чистый углерод, фрактальный полимер. Мы знаем, что в грузах из Перехода он встречается очень часто. Мы думаем, это упаковочный материал для разумных грузов.

— Или экскременты таких грузов, — прогудел Синяя Раковина. — А, это все не важно. А важно то, что его ценят некоторые расы в Среднем Крае. Почему? Этого мы тоже не знаем. Народ святого Ринделла — явно не конечный пользователь. Эти бивненогие куда как разумны, чтобы просто покупать шпалеры. Итак... у нас есть три сотни этих удивительных вещей... более чем достаточно, чтобы перекрыть страх святого Ринделла перед апраханти.

Пока Фам отсутствовал вместе с Равной, святой Ринделл предложил план. Применение агента роста в одной гавани с апраханти — это было бы слишком явно. И к тому же главарь бабочек потребовал убрать «Внеполосный». У

святого Ринделла была небольшая гавань в шестнадцати миллионах километров. Перемещение было даже вполне мотивированно, поскольку в тех краях было поселение наездников всего в нескольких сотнях километров от второй гавани. Там они встретятся с бивненогими и обменяют ремонтные агенты на двести семнадцать обожженных шпалер. И если шпалеры хорошо подойдут, Ринделл обещал подкинуть еще антигравитационной ткани. После катастрофы Ретрансляторов это было бы очень кстати... Ох ты. Старина Синяя Раковина никак не мог перестать раскатывать по стенке и строить планы сделок.

«Внеполосный» выполз со стоянки и осторожно поднялся над плоскостью кольца. *Уходим на цыпочках.* Фам пристально следил за ультраволновыми окнами. Но от кораблей апраханти не исходило излучения захвата цели — только случайные радары. Никто их не преследовал. Малыш «Внеполосный» и «Кусты в горшках» были недостойны внимания великих воинов.

Тысяча метров над плоскостью кольца. Десять тысяч. Болтовня наездников с Фамом и между собой почти стихла. Их стебли и ветви выгнулись, ощущая во всех направлениях. Солнце и его силовое облако сияло световым пятном на одной стене. Они поднялись над кольцами, но были еще очень близко, и зрелище было как на закате у моря на пляже из цветного песка, уходящего к бесконечному горизонту. Наездники смотрели, тихо помахивая ветвями.

Двадцать километров над кольцом. Тысяча. «Внеполосный» включил главный ракетный двигатель и стал ускоряться. Наездники медленно выходили из транса. После прибытия во вторую гавань ремонт займет примерно пять часов, если агент роста у Ринделла не выдохся — святой клялся, что он только что привезен из Вершины Края и даже не разведен.

— А когда мы им доставим эти шпалеры?

— По окончании ремонта. Мы не имеем права стартовать, пока святой Ринделл — или его клиенты — не убедятся, что товар подлинный.

Фам постукивал пальцами по консоли. Эта операция вызвала массу воспоминаний, и от некоторых из них волосы вставали дыбом.

— Значит, они получат товар, пока мы еще будем в самой середине Вечного Покоя. Мне это не нравится.

— Видите ли, сэр Фам, ваш торговый опыт относится к Медленной Зоне, где обмены были разделены десятилетиями или веками полета. Я за это восхищаюсь вами сильнее, чем могу выразить, — но из-за этого у вас неверный взгляд на вещи. Здесь, в Крае, понятие репутации принимается очень всерьез. Мы мало что знаем о внутренних мотивах святого Ринделла, но знаем, что его ремонтное предприятие существует не менее сорока лет. Мы можем ждать от него грабительских сделок, но если бы он убил или ограбил достаточно многих, об этом знали бы группы новостей по торговле и его маленькое предприятие умерло бы от голода.

— Хм.

Сейчас не было смысла спорить, но Фам считал, что у них ситуация особая. У Ринделла в частности и у вечнопокойцев вообще под дверями сидели «Истребить заразу», а от Сьяндры Кеи приходили сведения о грандиозном хаосе. При таком положении вечнопокойцы могли потерять смелость, как только получат шпалеры. Надо было принять меры предосторожности.

И Фам выплыл, направляясь в машинное отделение корабля.

28

Когда Синяя Раковина и Зеленый Стебель готовили шпалеры к отправке, на грузовую палубу вышла Равна. Вокруг глаз у нее были темные круги, почти синяки. Она почти нерешительно обняла Фама в ответ, но не отпустила его.

— Я хочу помочь. Есть что-нибудь, что я могу сделать?

Наездники оставили шпалеры и подкатили к ней. Синяя Раковина провел веткой по руке Равны.

— Ничего сейчас нет, миледи Равна. У нас все, э-э, в руках. Меньше чем через час мы вернемся, и можно будет избавиться от этого места.

Но они дали ей проверить камеры и крепление груза. Когда она осматривала шпалеры, Фам подплыл к ней поближе. Перекрученные куски угля вместе смотрелись еще причудливее, чем тот один, который он видел. Составленные должным образом, они отлично друг к другу подходили. Штабель размером более метра выглядел как трехмерная мозаика, вырезанная из угля. Считая еще мешок отдельных шпалер, набрали почти на полкило. Наверняка эти чертовы штуки еще и легко воспламеняются. Фам решил, что, когда они вернутся в глубокий космос, он там повозится с остальными ста с чем-то.

Наездники с грузом уже прошли сквозь грузовой шлюз, и теперь за ними можно было следить только по передачам их камер.

Эта вспомогательная гавань не была поселением расы бивненогих. Внутренность дуги очень отличалась от того, что было видно на первом выходе наездников. Окон внешнего вида не было. Между неправильной формы стенами, изрытыми дырами, вились кривые проходы. Всюду летали насекомые, часто даже заслонявшие глаза камер. С точки зрения Фама тут было грязно. Не было видно признаков обитателей поселения — если это не были бледные черви, иногда высовывающие из нор бесформенные головы. По голосовой связи Синяя Раковина предположил, что здесь живут древние обитатели Вечного Покоя. После миллиона лет и сотен эмиграций в Переход оставшиеся могли все еще быть разумными, но самыми причудливыми существами, когда-либо порожденными Медленной Зоной. Такой народ будет защищен от физического вымирания древней автоматикой, но он также будет повернут внутрь себя, полностью поглощен заботами, абсолютно бессодержательными по любым внешним стандартам. Это тот тип, который, вероятнее всего, и вожделеет к шпалерам.

Фам старался замечать все. Наездникам предстояло проехать четыре километра от шлюза гавани до того места, где шпалеры будут «инспектироваться». По дороге Фам заметил два внешних шлюза и ничего особенно угрожающего —

но как ему было знать, что здесь могло быть «угрожающим»? «Внеполосный» был включен на внешний обзор. С внешней стороны кольца плавал большой шарообразный спутник, но других кораблей в гавани не было. Релятивистская и ультраволновая обстановка выглядели мирно, а сообщения по местной сети о движении кораблей тоже не давали основания для подозрений.

Фам поднял глаза от дисплеев. Равна проплыла через палубу к экрану внешнего вида. Работа по ремонту была заметной, хотя и не особо зрелищной. Вокруг поврежденных шипов висел бледный зеленоватый ореол. Он был вряд ли ярче, чем сияние, которое иногда видно вокруг корпуса корабля на низких планетных орбитах. Равна повернулась и тихо спросила:

— Это действительно их чинит?

— Насколько я знаю... то есть да.

Автоматика корабля следила за восстановлением, но точно можно будет узнать, только включив эти шипы в полете.

Фам так никогда точно и не узнал, зачем Ринделл заставил наездников пройти через поселение червоголовых: может быть, эти существа были конечными потребителями шпалер и они хотели посмотреть на продавцов. А может быть, это было как-то связано с последовавшим в конце концов актом вероломства. В любом случае наездники скоро его миновали и оказались в полисферическом зале, где было тесно, как на базаре в низкотехническом мире.

У Фама отвисла челюсть. Куда бы он ни посмотрел, всюду были новые типы разумных существ. Разумная жизнь вообще редко развивается во вселенной; за свою жизнь в Медленной Зоне Фам знал только три не человеческих расы. Но вселенная велика, а гипердвигатель — отличное средство отыскать другую жизнь. В Крае собрались обломки бесчисленных миграций, сделавших в конце концов цивилизацию вездесущей. На секунду он отвлекся от своих программ наблюдения и от подозрений, пораженный и поглощенный увиденным. Десять видов? Двенадцать? Индивидуумы привычно мелькали друг мимо друга. Даже на Ретрансляторах такого не было. Но ведь Гармоничный Покой давно впал в стагнацию. Эти расы были частью

Вечного Покоя уже тысячи лет. Те, что могли взаимодействовать, давно уже начали это делать.

И нигде не было видно крыльев бабочек на существах с большими сочувственными глазами.

С той стороны палубы раздался легкий вскрик удивления. Равна стояла возле окна, на которое передавала одна из камер Зеленого Стебля.

— Что там, Рав?

— Наездники. Видишь? — Она показала в толпу и прибавила увеличение. На секунду изображения нависли над ней. Сквозь мелькающий мимо хаос Фам увидел мелькнувший корпус и грациозные ветви. Если не считать косметических полос и султанов, вид был очень знакомый.

— Да, здесь есть небольшая их колония поблизости. — Он открыл канал к Зеленому Стеблю и сказал о том, что видит.

— Да, я знаю. Мы их... учуяли. — Вздох. — Хотела бы я, чтобы у нас время было их после этого навестить. Найти друга в дальних местах — это всегда хорошо.

Она помогла Синей Раковине переместить шпалеры в летающий аквариум. Работники Ринделла были уже рядом. Шестеро бивненогих сидели на стене вокруг того, что скорее всего было испытательным оборудованием.

Синяя Раковина и Зеленый Стебель втолкнули в эту группу свой шар из вспененного углерода. Тот, что был с резьбой на бивнях, наклонился к штабелю и потянулся погладить его своими короткими ручками. Одну за другой шпалеры закладывали в испытательный стенд. Синяя Раковина подъехал ближе, чтобы наблюдать, а Фам вывел изображение с его камер на главные окна. Прошло двадцать секунд. Трисквелинский переводчик Ринделла произнес:

— Первые семь признаны верными, создают сцепленный септет.

Только тут Фам заметил, что задержал дыхание. Следующие три «септета» тоже прошли испытание. Он взглянул на состояние ремонта корабля. «Внеполосный» считал, что вся работа сделана, только надо отметить уход с локальной сети.

Еще несколько минут — и привет!

Но проблемы возникают всегда. Святой Ринделл прицепился к двенадцатому и пятнадцатому септету. Синяя Раковина долго спорил и, ворча, доставал замены из мешка с запасными. Фам не знал, то ли наездник так поступает ради собственного удовольствия, то ли у него действительно замены в дефиците.

Одобрили двадцать пять комплектов.

— Куда это Зеленый Стебель направилась? — спросила Равна.

— Что? — Фам вызвал изображения с камер Зеленого Стебля. Она уже отошла от Синей Раковины на несколько метров и уходила дальше. Он бешено стал осматриваться вокруг. Какой-то местный наездник шел слева от нее, а другой висел сверху, перевернутый, и касался ее ветвями в явно дружеском разговоре.

— Зеленый Стебель!

Ответа не было.

— Синяя Раковина! Что у вас там творится? — Но наездник был увлечен разговором жестов с бивненогими. Еще несколько шпалер не прошли инспекции. — Синяя Раковина!!

Через секунду раздался голос наездника по закрытому каналу. Звучал он неуверенно, как всегда бывало при перегрузке.

— Не беспокойте меня сейчас, сэр Фам. У меня осталось только три бесспорных замены. Мне следует убедить этих агентов согласиться на то, что у них уже есть.

Тут Равна вломилась в разговор:

— А Зеленый Стебель? Что с ней случилось?

Камеры потеряли друг друга из виду. Зеленый Стебель и ее спутники вынырнули из плотной толпы и поплыли над серединой зала. Они вместо колес использовали газовый движитель. Кто-то спешил.

До Синей Раковины дошла наконец серьезность положения. Объектив камеры его тележки резко завертелся вместе с ним, когда он стал ездить вокруг агентов Ринделла. Раздалась трескучая речь наездника, и потом по внутреннему каналу вернулся его голос, растерянный и смущенный.

— Ее нет... Ее нет... Я должен... Я обязан... — Он подкатился к бивненогим и возобновил прерванный спор. Через пару секунд вновь раздался его голос:

— Что мне делать, сэр Фам? У меня здесь незавершенная сделка, а моя Зеленый Стебель куда-то ушла!

Или похищена.

— Заканчивай сделку, Синяя Раковина! С Зеленым Стеблем ничего не случится... «Внеполосный»! План «Б»!

Он схватил наушник и оттолкнулся от консоли.

Равна поднялась вместе с ним.

— Куда ты собрался?

— Наружу. — Он усмехнулся. — Я опасался, что святой Ринделл может потерять свой нимб в решающий момент, и составил план. — Она поплыла вслед за ним к люку в полу. — Послушай. Я хочу, чтобы ты осталась на палубе. Я смогу нести только шпионскую аппаратуру, и нужно, чтобы ты координировала.

— Но...

Он нырнул в люк головой вперед, не дослушав ее возражений. Она не пошла за ним, но через секунду ее голос возник у него в наушнике. Дрожи в этом голосе больше не было, это говорила прежняя Равна.

— Ладно, я тебя прикрою... но что мы можем сделать?

Фам подтягивался по проходу рука за рукой, ускоряясь до скорости, которая новичка кидала бы между стен, как бильярдный шар. Впереди маячила стена грузового шлюза. Сильным толчком Фам оттолкнулся от стен и перевернулся ногами вперед. Чуть коснувшись стен, он затормозил как раз настолько, чтобы не сломать лодыжки при ударе. Внутри шлюза корабль уже приготовил ему включенный скафандр.

— Фам, тебе нельзя наружу! — Очевидно, она наблюдала сквозь камеры шлюза. — Они узнают, что это экспедиция людей!

Голова и плечи Фама скрылись за броней скафандра. Низ костюма окружил его, швы затянулись.

— Не обязательно. — *А кроме того, сейчас это уже, быть может, не важно.* — Здесь полно всяких двуруких-двуногих, а я на этот костюм налепил кое-какой камуфляж.

Он сунул подбородок в панель управления шлема и включил дисплеи. Бронированный скафандр по сравнению с силовыми скафандрами Ретрансляторов был очень примитивен. Но Кенг Хо за такое снаряжение могла бы отдать целый звездолет. Изначально он состряпал эту штуку, чтобы произвести впечатление на Стальных Когтей. *Что ж, придется испытать ее раньше.*

Он включил подбородком внешний вид, то, что видела Равна. Его собственная фигура была неразличимо черной, выше двух метров. Руки заканчивались крабовыми клешнями, на всех краях фигуры торчали бритвенно-острые шипы. Эти недавние добавления изменили линии слишком человеческого контура и были, как он надеялся, чертовски устрашающими.

Закрыв люк, Фам вытолкнул себя в поселение червоголовых. Его окружили стены грязи, туманные во влажном воздухе, кишащие насекомыми.

В ухе зазвучал голос Равны:

— У меня запрос нижнего уровня, возможно, автоматический: «Зачем послали третьего негоцианта?»

— Не отвечай.

— Фам, будь осторожен. У культур Среднего Края, у старых, могут быть в резерве очень противные штуки. Иначе они не уцелели бы.

— Я буду законопослушен.

Пока меня не станут обижать.

Он уже прошел полпути до ворот зала, когда включил на небольшое окно изображение от камеры Синей Раковины. Вся эта широкополосная связь была любезностью от местной сети. Странно, что Ринделл до сих пор ее предоставлял. Синяя Раковина, кажется, все еще ведет переговоры. Может быть, это еще и не было подстроено... или, во всяком случае, подстроено не Ринделлом.

— Фам, изображение от Зеленого Стебля потеряно, она вошла в какой-то туннель. Ее локационный маяк работает нормально.

Ворота зала раскрылись перед Фамом, и он оказался в забитом толпой рынке. Гудение ощущалось даже через броню скафандра. Он медленно пробирался вперед, стараясь выбирать путь, где посвободнее, вдоль веревочных перил,

которыми был увешан этот зал. Толпа проблемы не представляла — все давали ему дорогу, некоторые даже со страхом. Фам не знал, дело тут в бритвенных шипах или в следах «утечки» хлора. *Может быть, это было уже лишнее.* Но ведь главное было выглядеть не человеком. Фам еще сильнее замедлился, стараясь никого не задеть. Что-то очень похожее на лазер прицела мелькнуло у него в заднем окне. Он быстро нырнул за какой-то аквариум, а голос Равны сказал:

— Местная власть просто сделала замечание по поводу твоего скафандра. Перевод примерно такой: «Вы нарушаете кодекс одежды».

Дело в хлоре или они засекли оружие?

— Что там снаружи? Бабочек не видно?

— Нет. Движение судов не изменилось за последние пять часов. Движения апраханти или их интенсивного выхода в эфир не наблюдалось.

Длинная пауза. Через мостик «Внеполосного» Фам слышал переговоры Синей Раковины и Равны. Слова звучали неразборчиво, но возбужденно. Он подергался, пытаясь найти прямую связь. Потом Равна снова обратилась к нему:

— Ура! Синяя Раковина говорит, что Ринделл принял весь груз. Он немедленно отгружает антигравитационную ткань. А «Внеполосный» подтвердил окончание ремонта!

Значит, можно и улетать — только трое из четверых еще не на борту.

Фам перелетел через аквариум и наконец заметил Синюю Раковину. Очень аккуратно действуя газовым соплом костюма, он подлетел к наезднику.

Обрадовались ему примерно как клещу на пикнике. Изукрашенный резьбой в это время что-то болтал, похлопывая своей картинной галереей по стене, пока его помощник переводил его на трисквелин. Сейчас это существо втянуло свои бивни, а шейные руки сами себя сложили. Остальные последовали его примеру. Все они поползли вверх по стене, удаляясь от Фама и Синей Раковины.

— Наше дело окончено. Куда удалился ваш друг, нам неизвестно, — заявил переводчик.

Ветви Синей Раковины вытянулись, колыхаясь, им вслед.

— Н-но лишь небольшое указание с вашей стороны — это все, что нам нужно! Кто...

Бесполезно. Святой Ринделл и его веселая компания уходили. Синяя Раковина резко что-то протрещал с досады. Его ветви слегка склонились, он обратился к Фаму:

— Сэр Фам, я теперь сомневаюсь в вашем опыте торговца. Может быть, святой Ринделл нам бы и помог.

— Может быть. — Фам смотрел, как бивненогие исчезают в толпе, волоча за собой шпалеры как большой черный воздушный шар. Хм. Может быть, Ринделл и в самом деле честный торговец. — Насколько вероятно, чтобы Зеленый Стебель тебя бросила в самый разгар такой сделки?

Синяя Раковина минуту подумал.

— При обычном торговом заходе в порт, если бы она заметила какую-то экстраординарную возможность заработать. Но здесь я...

Раздался сочувственный голос Равны:

— Может быть, она, э-э, просто забыла контекст?

— Нет. — Синяя Раковина говорил определенно. — Тележка никогда не допустит такого сбоя, уж по крайней мере не в разгар серьезной торговли.

Фам прокрутил окна внутри шлема, глядя во все стороны. Толпа по-прежнему обтекала их со всех сторон. И полицейских не было видно. «А я бы узнал его, если бы увидел?»

— Ладно, — сказал Фам. — У нас все равно проблема, пришел бы я или нет. Я предлагаю слегка пройтись и посмотреть, не найдем ли мы, куда пошла Зеленый Стебель.

Треск ветвей.

— У нас небольшой выбор. Миледи Равна, пожалуйста, попробуйте связаться с переводчиком бивненогих. Возможно, он знает, где найти местных наездников. — Он отошел от стены и повернулся на газовом двигателе. — Пойдемте, сэр Фам.

Синяя Раковина шел через зал примерно в том направлении, куда ушла Зеленый Стебель. Этот путь был каким угодно, только не прямым, скорее уж прогулкой пьяницы, которая один раз чуть не привела их к тому месту, с которого они начали.

— Деликатнее, деликатнее, — сказал наездник, когда Фам пожаловался на медленный темп.

Наездник никогда не пытался пройти через скопления народа. Если не реагировали на вежливые взмахи его ветвей, он обходил вокруг. И Фама он держал точно за собой, так что устрашающие свойства броневых бритв оставались без употребления.

— На ваш взгляд, сэр Фам, они могут казаться вполне мирными. Но видите ли, таковы они друг с другом. Эти расы привыкали друг к другу много тысяч лет, чтобы добиться местной совместимости. К чужакам они куда менее терпимы, иначе их бы завоевали уже много лет назад.

Фам вспомнил предостережение насчет «кодекса одежды» и решил не спорить.

Следующие двадцать минут для торговца из Кенг Хо были переживанием, которое запоминается на всю жизнь: быть на расстоянии вытянутой руки от дюжины различных разумных видов. Зато когда они добрались до дальней стены, Фам уже скрипел зубами. Еще два раза ему сделали предупреждение насчет «кодекса одежды». Единственное было светлое пятно: святой Ринделл не снял их выхода на локальную сеть, и Равна получила еще информацию:

«Местная колония наездников в ста километрах от торгового зала. За той стеной, у которой вы находитесь, что-то вроде транспортной станции».

А туннель, в который вошла Зеленый Стебель, был как раз перед ними. Оттуда, где они находились, видна была темнота космоса за туннелем. Впервые в этом месте не было трудностей с толпой: мало кто выходил из туннеля или в него входил.

В задних окнах снова мигнул лазерный луч. Голос Равны: «Нарушение кодекса одежды. Четвертое предупреждение. Это значит: «Будьте добры немедленно покинуть помещение».

— Мы уже идем.

Было темно, и Фам увеличил до отказа усиление окон шлема. Сначала он подумал, что «транспортная станция» открывается в космос и местные жители используют ограничительные силовые поля, как в Верхнем Крае. Но потом он заметил колонны, сливающиеся с прозрачными стенами. Они все еще были в помещении, но вид отсюда был...

Они оказались на стороне дуги, выходящей к звездам. Частицы кольца казались темными рыбами, плывущими от него в нескольких десятках метров. Поодаль из плоскости кольца выступали конструкции настолько высокие, что сверкали на солнце ослепительно. Но самый яркий предмет был почти над головой: синева океана, белизна облаков. И его мягкий свет заливал все вокруг. Как бы далеко ни добиралась Кенг Хо в свое время, любой там обрадовался бы такому зрелищу. Но оно не было вполне реальным. Океан был только приблизительно сферическим, и его поверхность была разрезана тенью кольца. Это был небольшой объект, не более чем в нескольких сотнях километрах над головой — один из охранных спутников, которые они видели по дороге сюда. Расплывчатая атмосфера спутника была резко ограничена по сторонам каким-то обширным сводом.

Фам отвел глаза от этого зрелища.

— Десять к одному, что колония местных наездников там.

— Конечно, — отозвался Синяя Раковина. — Это типичное место. Я бы никогда не выбрал прибоя в такой мини-гравитации, но...

— Синяя Раковина, милый! Сэр Фам! Сюда!

Это был голос Зеленого Стебля. Если верить скафандру Фама, он шел прямой связью, не по трансляции с «Внеполосного».

Ветви Синей Раковины изогнулись во всех направлениях.

— Зеленый Стебель, с тобой ничего не случилось?

Они несколько секунд потрещали друг с другом. Затем Зеленый Стебель перешла опять на трисквелин:

— Сэр Фам? Да, со мной ничего не случилось. Я прошу прощения, что так вас взволновала. Но я видела, что дело с Ринделлом идет как надо, и тут рядом со мной остановились местные наездники. Это чудесный народ, сэр Фам. Они пригласили нас в свою колонию. Всего на день-другой. И так чудесно будет отдохнуть перед дальним путем. И я думаю, они нам могут помочь.

Как в приключенческих романах, которые у Равны в прикроватной библиотеке. Усталые путешественники на полпути к цели находят дружественные небеса и какой-

нибудь волшебный подарок. Фам переключился на закрытую связь с Синей Раковиной:

— Это в самом деле Зеленый Стебель? И она не под давлением?

— Это она, и она свободна, сэр Фам. Вы слышали наш разговор. Я знаю ее две сотни лет. Никто ей ветви не выкручивает.

— Тогда *какого черта* она от нас удрала? — Фам сам удивился, когда эти слова чуть ли не прошипел.

Длинная пауза.

— Это *действительно* странно. Мое предположение: местные наездники знают что-то, что для нас очень важно. Пойдемте, сэр Фам. Но осторожно.

Он откатился прочь в направлении, которое казалось случайным.

— Рав, а что ты ду... — Фам заметил красный огонек на панели состояния связи, и его раздражение мигом остыло. Давно ли с Равной пропала связь?

Фам последовал за Синей Раковиной, летя очень низко и используя свои газовые двигатели, чтобы не отстать. Все стены были усеяны липучкой, которые наездники используют для колесной езды при нулевой гравитации. Только сейчас здесь никого не было. Никого на виду, хотя в сотне метров кишат толпы. Все это громко вопило о засаде, но какой смысл? Если «Истребить заразу» — или их шестерки — их заметили, достаточно было бы просто поднять тревогу. Или это Ринделл что-то задумал? Фам подал питание на лучевое оружие и задействовал защиту; москитные камеры разлетелись во все стороны. Извини, кодекс одежды.

Голубоватый лунный свет омывал равнину, высвечивая пологие холмики и угловатые гряды неизвестной аппаратуры. Поверхность была изрыта норами (входы туннелей?). Синяя Раковина что-то сказал неразборчивое насчет «прекрасной ночи», что-то насчет как прекрасно будет сидеть в такую ночь в прибое в ста километрах над ними. Фам сканировал все направления, пытаясь определить огневые поля и зоны поражения.

Изображение с одной из москитных камер показало ему целый лес стеблей с ветвями — там молча стояли в лунном свете наездники. За две гряды холмов от него. Молчали-

вые, недвижные, без света... может быть, просто наслаждаются лунным светом. На увеличенном изображении с камеры Фам без труда нашел Зеленый Стебель. Она стояла крайней в ряду из пяти наездников, полосы на ее корпусе были видны отчетливо. Впереди на ее тележке выступал горб, как торчащий из-под материи стержень. Какой-то ограничитель? Фам подогнал еще пару москитных камер. *Оружие.* Все эти наездники вооружены.

— Мы уже на борту транспорта, Синяя Раковина, — донесся голос Зеленого Стебля. — Ты его увидишь через несколько метров, на той стороне вентилятора. — Голос отражался от холма, к которому подходили они с Синей Раковиной. Но Фам знал, что там нет летательного аппарата, а только Зеленый Стебель и ее наездники с оружием. Коварство, очень мастерское, но очень низкотехничное. Фам чуть не крикнул Синей Раковине, но заметил керамический прямоугольник, смонтированный на холме всего в метрах позади наездника. Москитная камера сообщила, что это какая-то взрывчатка, возможно, направленная мина. Рядом с ней была смонтирована камера низкого разрешения, чуть лучше простого датчика движения. Синяя Раковина проехал мимо нее, не заметив, все время болтая с Зеленым Стеблем. *Они его пропустили.* Возникало новое подозрение, темное и суровое. Фам резко остановился и подался назад, не касаясь почвы, единственный производимый им звук исходил от газовых реактивных двигателей. Он отцепил одну из кистевых клешней и заставил одну москитную камеру протащить ее мимо датчика мины.

Вспышка бледного огня и громкий шум. Даже в пяти метрах в стороне удар отбросил его назад. Мелькнул в боковом зрении Синяя Раковина, одну его ветвь захлестнуло за колеса. Провизжал мимо зазубренный металл, но не управляемый: ни один осколок не повернул назад. Взрыв разрушил несколько москитных камер.

Фам воспользовался шумом и суматохой, чтобы резко ускориться, перевалить ближайший холм и влететь в неглубокую долину (аллею?), которая выходила на наездников. Сидевшие в засаде покатили вперед вокруг холма, весело треща ветвями друг с другом. Фам сдержал свой гнев — из

любопытства. Через секунду раздался голос Синей Раковины в ста метрах от него:

— Фам? — позвал он жалобно. — Фам?

Наездники из засады на него не обратили внимания. Трое их исчезли за холмом, и москитные камеры Фама видели, как они резко остановились, подняв ветви, — они поняли, что он ускользнул. Пятеро разошлись в стороны, обшаривая местность. Убедительная речь Зеленого Стебля больше не слышалась.

Из-за холма раздался сухой треск и вспыхнуло пламя бластера. Кто-то понервничал.

Над всем этим парил Синяя Раковина — великолепная мишень, но никто в него не стрелял. Его речь теперь была комбинацией треска и трисквелина, и то, что слышал Фам, выдавало страх:

— Зачем вы стреляете? В чем дело? Зеленый Стебель, отзовись, пожалуйста!

Но параноика внутри Фама Нювена трудно было ввести в обман. *Я не хочу, чтобы ты там сверху смотрел вниз.* Он направил главный лучевой пистолет на наездника, потом сдвинул прицел и выстрелил. Луч не был в пределах видимого спектра, но давал в импульсе гигаджоули. Вдоль луча вспыхнула плазма, миновав Синюю Раковину всего на пять метров. Далеко над головой наездника луч ударил в прозрачный купол. Взрыв был зрелищным — фотовспышка, от которой разлетелись тысячей лучей горящие осколки.

Фам отлетел в сторону одновременно со вспышкой потолка. Он видел, как Синяя Раковина завертелся, восстановил управление и бросился прятаться. Там, куда ударил луч выстрела, горела корона, переливаясь от голубого до оранжевого и красного, затмевая висящую вверху луну.

Его предупредительный выстрел сработал как гигантский палец, показавший, где он есть. Следующие пятнадцать секунд четверо сидевших в засаде поливали огнем то место, где он только что был. Сначала была тишина, потом странное шуршание. В игре в прятки эти пятеро могли ждать легкой победы. Они все еще не поняли, как он хорошо экипирован. Фам улыбнулся, глядя на изображения с москитных камер. Он видел их всех пятерых, и Синюю Раковину тоже.

Было бы их всего только эти четверо — пятеро? — не было бы проблем. Но конечно, подкрепления — или по крайней мере осложнения — уже спешили к месту боя. Рана в потолке остыла и погасла, но там теперь была *дыра* по крайней мере в полметра. Может быть, утечка не сразу скажется на наездниках, но тревога точно поднимется. Будет шум. Фам посмотрел на пробоину. Здесь, внизу, был только легкий ветерок, но возле дыры бушевал смерч пыли и обломков, завиваясь вверх и наружу...

А за прозрачным куполом, в космосе — темная полоса и сверкающее перистое облако вырывающихся из тени дуги на лунный свет обломков. Какая-то мысль стучалась, но он не успевал ее уловить...

Ух ты! Пятеро наездников почти его окружили. Вот один из них высунулся, заметил Фама и выстрелил. Фам ответил, и противник взорвался облаком перегретой воды и обугленной плоти. Невредимая тележка поплыла дальше над холмами, привлекая на себя панический огонь остальных. Фам снова переменил позицию, двигаясь в направлении от противника.

Еще несколько мирных минут. Фам посмотрел на перистое облако. Была какая-то мысль... да. Если должны прийти подкрепления, то почему не к нему? Он нацелился на перистое облако и замкнул голосовую связь на спусковую схему лучевого пистолета на. Почти уже начал говорить, но... *Для этой работы мощность лучше снизить.* Он снова прицелился, открыл непрерывный огонь и произнес:

— Равна, я чертовски надеюсь, что у тебя глаза открыты. Мне нужна помощь...

И он кратко изложил события десяти сумасшедших последних минут.

На этот раз луч давал меньше десяти килоджоулей в секунду — недостаточно, чтобы воздух светился. Но, отражаясь от облака над куполом, модуляция будет видна за тысячи километров, в частности, на «Внеполосном» на той стороне базы.

Наездники снова приблизились. Черт их побери. *Это* сообщение никак не поставишь на автоматическую передачу: «передатчик» ему нужен для более важных дел. Фам

перебегал от долины к долине, маневрируя за наездником, который был дальше остальных. Снова против троих-четверых? У него огневое и информационное преимущество, но малейшее невезение — и он труп. Фам летел к следующей цели. Спокойно, тщательно...

Световой удар хлестнул по руке, ослепительно вспыхнула броня. Он увернулся, рассыпая белые капли горячего металла. Фам резко бросился между тремя холмами, стреляя по затаившемуся там наезднику. Вокруг него скрещивались лучи, но он снова уже был в укрытии. Они были быстры, будто у них была аппаратура автоматического прицеливания. А может быть, и в самом деле была: их тележки.

Потом ударила боль. Фам сложился пополам, зашипев сквозь зубы. Если это будет как раны, которые он помнит, то мясо обуглено до кости. На глазах выступили слезы, сознание ускользало в тошнотное забытье. Он пришел в себя. Это продолжалось не больше секунды-другой, иначе бы он не очнулся уже никогда. Противники были уже намного ближе, но тот, в которого он стрелял, превратился в кратер с обломками тележки. Автоматика скафандра притянула поврежденную броню к боку. Фам ощутил прохладу местной анестезии, и боль затихла. Он обошел вокруг холма, стараясь не попадаться на глаза ни одному из трех противников. Они занялись его москитными камерами. Каждые несколько секунд раздавался взрыв или вершина холма превращалась в пылающую лаву. Это было из пушек по воробьям, но камеры-то выходили из строя... и Фам терял свое самое большое преимущество.

Где Синяя Раковина?

Фам прокручивал виды от своих москитных камер и от камер скафандра. Этот паразит Синяя Раковина мотался высоко вверху над схваткой — наездники его не трогали. *И докладывает, что я делаю.*

Фам перекатился на спину, неуклюже направляя пистолет на крохотную фигурку, — и замер в нерешительности. *Мягчаешь, Нювен.*

Синяя Раковина вдруг устремился вниз, грузовой шарф развевался позади. Очевидно, он шел на газовом движите-

ле. На фоне грохочущего металла и грохота бластеров его падение было совершенно беззвучным. И пикировал он прямо на ближайшего противника Фама.

На высоте тридцати метров наездник выпустил что-то большое и угловатое. Этот предмет отделился, а наездник нырнул в сторону и исчез за холмами. В тот же миг рядом раздался глухой удар и скрежет. Фам пустил одну из последних камер заглянуть за этот холм и увидел смятую тележку и раздавленный стебель. Вспышка света — и камера сгорела.

Осталось только два противника. Одна из них — Зеленый Стебель.

На десять секунд стрельба стихла. Но тишина не наступила. Пузырился и лопался, остывая, металл рукава скафандра. Высоко вверху свистел и шипел выходящий в дыру воздух. Шептали вихри, кружась у самой земли, заставляя все время играть газовыми двигателями, чтобы остаться на месте. Фам дал воздушному потоку вынести его из долины. *Вот!* Призрачный свист исходил не от его двигателей. А вот и другой. Эти двое приближались к нему с разных сторон. Его положения они не знали, но свои действия явно координировали.

Боль налетала и проходила вместе с приступами забытья. Импульсы пытки и темноты. С анестетиками Фам больше играть не решался.

Из-за ближайшего холма показались верхушки ветвей. Он замер, выжидая. Скорее всего эти ветви вполне могут воспринять движение... Еще две секунды. Последняя камера Фама показала, как второй нападающий медленно приближается сбоку. В любую секунду эти двое могут броситься. Фам сейчас отдал бы все, что угодно, за вооруженную москитную камеру. Какая глупость, что... ладно, этим делу не поможешь. Он выжидал прилива ясного сознания достаточно долгого, чтобы выскочить и произвести выстрел.

Треск ветвей, громкое объявление «я здесь». Камера Фама поймала изображение Синей Раковины, который катился за чешуйчатой стеной в ста метрах от него. Наездник перемещался от укрытия к укрытию, но каждый раз

поближе к позиции Зеленый Стебля. А что значил его треск? Мольба? Фам после пяти месяцев с наездниками не научился различать смысл этой трескучей речи. А Зеленый Стебель, которая всегда была так застенчива, так болезненно честна, не отвечала. Она водила лучом из стороны в сторону, поджигая чешуйки стены. Третий наездник был слишком далеко, чтобы стрелять по стене. Он был как раз в удобной позиции, чтобы ударить по тому месту, где сейчас был Синяя Раковина — только его перемещение подставило его точно под выстрел Фама Нювена.

И Фам выстрелил как раз тогда, когда противник высунулся из укрытия. Теперь у него был единственный шанс. Если он сможет повернуться, выстрелить в Зеленого Стебля, пока она не разделалась с Синей Раковиной...

Этот маневр, простой переворот через голову, должен был оставить его в положении вниз головой и лицом к Зеленому Стеблю. Но сейчас все было трудно, и Фам завертелся слишком быстро, и земля под ним дернулась. Но он увидел, как Зеленый Стебель поворачивает к нему свое оружие.

А Синяя Раковина летел к ней между колонн, раскаленных добела ее огнем. И голос его в ушах Фама звучал отчетливо и громко:

— Молю тебя, не убивай ее. Не убивай...

Зеленый Стебель застыла в нерешительности, а потом навела ствол на приближающегося Синюю Раковину. Фам спустил курок, и из-за собственного вращения его луч пропахал землю. *Цельсь! Цельсь, черт тебя возьми!* Он снова вспахал землю сияющей расплавленной стрелой, и луч уперся во что-то темное и бесформенное. Крошечная фигурка Синей Раковины все еще катилась через поле боя к Зеленому Стеблю. Потом Фам слишком сильно повернулся и не мог вспомнить, как переключить вид. Перед его глазами медленно проворачивалось небо.

Голубоватая луна с резкой тенью в самой середине. Приближающийся корабль с перистыми шипами, как гигантский жук. Ради самой Кенг Хо... где это он?

И сознание его покинуло.

29

Остались сны. Он снова лишился звания капитана и был сослан ухаживать за цветами в горшках в корабельной оранжерее. Их надо было поливать и заставлять цвести. Но у горшков были колеса, и растения ездили за его спиной, переговариваясь тихим треском, выжидая момент. То, что было красивым, стало непонятной угрозой. Фам всегда любил поливать и пропалывать эти создания, он всегда ими восхищался.

Но сейчас он был единственным, кто знал: они — враги жизни.

Фам Нювен не раз в своей жизни просыпался внутри медицинских автоматов. Он почти привык к тесным, как гробы, бакам, ровным зеленым стенам, проводам и трубкам. Но сейчас было по-другому, и он не сразу понял, где он. Над ним склонялись гибкие деревья, чуть шелестя на теплом ветерке. Он лежал на мягчайшем мху поляны над прудом. Дрожал над землей теплый летний воздух. Все это было так приятно, только листья были *шерстистые* и зеленые совсем не той зеленью, к которой он привык. Это было чье-то чужое представление о родном мире. Фам потянулся к ближайшей ветви, и в пятидесяти сантиметрах от лица рука уперлась в неподдающуюся преграду. Закругленная стена. Несмотря на все хитрые картинки, это был хирург тех же размеров, что помнил Фам.

За головой у него что-то щелкнуло; вся идиллия скользнула в сторону, забрав с собой теплый ветерок. Кто-то — Равна! — плавал за пределами цилиндра.

— Привет, Фам!

Она сунула руку мимо купола хирурга и слегка стиснула его плечо. Поцелуй ее был слабым, и вид у нее был истощенный, будто она много плакала.

— Привет и тебе! — ответил он.

Память восстанавливалась обрывками. Фам попытался оттолкнуться от ложа и нашел еще одно сходство между этим хирургом и теми, которые он знал во времена Кенг Хо: его крепко держали.

Равна негромко рассмеялась.

— Хирург! Отпустить пациента.

В следующую секунду Фам свободно всплыл в воздух.

— Он все еще держит мою руку.

— Нет, это подвеска. Твоя левая рука еще довольно долго будет отрастать. Она была сожжена почти полностью.

— А! — Он поглядел на кокон, привязывавший руку к боку. Вспомнил бой... и понял, что частично его сны чертовски реальны. — Как долго я был в отключке?

В его голосе проскользнула озабоченность.

— Примерно тридцать часов. Мы уже ушли от Гармоничного Покоя на шестьдесят световых лет. Идем хорошо, если не считать того, что за нами, кажется, гонится все население космоса.

Тот самый сон.

Свободная рука Фама резко сжалась на руке Равны выше локтя.

— А где наездники?

Только бы не на борту, ради Флота!

— Т-то... то, что осталось от Зеленого Стебля, — в другом хирурге. Синяя Раковина...

Зачем они оставили меня в живых?

Глаза Фама обежали каюту. Любое оружие отсюда не ближе двадцати метров. Хм. А вот что важнее оружия: командные права на «Внеполосном»... если еще не поздно. Он оттолкнулся от ложа хирурга и поплыл из каюты.

Равна за ним.

— Легче, Фам. Ты же только что из хирурга.

— Что они рассказали о перестрелке?

— Бедняжка Зеленый Стебель не в том состоянии, чтобы что-то рассказывать. А Синяя Раковина рассказал примерно то же, что и ты: Зеленый Стебель была захвачена дикими наездниками и ее заставили заманить тебя в западню.

— Хм, хм. — Фам старался говорить непринужденным тоном. Так, может быть, еще есть шанс. Может быть, Синяя Раковина еще не обращен.

Он пробирался на одной руке по главному коридору и через минуту вышел к мостику. Равна держалась рядом с ним.

— Фам, в чем дело? Мы должны многое решить, но ..

До чего же ты права!

Он нырнул на командную палубу и подплыл к консоли.

— Корабль! Ты узнаешь мой голос?

— Фам, что за... — начала Равна.

— Да, господин.

— ...фигню ты затеял?

— Командные права, — не обращал на нее внимания Фам. — Предоставленные мне во время отлучки наездников. Они еще в силе?

— Так точно.

У наездников было тридцать часов на планирование обороны. Слишком легко все получается, слишком легко.

— Прекратить командные права наездников. Изолировать их.

— Сделано, господин! — донесся ответ корабля. *Врет!* Но что можно сделать? Поднимающийся панический страх достиг апогея — и вдруг Фам ощутил полное хладнокровие. Он ведь из Кенг Хо... и он несет в себе богошок.

Оба наездника были в одной каюте, Зеленый Стебель в другом коконе хирурга. Фам открыл окно в эту каюту. Синяя Раковина сидел на стене возле хирурга. Вид у него был увядший, как тогда, когда он услышал о Сьяндре Кеи. Он выгнул ветви в сторону окна.

— Сэр Фам! Корабль мне сказал о прекращении моих командных прав?

— Что ты творишь, Фам?

Равна зацепилась ногой за пол и смотрела на него горящим взглядом. Фам оставил без ответа оба вопроса.

— Как там Зеленый Стебель? — спросил он.

Ветви отвернулись в сторону и, казалось, обвисли еще больше.

— Она жива... Я благодарен вам, сэр Фам. Сделать то, что вы сделали, — великое искусство. Учитывая все обстоятельства, я бы не решился просить о большем.

А что я сделал?

Он вспомнил, как стрелял по Зеленому Стеблю. Он что, сдвинул прицел? Фам заглянул внутрь хирурга. Там было все не так, как в приборе для людей. Пространство было почти полностью заполнено водой с интенсивной аэрацией вокруг ветвей пациента. Спящая (?) Зеленый Стебель

казалась еще более хрупкой, чем ему помнилось, и ветви ее беспорядочно колыхались в воде. Некоторые были оборваны, но тело, кажется, не пострадало. Глаза Фама опустились к основанию стебля, которым обычно наездник крепился к тележке. Обрубок заканчивался облаком трубок хирурга. И Фам вспомнил последний выстрел, выбивший тележку из-под Зеленого Стебля. Что же представляет собой наездник, которому не на чем ездить?

Он с усилием отвел глаза от обрубка.

— Я удалил твои командные права, потому что я тебе не доверяю. *Мой бывший друг, орудие моего врага.*

Синяя Раковина не ответил. Тогда заговорила Равна:

— Фам, без Синей Раковины я бы ни за что не вытащила тебя с этой базы. И после этого мы торчали в самой середине системы «Вечного Покоя». Охранные спутники вопили, требуя нашей крови, — они догадались, что мы люди. Апраханти хотели взять штурмом гавань и добраться до нас. Без Синей Раковины мне бы никогда не убедить местную охрану позволить нам уйти в гиперпрыжок — нас бы наверняка взорвали, стоило нам только выйти из плоскости кольца. Мы бы все уже были мертвы, Фам.

— Ты знаешь, что там было?

В лице Равны стало чуть меньше негодования.

— Знаю. Но ты пойми, что такое тележка. Это же механическое дополнение. И кибернетическое сердце от механических исполнителей очень легко отсоединить. Это те парни крутили колеса и наводили бластер.

Хм. В окне за спиной Равны Синяя Раковина стоял, не шевеля ветвями, не выражая согласия. Торжествуя?

— Это не объясняет, почему Зеленый Стебель заманивала меня в западню. — Он поднял руку. — Да, я знаю, ее вынудили, но маленькая закавыка, Равна: она не колебалась. Она это делала с энтузиазмом, радостно. — Фам оглянулся через плечо. — Она была не под принуждением.

Разве ты этого не говорил, Синяя Раковина?

Долгое молчание, и голос Синей Раковины:

— Да, сэр Фам.

Равна повернулась, отплывая назад, чтобы видеть их обоих.

— Но ведь... но ведь это все равно абсурд! Зеленый Стебель была с нами с самого начала. Она тысячу раз могла бы уничтожить корабль — или передать информацию наружу. Зачем же рисковать такой дурацкой засадой?

— Да. А почему они не предали нас раньше...

Пока Равна не задала этот вопрос, Фам не знал на него ответа. Он знал факты, но теория, которая бы их объясняла, не складывалась. Теперь все стало на места: и засада, и его сны в хирурге, и даже все парадоксы.

— Потому что раньше она не была предательницей. Мы и в самом деле ускользнули с Ретрансляторов без преследования, так, что никто не знал о нас, и уж тем более о нашей цели. Конечно, никто не ожидал появления людей на Гармоничном Покое. — Он помолчал, сопоставляя все это еще раз. Засада... — Эта засада, она не была глупой, она была лишь только полностью импровизированной. У противника не было резервов. Оружие было безмозглое и простейшее... — догадка! — ...да если ты посмотришь на остатки тележки Зеленого Стебля, спорить могу: ее лучевой пистолет переделан из плазменного резака. Единственным датчиком на поставленной мине был детектор движения — тоже с какой-то мирной аппаратуры снятый. Все эти приспособления были собраны в спешке лицами, которые не ждали боя. Нет, для противника наше появление было большим сюрпризом.

— Ты думаешь, апраханти могли...

— Да не апраханти! По твоим словам выходит, что они появились на сцене только после стрельбы, когда луна наездников стала вопить про нас на всю систему. Кто бы за этим ни стоял, он не зависит от больших бабочек и должен иметь по очень немного агентов в очень многих звездных системах — широкая сеть ушей, слушающих то, что ему интересно. Они заметили нас, и, как бы ни был слаб этот их форпост, они попытались захватить наш корабль. Объявили они о нас, только когда мы от них отбились. Так или иначе, а они не хотели, чтобы мы ушли. — Фам ткнул пальцем в окно ультраволнового слежения. — Если я правильно понял эту картинку, у нас на хвосте кораблей пятьсот.

Глаза Равны метнулись к дисплею и обратно. И голос ее был лишен интонаций:

— Да. Это часть главного флота апраханти и...

— Их будет еще целая куча, только уже не от бабочек.

— Так что ты хочешь сказать, в конце концов? Зачем наездникам желать нам зла. Заговор? Бессмыслица. У них никогда не было национального государства, не говоря уже о межзвездных империях.

Фам кивнул:

— А только мирные поселения — вроде этой охранной луны — в многовидовых цивилизациях по всему Краю. — Его голос стал тише. — Нет, Рав, наш настоящий противник — не наездники, а то, что за ними стоит. Страумское Отклонение.

Недоверчивое долгое молчание, но Фам заметил, как крепко сжались ветви Синей Раковины. Этот знал.

— Это единственное объяснение, Равна. Зеленый Стебель на самом деле была нашим другом, и преданным другом. Мое предположение состоит в том, что лишь немногие наездники находятся под управлением Отклонения. Когда Зеленый Стебель попала с ними в контакт, ее тоже обратили.

— Это невозможно, Фам! Здесь же Середина Края! У Зеленого Стебля есть храбрость, есть упорство! Никакая промывка мозгов не изменила бы ее так сразу.

И в глазах Равны мелькнули искры отчаянного страха. Так или иначе, а какая-то ужасная вещь должна оказаться правдой.

А я стою здесь, живой, и говорю. Аргумент в пользу богошока. Может быть, еще есть шанс! И Фам произносил слова чуть ли не в тот момент, когда начинал понимать сам:

— Зеленый Стебель была верным другом, и все же обращена за несколько секунд. Это не было перепрограммированием ее тележки, не было наркотиком. Это было так, как если бы и наездник, и тележка были заранее запрограммированы на немедленный ответ. — Он посмотрел на Синюю Раковину, желая оценить реакцию на то, что он сейчас скажет. — Наездники долго ожидали своего создателя. Раса эта древняя, древнее всех, кроме уже одряхлевших. Они есть повсюду, но их немного, они всегда практичны и миролюбивы. Когда-то в самом начале — несколько *миллиардов* лет назад — их предшественники попали в эво-

люционный тупик. Их создатель построил первые тележки и создал первых наездников. Теперь я, кажется, знаю, кто это был и зачем. Да, я знаю, что были и другие ветви их эволюции. Что поразительно именно в этой — насколько стабильной она оказалась. Синяя Раковина говорит, что большие тележки — это «традиция», но я бы это слово применял к культурам, да и то в гораздо меньших масштабах времени. Большие тележки сегодняшних дней идентичны тем, что были миллиарды лет назад. И это устройства, которые можно построить в любом месте Края — но конструкция их, несомненно, принадлежит Верхнему Краю или Переходу.

Когда-то это был один из величайших щелчков по самолюбию, полученных им от Края. Он тогда смотрел проектные чертежи — на самом деле результаты рассечения — тележек. С виду это было механическое устройство, даже с движущимися частями. Текстовое пояснение гласило, что всю конструкцию можно изготовить на простейшей из фабрик, едва ли более сложной, чем встречаются кое-где в Медленной Зоне. И все же ее электроника казалась случайной массой компонентов без какой бы то ни было иерархической структуры или модульности. И она работала, и гораздо лучше, чем любая аналогичная конструкция людей, хотя вопросы ремонта и отладки даже и не возникали.

— В Крае никто не понимает всего потенциала тележки, не говоря уже об адаптационных возможностях ее наездника. Верно, Синяя Раковина?

Наездник сильно хлопнул всеми ветвями по своему центральному стеблю. И снова раздался яростный треск. Такого Фам раньше не видел. Гнев? Ужас? Голос из кодера Синей Раковины был искажен нелинейностями:

— Ты спрашиваешь? *Спрашиваешь?* Чудовищно просить меня помочь тебе в этом... — Голос соскользнул в ультразвук, и наездник онемел, дрожа всем телом.

Фам из Кенг Хо почувствовал укол стыда. Тот, другой, знал и понимал... и заслуживал лучшего. Наездников следует уничтожить, но нельзя заставлять слушать его рассуждения. Рука его метнулась отключить связь... и остановилась. Нет. Это последний шанс увидеть Отклонение... во плоти.

Взгляд Равны метался между человеком и наездником, и Фам знал, что она поняла. На лице ее было то же страдание, как тогда, когда дошла весть от Сьяндры Кеи.

— Ты говоришь, что Отклонение создало исходные тележки.

— И наездников тоже переделало. Это было сделано давно и, конечно, не тем экземпляром Отклонения, который создали страумеры, но...

«Погибель» — это было другое общепринятое название Отклонения и куда более близкое к точке зрения Старика. Несмотря на всю Переходную природу Отклонения, его поведение было больше похоже на эпидемию, чем на что-либо другое. Может быть, именно этим оно смогла обмануть Старика. Но теперь Фам понял: Погибель жила в кусочках, неимоверно разбросанных во времени. Она пряталась в архивах, выжидая идеальных условий. И создала для своего расцвета помощников.

Фам посмотрел на Равну и понял кое-что еще.

— Рав, у тебя было тридцать часов на размышление. Ты видела записи из моего скафандра. Наверняка ты сама кое до чего додумалась.

Она уронила глаза.

— Немного, — призналась она. Но хотя бы больше не отрицала.

— Ты знаешь, что мы должны сделать, — мягко сказал он. Теперь, когда он понял, что надо сделать, богошок ослабил хватку. Его воля будет исполнена.

— Что же именно? — спросила Равна. Будто сама не знала.

— Две вещи. Сообщить это на Сеть.

— А кто поверит?

Сеть миллионов неправд.

— Достаточно. Те, кто посмотрят, поймут, увидят, где правда... и предпримут нужные действия.

Равна качнула головой:

— Нет.

Это слово было сказано почти неслышно.

— Сеть *должна* знать, Равна. Мы открыли то, что может спасти тысячи миров. Это — скрытый кинжал Погибели, по крайней мере в Среднем Крае.

Равна опять качнула головой:

— Но сказать эту правду — тоже значит убить миллиарды.

— Это самозащита! — Он медленно оттолкнулся от потолка и притянулся к палубе.

У Равны в глазах стояли слезы.

— Именно это они и говорили, убивая мою семью и мои миры... И я в таком участвовать не буду.

— Но ведь в этот раз это правда!

— Хватит с меня погромов, Фам.

Мягкая решимость... и почти невероятная.

— Ты хочешь сама принять решение, Рав? Мы же знаем кое-что о том, что *другие* — лидеры, мудрее каждого из нас — должны быть свободны решать. Ты не дала бы им сделать этот выбор?

Она заколебалась, и на минуту Фаму показалось, что ее цивилизованная законопослушная сущность возьмет вверх. Но Равна упрямо подняла голову.

— Да, Фам. Я отказываю им в этом выборе.

Он издал какой-то нечленораздельный звук и подплыл к командной консоли. Нет смысла зря болтать, когда еще так много нужно сделать.

— Фам, мы не будем убивать Зеленого Стебля и Синюю Раковину.

— Нет выбора, Рав. — Его пальцы бегали по кнопка консоли. — Зеленый Стебель уже превращена, и мы не знаем, сколько этого осталось после разрушения ее тележки. Мы понятия не имеем, когда превратится Синяя Раковина. Мы не можем ни взять их с собой, ни отпустить.

Равна отплыла в сторону, не сводя глаз с его пальцев.

— П-подумай, Фам, кого ты будешь убивать, — тихо произнесла она. — Ты сам сказал, у меня было тридцать часов, чтобы обдумать мои решения, тридцать часов, чтобы предвидеть твои.

— Вот как. — Фам убрал руки от кнопок. Гнев (богошок?) на миг овладел его мыслями. «Равна, Равна, Равна!» — прозвучал в голове его голос, будто прощаясь. И снова им овладело хладнокровие. Он так боялся, что наездники обратили на свою сторону корабль! А вместо этого эта глупая дура *добровольно* стала на их сторону. Он медленно подплыл к ней, почти автоматически принимая боевую стой-

ку. — И как же ты намерена помешать мне сделать то, что должно сделать?

Но он уже догадался.

Она не попятилась, даже увидев его руку в сантиметре от своего горла. И залитые слезами глаза смотрели храбро.

— К-как ты думаешь, Фам? Пока ты был в хирурге... я кое-что переделала. Рань меня — и ты будешь ранен сильнее. — Ее глаза метнулись к окну у него за спиной. — Убей наездников... и ты умрешь сам.

Они смотрели друг на друга, оценивая. Может быть, в стенах и не было скрытого оружия. Может быть, он может убить ее и она не сможет защищаться. Но корабль можно было запрограммировать убить его тысячью способов. И тогда останутся только наездники... летящие в сторону Дна за своим призом.

— Что же мы будем тогда делать? — спросил он наконец.

— Т-то, что и раньше, — лететь спасать Джефри. Восстанавливать Контрмеру. Я наложу на наездников ограничения.

Перемирие с чудовищами под наблюдением дуры.

Он оттолкнулся, обогнул ее, как предмет мебели, и выплыл в осевой коридор. За своей спиной он услышал всхлипывания.

Несколько дней они избегали друг друга. У Фама был поверхностный доступ к консоли управления кораблем. Он нашел самоубийственные программы, пронизывающие весь уровень приложений. Но странная вещь, которая была бы причиной для злости на себя, если бы Фам был на таковую способен: все изменения были сделаны через несколько часов после его стычки с Равной.

Слава Силам, я тогда этого не знал.

Эта мысль исчезла, как только появилась.

Итак, этот фарс будет продолжаться до конца — тягучая игра лжи и увертюк. И Фам сурово настроился на выигрыш этой игры. За ним — флоты, вокруг — предатели. Но силой Кенг Хо и его собственного богошока Отклонение будет разбито. Наездники будут разбиты. И при всей ее храбрости и честности, будет разбита и Равна Бергсндот.

30

Тиратект проигрывала битву в себе самой, битву со Свежевателем. О, эта битва еще и близко не подошла к концу, но можно сказать, прилив сменился отливом. Вначале были мелкие триумфы, вроде как когда она подстроила, чтобы Амдиджефри играл с коммуникатором корабля один, и даже сами дети не заподозрили, что это ее работа. Но прошло столько декад, и теперь... Иногда она владела собой полностью. Другие дни — и эти казались самыми счастливыми — начинались с того, что ей *казалось*, что она себя контролирует.

Пока еще не ясно было, какой день будет сегодня.

Тиратект шла по лесам, возвышавшимся над стенами нового замка. Он был новым, но замком не стал. Булат строил в панической спешке. Южная и западная стены были очень толсты, с туннелями внутри. Но на северной стороне были места, где за нагромождением камней была просто деревянная изгородь. В имевшееся у Булата время больше сделать было невозможно. На минуту Тиратект остановилась, вдыхая запах свежераспиленных бревен. Склон Холма Звездолета был как никогда красив. Дни становились длиннее, и теперь между закатом и восходом были только долгие сумерки. Снег сжался до обычных летних пятен, оставив вереск, ждущий тепла, чтобы зазеленеть. Отсюда было видно на мили, до голубоватого туманного моря, изогнувшегося у прибрежных островов.

С точки зрения житейской мудрости атака на новый замок — даже в таком безобразном состоянии — силами меньше орды будет самоубийством. Но Резчица на эту мудрость наплюет. Старуха думает, что у нее есть секретное оружие, которое разобьет эти стены с расстояния трехсот футов. Даже сейчас шпионы Булата доносят, что резчики проглотили наживку и выдвигают свою маленькую армию и грубо сляпанную пушку к побережью.

Она сошла по ступеням во двор и услышала далекий гром. К северу от Долины Ручьев канониры Булата начали утренние учения. При хорошем состоянии атмосферы это было слышно. Вблизи ферм испытания не проводились, и

никто, кроме приближенных Слуг и избранных рабочих, об орудиях не знал. А было сейчас у Булата тридцать стволов и достаточно пороха.

Больше всего не хватало артиллеристов. Вблизи шум стрельбы был адским. Орудийная прислуга глохла. Да, зато сами орудия: они били почти на восемь миль, втрое дальше, чем у резчиков. Они могли стрелять «бомбами», начиненными порохом, которые при ударе взрывались. За северной стеной были места, где лес был прорежен и разворошенная земля обнажила скалы — от постоянного артиллерийского огня.

А скоро — может быть, сегодня — свежеватели получат радио.

Будь ты проклята, Резчица!

Конечно, Тиратект никогда не видела Резчицы, но Свежеватель отлично знал эту стаю: в основном он был отпрыском Резчицы. «Кроткая Резчица» породила его и воспитала для власти. Это Резчица обучила его свободе мысли и эксперимента. Резчица должна была бы знать гордость, живущую в душе Свежевателя, должна была знать, что он дойдет до таких краев, до которых она не осмелится. И когда чудовищная натура новой стаи стала ясна, когда открылись его первые «эксперименты», Резчице надо было приказать убить его — или хотя бы разделить на фрагменты. А ему вместо этого позволили удалиться в изгнание... и создавать таких, как Булат, и вместе они создали новых чудовищ, дабы построить в конце концов иерархию безумия.

Теперь, когда прошло сто лет, Резчица хочет исправить свою ошибку. Она приходит со своими игрушечными пушками, самоуверенная и беспечная, как всегда. И попадет в ловушку огня и стали, откуда никто из ее стай не выберется живым. Если бы хоть как-то ее предупредить! Единственное, почему Тиратект оставалась здесь, — это была ее клятва самой себе: повергнуть Движение свежевателей. Если бы Резчица знала, что ее здесь ждет, если бы она хоть знала о предателе в собственном лагере, еще был бы шанс. Прошедшей осенью Тиратект даже склонялась к тому, чтобы послать на юг анонимное письмо. Были торговцы, которые путешествовали по обеим странам. Воспоминания Све-

жевателя подсказали ей, которым из них можно более или менее доверять. И она уже почти передала одному из них записку, листок шелковой бумаги, где сообщалось о приземлении звездолета и спасении Джефри. Так она разминулась со своей смертью меньше чем на день: Булат показал ей донесение с юга — о втором человеке и о работе Резчицы с «компьютером». В донесении были факты, которые могли быть известны только кому-то на самом верху у Резчицы. Кому? Она не спросила, но полагала, что это Хранитель — Свежеватель в ней хорошо помнил эту стаю. У них были кое-какие дела. Хранитель не унаследовал ничего из гения их общего родителя, зато в нем был колоссальный запас приспособленчества.

Булат показал ей донесение, только чтобы потешить свое тщеславие, показать Тиратект, что он преуспел в том, чего Свежеватель даже не пытался сделать. И это действительно было свершение. Тиратект похвалила Булата с более чем обычной искренностью... и тихо отложила идею о предупреждении в долгий ящик. Если в совете королевы есть шпион, любое предупреждение будет бесцельным самоубийством.

Сейчас Тиратект шла через внешний двор замка. Здесь еще вовсю шли строительные работы, но рабочие команды были поменьше. Булат строил бревенчатые хижины по всему двору. Многие были пустыми. Булат надеялся убедить Равну посадить корабль на специальном месте возле внутреннего хранилища.

Внутреннее хранилище. Это было единственным, в чем замок соответствовал стандартам Скрытого Острова. Красивое строение. Оно вполне могло быть тем, чем представил его Булат для Амдиджефри: святилище для почитания корабля Джефри и твердыня для его защиты от нападения Резчицы. Центральный купол был гладкой поверхностью укосин и тесаного камня, широким, как главный зал совета Скрытого Острова. Обегая его по кругу, Тиратект смотрела на него парой глаз. Булат собирался облицевать купол лучшим розовым мрамором. С неба он будет виден на десятки миль. Волчьи ямы, встроенные в этот купол, были сердцевиной плана Булата, даже если спасатели не приземлятся в его другую западню.

* * *

Теневик с двумя другими высшими Слугами стоял на ступенях зала совета замка. При ее приближении они встали «смирно». Вся троица быстро отползла назад, скребя животами по камню... но не так быстро, как недавней осенью. Они знали, что прочие Фрагменты Свежевателя уничтожены. Проходя мимо них, Тиратект чуть не улыбнулась. При всей ее слабости, при всех ее проблемах с этими тремя она бы справилась играючи.

Булат уже был в зале, и он был один. Самые важные совещания всегда проходили именно так — Булат и она. Ей были понятны эти отношения. Вначале Булат просто ее боялся — единственной личности, которую он никогда, как он верил, не сможет убить. Десять дней он колебался между желанием ползать перед ней на брюхе и желанием ее расчленить. Забавно было видеть, что запреты, поставленные Свежевателем, все еще действуют. Потом пришла весть о смерти других Фрагментов. Она больше не была Свежевателем-В-Ожидании. И тогда она наполовину ждала прихода смерти. Но некоторым образом это сделало ее положение безопаснее. Теперь Булат боялся меньше, и удовлетворение его потребности в тайном совете не сочеталось с угрозой. Она была его демоном в бутылке: мудрость Свежевателя без той опасности, которую Свежеватель в себе нес.

В этот день он был почти небрежен и только слегка кивнул Тиратект, когда она вошла. Она кивнула в ответ. Во многих смыслах Булат был самым совершенным ее — то есть Свежевателя — созданием. Столько усилий было потрачено на его шлифовку. Столько элементов, стоивших целой стаи, пришлось принести в жертву, пока была создана комбинация, которая стала Булатом. Она — то есть Свежеватель — хотела яркости, беспощадности. И в роли Тиратект она теперь видела правду. Всем этим пластанием ножа по живому Свежеватель создал нечто очень жалкое. Странно, но иногда Булат казался самой несчастной из всех жертв Свежевателя.

— Готовы к главному испытанию? — спросила Тиратект. Уже давно «радио» были почти готовы.

— Через минуту. Я хотел спросить тебя о времени. Мои источники сообщают, что армия Резчицы уже в пути. Если они будут нормально двигаться, то доберутся за пять декад.

— А до прибытия корабля Равны не меньше трех декад.

— Именно. И от твоего старого врага мы избавимся раньше, чем начнем игру по высоким ставкам. Но в последних сообщениях двуногих есть что-то странное. Как ты думаешь, много ли они подозревают? Возможно ли, что Амдиджефри говорит им больше, чем мы знаем?

Подобную неуверенность Булат скрывал, пока Тиратект была Свежевателем-В-Ожидании. Она села перед тем, как ответить.

— Ты бы знал ответ, если бы дал себе труд лучше выучить язык двуногих, милый мой Булат, или дал бы мне это сделать.

Зимой Тиратект отчаянно пыталась поговорить с детьми наедине, передать кораблю предупреждение. Сейчас у нее было по этому поводу двоякое мнение. Амдиджефри был так прозрачен, так простодушен. Если бы дети заподозрили Булата в вероломстве, они бы этого не смогли скрыть. А что сделали бы спасатели, узнав, что Булат — негодяй? Тиратект однажды видела звездолет в полете и знала, что даже его приземление может быть страшным оружием. И к тому же...

Если план Булата выгорит, ему добрая воля чужаков не будет нужна.

А вслух Тиратект говорила другое:

— Пока ты можешь продолжать свой великолепный спектакль, тебе этого ребенка бояться нечего. Разве ты не видишь, что он тебя любит?

На миг Булат, казалось, был польщен, но тут же снова вернулась его подозрительность.

— Я не знаю. Амди, кажется, всегда меня поддразнивает, будто разгадал мою игру.

Бедняга Булат. Амдиранифани был величайшим его успехом, и он этого никогда не поймет. В этом единственном Булат превзошел своего Хозяина — он открыл и отшлифовал технику, которой когда-то пользовалась Резчица. Свежеватель посмотрел на своего бывшего ученика почти голодными глазами. Если бы только можно было снова

полностью его переделать — страх и кромсающий нож можно было бы сочетать с любовью и преданностью. И то, что получилось бы, заслуживало бы имени Булата. Тиратект пожала плечами:

— Можешь положиться на мое суждение. *Если* будешь и дальше играть в доброту, оба ребенка будут тебе верны. А насчет сообщений двуногих: я тоже заметил в них некоторую перемену. Кажется, Равна более уверена насчет времени прибытия, но что-то у них там не так. Я не думаю, что они подозревают больше, чем раньше. Кажется, они приняли все из идей Амди насчет «радио», что Джефри предложил от своего имени. Кстати, эта ложь была хорошим ходом. Она должна была потешить их чувство превосходства. На честном поле боя мы, наверное, лучше их — и они об этом догадаться *не должны*.

— Но отчего они вдруг так напряглись?

Фрагмент пожал плечами:

— Терпение, дорогой мой Булат. Терпение и наблюдение. Может быть, Амдиджефри тоже это заметил. Можешь слегка его натолкнуть на мысль об этом спросить. Мое предположение — что у двуногих есть свои политические проблемы, о которых приходится волноваться. — Он замолчал и повернул к Булату все свои головы. — А твой «источник» у Резчицы — он может там покопаться насчет этого вопроса?

— Может быть, я ему велю. Этот Компьютер у Резчицы — огромное преимущество. — Булат минуту посидел в молчании, нервно жуя губы. Потом резко встряхнулся, будто отгоняя многочисленные угрозы, выползающие из всех углов. — Теневик!

Раздался звук бегущих лап. Приоткрылся люк, и просунулась одна голова Теневика.

— Да, господин?

— Принеси сюда эти радиоприборы. Потом спроси Амдиджефри, может ли он спуститься с нами поговорить.

Эти «радио» были красивыми вещицами. Равна утверждала, что их может изобрести цивилизация лишь чуть более развитая, чем народ Свежевателя. Но поверить в это было трудно. Так много было этапов изготовления, столько непонятных обходных путей. Конечный результат: восемь

квадратов темноты размером в один ярд. В странном материале сверкали искорки золота и серебра. Но в этом по крайней мере не было тайны: часть серебра и золота Свежевателя ушла на изготовление.

Пришел Амдиджефри. Они метались по главному полу, тыкались в радио, кричали что-то Булату и Фрагменту Свежевателя. Иногда трудно было поверить, что на самом деле это не одна стая, что Двуногий — не один из ее элементов. Они держались друг за друга, как это делает единая стая. Больше, чем в половине случаев на вопросы, обращенные к Двуногому, отвечал Амди раньше, чем Джефри мог бы вставить слово, и при этом он использовал местоимение «я-стая» для обозначения их обоих.

Но сегодня, кажется, у них было какое-то несогласие.

— Милый господин Булат, можно мне его испытать, ну пожалуйста, господин Булат!

Джефри протрещал что-то по-самнорски. Когда Амди не стал переводить, он повторил то же самое медленнее, обращаясь непосредственно к Булату:

— Нет. Это (что-то) опасно. Амди (что-то) и еще маленький. И к тому же время (что-то) не позволяет.

Свежеватель напрягся, пытаясь уловить смысл. Проклятье. Рано или поздно незнание языка двуногих им выйдет боком.

Булат выслушал человека, потом издал великолепный вздох терпения.

— Амди, Джефри, прошу вас, успокойтесь. В чем дело?

Когда он говорил по-самнорски, Фрагмент Свежевателя понимал больше, чем в речи человеческого детеныша.

Амди возбужденно затараторил:

— Джефри говорит, что радиокуртки на меня велики. Но вы посмотрите, они же не так уж не подходят!

Амди распрыгнулся вокруг одного из черных квадратов, без всякой осторожности вытягивая его из бархатного чехла на пол. Потом обернул ткань вокруг головы и плеч самого большого своего элемента.

— Видите? Видите?

Из-под ткани высунулась головенка, глядя сначала на Булата, потом на Тиратект с горячим желанием, чтобы они поверили.

Джефри что-то сказал, и стая Амди сердито в ответ визгнула. Потом перевела:

— Джефри всегда всего боится, но ведь кто-то должен испытать эти радио! У нас есть трудности со скоростью — радио расходится куда быстрее звука. И Джефри боится, что это может сбить с толку стаю испытателя. Так это глупость! Что может быть быстрее, чем мысль, когда головы вместе?

Он это сказал, как будто и в самом деле спрашивал. Тиратект-Свежеватель улыбнулся. Стая щенят не умела толком лгать, но Фрагмент подозревал, что Амди знает ответ на свой вопрос — и этот ответ не в его пользу.

На той стороне зала Булат сидел и слушал, склонив головы, — воплощенное доброжелательное терпение.

— Извини, Амди. Это слишком опасно, чтобы ты был первым.

— Но я смелый! И я хочу приносить пользу!

— Извини. Когда мы проверим, что это не опасно...

Амди испустил визг ярости, куда более высокий, чем обычная межстайная речь, почти в диапазоне мысли. Он заклубился вокруг Джефри, стуча хвостами по ногам человека.

— Гнусный предатель! — крикнул он и потом стал выкрикивать оскорбления по-самнорски.

Примерно десять минут ушло на то, чтобы успокоить его гнев до хмурой обиды. Они с Джефри сели на полу, ворчливо перебраниваясь по-самнорски. Тиратект смотрела на них и на Булата в другом конце зала. Если бы ирония выражала себя звуком, они бы все в этом зале оглохли. Свежеватель и Булат всю свою жизнь экспериментировали с другими — обычно до смерти. А теперь пришла жертва, которая буквально требует, чтобы ею пожертвовали, — а ей надо отказать, и сомнений в этом быть не могло. Даже если бы Джефри не выдвинул своих возражений, Амди был слишком ценной стаей, чтобы им рисковать. И к тому же он был восьмерным. А это чудо, что такая большая стая вообще может функционировать. Если это «радио» представляет опасность, то для Амди она будет куда серьезнее.

Значит, надо найти подходящую жертву. Которой не жалко. Разумеется, в подземных тюрьмах Скрытого Остро-

ва таких навалом. Тиратект вспомнила обо всех стаях, убийства которых она помнила. Как же она ненавидела Свежевателя и его хладнокровную жестокость! *Я куда хуже Булата. Я создала Булата.* Она вспомнила мысли, пришедшие час назад. Это был плохой день, один из тех, когда Свежеватель тайно выскальзывал из закутков ее разума, и она принимала силу его логики все больше и больше, пока наконец это не превращалось в рационализацию и она не становилась Свежевателем. Но все же еще несколько секунд она будет способна управлять собой. И что за это время можно сделать? Достаточно сильная душа может сама себя отвергнуть, может стать другой личностью... в конце концов, может покончить с собой.

— Я испробую радио.

Эти слова она сказала, не успев даже их подумать. *Дура ты, баба.*

— Что? — переспросил Булат.

Но слова были сказаны ясно, и Булат их слышал. Фрагмент Свежевателя сухо улыбнулся.

— Я хочу знать, на что способны эти радио. Позволь мне их испытать, дорогой мой Булат.

Они вынесли «радио» во двор, к той стороне корабля, которая была скрыта от взглядов. Здесь сейчас будут Амдиджефри, Булат и она, кем бы она в этот момент ни была. Фрагмент Свежевателя засмеялся, почувствовав прилив страха. Эта дурочка вспомнила о дисциплине! Может быть, так будет лучше всего.

Он стоял в середине двора, пока человек помогал ему надевать эти радио доспехи. Странно видеть так близко от себя разумное существо да еще нависающее над тобой.

Неимоверно развитые лапы Джефри свободно закрепили куртки на его спинах. Материал был изнутри мягким, мертвящим. И, в отличие от обычной одежды, радио закрывали мембраны носителя. Мальчик пытался объяснять свои действия.

— Видишь? Вот это, — показывал он на угол плаща, — надевается вокруг головы. Там внутри есть (незнакомое слово), который передает звук в радио.

Фрагмент отодвинулся, когда мальчик попытался натянуть ткань ему на голову.

— Нет! Я не могу думать под этими плащами!

Только в такой позе, все элементы головами внутрь, он мог сохранять полное сознание. Хотя его самые слабые части уже впадали в изоляционную панику. Сознание, которое принадлежало Тиратект, сегодня кое-чему научится.

— Ой, извини. — Джефри отвернулся и что-то сказал Амди, что-то насчет использования старой конструкции.

Амди стоял в тридцати футах в положении «головы вместе». Он все еще дулся, что ему отказали, и нервничал из-за того, что его отделили от Двуногого. Но пока шла подготовка, его хмурость проходила. Глаза щенков расширялись в радостном волнении. Фрагмент ощутил волну нежности к этим щенкам, но она схлынула так быстро, что он едва ее заметил.

Теперь Амди придвинулся ближе, пользуясь тем, что плащи сильно заглушали звуки мысли Фрагмента.

— Джефри говорит, что, может быть, нам не следует испытывать сейчас радио уровня мысли, — сказал он. — Но это ведь будет куда лучше! А потом, — добавил он с плохо скрытым лукавством, — ты все еще можешь дать мне ее испытать.

— Нет, Амди. Это нужно сделать так, как мы решили.

Голос Булата был весь — нежная симпатия. И только Фрагмент Свежевателя успел заметить широкую улыбку у двух элементов Властителя.

— Ну, что ж. — Щенки придвинулись чуть ближе. — Ты только не бойся, Властитель Тиратект. Мы эти радио долго держали на солнце, и в них должно быть много силы. Чтобы они заработали, ты только затяни ремни покрепче, даже те, что у тебя на шеях.

— Все *одновременно?*

Амди поежился.

— Так будет лучше всего. Иначе начнется несоответствие скоростей, которое... — Он что-то сказал Джефри.

Двуногий наклонился ближе.

— Вот этот ремень сюда, а этот сюда. — Он показал на лямки, которые притягивали наголовный капюшон. — А потом просто потяни вот это ртом.

— И чем сильнее потянешь, тем громче будет радио, — добавил Амди.

— Ладно.

Фрагмент Свежевателя подобрался. Движением плеч он надвинул куртки на место, затянув плечевые и набрюшные ремни. *Мертвая глушь.* Казалось, что куртки слипаются с мембранами. Он осмотрел сам себя, отчаянно стараясь не потерять то, что еще осталось от сознания. Куртки были красивы — магическая тьма с намеком на золото и серебро властелина Движения. Красивые инструменты пытки. Даже Булат не мог бы вообразить такой извращенной мести. Или мог?

Фрагмент схватил наголовные лямки и потянул.

Двадцать лет назад, когда Тиратект была новой, она любила бродить со своим родителем, от которого отделилась, по травянистым дюнам близ Пастушьего озера. Это было еще до великого их падения, до того, как одиночество повело Тиратект в Столицу Республики, до того, как она стала искать «смысл». Не все берега Пастушьего озера были сплошь дюны и пляжи. Дальше к югу были Скалы, где ручьи прорезались к озеру сквозь камень. Иногда, особенно после ссор с родителем, Тиратект уходила от берега вверх по ручьям с крутыми и гладкими скальными стенами. Это было вроде наказания: в ущельях встречались места, где камень блестел, как стекло, и там звуки совсем не поглощались. Эхо звучало отовсюду, заглушая мысль. Было так, будто ее окружают копии ее самой и все они думают одно и то же, но вразнобой.

Конечно, эхо всегда мешало там, где были каменные стены без обивки, особенно если еще форма и размеры помещения были неудачными. Но те утесы были настолько хорошими отражателями, что превращали жизнь в кошмар. И еще были места, где форма Скал вступала со звуками в заговор... И когда Тиратект там ходила, она не могла отличить своих мыслей от эха. Все гремело в резонанс с очень малой задержкой. Сначала это была дикая боль, которая приказывала бежать. Но Тиратект снова и снова заставляла себя идти в ущелья и наконец научилась думать даже в самых узких местах.

Радио Амдиджефри было чем-то вроде скал Пастушьего озера. *Может быть, это сходство меня спасет.* Тиратект

пришла в сознание, сваленная в кучу. Прошло не больше пары секунд, как она оживила свои радио; Амди и Булат все еще просто на нее смотрели. А человек раскачивал одно из ее тел и что-то ей говорил. Тиратект лизнула мальчику лапу и частично встала. Она слышала только свои мысли, но они звенели чуть по-другому, как эхо от камней.

Она снова легла на животы. Часть ее блевала в грязь двора. Мир покачивался не в фокусе. *Мысль здесь. Хватай ее! Держи!* Все это вопрос координации, согласования времени. Она вспомнила слова Амди о том, насколько быстро разносится радио. Это в определенном смысле была проблема, обратная проблеме отражающих утесов.

Она тряхнула головами, преодолевая собственную некоординированность.

— Дайте мне минуту, — сказала она, и голос ее был почти спокоен. Она медленно огляделась. Если собраться, если не делать быстрых движений, то можно думать. Тут до нее дошло, что плащи закрывают все ее мембраны. Она должна была быть оглушена, изолирована. Но мысль была не более туманной, чем после плохого сна.

Тиратект снова встала на ноги и обошла открытое место между Амди и Булатом.

— Вы меня слышите? — спросила она.

— Да, — ответил Булат и нервно отодвинулся в сторону.

Понятно. Плащи глушили звуки, как тяжелый войлок: все звуки в диапазоне мысли поглощаются полностью. Но межстайная речь и самнорский язык — куда более низкие звуки, и на них это не влияет. Она остановилась, у нее перехватило дыхание. Она слышала пение птиц и звуки пилы на дальней стороне внутреннего двора. А Булат был всего в тридцати футах от нее. Шум его мысли должен был звучать громкой помехой, даже сбивать с толку. Она прислушалась... но ничего не услышала, кроме собственных мыслей и ровного гудения, которое шло, казалось, со всех сторон.

— А мы-то думали, это нам лишь поможет управлять боем, — удивленно произнесла она.

Все ее элементы повернулись и пошли к Амди. Он был в двадцати футах от нее, в десяти. Шума мысли не слышно.

Амди выкатил глаза. Щенки не отступали, даже все восемь чуть подались к ней.

— Ты все это знал заранее? — спросила Тиратект.

— Я думал, что так будет. Я так и думал!

Он подступил ближе. Пять футов. Восемь его элементов смотрели на пять элементов Тиратект с нескольких дюймов. Он вытянул нос и потерся мордой о морду Тиратект. Звуки его мысли были будто удалены на пятьдесят футов. Минуту они смотрели друг на друга в безмолвном удивлении. Нос к носу, и каждый из них сохраняет возможность думать! Амди издал ликующий вопль и прыгнул на Тиратект.

— Смотри, Джефри! — кричал он по-самнорски. — Смотри, получилось!

Тиратект шарахнулась от нападения, почти потеряв контроль над своими мыслями. То, что сейчас случилось... За всю историю мира такого не было. Если мыслящие стаи смогут работать тело к телу... Последствия были неисчислимыми, и от них снова закружились головы.

Булат придвинулся чуть ближе, вытерпев на ходу мимолетное объятие Джефри Олсндота. Он изо всех сил пытался присоединиться к ликованию, но еще не совсем понял, что случилось. Он не пережил последствия этого вместе с Тиратект.

— Очень неплохо для первой пробы, — сказал он. Двое его элементов смерили Тиратект острым взглядом. — Надо снять с тебя эти доспехи и дать тебе отдохнуть.

— Нет! — вскрикнули одновременно Амди и Тиратект. Она улыбнулась Булату в ответ.

— Мы еще их не испытали толком. Ведь главная цель — проверить возможность дальней связи.

По крайней мере такова *была* цель до сих пор. На самом деле если даже выяснится, что расстояние не больше, чем в пределах слышимости, в глазах Тиратект это уже был бы сногсшибательный успех.

— Ах да. — Булат слабо улыбнулся Амди и взглядом спрятанных лиц полыхнул по Тиратект. На двух его шеях все еще висел Джефри. Булат являл собой картину едва прикрытой ярости. — Хорошо, только давай постепенно. Мы не знаем, что может случиться, если ты выйдешь за пределы дальности действия.

Тиратект освободила два свои элемента от Амди и отвела их на несколько футов. Мысль была так же ясна — и так же потенциально запутанна, — как и раньше. Но теперь начинало приходить ее ощущение. Оказывается, сохранять равновесие очень легко. Она отвела этих двух еще на тридцать футов — максимум расстояния, на которое в самой полной тишине может разойтись стая, не теряя координации.

— Я все еще пока как «головы вместе», — произнесла она с удивлением. Обычно на тридцати футах мысли уже были слабыми и временные задержки таковы, что удержать координацию было трудно.

— Как далеко я могу отойти? — тихо спросила она у Амди.

Он издал звук человеческого смеха.

— Я точно не знаю. Должно работать по крайней мере до внешних стен замка.

— Ладно, — сказала она нормальным голосом, уже для Булата, — посмотрим, могу ли я разойтись чуть дальше.

Два ее элемента отошли в другую сторону на десять ярдов. Она растянулась уже футов на шестьдесят! Булат вытаращил глаза.

— А сейчас? — спросил он.

— Мысль четкая, как и раньше. — Она повернула свои два элемента и пошла прочь.

— Стой! — крикнул Булат, вскакивая на ноги. — Это уже... — Тут он вспомнил о зрителях, и ярость сменилась озабоченностью за Тиратект. — Это уже слишком далеко для первого опыта! Вернись.

Тиратект на том месте, где она сидела с Амди, просияла улыбкой.

— Но дорогой мой Булат, я никуда и не уходил.

Амдиджефри смеялся и не мог перестать.

Она растянулась уже на сто футов. Два ее элемента бежали осторожной трусцой — и она видела, как Булат давится собственной слюной. Мысль была ясной и четкой, как при «головы вместе», только еще ближе. Насколько же быстро работает это радио?

Она прошла мимо Теневика и охранников, поставленных на краю поля.

— Эй, Теневик! Что скажешь? — спросил один ее элемент у недоуменных лиц. Там, рядом с Амди и остальными ее элементами, Булат кричал Теневику, чтобы тот шел за ней.

Трусца сменилась легким бегом. Она разделилась, один элемент пошел на север внутреннего двора, другой на юг. Теневик и компания шли следом, не оправившись от потрясения. Теперь у нее в середине был купол внутреннего хранилища, большой каменный горб. Радио мысли исчезли в щелкающем жужжании.

— Не могу думать, — промычала она Амди.

— Потяни за ротовые ремни. Сделай мысли громче.

Тиратект потянула, и жужжание исчезло. Она восстановила равновесие и обежала вокруг звездолета. Декораторы в ошеломлении поднимали глаза. Свободно бегающий элемент означал или несчастный случай с тяжелым исходом, либо обезумевшую стаю. Но отдельно бегущий элемент Тиратект был одет в плащ, сверкавший золотом. А за ним бежали Теневик и охранники, крича всем убираться с дороги.

Она обратила одну голову к Булату, и в голосе ее звенела радость.

— Я парю!

Она бежала сквозь бегущих с ее пути рабочих, бежала к стенам. Она была *повсюду*, и она все ширилась и ширилась. Эти секунды породят воспоминания, которые переживут ее душу, станут легендами в умах ее наследников через тысячи и тысячи лет.

Булат снова сел на землю. События вышли из-под его контроля; стаи Теневика все были на дальней стене внутренней цитадели. Все, что они с Амдиджефри могли знать, исходило от Тиратект — да еще от шума суматохи.

Амди прыгал вокруг нее.

— Где ты теперь? Где?

— Почти у внешней стены.

— Не выходи за нее, — тихо сказал Булат.

Тиратект едва ли расслышала. Еще несколько секунд она упивалась этой радостной мощью. Она бросилась вверх по лестницам. Стражи рассеивались с ее пути, некоторые прыгали обратно во двор. Теневик все бежал за ней, крича, чтобы ей уступали дорогу.

Один ее элемент вышел на парапет, потом и другой.

И у нее захватило дыхание.

— Как ты? — спросил Амди.

— Я... — Тиратект огляделась. С южной стены она видела себя во дворе замка: трое ее смотрелись черными с золотом пятнышками в окружении Амди. За северной стеной расстилались леса и долины, ведущие к Ледяным Клыкам. На восток лежал Скрытый Остров и туманные внутренние воды. Это все она уже в качестве Свежевателя видела тысячу раз. Как он любил их, свои владения! Но теперь... теперь она видела это как во сне — так далеко были разнесены ее глаза. Стая ее была почти так же широка, как сам замок. Из-за такого параллакса Скрытый Остров казался в нескольких шагах. Новый замок стоял вокруг нее как уменьшенная модель. О Стая Стай Всемогущая — это было так, как видит только Бог.

Солдаты Теневика придвинулись ближе. Он послал пару стай обратно за указаниями.

— Пару минут. Еще пару минут, и я спущусь. — Эти слова она сказала солдатам у стены и Булату там, во дворе. Потом повернулась обозреть свои владения.

А ведь она расставила только двух своих элементов и всего на четверть мили. Но не было никакой заметной задержки в передаче мысли, координация была такой же четкой, как когда она была вся вместе. И запас шейного ремня был еще куда как велик. А что, если все ее элементы разойдутся в стороны и на мили? Вся земля севера станет ее личной комнатой.

А Свежеватель? Ах, Свежеватель. А где он? Воспоминания его присутствовали, но... Тиратект вспомнила потерю сознания, когда началась работа радио. Чтобы мыслить при такой бешеной скорости координации, нужно было умение. Может быть, Властитель Свежеватель никогда не ходил среди утесов, когда был новым. Тиратект улыбнулась. Может быть, только ее комплект умов мог выстоять при использовании радио. Если так... Тиратект снова оглядела пейзаж. Свежеватель построил великую империю. Если должным образом использовать поворот событий, будущие победы будут куда грандиознее.

Она повернулась к солдатам Теневика.

— Очень хорошо. Теперь я готов вернуться к Властителю Булату.

31

Была середина лета, когда армия Резчицы ушла на север. Подготовка велась в лихорадочной спешке, и Хранитель загнал себя и остальных почти до изнеможения. Нужно было сделать тридцать пушек, и Тщательнику пришлось отлить семьдесят стволов, из которых удалось отобрать тридцать, стрелявших надежно. Нужно было обучить артиллеристов и найти безопасные способы стрельбы. Нужно было построить фургоны и закупить керхогов.

Конечно, весть о таких приготовлениях не могла уже давно не просочиться на север. Город резчиков был портом, и закрыть идущую через него торговлю было невозможно. Хранитель не раз говорил об этом на заседаниях внутреннего совета: Булат знает об их приближении. Дело было в том, чтобы не дать свежевателям точно узнать численности, сроков и реальной цели.

— У нас есть большое преимущество над противником, — говорил он. — У нас есть агенты в его высшем совете. Мы знаем, что он знает о нас.

Очевидного от шпионов скрыть было нельзя, но детали — это другое дело.

Армия ушла по сухопутным дорогам — десяток фургонов там, пара взводов тут. Всего в экспедиции было до нескольких тысяч стай, но они не соберутся вместе, пока не уйдут глубоко в леса. Было бы легче начало пути проделать морем, но у свежевателей были свои наблюдатели в фиордах. Любое движение кораблей — даже в водах королевства Резчицы — стало бы на севере известно сразу же. И потому они шли лесными тропами, по территории, которую Хранитель очистил от агентов противника.

Поначалу идти было легко, особенно тем, кто с фургонами. В одном из задних фургонов ехала Джоанна с Резчицей и Компьютером. «Я и сама начинаю считать его оракулом», — подумала Джоанна. Только жаль, что он не умеет на самом деле предсказывать будущее.

Погода была так прекрасна, как Джоанна еще не видала в мире Стальных Когтей, — бесконечный день. Странно, что такая красота заставляла ее нервничать, но с этим

Джоанна ничего не могла поделать. Это было очень похоже на тот первый день в новом мире, когда разразился этот... ужас.

В первые дни дороги, пока они были еще на своей территории, Резчица показывала каждый горный пик и пыталась перевести его название на самнорский. За шестьсот лет королева хорошо узнала свою страну. Даже снежники — те, что держались все лето, — были ей известны. Она показала Джоанне взятый ею с собой блокнот для зарисовок. Каждая страница отвечала отдельному году и показывала снежники в том виде, в котором они были в один и тот же день лета. Пролистывать эти страницы — это было похоже на мультипликацию, хотя и довольно грубую. Джоанна видела, как эти снежники ползут, десятилетиями растут, потом начинают съеживаться.

— Мало кто из стай живет так долго, чтобы это почувствовать, — говорила Резчица, — а для меня эти вечные снега — как живые. Видишь, как они шевелятся? Они как волки, которых отгоняет от нашей земли огонь солнца. Они кружат вокруг, растут. Иногда они слипаются вместе, и новый ледник начинает движение к морю.

Джоанна рассмеялась, немножко нервно.

— И они побеждают?

— Последние четыре столетия — нет. Лето часто бывало жарким и ветреным. А в дальней перспективе? Не знаю. И для меня это уже не так важно. — Она покачала двух своих маленьких щенят и тихо засмеялась. — Эти детеныши Странника еще и не начали думать, а я уже теряю перспективу!

Джоанна протянула руку к ее шее.

— Но ведь они и твои щенки тоже.

— Я помню. Большинство моих щенков ушло в другие стаи, а эти — первые, которых я сохраню в себе. — Ее слепой ткнулся в щенка носом. Тот дернулся и испустил звук на пределе слышимости для Джоанны. Второй лежал у нее на коленях. Щенята были больше похожи на детенышей русалки, чем собаки. Шеи у них по сравнению с телом были неимоверно длинными. И развивались они куда более медленно, чем щенок, которого Джоанна с Джефри когда-то воспитывали. Даже сейчас они еще плохо фоку-

сировали глаза. Джоанна поводила пальцем перед глазами одного из щенков — очень комично было видеть, как он пытается следить за рукой.

На шестидесятый день от рождения щенки Резчицы еще не могли толком ходить. У королевы были специальные куртки с карманами для щенков по обеим сторонам. Почти в течение всего дня ее щенята сидели там, уткнувшись в шерсть ее живота и посасывая молоко. В некотором смысле Резчица относилась к своему потомству, как человек. Она очень нервничала, когда их не видела. Любила их укачивать и играть с ними в игры, развивающие координацию. Иногда она укладывала их на спину и теребила им лапки — все восемь по очереди, потом неожиданно стукала по животикам. Они яростно извивались, размахивая лапами во все стороны.

— Мне нравится вот этот, которому я последнему лапку тронула. Странник меня стоит. Эти два уже немножко думают, видишь? — Она показала на щенка, который свернулся в шар, уворачиваясь почти от всех ее прикосновений.

В других отношениях ее родительское поведение было чуждым и чуть ли не пугающим. Ни она, ни Странник никогда не говорили со щенятами в слышимом диапазоне, но своими ультразвуковыми «мыслями» все время зондировали малышей. Иногда эти мысли были так просты, что слышались в виде вибраций стен фургона. Дерево гудело под руками Джоанны. Это было похоже на гудение материнской колыбельной, но видно было, что цель у них другая. Крошечные создания отвечали на звуки, извиваясь в сложном ритме. Странник говорил, что еще тридцать дней должно пройти, пока щенки смогут участвовать в мыслительном процессе стаи, но их уже для этого учили и тренировали.

Часть каждого бесконечного дня они стояли лагерем, и стаи солдат по очереди становились линиями часовых. Даже во время движения приходилось часто останавливаться, чтобы расчистить дорогу, или подождать возвращения дозора, или просто для отдыха. На одном из таких привалов Джоанна сидела со Странником под деревом, которое было похоже на сосну, но пахло медом. Странник играл с малыша-

ми, помогая им вставать и проходить несколько шагов. По гудению у себя в голове Джоанна понимала, что он думает, обращаясь к ним. И вдруг они ей показались марионетками, а не детьми.

— А почему ты им не даешь играть друг с другом или со своими... — *братьями? Сестрами? Как назвать щенят, рожденных у одной и той же пары стай?* — ...со щенками Резчицы?

Странник, даже более чем Резчица, хотел узнать обычаи людей. Он был стаей с самыми широкими взглядами из всех ее знакомых — в конце концов, если ты можешь включить в свой разум убийцу, то у тебя точно должны быть широкие взгляды. Но ее вопрос Странника явно ошеломил. Гудение у нее в голове резко смолкло, и он слегка рассмеялся. Это был очень человеческий смех, хотя слегка театральный. Странник провел много часов, разыгрывая интерактивные комедии с Компьютером — для развлечения или для обучения, Джоанна не знала.

— Играть? Друг с другом? Да, я понимаю — для тебя это естественно. Для нас же это было бы вроде извращения... нет, хуже, потому что извращение иногда кому-то доставляет удовольствие. Но растить щенка синглетом или даже двойкой — это значит сделать *животным* того, кто мог быть нормальным элементом.

— Ты хочешь сказать, что у щенков никогда не бывает собственной жизни?

Странник наклонил головы и приник поближе к земле. Один его элемент продолжал водить носом вокруг щенят, но внимание Странника было обращено на Джоанну.

— Иногда случаются трагедии — осиротевший щенок, предоставленный сам себе. Часто это уже не удается исправить — такое создание становится слишком независимым, чтобы слиться с какой-нибудь стаей. В любом случае это очень одинокая и пустая жизнь. Я сам помню, насколько это неприятно.

— Вы много теряете. Я знаю, что ты смотрел в Компьютере рассказы для детей. Грустно, что вы не можете быть молодыми и дурашливыми.

— Эй, я этого не говорил! Я много бывал молодым и дурашливым, это мой стиль жизни. И многие стаи бывают

такими, когда в них есть несколько молодых элементов от разных родителей.

Во время этого разговора один из щенков Странника подобрался к краю одеяла, на котором они сидели. Теперь он неуклюже вытянул шею к цветам, которые росли среди корней ближайшего дерева. Когда он стал неловко двигать шеей, Джоанна снова услышала гудение. Движения щенка стали более координированными.

— Ух ты! Я чувствую через него запах цветов. Спорить могу, мы будем видеть глазами друг друга раньше, чем доберемся до Скрытого Острова Свежевателя. — Щенок попятился назад, и оба они чуть потанцевали на одеяле. Головы Странника качались в такт движению. — До чего способные малыши! — Он усмехнулся. — Нет, мы не так уж сильно отличаемся от вас, Джоанна. Я знаю, как люди гордятся своими малышами. И Резчица, и я очень интересуемся, что выйдет из наших. Она гениальна, а я — я немного сумасшедший. Может быть, эти двое войдут в гениального ученого? Или Резчица превратит своих в авантюриста? Ха! Резчица — величайший селекционер, но даже она не знает, какими станут наши новые личности. А я жду не дождусь, когда опять стану шестерным!

В свое время Странник, Описатель и Джоанна доплыли до гавани города Резчицы от владений Свежевателя всего за три дня. И месяц шла армия обратный путь к тому месту, где начались приключения Джоанны. Это был извилистый путь на карте, виляющий между фиордами, как змея. Но первые десять дней он был заманчиво легок. Стояла сухая и теплая погода, как в день нападения, и она тянулась и тянулась. Лето суховеев, называла это Резчица. Летом все же должны быть иногда грозы, хотя бы облачность. А вместо этого солнце бесконечно кружило над кронами леса, а когда они выходили на открытую местность — хотя всегда ненадолго и лишь тогда, когда Хранитель был уверен, что это безопасно, — небо было чистым и почти безоблачным.

На самом деле такая погода внушала некоторое беспокойство. В полдень могло быть просто даже жарко. Ветер был ровный, иссушающий. Сам лес тоже высох, приходи-

лось соблюдать осторожность с огнем. И когда солнце все время наверху и нет туч, их с дозорных вышек и вершин могли заметить за мили. На эту тему особенно волновался Тщательник. Он не собирался стрелять из своих пушек на переходе, но хотел потренировать «своих» солдат на открытом месте.

Тщательник был членом совета королевы и ее главным инженером. После эксперимента с пушками он настаивал на звании «Командующий артиллерией». Джоанне всегда казалось, что он резок и нетерпелив. Его элементы всегда были в движении и всегда дергались. С Компьютером он проводил почти столько же времени, сколько сама королева или Странник Викрэкшрам, но очень мало при этом интересовался тем, что касалось людей.

— Он слеп ко всему, кроме машин, — сказала как-то Резчица, — но таким я его создала. Он много чего изобрел, еще даже до твоего появления.

Тщательник просто влюбился в пушки. Для большинства стай стрельба была серьезным испытанием. А Тщательник с самого первого опыта стрелял вновь и вновь, стараясь улучшить стволы, порох и снаряды. Шкуры его были отмечены десятками пороховых ожогов. Он утверждал, что грохот пушек прочищает разум — хотя все остальные в один голос твердили, что он сводит с ума.

На привалах Тщательник мелькал повсюду, мотаясь вдоль линий и донимая своих артиллеристов пламенными речами. Он утверждал, что даже короткая остановка — отличная возможность для учений, поскольку в бою быстрота — это все. Он придумал эполеты, похожие на ушные затычки ньоранских пушкарей. Они закрывали не уши обычного разговора, а лобовые и плечевые мембраны элемента-пушкаря. На самом деле привязка таких заглушек сильно отупляла разум, но перед самым залпом это было полезно. Сам Тщательник все время ходил в таких заглушках, хотя и незастегнутых. Они были похожи на какие-то нелепые украшения на плечах и на лбу. Он явно считал, что они производят внешний эффект, и действительно, его артиллеристы тоже гордились заглушками и носили их все время. Вскоре даже Джоанна увидела, что его муштровка дает результаты. Во всяком случае, они научились моментально

разворачивать пушки, набивать их имитацией пороха и выкрикивать что-то вроде «БАХ!» на языке Стальных Когтей.

Армия везла с собой гораздо больше пороха, чем еды. Стаи должны были жить на подножном корму. У Джоанны было мало опыта лагерной жизни в атмосфере. Неужели леса настолько богаты? Конечно, они совсем не такие, как городские леса на Страуме, где сходить с маркированной тропы можно только по специальному разрешению, а большая часть лесной живности — механическая имитация ньоранских прототипов. Здесь места были еще более дикими, чем в ньоранских историях. Ведь тот мир был густо населен, пока не впал в средневековье. А Стальные Когти никогда не были цивилизованны, у них никогда не было городов, тянущихся через континенты. По предположению Странника, на планете было тридцать миллионов стай. Северо-запад только начинал заселяться, и дичь была повсюду. На охоте Стальные Когти были просто животными. Солдаты прочесывали подлесок, и любимым видом охоты была погоня, когда дичь загоняли до изнеможения. Здесь это было бы нерационально, но охота с загонщиками и засадой доставляла им не меньше удовольствия.

Джоанне она не нравилась. Она не знала, то ли это общее средневековое извращение, то ли особенность Стальных Когтей. Если позволяло время, солдаты не пользовались ножами и луками — им доставляло удовольствие вспарывать глотки и животы клыками и когтями. Нельзя сказать, чтобы лесные твари были беззащитны: за миллионы лет у них хорошо развилось оружие защиты и нападения. Почти все животные умели испускать ультразвуковой крик, который полностью перекрывал мысль ближайших стай. Бывали в лесу места, которые казались Джоанне совершенно безмолвными, зато армия проходила их осторожным галопом, и солдаты с погонщиками дергались в муке под невидимым нападением.

А бывали и более сложно устроенные лесные твари.

На двадцать пятый день пути армия замедлилась на переходе через самое большое ущелье. Посередине его — почти вся скрытая лесом — текла река, направляясь к морю на запад. Стены долины были такими, каких никогда не

видала Джоанна в страумском царстве: они шли почти отвесно по обеим сторонам наверху, потом переходили в склоны и наконец — в горизонтальное ложе реки.

— Так прорезают долины льды, — объяснила Резчица. — Там, повыше, есть места, где я просто видела, как это происходит. — И она показала Джоанне объяснение в Компьютере.

Это случалось все чаще и чаще: и Странник, и Резчица, и даже Тщательник уже больше знали из образовательной программы для детей, чем сама Джоанна.

Через многие ущелья поменьше они уже переходили. Спуск по кручам всегда был сложен, но до сих пор тропы все же были хороши. Хранитель привел их к краю этой последней долины.

Резчица и ее штаб стояли под навесом деревьев совсем рядом с обрывом. В нескольких метрах за ними в окружении Странника Викрэкшрама сидела Джоанна. Деревья на круче слегка напоминали сосны. Листья у них были узкие, острые и держались круглый год. Зато кора была белая и пузырчатая, а древесина бледно-желтая. А самыми странными были цветы. Пурпурные и фиолетовые, они росли прямо из корней. В мире Стальных Когтей не было насекомых вроде пчел, но какие-то млекопитающие величиной с палец все время переползали с цветка на цветок. Их были тысячи, но казалось, что их ничего не интересует, кроме цветов и сочащейся из них сладости. Джоанна прилегла среди цветов и любовалась видом, пока Резчица о чем-то булькала с Хранителем. Интересно, на сколько километров отсюда видно? Воздух, насколько она знала планету Стальных Когтей, был чист. Долина, казалось, на восток и на запад тянется бесконечно. Кое-где на лесистом дне долины серебряной ниточкой показывалась река.

Странник слегка ткнул ее носом и кивнул в сторону королевы. Резчица показала в сторону, а потом вниз с обрыва.

— Там идет спор. Тебе перевести?

— Ага.

— Резчице не нравится эта тропа. — Странник сменил интонацию и заговорил голосом, которым говорила посамнорски королева: — Эту тропу видно отовсюду. Кто угод-

но может засесть на той стороне и пересчитать каждый фургон. Даже за много миль. (Миля — это километр с гаком.)

Хранитель с возмущением мотал головами. Он что-то булькнул, в чем Джоанна различила злость. Странник хихикнул и заговорил голосом начальника тайной стражи:

— Ваше величество! Мои разведчики прочесали долину и дальний склон. Угрозы нет.

— Я знаю, что ты сотворил чудеса, но ты серьезно утверждаешь, что проверил всю северную стену? Она в пяти милях, а я еще с молодости помню, что там десятки расщелин, — и ты это сам помнишь.

— Вот тут он заткнулся! — рассмеялся Странник.

— Ты давай переводи, — буркнула Джоанна. Она уже научилась понимать язык жестов и интонаций. Иногда даже гудение Стальных Когтей приобретало смысл.

— Хм. Ладно.

Королева сняла с себя карманы с детьми, села и заговорила примирительным тоном:

— Если бы погода была пасмурней или если бы в ночное время, можно было бы попробовать, но... Ты старую тропу помнишь? Ту, что на двадцать миль в глубь материка? Она должна сейчас быть хорошо заросшей. И обратная дорога...

Булькающее шипения Хранителя, злость.

— Я же говорю вам, тут безопасно! А на той дороге мы потеряем целые дни! И если мы опоздаем к Свежевателю, вся моя работа зря! Вы должны пойти здесь.

— Ого! — шепнул Странник, не в силах сдержать комментарий. — Беднягу Хранителя слишком занесло.

Головы королевы медленно откинулись назад. Имитируя ее человеческий голос, Странник произнес:

— Я ценю твою озабоченность, стая моей крови. Но мы пойдем там, где скажу я. Если это для тебя нетерпимо, я с сожалением приму твою отставку.

— Но я вам нужен!

— Не настолько.

До Джоанны вдруг дошло, что вся экспедиция может пойти прахом даже до первого выстрела. *Где бы мы сейчас были без Хранителя?* Затаив дыхание, она смотрела на спор двух стай. Часть Хранителя бегала короткими кругами, ки-

дая время от времени сердитые взгляды на Резчицу. Потом все его шеи опустились.

— Примите мои извинения, Ваше Величество. Пока вы будете считать меня полезным, я прошу вас оставить меня на своей службе.

Резчицу тоже оставило напряжение, она потянулась погладить своих щенков. Они ответили, зашипев в своих карманах.

— Прощаю. Мне нужно твое независимое мнение, Хранитель. Твои советы бывали просто чудесны.

Хранитель слабо улыбнулся.

— А я не думал, что у этого дурака ума хватит извиниться, — шепнул Странник в ухо Джоанны.

Еще два дня занял выход на старую тропу. Как и предполагала Резчица, она сильно заросла. Более того: местами она вообще исчезала. Целые дни здесь уйдут на спуск в долину. Но если у Резчицы и были сожаления по поводу принятого решения, с Джоанной она ими не делилась. Королеве было шестьсот лет, и она часто говорила о закоснелости стариков. Теперь Джоанна могла видеть, что имелось в виду.

Когда армия подходила к размывам, через них тут же строили временный мост из спиленных на месте деревьев. Каждая такая переправа отнимала день. Но даже когда тропа была на месте, продвижение шло медленно. Больше никто не ехал на телегах. Край тропы осыпался, и колеса телег часто повисали в пустоте. Справа от себя Джоанна видела кроны деревьев несколькими метрами ниже.

На волков они напоролись на шестой день обхода, когда почти достигли дна долины. Волки — так их назвал Странник, но Джоанне они больше казались похожи на куниц.

Как раз закончился легкий участок перехода длиной в километр. Сухой и теплый ветер, непрестанно колышущий долину, ощущался даже под деревьями. Уже исчезали последние пятна снега под деревьями, и за северной стеной долины поднималась дымка.

Джоанна шла рядом с повозкой Резчицы. Странник отстал примерно метров на десять, время от времени с ними

переговариваясь (сама королева была последние дни очень молчалива). Вдруг сверху донесся скрип — сигнал тревоги на языке Стальных Когтей.

Секундой позже крикнул и Хранитель в ста метрах впереди. Сквозь просветы между стволов было видно, как солдаты над ними натягивают арбалеты, стреляя куда-то вверх. Свет пробивался сквозь лесную крышу пятнами, его было много, но он мелькал и переливался, мешая разглядеть бегущих впереди солдат. Хаос, но в этом хаосе двигались создания, отличные от шипастых! Мелкие, коричневые или серые, они скользили меж теней, как пятна света. И летели они вверх по холму, приближаясь к солдатам *не с той стороны*, куда солдаты стреляли!

— Обернитесь! Обернитесь! — кричала Джоанна, но ее голос пропал в шуме. Да и кто бы мог ее понять? Все элементы Резчицы смотрели вверх на битву. Но она схватила Джоанну за рукав.

— Ты что-то там видишь? Где?

Джоанна стала объяснять, захлебываясь, но уже и Странник тоже что-то увидел, и его булькающий крик покрыл шум битвы. Он бросился к телеге, где Тщательник пытался снять пушку с передка.

— Джоанна! Помоги!

Резчица чуть задумалась, потом сказала:

— Давай. Положение действительно может быть серьезным. Помоги им подготовить пушку, Джоанна.

До повозки с пушкой было всего пятнадцать метров, зато вверх по холму. Джоанна побежала. На тропу у нее за спиной свалилось что-то тяжелое. Часть солдата! Она извивалась и вопила. В тело вцепились с полдюжины комков меха размером с куницу, и шерсть солдата заливала кровь. Мимо пролетел еще один элемент. И еще один. Джоанна споткнулась, но продолжала бежать.

Викрэкшрам стоял, сдвинув головы, в нескольких метрах от Тщательника. Каждый взрослый элемент его был вооружен — ножи во ртах и стальные шипы на лапах. Он махнул Джоанне — ложись!

— Мы налетели на гнездо... гнездо волков. — Речь его звучала затрудненно, неясно. — Оно где-то между этим

местом и тропой наверху. Такой кусок, вроде башни замка. Надо убить гнездо. Ты его видишь?

Явно, что он сам его не видел, хотя и оглядывался вокруг. Джоанна посмотрела вверх на склон холма. Звук битвы почти стих, только слышались стоны Стальных Когтей.

Джоанна показала вверх:

— Ты об этом говоришь, вот эта темная штука?

Странник не ответил. Его элементы дергались, ножи в пастях мотались во все стороны. Джоанна отпрыгнула от свистящего металла. Себя Странник уже успел порезать. *Звуковая атака.* Джоанна уже больше года была знакома со стаями, и то, что она видела сейчас, — это было безумие. Некоторые стаи разбегались дальше, чем могли общаться звуками мысли. Другие — и Резчица на своей повозке — сбивались в кучу, еле решаясь высунуть головы.

За ближайшими деревьями уже катилась серая волна. *Волки.* Каждый меховой комочек выглядел безобидно. Но все вместе... Джоанну пробрал мороз, когда она увидела, как они терзают горло элемента одного солдата.

Джоанна была здесь единственной, кто сохранил рассудок, и это значило, что она знала, что умрет.

Убить гнездо.

На орудийной повозке остался только один элемент Тщательника, Белоголовый. Этот тупица сразу надел свои заглушки и теперь водил носом около ствола пушки. *Убить гнездо.* Может быть, не так уж он и туп.

Джоанна вспрыгнула на повозку. Та покатилась к обрыву, уперлась в дерево — Джоанна не заметила. Она потянула за дульную часть ствола, как видала на учениях. Белоголовый тащил мешок с порохом, но одной пастью он мало что мог сделать. Без остальной стаи у него не было ни мозгов, ни рук. Он смотрел на Джоанну вытаращенными отчаянными глазами.

Она схватила мешок за другой конец, и они вдвоем спустили заряд в ствол. Белоголовый нырнул за ядром и стал тыкать в него носом. *Умнее собаки, да еще и обученный.* Может быть, вдвоем у них есть шанс!

У нее под ногами всего в полуметре лавиной шли волки. Одного-другого она могла бы прикончить сама. Но их были десятки, бросающихся на элементы стай без разбора.

Три элемента Странника стояли вокруг Шрамозадого и щенков, но вся их защита — это были беспорядочные взмахи клыков и когтей. Стая бросила ножи и накладные когти.

Джоанна с Белоголовым затолкали ядро в ствол. Белоголовый ринулся к казеннику пушки и стал возиться с зажигалкой для фитиля, которую использовали артиллеристы. Она была рассчитана на одну пасть, поскольку только один элемент должен был подносить огонь.

— Стой, кретин! — Джоанна пихнула его ногой. — Надо ее нацелить!

Белоголовый взглянул обиженно — он не понял, что он сделал не так. Держатель фитиля он бросил, но зажигалку все еще держал. Высек пламя и решительно направился обратно, пытаясь проскользнуть мимо ног Джоанны. Она снова отпихнула его, посмотрела вверх на холм. Эта черная штука — это должно быть гнездо! Наклонив ствол, как она это видела на учениях, Джоанна посмотрела вдоль него сверху. Ее лицо было в сантиметрах от назойливого Белоголового с огнем в пасти. Его голова в заглушке дернулась вперед, и пламя коснулось запальника.

Взрыв едва не сбросил Джоанну с повозки. Минуту в целом мире не было ничего, кроме боли в ушах. Джоанна перекатилась на живот, села, кашляя в едком дыму. Она ничего не слышала, кроме пронзительного и непрестанного звона в ушах. Повозка раскачивалась, повиснув одним колесом над обрывом. Белоголовый шлепнулся под казенником пушки. Джоанна отвела ствол и потрепала Белоголового по голове в заглушке. У него шла кровь — или у нее? Она несколько секунд сидела, мало что соображая, пытаясь понять, откуда кровь и как вообще она сюда попала.

В голове какой-то внутренний голос кричал: «Нет времени, нет времени!» Она заставила себя встать на колени и оглядеться. Медленно и болезненно возвращалась память.

Перед ней стояли расщепленные деревья, сквозь листву проглядывала белесая древесина. За деревьями, там, где было гнездо, виднелся выброс свежей земли. Они «убили» гнездо, но драка продолжалась.

На тропе все еще были волки, но теперь уже они разбегались во все стороны. На глазах у Джоанны десятки их кидались вниз на деревья и камни. А Стальные Когти дра-

лись по-настоящему. Странник подобрал ножи, и с них стекала кровь. Что-то серое и кровоточащее перелетело через край повозки и упало Джоанне на ногу. «Волк» был едва ли больше двадцати сантиметров и был похож на домашнего зверька, но челюсти щелкнули около лодыжки с убийственной яростью. Джоанна уронила на него пушечное ядро.

В следующие три дня, пока экспедиция собирала снаряжение и приходила в себя, Джоанна много узнала о волках. То, что сделали она и белоголовый элемент Тщательника, остановило атаку намертво. Без сомнения, уничтожение гнезда спасло много жизней и самое экспедицию.

«Волки» были ульевыми организмами, но лишь слегка похожими в этом на стаи. Раса Стальных Когтей использовала групповую мысль для подъема к вершинам интеллекта. Волчьим гнездам это было не нужно. Джоанна никогда не видела разумной стаи больше чем из шести элементов. Резчица говорила, что бывают гнезда с тысячами элементов. И то, на которое они наскочили, тоже было не маленьким. Такая толпа не могла быть разумной, как человек. В смысле чисто интеллектуальной мощи гнездо вряд ли было способнее отдельного элемента стаи. С другой стороны, оно было куда более приспособляемым. Волки могли действовать на больших расстояниях. В пределах сотни метров от гнезда они были органами элементов-»цариц» гнезда, и в их благоразумии сомневаться не приходилось. Странник знал легенды о гнездах разумных, почти как стая, о лесных жителях, которые заключали с гнездами договор о защите в обмен на еду. Пока живы были элементы гнезда, издающие мощный шум, рабочие волки могли координироваться почти как элементы стаи. Но стоит убить гнездо — и вся конструкция разваливается, как примитивная сеть с единым центром.

Конечно, гнездо отлично обмануло армию Резчицы. Оно спокойно ждало, пока солдаты не вступят в его область громкости. Внешние волки использовали звуковую мимикрию для создания звуковых «призраков», по которым бесполезно стреляли солдаты, отвернувшись от истинного гнезда. А когда началось нападение, гнездо обрушило на Стальных Когтей концентрированные помехи. Атака была

куда сильнее, чем обычная «звуковая вонь», которая встречалась в других частях леса. Для Стальных Когтей эти «вонючки» были до боли громкими и иногда даже устрашающими, но не гасящими разум, как шумовой хаос гнезда.

Более ста стай были выведены из строя этой засадой. Некоторые, в основном стаи со щенками, сбились в кучу. Другие, как Тщательник, «разорвались». За прошедшие после нападения часы многие из этих фрагментов сбредались вместе и восстанавливались. Воссозданные стаи были ошеломлены, но невредимы. Непострадавшие солдаты прочесывали лес и утесы в поисках раненых элементов своих товарищей. Но на обрыве встречались места высотой более двадцати метров. И там, где падение не было смягчено кустами, элементы падали на скалы. В конце концов нашли пять погибших и еще двадцать тяжело раненных. Упали также две телеги. Они рассыпались, а керхоги получили раны, от которых уже не могли выжить. По великому счастью, от выстрела не загорелся лес.

Три раза описало солнце по небу свой наклонный круг. Армия Резчицы приходила в себя в прибрежном лесу на дне долины. Хранитель выставил на северной стене долины дозоры с сигнальными зеркалами. Здесь было настолько безопасно, насколько вообще могло быть так далеко к северу. И здесь было потрясающе красиво. Отсюда не был виден высокий лес, но зато шумела рядом река, и так сильно, что заглушала вздохи суховея. У низинных деревьев не было цветов на корнях, но все равно они отличались от тех, которые знала Джоанна. Подлеска не было — только мягкий голубоватый «мох», который, по словам Странника, был на самом деле частью деревьев. Он расстилался, как газон, до самой реки.

В последний день отдыха Резчица собрала на совещание все стаи, свободные от дозора и караулов. Столько стай в одном месте Джоанна не видала с того дня, когда погибла ее семья. Только эти стаи не пугали. Всюду, куда смотрела Джоанна, она видела стаи на голубом мху на расстоянии не меньше восьми метров друг от друга. На секунду ей показалось, что она оказалась в Парке Поселенцев на Оверби: семейные пикники на траве, каждая семья со своей подстилкой и ящиком для еды. Только эти «семьи» были

единой стаей каждая, и это был военный строй. Их ряды загибались дугой, и в центре дуги была королева. За ней в десяти метрах в тени сидел Странник Викрэкшрам. Звание консорта королевы официально не учитывалось. Слева от Резчицы лежали выжившие жертвы засады, элементы в бинтах и шинах. Были и те, кого Странник назвал «ходячими ранеными». Это были синглеты, двойки и тройки, оставшиеся от целых стай. Некоторые из них пытались принять позу внимания, но другие шатались вокруг, иногда врываясь в речь королевы бессмысленными словами. Как было с Описателем Джакерамафаном, только эти выживут. Некоторые уже сливались, пытаясь образовать новые индивидуумы. У некоторых это даже выйдет, как вышло когда-то у Странника Викрэкшрама. Но для большинства пройдет много времени, пока они станут полноценными членами общества.

Джоанна сидела вместе с Тщательником в первом ряду солдат перед королевой. Начальник Артиллерии стоял в парадной стойке Стальных Когтей: ляжки на земле, грудь высоко, почти все головы смотрят вперед. Тщательник вышел из передряги без серьезных повреждений. На белоголовом появилось еще несколько подпалин, и еще один элемент растянул себе плечо, упав с тропы. Так же гордо он носил свои заглушки артиллериста, но что-то в нем изменилось — может быть, из-за военного строя и медали за героизм.

Королева была одета в специальные куртки. Каждая голова смотрела в свой сектор аудитории. Джоанна все еще не понимала языка Стальных Когтей, а говорить на нем вряд ли когда-нибудь сможет без помощи машины. Но зато эти звуки были в пределах слышимости — низкие звуки передаются лучше высоких. И даже без вспомогательной памяти и генераторов грамматики она кое-что выучила. Она легко распознавала эмоции по интонации, а звуки вроде резкого «арк-арк-арк» шли здесь за аплодисменты. А отдельные слова — здесь скорее это были аккорды, звуки имеющие каждый свое значение. Если внимательно слушать (и если рядом нет Странника, который переведет на ходу), она даже могла некоторые из них узнать.

Например, сейчас Резчица похвально отзывалась о своих слушателях. Одобрительные «арк-арк» неслись со всех сторон. Будто группа морских львов лает отовсюду. Одна из голов королевы опустилась в чашу и подняла оттуда какую-то резную штучку. Королева назвала имя стаи, набор аккордов, «тим-пам-пим-пом» какой-то, который Джоанна, если часто слыхала, могла повторить, как «Джакерамафан», или даже частично понять значение слов, как «Викрэкшрам».

Из переднего ряда к королеве подошел *один элемент.* Он остановился практически нос к носу с королевой. Резчица сказала что-то о храбрости, и два ее элемента прицепили эту деревянную — брошь? — к куртке одиночки. Тот быстро повернулся и вернулся к своей стае.

Резчица взяла вторую награду и вызвала другую стаю. Джоанна потянулась к Тщательнику.

— Что происходит? — спросила она. — Почему получают медали отдельные элементы?

И как они могут подойти к другой стае?

Тщательник стоял по стойке «смирно» тщательнее остальных стай, и не обращал на нее внимания. Теперь он только слегка повернул к ней одну голову.

— Цыц!

Он повернулся было обратно, но Джоанна поймала его за одну из курток.

— Глупая! — ответил он в конце концов. — Награда — для всей стаи. Для получения выдвигается один элемент. Больше — привело бы к безумию.

Хм. Еще три стаи, одна за другой, «выдвинули элемента» и получили свои медали. Некоторые шли четко, как человеческие солдаты в рассказах компьютера. Другие начинали резво, но потом пугались и путались, приближаясь к Резчице.

Джоанна помолчала, но не удержалась:

— Эй! Тщательник! А когда мы получим наши?

На этот раз он даже не повернулся — все его головы были твердо повернуты в сторону королевы.

— Последними, конечно. Ты и я убили гнездо и спасли самое королеву.

Его тела чуть ли не дрожали от напряжения. *Он боится до судорог!* Вдруг Джоанна поняла почему. Очевидно, Резчице просто было сохранять разум в присутствии всего лишь одного внешнего элемента. Но наоборот — другое дело. Послать одного из себя в другую стаю — это значит утратить часть сознания и довериться этой другой стае. С этой точки зрения... Джоанна вспомнила исторические романы, в которые любила играть. В Темные Века на Ньоре дамы, получая аудиенцию у королевы, вручали ей свой меч и преклоняли колено. Это был способ поклясться в преданности. И здесь то же самое, хотя, поглядев на Тщательника, Джоанна поняла, что здесь даже по форме церемония может быть очень пугающей.

Еще три медали нашли героев, и Резчица булькнула аккорды, составлявшие имя Тщательника. Начальник Артиллерии застыл как оцепенелый и испустил ртом пару свистящих звуков.

— Джоанна Олсндот, — произнесла королева и добавила несколько слов на языке стай — что-то насчет выйти вперед.

Джоанна встала, но ни один элемент Тщательника не шевельнулся.

Королева рассмеялась по-человечески. Она держала две полированных броши.

— Я все объясню позже по-самнорски, Джоанна. Сейчас просто подойди ко мне с одним из Тщательника. Тщательник?

Вдруг они оказались в центре внимания тысяч глаз. Ни «арк», ни разговоров. Джоанна такого не испытывала с тех пор, как играла Первого Колониста в школьной постановке «Приземления». Она наклонилась вперед, ее голова оказалась рядом с одной из голов Тщательника.

— Пойдем, друг! Мы с тобой герои.

Оглянувшиеся на нее глаза вылезали из орбит.

— Я не могу. — Это было сказано почти неслышимо. При всей этой молодцеватости и щегольских заглушках артиллериста Тщательник был напуган до смерти. Но у него это был не страх сцены. — Я не могу разорвать себя. Не могу!

Задние ряды приглушенно забулькали — в основном канониры Тщательника. Ради всех Сил, неужели его за это

осудят? Средневековье, черт бы их побрал. Глупые люди. Даже разорванный на части, Тщательник спас их задницы, и теперь...

Она обняла его за пару плеч.

— Мы с тобой это уже делали, ты и я. Помнишь?

Головы кивнули:

— Что-то помню. Эта моя часть... одна... не могла бы.

— Верно. И я не могла бы. Но вместе мы убили волчье гнездо.

Тщательник секунду смотрел на нее, глаза его дрожали.

— Да, мы это сделали. Он встал на ноги, резко дернул головами, заглушки хлопнули.

— Да!

И он придвинул к ней своего белоголового.

Джоанна выпрямилась. Они с Белоголовым вышли на открытое место. Четыре метра. Шесть. Она слегка касалась его шеи кончиками пальцев. Когда они отошли от Тщательника на двенадцать метров, шаг белоголового стал неуверенным. Он кинул косой взгляд на Джоанну и пошел медленнее.

Церемонию Джоанна не запомнила, потому что все ее внимание было на Белоголовом. Резчица говорила что-то длинно и неразборчиво. Как-то им обоим дали по резной медали на воротник и отправили обратно к остальному Тщательнику. Только там она снова заметила всю толпу. Она растянулась под навесом леса, куда только доставал взгляд — и все их приветствовали, а громче всех — артиллеристы Тщательника.

Полночь. Здесь, на дне долины, были три-четыре часа бесконечного дня, когда солнце заходило за высокую северную стену. Это было не очень похоже на ночь, даже на сумерки. Дым костров с северной стороны стал гуще. Теперь даже его запах слышался.

Джоанна шла от бивака артиллеристов к середине лагеря, к палатке Резчицы. Было тихо, только мелкие твари скрипели в корнях деревьев. Празднование шло бы куда дольше, не знай каждый, что через несколько часов придется лезть на северную стену. И потому сейчас только из-

редка слышался смех и только случайные стаи попадались навстречу.

Джоанна шла босиком, забросив ботинки за плечо. Даже в такую сухую погоду мох под ногами был на удивление мягок. У нее над головой шевелились зеленые кроны, открывая голубые пятна неба. В такую минуту можно было почти забыть, что пришлось пережить и что еще предстоит.

Часовые у палатки Резчицы не окликнули ее, лишь тихо сообщили вперед, что она идет. Их можно было понять — не так уж много людей здесь бродило. Королева подняла голову:

— Войди, Джоанна.

Она сидела в палатке тесным кругом, щенки в середине. Было почти темно, только светился вход палатки. Джоанна хлопнулась на подушки, где обычно спала. Еще с церемонии награждения ей хотелось кое-что сказать Резчице. Но теперь, после празднования... как-то стыдно было бы портить ей настроение.

Резчица наклонила голову в ее сторону. В тот же минут этот жест повторили оба щенка.

— Я видела тебя на пиру. Ты трезвенница. Ты уже ешь почти всю нашу еду, но пива не касаешься.

Джоанна пожала плечами. В самом деле, а почему?

— Детям не полагается пить пиво, пока им не будет восемнадцать.

Таков был обычай, и ее родители его придерживались. Пару месяцев назад Джоанне исполнилось четырнадцать — Компьютер напомнил ей точный час. А вот если бы ничего этого не случилось и они были бы еще в Верхней Лаборатории царства Страум, неужто она с подругами не попробовали бы тайком этот запретный плод? Может быть. Но здесь, где она была совсем одна, где сейчас она была большим героем, она и капли не выпила... Наверное, потому, что мамы и папы здесь не было, а выполняя их желания, она как бы была ближе к ним. На глазах ее выступили слезы.

— Хм. — Кажется, Резчица слез не заметила. — То же самое говорит и Странник. — Она потрепала своих щенков по шерсти и улыбнулась. — Это имеет смысл. Эти двое

тоже пива не получат, пока не подрастут — хотя они немножко от меня его сегодня насосутся.

В палатке чуть пахло пивом.

Джоанна резко отерла слезы. Сегодня она не хотела чувствовать себя подростком.

— Ты знаешь, это ты нехорошо сегодня поступила с Тщательником.

— Я... да. Я с ним об этом говорила до того. Он не хотел, но я думала, это просто... упрямство — правильное слово? Если бы я знала, как это ему трудно...

— Он практически распался на глазах у всех. Если я правильно понимаю, это был бы позор?

— Да. Честь в обмен на преданность на глазах у равных себе — это важно. По крайней мере при моем правлении. Я уверена, что Странник или Компьютер могут назвать десяток других способов правления. Понимаешь, Джоанна, мне нужна была эта демонстрация — и мне нужно было, чтобы ты и Тщательник там были.

— Я знаю. Мы выиграли бой...

— Молчание! — Вдруг ее голос стал резок, и Джоанна вспомнила, что говорит со средневековой королевой. — Мы сейчас на две сотни миль к северу от моих границ, почти в сердце владений Свежевателя. Через несколько дней мы встанем лицом к лицу с врагом, и многие из нас умрут, не зная, за что.

У Джоанны сердце ухнуло вниз. Если не отбить корабль, не закончить то, что задумали отец и мать...

— Ваше величество! Ведь мы же знаем...

— Я знаю. Странник знает. Большинство моего совета согласны, хотя ворчат. Но мы, члены совета, говорили с Компьютером. Мы видели ваши миры и видели, что может сделать ваша наука. А остальные, большинство стай... — она махнула головой в сторону лагеря за палаткой, — идут из веры в меня и преданности мне. Для них дело смертельно опасно, а цель неясна. — Резчица замолчала, хотя двое ее щенков еще секунду продолжали жестикулировать. — Я не знаю, как вы убеждаете свой народ на такой риск. Компьютер говорит о воинской повинности.

— Это было давно, на Ньоре.

— Не важно. Дело в том, что мои войска здесь из преданности, в основном преданности мне лично. Шестьсот лет я хорошо защищала свой народ, их память, их предания это говорят явно. Не раз я была единственной, кто видела опасность, и мой совет спасал всех, кто ему следовал. Вот что держит здесь большинство солдат, большинство артиллеристов. Каждый из них свободен повернуть назад. А теперь — что они должны думать, когда в нашем первом «бою» мы, как неграмотные... туристы налетели на волчье гнездо? Кабы не наше везение да не то, что вы с Тщательником оказались в нужном месте и не растерялись, я была бы убита. Странник был бы убит. Может быть, треть всех солдат была бы мертва.

— Если бы не мы с Тщательником, кто-нибудь другой бы это сделал.

— Может быть. Хотя я не думаю, что кто-то другой мог бы даже попытаться стрелять по гнезду. Но ты видишь, какое впечатление это произвело на моих солдат? Если простой несчастный случай в лесу может привести к смерти королевы и уничтожить ее потрясающее оружие, что будет, когда мы столкнемся с *мыслящим* врагом? Этот вопрос застрял во многих умах. И если бы я не смогла на него ответить, мы бы никогда не выбрались из этой долины — по крайней мере на север.

— И вы раздали медали. Преданность за почет.

— Да. Ты многого не поняла, не зная нашего языка. Я похвалила их действия. Я дала медали серебряного дерева всем, кто хоть как-то не растерялся, налетев на засаду. Это немного помогло. Я повторила речь о целях экспедиции и почему она необходима — чудеса, которые обещает Компьютер, и как плохо нам будет, если Булат достигнет своего. Но это они слыхали и раньше, и речь здесь идет о том, что им трудно себе вообразить. То новое, что я им сегодня показала, — это были ты и Тщательник.

— Мы?

— Я превознесла вас выше неба. Синглеты часто совершают смелые поступки. Иногда они бывают наполовину разумны или разговаривают так, будто наполовину разумны. Но в одиночку элемент Тщательника мог бы только хорошо драться ножом. Он знал, как стрелять из пушки,

но у него нет ни лап, ни пастей, чтобы хоть что-то с ней сделать. Сам по себе он бы не сообразил, куда стрелять. А ты — Двуногая. Во многих отношениях ты беспомощна. Единственный для тебя способ думать — самой по себе, но в этом тебе не мешают окружающие. И вдвоем вы сделали то, что не могла бы сделать ни одна другая стая в центре нападения волчьего гнезда. И я сказала моей армии, чем может стать сотрудничество двух рас, как каждая из них может компенсировать врожденные недостатки другой. Вместе мы будем почти Стаей Стай. А как там Тщательник?

Джоанна слабо улыбнулась:

— Все вышло хорошо. Когда он смог выйти сюда и получить свою медаль... — Джоанна коснулась пальцем броши у себя на воротнике — красивая штучка с гравированным изображением города Резчицы, — когда он это сделал, он полностью переменился. Видела бы ты его потом с артиллеристами! Они тоже обменялись честью и преданностью и выпили море пива. Тщательник им рассказывал, что мы сделали. Он даже попросил меня помочь ему показать... А ты думаешь, армия приняла все, что ты говорила о людях и Стальных Когтях?

— Я так полагаю. На своем родном языке я очень красноречива. — Резчица минуту помолчала. Ее щенки ползали по ковру и тыкались мордами в руки Джоанны. — А кроме того... это вполне может быть правдой. Странник в этом уверен. Ты можешь жить со мной в одной палатке — и при этом думать. Это то, на что мы с ним не способны. Каждый из нас по-своему прожил долгую жизнь, и я считаю, что каждый из нас не глупее человека или тех других созданий в Крае, о которых говорит Компьютер. Но вы, синглеты, можете стоять рядом и думать и строить. По сравнению с нами расы синглетов очень быстро развивают у себя науку. Теперь же, с твоей помощью, для нас тоже могут начаться быстрые перемены. — Щенята отползли, и Резчица положила головы на лапы. — По крайней мере это сказала я своему народу... А теперь нам надо поспать.

На земле возле входа в палатку уже лежали пятна солнечного света.

— Ладно. — Джоанна выскользнула из верхней одежды, легла и натянула на себя легкое одеяло.

Резчица уже почти полностью спала. Как обычно, одна-две пары глаз оставались открытыми, но взгляд их не был разумен — а сейчас даже у них был усталый вид. Любопытно — Резчица так много работала с Компьютером, что ее голос не только научился произношению, но и выражал эмоции. И сейчас он звучал очень устало и очень грустно.

Джоанна высунула из-под одеяла руку погладить шею ближайшего элемента Резчицы — слепого.

— А ты веришь в то, что сказала всем?

Одна из «часовых» голов посмотрела на нее, и отовсюду донеся очень человеческий вздох.

— Да... но я очень боюсь, что это уже не важно. Шесть сотен лет я была в себе уверена. Но то, что случилось на южной стене... этого не должно было быть. И не было бы, последуй я совету Хранителя и пойди новой дорогой.

— Но ведь нас бы увидели...

— Да. В любом случае — провал, понимаешь? У Хранителя есть точная информация из высшего совета Свежевателя. Но в ежедневной рутине он иногда бывает беспечным дураком. Я это знала и думала, что могу компенсировать. Но старая дорога оказалась хуже, чем мне помнилось. Если бы тут ездили последние несколько лет, волчьего гнезда здесь оказаться не могло бы. Если бы Хранитель правильно организовал дозоры или если бы я правильно командовала им, нас бы ни за что не застали врасплох. А мы чуть не погибли... и единственное, на что я оказалась способна, — внушить тем, кто в меня верит, что я по-прежнему знаю, что делаю. — Она открыла еще пару глаз и сделала жест улыбки. — Странно. Я не говорила этого даже Страннику. Это еще одно «преимущество» человеческих отношений?

Джоанна погладила слепого по шее.

— Может быть.

— Как бы там ни было, я верю в то, что я сказала о вещах, которые *могут быть*, но я боюсь, что моя душа не будет достаточно сильна, чтобы заставить их быть такими. Может быть, я должна была бы передать власть Страннику или Хранителю — об этом следует подумать.

И Резчица шикнула в ответ на удивленный протест Джоанны:

— А теперь спи, будь добра.

32

Какое-то время Равна надеялась, что их кораблик долетит до Дна незамеченным. Это изменилось вместе со многим другим. Сейчас «Внеполосный» стал самым известным кораблем на всей Сети. За погоней следили миллионы рас. В их сторону были направлены огромные антенные рои Среднего Края, слушающие рассказы — по большей части лживые — кораблей преследования. Непосредственно Джоанна их слышать не могла, но подслушанные ею передачи звучали ясно, как по главной магистрали.

Часть каждого дня Равна проводила, читая группы новостей, пытаясь обрести надежду, пытаясь доказать самой себе, что поступает правильно. Теперь у нее не было сомнений, что именно за ними гонится. И нет сомнений, что Фам и Синяя Раковина с этим согласились бы. *Зачем* ведется эта погоня и *что* они могут найти возле Дна, было темой бесчисленных предположений на Сети. Как всегда, любая возможная правда была скрыта под нагромождением лжи.

Шифр: 0
Получено: борт «Внеполосного»
Языковый путь: Трисквелин, СК: Устройства трансляции
От: Хансе [Нет упоминаний до падения Ретрансляторов. Возможные источники не указаны. Кто-то очень осторожный]
Тема: Союз защиты — фальсификация?
Рассылка: Группа «Изучение Погибели»
Группа «Отслеживание войн»
Группа «Изучение Хомо сапиенс»
Дата: 5,80 дней от гибели Сьяндры Кеи
Ключевые фразы: Миссия дураков, ненужный геноцид
Текст сообщения:
Ранее я предположил, что разрушения Сьяндры Кеи не произошло. Приношу свои извинения. Ошибка связана с неверной идентификацией по каталогу. Я согласен с сообщениями (в количестве 13123 по состоянию на несколько секунд назад), заверяющих, что обитаемые области Сьяндры Кеи потерпели катастрофу приблизительно шесть дней назад.

Итак, очевидно, «Союз защиты» предпринял объявленную ранее военную акцию. Также очевидно, что у «Союза» хватает военной мощи на разрушение малых цивилизаций в Среднем Крае. По-прежнему остается вопрос: зачем? Я уже помещал в этой группе доводы, показывающие, что вряд ли Хомо сапиенс контролируются Погибелью (хотя у них хватило глупости *создать* эту сущность). Даже собственное сообщение «Союза» признает, что менее половины разумных существ Сьяндры Кеи принадлежали к этой расе.

Теперь большая часть флота «Союза» мчится к Дну Края, преследуя *одиночный* корабль. Какой реальный ущерб может причинить этим «Союз» Погибели? Погибель — это великая угроза, быть может, самая новая и опасная за всю письменную историю. Поведение же «Союза» кажется разрушительным и бессмысленным. Теперь, когда «Союз» обнародовал некоторые из поддерживающих его организаций (см. сообщения [номера]), я считаю, что стали известны его истинные мотивы. Я вижу связи между «Союзом» и старой Гегемонией Апраханти. Тысячу лет назад эта группа уже предпринимала подобный джихад, захватывая недвижимость, оставшуюся после недавно Перешедших. Как остановили Гегемонию — это увлекательная история, потребовавшая серьезных действий в этой части Галактики. Кажется, этот народ снова взялся за свое, пытаясь воспользоваться общей паникой из-за Погибели (каковая является куда более серьезной угрозой).

Мой совет: осторожнее с «Союзом» и его заявлениями о героических усилиях.

Шифр: 0
Получено: борт «Внеполосного»
Языковый путь: Трисквелин, СК: Устройства трансляции
От: Синод коммуникаций Гармоничного Покоя
Тема: Встреча с агентами Отклонения
Рассылка: Группа «Изучение Погибели»
Дата: 6,37 дней от гибели Сьяндры Кеи
Ключевые фразы: Хансе — фальсификация?
Текст сообщения:

Мы совершенно одинаково относимся ко всем участникам данной дискуссии. Тем не менее примечательно, что субъект, не открывающий своего местоположения и интересов — а именно Хансе, — марает грязью усилия Союза Обороны. Союз держал

свой состав в секрете, лишь пока собирал силы, когда один удар мощи Отклонения мог все полностью разрушить. С тех пор он действует совершенно открыто.

Хансе интересуется, каким образом одиночный звездолет мог оказаться достойным внимания Союза. Поскольку Гармоничный Покой был местом последних событий, мы в состоянии предложить некоторые объяснения. Упомянутый корабль, «Внеполосный», явным образом оборудован для действий вблизи Дна Края — и даже имеет возможность ограниченных действий в Медленной Зоне. Корабль представил себя как торговое судно, зафрахтованное для зонографической экспедиции по изучению турбулентностей вблизи Дна. На самом же деле задание корабля совсем другое. После его отбытия с боем мы сопоставили некоторые необычные факты:

По крайней мере один из членов экипажа корабля является человеком. Хотя они старались не показываться и использовали торговцев-наездников в качестве посредников, у нас есть записи. Была получена биопоследовательность одного из них, и она совпадает с данными двух из трех архивов по Хомо сапиенс. (Всем хорошо известно, что третий архив на Снироте находится под контролем расы, сочувствующей людям.) Кроме того, эти события произошли после разрушения системы Сьяндра Кеи. Первый же контакт корабля с нами произошел до того.

Мы выполнили тщательный анализ работ, которые наша верфь произвела для этого корабля. Автоматика гипердвигателя — вещь глубокая и сложная, даже самая тщательная маскировка не может полностью скрыть ее память. Мы знаем, что «Внеполосный» прибыл из системы Ретрансляторов и что отбыл он оттуда *после* нападения Отклонения. Сами подумайте, что это может значить.

Команда «Внеполосного» проникла с оружием в жилой сектор, убила нескольких местных разумных существ и бежала раньше, чем наши музыканты [гармонизаторы? полицейские?] были извещены должным образом. У нас есть серьезные основания не желать им добра.

Вокруг данной темы крутится больше обычного утверждений, не имеющих отношения к делу. Мы надеемся, что приведенные нами факты заставят народ проснуться. В частности, поинтересоваться, кто такой «Хансе». Отклонение весьма заметно в Верхнем Крае, где оно имеет колоссальную силу и может говорить собственным голосом. Здесь, в Середине, гораздо более

вероятными его орудиями будут обман и скрытая пропаганда. Не забывайте об этом, когда читаете статьи от не идентифицированных сущностей, каких-нибудь «Хансе»!

Равна скрипнула зубами. Самое противное было то, что факты излагались верно. Злобным и ложным было только толкование. И нельзя было понять, то ли это какая-то тень черной пропаганды, то ли святой Ринделл честно излагал свои соображения (хотя Ринделл не очень, кажется, доверял бабочкам).

В одном только были согласны все группы новостей: за «Внеполосным» гнался далеко не только флот Союза. Рои следов гипердвигателей были видны всякому в пределах тысячи световых лет. Самое меньшее три флота преследовали корабль. Три! Союз Обороны, все еще громко-хвастливый, даже несмотря на подозрение (со стороны некоторых) в склонности к геноциду. За ними Сьяндра Кеи... и то, что осталось от родины Равны, единственного, быть может, народа во всей вселенной, которому она могла доверять. И за ними — безмолвный флот. По последним сообщениям в группах новостей, он шел с Вершины Края. Этому флоту будет затруднительно возле Дна, но сейчас он догонял. Мало кто сомневался, что это порождение Отклонения. Он более всего убеждал всю Вселенную, что значение «Внеполосного» имеет космические масштабы. Вопрос, и главный, был в том, каково это значение. Предположения сыпались со скоростью пяти тысяч статей в час. Тайна рассматривалась с миллиона разных точек зрения. Некоторые из них были столь чуждыми, что люди и наездники рассматривались как один и тот же вид. По крайней мере пять участников этой дискуссии были газовыми обитателями звездных корон. Были еще один-другой, которые, как подозревала Равна, принадлежали к расам, не входящим в каталог, столь застенчивые создания, что это могло быть их первое активное появление на Сети.

Компьютер «Внеполосного» сильно отупел по сравнению с тем, каким он был в Среднем Крае. Уже нельзя было попросить его просмотреть сообщения в поисках нюансов

и намеков. Часто бывало даже, что если приходящее сообщение не имело текста на трисквелине, то его нельзя было прочесть. Трансляторы корабля все еще надежно работали с основными торговыми языками, но даже для них перевод теперь шел медленно, был набит альтернативными значениями и несуразицей. Еще один признак приближения ко Дну Края. Эффективный перевод с естественных языков почти требует разумных программ-трансляторов.

Но тем не менее при хорошей конструкции можно было добиться лучшего. Автоматика могла бы под действием накладываемых глубиной ограничений деградировать постепенно, а вместо этого оборудование просто переставало работать, а то, что оставалось, было медленным и все время сбоило. Вот если бы удалось закончить переоборудование до крушения Ретрансляторов...

И сколько же раз я уже этого желала?

Равна только надеялась, что на борту преследующих кораблей дела обстоят не лучше.

И Равна могла использовать автоматику корабля лишь для простейшей фильтрации сообщений. Многое из оставшегося тоже не имело смысла, как от людей, которые в погоде видят знамения.

Шифр: 0

Получено: борт «Внеполосного»

Языковый путь: Арбвит — Торгяз-24 — Чергелен — Трисквелин, СК: Устройства трансляции

От: Твирлипы туманов [Возможно, организация летающих в облаках в отдельной юпитероподобной системе. Более ранние сообщения очень редки]

Тема: Цель Погибели около Дна

Ключевые фразы: Нестабильности Зон и Погибель, Гексаподия как ключевая идея

Рассылка: Группа «Изучение Погибели»

Группа «Великие тайны мироздания»

Дата: 4,45 дней от гибели Сьяндры Кеи

Текст сообщения:

Прежде всего прошу прощения за повторение очевидных умозаключений. Мой единственный выход на Сеть обходится

очень дорого, и я мог пропустить важные сообщения. Я считаю, что все, кто следит за группами «Угроза Погибели» и «Великие тайны мироздания», заметят важные признаки. С момента событий, описанных службой информации Гармоничного Покоя, почти все согласны, что у Дна Края в регионе [...] существует нечто важное для Погибели. Я вижу здесь возможную связь с «Великими тайнами». За последние двести двадцать дней возрастающим потоком идут сообщения о нестабильности поверхности раздела Зон в регионе ниже Гармоничного Покоя. По мере роста угрозы Погибели и ее атак против развитых рас и других Сил увеличивается и эта нестабильность. Может ли здесь быть связь? Я призываю всех сравнить свою информацию с информацией группы «Великие тайны» (или ближайшим архивом, который эта группа ведет). События, подобные данным, еще раз доказывают, что Вселенная находится в состоянии промежуточного ронзелла(?).

Были письма, вызывающие мучительный и неудовлетворенный интерес, например:

Шифр: 0
Получено: борт «Внеполосного»
Языковый путь: Вублингз — Бэлореск — Трисквелин, СК: Устройства трансляции
От: Поющие сверчки под Высокой Ивой [«Поющие сверчки» — синтетическая раса, созданная как шутка — опыт — орудие Высокой Ивой в процессе Перехода. В течение восьми тысяч лет эта раса была главным корреспондентом группы «Где они теперь» и связанных с ней групп. Нет доказательств, что какое-либо поселение поющих сверчков само испытало Переход. Странностей этой расы достаточно, чтобы существовала целая группа новостей, целиком им посвященная. Общепринято, что Поющие сверчки были созданы Высокой Ивой как средство исследования Края и что эта раса почему-то не способна на попытки совершения Перехода]
Тема: Цель Погибели около Дна
Ключевые фразы: При совершении Перехода
Рассылка: Группа «Угроза Погибели»
Группа «Отслеживание войн»
Группа «Где они теперь»
Дата: 5,12 дней от гибели Сьяндры Кеи

Текст сообщения:

Вопреки выраженной в других статьях точке зрения, есть множество причин, по которым Сила может установить свои приборы или сооружения у Дна Края. В сообщении Абселора, помещенного в данной дискуссии, приводятся некоторые из них: документально отмечалось любопытство некоторых Сил по отношению к Медленной Зоне и более того — к Безмысленной Бездне. Изредка туда направлялись экспедиции (хотя возвращение из таковой может произойти уже тогда, когда пославшая Сила давно потеряет интерес ко всем местным вопросам).

Тем не менее никакие подобные мотивы в данном случае не являются вероятными. Для тех, кто знаком с переходом Быстрого Сгорания, очевидно, что Погибель — это существо, которое ищет стасис. Ее интерес ко Дну возник очень внезапно и спровоцирован, по нашему мнению, обстоятельствами, открывшимися на Гармоничном Покое. Около Дна есть нечто, имеющее критическое значение для благоденствия Погибели.

Вспомним понятие абляционного диссонанса (см. архив группы «Где они теперь»). Никому не известно, какие процедуры запуска использовали люди в царстве Страума. Само по себе Быстрое Сгорание может иметь разумность, соответствующую Переходу. Что, если это *оно* осталось неудовлетворенным направлением кенедрирования? В это случае оно могло попытаться спрятать пусковой рождатель. Само по себе Дно — не то место, где этот алгоритм мог бы сам себя нормально выполнить, но из него все же могли быть созданы и быстро запущены в действие аватары.

До сих пор Равна почти понимала, о чем идет речь, — абляционный диссонанс был известным понятием прикладной теологии. Но дальше, как бывает во сне, когда вот-вот должны открыться тайны мироздания, статья потеряла смысл.

Были и статьи не дурацкие и не туманные. Как обычно, Сандор при Зоопарке много говорил чертовски верного:

Шифр: 0

Получено: борт «Внеполосного»

Языковый путь: Трисквелин, СК: Устройства трансляции

От: Сандорская Разведка при Зоопарке [Известная военная корпорация Верхнего Края. Если это маска, кому-то грозит опасность]

Тема: Цель Погибели возле Дна
Ключевые фразы: Внезапное изменение тактики Погибели
Рассылка: Группа «Угроза Погибели»
Группа «Отслеживание войн»
Группа «Изучение Хомо сапиенс»
Дата: 8,15 дней от крушения Сьяндра Кеи
Текст сообщения:

На случай, если это неизвестно: Сандорская разведка имеет несколько различных выходов на Сеть. Мы имеем возможность получать сообщения по путям, не содержащим общих промежуточных узлов. Таким образом мы можем детектировать и исправлять внесенные в пути искажения. (Ложь и непонимание таким образом не устраняются, но это вносит интерес в работу разведки.)

Сведения о Погибели имели у нас наивысший приоритет с момента ее возникновения год назад. Это сделано не в связи с очевидной мощью Погибели или разрушением и деицидом, которые она несет. Мы опасаемся, что это еще наименьшая часть угрозы. В историческом прошлом встречались отклонения почти такой же мощи. Что отличает от них Погибель — это ее стабильность. Мы не видим признаков внутренней эволюции; в некоторых отношениях Погибель — *меньше*, чем Сила. Может быть, она никогда не утратит интереса к управлению Верхним Краем. Возможно, мы стали свидетелями глубокого и постоянного изменения природы вещей. Представьте себе устойчивый некроз и единственное разумное существо в Верхнем Крае — Погибель.

Таким образом, изучение Погибели становится для нас вопросом жизни и смерти (хоть мы и обладаем достаточной силой и очень широко распределены в пространстве). И мы пришли к некоторым заключениям. Какие-то из них могут быть для вас очевидны, другие могут показаться рискованными спекуляциями. Все это предстает в новом свете после событий, о которых сообщалось с Гармоничного Покоя.

Почти с самого начала Погибель что-то искала. Эти поиски выходили далеко за пределы ее агрессивной физической экспансии. Ее автоматические агенты пытались проникнуть почти в любой узел Вершины Края, и Высокая Сеть вся запуталась, сведенная к протоколам едва ли более эффективным, чем те, которые используются внизу. Одновременно с этим Погибель физически похитила несколько архивов. Мы наблюдали признаки поиска внесетевых архивов огромными флотами как в Вершине

Края, так и в Нижнем Переходе. При этом были убиты как минимум три Силы.

Теперь эта волна внезапно стихла. Физическая экспансия Погибели продолжается, и ей не видно конца, но поиски в Верхнем Крае более не ведутся. Насколько мы можем судить, такая перемена произошла примерно за две тысячи секунд до бегства людей с Гармоничного Покоя. Менее чем через шесть часов произошло возникновение безмолвного флота, который мы сейчас обсуждаем. Этот флот, несомненно, есть создание Погибели.

В другое время разрушение Сьяндры Кеи и мотивы, которыми руководствуется Союз Обороны, были бы важными вопросами (и наша организация могла бы быть заинтересована во взаимодействии с теми, кого они затрагивают). Но все это бледнеет перед важностью указанного флота и корабля, который он преследует. Мы не можем согласиться с анализом, представленным Гармоничным Покоем: для нас очевидно, что Погибель не знала о «Внеполосном» до его обнаружения на Гармоничном Покое.

Этот корабль не является орудием Погибели, но содержит нечто (или направляется к чему-то), что представляет собой исключительную важность для Погибели. Что же это может быть? Здесь мы вступаем в область откровенных предположений. И, строя эти предположения, мы будем использовать мощные псевдозаконы: Принципы Посредственности и Минимальных Допущений. Если Погибель обладает потенцией для перманентного и стабильного овладения Вершиной, то почему это не произошло раньше? Наше предположение состоит в том, что Погибель уже была реализована раньше (с тем зловещим следствием, что это событие отмечает начало письменной истории), но имеет своего собственного естественного врага.

Порядок событий даже наводит на мысль о конкретном сценарии, подобном тому, который нам знаком в связи с вопросами безопасности сетей. Когда-то (очень давно) существовал другой экземпляр Погибели. Была построена успешная защита, и все известные копии рецептов Погибели были уничтожены. Разумеется, на широкой сети никто не может быть уверен, что уничтожены *все вообще* копии вредного явления. Нет сомнения, что средства защиты были размножены в огромном числе. Но если даже эти средства достигли содержащего вредную информацию архива, они могли и не подействовать, поскольку в архиве Погибель была не в активном состоянии.

В силу неудачного стечения обстоятельств люди Страумского царства нашли подобный архив — несомненно, в виде давно отпавшей от Сети развалины. Они пробудили к жизни Погибель и — случайно, но явно позже — защитную программу. Каким-то образом противник Погибели избежал разрушения. И Погибель разыскивала его с тех самых пор — *и все не там*. В своей слабости новый экземпляр средств защиты отступил в глубины, в которые ни одна Сила даже и думать не может проникнуть, но откуда он не может вернуться без чужой помощи. И предположение, основанное на предположении: мы не можем догадаться о природе средства защиты, хотя его отступление — обескураживающий признак. Тем более что эта жертва оказалась безрезультатной, поскольку Погибель раскрыла обман.

Флот Погибели явно собран ad hoc, в спешке надерган из сил, которые оказались ближе всего к месту открытия. Без такой спешки флот, очевидно, мог бы упустить свою цель. Поэтому, возможно, оборудование поиска и преследования плохо приспособлено к работе на глубине, и его показатели будут ухудшаться по мере спуска. Тем не менее этот флот, по нашему мнению, будет превосходить любые силы, которые могут появиться на сцене в ближайшем будущем.

Возможно, мы узнаем больше, когда флот Погибели достигнет места назначения «Внеполосного». Если он уничтожит этот пункт немедленно, мы будем знать, что там находилось нечто действительно опасное для Погибели (и может находиться где-то еще, по крайней мере в виде рецепта). Если нет, то, возможно, Погибель ищет что-то, что сделает ее еще опаснее, чем теперь.

Равна откинулась назад, глядя на дисплей. Разведка Сандора была в этой группе одним из самых сообразительных участников, но сейчас ее прогнозы были просто разными вариантами безжалостной судьбы. И такие, черт побери, хладнокровные, такие аналитические. Равна знала, что Сандор — многовидовая цивилизация и его филиалы рассыпаны по всему Верхнему Краю. Но Силой они не были. Если Отклонение могло сокрушить Ретрансляторы и убить Старика, то все ресурсы Сандора ему не помогут, если враг захочет его проглотить. В их анализе звучала интонация пилота погибающего корабля, понимающего опасность и не имеющего времени ужасаться.

Фам, как бы я хотела поговорить с тобой, как раньше!

Равна свернулась в клубок, как это можно сделать при нулевой гравитации. Она стала тихо всхлипывать, но без всякой надежды. За последние пять дней они с Фамом не обменялись и сотней слов. И жили так, будто каждый держал пистолет у виска другого. И так оно и было — так она это устроила. Пока она, он и наездники были вместе, опасность была хотя бы общим бременем. Теперь они были порознь, а враг постепенно нагонял. Чем поможет богошок Фама против пятисот кораблей, за которыми стоит Погибель?

Неизвестно сколько Равна парила в воздухе, и всхлипывания сменились безнадежной тишиной. Снова и снова приходила мысль, правильно ли она поступила. Она угрожала жизни Фама, чтобы защитить Синюю Раковину и Зеленый Стебель и их род. Этим она сохраняла тайну, которая могла оказаться величайшей опасностью за всю историю Известной Сети. Может ли один человек взять на себя такую ответственность? Фам ее спрашивал об этом, и она ответила — да, и все же...

Этот вопрос возвращался каждый день. И каждый день она искала выхода.

Равна молча вытерла слезы. В открытии Фама она не сомневалась.

Были и тупые статьи в группе новостей, где говорилось, что явление таких масштабов, как Погибель, может быть лишь трагической катастрофой, но не сознательным злом. Зло, как утверждали авторы, есть понятие, применимое лишь в куда меньших масштабах: это вред, который одни разумные существа причиняют другим. До Вечного Покоя это казалось всего лишь свободной игрой словами. Теперь же Равна поняла, что это имеет смысл — и что это в корне неверно. Погибель сотворила наездников — замечательный и миролюбивый народ. От их присутствия в миллиардах миров не происходило ничего, кроме добра. А за ними крылась потенция обращения суверенных сознаний их друзей в часть чудовища. Когда Равна думала о Синей Раковине или Зеленом Стебле и страх поднимался у нее в

груди при мысли об этой смертельной отраве — хотя сами по себе они были хорошими, — она знала, что видит зло в масштабе Перехода.

Это она втравила в эту историю Синюю Раковину и Зеленый Стебель; они об этом не просили. Они были друзьями и союзниками, и она не станет их убивать из-за того, чем они стали.

Может быть, дело было в последних новостях. Может быть, в том, что она уже в эн плюс первый раз смотрела в глаза одних и тех же невозможностей.

Но Равна медленно выпрямилась, глядя на последние сообщения. Итак. Она верит Фаму в том, что наездники представляют собой опасность. Еще она верила, что эти двое — лишь потенциальные враги. Она отбросила все, чтобы спасти их самих и их род. Может быть, это было ошибкой, но следует воспользоваться всеми хорошими сторонами этого решения. Если их следует спасти потому, что ты считаешь их своими союзниками, то и обращайся с ними как с союзниками. Обращайся с ними как с друзьями, которыми они являются. Мы все — пешки.

Равна оттолкнулась и поплыла к двери своей каюты.

Каюта наездников была сразу за командной палубой. С момента катастрофы на Вечном Покое эти двое ее не покидали. Плывя по проходу к их двери, Равна почти ждала, что напорется на скрывающуюся в тени аппаратуру Фама. Он говорил, что сделает все, чтобы «защитить себя». Но ничего необычного ей не встретилось.

Интересно, что он подумает о ее визите к наездникам?

Она объявила о себе, и через минуту появился Синяя Раковина. Косметические полосы на его тележке были стерты, а в каюте был полный разгром. Синяя Раковина пригласил ее войти резким жестом стебля:

— Миледи!

— Синяя Раковина. — Она кивнула ему. Половину времени она кляла себя за то, что верит наездникам, а другую половину — грызлась, что оставила их одних. — Как Зеленый Стебель?

Неожиданно ветви Синей Раковины схлопнулись в улыбке.

— Можете себе представить? Сегодня она первый день на новой тележке. Я вам покажу, если хотите.

Он вильнул среди приборов, разбросанных по комнате в шахматном порядке. Похоже было на ту аппаратуру, из которой Фам построил свою укрепленную броню. И если бы Фам это увидел, он мог бы потерять над собой контроль.

— Я над этим работал с того самого времени, как... как Фам нас тут запер.

Зеленый Стебель находилась в другой комнате. Стебель и ветви ее поднимались из серебряного цветочного горшка. Колес не было. Ничего не было в стиле традиционной тележки. Синяя Раковина проехал по потолку и протянул ветку к своей подруге. Что-то прошелестел, и она после секундной паузы ответила.

— Это тележкоподобие очень ограничено. Нет ни подвижности, ни запасных источников питания. Я скопировал ее с конструкции малых наездников — простая штука, созданная дирокимами. Она предназначена лишь для того, чтобы сидеть на одном месте и глядеть в одну сторону. Но зато тут есть поддержка кратковременной памяти и фокусировщики внимания... и она снова со мной. — Он суетился вокруг нее, гладя ее ветвями и другими ветвями показывая, какие он создал для нее приспособления. — Она не была серьезно ранена. Иногда мне кажется, что что бы там Фам ни говорил, он просто не мог ее убить.

Говорил он быстро и нервно, будто боясь того, что может сказать Равна.

— Я очень беспокоился первые несколько дней. Но хирург оказался хорошим. Я ее долго держал в сильном прибое. Дал медленно думать. Когда я приделал к ней это тележкоподобие, она стала учиться использовать память, повторяя то, что я или хирург ей говорили. С этим тележкоподобием она может обращаться к новой памяти почти пятьсот секунд. А ей этого достаточно, чтобы ее разум послал мысль в долговременную память.

Равна подплыла ближе. На ветвях Зеленого Стебля появились новые складки. Это, наверное, заживающие шрамы. Визуальные поверхности наездницы следили за подходом Равны. Зеленый Стебель знала, что Равна здесь, и поза ее была дружественной.

— Она может говорить на трисквелине, Синяя Раковина? Ты подсоединил вокодер?

— А? — Он загудел. То ли он забыл, то ли нервничал — Равна точно не знала. — Да, да. Дайте мне минутку... просто раньше он был не нужен. Никто не хотел с нами разговаривать.

Он что-то подкручивал на самодельной тележке.

— Здравствуй, Равна, — прозвучал голос. — Я тебя узнала.

Ветви шелестели в такт голосу.

— Я тоже тебя узнала. Мы... я рада, что ты очнулась.

Какой-то странный звук был у вокодера, посвистывающий.

— Да. Мне трудно сказать. Я хочу говорить, но я не знаю, получается ли смысл.

Синяя Раковина так, чтобы не видела Зеленый Стебель, сделал жест ветвью: скажи «да».

— Да, Зеленый Стебель, я тебя понимаю.

И Равна про себя решила никогда больше не сердиться на Зеленого Стебля за ее забывчивость.

— Хорошо. — Ветви ее выпрямились, и она больше не пыталась говорить.

— Видите? — сказал вокодер Синей Раковины. — Я весело ликую. Даже сейчас Зеленый Стебель передает этот разговор в долговременную память. Сейчас это происходит медленнее, но я улучшаю тележкоподобие. И я уверен, что замедление связано лишь с эмоциональным потрясением.

Он еще касался ветвей Зеленого Стебля, но она больше ничего не говорила. Равна попыталась себе представить, насколько весело он ликует.

Позади наездников были окна дисплея, настроенные на зрение наездников.

— Ты следил за новостями? — спросила Равна.

— Да, конечно.

— Ты знаешь, у меня чувство такой беспомощности...

Ну не дура ли ты — такое говорить ему?

Но Синяя Раковина не обиделся. Казалось, он был благодарен за смену темы, предпочитая печаль более дальнюю.

— Да, мы теперь знамениты. Три флота гонятся за нами, миледи. Ха-ха.

— Кажется, они не быстро нас догоняют.

Ветви шевельнулись, будто в пожатии плеч.

— Сэр Фам оказался грамотным капитаном корабля. Боюсь только, что ситуация изменится, когда мы спустимся. Автоматика корабля будет постепенно портиться, и очень важным станет то, что вы, люди, называете ручным управлением. «Внеполосный» рассчитан на представителей моей расы, миледи. Что бы сэр Фам о нас ни думал, возле Дна мы умеем летать лучше кого угодно. И другие нас постепенно догонят — по крайней мере те, кто на самом деле знает собственные корабли.

— К-конечно же, Фаму это известно?

— Я так думаю. Но он в ловушке собственных страхов. И что мы можем сделать? Если бы не вы, миледи Равна, нас уже могли убить. Может быть, когда будет выбор — поверить нам или умереть в течение часа, тогда появится шанс.

— Но тогда будет слишком поздно. Понимаешь, даже если он не верит, даже пусть он верит в самое худшее насчет наездников — все равно надо найти способ... — И тут Равне стало ясно, что иногда не надо менять образ мысли оппонента, даже не надо менять объект его ненависти. — Фам хочет попасть ко Дну и восстановить свою Контрмеру. Он думает, что вы можете оказаться частью Погибели и гнаться за той же целью. Но до того...

А до того его можно уговорить на сотрудничество, уговорить отложить открытие карт до тех пор, пока оно, возможно, не потеряет значение.

Она не успела еще это сказать, как Синяя Раковина стал кричать на нее:

— Я — не часть Погибели! Зеленый Стебель — не часть Погибели! Раса наездников — не часть Погибели!

Он пролетел мимо своей подруги, перекатился через весь потолок, и его ветви трещали прямо перед лицом у Равны.

— Я прошу прощения, это лишь потенциаль...

— Вздор! — Его вокодер гудел на пределе мощности. — Мы налетели на негодяев. В каждой расе есть такие, которые торгуют убийством! Они вынудили Зеленый Стебель, заменили данные ее вокодера. И Фам Нювен готов убить миллиарды нас ради своих фантазий!

Он уже нечленораздельно размахивал ветвями, и случилось то, чего Равна никогда у наездников не видела: его ветви изменили цвет и потемнели.

Потом он успокоился, но ничего уже не говорил. И тут Равна это услышала — истошный вой, который мог исходить из вокодера. И этот вой нарастал так, что все звуковые эффекты Синей Раковины стали казаться дружеской чепухой. Это выла Зеленый Стебель.

Вопль достиг почти болевого порога и сменился рубленой речью на трисквелине:

— Это правда! Всей нашей торговлей клянусь, Синяя Раковина, это правда... — И из ее вокодера послышался треск статических помех. Ветви ее затряслись, беспорядочно крутясь, как бегающие человеческие глаза, как человеческий рот, искривленный в истерическом припадке.

Синяя Раковина уже снова был у стены, пытаясь отрегулировать ее новую тележку. Ветви Зеленого Стебля оттолкнули его, и ее синтетический голос говорил дальше.

— Я была охвачена ужасом. Ужас владел и управлял мною. И он не прекращался... — Она на минуту замолкла. Синяя Раковина стоял в оцепенении. — Я помню все, кроме последних пяти минут. И все, что говорит Фам, — это правда, любовь моя. Ты честен и верен друзьям, и я видела эту верность двести лет, и при всем при этом ты так же легко будешь обращен, как была обращена я. — Будто рухнула плотина, ее слова шли потоком, и в основном со смыслом. Ужас, который она пережила, врезался глубоко, и только теперь она оправлялась от страшного ошеломления. —

Я стояла рядом с тобой сзади, ты помнишь, Синяя Раковина? Ты весь ушел в торговлю с бивненогими, так глубоко, что ничего не видел. Я заметила, что к нам идут другие наездники. Я подумала, ерунда — просто дружеская встреча так далеко от дома. А потом один из них коснулся моей тележки. И я... — Она замялась, ее ветви трещали, снова повторяя: «Ужас, ужас мной правил».

Потом она вновь заговорила осмысленно:

— У меня в тележке вдруг появилась новая память, Синяя Раковина. Новая память и новое отношение к миру. Новые, но уходящие назад на тысячелетия. *И не мои.* Все это было мгновенно, я не теряла сознание. Я так же ясно мыслила, я помнила все, что было раньше.

— А когда же ты стала сопротивляться? — спросила Равна.

— Сопротивляться*?* Миледи Равна, я *не сопротивлялась*, я уже была в их власти... Нет. Не в их, потому что ими тоже что-то владело. Мы стали вещами, наш разум служил целям другого. Мы были мертвыми — и живыми, чтобы увидеть мертвыми вас. Я бы убила вас. Я бы убила Фама, я бы убила Синюю Раковину. Вы знаете, что я пыталась это сделать. И когда я пыталась, я старалась преуспеть. Вы не можете себе этого представить, Равна. Вы, люди, говорите о насилии. Вы даже понятия не имеете... — Долгое молчание, потом: — Нет, это не так. В Вершине Края, внутри самой Погибели, наверное, каждый живет так, как жила я.

Дрожь ее не проходила, но движения перестали быть бесцельными. Ветви что-то говорили на ее родном языке и медленно касались Синей Раковины.

— Вся наша раса, любовь моя. Точно как говорит Фам.

Синяя Раковина увял, и Равна ощутила то же рвущее внутренности чувство, как тогда, когда услышала о гибели Сьяндры Кеи. Там погибли ее миры, ее семья, ее жизнь. Синей Раковине пришлось услышать худшее.

Равна придвинулась чуть ближе, настолько, что смогла провести рукой по ветвям Зеленого Стебля.

— Фам говорит, что здесь вся причина в больших тележках.

Саботаж, запрятанный на глубину миллиарда лет.

— Да, главным образом в них. «Великий дар» который мы, наездники, так любим... Это устройство для управления нами, но я боюсь, что и нас под них тоже переделали. Когда они коснулись моей тележки, они обратили меня в тот же миг. В один миг все, что мне было дорого, потеряло значение. Мы как разумные бомбы, рассыпанные в пространстве, которое все считают безопасным. Нас будут использовать экономно. Мы — секретное оружие Погибели, особенно для работы в Нижнем Крае.

Синяя Раковина дернулся, и прозвучал его сдавленный голос:

— И всё, что утверждает Фам, — правда.

— Нет, Синяя Раковина, не все. — Равна припомнила леденящую неприступность Фама Нювена в последние дни. — У него есть все факты, но он неверно их сопоставляет. Пока не обращены ваши тележки, вы все те же, кому я доверилась для полета ко Дну.

Синяя Раковина только сердито отвернулся, но ответила Зеленый Стебель:

— Пока не обращена тележка... Но смотри, как это было легко, как легко завладела мной Погибель.

— Да, но можно ли это сделать без прямого прикосновения? Можно ли вас «изменить» просто чтением из групп новостей Сети?

Этот вопрос был саркастическими, но бедняга Зеленый Стебель восприняла его серьезно:

— Ни чтением новостей, ни сообщением стандартного протокола. Но восприятие передачи, направленной на аппаратуру тележки, может это сделать.

— Тогда мы здесь в безопасности. Ты — потому, что не ездишь уже на большой тележке, а Синяя Раковина...

— А я — потому, что меня не касались, — но как ты можешь быть в этом уверена?

По-прежнему в нем гнев боролся с глубоким стыдом, но это был безнадежный гнев, направленный на что-то очень далекое.

— Нет, любовь моя, тебя не коснулись. Я бы знала.

— Да, но как может Равна поверить *тебе?*

«Все может быть ложью, — подумала Равна, — но я верю Зеленому Стеблю. Я верю, что во всем Крае только мы четверо можем попытаться остановить Погибель».

Если бы только Фам мог это понять. И эта мысль вернула ее к прежней теме:

— Ты считаешь, что мы будем терять фору?

Синяя Раковина утвердительно качнул ветвями.

— Как только попадем чуть ниже. Они нас догонят за пару недель.

И тогда уже будет не важно, кто перевербован, а кто нет.

— Я думаю, нам надо чуть поболтать с Фамом Нювеном. С его богошоком и всем прочем.

Раньше Равна не могла себе представить, как может окончиться их противостояние. Возможно — если бы Фам полностью потерял чувство реального, — он попытался бы убить их, как только они появились на командной палубе. Вероятнее, мог бы быть взрыв ярости, споров и угроз, и они снова оказались бы там, откуда начали.

Но вместо этого они встретили почти прежнего Фама, каким он был до Гармоничного Покоя. Он впустил их на мостик, он ничего не сказал, когда Равна тщательно выбрала место между ним и наездниками. Он слушал не перебивая, пока Равна излагала то, что узнала от Зеленого Стебля.

— Эти двое не представляют опасности, Фам. А без их помощи мы не доберемся до Дна.

Он кивнул и отвернулся к окнам. Почти на всех было натуральное изображение космоса, и только некоторые показывали слежение гипердвигателей, и на них были видны корабли противника, настигавшие «Внеполосного». Его спокойное лицо на миг исказилось, и казалось, выглянул тот Фам, который ее любил, и в глазах его было отчаяние.

— И ты веришь всему этому, Рав? *Почему?* — И снова будто вернулась маска, и выражение его лица стало далеким и безразличным. — Не важно. Очевидно, что верно одно: если мы не будем работать вместе все четверо, до

мира Стальных Когтей нам не добраться. Синяя Раковина, я принимаю твое предложение. При всех мерах предосторожности мы работаем вместе.

«Пока я не смогу без риска от тебя избавиться», — почувствовала Равна за этим спокойным тоном несказанные слова. Открытие карт откладывалось.

33

Меньше восьми недель полета отделяло корабль от планеты Стальных Когтей — это говорили и Фам, и Синяя Раковина. Если состояние Зон останется стабильным. Если их за это время не догонят.

Меньше двух месяцев после уже проведенных в полете шести. Но дни теперь были не те, что раньше. Каждый был трудной задачей, каждый был противостоянием, иногда завуалированным в цивилизованные формы, иногда прорывавшимся смертельными угрозами — как тогда, когда Фам нашел оборудование в мастерской Синей Раковины.

Фам теперь жил на мостике. Когда он покидал его, он закрывал люк своим личным кодом. Он уничтожил — или считал, что уничтожил, — все остальные привилегированные связи с автоматикой корабля. Они с Синей Раковиной постоянно работали вместе... но не так, как раньше. Каждый шаг делался очень медленно — Синяя Раковина объяснял все, но не имел права показать ничего. И споры подходили почти к смертоубийству, когда Фаму приходилось выбирать между двумя опасностями. Потому что каждый день флоты преследователей становились чуть ближе — два отряда убийц и то, что осталось от Сьяндры Кеи. Очевидно, часть кораблей Коммерческой Охраны СК еще сохранила способность летать, и она хотела отомстить Союзу. Однажды Равна предложила Фаму связаться с Коммерческой Охраной и попытаться убедить ее напасть на флот Погибели. Фам посмотрел на нее ничего не выражающим взглядом.

— Не сейчас. Может быть, и никогда, — сказал он и отвернулся. В каком-то смысле такой ответ послужил облегчением: эта битва была бы в конце концов самоубийством. Равне не хотелось, чтобы то, что осталось от ее народа, погибло ради нее.

Так что «Внеполосный» по-прежнему мог прибыть на планету Стальных Когтей раньше преследователей, но с очень малым опережением. Иногда Равна уходила с мостика в слезах и отчаянии. И лишь мысль о Джефри и Зеленом Стебле возвращала ее обратно. Она была нужна им обоим, и через несколько недель она все еще сможет им помочь.

Оборонительные планы господина Булата воплощались в жизнь. Стальные Когти даже достигли определенного успеха со своим широкополосным радио. Булат сообщал, что главные силы Резчицы уже идут на север — не только «Внеполосный» вел гонку со временем. Равна часами копалась в библиотеке «Внеполосного», стараясь придумать еще что-нибудь для друзей Джефри. Кое-что — например, подзорные трубы — было делом простым, но другие... И все же это не было напрасной тратой сил. Может быть, флот Погибели не обратит внимания на местное население, занятый уничтожением «Внеполосного» и отвоевыванием Контрмеры.

Зеленый Стебель поправлялась медленно. Сначала Равна опасалась, что эта поправка — лишь плод ее собственного воображения, когда она добрую часть каждого дня проводила с наездницей, стараясь усмотреть улучшение ее ответов. Зеленый Стебель была «далеко», как человек после удара и с мозговыми протезами. Она, казалось, даже регрессировала после членораздельных выражений ужаса в первом разговоре. Может быть, Равне мерещилось улучшение лишь потому, что она научилась лучше понимать наездницу. Синяя Раковина утверждал, что прогресс есть, но со своим обычным непреклонным упрямством. Однако прошло две недели, потом три, и сомнения отпали: на границе между наездницей и ее протезом тележки что-то улучшалось. Зеленый Стебель осмысливала окружающее, со-

знательно посылала в тележку важные воспоминания... Изредка даже она помогала Равне, замечая то, что Равна упускала из виду:

— Сэр Фам — не единственный, кто боится нас, наездников. Синяя Раковина тоже боится, и это разрывает его надвое. Он не может признать этого даже передо мной, но он считает возможным, что наши тележки заражены. Он отчаянно пытается убедить Фама, что это не так, — и тем убедить себя. — Она надолго замолчала, поглаживая веткой руку Равны. Их окружали наполнявшие каюту звуки моря, но автоматика корабля больше не могла имитировать прибой. — Я вздыхаю. Мы должны представить себе прибой, милая Равна. Он всегда где-то будет, что бы ни случилось с Сьяндрой Кеи, что бы ни случилось с нашим кораблем.

Со своей супругой Синяя Раковина был сама сердечная мягкость, но наедине с Равной позволял проявиться своей ярости:

— Нет-нет, я не возражаю против навигационных действий сэра Фама — по крайней мере сейчас. Может быть, мы ушли бы чуть дальше, если бы он дал мне прямой доступ к пультам, но самые быстрые корабли нас бы все равно нагоняли. Дело в другом, миледи. Вы же знаете, насколько ненадежна здесь наша автоматика. Фам еще сильнее ей вредит. Он написал свои собственные инструкции безопасности. Он превращает среду автоматики корабля в систему ловушек.

Равна сама это видела. Подходы к мостику и мастерским «Внеполосного» выглядели как военные блокпосты.

— Ты же знаешь его опасения. Так он чувствует себя безопаснее...

— Не в этом дело, миледи. Я готов на все, чтобы убедить его принять мою помощь. Но то, что он делает, — смертельно опасно. Наша придонная автоматика ненадежна, и он активно ее ухудшает. Если мы попадем под внезапный стресс, программы поддержки среды могут не вы-

держать, а тогда — сброс атмосферы, температурные скачки — все, что угодно.

— Я...

— Неужели он не понимает? Фам не управляет *ничем!* — Голосовик Синей Раковины сорвался на визг с нелинейными искажениями. — У него есть возможность уничтожать, но это и все! Он нуждается в моей помощи. Он был моим другом. Неужели он не понимает?

Фам понимал. Ох как понимал! Они с Равной не перестали разговаривать. И споры с ним были самой тяжелой частью ее жизни. Иногда это даже не был спор, а что-то, имеющее вид разумного обсуждения.

— Я не одержим, Равна. Во всяком случае, не так, как наездники — Погибелью. Я владею своей душой. — Он отвернулся от консоли и улыбнулся ей тусклой улыбкой, признавая дефектность подобной аргументации.

Только по признакам, подобным этой улыбке, Равна знала, что Фам Нювен жив и иногда говорит.

— А как же твой богошок? Я видела, как ты часами просто смотришь на дисплеи слежения или пробегаешь материалы библиотеки и групп новостей быстрее, чем может сознательно читать человек.

Фам пожал плечами:

— Он изучает корабли, что нас преследуют, пытаясь понять, какие из них кому принадлежат и какие возможности у каждого из них. Деталей я не знаю. Но самосознание в это время гуляет. — Разум Фама превращался в это время в процессор для программ, которые Старик в него заложил. Несколько часов прострации могли потом дать мысль, достойную Силы — даже этого Фам не мог вспомнить. — Но одно я знаю. Чем бы ни был богошок, это штука очень узкого действия. Он не живой, в некотором смысле он даже не очень умный. В ежедневной рутине, такой, как пилотирование корабля, действует все тот же старый добрый Фам Нювен.

— Но есть и мы, остальные, Фам, — мягко сказала Равна. — Синяя Раковина очень хочет помочь.

Обычно в этом месте Фам замыкался в ледяном молчании — или взрывался бурей ярости. Сегодня он лишь чуть наклонил голову.

— Равна, Равна... Я знаю, что мне без него не обойтись. И я рад, что это так. Что я не должен его убивать.

Пока.

Губы Фама чуть скривились, и Равне показалось, что он может заплакать.

— Богошок не может знать Синюю Раковину...

— Это не богошок. Не он заставляет меня действовать таким образом — я лишь поступаю так, как должен поступать любой, когда столько поставлено на карту.

Эти слова он произнес без гнева. Может быть, есть шанс. Может быть, удастся объяснить...

— Синяя Раковина и Зеленый Стебель верны нам, Фам. Только на Гармоничном Покое...

— Ага, — вздохнул Фам. — Я много об этом думал. Они прибыли на Ретрансляторы из Страумского царства. Они уговорили Вриними искать сбежавший корабль. Это выглядит подстроенным, но не сознательно — может быть, подстроенным кем-то, противостоящим Погибели. Как бы там ни было, тогда они были искренни, иначе Погибель знала бы о планете Стальных Когтей с самого начала. А Погибель не знала ничего до самого Вечного Покоя, когда перевербовали Зеленого Стебля. И я знаю, что Синяя Раковина даже тогда не был предателем. Он знал о моем оружии — например, москитных камерах — и мог рассказать об этом остальным.

Равна внезапно ощутила надежду. Он и в самом деле многое обдумал, и...

— Фам, это тележки. Они как западня, которая ждет нажима, чтобы сработать. Но мы здесь изолированы, и ты уничтожил ту, на которой Зеленый Стебель...

Фам качал головой:

— Это не только тележки. Погибель приложила руку и к конструкции самих наездников — по крайней мере в некоторой степени. Иначе я не могу себе представить, как бы так гладко прошло переключение Зеленого Стебля.

— Д-да. Это риск. Очень малый риск по сравнению...

Фам не шевельнулся, но что-то в нем, казалось, отдалилось от нее, отвергая поддержку, которую она могла бы предложить.

— Малый риск? Мы не знаем, а ставки *очень* высоки. Я иду по канату. Если я не задействую сейчас Синюю Раковину, флот Погибели вышибет нас из космоса. Если я дам ему делать слишком многое, если я ему доверюсь, какая-то часть его может нас предать. А все, что у меня есть, — это богошок и пачка воспоминаний... которые могут оказаться самой большой в космосе подделкой. — Последние слова Равна едва расслышала. Он посмотрел на нее взглядом одновременно и холодным, и страшно затравленным. — Но я буду пользоваться тем, что имею, и собой, кем бы я ни был, Рав. Как-нибудь я собираюсь добраться до мира Стальных Когтей и доставить богошок Старика к тому, что там есть, что бы оно ни было.

Прошло еще три недели, и предсказания Синей Раковины сбылись.

В Среднем Крае «Внеполосный» выглядел вполне здоровым зверем; даже поврежденные гипердвигатели сдавали медленно. Теперь из корабля всюду вылезали программные ошибки. Большей частью они не были связаны с затеями Фама. Финальные испытания в свое время произвести не удалось, а без них никакая придонная автоматики «Внеполосного» не могла считаться надежной. Но ее отказы усугублялись отчаянными «поправками» Фама к системе безопасности.

В библиотеке корабля был исходный код для общей автоматики вблизи Дна. Фам несколько дней приспосабливал его к «Внеполосному». Во время его установки на мостике были все четверо, Синяя Раковина пытался помочь, а Фам подозрительно исследовал каждое его предложение. Через тридцать минут после начала этой работы раздались приглушенные звоны из главного коридора. Равна могла бы и не обратить внимания, но она никогда не слышала на борту корабля ничего подобного.

А Фам и наездники реагировали почти панически: космонавты не любят непонятных ударов ночью. Синяя Раковина бросился к люку и ткнулся в него ветвями вперед.

— Я ничего не вижу, сэр Фам.

А Фам быстро пролистывал диагностические дисплеи — они шли в смешанном формате, перемежаясь с новыми установками.

— Есть тут кое-какие предупреждения, но...

Зеленый Стебель пыталась что-то сказать, но уже вернулся Синяя Раковина и быстро говорил:

— Не верю я этому. Такие вещи должны давать изображения, детальный доклад. Что-то крупно испортилось.

Фам секунду смотрел на него и снова повернулся к диагностике. Прошло пять секунд.

— Ты прав. Статус зациклился на прошлых докладах.

Он стал принимать изображения с камер, установленных внутри корабля. Ответила едва ли половина из них, но то, что они показали...

Водяной резервуар корабля превратился в туманную ледяную пещеру. Это и были удары — тонны воды, вылетавшие в космос. Еще с десяток служб поддержки сошел с ума, и...

...Вооруженный блокпост возле мастерской сработал. Лучевое оружие вело непрерывный огонь на низкой мощности. А диагностика вместо разрушения показывала все ту же янтарную зелень или не показывала ничего. Фам взял изображение камеры из самой мастерской. *Там был пожар.*

Фам подпрыгнул вверх и отскочил от потолка. Секунду ей казалось, что он сейчас убежит с мостика. Но он привязался и начал мрачно пытаться гасить огонь.

Несколько минут на мостике была почти полная тишина — только Фам ругался сквозь зубы, когда не срабатывала ни одна из очевидных мер.

— Сбои запускают друг друга, — буркнул он пару раз. — Пожарная автоматика отказала, воздух из мастерской не откачивается. Мои лучеметы все вырубили.

Пожар на корабле. Равна видела изображения таких катастроф, но ей они казались невозможными. Как может

выжить огонь в сердцевине вакуума вселенной? А в невесомости пламя должно задохнуться в собственном дыму, даже если команда не в состоянии откачать воздух. Камера из мастерской показывала, как это бывает на самом деле. Да, пламя сожрало весь кислород. Некоторые листы пеноматериала обгорели только слегка, защищенные на момент мертвым воздухом. Но огонь расползался, равномерно двигаясь туда, где воздух был еще свежим. Местами тепловые турбуленции обогащали горючую смесь, и уже выгоревшие места вспыхивали снова.

— Вентиляция все еще работает, сэр Фам.

— Я знаю. Не могу ее перекрыть. Похоже, люки приплавились.

— Скорее все же ошибка программная. По́пробуйте так...

Эти указания были для Равны бессмыслицей — что-то на языке низкого уровня автоматики.

Но Фам кивнул, и его пальцы заплясали по консоли.

А в мастерской лижущие языки пламени ползли по листам пеноматериала. Теперь они лизали изнутри броню, на которую Фам потратил столько времени. Последняя ревизия была закончена только наполовину. Равна вспомнила, что он приделывал к броне реактивные двигатели... Там же должны быть окислители!

— Фам, броня герметизи...

Огонь был в шестидесяти метрах в сторону кормы и за дюжиной переборок. Взрыв прозвучал как далекий ухающий звук, почти безобидный. Но в объективе камеры броня разлетелась и триумфально полыхнуло пламя.

Еще через несколько секунд то, что предложил Фаму Синяя Раковина, помогло, и вентиляционные люки мастерской закрылись. Огонь в разбитой броне продержался еще полчаса, но из мастерской не вышел.

Два дня ушло на приборку, оценку повреждений и проверку, что новых катастроф пока не ожидается. Мастерская погибла почти полностью. На планете Стальных Когтей у них не будет брони. Фаму удалась спасти один из лучеметов, который охранял вход в мастерскую. Катастрофа распространилась по всему судну: классический случай

взаимно запускаемых сбоев. Они потеряли пятьдесят процентов водного запаса. Посадочный модуль начисто лишился верхнего уровня автоматики.

Ракетный двигатель «Внеполосного» сильно пострадал. В межзвездном пространстве это не очень важно, но подгонку окончательной скорости придется делать всего лишь на 0,4 g. Слава богу, антиграв работал и маневрировать в крутых гравитационных колодцах — то есть при посадке на планету Стальных Когтей — можно будет им.

Равна знала, как близки они были к потере корабля, но с еще большим ужасом она смотрела на Фама. Она боялась неимоверно, что он воспримет все это как окончательное доказательство измены наездников и это толкнет его на крайние решения. Удивительно, но случилось почти обратное. Боль и ярость его были очевидны, но он не взбрыкнул, а только упорно ходил, собирая осколки. Теперь он больше говорил с Синей Раковиной, по-прежнему не доверяя ему модифицировать автоматику, но осторожно принимая почти все его советы. Вместе они восстановили корабль до какого-то подобия состояния перед пожаром.

Равна спросила об этом Фама.

— В сердце моем не изменилось ничего, — ответил он. — Я должен был сбалансировать риск и напутал... может быть, это и невозможно было сделать. Может быть, Погибель победит.

Богошок слишком много поставил на то, что Фам сделает все сам. И теперь это стало паранойей.

Через семь недель после отбытия с Гармоничного Покоя и всего за неделю до того, что могло ждать на планете Стальных Когтей, Фам впал в многодневную прострацию. До того он был занят бесплодными попытками прогнать сделанные вручную проверки на всей автоматике, которая может понадобиться на планете. Теперь же Равна даже не могла заставить его поесть.

Навигационный дисплей показывал три флота, определенный с помощью групп новостей и интуиции Фама: агенты Погибели, Союз Обороны и то, что осталось от Коммерческой Охраны Сьяндры Кеи: смертоносные чудовища и остатки жертвы. Союз все еще объявлял о себе регуляр-

ными бюллетенями в новостях. Коммерческая Охрана СК ответила несколькими немногословными опровержениями, но в основном хранила молчание: то ли эти люди не привыкли к пропаганде, то ли — что более вероятно — она их не интересовала. Единственное, что им оставалось, — это личная месть. А флот Погибели? В новостях от него не появлялось ни слова. Сопоставляя данные по отлетам и исчезновениям кораблей, группа «Отслеживание войн» заключила, что это флот — случайное собрание попавших под руку кораблей из подвластных Погибели на момент событий на Гармоничном Покое. Равна знала, что анализ этой группы неправ в одном: флот Погибели не молчал. За последнюю пару недель он уже раз тридцать вел передачу... в формате управления тележкой. Фам дал кораблю указание отбрасывать эти сообщения, не читая — и волновался, действительно ли этот приказ выполнен. В конце концов, корабль был построен наездниками.

Но теперь, кажется, его мучительные сомнения успокоились. Фам сидел часами, только глядя на дисплеи. Скоро корабли Сьяндры Кеи сойдутся с флотом Союза, и хоть одна группа негодяев заплатит. Но флот Погибели и хотя бы часть Союза уцелеет... Может быть, его прострация была вызвана просто отчаянием богошока.

Прошло три дня, и Фам резко вышел из транса. Лицо его чуть осунулось, но в остальном он был нормальнее, чем последнюю пару месяцев. И он попросил Равну привести наездников на мостик.

Когда они пришли, он показал на следы гипердвигателей в окне. Три флота выстроились примерно цилиндром пять световых лет в длину и три в диаметре. Дисплей показывал только середину этого объема, где собрались быстрейшие из преследователей. Текущая позиция каждого корабля изображалась пятнышком света, за которым тянулся бесконечный след более тусклых пятнышек, оставленный гипердвигателем корабля.

— Я свои наиболее вероятные догадки о пути следования каждого флота отметил красным, синим и зеленым.

Самые быстрые корабли собрались в комок такой плотный, что при этом разрешении он смотрелся белым, но за ним тянулись цветные хвосты. Были и другие метки, ан-

нотации, которые он расставил, но, как признался он Равне, сам не понимал.

— Передний край этой своры — быстрейшие из быстрых — нас нагоняет.

Синяя Раковина неуверенно заметил:

— Мы бы слегка выиграли в скорости, если бы вы дали мне непосредственный выход на управление. Немного, но...

Ответ Фама был по крайней мере цивилизованным.

— Нет, я думаю о другом, о том, что недавно предложила мне Равна. Такая возможность была всегда, и, я думаю, теперь для нее настало время.

Равна придвинулась к дисплею, рассматривая зеленые следы. Их распределение примерно соответствовало тому, что сообщалось в новостях о движении кораблей Коммерческой Охраны СК. *Все, что осталось от моего народа.*

— Они сойдутся с Союзом примерно через сто часов.

Фам посмотрел в ее сторону:

— Ага. Бедняги. В буквальном смысле флот из Порта Отчаяния. Я бы на их месте... — Его лицо снова приняло спокойное выражение. — Есть предположения о том, как они вооружены?

Вопрос был, конечно, риторическим, но он выдвинул новую тему.

— «Отслеживание войн» считает, что Сьяндра Кеи ожидала неприятностей с тех самых пор, как Союз провозгласил свое «Истребить заразу». Коммерческая Охрана обеспечивала глубокую оборону в космосе. Эти корабли — в основном переоборудованные сухогрузы с оружием местной конструкции. «Отслеживание войн» полагает, что они вряд ли были бы под стать тому, что могла вывести в поле другая сторона, но главное оказалось в том, что Сьяндра Кеи не ожидала нападения на планеты. Так что когда появился флот Союза, наши пошли ему наперехват...

— А тем временем бомбы с антиматерией ударили в самое сердце Сьяндры Кеи.

В мое сердце.

— Да. Наверняка Союз вывел эти бомбы еще за много недель до того.

Фам Нювен коротко рассмеялся.

— Лети я сейчас с флотом Союза, я бы сильно нервничал. Их меньше, а эти переделанные сухогрузы так же быстры, как любое другое судно. И я поставлю что угодно, что каждый пилот Сьяндры Кеи дышит местью. — Накал эмоций спал, и он заговорил спокойнее: — Но они никак не смогут перебить весь флот Союза или весь флот Погибели, и уж точно не оба сразу. И нет смысла...

Его блуждающий взгляд вдруг резко остановился на Равне.

— Так что если мы оставим все как есть, флот Сьяндры Кеи нагонит корабли Союза и попробует вышибить их из этой вселенной.

Равна только кивнула:

— Примерно через двенадцать часов.

— И тогда все, что останется, — это будет флот Погибели у нас на хвосте. Но если мы сможем уговорить твой народ напасть на истинных врагов...

Эти схемы преследовали Равну в кошмарах. Все, что осталось от Сьяндры Кеи, погибает ради спасения «Внеполосного»... спасая ее, Равну. Очень маловероятно, что флот Сьяндры Кеи сможет уничтожить все корабли Погибели. Но они прилетели, чтобы драться. Так почему же не выбрать ту месть, которая имеет смысл?

И теперь это как-то совпало с планами богошока.

— Есть проблемы. Они не знают ни что мы делаем, ни цели третьего флота. А все, что мы им крикнем, будет подслушано.

Ультраволновые передачи направлены, но преследователи идут кучно.

Фам кивнул.

— Как-то надо будет связаться с ними, и только с ними. Как-то надо будет убедить их драться с флотом Погибели. — Мимолетная улыбка. — И я думаю, у нас есть оборудование, которое даст нам такую возможность. Синяя Раковина! Ты помнишь тот вечер в Доках, когда ты говорил нам про «испорченный груз» со Сьяндры Кеи?

— Конечно, сэр Фам. Мы везли треть шифра, сгенерированного Коммерческой Охраной СК для бритвенночелюстных. Она все еще в сейфе корабля, хотя без других двух третей и бесполезна.

Шифровальные материалы были самым драгоценным межзвездным грузом — и совершенно бросовым, если были хоть чуть-чуть скомпрометированы. Где-то среди файлов груза «Внеполосного» был шифр связи СК. Часть шифра.

— Бесполезна? Может быть, и нет. Даже треть может дать нам безопасную связь.

Синяя Раковина заколебался.

— Я не должен вводить вас в заблуждение. Ни один грамотный клиент на такое не согласится. Разумеется, это дает защищенную связь, но другая сторона никак не сможет проверить, что вы тот, за кого себя выдаете.

Фам перевел глаза на Равну и снова мимолетно улыбнулся.

— Если огни будут слушать, я думаю, мы сможем их убедить. Труднее всего то, что я хочу, чтобы нас услышал лишь один из них.

И Фам объяснил, что у него на уме. На фоне его слов чуть слышался шелест наездников. Проведя с ними столько времени, Равна почти научилась понимать смысл их разговора — или, быть может, она просто понимала их как личности. Как всегда, Синяя Раковина волновался, что идея абсолютно невыполнима, а Зеленый Стебель убеждала его слушать.

Но когда Фам закончил, большой наездник не разразился возражениями.

— На расстоянии до семидесяти световых лет ультраволновая связь между кораблями вполне возможна; даже можно передавать видеоматериалы. Но вы правы в том, что расхождение луча захватит все корабли в центральном скоплении флотов. Если мы сможем надежно определить отдельно летящий корабль как принадлежащий флоту Сьяндры Кеи, тогда можно будет сделать то, что вы просите. Но если честно, я должен вас предупредить... — Синяя Раковина отмахнулся от мягкого успокоительного жеста Зеленого Стебля, — что профессионалы связи вряд ли удовлетворят ваш запрос на разговор, и вряд ли даже распознают его как таковой.

— Глупый ты, — раздался наконец голос Зеленого Стебля, тихий, но ясный. — Ты всегда что-нибудь такое ска-

жешь, кроме как когда мы говорим с покупателем, который должен заплатить.

— Гм. Да. Отчаянные времена, отчаянные меры. Я хотел бы попробовать, но я боюсь... Я хочу, чтобы не было обвинений в измене наездников, сэр Фам. Я прошу вас это обеспечить.

Фам Нювен улыбнулся в ответ:

— В точности моя мысль.

«Флот Аньяры» — так называли себя некоторые экипажи Коммерческой Охраны. «Аньяра» — это был корабль из легенды, которая была старше Ньоры, восходящей, быть может, ко временам Туво-Норского сотрудничества в поясе астероидов солнечной системы Старой Земли. В легенде «Аньяра» была большим кораблем, ушедшим в межзвездные глубины как раз перед смертью породившей его цивилизации. Ее экипаж видел агонию родных миров, и потом много лет — пока корабль уходил в бесконечную тьму — люди умирали один за другим и отказывали системы жизнеобеспечения. Ужас этой легенды — вот что, быть может, пронесло ее сквозь тысячелетия. И после гибели Сьяндры Кеи и спасения Коммерческой Охраны легенда вдруг стала явью.

Но мы не разыграем ее до конца.

Капитан-наставник Кьет Свенсндот глядел в следящий дисплей. В этот раз гибель цивилизации была убийством, и убийцы в пределах досягаемости мстителей. Уже много дней штаб флота маневрировал, подводя корабли к флоту Союза. Дисплей показывал, что успех уже очень, очень близок. Большинство кораблей Союза и Сьяндры Кеи шли, окруженные сияющим шаром следов двигателей, и в этом шаре был еще один, молчаливый флот. По дисплею можно было подумать, что битва уже могла бы начаться. Корабли шли почти одним курсом — всего в каком-нибудь миллиарде километров, — но их разделяли миллисекунды времени. Все они шли на гипердвигателях, делая примерно двенадцать прыжков в секунду. И даже здесь, возле Дна Края, они за каждый прыжок проходили приличную дозу светового года. Напасть на противника, не желающего прини-

мать бой, — это значило точно согласовать прыжки и после этого наводнить обычное пространство роем оружия.

Капитан-наставник Свенсндот вывел на дисплей корабли, которые уже точно согласовали свою скорость с кораблями Союза. Почти треть его флота уже вошла в синхронизацию. Еще несколько часов, и...

— Проклятие! — Капитан хлопнул по дисплейной доске, и она полетела, вертясь, по столу.

Старший помощник поймал доску и пустил ее обратно.

— Обычное проклятие или новое? — поинтересовался Тироль.

— Обычное. Извини.

Капитан действительно чувствовал себя неправым. У Тироля и Глимфреля хватает своих проблем. Несомненно, в Крае еще остались людские закутки, прячущиеся от Союза. Но дирокимы вряд ли остались где еще, кроме флота Коммерческой Охраны. Все, кроме бродячих душ вроде Тироля и Глимфреля, жили в поселениях Сьяндры Кеи.

Кьет Свенсндот служил в Коммерческой Охране уже двадцать пять лет, с тех пор когда эта компания была просто объединением наемных полицейских. Тысяч учебных часов стоило ему стать первым боевым пилотом всей организации. Только дважды ему пришлось участвовать в перестрелках. Некоторые могли бы об этом пожалеть. Сам Свенсндот и его начальство воспринимали это как награду за первое место. Его умелость добыла ему лучшее боевое оборудование во всем флоте Коммерческой Охраны, и главное было собрано на том корабле, которым он командовал сейчас. «Ульвира» была куплена на часть огромной премии, которую выплатила Сьяндра Кеи при первых угрозах со стороны Союза. Она не была переоборудованным сухогрузом — это была боевая машина от киля до клотика. Корабль был оборудован самыми разумными процессорами и гипердвигателями, которые только могли работать в Крае на высоте Сьяндры Кеи. В команде было всего трое — а боем мог управлять один пилот с помощью своих ассистентов с искусственным интеллектом. В трюме корабля хранилось более десяти тысяч самонаводящихся бомб, каждая не глупее, чем целый двигательный узел сухогруза.

Неплохая награда даже за двадцать пять лет беспорочной службы. Свенсндоту даже позволили дать новому кораблю имя.

Теперь же... Да, настоящая Ульвира погибла наверняка. Вместе с миллиардами других, которых он нанимался защитить, она была на Херте, на внутренней системе. После АМ-бомб живых не остается.

А красавец корабль, носящий ее имя, был в это время в половине светового года за системой, разыскивая врагов, которых там не было. В любой честной битве Кьет Свенсндот и его «Ульвира» могли бы себя показать. Вместо этого им приходилось гнаться за врагом ко Дну Края. Каждый световой год уносил их все дальше от тех мест, для которых «Ульвира» была построена. С каждым световым годом процессоры работали все медленнее или отказывали. Здесь, внизу, переоборудованный сухогруз — это была чуть ли не идеальная конструкция. Неуклюжие, глупые, с дюжинами человек экипажа, они продолжали работать. «Ульвира» уже отстала от них на пять световых лет. И это сухогрузы пойдут в первую атаку на флот Союза. И снова Кьет будет бессильно смотреть, как умирают его друзья.

В сотый раз смотрел Свенсндот на дисплей следов и думал, не взбунтоваться ли. У Союза тоже были отставшие — «высокоинтеллектуальные» корабли остались позади главной группы. Но ему было приказано держать позицию и быть координатором действий более быстрых кораблей флота. Ладно, он будет делать то, для чего его наняли... в этот последний раз. Но когда битва закончится, когда флот будет мертв, прихватив с собой на тот свет столько кораблей Союза, сколько сможет, — тогда он подумает и о своей личной мести. И частично это зависит от Тироля и Глимфреля. Сможет он их убедить бросить остатки флота Союза и вернуться в Средний Край, где «Ульвира» лучшая в своем роде? Были четкие доказательства, какая звездная система скрывается за именем «Союз Обороны». Убийцы расхвастались об этом по Сети. Очевидно, они рассчитывали, что это принесет им дополнительную поддержку. А может принести и визиты таких гостей, как «Ульвира». Бомбы в ее брюхе могут разрушать планеты, хотя и не так быстро, как те, что направили на Сьяндру Кеи. Но даже и сейчас ум Свенсндота содрогнулся при мысли о мести такого рода.

Нет. Они будут выбирать цели тщательно: корабли, идущие на формирование новых флотов Союза, незащищенные конвои. «Ульвира» может действовать долго, если будет всегда нападать внезапно и не оставлять уцелевших. Он глядел на дисплей и не замечал выступившей влаги в уголках глаз. Всю свою жизнь он прожил по закону. Часто его работой было предотвращение актов мести... а теперь месть — это было все, что у него осталось.

— Кьет, у меня тут что-то странное, — сказал вдруг Глимфрель. Он на этой вахте следил за сигналами. В принципе это должна была делать автоматика — как обычно и делалось на «Ульвире», — но сейчас это была работа скучная и выматывающая.

— А чего там? Очередная ложь на Сети? — спросил Тироль.

— Нет. Это с того придонного люггера, за которым здесь каждый гонится. Никто другой это быть не может.

У Свенсндота приподнялись брови. Он повернулся к этой загадке с огромным, почти не осознаваемым удовольствием.

— Характеристики?

— Корабельный процессор сигналов говорит, что это скорее всего узкий пучок. И мы — его единственная вероятная цель. Сигнал сильный, а полоса частот достаточная для передачи двумерного видео. Если бы наш *снарфучий* процессор цифровых сигналов нормально работал, я бы знал... — Глимфрель издал короткий певучий звук, который у его вида означал нетерпеливое бормотание. — *Иае!* Он зашифрован, но на высоком уровне. Синтаксис видео-45. На самом деле, по его утверждению, он использует треть нашего шифра, который Компания создала год назад.

Свенсндот на миг подумал, что Глимфрель говорит, будто сообщение само разумно, — абсолютно невозможная вещь так близко от Дна. Второй помощник, очевидно, поймал его взгляд.

— Извините за неаккуратное выражение, капитан. Я это прочел в описании формата кадра... — На дисплее что-то мелькнуло. — Ага, вот история шифра: Компания создала его и равные ему для обеспечения безопасности перевозок. — До Союза это был самый высокий уровень

шифрования во всей организации. — Это та треть, которая так и не была выпущена. Шифр в целом оказался скомпрометирован, но — чудо из чудес! — у нас есть его копия.

И Глимфрель, и Тироль глядели на Свенсндота с ожиданием, глаза у них были большие и темные. Стандартные правила — стандартный *приказ* — были таковы: сообщения, зашифрованные скомпрометированным ключом, игнорируются. Если бы специалисты Компании по связи делали бы свою работу как надо, гнилого шифра вообще бы на борту не было и правила выполнились бы сами собой.

— Расшифровать! — коротко приказал Свенсндот. Последние недели показали, что Компания в смысле военной разведки и связи показала себя хуже некуда. Так пусть хоть какая-то польза будет от ее некомпетентности.

— Есть, капитан!

Глимфрель нажал клавишу. Где-то внутри процессора сигналов «Ульвиры» длинный сегмент «случайного» шума был разложен на кадры и точно наложен на «случайный» шум приходящих кадров данных. После заметной паузы (черт бы побрал это Дно) окно связи зажглось двумерным видеоизображением.

— ...четвертое повторение сообщения.

Слова были самнорские, а диалект — чистейший «Херте о Сьяндра». А шли эти слова от... на миг, от которого сердце ухнуло вниз, капитан вновь увидел Ульвиру — живую. Он медленно выдохнул, стараясь взять себя в руки. Черноволосая, стройная, с фиалковыми глазами — как Ульвира. И как миллион других женщин Сьяндры Кеи. Сходство было, но такое дальнее, что раньше он бы никогда его не заметил. На секунду он увидел Вселенную за пределами своего флота и цели за пределами мести. Потом он заставил себя вернуться к делу, к тому, что он мог увидеть в окне.

А женщина говорила:

— Мы повторим еще три раза. Если вы по-прежнему не ответите, мы попытаемся направить луч на другую цель.

Она отодвинулась от камеры, открывая вид на комнату у себя за спиной. Каюта с низким потолком, глубокая. Весь задний план занимал дисплей следов гипердвигателей, но Свенсндот не обратил на него внимания. Там, перед ним,

стояли два наездника. У одного на тележке были полосы, что означало опыт торговли со Сьяндрой Кеи. Другой, очевидно, был малым наездником, тележка у него была небольшая и без колес. Объектив повернулся, показав четвертую фигуру. Человек? Возможно, но не из ньоранской линии. В другое время его вид был бы величайшей новостью во всех человеческих цивилизациях Края. Теперь же Свенсндот отметил этот вид лишь как еще одну причину для подозрения.

Женщина говорила дальше:

— Вы видите, что мы — люди и наездники. Все вместе мы составляем экипаж «Внеполосного». Мы не часть Союза Обороны и не агенты Погибели. Но мы — то, за чем устремились сюда их флоты. Если вы это прочли, то мы считаем вас представителями Сьяндры Кеи. И нам необходимо с вами поговорить. Просим вас ответить, используя хвост алгоритма, расшифровавшего это сообщение. — Картинка дернулась, и лицо женщины снова показалось крупным планом.

— Это пятое повторение нашего сообщения, — произнесла она. — Мы повторим его еще два раза...

Глимфрель отключил звук.

— Если мы ее правильно поняли, у нас около ста секунд. Что будем делать, капитан?

Ульвира вдруг перестала быть никому не нужным отставшим кораблем.

— Будем говорить, — ответил Свенсндот.

Отзыв и ответ на отзыв заняли секунды. После этого пять минут разговора с Равной Бергсндот убедили Кьета, что ее слова должна услышать владелица флота. Пусть его корабль будет только передающим звеном, но у него было что передать важного.

Главное командование флота отказалось от полной видеосвязи с «Внеполосным». Кто-то на флагмане был намерен во что бы то ни стало следовать стандартной процедуре — и использование скомпрометированного ключа шифрования было с ней никак не совместимо. Даже Кьет был вынужден перейти на боевую связь: экран показывал цветную картинку с высоким разрешением. Если присмотреться

получше, было видно, что это изображение синтезировано, причем плохо. Кьет узнал владелицу Лимменд и ее начальника штаба, Иэна Скритса, но они выглядели на несколько лет отставшими от стиля: просто старые видеоизображения подгонялись под сигналы анимации. Фактически канал связи был не более четырех тысяч бит в секунду: Главное командование не хотело рисковать.

Только Бог знал, что они видели в качестве синтезированного изображения Фама Нювена. Человек с дымчатой кожей уже несколько раз объяснил свою точку зрения и преуспел столь же мало, как и Равна Бергсндот до него. Его хладнокровная манера постепенно уступала место отчаянию.

— ...и я говорю вам, они *оба* ваши противники. Да, Союз уничтожил Сьяндру Кеи, но Погибель создала ситуацию, в которой это стало возможным.

Полумультяшная фигура Иэна Скритса посмотрела на владелицу Лимменд. *Господи, до чего же дурацкие эти синтетические изображения вблизи Дна!* Когда Скритс заговорил, его слова даже не отвечали движению губ.

— Мы тоже читаем новости, господин Нювен. Угроза Погибели была использована как предлог для уничтожения наших миров. Мы не будем бросаться в хаотическую оргию убийства, особенно против тех, кто явно является врагами наших врагов... Или вы утверждаете, что Погибель находится в тайном альянсе с Союзом?

Фам сердито передернул плечами.

— Нет. Я понятия не имею, как Погибель относится к Союзу. Но вам следует знать, что зло, которое намерена сотворить Погибель, куда больше по масштабу, чем весь этот Союз.

— Да-да. Именно так говорят на Сети, господин Нювен. Но эти сведения пришли из-за тысяч световых лет. Они прошли через множество узлов и неизвестных переводчиков, пока добрались до Среднего Края — даже если в основе их лежат реальные события. Не зря ее называют «Сетью миллионов неправд».

Лицо незнакомца потемнело. Он сказал что-то сердито и громко на языке, который не был похож ни на один язык ньоранской ветви. Интонации его взлетали и падали, по-

чти как в щебете дирокимов. Потом человек взял себя в руки, но, когда он заговорил, его акцент стал еще сильнее, чем раньше.

— Да. Но я говорю вам, я был при катастрофе Ретрансляторов. Погибель — это ужас больший, чем все известные в истории. Гибель Сьяндры Кеи — это всего лишь небольшой побочный ее эффект. Поможете ли вы нам против флота Погибели?

Владелица Лимменд откинулась всей своей массой на паутинное кресло. Она посмотрела на своего начальника штаба, и они заговорили друг с другом, но их разговор слышен не был. Взгляд Кьета переходил от него к ней и обратно. Мостик флагмана тянулся еще метров на двенадцать за спиной Лимменд. Там сновали младшие офицеры, кое-кто их них следил за разговором. Картинка была четкой и ясной, но когда фигуры двигались, это было как в мультфильме. И некоторые лица принадлежали людям, которых, как знал Кьет, перевели с корабля еще до гибели Сьяндры Кеи. Процессоры «Ульвиры» принимали с флагмана узкополосный сигнал и синтезировали показанные изображения.

«Больше никогда не буду пользоваться синтезом изображений, по крайней мере здесь», — пообещал себе Свенсндот.

Владелица Лимменд взглянула в камеру.

— Простите мою застарелую полицейскую паранойю, но я опасаюсь, что вы можете оказаться агентами Погибели. — Она подняла руку, как бы предупреждая возражения, но рыжий только глазел в удивлении. — Если мы вам поверим, то мы должны согласиться, что в той системе, куда мы все направляемся, есть нечто полезное и опасное. Далее, мы должны допустить, что и вы, и «флот Погибели» обладаете некоторой особой квалификацией, чтобы воспользоваться данным призом. Если мы дадим им бой, как вы просите, мало кто после этого останется в живых. Приз получите вы один. И мы боимся того, чем вы можете оказаться.

Фам Нювен долго молчал. Гнев и нетерпение медленно сходили с его лица.

— В ваших словах есть смысл, владелица Лимменд. А у вас есть дилемма. Есть ли у вас путь ее решения?

— Мы со Скритсом сейчас это обсуждаем. Что бы мы ни делали, и вам, и нам придется сильно рисковать... Все альтернативы еще хуже. Мы примем вашу просьбу о помощи, если вы сначала сманеврируете к нам вашим кораблем и позволите нам взойти на борт.

— То есть уйти с лидирующей позиции в этой погоне?

Лимменд кивнула.

Фам открывал и закрывал рот, но слов не было слышно. Казалось, ему трудно дышать. Заговорила Равна:

— Тогда, если вы потерпите поражение, потеряно будет все. Сейчас мы по крайней мере имеем шестьдесят часов форы. Может быть, этого будет достаточно, чтобы передать весть об этом предмете, даже если флот Погибели уцелеет.

Скритс улыбнулся кривой мультипликационной улыбкой.

— Вам здесь не угнаться за двумя зайцами. Вы хотите, чтобы мы рискнули всем ради ваших заверений. Мы согласны умирать, но не быть пешками в чужой игре.

Последние слова были сказаны с ускользающей тенью злости, и на картинке с флагмана больше ничего не двигалось, только губы шевелились, плохо синхронизированные со словами. Глимфрель перехватил взгляд Свенсндота и показал на сигнал сбоя на панели связи.

Голос Скритса продолжал:

— Капитан Свенсндот, я отдаю приказ: вся дальнейшая связь с этим неизвестным судном должна каналироваться...

Изображение застыло, и больше ничего не было слышно.

— Что случилось? — донесся голос Равны.

Глимфрель издал короткий щебечущий звук.

— Мы теряем связь с флагманом. Эффективная полоса частот сузилась до двадцати бит в секунду, а последние слова Скритса требовали по крайней мере ста.

Кьет сердито махнул в сторону экрана:

— Отрубите эту штуку!

По крайней мере не придется больше возиться с синтетическими изображениями. И он не хотел слышать последнего приказа Иэна Скритса, потому что догадывался, что это будет.

— А почему не оставить все как есть? — чирикнул Тироль. — Мы могли не заметить разницы.

Глимфрель хихикнул в ответ на реплику брата, но его длинные пальцы затанцевали по панели связи, и на дисплее появились звезды. У обоих дирокимов отношение к бюрократам было одинаковым.

Свенсндот не ответил и посмотрел на оставшееся окно связи. По каналу связи с Фамом и Равной шло широкополосное видео почти без интерпретации.

— Извините, что так вышло. Последние несколько дней у нас куча проблем со связью. Этот шторм на границе зон самый сильный за пару сотен лет: половина всех дисплеев гиперслежения показывают мусор.

— Вы потеряли связь с командованием? — спросила Равна.

— На данный момент. — Он взглянул на Фама. Глаза рыжего все еще были слегка остекленевшими. — Послушайте... мне очень жаль, что так вышло, но Лимменд и Скритс — люди неглупые. Вы сами видите, что их слова имеют смысл.

— Странно... — перебил Фам. — Картинки были странные.

— Вы имеете в виду трансляцию с флагмана?

И Свенсндот объяснил насчет узкой полосы частот и замедлении процессоров корабля вблизи Дна.

— А значит, у них наши изображения должны были быть не лучше. Интересно, что они видели?

Хороший вопрос. Рыжие волосы Фама Нювена, дымчато-серая кожа, певучий голос. Если были посланы такие черты, то вполне вероятно, что на флагмане видели совсем не того человека, которого видел Кьет.

— Нет, постойте. Синтез изображения работает совсем не так, и я уверен, что они вас видели ясно. Понимаете, сначала передается несколько изображений высокого разрешения, которые используются как основа анимации.

Фам смотрел с сомнением, будто не поверил и сейчас намекал Кьету, что неплохо бы обо всем этом подумать. *Ну и черт с ним.* Объяснение было верным, и нет сомнения, что Лимменд и Скритс видели рыжего в образе человека. Но кое-что все же Кьета беспокоило: изображения Лимменд и Скритса были слишком старыми.

— Глимфрель! Посмотри-ка необработанный поток информации с флагмана. Они нам посылали изображения для синхронизации?

Через секунду Глимфрель ответил:

— Нет, капитан. И как только все пошло под нужным шифром, на нашем конце связи шла работа лишь со старыми анимациями из рекламных объявлений. — Они с Тиролем обменялись своим щебетом. — Здесь же ничего толком не работает. Наверное, очередной глюк.

Но, кажется, Глимфрель сам не очень верил своему объяснению.

Свенсндот повернулся к изображению с «Внеполосного».

— Понимаете, канал с Главным командованием полностью зашифрован, там используются схемы, которым я верю больше, чем той, которую мы с вами используем. И я не могу поверить, что это был маскарад. — Но в животе у Кьета поднималась тошнота. Как в первые минуты битвы за Сьяндру Кеи, когда он понял, как их выманили подальше, когда понял, что все, кого он хочет защитить, будут убиты. — Ладно, мы свяжемся с другими кораблями. Проверим положение флагмана...

Фам Нювен поднял бровь.

— Может быть, это и не был маскарад...

Но он не успел договорить, как один из наездников — тот, что на большой тележке, — уже что-то кричал ему. Он перекатился по потолку комнаты, расталкивая людей и пробиваясь к камере.

— У меня вопрос! — Речь из вокодера доносилась искаженная, почти неразборчивая. Щупальца наездника стучали друг о друга так резко, как Кьет Свенсндот еще не слышал. — Мой вопрос: есть на вашем флагмане наездники?

— А зачем вам...

— Отвечайте на вопрос!

— А откуда мне знать? — Кьет постарался подумать. — Тироль, у тебя есть друзья в штабе Скритса. Там на борту есть наездники?

Тироль пропел, заикаясь, несколько тактов, потом:

— Да. В порядке срочного найма — фактически, для их спасения — сразу после битвы.

Наездник безмолвно задрожал. Потом его щупальца поникли, будто увяли.

— Спасибо, — сказал он тихо и отъехал от камеры.

Фам Нювен тоже исчез из поля зрения. Равна дико оглянулась по сторонам, бросила в камеру: «Подождите, ради Бога!» — и перед Кьетом был опустевший мостик «Внеполосного». Где-то на пределе слышимости камеры доносился разговор людей и вокодеров наездников. Потом вернулась Равна.

— Что это все значит? — спросил Свенсндот.

— Н-ничего такого, что кто-нибудь из нас мог бы исправить... Капитан Свенсндот, похоже на то, что вашим флотом теперь командуют не те, кто вы думаете.

— Может быть. — *Чертовски на это похоже.* — Мне надо это обдумать.

Она кивнула, и они молча посмотрели друг на друга. Так странно: так далеко от дома, после всего, что было, увидеть кого-то такого знакомого.

— Вы в самом деле были тогда на Ретрансляторах?

Свенсндот сам удивился глупости своего вопроса. Но каким-то образом эта женщина была мостом между тем, что он знал и во что верил, и смертельной дикостью нынешней ситуации.

Равна Бергсндот кивнула:

— Да... и это было в точности так, как вы читали. У нас действительно даже был прямой контакт с Силой. И это еще не все, капитан. Погибель уничтожила все. В этом новости не лгут.

Тироль оттолкнулся от навигационного пульта.

— А чем тогда то, что вы тут делаете, может повредить Погибели?

Слова были произнесены с грубой насмешкой, но глаза Тироля были печальны и серьезны. Фактически он хотел, чтобы ему указали смысл всех этих смертей. Дирокимы не были самой большой частью цивилизации Сьяндры Кеи, но были зато старейшей там расой. Уже миллион лет назад они вырвались из Медленной Зоны и колонизовали три системы, которые люди потом назвали Сьяндра Кеи. Еще задолго до появления людей это была раса мечтателей-сно-

видцев. Свои звездные системы они защищали древней автоматикой и союзом с дружественными молодыми расами. Еще полмиллиона лет, и эта раса исчезла бы из Края, вымерев или развившись во что-то другое. Это был обычный путь, вроде как старость и смерть, только мягче.

Обычной ошибкой было считать, что представители такой дряхлеющей расы сами тоже дряхлые. В любой большой популяции есть всякие вариации. Всегда находились такие, кто хотят видеть наружный мир и немножко в нем поиграть. И люди отлично уживались с такими, как Тироль или Глимфрель.

Бергсндот, кажется, это понимала.

— Кто-нибудь из вас слыхал о богошоке?

Кьет автоматически ответил «нет» и тут заметил пораженные взгляды обоих дирокимов. Они стали друг с другом пересвистываться, и наконец Тироль ответил по-самнорски «Да» таким близким к благоговению голосом, какого Кьет у него никогда не слышал.

— Вы знаете, что мы, дирокимы, давно уже живем в Крае. Много колоний мы послали в Переход, некоторые стали Силами. И однажды... однажды что-то вернулось. Конечно, это не была Сила. На самом деле это был скорее дироким с изуродованным умом. Но он знал такое и делал такое, что сильно нас изменило.

— Фентроллар? — спросил Кьет, вдруг вспомнив легенду. Это случилось за сто тысяч лет до того, как человечество появилось в Сьяндре Кеи, но об этом все еще спорили во всех поселениях дирокимов.

— Да, — ответил Тироль. — Даже сейчас еще спорят, был Фентроллар даром или проклятием, но он создал обители сна и Старую Веру.

Равна кивнула:

— Это случай лучше всего известный нам, жителям Сьяндры Кеи. Может быть, не самый удачный случай, если учесть все его эффекты...

И она рассказала о крушении Ретрансляторов, о судьбе Старика и о том, что сталось с Фамом Нювеном. Щебет дирокимов смолк, и они ни разу не шевельнулись.

Наконец Кьет сказал:

— Так что Ню... — он споткнулся на этом имени, странном, как и его носитель, — Нювен знает о том, что он ищет у Дна? Что он сможет с этим сделать.

— Я не знаю, капитан. И сам Фам Нювен тоже не знает. В нужный момент приходит озарение. Я в это верю, потому что видела сама... но я не знаю, как сделать, чтобы поверили вы.

Она судорожно вздохнула. И Кьет вдруг представил себе, какой камерой пыток должен быть «Внеполосный». И почему-то от этого вся история стала правдоподобней. Чем бы ни было то, что может уничтожить Погибель, оно должно быть неимоверно странным. Кьет представил себе, как бы он оказался заперт в корабле вместе с чем-то подобным.

— Миледи Равна, — сказал он, выбирая слова твердые и официальные. *Как бы там ни было, а я задумываю измену.* — У меня, э-э, есть друзья во флоте Коммерческой Охраны. Я могу проверить выдвинутые вами подозрения, и... — *Да говори ты прямо!* — Возможно, мы сможем оказать вам поддержку вопреки моему Главному командованию.

— Благодарю вас, сэр! Благодарю!

Наступившее молчание прервал Глимфрель:

— Сигнал по каналу от «Внеполосного» ухудшается!

Кьет провел взглядом по окнам. Все дисплеи гиперслежения выдавали случайный шум. Чем бы ни был этот шторм, он усиливался.

— Кажется, мы больше не сможем разговаривать, Равна Бергсндот.

— Да, мы теряем сигнал... Капитан, если не выйдет, если вы не сможете сражаться за нас... Ваши люди — это все, что осталось от Сьяндры Кеи. Я рада была видеть вас и дирокимов... после всего этого увидеть знакомые лица людей, которых я понимаю. Я...

Но тут ее изображение расплылось в низкочастотные компоненты.

— Фью! — присвистнул Глимфрель. — Полоса частот ухнула в подвал.

Ничего сложного в связи с «Внеполосным» не произошло. Просто при возникновении трудностей со связью процессоры корабля переключились на кодирование на низких частотах.

— Эй, на «Внеполосном»! На канале возникли проблемы. Предлагаю прервать связь.

Окно посерело, и на нем замелькали печатные самнорские буквы.

— Да. Это не просто проблемы со свя...

Глимфрель бесполезно терзал свою панель связи.

— Ноль, — сказал он. — Сигнал не обнаруживается.

Тироль оторвался от трехмерного навигационного дисплея.

— Тут куда хуже, чем проблемы связи. Наши компьютеры не могут выполнить гиперпрыжок уже больше двадцати секунд.

Они шли примерно двадцать прыжков в секунду, покрывая световой год за час. Теперь же...

Глимфрель откинулся назад, оставив панель.

— Ну вот, — сказал он. — Прибыли в Медленную Зону.

Медленная Зона. Равна Бергсндот оглядела мостик «Внеполосного». Где-то в глубинах сознания Медленная Зона мерещилась ей как густая тьма, освещенная в лучшем случае факелами, царство кретинов и механических арифмометров. А на самом деле мало что изменилось. Так же сияли стены и потолки. Так же сияли звезды в окнах (только теперь они *долго* не сдвинутся).

Изменения были более заметны на других экранах «Внеполосного». Трехмерный дисплей гиперслежения монотонно мигал, и красная надпись указывала время, прошедшее с последнего обновления изображения. Навигационные окна были полны диагностической информации от процессоров гипердвигателей. Снова и снова повторялось звуковое сообщение на трисквелине:

«Предупреждение. Обнаружен переход в Медленную Зону. Немедленно выполнить обратный прыжок! Предупреждение. Обнаружен переход в Медленную Зону. Немедленно...»

— Заткните вы его! — Равна схватила седло и привязалась. У нее слегка кружилась голова, хотя это могло быть только от паники (впрочем, вполне естественной). — Ничего себе придонный люггер! Мы влетаем в Медленную Зону, а он только и может, что вопить предупреждения уже после этого!

Зеленый Стебель подобралась ближе, «переступая» ветвями по потолку.

— Даже с придонными люггерами такое случается, миледи Равна.

Фам что-то сказал кораблю, и почти все дисплеи очистились.

Синяя Раковина заметил:

— Даже сильный шторм поверхностей Зон обычно не расходится дальше нескольких световых лет. Мы же были на две сотни световых лет над границей Зоны. То, что нас настигло, — это чудовищный всплеск, такой, о котором можно прочесть только в архивах.

Слабое утешение.

— Мы знали, что может случиться что-нибудь такое, — сказал Фам. — За последние недели все шло как нельзя хуже.

Для разнообразия на этот раз *он* не выглядел огорченным.

— Да, — огрызнулась Равна. — Мы ожидали замедления, но не Медленности. — *А теперь мы в ловушке.* — Где же ближайшая обитаемая система? Десять световых лет? Пятьдесят?

Теперь видение тьмы обрело новую реальность, и звездные поля за обшивкой корабля перестали быть дружественными и утешительными. Корабль окружало бесконечное ничто, движущееся с ничтожной долей скорости света... окружало, как склеп. И вся храбрость Кьета Свенсндота и его флота — зря, и никто никогда не спасет Джефри Олсндота.

Рука Фама коснулась ее плеча — впервые за много... дней?

— Мы все еще можем пробиться к планете Стальных Когтей. Это же придонный люггер, черт возьми! Да на этой телеге субсветовой двигатель лучше всего, что я видел за свою жизнь в Кенг Хо! А в те времена я думал, что я самый свободный человек во всей Вселенной.

Десятилетия полета, почти все время в анабиозе. Таков был мир Кенг Хо, мир воспоминаний Фама. Равна судорожно выдохнула, и выдох закончился нервным смехом. Для Фама это означало, что с него спала огромная тяжесть, хотя бы временно. Он мог быть просто человеком.

— Что такого смешного? — спросил Фам.

Равна затрясла головой.

— Все мы. Не обращай внимания. — Она сделала пару медленных вдохов. — Ладно. Кажется, я могу говорить разумно. Значит, произошел всплеск Зоны. Нечто, чему обычно требуется тысячу лет — даже в бурю, — чтобы сдвинуться на один световой год, вдруг съехало на двести. Об этом через миллионы лет будут читать в архивах. Не уверена, что мне хотелось этой чести... Мы знали, что идет буря, но утонуть — этого я не ожидала.

Быть похороненной на глубине световых лет под поверхностью моря.

— Аналогия с бурей на поверхности моря не точна, — заметил Синяя Раковина. Он все еще был на дальнем конце мостика, куда отодвинулся после вопроса капитану «Ульвиры». Вид у него был по-прежнему расстроенный, хотя он все так же влезал с мелкими уточнениями. Сейчас Синяя Раковина изучал навигационный дисплей — то, что было на нем зарегистрировано как раз перед всплеском. Он вывел картинку на плоский дисплей и медленно катился по потолку в сторону остальных. Зеленый Стебель погладила его ветвями, когда он проезжал мимо.

Синяя Раковина передал дисплей в руки Равны и продолжал, будто читал лекцию:

— Даже в сильную бурю на море поверхность воды никогда не искажается так, как в больших возмущениях поверхности раздела. Последние сведения из групп новостей характеризуют эту поверхность как фрактальную с размерностью близкой к трем. Как пена или аэрозоль. — Даже он не смог избежать аналогии с бурей. Звездные поля неподвижно висели за хрустальными стенами, и самый громкий звук исходил от вентиляторов корабля. И при этом они были поглощены мальстремом. Синяя Раковина повел веткой в сторону дисплея в руках Равны: — Мы можем снова оказаться в Крае всего через несколько часов.

— Что?

— Вот смотрите. Плоскость дисплея определена предполагаемой позицией флагманского корабля Сьяндры Кеи, отдельного корабля, с которым у нас была прямая связь, и нашей позицией. — Эти три точки образовывали узкий треугольник, где вершины Лимменд и Свенсндота приближа-

лись друг к другу. — Я отметил время потери контакта с другими. Заметим, что потеря контакта с флагманом произошла за сто пятьдесят секунд до того, как мы были поглощены. Судя по входному сигналу и его запросу на изменение протокола, я заключаю, что и мы, и одиночный корабль были поглощены примерно в одно и то же время.

Фам кивнул:

— Ага. А наиболее отдаленные точки должны были терять контакт последними. Это должно значить, что всплеск пришел со стороны, а не снизу.

— Именно так! — Синяя Раковина протянул ветку со своего насеста на потолке и похлопал по дисплею. — Эти три корабля были как зонды в стандартном способе картирования Зоны. Воспроизведение изображений с дисплеев гиперслежения это заключение, без сомнения, подтвердит.

Равна посмотрела на диаграмму. Дальняя вершина треугольника, в которой находился «Внеполосный», показывала почти на самый центр Галактики.

— Значит, это здоровенный отвесный фронт, перпендикулярный поверхности.

— Чудовищная волна, уходящая вдаль! — сказала Зеленый Стебель. — И вот почему это не продлится долго.

— Да. Это радиальные изменения, как правило, долговременны. А у этой штуки должен быть задний фронт. Через несколько часов мы его минуем — и окажемся в Крае.

Итак, еще оставалась гонка, которую можно выиграть... или проиграть.

Первые часы прошли в странном состоянии. По оценке Синей Раковины, им предстояло выйти в Край через «несколько часов». И они болтались на мостике, попеременно глядя на часы и возвращаясь к только что законченному разговору. Фам возвращал себя к напряжению взведенного курка. Он в любой момент мог оказаться опять в Крае. И что делать тогда? Если перевербовано всего несколько кораблей, Свенсндот, быть может, сумеет организовать атаку. А это поможет? Фам снова и снова смотрел записи гиперслежения, изучая каждый различимый корабль всех флотов.

— Но когда мы выберемся, когда мы выберемся... я знаю, что буду делать. Не *почему* я это должен делать, но *что*.

Больше он ничего не мог объяснить.

В любой момент... И не имело смысла настраивать оборудование, которое все равно придется инициализировать после выхода в Край.

Когда же минуло восемь часов...

— Это может быть и дольше, может быть, целый день.

Они оказались будто на страницах древней истории.

— Может быть, стоит немножко заняться нашим хозяйством.

«Внеполосный» был рассчитан и на Край, и на Медленную Зону, но эта среда рассматривалась как маловероятная, как аварийный случай. Были специальные процессоры для работы в Медленной Зоне, но они не включались автоматически. По совету Синей Раковины Фам вывел высокоскоростную автоматику в автономный режим; это не было трудно, только пара независимых устройств с голосовым приводом настолько отупели, что не могли понять команд отключения.

Использование новой автоматики вызвало у Равны холодок, который каким-то тонким образом больше пугал, чем изначальная потеря гипердвигателя. Ее образ Медленности как темноты с факелами был всего лишь ночным кошмаром. С другой стороны, представление о Медленной Зоне как царстве кретинов и арифмометров что-то общее с реальностью имел. Интеллект «Внеполосного» постоянно снижался по мере приближения ко Дну, но теперь... Отказали все управляемые голосом графические генераторы — они были слишком сложны, чтобы новый «Внеполосный» мог их поддерживать, по крайней мере в интерпретирующем режиме. Отказали все интеллектуальные контекстные анализаторы, с помощью которых в библиотеку корабля можно было обращаться как в собственную память. В конце концов Равна отключила устройства искусства и музыки — без отклика на настроение и контекст они стали такими тупыми... постоянно напоминали, что за ними нет мозгов. Даже самые простые вещи испортились. Устройства управления от голоса и жеста, например: они перестали откликаться на иронию и жаргонные слова. Для работы

с ними теперь нужна была определенная *дисциплина.* (А Фаму это более или менее нравилось. Напоминало счастливые времена Кенг Хо.)

Двадцать часов. Пятьдесят. Все по-прежнему повторяли друг другу, что волноваться не о чем. Но теперь Синяя Раковина заявил, что разговор о «часах» был нереален. Учитывая высоту «цунами» (не менее двухсот световых лет), она скорее всего была в длину несколько сот световых лет — это если вычислять масштаб по историческим прецедентам. В этом рассуждении было одно слабое место: прецедентов такого масштаба еще не было. По большей части границы зон располагались соответственно плотности распределения галактической материи. От года к году видимых изменений не происходило — только сжатие в масштабе эпох, когда после смерти всех звезд, кроме самых малых, ядро Галактики откроется Краю. В любой же заданный момент одна миллиардная доля, быть может, этой поверхности могла считаться находящейся в «состоянии бури». В обычном шторме поверхность могла сдвинуться наружу или внутрь примерно на световой год где-то за десятилетие. Такие штормы каждый год сказывались на судьбах миров.

Куда реже — быть может, раз в сто тысяч лет во всей Галактике — бывали штормы, когда границы серьезно искажались и расходились волны-всплески с многократной световой скоростью. Это и были те штормы, по которым Фам и Синяя Раковина строили свою шкалу соотношений. Самые быстрые перемещались со скоростью примерно светового года в секунду на расстояние чуть менее трех световых лет; самые большие всплески достигали высоты в тридцать световых лет и двигались едва ли на световой год в день.

Так что же было известно о таком чудище, как поглотившая их волна? Немного. Истории из третьих рук, хранящиеся в библиотеке корабля, говорили о всплесках чуть ли не таких же огромных, но приводимые размеры и скорость распространения ясно не указывались. Трудно поверить историям, которым больше ста миллионов лет, и вряд ли существуют какие-то промежуточные языки. (А если бы и были, тоже вряд ли это помогло бы. Новая, тупая версия

«Внеполосного» не могла выполнять механический перевод естественных языков. И копание в библиотеке было бессмысленным.)

Когда Равна пожаловалась Фаму, он ответил:

— Могло быть и хуже. Чем на самом деле было АР-Деление?

Пять миллиардов лет назад.

— Никто не знает.

Фам ткнул через плечо пальцем в дисплей библиотеки.

— Некоторые думают, что это был «суперсупервсплеск». Такой большой, что поглотил расы, которые могли бы его зафиксировать. Иногда самые большие катастрофы проходят незамеченными — некому записать леденящие кровь истории.

Класс!

— Извини меня, Равна. Честно говоря, если мы в чем-то вроде этих прошлых катастроф, то через день-другой мы отсюда вылезем. И лучше всего нам строить планы, исходя именно из этого. Просто тайм-аут в бою. Воспользуемся же им и насладимся каплей мира. Подумаем, как уговорить неперевербованные части флота Коммерческой Охраны нам помочь.

Вот еще что. В зависимости от формы заднего фронта волны «Внеполосный» может потерять приличную часть своей форы... Но я ставлю на то, что флот Союза перепугался от всего этого до смерти. Эти оппортунисты скорее всего рванут в безопасное место, как только окажутся снова в Крае.

Совет Фама дал ей работу еще на двадцать часов. Она билась с полуидиотами, которые называли себя новыми версиями стратегических планировщиков «Внеполосного». Даже если всплеск пройдет вот прямо сию секунду, все равно может быть уже поздно. В этой игре были участники, для которых всплеск не дал тайм-аута: Джефри Олсндот и его союзники — Стальные Когти. Уже семьдесят часов прошло с последнего сеанса связи, и три сеанса Равна уже пропустила. Если *ее* охватывает паника, что же такое делается с Джефри? Даже если Булат может сдержать врагов, время уходит — а с ним уходит и доверие его союзников.

На сотом часу в глубине всплеска Равна заметила, что Фам и Синяя Раковина проверяют ракетный двигатель.

Бывают тайм-ауты, которые длятся вечно.

34

Горячий жар лета на время спал. Честно говоря, стало даже прохладно. Дым еще поднимался от лесов, и воздух был сух, но ветер уже не так сильно сушил землю. Но в своем гнезде внутри корабля Амдиджефри мало обращал внимания на хорошую погоду.

— Они и раньше, бывало, запаздывали с ответом, — заметил Амди. — Она говорила, что ультраволны...

— *Так* Равна еще никогда не опаздывала!

По крайней мере после зимы. В голосе Джефри смешались страх и нетерпение. Они ожидали передачи где-то в середине ночи — технические данные для господина Булата. Утром этой передачи не было, а потом Равна пропустила и дневной сеанс, когда у них обычно бывала возможность просто поболтать.

Дети пересмотрели все установки коммуникатора. Прошлой осенью они внимательно скопировали их и всю диагностику низкого уровня. Все выглядело точно так же, кроме одной штучки, которая называлась «детектор несущей». Вот был бы у них компьютер, они бы выяснили, что это значит.

Они осторожно поменяли какие-то параметры коммуникатора... и быстро сделали, как было, когда ничего не вышло. А может быть, они не дали этим изменениям времени сработать. Или наоборот, что-то серьезно спутали.

Они торчали в командной рубке весь день, и настроение у них металось между скукой, страхом и раздражением. Наконец победила скука, хотя и временно. Джефри тревожно задремал в отцовском гамаке, а двое из Амди свернулись у него на руках.

Амди лениво рыскал по рубке, поглядывая на ручки управления ракетным двигателем. Нет... даже при его самоуверенности он не решался их трогать. Еще один его элемент дергал обивку стен. Он почти видел, как растет грибковый нарост, — так все шло медленно.

На самом деле серая масса распространилась гораздо дальше, чем когда он смотрел в прошлый раз. За обивкой

ее слой стал толстым и плотным. Амди пустил себя цепочкой между стеной и тканью. Там было темно, но из щели под потолком свет падал. По большей части плесень была едва ли в дюйм толщиной, но здесь она утолщалась до пятишести дюймов — ого! Как раз над разнюхивающим носом Амди рос большой ее ком. Он был не меньше, чем куски орнаментального мха, украшавшие стены зала собраний в замке. От грибков росли вниз тонкие длинные пряди. Амди чуть не окликнул Джефри, но его двум элементам было очень удобно возле спящего мальчика.

Он придвинул к этому странному месту пару голов. Стена за ним была какой-то необычной, будто бы поеденной плесенью. И сама стала серой, как дым. Амди потрогал пряди носом — сухие и твердые. В носу защекотало, и Амди застыл в удивлении. Глядя на самого себя сзади, он увидел, как пряди прошли через голову его элемента! И без всякой боли, только чуть защекотало.

— Чего? Что случилось?

Джефри вскинулся, когда элементы Амди рядом с ним напряглись.

— Тут за обивкой что-то очень диковинное. Я тронул этот большой нарост грибков, и...

Говоря, Амди медленно пятился от этой штуки на стене. От прикосновения не стало больно, но он сейчас больше нервничал, чем любопытствовал. И ощутил, как пряди медленно выскальзывают наружу.

— Я же тебе говорил, нам не полагается играть с этой штукой. Она грязная. Единственное, что хорошо, — она не пахнет.

Джефри вылез из гамака, пересек рубку и поднял завесу. Передовой элемент Амди потерял равновесие и дернулся прочь от грибкового нароста. Что-то щелкнуло, и резкая боль пронзила губу.

— Ну и ну, ничего себе штука! — Потом Джефри услышал болезненный свист Амди и спросил: — Ты не ранен?

Амди отступил от стены.

— Кажется, нет.

Кончик последний пряди все еще торчал у него в губе. Это жгло слабее, чем крапива, которую он тронул несколько дней назад. Амдиджефри оглядел рану. Обломок дым-

чатого шипа казался твердым и хрупким. Пальцы Джефри осторожно его вытащили. Потом Амди и Джефри повернулись и стали смотреть на наросты на стене.

— Оно действительно разрослось. Похоже, что оно и стенку разъедает.

Амди тронул кровоточащую ранку на морде.

— Ага. Теперь я понимаю, почему тебе говорили держаться от этого подальше.

— А может, надо попросить господина Булата, чтобы все это соскребли?

Еще полчаса они ползали позади всех занавесов. Серость расползалась повсюду, но так пышно расцвела только в одном месте. Дети вернулись на нее поглазеть, даже совали в нее разные предметы. Но ни носами, ни пальцами больше не рисковали.

Глазение на плесень на стене — это было самое интересное за весь день. «Внеполосный» на связь не вышел.

На следующий день вернулась жара.

Прошло еще два дня — и ни слова от Равны.

Властитель Булат не спеша рысил по стенам на вершине Холма Звездолета. Было около полуночи, и солнце висело на высоте градусов пятнадцать над северным горизонтом. Шерсть покрывалась потом — лето выдалось самое жаркое за десять лет. Суховей задувал уже тринадцатый день подряд. И больше это уже не было желанное тепло среди прохлады севера. На полях засыхали посевы, дым от пожаров вокруг фиордов висел коричневой дымкой и на севере, и на юге от замка. Поначалу этот красноватый цвет был новинкой, переменой среди бесконечной голубизны неба и беловатых морских туманов. Но только поначалу. Когда пожары достигли Восточного Стримсделла, все небо окрасилось красным заревом. Пепел сыпался целые дни напролет, и все запахи забивал запах гари. Кое-кто говорил, что это еще хуже грязного воздуха южных городов.

Солдаты на стене освобождали дорогу. И не только из вежливости или страха перед Булатом. Его войска еще не привыкли к виду элементов в плащах, и объяснение, которое распускал Теневик, не очень помогало: Властителя Бу-

лата сопровождает синглет, одетый в его цвета. Эта тварь не издавала звуков мысли и шла невероятно близко к хозяину.

— Успех — это следование графику, — сказал Булат своему синглету. — Я помню, ты меня этому учил.

Сталью врезал в меня.

Элемент посмотрел на него, склонив голову:

— Насколько *я* помню, я тебя учил, что успех — это умение приспособиться к изменениям в графиках.

Слова были отлично артикулированы. Бывали синглеты, которые умели так хорошо говорить, — но даже наиболее владеющие речью не могли бы поддерживать разумный разговор. Теневик без труда убедил солдат, что наука Свежевателя создала расу сверхстай и что этот, в плаще, так же умен, как обыкновенная стая. Это была отличная маскировка для истинного назначения плащей. Она и внушала страх, и скрывала правду.

Элемент подошел ближе к Булату — ближе, чем бывал кто бы то ни было иначе как в моменты убийства или изнасилования. Булат невольно облизал губы и подался от угрозы во все стороны. Чем-то этот задрапированный был похож на труп — даже следа не было от звука мысли. Щелкнув челюстями, Булат ответил:

— Да. Гений состоит в том, чтобы побеждать и тогда, когда графики летят в мусорный ящик. — Он отвернулся от элемента Свежевателя, оглядев застланный заревом южный горизонт. — Какие последние сообщения о движении Резчицы?

— Она все еще стоит лагерем в пяти днях пути на юг отсюда.

— Чертова дура! Трудно поверить, что она твой родитель. Хранитель так облегчил ей путь; она со своими солдатами и игрушечной пушкой должна была бы быть здесь уже декаду тому назад...

— И попасть на бойню по графику.

— Да! Задолго до прибытия наших небесных друзей. А она вместо того лезет в глубь материка, а потом лодырничает.

Элемент Свежевателя пожал плечами под темным плащом. Булат знал, что радио настолько тяжелая штука, насколько и кажется с виду. Ему было приятно, что этот дру-

гой платит за свое всеведение. Подумать только, каково в такую жару быть закутанным до мембран. Здесь он мог это себе представить... а в помещениях — даже и унюхать.

Они прошли мимо настенной пушки. Ствол блеснул слоистым металлом. Дальность выстрела орудия была втрое дальше, чем у жалких игрушек Резчицы. Пока Резчица возилась с Компьютером и интуицией человеческого детеныша, Булат получал прямые указания от Равны с компанией. Сначала он испугался размеров пушек, подумав, что Гости настолько его превосходят, что даже не должны ничего опасаться. Но потом, чем больше он слышал о Равне и остальных, тем яснее осознавал их слабость. Они не могли сами с собой экспериментировать, сами себя улучшать. Закоснелые и медленно меняющиеся тупицы. Иногда они выказывали примитивную хитрость — Равна уходила от ответов на вопрос, что им нужно на Звездолете, — но в их письмах все громче звучало отчаяние, и еще — озабоченность судьбой человеческого детеныша.

А еще несколько дней назад все шло так хорошо!

Выйдя из пределов слышимости стаи-артиллериста, Булат сказал элементу Свежевателя:

— И все еще нет вестей от наших «спасателей».

— Да. — Это был еще один сорванный график, и важный, который находился вне их контроля. — Равна пропустила четыре сеанса. Два моих элемента сейчас вместе с Амдиджефри. — Синглет ткнул мордой в сторону купола внутреннего хранилища. Жест этот был неуклюжим обрывком — без остальных морд и глаз язык жестов был очень ограничен. *Мы построены не для того, чтобы бродить здесь кусок и там кусок.* — Еще несколько минут, и эти ребята из космоса пропустят пятый сеанс. А дети, как ты знаешь, готовы впасть в отчаяние.

Голос элемента звучал сочувственно, и Булат невольно подался еще дальше в стороны. Он помнил этот тон с самого начала своего существования. И помнил смерть и резание, которые за этим следовали.

— Я хочу, чтобы они чувствовали себя счастливыми, Тиратект. Мы полагаем, что связь возобновится, и тогда они будут нам нужны. — Булат оскалил шесть пар челюстей в сторону элемента. — Твои прежние штучки не пройдут!

И элемент вздрогнул почти незаметно, но для Булата это было приятнее, чем ползание на брюхе десяти тысяч других.

— Конечно, нет! Я только говорю, что тебе следует их навестить и помочь им справиться со своим страхом.

— Сам справишься.

— Да... но мне они не доверяют. Я же тебе говорил, Булат, они тебя любят.

— Ага! А тебя видят насквозь до самой твоей злобности, да?

Этой ситуацией Булат гордился. Он преуспел там, где собственные методы Свежевателя дали бы осечку. Он манипулировал стаями без угроз или боли. Это был самый сумасшедший эксперимент Булата — и самый успешный. Но...

— Слушай, у меня нет времени нянчиться ни с кем. А говорить с этой парой — трудная работа.

Труднее всего было сдерживать себя, терпеть «ласки» Джефри и выходки Амди. С самого начала Булат требовал, чтобы ни у кого другого близкого контакта с детьми не было. Слишком они были важны, чтобы давать к ним доступ кому-нибудь еще, — малейший промах мог открыть им правду и все разрушить. Даже теперь Тиратект была единственной стаей, кроме него, которой был разрешен прямой контакт. Но для Булата каждая встреча с ними была еще хуже предыдущей — предельное испытание его самоконтроля. Трудно было ясно мыслить под наплывом убийственной ярости, а именно ею кончался почти каждый разговор Булата с ними. Ох, как будет чудесно, когда прилетит наконец звездный народ. *Тогда* можно будет использовать и другую грань инструмента по имени Амдиджефри. *Тогда* ему не будет нужно их доверие и дружба. *Тогда* у него в руках будет то, что можно мучить и убивать ради исполнения своих требований.

Конечно, если чужаки не прилетят или если...

— Что-то надо делать! Я не собираюсь плыть, как пена на волне будущего! — Булат ударил лапой по ограде внутренней стороны стены, оставив глубокие борозды от стальных когтей. — Мы ничего не можем сделать насчет чужаков, так что давай разберемся с Резчицей. Да! — Он

ухмыльнулся в лицо элементу Свежевателя. — Ирония судьбы! Ты сто лет искал ее гибели, и сейчас я могу добиться успеха. Что для тебя было бы величайшим триумфом, для меня лишь досадная побочная работа, предпринятая лишь потому, что приходится отложить главное.

Элемент в плаще остался равнодушным.

— Дело в такой маленькой детали, как дары, упавшие с небес.

— Ага, прямо в мои открытые пасти. Но ведь это *мое* везение, а не твое? — Булат отошел на несколько шагов, довольно про себя хихикая. — Да. Пора Хранителю привести доверившуюся ему королеву прямо на бойню. Может быть, это наложится на другие события, но... В общем, бой будет на востоке.

— У Маргамского подъема?

— Именно там. При подъеме по этому дефиле силы Резчицы соберутся вместе. Мы поставим там орудия за грядой на вершине подъема. И мы уничтожим всех, кто идет с ней. Это достаточно далеко от Холма Звездолета, и если даже звездный народ в это время прилетит, мы сможем сделать обе работы отдельно. — Синглет ничего не сказал, и Булат, минуту помолчав, полыхнул на него гневным взглядом. — Да, дорогой мой учитель, я знаю, что это риск. Я знаю, что мы распыляем силы. Но у нас тут армия, стучащаяся в нашу дверь. К сожалению, они прибыли поздно, и это неудобно, но даже Хранитель не сможет заставить их повернуться и пойти домой. А если он постарается потянуть время, Резчица... кстати, ты знаешь, что она тогда сделает?

— Нет. Ей всегда были свойственны неожиданные решения.

— Может быть, она даже поймет обман Хранителя. Итак, мы предпримем небольшой риск и уничтожим ее немедленно. Ты сейчас рядом с Разведчиком Ранголитом?

— Да. Два моих элемента.

— Вели ему передать весть Хранителю. Он должен вывести армию королевы к Маргамскому подъему не позднее двух дней от сегодняшнего. Детали можешь разрабатывать сам, как хочешь, — ты знаешь местность лучше меня. Окон-

чательно все уточним, когда обе стороны уже займут позиции. — Командовать в битве обеими сторонами — это здорово! — Еще одно. Важная вещь, и Хранитель должен выполнить ее в течение дня: я хочу, чтобы человек королевы умер.

— А какой от нее вред?

— Глупый вопрос. — *Особенно от тебя.* — Мы не знаем, когда Равна и Фам до нас доберутся. Пока они не попали надежно к нам в челюсти, эта Джоанна — опасная вещь. Скажи Хранителю, пусть это выглядит как несчастный случай, но Двуногая должна умереть.

Свежеватель был повсюду. Это была та божественность, о которой он мечтал, еще когда был юным отпрыском Резчицы. Пока один его элемент говорил с Булатом, два других бегали вокруг Звездолета с Амдиджефри и еще два трусили сквозь редколесье к северу от лагеря Резчицы.

Рай может быть и пыткой, и каждый день этой пытки было все тяжелее выносить. Прежде всего это лето было невыносимо жарким, как никогда не бывало на севере. А радиоплащи не просто были жаркими и тяжелыми. Они по необходимости покрывали мембраны всех его элементов. В отличие от любой неудобной одежды снятие их хотя бы на минуту означало безумие. Первые испытания плащей длились всего час-другой. Но потом была пятидневная экспедиция с Разведчиком Ранголитом, дававшая Булату мгновенную информацию и владение обстановкой по всей местности вокруг Холма Звездолета. После этого пришлось двое суток оправляться от потертостей и болей от радиоплащей.

Последним экспериментом было всезнание, длившееся двенадцать дней. И все время носить плащи было невозможно. Каждый день один из элементов по очереди сбрасывал радио, мылся, и ему меняли подкладку плаща. Каждый день Свежеватель испытывал час безумия, и иногда слабовольная Тиратект приходила в сознание, тщетно стараясь восстановить свое господство. Но это было не важно. При одном отсоединенном элементе в стае оставалось только четыре. Бывают четверки с нормальным разумом, но в стае Свежеватель — Тиратект ни одной такой не было.

И мытье с переодеванием происходили при замутненном сознании.

И конечно, хотя Свежеватель и находился «одновременно повсюду», он не стал умнее. После первых робких экспериментов он стал получать звуковые и зрительные впечатления, совершенно разные для разных элементов, но самое трудное — это было вести одновременно несколько разговоров. Пока он препирался с Булатом, остальные его элементы мало что могли сказать Амдиджефри или Ранголиту.

Но сейчас Властитель Булат закончил с ним разговор. Свежеватель шел вдоль парапета со своим бывшим учеником, но если бы Булат что-то сказал, ему пришлось бы оторваться от разговора, который он вел сейчас. Свежеватель улыбнулся (осторожно, чтобы элемент рядом с Булатом этой улыбки не показал). Булат думал, что сейчас Свежеватель ведет разговор с Разведчиком. О, это обязательно будет... через пару минут. Одним из преимуществом его положения было то, что никто наверняка не знал, что делает Свежеватель. Если действовать осторожно, он снова сможет в конце концов здесь править. Это опасная игра, и плащи сами по себе — тоже опасная штука. Подержи плащ несколько часов вдали от солнца, и он теряет энергию, отрезая носящий его элемент от остальной стаи. Еще хуже проблема *помех* — богомольское слово. Второй набор плащей убил стаю, которая его надела, и звездный народ не мог точно назвать причину, только говорил, что это, наверное, «явления интерференции».

Свежевателю таких крайностей пережить не довелось. Но иногда, в дальних поисках с Ранголитом или когда падала мощность плаща, в уме возникал неимоверный визг, будто дюжина стай сбежалась вместе, звуки, похожие на что-то среднее между безумием любви и яростью убийства. Казалось, Тиратект такие моменты нравились, она выпрыгивала из этого хаоса, обволакивая его мягкой ненавистью. Обычно она таилась за краем сознания, вставляя там слово, здесь побуждение. После *помех* она становилась намного опаснее, иногда ей удавалось захватить контроль почти на целый день. Будь у него спокойный год без кризисов, Свежеватель мог бы изучить Ти, Ра и Текст и выполнить нуж-

ные ампутации. Наверное, Текст, элемент с белыми кончиками ушей, пришлось бы убить: он был не особенно ярок, но зато казался краеугольным камнем всей тройки. Если выполнить точно подогнанную замену, Свежеватель мог бы стать еще более великим, чем был до бойни в Чаше Парламента. Но сейчас Свежеватель был связан: хирургия души на самом себе — это пугающая задача. Даже для Мастера.

Итак. Тщательно. Осторожно. Держать плащи хорошо заряженными, не предпринимать дальних путешествий и не давать никому увидеть все нити своего плана.

Пока Булат считал, что Свежеватель разговаривает с Ранголитом, тот беседовал с Амди и Джефри.

Лицо человека было мокрым от слез.

— Ч-четыре р-раза Равна не выходила на связь. Что с ней случилось?

Его голос сорвался на визг. Свежеватель не знал, что механизм, которым люди производят звуки, обладает подобной гибкостью.

Почти все элементы Амди окружили мальчика и лизали его щеки.

— А может быть, наш ультраволновый приемник сломался. — Он поглядел на Свежевателя, будто ища помощи, и в глазах щенков тоже стояли слезы. — Тиратект, попроси, пожалуйста, Булата еще раз. Пусть нам позволят еще на день здесь остаться. Может быть, какие-то сообщения прошли, но не были записаны.

Свежеватель-С-Булатом спустился по северной лестнице и перешел площадку для парадов. Часть его внимания была поглощена ворчанием Булата по поводу неряшливости в уборке тренировочного плаца. По крайней мере у Булата хватает ума держать дисциплинарные эшафоты на Скрытом Острове, подальше отсюда.

Свежеватель-С-Солдатами-Ранголита переплывал горный поток. Даже в разгаре лета и суховея здесь еще лежали снежники, и вода в потоке была ледяная.

Свежеватель-С-Амдиджефри подался вперед, позволив двум элементам Амди прижаться к своим бокам. Дети оба любили физический контакт, и он был единственным, кто у них для этого был, помимо их самих. Все это, конечно,

было чистейшим извращением, но Свежеватель основывал свою жизнь на манипуляции чужими слабостями, и вполне их приветствовал. Он прогудел глубокий мурлыкающий звук плечевыми мембранами, поглаживая лежащего рядом щенка.

— Спрошу Властителя Булата, как только его увижу.

— Спасибо!

Щенок ткнулся в его плащ и милосердно отодвинулся — под плащом все болело и саднило. Может быть, Амди это понимал, а может быть... Свежеватель все больше и больше замечал скрытность этих двоих. Его замечание Булату было правдивой проговоркой: эти двое ему не доверяли. Виновата в этом была Тиратект. Сам по себе Свежеватель мог бы завоевать любовь Амдиджефри без всякого труда. У него не было взрывного темперамента Булата и его уязвимого достоинства. Он вполне мог болтать ради удовольствия, тщательно мешая правду с ложью. Умение понимать чужие чувства было одним из его величайших талантов: ни один садист не может достичь совершенства без этой диагностической способности. Но когда он действовал отлично и они уже готовы бывали ему открыться — в этот момент выскакивали Ти, Ра или Тект, искажая его выражение или меняя выбор фразы. Может быть, ему следовало довольствоваться подрывом уважения детей к Булату (разумеется, ничего не говоря против него прямо). Свежеватель вздохнул и утешающе погладил Джефри по руке:

— Равна вернется, я в этом уверен.

Человек шмыгнул носом и протянул руку погладить часть головы Свежевателя, не закрытую плащом. Минуту они сидели в сочувственном молчании, и внимание Свежевателя снова отвлеклось...

...в лес, к солдатам Ранголита. Группа шла вверх по холму уже минут десять. Остальные были мало нагружены и к подобным упражнениям привыкли. Два элемента Свежевателя отставали. Он зашипел в сторону командира группы.

Командир пробежал обратно, солдаты быстро отскакивали с его пути. Остановился он, когда его передовой элемент оказался в пятнадцати футах от Свежевателя. Головы его склонились в разные стороны.

— Вы что-то желаете... господин?

Он был новичком. Ему рассказали о плащах, но Свежеватель знал, что этот тип новых правил не понял. Да, в плащах сверкало серебро и золото — цвета Властителей, но здесь были только два элемента Свежевателя, а обычно такой фрагмент еле-еле мог поддерживать разговор, и уж никак не отдавать осмысленные приказы. Не меньше смущало командира и отсутствие шума мысли. «Зомби» — это слово произносили солдаты, когда думали, что их никто не слышит.

Свежеватель показал вверх, на холм — граница леса была всего в нескольких ярдах.

— Разведчик Ранголит на той стороне. Мы срежем путь, — вяло сказал он.

Часть другого уже глядела вверх.

— Это не годится, господин. — Командир говорил медленно, и вся его поза означала: «глупая двойка!» — Нас заметит противник.

Свежеватель смерил собеседника грозным взглядом — трудная штука, когда тебя всего двое.

— Солдат, ты видишь золото на моих плечах? Даже один мой элемент стоит вас всех. Если я говорю, что мы срежем путь, мы это сделаем — даже если придется ползти по гребню на брюхе.

На самом деле Свежеватель точно знал, где расставил посты Хранитель. Здесь можно было пройти по открытому месту без риска. И к тому же он очень устал.

Командир группы не знал точно, кто такой Свежеватель, но понимал, что эти темные плащи не менее опасны, чем любой Властитель в виде полной стаи. Он униженно попятился, волоча животы по земле. Группа повернула вверх по холму и через минуту шла по открытой вересковой пустоши.

Командный пункт Ранголита был всего в полумиле дальше по тропе...

Свежеватель-С-Булатом вошел во внутреннее хранилище. Камень был свежеобтесанным, и стены возведены в той лихорадочной спешке, которая отмечала все строительство замка. В тридцати футах над головами, где своды сходились с опорами, в каменной кладке были небольшие отверстия. Скоро они будут заполнены порохом — как и щели

в стенах, окружающих площадку приземления. Булат называл их «Челюсти гостеприимства». Сейчас он повернул одну голову к Свежевателю.

— Так что говорит Ранголит?

— Извини, он сейчас ушел в дозор. Будет здесь — то есть в лагере — с минуты на минуту.

Свежеватель очень старался скрыть свои собственные походы с разведчиками. Такие рекогносцировки не были прямо запрещены, но Булат потребовал бы объяснений, если бы узнал.

Свежеватель-С-Солдатами-Ранголита пробирался сквозь намокший вереск. Над тающими снежниками ветер нес приятную прохладу, и язычки ее залезали даже под эти проклятые плащи.

Ранголит отлично выбрал место для командного пункта. Он поставил палатки в небольшом понижении рельефа у края большого летнего пруда. В ста ярдах склон над ним покрывал массивный снежник, питавший пруд, но место было расположено так высоко, что с краев впадины открывался ясный вид в три стороны света — на запад, на юг и на восток. Снабжение с севера можно было организовать почти без риска обнаружения, и даже если эти проклятые пожары захватят нижние леса, командный пункт будет вне их.

Разведчик Ранголит возился около сигнальных зеркал, смазывая аппаратуру наведения. Один из его подчиненных лежал, высунув морды за вершину холма и оглядывая пейзаж в подзорные трубы. При виде Свежевателя Ранголит принял позу «смирно», но страха его положение не выражало. Как и большинство дальних разведчиков, он не до конца боялся политиков из замка. Кроме того, Свежеватель сразу установил с ним отношения вроде «мы боевые солдаты, а они — паркетные». Сейчас Ранголит зарычал на командира группы:

— Еще раз так пройдешь по открытому месту — и твои задницы попадут в рапорт!

— Моя вина, Разведчик, — вмешался Свежеватель. — У меня важные новости.

И они отошли в сторону от прочих, поближе к палатке Ранголита.

— Увидел что-то интересное? — странно улыбнулся Ранголит. Он уже давно догадался, что Свежеватель — не талантливая двойка, а часть стаи из замка.

— Когда у тебя сеанс связи с Опекуном? — Это была кличка Хранителя.

— Сразу после полудня. Он за четыре дня ни разу не пропустил. Южане, кажется, засели в одном большом лагере.

— Это ненадолго.

И Свежеватель повторил приказ Булата Хранителю. Слова шли тяжело — предатель в нем сопротивлялся, он чуял начало главной атаки.

— Ого! Ты хочешь перебросить все к Маргамскому подъему меньше чем за два... ладно. Это то, что мне лучше не знать.

Свежеватель ощетинился под плащами. Есть пределы для фамильярности. Ранголит — стая полезная, но когда все кончится, его можно будет сгладить во что-нибудь другое... при случае.

— Это все, господин?

— Да... то есть нет.

Свежеватель вздрогнул в непривычной озадаченности. С этими плащами та трудность, что иногда они мешают вспомнить... Нет, ради Великой Стаи! Это снова Тиратект. Булат приказал убить человека Резчицы — приказ более чем разумный, но...

Свежеватель-С-Булатом сердито потряс головой, щелкнув зубами.

— Что-то тебе мешает? — спросил Властитель Булат. Казалось, ему доставляют удовольствие мучения Свежевателя с плащами.

— Ничего, господин. Просто небольшие *помехи.*

На самом деле *помех* не было, но Свежеватель чувствовал, будто распадается на части. Что же давало другой такую внезапную мощь?

Свежеватель-С-Амдиджефри раскрывал и закрывал пасть, раскрывал и закрывал. Дети отскочили от него с расширенными глазами.

— Все в порядке, — сказал он мрачно, хотя два его тела стукнулись друг с другом. И в самом деле было много разумных причин сохранить Джоанну Олсндот живой: в даль-

ней перспективе это гарантировало добрую волю Джефри. И она могла стать тайным достоянием Свежевателя. Может быть, фальсифицировать смерть Двуногой для Булата, и... Нет! Нет. Нет. Свежеватель снова обрел контроль над собой, выдавив эти рационализации из разума. Те самые приемы, которые он использовал против Тиратект, она обращала против него.

Но со мной это не пройдет. Я — мастер лжи.

С-Булатом, С-Ранголитом, С-Амдиджефри — все его элементы издавали теперь тихие дребезжащие звуки. Властитель Булат танцевал вокруг него, не зная, то ли смеяться, то ли беспокоиться. Ранголит таращился с явным интересом.

Дети подались обратно и коснулись его.

— У тебя что-то болит?

Человек просунул эти свои замечательные *руки* под плащ и мягко погладил кровоточащую шерсть Свежевателя. Мир содрогнулся от взрыва *помех.*

— Не делай так, ему от этого может быть больнее, — прозвучал голос Амди. Мордочки щенков вытянулись, пытаясь помочь поправить плащи.

Свежеватель ощутил, как все его существо проваливается в забытье. Последнее нападение Тиратект оказалось фронтальной атакой, без рационализаций или хитрой инфильтрации, и...

...И она огляделась вокруг в изумлении.

После стольких дней я снова стала сама собой и снова собой правлю. Хватит невинной крови. Если кто-то и должен умереть, это Булат и Свежеватель.

Ее голова следила за метаниями Булата, выбрала наиболее вычлененного элемента. Подобрав под себя ноги, она приготовилась прыгнуть ему на горло. *Только подойди чуть поближе...*

Последний момент сознания Тиратект вряд ли длился больше пяти секунд. Атака на Свежевателя внутри себя была отчаянным напряжением всех сил, не оставившим резервов для внутренней защиты. Уже готовясь прыгнуть на Булата, она ощутила, как ее душу тянет назад и вниз и из тьмы поднимается Свежеватель. Ноги элемента дернулись в судороге и подогнулись, земля ударила в лицо...

...И снова Свежеватель обрел контроль над собой. Атака слабачки его удивила. Ей *в самом деле* было не все равно, что будет убит кто-то другой, и это настолько ее волновало, что она решила принести себя в жертву, если это убьет Свежевателя. И это было ее концом. Попытка самоубийства — это не то, что может привести к господству над стаей. Сама ее решимость ослабила контроль над подсознанием — и дала шанс Хозяину. Он снова овладел контролем, и ему открылась великая возможность. Атака Тиратект оставила ее беззащитной. Самые сильные барьеры вокруг трех ее элементов вдруг стали тоньше шкурки перезревшего плода. Свежеватель ринулся через эту пленку, впился в плоть ее разума, разбрасывая его вокруг своего. Те трое, что были ядром ее личности, останутся жить, но никогда у них уже не будет души, отдельной от его собственной.

Свежеватель-С-Булатом растянулся, будто без сознания, судороги его стихли. Пусть Булат считает его беспомощным. Это даст ему время придумать самое удачное объяснение.

Свежеватель-С-Ранголитом медленно встал на ноги, хотя оба его элемента еще были в позе замешательства. Он стянул их вместе. Здесь объяснения не были нужны, но лучше, если Разведчик не заподозрит душевной борьбы.

— Эти плащи — мощная штука, друг мой Ранголит. Иногда даже слишком.

— Да, господин.

Свежеватель позволил себе улыбнуться. Минуту он молчал, смакуя, что сейчас скажет. Нет, этой слабачки не было и тени. Это была ее последняя и самая сильная попытка захватить господство — последняя и самая большая ошибка. Улыбка Свежевателя расползлась, захватив и тех, которые были с Амдиджефри. Ему вдруг пришла в голову мысль, что Джоанна Олсндот — первая, кого он прикажет убить после возвращения на Скрытый Остров. Значит, Джоанна Олсндот будет первой кровью на трех из его морд.

— Еще одна работа для Опекуна, Разведчик. Устранение...

И пока он излагал подробности, тепло правильно принятого решения разливалось по всем его элементам.

35

Единственное, что было хорошего в ожидании, — оно давало раненым возможность оправиться. Теперь, когда Хранитель нашел путь через оборону свежевателей, все уже рвались снимать лагерь, но...

Последний день Джоанна провела в полевом госпитале. Он был разбит в виде прямоугольников шириной примерно в шесть метров каждый. В некоторых прямоугольниках были поставлены рваные палатки — они принадлежали раненым, которые сохранили достаточно разума, чтобы о себе позаботиться. Остальные были окружены просто изгородью, внутри каждой из них находился одиночный элемент, уцелевший от того, что было когда-то целой стаей. Синглеты могли легко перепрыгнуть изгородь, но не понимали этого и оставались внутри.

Джоанна тащила через госпиталь тележку с едой, останавливаясь около пациентов по очереди. Тележка была для нее великовата и иногда застревала между корнями в лесной подстилке. Но эту работу Джоанна могла выполнять лучше любой стаи, и ей было приятно приносить пользу.

В лесу около госпиталя раздавалось сопение керхогов, привязанных к осям фургонов, крики орудийных расчетов, привязывающих пушки и упаковывающих лагерное снаряжение. По картам, которые показал на совете Хранитель, было ясно, что следующая пара дней будет выматывающей — но в конце их они выйдут на высоту, господствующую над захваченными врасплох свежевателями.

Джоанна остановилась возле первой небольшой палатки. Тройка, лежавшая внутри, услыхала ее приближение и выскочила наружу, бегая вокруг тележки узкими кругами.

— Джоанна! Джоанна! — говорила тройка ее собственным голосом.

Это было все, что осталось от одного из младших стратегов Резчицы, — когда-то он знал самнорский. Это была шестерная стая, и половину ее элементов убили волки. То, что осталось, это был «говоритель», на уровне развития пятилетнего ребенка, хотя и с необычным запасом слов.

— Спасибо за еду. Спасибо. — Морды тройки ткнулись ей в руки. Она потрепала ее по головам, потом полезла в тележку и вытащила миски с тепловатым жарким. Двое сразу зарылись в него, а третий сел поболтать. — Я слышал, у нас скоро битва.

Увы, уже не для тебя...

— Да. Мы пойдем по высохшему водопаду к востоку отсюда.

— Ох-ох, — сказала тройка. — Ох-ох. Это *плохо*. Плохо видно, нет управления. Засады. Страшно.

Очевидно, этот фрагмент еще сохранил воспоминания о тактике. Но Джоанна никак не могла объяснить ему аргументы Хранителя в пользу этого пути.

— Ты не волнуйся, мы там пройдем нормально.

— Ты уверена? Ты обещаешь?

Джоанна ласково улыбнулась тому, что осталось от когда-то симпатичного парня.

— Да. Я обещаю.

— Ах. Хорошо. — И вся тройка погрузила морды в миски. Этому еще сильно повезло. Он проявлял интерес к окружающему. И что не менее важно, совершенно детский энтузиазм. Пилигрим сказал, что такие фрагменты могут восстановиться, если с ними хорошо обращаться достаточно долго, чтобы они могли выносить щенка или двух.

Джоанна протащила тележку еще на несколько метров к огороженному квадрату — корралю для синглета. Здесь в воздухе стоял слабый запах экскрементов. Некоторые синглеты и двойки потеряли простейшие гигиенические навыки; но все равно лагерная уборная была всего в ста метрах отсюда.

— Эй, Черныш! Черныш! — Джоанна постучала пустой миской по краю тележки. Из кустов в корнях высунулась единственная голова — иногда этот не реагировал даже и так. Джоанна встала на колени так, чтобы ее глаза были примерно на уровне черного лица. — Черныш?

Элемент выбрался из кустов и медленно подошел. Это было все, что осталось от одного из артиллеристов Тщательника. Джоанна слабо помнила эту стаю — красивая шестерка, все большие и быстрые. Но даже этот «Черныш» не был цел: упавшая пушка сломала ему задние ноги. И

лишенную ног заднюю часть он тянул на маленькой тележке с колесами в тридцать сантиметров и был похож на наездника, только с передними ногами. Джоанна толкнула к нему миску с варевом и издала звук, которому научил ее Странник. Черныш три дня отказывался от еды, но сегодня он подкатил поближе так, что она смогла погладить его по голове. Он тут же опустил морду в миску.

Джоанна улыбнулась удивленно и довольно. Этот госпиталь — странное место. Год назад оно привело бы ее в ужас; даже и сейчас она не могла относиться к раненым так, как Стальные Когти. Продолжая гладить опущенную голову Черныша, Джоанна оглядела лесную подстилку и неуклюжие палатки, пациентов и части пациентов. Да, это действительно был госпиталь. Хирурги старались спасать жизни, хотя их медицина была просто кромсанием и резанием без анестезии. В этом смысле она была похожа на средневековую медицину людей, которую Джоанна видела в Компьютере. Но у Стальных Когтей было и нечто иное. Госпиталь был похож на склад запасных частей. Медики интересовались здоровьем *стай.* Для них синглеты были просто запчастями, которые можно использовать для приведения в рабочее состояние фрагментов побольше, пусть и временно. *Раненые* синглеты на шкале медицинских приоритетов находились в самом низу.

— В этих случаях мало что осталось спасать, — объяснил ей один медик через Странника. — А если бы даже и было, хотела бы ты принять в себя изувеченного элемента?

Этот хирург слишком устал, чтобы заметить абсурдность своего вопроса. С его морд капала кровь, он уже часами работал, пытаясь спасать раненых элементов уцелевших стай.

А кроме того, большинство раненых синглетов прекращали есть и умирали максимум в течение декады. И даже после года, проведенного со Стальными Когтями, Джоанна не могла это полностью принять. Каждый синглет напоминал ей беднягу Описателя, и она хотела, чтобы им был предоставлен шанс получше, чем его последнему остатку. Она взяла на себя разноску еды и проводила с каждым из раненых синглетов не меньше времени, чем с остальными пациентами. Это себя оправдывало. Она могла подойти к каждому пациенту, не мешая звукам его мысли.

Ее помощь давала селекционерам возможность лучше присмотреться к фрагментам и синглетам и постараться составить стаи из обломков.

А теперь вот этот, быть может, не будет голодать. Надо будет рассказать Страннику. Он чудеса делал, составляя фрагменты, и он, кажется, единственная стая, разделяющая ее чувства к изувеченным синглетам. «Если они не голодают, это часто означает силу ума, — говорил он. — И даже изувеченные, они могут принести пользу стае. В моих странствиях меня увечили вдоль и поперек, и всегда был выбор, когда тебя урежут до тройки за тысячи миль от дома в незнакомой стране».

Джоанна поставила миску с водой рядом с кормом. Помедлив, искалеченный элемент повернулся на своих колесах и сделал несколько маленьких глотков.

— Держись, Черныш! Мы найдем тебе кого-нибудь, кем ты станешь.

Читиратт был там, где ему полагалось быть, патрулируя свой участок точно по расписанию. И все же он слегка нервничал и все время смотрел хотя бы одной головой на этого богомола, на Двуногую. В этой позе тоже не было ничего подозрительного. Ему полагалось выполнять здесь охранную службу, а это подразумевало — смотреть во всех направлениях. Он нервно перекладывал арбалет из челюстей в мешок и из мешка в челюсти. Еще несколько минут...

Читиратт еще раз обошел вокруг госпиталя. Служба здесь была нетрудной. Хотя здесь лес и не пострадал, пожары от суховея прогнали всех крупных зверей вниз по реке. В такой близости к воде земля поросла мягким кустарником, и вряд ли здесь можно было найти хоть одну колючку. Проход вокруг госпиталя — это было как прогулка в парке Города Резчиков. Вот несколькими сотнями ярдов к востоку работа была потруднее — подготовка фургонов и грузов к подъему на утес.

Фрагменты понимали, что что-то происходит. Там и сям высовывались головы. Они видели, как грузятся фургоны, слышали знакомые голоса друзей. Самые тупые рвались выполнять свой долг; ему даже пришлось загнать нескольких со здоровыми телами обратно в госпиталь. От

таких обломков пользы не может быть никакой. Когда армия пойдет на Маргамский подъем, госпиталь останется позади. Хотел бы Читиратт, чтобы у него тоже была такая возможность. Слишком долго он работал на Начальника, чтобы не догадаться, откуда на самом деле исходят приказы, и Читиратт подозревал, что мало кто вернется с Маргамского подъема.

Он повернул три пары глаз на богомола. Эта последняя работа была самой рискованной, в которой он когда-либо участвовал. Если это выйдет, можно будет, наверное, попросить Начальника оставить его при госпитале. *Только осторожнее, старик. Хранитель не стал бы тем, кем он есть, если бы не убирал за собой хвосты.* Читиратт видел, что сталось с тем хлыщом с востока, который слишком далеко сунул нос в дела Начальника.

Черт возьми, до чего же медленно движется человек! Около этого синглета она провозилась целых пять минут. Судя по тому, сколько она возле них торчит, можно подумать, она с этими обломками сексом занимается! Ладно, она за это близкое знакомство заплатит.

Несчастный случай, помни, несчастный случай. Все должно выглядеть как несчастный случай.

Ага. Двуногая собирает миски из-под еды и воды и складывает в тележку. Читиратт прошел по периметру госпиталя, расположившись на виду у двойки Кратци — которая фактически и выполнит убийство.

Кратциниссинари был пехотинцем, пока не потерял свой фрагмент Ниссинари. Ни с Начальником, ни со Службой Безопасности у него связи не было. Но он был известен как сумасшедшая стая сук, стая, которая всегда была на грани боевой ярости. Увечье до двух оставшихся элементов его смягчило. Для этой работы — что ж, Начальник сказал, что Кратци специально подготовлен, что это капкан, готовый щелкнуть. Все, что должен сделать Читиратт, — это дать сигнал, и эта парочка разорвет богомола на куски. Неимоверная трагедия. Конечно, Читиратт тут же окажется на месте — бдительный страж госпиталя. Он пронзит мозги Кратци двумя стрелами... но увы, слишком поздно, чтобы спасти Двуногую.

А она уже неуклюже перетаскивала свою тележку с едой в сторону Кратци — своего следующего пациента. Двойка вылезла из норы, произнося неразборчивые приветствия, которых даже Читиратт не понял. Но в них слышались полутона — ярость убийства, пробивавшаяся сквозь внешнее дружелюбие. Разумеется, богомол этого заметить не мог. Она остановила тележку, начала накладывать еду и наливать воду, все время что-то бурча этой двойке. Через миг она наклонится поставить миски...

У Читиратта мелькнула идея пристрелить богомола самому, если Кратци не сделает работу. Можно будет объявить это трагическим промахом. Вообще он Двуногую не любил. Какая-то она механическая, высокая, как башня, и двигается, как на пружинах. Он знал теперь, насколько она уязвима по сравнению со стаей, но страшно было даже думать об одиночном животном настолько умном.

Он прогнал искушение чуть ли не раньше, чем оно появилось. Страшно подумать, во что это ему обойдется, даже если поверят, что выстрел был случайным. Нет уж, таким альтруизмом он заниматься не будет, спасибо. Челюсти и когти Кратци должны сработать.

Одна из голов Кратци смотрела примерно в сторону Читиратта. Богомол взял миски, отвернулся от повозки с едой...

— Привет, Джоанна! Как жизнь?

Джоанна подняла глаза от миски и увидела Странника Викрэкшрама, который шел вдоль края госпиталя. Он подошел насколько мог близко, чтобы не мешать звуку мысли пациентов. Охранник, который остановился за минуту до его подхода, отошел на несколько метров дальше.

— Отлично! — крикнула она. — Помнишь того, с колесами? Сегодня он поел.

— Отлично. Я подумывал насчет него и той тройки на другом краю госпиталя.

— Раненый медик?

— Ага. Ты же знаешь, то, что осталось от Треллалака, — одни самки. Я послушал звуки мысли и...

Объяснения Странник давал на беглом самнорском, но для Джоанны они имели мало смысла. Селекция стай —

эта наука содержала столько понятий, для которых не было аналогов в языке людей, что даже Странник не мог их разъяснить. Одно было очевидно: поскольку Черныш — самец, был шанс, что у него и тройки, которая осталась от медика, появятся щенки достаточно быстро, чтобы связать группу. А остальное были непонятные разговоры о «резонансе настроений» и «переплетении слабых и сильных мест». Странник утверждал, что он в селекции стай всего лишь любитель, но интересно, что врачи — а иногда и сама Резчица — относились к его словам с почтением. В своих путешествиях он повидал многое, и предлагаемые им соединения «принимались» чаще, чем у всех других.

Джоанна махнула ему рукой — помолчи пока.

— Ладно, попробуем, как только я всех накормлю.

Странник склонил голову в сторону ближайших ячеек госпиталя.

— Что-то тут творится странное. Не могу прямо «ткнуть пальцем», но... смотри, все фрагменты в госпитале смотрят на тебя. Ты этого не чувствуешь?

Джоанна пожала плечами:

— Нет.

Она встала на колени — поставить миску с едой и водой возле двойки. Пара уже дрожала от нетерпения, хотя они вели себя вежливо и не перебивали. Краем глаза Джоанна заметила, что охранник госпиталя сделал странное движение вниз двумя средними головами, и...

Будто два огромных кулака ударили ее в лицо и в грудь. Она упала на землю, а они налетели сверху, и Джоанна заслонилась окровавленными руками от бьющих клыков и когтей.

Когда Читиратт подал сигнал, оба Кратци бросились — столкнулись в воздухе и почти случайно опрокинули богомола на спину. Их когти и зубы рвали воздух и друг друга не меньше, чем Двуногую. На секунду Читиратт застыл в удивлении. Может быть, она не мертва. Тут он опомнился и бросился через изгородь, на ходу натягивая и наводя арбалет. Может быть, первым выстрелом придется промахнуться — Кратци рвал богомола, но медленно...

И вдруг возможность стрелять в двойку пропала. Кратци и богомола захлестнула рычащая черно-белая волна. Каждый фрагмент со здоровыми телами рванулся в нападение. Это была мгновенная ярость боя, куда более дикая, чем могла бы овладеть полной стаей. Читиратт отскочил в удивлении перед этим зрелищем и его шумом мысли.

Казалось, даже пилигрима это захватило — стая пробежала мимо Читиратта и закружила вокруг свалки. Странник не прыгнул в самую гущу, но хватал здесь и там, выкрикивая слова, терявшиеся в общем гаме.

Из своры вырвался всплеск шума координированной мысли такой силы, что Читиратт в двадцати ярдах от свалки был оглушен. Свора, казалось, съежилась, почти все ее элементы оставило безумие. Что казалось единым зверем с двумя дюжинами тел, вдруг стало перепуганной и окровавленной кучей случайно собранных элементов.

Пилигрим все еще бегал по краю, как-то сохраняя разум и цель. Его здоровенный элемент со шрамами нырял в оставшуюся кучу, отшвыривая когтями всех, кто еще лез в драку.

Пациенты отползали от места действия. Некоторые, влетевшие в виде троек, отползали парами или синглетами. Другие, казалось, увеличили численность. Земля пропиталась кровью. Не менее пяти элементов были мертвы. Около середины места схватки лежали два колеса-протеза.

Странник не обратил на все это внимания — все четверо его элементов стояли вокруг и над кровавой кучей в центре.

Читиратт улыбнулся про себя. *Раздавленный богомол.* Надо же, какая трагедия.

Джоанна не успела потерять сознание, но боль и удушающая тяжесть десятков тел начисто отшибли всякую мысль. Потом давление ослабло. Где-то сквозь гвалт слышались крики нормальной речи стай. Джоанна посмотрела вверх и увидела, что вокруг нее стоит Странник. Над ней наклонился Шрамозадый, приблизив морду. Лизнул ее в лицо. Джоанна улыбнулась и попыталась заговорить.

Хранитель устроил так, что находился в это время на совещании с Тщательником и Резчицей. Как раз сейчас

«Начальник Артиллерии» пустился в тактические тонкости, с помощью Компьютера показывая схемы боя у Маргамского подъема.

Снизу от реки донесся шквал яростных воплей.

Тщательник поднял недоумевающие глаза от Розового Олифанта:

— Что за черт...

Шум продолжался — это явно была не мелкая стычка. Хранитель и Резчица обменялись тревожными взглядами, одновременно вытягивая шеи, чтобы посмотреть сквозь ряды деревьев.

— В госпитале дерутся? — спросила королева.

Хранитель бросил доску, на которой делал записи, и бросился от места совещания, крикнув местным охранникам, чтобы охраняли королеву. И побежал через весь лагерь, видя, что патрулирующие охранники уже сбегаются к госпиталю. Все шло гладко, как программа в Компьютере... только откуда столько шума?

На последних сотнях ярдов Тщательник обогнал его и побежал вперед. Он влетел в госпиталь и затормозил, охваченный внезапным ужасом. Хранитель бросился на открытое место, готовый демонстрировать собственное ошеломление, но одновременно — решительность и готовность к действиям.

Странник Викрэкшрам стоял возле тележки с едой, а невдалеке от него — Читиратт. Пилигрим наклонился над Двуногой, лежащей среди следов бойни. *Ради Стаи Стай, что тут случилось?* Слишком много крови вокруг.

— Все назад, кроме врачей! — рявкнул Хранитель на солдат, столпившихся у края госпиталя. Потом прошел по тропе, обходя пациентов с самым сильным шумом мысли. Было много свежих ран, и темные пятна крови на бледных стволах деревьев. Что-то пошло не по плану.

А тем временем Тщательник обошел вокруг края госпиталя и стоял всего в дюжине ярдов от Странника. Он почти весь смотрел на землю у ног Викрэкшрама.

— Это же Джоанна! Джоанна!

Казалось, еще минута — и этот идиот перепрыгнет через изгородь.

— Кажется, она не пострадала, Тщательник, — сказал Викрэкшрам. — Она тут кормила одну двойку, а та вдруг сошла с ума — и напала.

Один из докторов осматривал место бойни. На земле лежало три трупа, и крови хватило бы еще на несколько.

— Интересно, что она сделала такого, что их спровоцировало?

— Говорю тебе, ничего! Но когда она упала, половина госпиталя набросилась на этих-как-их-звали. — Викрэкшрам ткнул носом в сторону неразличимых остатков.

Хранитель глянул на Читиратта, видя в то же время приближение королевы.

— Солдат! Что здесь произошло?

Не подведи, Читиратт.

— В-все как говорит этот пилигрим, господин. Я никогда ничего подобного не видел.

Он явно был ошеломлен.

Хранитель подошел чуть ближе.

— Странник, ты не позволишь мне взглянуть?

Странник засомневался. Он все время обнюхивал девочку двумя-тремя мордами, ища раны, которые требуют немедленного внимания. Девочка слабо кивнула, и он отошел.

Хранитель подошел, серьезный и озабоченный. А внутри у него кипела злость. Он никогда о таком даже не слышал. Но пусть даже весь этот чертов госпиталь бросился ей на помощь, ей все равно полагалось бы быть мертвой — эта пара Кратци могла перервать ей горло за полсекунды. Казалось, его план защищен от ошибок (и даже теперь его провал не причинит вреда), но до него начало доходить, что было неверно. Этот человек был четыре дня в контакте со всеми пациентами, даже с Кратци. Ни один доктор-стая не мог подойти к ним и коснуться их, как эта Двуногая. Этот эффект ощущали даже целые стаи, а для фрагментов он должен был быть необоримым. В своей внутренней душе эти фрагменты ощущали чужака как свою часть.

Хранитель глядел на Двуногую с трех сторон, осознавая, что за каждым его движением следят глаза пятидесяти стай. Очень мало крови принадлежало самой Двуногой. Повязы на ее руках и шее были длинными, но неглубоки-

ми — случайные удары. В последнюю минуту внушенная Кратци ненависть спасовала перед ощущением двуногой как части самого себя. Даже теперь быстрый взмах передней лапы мог бы вскрыть горло Двуногой. Хранитель быстро прикинул возможность поместить ее под медицинский контроль Тайной Стражи. Этот трюк сработал с Описателем, но сейчас он был крайне рискованным. Странник очень тщательно осмотрел Джоанну и крайне подозрительно отнесется к любым заявлениям о «неожиданных осложнениях».

Нет. Что ж, даже хорошие планы иногда дают осечку. Будем считать это новым опытом.

Он улыбнулся девочке и заговорил по-самнорски:

— Сейчас тебе не грозит никакая опасность.

В данный момент и к большому моему сожалению.

Голова человека повернулась в сторону и посмотрела в сторону Читиратта.

Тщательник бегал вдоль изгороди туда-сюда так близко, что Читиратту и Страннику пришлось податься назад.

— Не верю! — громко заявил артиллерист. — Самая важная персона нашего лагеря подвергается такому нападению! Это пахнет диверсией врага!

— Но как? — булькнул ему Странник.

— Не знаю! — Голос Тщательника сорвался на отчаянный крик. — Но ей нужна защита не меньше, чем уход! Хранитель должен найти для нее безопасное место.

На Странника этот аргумент явно подействовал, но почему-то стая занервничала. Он склонил одну голову в сторону Хранителя и произнес с необычной для себя уважительностью:

— Что ты об этом думаешь, Хранитель?

Хранитель, разумеется, наблюдал за Двуногой. Интересно, насколько мало люди способны скрывать направление своего внимания. Она сначала смотрела на Читиратта, а теперь — на Хранителя, и ее бегающие глазки сузились. За прошлый год Хранитель проделал большую работу по изучению выражения лица людей — на примере Джоанны и персонажей из Компьютера. И знал, что она что-то заподозрила. И, возможно, частично поняла речь Тщательника. Спина ее выгнулась, она попыталась поднять руку. К

счастью для Хранителя, вместо крика у нее вышел шепот, который даже он едва расслышал.

— Нет! Это... как Описатель...

Хранитель был стаей, умевшей строить планы заранее. Но еще он знал, что самые лучшие планы приходится менять по обстоятельствам. Посмотрев на Джоанну, он улыбнулся как мог дружелюбнее. Слава создателю, Резчица со своим хромым застряла на той стороне лагеря. Кивнув Страннику, Хранитель собрал себя потеснее.

— Боюсь, что Тщательник прав. Как это сделать, я пока не знаю, но попробовать можно. Отнесем Джоанну в мое логово. Сообщите королеве.

Он снял со спин плащи и начал бережно оборачивать девочку для последнего в ее жизни путешествия. Только глаза ее могли еще возразить.

Джоанна приходила в себя и вновь впадала в забытье, ужасаясь собственной неспособности выкрикнуть вслух свои опасения. Самый громкий ее крик выходил еле слышным шепотом. Ноги и руки могли только слабо дергаться, и даже эти движения поглощали наложенные Хранителем пелены. «Возможно, сотрясение мозга», — всплыли откуда-то абсурдные в своей рациональности слова. Все казалось так далеко, так темно...

Джоанна очнулась в своей комнате в у Резчицы. Какой страшный сон! Будто она была изрезана, лишена способности двигаться да еще думала, будто Хранитель — предатель. Она попыталась сесть, но не смогла шевельнуться. Чертовы простыни, совсем обкрутили вокруг. Секунду она лежала неподвижно, все еще не в силах понять, где сон, а где явь. Она попыталась позвать Резчицу, но изо рта вылетел только тихий стон. Какой-то элемент тихо пошевелился у очага. Свет в комнате был тусклый и какой-то не такой. Джоанна лежала не на своем обычном месте. Какая-то странная вялость навалилась на нее; она попыталась сориентироваться в темных стенах... Забавно — потолок ужасно низко. И все пахнет сырым мясом. Очень болела щека, и на губах был вкус крови. Она не у Резчицы, и этот сон был...

Неподалеку маячили силуэты трех голов элементов. Одна придвинулась, и в тусклом свете мелькнул знакомый черно-белый узор.

Хранитель.

— Отлично, — сказал он. — Ты очнулась.

— Где я?

Слова шли вяло и нечетко. Ужас сна вернулся.

— В заброшенной хижине батрака у восточного конца лагеря. Я ее занял для себя. Как логово для Тайной Стражи.

Он говорил по-самнорски спокойно и бегло, одним из голосов Компьютера. В одной паре челюстей у него был кинжал, поблескивающий в полумраке.

Джоанна извивалась внутри связанных плащей и кричала шепотом. Что-то мешало в горле, будто она пыталась говорить без выдоха.

Один из элементов Хранителя оббегал хижину поверху. Свет выхватывал его морду из тьмы, когда он пробегал мимо одной, а потом другой прорезанных в бревнах узкой щели.

— А хорошо, что ты не притворяешься. Я вижу, что ты как-то догадалась о моей... другой службе. Хобби, так сказать. Но крик — даже в голос — тебе все равно не поможет. У нас мало времени на болтовню. Я уверен, королева скоро придет тебя навестить... а я тебя убью как раз перед ее приходом. Какая жалость — оказалось, твои скрытые раны были смертельны...

Джоанна не все понимала, что он говорит. Каждый раз, когда она шевелила головой, перед глазами все расплывалось. Даже сейчас она еще не могла вспомнить в деталях, что случилось там, в госпитале. Как-то выходило, что Хранитель — предатель, но как? Память ускользала.

— Это ты убил Описателя? Зачем?

Голос Джоанны стал чуть громче, и она закашлялась, поперхнувшись струйкой крови.

Тихий *человеческий* смех раздался вокруг нее.

— Он узнал обо мне правду. Даже смешно, что этот недотепа единственный меня раскусил... или ты хотела спросить «зачем?» в более широком смысле? — Три морды придвинулись ближе, и клинок в одной паре челюстей потрепал Джоанну по щеке. — Бедняжка двуногая, я не знаю, способна ли ты вообще это понять. Частично, быть может,

волю к власти. Я читал в Компьютере, что там говорится о мотивах поведения людей, весь этот «фрейдизм». Мы, Стальные Когти, куда сложнее. Я почти весь из самцов, ты это знаешь? Это опасно — быть целиком одного пола. В этом таится безумие. Но так я решил. Мне надоело быть средней руки изобретателем и жить в тени Резчицы. Хотя многие из нас — ее порождения и она доминирует над нами всеми. Ты знаешь, она была довольна моим уходом в Тайную Стражу. У нее не было подходящей комбинации элементов для ее начальника. И она решила, что наличие в стае только одной самки сделает меня управляемо отклоненным.

Его часовой элемент еще раз обошел щели окон. Снова раздался человеческий смешок.

— Свои планы я строил давно. И я выступил не только против Резчицы. Сильная сторона ее души рассеяна по всему этому северному берегу — Свежеватель старше меня на столетие, Булат — новый, но ему принадлежит империя, которую построил Свежеватель. А я сделал себя незаменимым для них для всех: я начальник Тайной Стражи Резчицы — и самый ценный шпион Булата. Если я правильно разыграю карты, мне достанется Компьютер, а все остальные будут мертвы.

Лезвие снова потрепало ее по щеке.

— А ты думаешь, ты сможешь мне помочь? — Он всматривался в ее охваченные ужасом глаза. — Очень сомневаюсь. Сработал бы мой первоначальный план — ты бы уже была мертва. — По комнате разнесся вздох. — Но он не сработал, и придется мне резать тебя самому. Может быть, это и к лучшему. Компьютер — кладезь информации обо всем на свете, но он еле упоминает даже о существовании пытки. Ваша раса в некотором смысле очень хрупка, вас очень легко убить. Вы умираете раньше, чем будет расчленен ваш разум. Но я знаю, что вы можете ощущать и боль, и страх — все дело в том, чтобы применить силу, не убивая.

Трое его элементов развалились поудобнее, как человек, устраивающийся для серьезного разговора.

— И есть вопросы, на которые у тебя могут быть ответы, вопросы, которых я раньше не мог задать. Булат очень уверен в себе, и это не потому, что у него есть я в тылу

Резчицы. У этой стаи есть какое-то другое преимущество. Это может быть другой Компьютер?

Хранитель замолчал. Джоанна молчала, наполовину от страха, наполовину из упрямства. Это чудовище убило Описателя.

Морда с ножом просунулась между одеялом и кожей Джоанны, и руку девочки пронзила боль. Она вскрикнула.

— Ага! Компьютер говорил, что человеку в этом месте больно. Но на этот вопрос ты можешь не отвечать, Джоанна. Ты знаешь, в чем, по-моему, секрет Булата? Я думаю, выжил кто-то из твоей семьи, скорее всего маленький брат — судя по тому, что ты рассказывала о резне.

Джефри жив? Джоанна на секунду забыла страх, даже почти забыла боль.

— Откуда...

Хранитель пожал плечами.

— Ты ведь не видела его мертвым. Можешь быть уверена, что Булат хотел иметь живого Двуногого, а после того, что я прочел об анабиозе в Компьютере, я сомневаюсь, что он мог оживить кого-нибудь из других. А *что-то* у него есть. Он был рад информации Компьютера, но ни разу не потребовал, чтобы я украл для него само устройство.

Джоанна закрыла глаза, отвергая само существование стаи-предателя. *Джефри жив!* На нее нахлынули воспоминания — радостная игривость брата, его детский плач, его доверчивая храбрость по отношению к сбежавшему кораблю... все, что она считала навек потерянным. И это все показалось ей более реальным, чем резня и насилие последних нескольких минут. Но какая помощь свежевателям от Джефри? Остальные компьютеры наверняка сгорели. *Должно быть что-то еще, чего Хранитель не видит.*

Хранитель схватил ее за подбородок и встряхнул:

— Открой глаза! Я научился в них читать и теперь должен видеть... Хм, не знаю, веришь ты мне или нет. Но это не важно. Было бы время, я бы узнал от тебя, что мог мальчик сделать для Булата. Но есть другие, более острые вопросы. Ясно, что Компьютер — ключ ко всему. Меньше чем за полгода я, Резчица и Странник узнали колоссально много о твоей расе и цивилизации. Я не побоюсь сказать, что мы лучше тебя знаем твой народ. Когда кончится зава-

руха, победителем станет стая, владеющая Компьютером. И этой стаей собираюсь быть я. И вот я часто думал, есть ли там еще пароли или программы, которые я мог бы использовать для соблюдения собственной безопасности...

Пароль для взрослого.

Смотрящие головы качнулись — аналог улыбки.

— Ага, значит, такая вещь есть! Может быть, сегодняшняя неудача и к лучшему. А то я никогда бы и не узнал...

Его голос сломался в диссонансе, и еще два его элемента подскочили к подоконникам. А рядом с ее ухом тихий голос продолжал говорить:

— Это Странник, он идет сюда, но сейчас еще далеко... не знаю. Куда надежнее, если бы ты была мертва. Одна глубокая рана в незаметном месте... — Нож скользнул под одеяло. Джоанна тщетно старалась выгнуться, уходя от острия. Потом лезвие убралось. — Послушаем, что хочет сказать Странник. Нет смысла тебя убивать, если он не настаивает на встрече с тобой.

Настала тишина, только хруст лап по гравию рядом с хижиной. Потом раздался громкий призыв на языке стай. Джоанна сомневалась, что когда-нибудь научится различать стаи по голосам, но... как-то спотыкаясь, ее разум пробирался через эти аккорды, которые были словами, наваленными друг на друга.

Джоанна!

Что-то вопросительное

Скрип безопасно?

Хранитель булькнул в ответ:

Привет, Странник Викрэкшрам!

Джоанна *неразборчиво*

Без видимых повреждений

Что-то печальное слабость.

— А теперь он спрашивает, нужна ли мне медицинская помощь, и если он будет настаивать... наша беседа прервется рано.

Но единственным ответом Странника был хор озабоченных и сочувственных голосов.

— Этот идиот просто тут расселся, — раздраженно прошипел Хранитель.

Минуту длилась тишина, и вдруг человеческий голос Странника, голос Весельчака из Компьютера, произнес:

— Только не делай глупостей, старина Хранитель.

Хранитель испустил звук вежливого удивления — и сомкнулся вокруг Джоанны. Его нож ткнулся на сантиметр между ее ребрами — укол боли. Она чувствовала, как дрожит клинок, чувствовала дыхание элемента на своей окровавленной коже.

Странник продолжал уверенным и знающим голосом:

— Я имею в виду — мы знаем, что ты задумал. Твоя стая в госпитале раскололась на кусочки и все, что знала, выложила Резчице. Неужели ты думал, что *она* поверит твоей лжи? Если Джоанна умрет, от тебя останутся кровавые ошметки. — Странник загудел зловещим тоном компьютера: — Я ее хорошо знаю, королеву. Она такая утонченная стая... но откуда, ты думаешь, взялась у Свежевателя его жестокая фантазия? Убей Джоанну — и ты узнаешь, насколько гений королевы превосходит Свежевателя.

Нож отодвинулся. Еще один элемент Хранителя прыгнул к оконным щелям, а двое около Джоанны ослабили хватку. Он мягко провел лезвием по ее коже. Задумался? Действительно королева так грозна? Четверо у окон смотрели во все стороны — несомненно, Хранитель подсчитывал стаи охранников и лихорадочно думал. Когда он заговорил, ответ прозвучал по-самнорски:

— Угрозе больше веришь, когда слышишь ее не из вторых рук.

Странник коротко засмеялся.

— Правда. Но мы подумали, что случится, если она приблизится. Ты ведь парень осторожный, и ты немедленно убил бы Джоанну и выложил бы кучу лживых объяснений, еще не узнав, что королеве все известно. А когда к тебе хромает бедный пилигрим... Я знаю, ты считаешь меня дураком, вторым после бедняги Описателя Джакерамафана. — Странник запнулся на этом имени и на секунду утратил свой небрежный тон. — Как бы там ни было, теперь ты знаешь ситуацию. Если сомневаешься, пошли своих охранников за опушку и посмотри, как тебя окружила королева. Смерь Джоанны — это твой верный конец. Кстати, я надеюсь, наш разговор имеет смысл?

— Да. Она жива. — Хранитель вытащил кляп изо рта Джоанны. Она закашлялась и повернула голову. По щекам ее текли слезы.

— Странник, Странник! — Эти слова оказались чуть громче шепота. Она судорожно, с болью, вдохнула, сосредоточилась на создании звука. — Привет, Странник!

— Привет, Джоанна! Он тебя не ранил?

— Немного. Я...

— Хватит. Она жива, Странник, но это легко исправить.

Однако Хранитель не стал вставлять кляп обратно. Джоанна видела, как он нервно терся головами, бегая по кругу вдоль стен хижины. Что-то он визгнул насчет «патовой ситуации».

— Говори по-самнорски, Хранитель, — ответил Странник. — Я хочу, чтобы Джоанна понимала — а ты и на самнорском можешь вилять не хуже, чем на языке стай.

— Как хочешь, — небрежно сказал предатель, но его элементы все так же нервно бегали. — Королева должна понимать, что у нас положение тупиковое. Конечно, я убью Джоанну, если мне не будет гарантировано должное обращение. Но и тогда Резчица не сможет себе позволить меня тронуть. Ты понимаешь, какую западню поставил Булат на Маргамском подъеме? Только я знаю, как ее избежать.

— Подумаешь! Я все равно не собирался идти на Маргамский подъем.

— Да, но ты не в счет, пилигрим. Ты же всего лишь свора дворняг. А Резчица поймет, насколько опасна эта ситуация. У войск Булата как раз все преимущества, которые я за ними отрицал, и я передавал им все, что мог узнать из Компьютера.

— Мой брат жив, Странник! — сказала Джоанна.

— А! Ну, ты чемпион среди предателей, Хранитель. Все, что ты нам говорил, было ложью, а Булат знал о нас всю правду. И ты думаешь, что из-за этого мы не посмеем тебя убить?

Послышался смех, и бег Хранителя остановился. *Он считает, что становится хозяином положения.*

— Более того, вам понадобится помощь меня как целого, всех моих элементов. Видишь ли, я преувеличил число агентов противника в войсках Резчицы, но у меня их при-

лично — а Булат наверняка внедрил еще нескольких, о которых я не знаю. Арестуйте меня — и это узнает армия Свежевателя. Все, что я знаю, станет для вас бесполезным — а на вас обрушится немедленная и сокрушающая атака. Так что видишь? Я нужен королеве.

— А откуда нам знать, что это не очередная ложь?

— Проблема, правда? И сравнима она только с задачей: как будет гарантирована моя безопасность, когда я спасу экспедицию. И это все не для твоего дворняжьего ума. Мы должны поговорить с Резчицей, и поговорить где-нибудь в безопасном для нас обоих месте, невидимые. Так что пойди и скажи ей это. Она не сможет содрать шкуры с предателя, но если будет с ним сотрудничать, то, может быть, спасет свои.

Снаружи воцарилось молчание, прерываемое только вскриками зверушек в деревьях неподалеку. И вдруг Странник засмеялся:

— Дворняжий ум? Знаешь, в одном ты меня достал, Хранитель. Я обошел весь мир, я помню все на полтысячи лет назад, но из всех негодяев, предателей и гениев тебе принадлежит рекорд по бесстыдной наглости.

Хранитель ответил коротким аккордом на языке стай, непереводимым, но выражающим грубое удовольствие:

— Польщен.

— Ладно, я передам твои требования королеве. Надеюсь, у вас хватит ума до чего-то договориться вдвоем... Только еще одно: королева требует, чтобы Джоанна пошла со мной.

— Королева требует? Больше похоже на твою дворняжью сентиментальность.

— Возможно. Но это покажет, что ты искренен в своей самоуверенности. Рассматривай это как *мою* цену за сотрудничество.

Хранитель повернулся к Джоанне всеми головами и долго на нее смотрел. Потом в последний раз оглядел окна.

— Ладно, забери ее. — Два его элемента прыгнули к двери хижины, а два других подтащили к ней Джоанну. Его тихий голос прозвучал возле ее уха. — Проклятый пилигрим. Пока ты жива, ты мне только будешь пакостить у королевы. Лучше не делай этого. Я собираюсь из этого дела вылезти, не утратив власть.

Он поднял дверь, и в лицо Джоанне ударил ослепительный дневной свет. Она сощурилась, мимо нее пронеслись ветви и стена хижины. Хранитель тянул и выталкивал носилки с Джоанной на лесную подстилку, одновременно крича охранникам, чтобы оставались на месте. Потом они со Странником вежливо поговорили, выясняя, когда Странник вернется.

Хранитель один за другим скрылся за дверью хижины. Странник подскочил и схватился за ручки впереди носилок. Один из щенков высунул нос из куртки и обнюхал ее лицо:

— Ты цела?

— Не знаю. Меня стукнуло по голове... и дышать трудно.

Странник ослабил одеяла вокруг ее груди, а остальные его элементы тем временем тянули ее прочь от хижины. Тень леса была густой и мирной, и... охранники Хранителя стояли здесь и там вдоль всего лагеря. Сколько же из них предателей? Еще два часа назад Джоанна искала их защиты. Теперь же от каждого их взгляда ее пронимала дрожь. Она откатилась на середину носилок, снова закружилась голова, и она глядела в мелькание листьев, ветвей и клочков голубого неба. Какие-то зверьки вроде древесных белок Страума гонялись в ветвях друг за другом и стрекотали, будто ссорились.

«Забавно. Почти год назад меня тянули Странник и Описатель, и я всего боялась, и их тоже».

А теперь... Так приятно было увидеть кого-то другого. Даже Шрамозадый рядом с ней был силой, вселявшей уверенность.

Волны страха потихоньку стихали. Остался гнев, такой же сильный, хотя более осмысленный, как год назад. Теперь она *знала*, что с ней случилось, действующие лица — не чужие, предательство — не случайное убийство. И после всех предательств Хранителя, после всех его убийств и планов погубить всех — он уйдет свободным! А Странник и Резчица будут на это спокойно смотреть!

— Он убил Описателя, Странник! Он убил Описателя... — *Разрезал его на куски, а то, что осталось, убил прямо у нас в руках.* — И Резчица собирается отпустить его на свободу? Да как вы можете!

Ее снова душили слезы.

— Тс, тс. — Две головы Странника появились у нее в поле зрения. Они посмотрели на нее, потом оглянулись почти нервно. Она протянула руку, коснувшись плюшевой шерсти. Странник дрожал! Один его элемент нагнулся ближе, и голос его совсем не звучал бойко. — Я не знаю, что будет делать королева, потому что она ничего об этом не знает.

— Как?

— Тс. — И голос его стал просто жужжанием у нее в руке. — Его стаи все еще нас видят. Он еще может все сообразить. Знаем только ты и я, Джоанна. Я не думаю, что еще кто-нибудь догадался.

— Но эта стая, которая созналась...

— Все блеф. Я много совершил безумных авантюр в свое жизни, но эта идет сразу за тем, как мы с Описателем подбирались к твоему кораблю... Как только Хранитель тебя унес, я стал думать. Ты не была тяжело ранена. И это было очень похоже на случай с Джакерамафаном, но у меня не было доказательств.

— И ты никому не сказал?

— Нет. Глуп оказался, как бедняга Описатель, правда? — Его головы глядели во все стороны. — Если я был прав, он оказался бы достаточно глуп, чтобы не убить тебя сразу. Я так боялся, что опоздаю...

И опоздал бы, не будь Хранитель таким чудовищем, каким, как я теперь знаю, он является.

— В общем, я узнал правду, как бедняга Описатель — почти случайно. Но если мы уйдем еще на семьдесят метров, мы не умрем, как он. И все, что я сказал Хранителю, окажется правдой.

Она потрепала его ближайшее плечо и оглянулась. Хижина и кольцо стражей скрылись за лесной опушкой.

...И Джефри жив!

Шифр: 0
[95 зашифрованных пакетов отброшены без рассмотрения]
Получено: Борт «Ульвиры»
От: Зонографический образ

[Кооперация (или религиозный орден) в Среднем Крае, ведущаяся по подписке несколькими тысячами цивилизаций Среднего Края, в частности теми, которым угрожает поглощение]

Тема: Обновление бюллетеня Волны и опрос

Рассылка: Подписчики Зонографического образа

Группа «Изучение зонометрии»

Группа «Угрозы», подгруппа: «Участники навигационного опроса»

Дата: 1087892301 секунда с момента События Калибровки 239011 в формате Зонографического образа

[66,91 день от крушения Сьяндры Кеи]

Ключевые фразы: событие галактического масштаба, сверхсвечение, объявление о чрезвычайной ситуации

Текст сообщения:

(Просьба в любом ответе на вопрос указать точное местное время.)

Если вы получили данный текст, то вы знаете, что огромная волна схлынула. Новая поверхность Зоны оказалась устойчивой фрактальной поверхностью низкой размерности в пределах от 2,1 до 2,3. В новой конфигурации не менее пяти цивилизаций оказались в ловушке. Несколько новых солнечных систем вышли в Край. (Подписчики могут найти соответствующие данные в шифрованных приложениях к данному бюллетеню.)

Изменения соответствуют тому, что обычно наблюдается за период в два года по всей галактической поверхности Медленной Зоны. Однако данный всплеск наблюдался за период менее ста часов и менее чем на одной тысячной доле указанной поверхности.

Даже приведенные цифры не описывают масштаб данного явления. (Далее приводятся лишь приблизительные оценки, поскольку уничтожено множество сайтов наблюдения, а приборы остальных не были откалиброваны на слежение за событием такого масштаба.) В максимуме прилив достиг высоты 1000 световых лет над Стандартной Поверхностью Зоны. Скорость подъема превысила тридцать миллионов скоростей света (примерно один световой год в секунду) и сохраняла такие значение более 100 секунд. Сообщения от подписчиков показывают, что данная Волна явилась непосредственной причиной смерти более десяти миллиардов разумных существ (отказы локальных сетей, отказы сетей, приводящие к коллапсу среды, медицинскому коллапсу, транспортным катастрофам, отказу систем безопасности). Сообщаемый экономический ущерб намного больше.

Наибольшую важность представляет вопрос о том, чего мы можем ожидать от хвостовых волн. Наш прогноз основан на показаниях сайтов с приборами и зонометрических наблюдениях, а также на исторических данных из наших архивов. Если не считать расчетов долговременных тенденций, прогноз изменений Зон никогда не был по-настоящему научным, но мы всегда могли точно предсказывать нашим подписчикам поведение хвостовых волн и идентифицировать новые доступные миры. К сожалению, сложившаяся ситуация делает всю нашу предыдущую работу бесполезной. Наша точная документация охватывает последние десять миллионов лет. Волны, распространяющиеся быстрее света, случаются каждые двадцать тысяч лет (обычно со скоростью 7,0 световых). Ничего, подобного масштабам данного явления, за этот срок не зафиксировано. Волны, подобные только что наблюденной, описаны со слов третьих лиц в старых и переполненных базах данных: подобное явление случилось в галактике Скульптора около пятидесяти миллионов лет назад. В нашей Галактике, возможно, Рукав Персея испытал нечто подобное около пятисот миллионов лет назад.

Такая неопределенность делает выполнение нашей Миссии почти невозможным, и это является важной причиной для рассылки данного сообщения по зонометрическим и другим группам: все, кто интересуются зонометрией и навигацией, должны объединить свои ресурсы для решения этой проблемы. Новые идеи, доступ к архивам, алгоритмы — все это может оказаться полезным. Мы обещаем значительную помощь тем, кто не является нашим подлисчиком, и предлагаем адекватный обмен информацией тем, у кого она есть. Замечание: мы адресуем это сообщение также оракулу Свндвп и направляем его прямым лучом в те точки Перехода, которые предполагаем обитаемыми. Наверное, событие такого масштаба представляет интерес даже там? Мы обращаемся к Силам Наверху: позвольте нам передать вам все, что мы знаем. Дайте нам какой-нибудь намек, если у вас есть мысли насчет этого события.

Для демонстрации нашей доброй воли мы дальше приводим оценки, имеющиеся у нас на данный момент. Они основаны на наивном масштабировании документированных всплесков, наблюдавшихся в данном регионе. Подробности приводятся в нешифрованном приложении к данному сообщению.

В течение следующего года будут пять или шесть хвостовых волн уменьшающейся высоты и скорости. За это время еще не

менее двух цивилизаций (см. список цивилизаций в зоне риска) будут, вероятно, поглощены постоянно. Штормовые условия на поверхности Зоны будут наблюдаться и после прохождения хвостовых волн. Навигация в регионе [приводятся координаты] будет в это время крайне опасной, мы рекомендуем приостановить доставку грузов в данный регион. Сроки, вероятно, слишком малы, чтобы предложить реальный план спасения цивилизаций в зоне риска. Наш долговременный прогноз (возможно, имеющий наименьшую степень неопределенности по сравнению со всем остальным): на постоянном сжатии границ Зон, идущем многие миллионы лет, это событие не скажется никак. Однако в ближайшие несколько сот тысяч лет будет наблюдаться замедление сжатия границы Медленной Зоны в данной части Галактики.

И наконец, философское замечание. Мы, участники Зонографического образа, наблюдаем границу Зоны и орбиты пограничных звезд. По большей части изменения Зон происходят медленно: 700 метров в секунду в процессе долговременного сжатия. Однако эти изменения вместе с орбитальным движением затрагивают каждый год миллиарды живых существ. Как ледники и их дрейф сказывались на жизни населений миров дотехнической эпохи, так и эти долговременные изменения сказываются на нашей жизни. Штормы и всплески — это трагедии, вызывающие почти мгновенную смерть некоторых цивилизаций. Но они нам не подвластны, как и более медленные изменения. В последние несколько недель некоторые группы новостей были переполнены разговорами о войне и боевых флотах, о миллиардах погибших в межвидовых столкновениях. Всем им — и тем, кто живет более мирно вокруг них, — мы говорим: оглянитесь на Вселенную. Ей все равно, и какова бы ни была наша наука, есть катастрофы, которых нам не отвратить. И зло, и добро ничтожны перед лицом Природы. Мы лично видим в этом утешение — есть Вселенная, которой можно восхищаться, которую нельзя склонить ни к злу, ни к добру, которая просто *есть*.

Шифр: 0

Получено: борт «Ульвиры»

Языковый путь: Арбвит — Торгяз-24 — Чергелен — Трисквелин, СК: Устройства трансляции

От: Твирлипы туманов [Возможно, организация летающих в облаках в отдельной юпитероподобной системе. Более ранние сообщения очень редки]

Тема: Причина недавней Великой Волны
Рассылка: Группа «Изучение Погибели»
Дата: 66,47 дней от крушения Сьяндры Кеи
Ключевые фразы: Неустойчивость Зон и Погибель
Гексаподия как ключевая идея
Текст сообщения:

Прошу прощения, если я повторю очевидные выводы. Мой единственный выход на Сеть обходится очень дорого, и я мог пропустить важные сообщения. Наблюдаемая в данный момент Великая Волна является по всем параметрам явлением космического масштаба и редкости. Кроме того, судя по другим сообщениям, ее эпицентр находится всего в шести тысячах световых лет от места недавней войны, связываемой с Погибелью. Может ли это быть простым совпадением? Как давно предполагают теоретики [цитаты из различных источников, три из которых «Ульвире» неизвестны; цитируемые теории давно существуют и неопровергаемы], сами по себе Зоны могут быть созданы искусственно, может быть, какой-то силой за Переходом для защиты низших форм или [гипотетически] разумных газовых облаков в ядрах галактик.

Сейчас впервые в истории Сети появилась разумная форма — Погибель, — которая может эффективно доминировать над Краем. Многие участники Сети [цитаты из Хансе и Разведки Сандора] считают, что она ищет нечто искусственно созданное возле Дна Края. Удивительно ли, что это могло нарушить Естественное Равновесие и вызвать недавнее Событие?

Прошу вас написать мне и высказать свое мнение. Я получаю мало почты.

От: Союз Обороны [Объявляет себя союзом пяти многовидовых империй в Крае ниже Страумского царства. До крушения Царства неизвестен. Многочисленные противоречащие заявления (в том числе от «Внеполосного») утверждают, что этот Союз есть фронт в пользу прежней Гегемонии Апраханти (ср. «Террор бабочек»)]

Тема: Доблестная миссия завершена
Рассылка: Группа «Угроза Погибели»
Группа «Отслеживание войн»
Группа «Изучение Хомо сапиенс»
Дата: 67,07 дней от крушения Сьяндры Кеи
Ключевые фразы: Действия, а не разговоры

Текст сообщения:

После наших действий против людского гнезда на [Сьяндра Кеи] часть нашего флота преследовала людские и другие контролируемые Погибелью силы в сторону Дна Края. Очевидно, Отклонение надеялось защитить эти силы, поместив их в среду слишком опасную, чтобы в ней действовать. Эти надежды не учли храбрость командиров и экипажей Союза. Теперь мы можем сообщить о почти полном уничтожении этих пытавшихся убежать сил.

Первая большая операция вашего Союза увенчалась беспримерным успехом. После истребления главнейших своих союзников Погибели пришлось остановить свое распространение. Но еще многое предстоит сделать.

Флот Союза возвращается в Средний Край. Мы понесли некоторые потери и нуждаемся в существенном пополнении. Мы знаем, что в Крае еще остались рассеянные гнезда человечества, и мы определили другие расы, которые пособничают людям. Защита Среднего Края должна быть главной задачей любого разумного существа доброй воли. Части вашего Союза вскоре прибудут в регион [указаны параметры]. Мы просим вашей поддержки и помощи против оставшихся сил страшного врага.

Истребить заразу!

36

Кьет Свенсндот был один на мостике «Ульвиры», когда волна схлынула. Уже давно были сделаны все приготовления, имевшие смысл, но у корабля не было адекватных средств передвижения в Медленности, которая его окружала. Все же капитан проводил много времени на мостике, пытаясь как-то программировать оставшуюся автоматику. Программирование на уровне механических идиотов было таким же способом заполнить время, как вязание, и таким же, наверное, древним.

Конечно, выход из Медленности остался бы незамеченным, если бы не датчики, которые он со своими дирокимами поставил. А так трезвон и мигание вывели его из

полудремы в такое бодрствование, что волосы на голове встали дыбом. Капитан стукнул по кнопке интеркома:

— Глимфрель! Тироль! Быстро тащите свои хвосты на мостик!

Когда братья появились, предварительный навигационный дисплей уже рассчитывал последовательность гиперпрыжков, которая ожидала подтверждения. Парочка, улыбаясь от уха до уха, быстро прыгнула в гамаки и привязалась у своих боевых постов. Пару секунд было тихо, только иногда звучал довольный посвист дирокимов. За последнюю сотню с хвостом часов они это репетировали снова и снова, потому что при хилой автоматике работы оказывалось много. Постепенно вид в окнах мостика обретал резкость. Там, где мелькали размытые блики, ультраволновые датчики постепенно выводили отдельные следы и все время уточняли информацию о расстояниях и скоростях. Окно связи показывало все удлинявшуюся очередь сообщений от флота.

Тироль поднял глаза от своей работы:

— Капитан, цифры прыжка вроде вполне нормальные — по крайней мере для первого варианта.

— Ладно. Давай на выполнение и разрешай автовыполнение.

После проведенных в волне часов они решили, что главной их задачей будет продолжение преследования. А потом... об этом они говорили долго, а капитан Свенсндот думал еще дольше. Тогда все придется решать самому.

— Есть! — Длинные пальцы дирокима заплясали по консоли, а его брат добавил еще несколько управляющих слов голосом. — Поехали!

Статус показал пять выполненных прыжков, потом десять. Кьет несколько секунд смотрел в окно истинного вида. Без изменений, без изменений... а потом самые яркие звезды сдвинулись, почти незаметно скользя по небу. «Ульвира» набирала скорость.

— Эге! — Глимфрель перегнулся посмотреть на работу брата. — Мы даем 1,2 световых года в час. Лучше, чем перед Волной.

— Отлично. Связь и наблюдение?

Где все остальные и куда они движутся?

— Ага. Сейчас.

Глимфрель склонился к своей консоли. Несколько секунд он был почти безмолвен. Свенсндот стал просматривать почту. От Лимменд не было ничего. Двадцать пять лет Кьет служил Лимменд и Коммерческой Охране СК. И теперь взбунтоваться? А если да, пойдет ли кто-нибудь за ним?

— Годится. Вот наша ситуация, капитан. — Глимфрель сдвинул главное окно, показывая свою интерпретацию докладов корабля. — Как мы и полагали, может быть, чуть острее. — Они с самого начала понимали, что эта волна больше, чем все известные в истории; не это имел в виду дироким, говоря «острее». Он опустил короткие пальцы вниз, проведя расплывчатую голубую черту поперек окна. — Мы полагали, что фронт Волны шел по нормали к этой линии. Тогда волна захватила владелицу Лимменд на четыреста секунд раньше, чем «Внеполосного», а нас еще через десять секунд. Если задний фронт такой, как у обычных волн... — только в миллион раз больше... — тогда и мы, и флоты преследования должны были выйти намного раньше «Внеполосного».

Он показал на светящуюся точку, означавшую положение «Ульвиры». Вокруг нее и впереди возникали десятками другие точки — детекторы корабля сообщали о начале гиперпрыжков. Как будто от них во тьму уходил холодный огонь. В конце концов и Лимменд, и безмолвный флот снова вернутся к делу.

— Наши регистраторы показывают, как все примерно случится. Большая часть флотов преследования выйдет из Волны намного раньше «Внеполосного».

— Так. Значит, он утратит часть своей форы.

— Ага. Но если он идет туда, куда мы полагаем — к звезде класса «G» в восьмидесяти световых годах впереди, у него есть шанс долететь раньше, чем они его уничтожат. — Он показал туман, который отползал в сторону от растущего узла света. — Уже не все продолжают преследование.

— Ага... — Свенсндот одновременно читал новости, слушая объяснения Глимфреля. — Как говорят на Сети, Союз Обороны уходит с поля битвы победителем.

— Как? — Тироль резко повернулся в своем гамаке, и в больших черных глазах не было его обычной насмешливости.

— Ты слышал. — Кьет переслал сообщение на экран, где братья могли его видеть. Они быстро прочли под бормотание Глимфреля: «Храбрость командиров и экипажей... *существенное* уничтожение спасающихся бегством сил...»

Глимфрель вздрогнул, утратив свою непринужденную легкость.

— Они даже не упомянули Волну. Всякому ясно, что это трусливая ложь!

Его голос перешел в нормальный диапазон, и он заговорил на своем языке. Частично Кьет его понимал. Обычно дирокимы вне своих обиталищ были радушным народом, хотя и с примесью веселого сарказма. Почти так сейчас звучал и голос Глимфреля, если не считать слишком резких присвистов и выражений куда более цветистых, чем Свенсндоту приходилось от братьев слышать: «...выползки из червивой коровьей лепешки... убийцы невинных снов...»

Такие слова звучали сильно и по-самнорски, но на языке дирокимов «выползки из червивой коровьей лепешки» вызывали видимую ассоциацию, которая чуть ли не запах передавала. Голос Глимфреля поднимался все выше и выше, пока не вышел за человеческий диапазон. Вдруг он поник, дрожа и испуская низкие стоны. Дирокимы умеют плакать, но раньше этого Свенсндоту видеть не доводилось. Глимфрель покачивался в объятиях своего брата.

Тироль посмотрел поверх его плеча на капитана.

— И куда же теперь ведет нас месть, капитан?

Минуту Кьет не отвечал, только смотрел.

— Я дам вам знать, лейтенант. — Он посмотрел на дисплеи. *Еще посмотрим и послушаем, тогда, быть может, будем знать.* — Пока что подведите нас ближе к группе преследования, — сказал он спокойно.

— Есть, капитан!

Тироль потрепал брата по плечу и вернулся к своей консоли.

В следующие пять часов экипаж «Ульвиры» наблюдал беспорядочное бегство флота Союза в сторону верхних зон. Это никак нельзя было назвать отходом — скорее паническое бегство врассыпную. Эти приспособленцы готовы были на вероломное убийство не задумываясь, готовы были лететь в погоню, если рассчитывали на приз в конце. Но когда перед ними встала угроза оказаться захваченными Медленностью или умереть среди звезд, они рванулись спасать каждый свою шкуру. Их бюллетени были набиты бравадой, но срыть их маневр было невозможно. Ранее сохранявшие нейтралитет указывали на несоответствие действий и сообщений, все более и более принималась точка зрения, что Союз построен вокруг Гегемонии Апраханти и преследует, возможно, иные цели, помимо альтруистического противостояния Погибели. Нервно строились предположения, на кого следующего обратит внимание Союз.

Главные передатчики все еще следили за флотами, так что они могли с тем же успехом сидеть на магистрали какой-нибудь локальной сети. Поток сообщений в новостях хлестал водопадом с такой силой, что «Ульвира» в теперешнем ее состоянии просто не могла все принять. И все же Свенсндот за ним следил. Где-то может быть ключ, идея... Большая часть участников «Угроз» или «Отслеживания войн» проявляла мало интереса к Союзу или гибели Сьяндры Кеи самим по себе. Большая часть боялась Погибели, которая расползалась по Вершине Края. Никто из населения Вершины не смог оказать успешного сопротивления, и доходили слухи, что были уничтожены еще две пытавшиеся вмешаться Силы. Были и такие (тайные уста Погибели?), кто приветствовал новую стабильность в Вершине, пусть даже на основе постоянного паразитизма.

На самом деле эта погоня здесь, у Дна, полет «Внеполосного» и его преследователей была единственным мес-

том, где Погибель не одержала полной победы. И неудивительно, что на эту тему сыпалось десять тысяч писем в час.

Геометрия всплытия была невероятно выгодна «Ульвире». Корабль был на окраине места действия, но теперь у него была фора в несколько часов по отношению к главным флотам. У Глимфреля и Тироля было больше работы, чем когда-либо за всю жизнь, — следить за всплытием флотов и определять другие корабли Коммерческой Охраны. Пока Скритс и Лимменд не всплывут из Медленности, Кьет оставался старшим по званию во флоте. Более того, он был лично известен большинству командиров кораблей. Его никогда не манила работа флотоводца — звание капитана-наставника он получил за искусство пилотирования в мирной жизни Сьяндры Кеи. Всегда он был вполне доволен, подчиняясь своим работодателям. Но сейчас...

Капитан-наставник использовал свое положение. Преследование кораблей Союза не продолжалось. («Подождите, пока мы сможем действовать все вместе», — приказал Свенсндот.) Всплывающие корабли обменивались возможными планами, включая и такие, которые предполагали гибель Главного командования. Отдельным командирам Кьет намекнул, что так, может быть, и есть, что флагманский корабль Лимменд в руках противника и что Союз — это всего лишь побочный эффект главного противника. Очень скоро Кьету некуда будет отступить от задуманного «предательства».

Флагман Лимменд и ядро флота Погибели всплыли почти одновременно. Тревожные сигналы срочной связи загремели по всем палубам «Ульвиры» — пришло приоритетное сообщение через шифратор корабля. «Источник: Лимменд на флагмане. Приоритет: немедленный», — сказал голос корабля.

Глимфрель вывел сообщение на главное окно, и Свенсндот почувствовал, как вдоль по коже ползет холодок леденящей уверенности.

...Всем кораблям преследовать уходящие суда. Это наш враг, убийцы нашего народа. ВНИМАНИЕ: подозревается

маскировка. Любой корабль, возразивший против этого приказа, подлежит уничтожению. Боевой приказ и коды подтверждения следуют...

Боевой приказ был прост даже по стандартам Коммерческой Охраны. Лимменд хотела, чтобы корабли разделились и пошли, задержавшись только для уничтожения «замаскировавшихся».

— Как с кодами подтверждения? — спросил Кьет у Глимфреля.

Дироким уже обрел свою обычную манеру.

— Коды чистые. Мы бы вообще не получили сообщения, если бы у отправителя не было бы одноразового шифратора, выбранного на сегодня... Начинают поступать запросы от других, шеф. По звуковым и видеоканалам. Они хотят знать, что делать.

Не подготовь Кьет почву за последние несколько часов, мятеж не имел бы ни одного шанса. Будь Коммерческая Охрана военной структурой, приказ Лимменд был бы тоже выполнен без вопросов. Но сейчас другие командиры обдумывали вопросы, которые поднял Свенсндот: при таком расстоянии можно было вполне держать видеосвязь, и у флота были одноразовые шифраторы, которые это позволяли. Но «Лимменд» выбрала для приоритетного послания буквенную почту. С военной точки зрения оно имело смысл, если было правильно зашифровано, но было и то, что предсказывал Свенсндот: предполагаемое Главное командование не хотело показывать свое лицо там, где точный видеомаскарад устроить невозможно. Все приказы будут идти по почте — иначе нужно показывать синтетические видеообразы, которые могут вызвать подозрение у внимательного наблюдателя.

На такой тонкой ниточке висели сейчас Кьет и его друзья.

Глаза Кьета рассматривали световой узел, изображавший флот Погибели. *Этот* явно не страдал от нерешительности. Ни один из его кораблей не повернул к безо-

пасным высотам. Что бы ни командовало этим флотом, дисциплину оно держало лучше, чем даже человеческие военные. В своей решимости оно было готово пожертвовать всем в упорной погоне за одним маленьким звездолетом.

Что дальше, капитан-наставник?

Чуть впереди этого мазка холодного света появилась крохотная светящаяся точка.

— «Внеполосный»! — объявил Глимфрель. — На шестьдесят световых лет впереди. И шифрованное видео от них, шеф. На той же покалеченной кодировке.

Он вывел сигнал на главное окно, не ожидая приказа капитана.

Это была Равна Бергсндот на фоне хаоса криков и движений — странный человек спорил с наездниками. Бергсндот отвернулась от камеры и вносила в перепалку свой вклад. И было это еще хуже, чем помнил Свенсндот о первых моментах всплытия своего корабля.

— Это сейчас не важно, я тебе говорю! Пусть его. Мы должны связаться... — Тут она, очевидно, заметила ответный сигнал Глимфреля. — Вот они! Фам, ради всех Сил... — Она гневно махнула рукой и повернулась к камере. — Капитан-наставник! Мы...

— Я знаю. Я только несколько часов как вышел из Волны. Мы теперь возле центра погони.

Равна задержала дыхание. Даже учитывая сто часов на планирования, события шли для нее слишком быстро. *И для меня тоже.*

— Это уже что-то, — сказала она после мгновенной паузы. — Все, о чем мы говорили, остается в силе, капитан. Нам нужна ваша помощь. То, что идет за нами, — Погибель. Прошу вас!

Свенсндот заметил в окне мигающую точку. Нахальный Глимфрель транслировал это всем, кому можно было верить. Отлично. Он обсуждал с другими положение в эти последние часы, но другое дело — увидеть на экране коммуникатора Равну Бергсндот, увидеть кого-то со Страума, кто выжил и кому нужна помощь.

Можешь провести остаток жизни, гоняясь за отмщением по всему Среднему Краю, но убивать ты будешь только стервятников. А то, что гонится за Равной Бергсндот, может быть первопричиной.

Бабочки давно уже смотались, все еще распевая на всю Сеть о своей храбрости. Меньше одного процента флота Коммерческой Охраны послушались приказа «Лимменд» броситься за ними в погоню. Кьета Свенсндота беспокоили не они, а те десять процентов, которые остались позади и пристроились к флоту Погибели. Может быть, не все эти корабли перевербованы, а просто следуют приказу тех, кому верят. И по ним стрелять будет нелегко.

А битва будет, сомневаться не приходится. Маневрировать на гипердвигателях для выхода на столкновение трудно, если другая сторона пытается его избежать. Но флот Погибели шел за своей целью, не отклоняясь. И медленно, постепенно оба флота выходили в одну и ту же точку. Сейчас они были рассеяны в объеме кубического светового года, но с каждым прыжком «флот Аньяры» капитана-наставника все точнее подстраивался на ритм гипердвигателей противника. Некоторые корабли уже всего несколько миллионов километров отделяло от флота противника — или точек, где противник только что был или сейчас будет. Определилась тактика выбора цели. До первого залпа оставалось всего несколько сот секунд.

— Теперь, когда апраханти смылись, у нас численное преимущество. Нормальный противник сейчас бы отступил...

— Флот Погибели — уж кто-кто, но не нормальный противник. — Это говорил рыжеволосый парень. Хорошо, что Глимфрель не транслировал его лицо на остальные корабли флота. Этот рыжий все время действовал остро и почти враждебно. Сейчас он, казалось, был занят тем, что опровергал любую высказанную Свенсндотом мысль. — Погибели плевать на все потери, лишь бы ей одержать верх.

Кьет пожал плечами.

— Слушай, мы делаем что можем. Первый огневой контакт через сто пятьдесят секунд. Если у них нет какого-то секрета в рукаве, мы его выиграем. — И Свенсндот остро взглянул на собеседника. — Или ты как раз об этом? Что Погибель может...

Все еще доходили рассказы о распространении Погибели по всему Верхнему Краю. Без сомнения, этот разум был сверхчеловеческим. А безоружный человек может подвергнуться нападению численно превосходящей собачьей стаи и побелить. Так может быть, Погибель...

Фам Нювен потряс головой:

— Нет, нет. *Здесь* тактика Погибели куда примитивнее твоей. Это в Вершине у нее колоссальное преимущество — там она может управлять рабами, как пальцами руки. А здесь ее создания — как болваны на веревочках. — Фам Нювен нахмурился куда-то в сторону от камеры. — Нет, чего нам надо бояться — это ее стратегической сообразительности. — Вдруг в его голосе зазвучала отстраненность, и она пугала больше, чем только что звучавшее нетерпение. Это было не спокойствие мужественного человека перед лицом угрозы, а скорее спокойствие слабоумного:

— Сто секунд до контакта... Капитан, у нас есть шанс, если вы сосредоточите свои силы на верных целях.

Равна выплыла сверху экрана, положив руку на плечо рыжему. Богошок — вот что она о нем говорила, секретное преимущество перед врагом. Богошок, предсмертное послание Силы — и кто знает, мусор это или сокровище?

Черт побери, если те ребята — марионетки на гнилых веревках, то кто же мы, когда слушаемся Фама Нювена?

Но Кьет показал Тиролю — отметь цели, которые называет Фам Нювен. Девяносто секунд. Время принимать решение. Кьет показал на красные точки, отмеченные Тиролем среди флота противника.

— Тироль, есть в этих целях что-нибудь особенное?

Дироким секунду посвистел. Графики корреляции плыли перед ним мучительно медленно.

— Корабли, которые он указывает, не самые большие или быстрые. Для нацеливания на них понадобится дополнительное время.

Корабли командования?

— Еще одно, капитан. У некоторых из них большая истинная скорость, не естественный остаток.

Корабли с субсветовыми двигателями? Планетные бустеры?

— Хм. — Свенсндот еще секунду смотрел на дисплей. Еще тридцать секунд, и «Линснар» Джо Хауген войдет в контакт, но не с указанной Нювеном целью.

— Выходи на связь, Глимфрель. Скажи «Линснару», чтобы отошел назад и изменил цель.

Полная перемена целей.

Огоньки, изображавшие флот Аньяры, медленно ползли вокруг ядра флота Погибели, выискивая новые цели. Прошло двадцать минут и немало споров с другими капитанами. Коммерческая Охрана не создавалась для ведения войсковых операций. То, что привело Кьета Свенсндота к успеху, вызывало и поток вопросов и контрпредложений. И были еще угрозы, поступавшие по каналу владелицы Лимменд: смерть мятежникам и всем, кто оказался неверен Компании. Шифр был верен, но тон был полностью чужд мягкосердечной и ориентированной на прибыль Гиске Лимменд. Уж теперь каждый видел, что по крайней мере неподчинение Лимменд было правильным решением.

Джоанна Хауген была первой, кто достиг синхронизации с новыми целями. Глимфрель открыл главное окно на поток данных от «Линснара» — почти естественный вид, ночное небо и медленно движущиеся звезды. Цель была от Линснара менее чем в тридцати миллионах километров, но с миллисекундной рассинхронизацией. Хауген прибывала чуть раньше или чуть позже прыжка противника.

— Пуск «шершней»! — произнес голос Хауген.

Теперь был виден целиком весь «Линснар» с расстояния несколько метров — с камеры, установленной на од-

ном из первых пущенных «шершней». Корабль был еле виден — темная тень, заслонившая звезды, огромная рыба в бесконечном море. Рыба, сейчас живородящая мальков.

Картинка замигала, «Линснар» появлялся и исчезал, когда «шершень» на миг терял синхронизацию. Из трюма корабля выливался рой голубых огоньков. «Шершни». Рой повис возле «Линснара», калибруя свою ориентацию на противника.

Свет вокруг «Линснара» стал пропадать — «шершни» постепенно выходили из синхронизации с ним во времени и пространстве. Тироль открыл окно на сферу с центром в «Линснаре» радиусом в сто миллионов километров. Корабль-цель вспыхивал на этой сфере красной точкой, как сумасшедший мотылек. «Линснар» скрадывал добычу на скорости в одну восьмую световой. Иногда цель исчезала на секунды, синхронизация почти терялась; иногда «Линснар» и цель почти сливались, как два судна, разделенные десятой долей секунды и меньше чем миллионом километров. Что нельзя было точно отобразить, так это положение «шершней». Рой рассыпался мириадами траекторий, датчики их вытянулись в поисках корабля противника.

— Что там с целью? Она отстреливается? — спросил Свенсндот. — Поддержка нужна?

Тироль сделал дирокимский жест — аналог пожатия плеч. То, что они видели, было от них за три световых года. Он никак не мог знать.

Но ответила Джо Хауген:

— Похоже, моя мишень «шершней» не запускает. Я потеряла только пять — не больше, чем ожидается при близких промахах. Посмотрим...

Она замолчала, но сигнал и след «Линснара» остался четким. Кьет посмотрел в другие окна. Пять кораблей флота Аньяры уже вступили в бой, и три из них завершили развертывание роев. Нювен молча смотрел с «Внеполосного». Богошок сделал свое дело, и теперь Кьет и его люди ждали своей судьбы.

Потом хорошие и плохие новости посыпались очень быстро.

— Есть попадание! — послышалось от Джо Хауген.

Красной точки в рое «Линснара» больше не было. Она прошла в нескольких тысячах километров от одного из «шершней». За миллисекунды, необходимые для расчета нового прыжка, «шершень» обнаружил его присутствие и сдетонировал. Даже это не было бы фатальным, если бы цель успела прыгнуть, пока ее не настиг фронт взрыва — уже раньше было несколько таких близких промахов. Но в этот раз прыжок не успел пойти на выполнение вовремя. Родилась мини-звезда, одна из тех, чей свет через годы дойдет до краев места битвы.

Глимфрель издал скрежещущий свист — непереводимое проклятие.

— Шеф, мы потеряли «Аблсндота» и «Холдера». Очевидно, их цели пускали контр-рой.

— Пошли туда «Гливинга» и «Трансе».

Где-то на периферии его сознания затягивался плотный ком страха. Там погибали его друзья. Кьету случалось видеть смерть, но не такую. В полицейских акциях не было шанса летального исхода, только в спасательных операциях. И все же... Он отвернулся от боевой сводки и велел направить еще корабли на цель, окруженную защитными судами. Тироль уже направлял туда другие по собственной инициативе. Сосредоточение на нескольких несущественных целях могло в конечном итоге привести к поражению, но сейчас — сейчас враг получил удар. Впервые с момента катастрофы Сьяндры Кеи Коммерческая Охрана дала кому-то сдачи.

Голос Хауген:

— Ради всех Сил, этот тип таки летел! «Шершень» второй волны засек спектр антиматерии в момент поражения. Цель шла с истинной скоростью 15 000 км/сек.

Ракетная боеголовка? Черт, им бы надо было отложить это до момента, пока они завоюют господство на поле боя.

Тироль:

— Еще попадания, на дальнем краю места боя. Противник перегруппировывается. Они как-то догадались, что нам надо...

Глимфрель, с триумфальным посвистом:

— Опа! Попали... ух ты! Шеф, кажется, Лимменд догадалась, что это мы координируем действия...

Над боевым постом Тироля открылось новое окно, показывающее пространство на пять миллионов километров вокруг «Ульвиры». Там теперь были еще два корабля: флагман Лимменд и еще один корабль, который не откликнулся на призыв Свенсндота.

На палубе «Ульвиры» наступила мгновенная тишина. Голоса торжества и паники с других кораблей стали вдруг очень далеки. Свенсндот и его экипаж смотрели на летящую к ним смерть.

— Тироль! Через сколько времени рой...

— Они уже здесь — промахнулись одним «шершнем» на десять миллисекунд.

— Тироль! Кончай слежение за текущими схватками. Глимфрель! Передай «Линснару» и «Трансе» — пусть принимают на себя командование, если будет потерян контакт с нами.

Эти корабли свои рои уже выпустили, а Джо Хауген была известна другим капитанам.

Потом все мысли исчезли, и его поглотила координация собственного боевого роя. Местное тактическое окно показало, как рассыпается рой, в котором разными цветами были обозначены «шершни», отстающие от «Ульвиры» и опережающие ее.

Атакующие корабли подстроили свои псевдоскорости точно. Все три корабля десять раз в секунду совершали прыжки на ничтожную долю светового года. Как скачущие по поверхности пруда камешки, они появлялись в реальном пространстве в точно отмеренные интервалы времени — и при каждом таком выныривании расстояние между кораблями было меньше пяти миллионов километров. И разделяла их только миллисекундная разница во времени прыжка и то, что сам свет не мог преодолеть расстояние между ними за короткий миг, проведенный в каждой точке.

Палубу осветили три магниевые вспышки, отбросив тени от Свенсндота и дирокимов. Это был вторичный свет —

аварийный сигнал дисплея о близкой детонации. «Беги во все лопатки», — только так можно было понимать этот страшный свет. И это было просто — разорвать синхронизацию... и потерять тактическое управление флотом Аньяры. Тироль и Глимфрель отвели головы от местного окна тактики, прикрыв глаза от света близкой смерти. Но их свистящие голоса не потеряли ритма, и команды по-прежнему шли от «Ульвиры» к другим кораблям. Там уже завязался с десяток местных стычек, и «Ульвира» теперь была единственным источником точной информации и управления. Каждую секунду, которую они продержатся, означала защиту и преимущество Аньяры. Выйти из синхронизации — это несколько минут хаоса, пока «Линснар» или «Трансе» не возьмут управление на себя.

Уже было подбито две трети указанных Нювеном целей. Но цена была уплачена дорогая — половина друзей Свенсндота. Противник потерял много кораблей, защищая эти цели, но много еще уцелело.

Невидимая рука тряхнула «Ульвиру», тяжело вдавив Свенсндота в боевую подвеску. Свет погас, даже сияние окон исчезло, только тусклый красный отсвет падал от пола и виднелись силуэты дирокимов на фоне маленького монитора. Тироль тихо свистнул:

— Мы вышли из игры, шеф, по крайней мере на существенное время. Я не знал, что можно промахнуться даже так близко.

Может быть, это и не был промах. Может быть, мы уже мертвы. Кьет выпутался из подвески и проплыл через комнату, повиснув вниз головой у монитора.

«Шершень» сдетонировал очень близко, и фронт волны ударил «Ульвиру», еще не успевшую прыгнуть. Сотрясение случилось, когда корпус корабля поглотил мягкую рентгеновскую составляющую излучения взрыва противника. Кьет смотрел на медленно плывущие по дисплею повреждений красные буквы. Скорее всего электроника отрубилась намертво; есть шанс, что все они получили смертельную дозу гамма-лучей. Дыхание вентилятора гнало запах горелой изоляции.

— Айе! Вы только посмотрите — еще пять наносекунд, и нас бы вообще не задело! Мы прыгнули уже *после* удара фронта взрыва!

Каким-то чудесным образом электроника выдержала достаточно долго, чтобы завершить прыжок. Поток гамма-лучей через мостик составил двести рентген — это не скажется ближайшие часы, да и корабельный хирург с этим вполне справится. А вот что с хирургом и прочей автоматикой «Ульвиры»...

Тироль ввел с консоли несколько длинных запросов — средств распознавания голоса не осталось. Прошло несколько секунд, и на экране стали появляться ответы:

«Центральная автоматика отключена. Управление дисплеями отключено. Управление двигателями отключено. Расчеты прыжков отключены».

Тироль толкнул брата локтем:

— Слушай, Фрель! Похоже, «Вира» успела чисто все отсоединить. Мы сможем включить все обратно!

Дирокимы были известны своим необъятным оптимизмом, но на этот раз Тироль был недалек от истины. То, что случилось при взрыве «шершня» — это был один шанс на миллиард, — только ничтожная доля энергии поразила корабль. Следующие полтора часа дирокимы вели перезагрузку процессоров монитора, включая утилиты одну за другой. Кое-что оказалось невосстановимым: автоматика связи потеряла способность синтаксического анализа, а шипы гипердвигателей на одной стороне частично расплавились. (Как это ни абсурдно, но запах гари был автоматическим диагностическим сигналом, созданным автоматикой, которая по всем законам должна была отказать вместе со всем остальным.) «Ульвира» оказалась далеко позади флота Погибели.

А флот Погибели продолжал существовать. Узел точек, изображавший корабли противника, стал меньше, но шел по той же целенаправленной траектории. Бой давно был закончен. То, что осталось от флота Коммерческой Охраны, было рассеяно на четыре световых года от покинутого

места боя. Они начинали битву с численным превосходством. Если бы они дрались как надо, то могли бы победить. Вместо этого они уничтожили корабли с существенной реальной скоростью и вывели из строя до половины остальных. Некоторые из самых больших кораблей уцелели. И они имели численное превосходство над оставшимися кораблями Аньяры четыре к одному. Флот Погибели мог бы легко уничтожить все, что осталось от Коммерческой Охраны. Но это значило бы отклониться от пути преследования — а преследование было единственной константой в поведении этого флота.

Тироль и Глимфрель часами восстанавливали связь и пытались выяснить, кто погиб, а кого еще можно спасти. Пять кораблей полностью потеряли ход, но экипажи их остались живы. Некоторые были подбиты в известных точках, и Свенсндот отрядил туда корабли с роями «шершней» на поиск обломков. Поединок кораблей для большинства уцелевших оказался абстрактным интеллектуальным упражнением, но хаос и разрушение были не менее реальны, чем в любой наземной войне, только рассеяны на в триллион раз большем пространстве.

Наконец кончилось время чудесных спасений и грустных открытий. Командиры СК вышли на общий канал обсудить общее будущее. Это можно было считать поминками — поминками по Сьяндре Кеи и по флоту Аньяры. В середине совещания открылось новое окно, и в нем показался мостик «Внеполосного». Равна Бергсндот молча смотрела на происходящее. Бывшего носителя богошока нигде не было видно.

— Что нам еще делать? — спросила Джоанна Хауген. — Проклятых бабочек давно и след простыл.

— Мы уверены, что спасли всех? — перебил Иэн Тренглетс.

Свенсндот в ответ огрызнулся. Командир «Трансе» зациклился на этом вопросе. Он потерял в бою слишком много друзей, и всю оставшуюся жизнь Иэна Тренглетса будет преследовать кошмар медленно погибающих в ночи кораблей.

— Мы видели остатки всех, даже газ от испарившихся, — ответила Джоанна Хауген так мягко, как позволял смысл слов. — Вопрос в том, куда направиться теперь.

Равна слегка кашлянула, будто прочищая горло.

— Господа и дамы, если...

Тренглетс поднял глаза на ее изображение, и его душевная боль нашла себе выход в приступе гнева.

— Мы тебе не рыцари, сука! А ты не принцесса, за которую мы счастливы умереть! Ты сейчас заслужила хорошего залпа и больше ничего!

Женщина съежилась под этим шквалом ярости.

— Я...

— Ты втравила нас в этот самоубийственный бой! — крикнул Тренглетс. — Ты заставила нас атаковать не главные цели! И сама ничем не помогла. Погибель вцепилась в тебя, как прилипала в кальмара, и смени ты курс хоть на долю секунды, ты бы увела ее флот с нашего пути!

— Я сомневаюсь, что это помогло бы, капитан, — возразила Равна. — Погибель больше интересуется местом нашего назначения, чем нами.

Солнечная система в нескольких десятках световых лет по курсу «Внеполосного». Беглецы доберутся туда всего на два дня раньше преследователей.

Джоанна Хауген пожала плечами:

— Ты должна понимать, что натворил сумасшедший план битвы твоего друга. Если бы мы атаковали разумно, у противника осталась бы лишь малая доля того, что есть сейчас. Если бы он решил продолжать погоню, мы бы могли защитить вас на этой планете... Стальных Когтей или как их там. — Она будто попробовала название на вкус, гадая о его значении. — Теперь же... в общем, я ни за что не буду гнаться за ними туда. То, что осталось от противника, может разнести нас в пыль.

Она посмотрела на Свенсндота, и тот заставил себя ответить на взгляд. Кто угодно может обвинять «Внеполосного», но именно слово капитана-наставника Свенсндота заставило флот Аньяры вести сражение так, как он его вел. Жертвы оказались бесполезными, и он удивлялся, почему

Хауген, Тренглетс и остальные вообще еще с ним разговаривают.

— Предлагаю отложить совещание на потом. Рандеву через тысячу секунд, Кьет.

— Буду готов.

— Отлично.

Джо отключила связь, не сказав Равне Бергсндот больше ни слова. Секундой позже отключились Тренглетс и другие командиры кораблей. Остался только Свенсндот с двумя дирокимами — и Равна Бергсндот в окне с изображением, передаваемым с «Внеполосного».

После долгого молчания она произнесла:

— В детстве, на Херте, мы часто играли в похитителей и Коммерческую Охрану. Я всегда мечтала, что ваша компания спасет меня от участи хуже смерти.

Кьет вяло улыбнулся:

— Ты получила попытку спасения. — А ведь ты даже не клиент-подписчик. — Это был самый большой бой за всю мою жизнь.

— Мне очень жаль, Кье... капитан-наставник.

Он посмотрел на темные черты его лица. Девчонка со Сьяндры Кеи, вплоть до фиалковых глаз. Нет, это не эмуляция, здесь это невозможно. Он все поставил на то, что это не так, и до сих пор в это верил. И все же...

— А что говорит обо всем этом твой друг?

Фама Нювена не было видно с того момента, как его богошок так впечатляюще вмешался в начале битвы.

Глаза Равны скользнули в сторону от камеры.

— Он мало что говорит, капитан-наставник. Он тут бродит еще более расстроенный, чем ваш капитан Тренглетс. Фам помнит, что был убежден абсолютно: то, что он просит, — правильно, но сейчас не может вспомнить, почему это было правильно.

— Хм. — Поздновато передумывать. — И что вы теперь собираетесь делать? Хауген права, и ты это знаешь. Для нас было бы бесцельным самоубийством следовать за флотом Погибели к месту вашего назначения. Я позволю себе сказать, что для вас тоже. У вас будет в момент прибытия фора всего пятьдесят пять часов. Что вы сможете сделать за это время?

Равна подняла на него глаза, и выражение ее лица стало горестным, казалось, она сейчас всхлипнет.

— Не знаю... не знаю...

Она затрясла головой, лицо ее было скрыто руками и волной рассыпавшихся черных волос. Потом она подняла лицо и отвела волосы назад. Голос ее был спокоен, но очень тих.

— Не знаю. Но мы пойдем вперед. Для этого мы сюда пришли. Может быть, все еще получится. Там есть что-то, что Погибель отчаянно хочет заполучить. Может быть, за пятьдесят пять часов мы сможем понять, что это, и сообщить на Сеть. И... и все равно у нас еще есть богошок Фама.

Твоего злейшего врага?

Вполне возможно, что этот Фам Нювен является конструктом Сил. Он и *выглядел* как человек, построенный по описанию из вторых рук. Но как отличить богошок от простого сумасшествия?

Она пожала плечами, будто зная его сомнения — и принимая их.

— Так что же будет делать вы и Коммерческая Охрана?

— Коммерческой Охраны больше нет. Практически все наши клиенты убиты у нас на глазах. Сейчас мы убили владелицу нашей компании — или по крайней мере уничтожили ее корабль и тех, кто ее поддерживал. Мы теперь — флот Аньяры.

Это имя было официально принято на только что закончившемся совещании флота. В этом была своего рода мрачная гордость — принять имя флота-призрака, бывшего до Сьяндры Кеи, до Ньоры, в древние времена человечества. Ибо теперь они воистину были лишены всего — своих бывших миров, бывших клиентов, бывших предводителей. Сотня кораблей, направляющихся...

— Мы это обсудили. Некоторые хотят сопровождать вас к миру Стальных Когтей. Другие экипажи хотят вернуться в Средний Край и провести остаток жизни, убивая бабочек. Но большинство хочет попытаться возродить расы Сьяндры Кеи где-то, где нас не заметят, где-то, где всем будет все равно, что мы живы.

И было еще одно, с чем согласились все: флот Аньяры больше не будет делиться и тем более не будет приносить себя в жертву. Когда это определилось, остальное было уже

просто. В следе Великой Волны эта часть Дна стала неимоверным смешением Медленности и Края. Столетия пройдут, пока зонографические суда сверху составят приемлемую карту новой поверхности. В складках и пересечениях прятались миры, только что вынырнувшие из Медленности, миры, где вновь сможет родиться Сьяндра Кеи. Новая Сьяндра Кеи?

Свенсндот посмотрел на Тироля и Глимфреля. Они возились с главными навигационными процессорами, пробуждая их после приостановки. Для рандеву с «Линснаром» в этом не было необходимости, но будет куда удобнее, если оба корабля смогут маневрировать. Братьев разговор капитана с Равной оставил безразличными. А может быть, они не обратили на него внимания. В определенном смысле решение принять имя Аньяры было для них существеннее, чем для людей: никто не сомневался, что в Крае выжили миллиарды людей (и кто его знал, сколько еще людских миров могло таиться в Медленности — кузенов Ньоры или Старой Земли). Но на этой стороне Перехода дирокимы оставались только в Аньяре. Обители снов Сьяндры Кеи исчезли, а с ними и вся раса. Не меньше тысячи дирокимов оставались на борту кораблей Аньяры, пары братьев и сестер, рассеянные по сотне кораблей. От расы прежних дней остались только они, те, у кого в жилах текла кровь авантюристов, и теперь им предстояло самое большое и трудное приключение. Пара с «Ульвиры» уже проверила, кто уцелел на других кораблях, и искали друзей, чтобы вымечтать новую реальность.

Равна печально выслушала его объяснения.

— Капитан-наставник, зонография — наука тонкая... а ваши корабли почти на пределе своих возможностей. В этой пене вы можете прокопаться годы и так и не найти новых миров.

— Мы примем меры предосторожности. Оставим все корабли, кроме оборудованных субсветовыми двигателями и гибернаторами. Будем работать координированным строем, никто не пропадет больше чем на несколько лет. — Он пожал плечами. — А если мы не найдем, чего ищем... — *если мы умрем среди звезд, когда откажут системы жиз-*

необеспечения... — что ж, мы все равно оправдаем свое имя. — *Аньяра.* — Я думаю, у нас есть шанс.

О вас это сказать труднее.

Равна медленно наклонила голову.

— Спасибо, это... мне будет легче, что я это знаю.

Они еще поговорили несколько минут, Тироль и Глимфрель присоединились к разговору. Они побывали в центре каких-то огромных событий, но, как всегда с Силами, никто точно не знал ни что случилось, ни что вышло из всех усилий.

— Рандеву с «Линснаром» через двести секунд, — произнес голос корабля.

Равна услышала это и кивнула. Потом подняла руку:

— Прощайте, Кьет Свенсндот, Тироль и Глимфрель.

Дирокимы свистнули фразу прощания, а Свенсндот поднял руку. Окно с Равной Бергсндот закрылось.

...Ее лицо Кьет Свенсндот помнил всю оставшуюся жизнь, хотя с годами оно все больше и больше становилось лицом Ульвиры.

Часть третья

37

— Фам, я вижу планету Стальных Когтей!

Главное окно показывало естественный вид системы: солнце на удалении менее двухсот миллионов километров, дневной свет на мостике. Положения идентифицированных планет были помечены красными мигающими стрелками. Но лишь одна из них — на удалении всего двадцать миллионов километров — была помечена примечанием: «земного типа». При выходе из межзвездного прыжка трудно попасть точнее.

Фам не ответил, только взглянул в окно, будто что-то было неправильно в том, что он видит. Что-то будто сломалось в нем после битвы с флотом Погибели. Он был так уверен в своем богошоке — и так был поражен последствиями. После этого он ушел в себя более чем всегда. Теперь, казалось, он думает только о том, достаточно ли быстро они двигаются — уцелевший противник уже не мог нанести им вреда. Более чем всегда он был подозрителен по отношению к Синей Раковине и Зеленому Стеблю, как будто они почему-то были большей угрозой, чем все еще преследующие корабли.

— Черт возьми! — сказал наконец Фам. — Посмотрите на относительную скорость.

Семьдесят километров в секунду.

Согласование положения было просто, но...

— ...Согласование скоростей будет стоить нам времени, сэр Фам.

Фам вперился глазами в Синюю Раковину:

— Мы говорили об этом с местными три недели назад, ты помнишь? И ты делал программу.

— И вы проверяли мою работу, сэр Фам. Должно быть, есть еще ошибка в навигационной системе... хотя в простой баллистике я ничего такого не ждал.

Семьдесят километров в секунду вместо нуля. Синяя Раковина переместился ко второй консоли.

— Может быть, — сказал Фам. — Но сейчас я хочу, чтобы ты ушел с мостика, Синяя Раковина.

— Но я могу помочь! Мы должны установить контакт с Джефри и пересогласовать скорости и...

— Уйди с мостика! У меня больше нет времени за тобой следить.

Фам нырнул через все помещение и был перехвачен Равной за шаг от наездника. Она вплыла между ними двумя и быстро заговорила:

— Все хорошо, Фам. Он уйдет.

Она провела рукой вдоль дико дрожащих ветвей Синей Раковины. После секундной паузы наездник увял.

— Я уйду. Я ухожу.

Равна все еще касалась его — и держалась между Фамом и уходящим с удрученным видом наездником.

Когда наездник вышел, она повернулась к Фаму:

— Это может быть навигационный сбой, Фам?

Казалось, он ее не слышал. В тот момент, когда за Синей Раковиной закрылся люк, он уже повернулся к командной консоли. Последняя оценка «Внеполосного» давала отставание флота Погибели всего на пятьдесят четыре часа. А теперь придется тратить время на согласование скоростей, которое считалось выполненным три недели назад.

— Кто-то или что-то нас сильно подвело, — буркнул Фам, закончив вводить управляющие команды. — Может быть, сбой. В следующий раз придется все, что можно, программировать вручную.

По ядру «Внеполосного» разнесся сигнал тревоги — корабль переходил к ускорению. Фам распахивал одно за дру-

гим окошки монитора, выискивая незакрепленные предметы достаточных размеров, чтобы представлять опасность.

— Ты тоже привяжись, — сказал он Равне и отключил таймер пятиминутной задержки.

Равна нырнула через палубу, разворачивая седло для невесомости в сиденье и привязываясь. Она слышала, как Фам что-то говорит в канал общих объявлений, предупреждая об отключении таймера. Потом включился импульсный двигатель, и ленивая сила вдавила ее в плетение сиденья. Четыре десятых g — а бедняга «Внеполосный» все равно выдерживает.

Когда Фам говорил «вручную», он именно это и имел в виду. Главное окно, казалось, было прибито гвоздем посередине. Изображение не сдвигалось при действиях пилота, и в нем не было ни пояснений, ни схем. Оно лишь как можно лучше показывало естественный вид вдоль оси «Внеполосного». Периферийные окна сохраняли фиксированную привязку к главному. Глаза Фама перебегали с одного на другое, а руки играли с командной панелью. Насколько это было возможно, он летел, ориентируясь на собственные органы чувств и не верил больше никому.

Но все же он еще использовал гипердвигатель. Они были на двадцать миллионов километров от цели — субмикроскопический прыжок. Фам Нювен играл с параметрами двигателя, пытаясь сделать точный прыжок на интервал меньше стандартного. Каждые несколько секунд солнечный свет сдвигался на долю градуса, сначала падая на левое плечо Равны, потом на правое. Такой режим делал восстановление связи с Джефри почти невозможным.

Вдруг окно под ногами заполнилось планетой, огромной и выпуклой, голубой в белых вихрях. Мир Стальных Когтей был, как и говорил Джефри Олсндот, планетой земного типа. После месяцев в космосе и потери Сьяндры Кеи у Равны перехватило дыхание от этого зрелища. Океан, почти весь этот мир был покрыт океаном, но возле терминатора виднелись темные тени суши. Сквозь ореол планеты виднелась единственная крошечная луна.

Фам перевел дыхание.

— Эта штука в десяти тысячах километров от нас. Отлично, если не считать, что мы приближаемся со скоростью семьдесят километров в секунду.

Пока Равна смотрела, мир, казалось, рос, падая на них. Фам смотрел еще несколько секунд.

— Не волнуйся, мы пролетим мимо, над северным полюсом.

Шар под ними распухал, затмевая луну. Равна всегда любила смотреть на Херте среди миров Сьяндры Кеи. Но на том мире океан был поменьше и весь исчеркан тропами дирокимов. Здесь было красиво, как на Ретрансляторах, но природа казалась естественно-нетронутой. На солнце блестела полярная шапка, и можно было видеть уходящее на юг и упирающееся в терминатор побережье. Это было северо-западное побережье, и там был Джефри! Равна потянулась к клавиатуре и попросила корабль попробовать связаться и по ультраволновой связи, и по радио.

— Ультраволновая связь, — объявила она через секунду.

— И что по ней слышно?

— Сигнал замусорен. Может быть, просто ответ на механический опрос.

Подтверждение приема сигнала «Внеполосного» — самое большее, что было возможно после Волны. Джефри жил где-то совсем рядом с кораблем последнее время, иногда она получала ответы почти сразу, даже ночью. Хорошо будет снова с ним поговорить, даже если...

Мир Стальных Когтей теперь заполнил половину окон, и его ореол стал всего лишь изогнутым горизонтом. Перед глазами стояли небесные цвета, постепенно переходящие в черноту космоса. Вырисовывались на фоне моря детали полярных шапок и айсбергов. Видны были тени облаков. Можно было проследить идущее на юг побережье, острова и полуострова, лежащие так близко, что их трудно было различить. Чернеющие горы и черные морены ледников. Зеленые и коричневые долины. Равна пыталась вспомнить географические сведения, сообщенные Джефри. Скрытый Остров? Здесь слишком много островов.

— Радиосвязь с поверхностью планеты, — прозвучал голос корабля. Одновременно красная стрелка показала на

точку чуть в глубине суши. — Хотите воспроизведение звука в реальном времени?

— Да! — крикнула Равна и стукнула по клавиатуре, когда корабль не ответил незамедлительно.

— Привет, Равна! Ой, Равна!

Возбужденный голос мальчика отразился от стен. Он звучал именно так, как представляла себе Равна.

Она ввела запрос на двустороннюю связь. Между ними и Джефри расстояние было меньше пяти тысяч километров, даже если они приближались со скоростью семьдесят километров в секунду. Для радиоразговора очень близко.

— Привет, Джефри! — ответила она. — Мы прибыли наконец, но нам нужна...

Нам нужна вся помощь, на которую способны твои четвероногие друзья. Только как это сказать быстро и понятно?

Но мальчик на планете уже перехватил ее слова:

— ...нужна помощь сейчас, Равна! Резчики нас уже атакуют!

Что-то стукнуло, будто передатчик упал на пол. И заговорил другой голос, высокий, причудливо артикулирующий слова:

— Это Булат, Равна. Джефри прав. Резчица... — И почти человеческий голос прервался булькающим шипением. После секундной паузы голос Джефри пояснил:

— Засада, Равна. Это слово значит «засада».

— Да... Резчица построила большую засаду. Они нападают со всех сторону. Если ты не поможешь, мы скоро умрем.

Резчица никогда не хотела быть воином. Но править полтысячи лет — это требует разных умений, и она научилась вести войну. Кое-что из этого искусства — например, доверять своему штабу — ей пришлось забыть за эти дни. Да, на Маргамском подъеме будет засада, но не та, которую планирует Властитель Булат.

Через заставленное палатками поле она посмотрела на Хранителя. Эта стая была почти скрыта шумопоглощающими экранами, но было видно, что он уже не такой жизнерадостный, как был раньше. Предстать перед допросом — это может кого угодно успокоить. Хранитель знал, что его

жизнь теперь зависит от того, сдержит ли обещание королева. Да, страшно было думать, что Хранитель останется жить после того, как стольких убил и предал. Она заметила, что два ее элемента полны ярости, губы отодвинулись, оскалив стиснутые зубы. Щенки забились подальше от невидимой угрозы. Над палаточным городком стояла вонь и шум мысли многих стай на тесном пространстве. Успокоиться — это потребовало серьезного усилия воли. Резчица облизала щенков и на секунду мирно задумалась.

Да, она сдержит данное ему обещание. И, быть может, оно будет стоить этой цены. Хранитель только строил предположения о внутреннем секрете Булата, но он узнал о тактическом положении Булата куда больше, чем та сторона могла предполагать. Хранитель знал, где точно прячутся свежеватели и какова их численность. Штабисты Булата были слишком самоуверенны со своими сверхпушками и тайным агентом. Когда войска Резчицы захватили их врасплох, победа оказалась легкой — и теперь у королевы было несколько этих чудесных пушек.

— Резчица!

Это был Тщательник. Она махнула ему подойти поближе. Главный артиллерист подошел со стороны солнца и сел на близком расстоянии в двадцать пять футов. В боевых условиях все его понятия о декоруме выветрились.

Шум его мысли был хаосом озабоченности. Частями он выглядел изможденно, частями радостно, частями обескураженно.

— Можно безопасно наступать на замковый холм, ваше величество, — объявил он. — Ответный огонь почти полностью подавлен. В стенах замка появились бреши. Больше не будет замков на этой земле, моя королева. Даже наши жалкие пушки теперь бы справились.

Она кивнула головами в знак согласия. Тщательник большую часть своего времени с Компьютером проводил, обучаясь делать вещи — в частности, пушки. Резчица же больше интересовалась тем, к чему эти вещи в конце концов приводят. Теперь она знала куда больше даже Джоанны о том, как влияет на общество оружие — от самого примитивного и до такого странного, что кажется вообще не оружием. Тысячи миллионов раз уже технология замков

уступала пушкам, почему в этот раз должно быть по-другому?

— Тогда давай...

Издали донесся странный свист — одно из немногих ядер противника. Она свернулась вокруг щенков и застыла. В двадцати ярдах от нее Хранитель спрятался в укрытие. Но когда ядро прилетело, глухой удар раздался куда выше по холму. *Это могло быть и наше ядро.*

— Теперь наши войска могут воспользоваться произведенными разрушениями. Я хочу, чтобы Булат знал: старые игры в пытки и выкуп сделают ему только хуже.

Скорее всего звездолет и ребенка удастся отбить у Булата. Вопрос только в том, будут ли они к тому времени живы? Резчица надеялась, что Джоанна никогда не узнает, какой риск планирует Резчица на ближайшие часы.

— Есть, Ваше Величество.

Но, произнеся эти слова, Тщательник не сделал ни одного движения, чтобы отбыть. Он выглядел еще более грязным и озабоченным, чем всегда.

— Резчица, я опасаюсь...

— Чего? Мы на волне, и надо плыть на ней, пока она есть.

— Да, Ваше Величество. Но когда мы пойдем вперед, останутся опасности на флангах и в тылу. Разведчики противника и пожары.

Тщательник был прав. Орудующие в тылу свежеватели были эффективны и беспощадны. Их было немного — большая часть сил противника была убита или рассеяна на Маргамском подъеме. Те, кто терзали фланги Резчицы, были вооружены обычными арбалетами и топорами, но необычайно хорошо координированы. А тактика у них была блестящей: Резчица узнавала в ней морды и когти Свежевателя. Каким-то образом ее злое дитя выжило. Как чума прошлых лет, он снова расползался над миром. Будь у них время, эти партизанские стаи могли бы серьезно осложнить Резчице снабжение ее сил. Будь у них время. Два ее элемента встали и посмотрели в глаза Тщательника, подчеркнув голосом:

— Тем более нужно действовать сейчас, друг мой. Это мы далеко от дома. Это у нас ограниченное число солдат и

еды. Если мы не победим быстро, мы будем разрезаны на куски.

Освежеваны.

Тщательник встал, кивнув в знак повиновения.

— То же самое говорит Странник. И Джоанна хочет гнаться за ними до самых стен замка... Но есть кое-что еще, Ваше Величество. Даже если мы должны стремиться все вперед: я работал десять декад, используя все, что мог понять из Компьютера, чтобы сделать нашу пушку. Ваше Величество, я знаю, как это трудно. А пушки, которые мы захватили на Маргамском подъеме, бьют в три раза дальше и весят четверть нашей. Как они могли такое сделать? — В его голосе звучали злость и унижение. — Предатель, — мотнул он головой в сторону Хранителя, — считает, что у них в когтях брат Джоанны, но Джоанна говорит, что ничего, подобного Компьютеру, у них нет и быть не может. Королева, у Булата есть еще какое-то преимущество, которого мы пока не знаем.

Не помогали даже казни. День за днем Булат чувствовал, как все больше разъяряется. Стоя один на парапете, он метался туда и обратно, мало что осознавая, кроме собственной ярости. Никогда еще гнев так им не овладевал со времен, когда его кромсал нож Свежевателя. «Овладей собой, пока он не стал резать тебя дальше», — прозвучал вдруг голос того, прежнего Булата.

Зацепившись за эту мысль, он стянул себя вместе. Посмотрел на кровавую слюну, ощутил вкус пепла. Три его плеча были порезаны зубами — он себя покусал. Еще одна привычка, от которой Свежеватель давно его отучил. «Режь наружу, а не внутрь». Булат механически вылизал порезы и подошел к краю парапета.

На горизонте черно-серый туман застилал море и острова. Последние дни летние ветры были горячим, дымным дыханием. А теперь они были сами как пожар и неслись над замком, неся пепел и дым. Не меньше суток дальняя сторона Горькой Кручи была завесой пламени, но сегодня стали видны склоны: черные и коричневые с султаном дыма, который стелился к морскому горизонту. В середине лета всегда случались низовые и верховые пожары. Но в этом

году вся природа взбесилась и пожары были повсюду. Эти проклятые пушки все подожгли. И еще этим летом нельзя отступить в прохладу Скрытого Острова и бросить прибрежный сброд страдать от жары.

Не обращая внимания на ноющие плечи, Булат забегал по камням более задумчиво, чуть ли не аналитически для разнообразия. Эта тварь Хранитель не остался верен своему покупателю и предал собственное предательство. Булат учитывал, что Хранителя могут раскрыть, и у него были другие шпионы, которые об этом донесли бы. Но ведь не было никаких признаков до самой катастрофы у Маргамского подъема. Теперь поворот ножа Хранителя перевернул все его планы вверх ногами. Резчица очень скоро окажется здесь, и не в роли жертвы.

Кто мог предположить, что звездный народ в самом деле должен будет спасать его от Резчицы? Он так старался закончить вражду с южанами до прибытия Равны, но теперь ему и в самом деле нужна помощь с небес — а она могла прибыть только через пять часов. При этой мысли Булат чуть снова не впал в буйство. И неужели вся эта хитрая игра с Амдиджефри была напрасна? С каким удовольствием он прикончит эту парочку, когда все будет позади! Они куда больше других заслужили смерть. Они причинили массу неудобств. Приходилось все время строить из себя добрячка, будто это *они* правят *им!* Они позволяли себе нахальства больше, чем десять тысяч нормальных субъектов.

Со двора замка доносился шум работающих стай, напряженных вскриков, скрип и стон передвигаемых камней. Профессиональное ядро Империи Свежевателя уцелело. Еще два часа — и бреши в стенах будут заделаны и с севера доставят новые пушки.

И главный план все равно будет выполнен. Пока я вместе, что бы ни было потеряно другое, он может быть исполнен.

Почти потерявшийся в шуме, донесся стук когтей по ведущим внутрь ступеням. Булат оттянулся назад, повернул все головы на шум. Теневик? Тот сначала бы о себе объявил. Нет, только один комплект когтей стучал по камням. Булат успокоился — по ступеням поднимался синглет.

Элемент Свежевателя поднялся с лестницы и поклонился Булату — неполный жест без повторения его другими элементами. Радиоплащ элемента сверкал золотом на темном. Армии эти плащи внушали почтительный трепет, как и то, что синглет или двойка были умнее самой талантливой стаи. Даже лейтенанты Булата, которые знали, что такое плащи на самом деле, даже Теневик — держались в их присутствии осторожно и почтительно. А Булату сейчас Фрагмент Свежевателя был нужнее кого угодно, чего угодно, кроме доверчивости звездного народа.

— Какие новости?

— Позволите сесть?

Не было ли за этой просьбой сардонической усмешки Свежевателя?

— Позволяю! — рявкнул Булат.

Синглет опустился на камни. Но Булат знал, когда собеседник вздрагивал: Фрагмент был рассеян по всему Владению уже более двадцати дней. Кроме небольших перерывов, он почти все это время был одет в радиоплащи. Пытка из черноты и золота. Булат видал этого элемента без плаща, когда он мылся. Шерсть его на плечах и ляжках, где плащ давил сильнее всего, вылезла, и посреди лысин были кровоточащие ссадины. Лишенный плаща и разума синглет скулил от боли. Булату это нравилось, хотя этот сам по себе не очень владел словами. Это было почти так, будто он, Булат, был Тем, Кто Учит Ножом, а Свежеватель был его учеником.

Синглет минуту помолчал. Булат слышал, как он безуспешно пытается скрыть тяжелое дыхание.

— Последние сутки прошли хорошо, Властитель.

— Только не здесь! Мы потеряли почти все пушки. Мы заперты в стенах.

А звездный народ, быть может, прибудет слишком поздно.

— Я имел в виду — там. — Синглет ткнул носом в сторону открытого пространства за парапетом. — Ваши разведчики отлично обучены, Властитель, и у них есть талантливые командиры. Сейчас я рассыпан вокруг тыла и флангов Резчицы. — Синглет сделал свой жест частичного смеха. — «В тылу и на флангах». Странно. Для меня вся армия Рез-

чицы — как одна стая противника. Наша пехота для меня как шипы на моих собственных лапах. Мы глубоко вгрызаемся в бока королевы, Властитель. Я пустил пожар на Горькой Круче. Только я вижу точно, куда он идет и как его использовать, чтобы убивать. Еще четверо суток — и от линий снабжения королевы ничего не останется. Она будет у нас в челюстях.

— Это слишком долго, если мы погибнем сегодня.

— Да. — Синглет склонил голову, глядя на Булата. *Он надо мной смеется!* Как в те времена под ножом Свежевателя, когда перед Булатом ставилась проблема, а наказанием за неверное решение была смерть. — Но Равна и компания должны быть здесь через пять часов, нет? — Булат кивнул. — Тогда хорошо, я гарантирую вам, что вы на несколько часов опередите решающий штурм Резчицы. Вам принадлежит доверие Амдиджефри. Похоже, вам нужно будет только сдвинуть вперед и сжать ваш прежний план. Если Равна дошла до нужного отчаяния...

— ...Дошла. Это я знаю. — Пусть Равна и маскировала свои истинные мотивы, но отчаяние ее было явным. — И если ты сможешь задержать Резчицу...

Булат остановил движение всех своих элементов и сосредоточился на построении текущих планов. Он полусознательно ощутил, как отступают его опасения. Планирование всегда приносило ему спокойствие.

— Проблема в том, что придется делать два дела сразу, и очень координировано. Раньше нужно было просто симулировать осаду и заманить звездолет в Челюсти нашего замка.

Булат повернул голову в сторону двора. Каменный купол над приземлившимся звездолетом был возведен еще к середине весны. Он был несколько поврежден обстрелом, мраморная облицовка рассыпалась, но прямых попаданий не было. Рядом находилось поле Челюстей: достаточно большое, чтобы принять приземлившийся корабль, и окруженное каменными колоннами — зубами Челюстей. При надлежащем использовании пороха зубы упадут на спасателей. Это было последним средством — если не удастся убить и захватить людей, когда они пойдут к своему драгоценному

Джефри. Схема эта любовно шлифовалась много декад, уточнялась с помощью сведений Амдиджефри о человеческой психологии и его знании о том, как обычно приземляются звездные корабли. Но теперь...

— Теперь нам на самом деле нужна их помощь. То, чего я у них прошу, должно выполнить двойную задачу: обмануть их и уничтожить Резчицу.

— Трудно сделать и то и другое одновременно, — согласился Плащ. — А почему не сделать это в два этапа, причем первый более или менее без обмана: пусть они уничтожат Резчицу, а *потом* мы подумаем, как их захватить?

Булат задумчиво пощелкал когтями по камню.

— Да, неплохо бы. Но трудность в том, что если они увидят слишком много... Вряд ли они так наивны, как Джефри. Он говорит, что в истории человечества были замки и войны. Если они слишком много будут летать вокруг, они увидят то, чего Джефри не видел или не понял... Может быть, я уговорю их сесть в замке и поставить на стены оружие. Как только они окажутся между Челюстями, они станут заложниками. Черт побери, это потребует тонкой работы с Амдиджефри. — Спокойствие построения абстрактных планов уступило место вспышке ярости. — Мне все труднее и труднее работать с этой парой.

— Да они оба — полностью щенки, во имя всех Стай! — Фрагмент на секунду остановился и добавил: — Конечно, у этого Амдиджефри больше интеллектуальной мощи, чем я видал у любой стаи. Ты думаешь, он может преодолеть свою *детскую*... — Фрагмент употребил самнорское слово, — наивность и увидеть обман?

— Нет, не в этом дело. Их шеи у меня в челюстях, а они все еще этого не видят. Ты прав, Тиратект, они меня любят. — *А я их за это ненавижу.* — Когда я вокруг них, богомол все время ко мне лезет; он мог бы перерезать мне глотку или выколоть глаза, а он только обнимается и гладит. И ожидает от меня ответной любви. Да, они верят во все, что я говорю, но за это я должен терпеть их бесконечную наглость.

— Будь хладнокровен, дорогой мой ученик. Искусство манипуляции — воспринимать чужую душу, но не давать ей тронуть твою.

И Фрагмент резко замолчал, как всегда, дойдя до края. Но на этот раз Булат зашипел в ответ, даже не успев осознать свою реакцию:

— Не читай мне лекций! Ты — не Свежеватель, ты фрагмент! Черт тебя побери, ты теперь просто фрагмент фрагмента! Скажи я слово — и ты мертв. Разрезан на тысячи кусков!

Булат пытался остановить дрожь, захватившую все его элементы.

Почему я его до сих пор не убил? Я же больше всего в мире ненавижу Свежевателя, и это было бы так просто.

Нет, этот фрагмент всегда был крайне необходим — он был единственным, что отделяло Булата от провала. И он был под властью Булата.

Сейчас этот синглет очень натурально съежился от ужаса.

— Сидеть, ты! Мне нужны твои советы, а не поучения, и тогда ты будешь жить... Каковы бы ни были причины, для меня невозможно продолжать комедию с этими щенками. Еще один час такого — и я знаю, что начну их убивать. Итак, я хочу, чтобы ты поговорил с Амдиджефри. Объясни «ситуацию». Объясни...

— Но... — в удивлении поглядел на него синглет.

— Я буду наблюдать. Отдавать этих двоих в твое распоряжение я не собираюсь. Ты будешь заниматься тесной дипломатией.

Фрагмент сник, более не скрывая боли в плечах.

— *Если таково твое желание, Властитель.*

Булат показал все зубы.

— Разумеется, оно таково. Только помни, я буду присутствовать при всех важных моментах, особенно при прямых переговорах по радио. — Он махнул головой синглету, приказывая удалиться. — Теперь иди и нянчи этих детей и научись сам владеть собой.

Когда Плащ удалился, Булат вызвал на парапет Теневика. Следующие несколько часов прошли в обходе оборонительных сооружений и совещании со штабистами. Булата даже удивило, как сильно решение проблемы щенков улучшило его разум. Его советники, казалось, тоже это почувствовали и даже настолько осмелели, что стали делать предложения по существенным вопросам. Там, где бреши

в стенах нельзя было заделать, решено было устроить волчьи ямы. Пушки из северных мастерских должны были быть доставлены еще до конца суток, и одна из стай Теневика работала над альтернативным планом снабжения провизией и водой. Доклады разведчиков сообщали о постоянных успехах в нападениях на тылы противника — он потеряет почти все свое снаряжение, еще не достигнув Холма Звездолета. Даже и сейчас до холма долетали редкие ядра.

Когда солнце достигло высшей точки на юге, Булат снова был на парапете, обдумывая, что сказать звездному народу.

Все было почти как в прежние дни, когда планы воплощались в жизнь и результат ожидался потрясающий, но вполне достижимый. И все же... где-то на задворках сознания все эти часы после разговора с синглетом тоненькими коготками царапался страх. Булат, казалось, командовал. Фрагмент Свежевателя, казалось, подчинялся. Но эта стая, рассеянная теперь на мили, казалась куда монолитней, чем раньше. Да, раньше Фрагмент часто симулировал равновесие, но свое внутреннее напряжение скрыть не мог никогда. Последнее же время он казался вполне довольным собой, даже самодовольным. Фрагмент Свежевателя отвечал за силы Империи к югу от холма Звездолета, а теперь — когда Булат *заставил* его принять на себя эту обязанность — Плащи будут каждый день общаться с Амдиджефри. И не важно, что мотив решения исходил от Булата. Не важно, что Фрагмент находился в очевидном состоянии смертельного истощения. В полноте своего гения Великий мог бы заставить лесного волка принять его за свою королеву. *А знаю ли я, что на самом деле говорит он другим стаям, когда я не слышу? А не может ли он скармливать моим шпионам ложные сведения о себе?*

Теперь, когда отступили непосредственные заботы, коготки страха забирали глубже. *Да, он мне нужен. Но сейчас куда меньше места для ошибок.* И вдруг Булат испустил счастливый аккорд, принимая риск. Если будет необходимо, он воспользуется тем, что узнал от работы со вторым комплектом плащей и искусно скрыл от Свежевателя Тиратекта. Если будет необходимо, Фрагмент узнает, что смерть может быть быстра, как *радио.*

* * *

Даже выравнивая скорости, Фам продолжал работать гипердвигателем. Это сэкономит часы подлетного времени, но корабль не был рассчитан на такую азартную игру. «Внеполосный» прыгал по всей солнечной системе. Им и нужен-то был всего один удачный прыжок, а всего один неудачный прыжок — внутрь планеты — убил бы их всех. Основная причина, по которой обычно в такую игру не играли.

После часов насилия над полетной автоматикой и игры в рулетку с гипердвигателем у бедняги Фама руки стали заметно дрожать. Когда появлялся в окне мир Стальных Когтей — иногда всего лишь далекой голубой точкой, — Фам смотрел на него секунду, и Равна видела, как им овладевали сомнения: память подсказывала ему, что он должен хорошо справляться с автоматикой низких технологий, но в некоторые примитивы «Внеполосного» было просто не пробиться. А может быть, все его воспоминания о собственном умении и о Кенг Хо были дешевой подделкой.

— Флот Погибели — время подлета? — спросил Фам.

Зеленый Стебель следила за навигационным окном из каюты наездников. Этот вопрос задавался за последний час уже в пятый раз, но голос ее был спокоен и терпелив. Может быть, она считала, что повторение вопроса — вещь вполне естественная.

— Дистанция сорок пять световых лет. Расчетное время подлета сорок восемь часов. Еще семь кораблей сошли с курса.

Равна выполнила упражнение на вычитание: осталось еще сто пятьдесят два корабля преследования.

Вокодер Синей Раковины перекрыл слова его подруги:

— За последние двести секунд они несколько увеличили скорость, но я отношу это за счет местных изменений условий вблизи Дна. Сэр Фам, вы действуете хорошо, но я знаю свой корабль. Мы могли бы выиграть еще немного времени, если бы вы допустили меня к управлению. Прошу вас...

— Заткнись.

Фам говорил резким голосом, но почти автоматически. Этот разговор — или обрыв разговора — случался так же часто, как запрос Фама о флоте Погибели.

В начале путешествия Равна считала, что богошок — в некотором смысле сверхчеловек. А это оказались кусочки и фрагменты; загруженная в панической спешке автоматика. Может быть, она работала правильно, а может быть, сошла с ума и рвала Фама на части своими ошибками.

Бесконечный цикл страхов и сомнений вдруг прервался мягким голубым светом. Планета Стальных Когтей! В двадцати тысячах километров висел длинный и узкий полумесяц, край освещенной поверхности планеты. Остальная ее часть смотрелась темным пятном на фоне звезд, только причудливым зеленым занавесом светилось полярное сияние у южного полюса. Джефри Олсндот был на другой стороне планеты, в царстве арктического дня. Радиосвязи не будет, пока они не долетят — а как перестроить ультраволновую связь на такое короткое расстояние, Равна не знала.

Она отвернулась от окна. Фам все еще смотрел в звездное небо за ее спиной.

— Фам, а что нам дадут сорок восемь часов? Мы просто уничтожим Контрмеру?

А что будет с Джефри и народом господина Булата?

— Может быть. Но есть и другие возможности. Должны быть. — Последние слова прозвучали тихо. — За мной уже и раньше гонялись. Меня еще и не так загоняли в угол.

Он старался не попадать своими глазами в ее.

38

За последние два дня Джефри видел небо не более часа. Они с Амди сидели в безопасности под каменным куполом, прикрывавшем сбежавший корабль, но отсюда ничего не было видно. *Если бы не Амди, я бы тут и минуты не просидел.* В некотором отношении это было даже хуже, чем в первые дни на Скрытом Острове. Те, кто убили маму, папу и Джоанну, были всего в нескольких километрах от-

сюда. Они захватили несколько пушек господина Булата, и последние дни целыми часами гремели взрывы — буханье, от которого тряслась земля, а иногда что-то даже ударяло в стены купола.

Еду им приносили, а когда эти двое не сидели в командной рубке, они бродили снаружи корабля по комнатам со спящими детьми. Джефри выполнял простые процедуры обслуживания, которые помнил, но очень боялся заглядывать в окошки гибернаторов. Кое-кто из детей почти не дышал. Кажется, внутренняя температура слишком поднялась. И ни он, ни Амди не знали, что с этим делать.

Здесь ничего не менялось, но сейчас одно радостное событие все же случилось. Кончилось долгое молчание Равны. Амдиджефри и господин Булат говорили с ней *голосом!* Еще три часа — и ее корабль будет здесь! И даже бомбардировка кончилась, будто Резчица поняла, что ее время кончается.

Еще три часа. Предоставленный самому себе, Джефри провел бы его в такой озабоченности, что хоть на стены лезь. Ведь ему теперь было девять лет — взрослый человек со взрослыми проблемами. Но с ним был Амди. Кое в чем эта стая была умнее Джефри, но Амди был таким маленьким ребенком — лет этак на пять, как считал Амдиджефри. Если он не погружался в глубокое раздумье, то не мог усидеть на месте. После вызова от Равны Джефри хотел сесть и серьезно поволноваться, но Амди начал гоняться сам за собой между колоннами. Он перекликался голосами Джефри и Равны и якобы случайно налетел на мальчика. Джефри подпрыгнул и сердито глянул на играющих щенят. *Просто маленький ребенок.* И вдруг мелькнула мысль, счастливая и одновременно грустная: «Значит, так смотрела на меня Джоанна?» Нет, теперь у него тоже были обязанности. Например, быть терпеливым. Когда один из щенят пробегал мимо его колен, Джефри сгреб вертящееся тельце в охапку и поднял, а вся остальная стая радостно налетела на него со всех сторон.

Они упали на сухой мох и несколько секунд боролись.

— Давай полазаем, давай полазаем!

— Мы должны быть здесь, если вызовут Равна или господин Булат.

— А ты не волнуйся, мы вспомним и вернемся.

— Ладно.

И в самом деле, куда они здесь могли деваться?

Дети вышли в освещенный факелами полумрак галереи, идущей по внутреннему краю купола. Насколько видел Джефри, они там были одни. Это не было необычным: господин Булат очень беспокоился, чтобы шпионы Резчицы не подобрались к кораблю. Даже его собственные солдаты редко сюда заходили.

Амдиджефри и раньше уже обследовал внутренние стены. За занавесами они были холодные и влажные на ощупь. Были вентиляционные отдушины наружу, но они находились на высоте почти десять метров, где стены закруглялись, переходя в свод купола. Камень был только обтесан, но еще не отшлифован. Рабочие господина Булата лихорадочно спешили возвести защиту до подхода армий Резчицы. Нигде камень не был отшлифован, и занавесы были не украшены.

Впереди и позади Джефри Амди вынюхивал что-то в щелях и свежей извести.

— Ха! Давай сюда! Я так и знал, что здесь кладка расшатана, — раздался впереди голос стаи.

Джефри полностью отпустил своего друга в нишу в стене. Она выглядела точно как раньше, но Амди царапал ее пятью парами лап.

— Если ты даже ее расшатаешь, что это тебе даст?

Джефри видел, как укладывали каменные блоки. Каждый был шириной почти в пятьдесят сантиметров, и клали их внахлест. Если вытащить один, дальше все равно будет только камень.

— Ха-ха, не знаю. Я оставил это дело до тех пор, пока нам не придется убивать время... Ой! Известь губы жжет.

Он еще поскребся, и стая передала назад кусок камня размером с голову Джефри. Теперь в стене действительно образовалась дыра, и Амди мог туда пролезть. Один его элемент нырнул в пещерку.

— Доволен? — Джефри нагнулся к дыре и попытался заглянуть внутрь.

— Знаешь что? — Возбужденный голос Амди взвизгнул от элемента рядом с ухом Джефри. — Здесь ход, а не ка-

менная кладка! — Элемент протиснулся мимо уха Джефри и исчез в темноте. Тайный ход? Совсем как в ньоранской волшебной сказке. — И он достаточно велик для взрослого элемента, слышишь, Джефри? Ты бы тоже мог здесь пролезть на локтях и коленях.

Еще два элемента Амди исчезли в дыре.

Сам потайной ход мог бы вполне быть достаточным для человеческого ребенка, но во входную дыру едва пролезали щенки. Джефри оставалось только смотреть в темноту. Часть Амди, оставшаяся у входа, рассказывала, что он там нашел.

— ...уходит очень, очень далеко. Я пару раз даже сам на себя накладывался. Верхняя часть меня сейчас поднялась на пять метров, как раз у тебя над головой. Это свихнуться можно. Я весь натянут.

Амди звучал глупее, чем в своей обычной игривой дурашливости. Еще два его элемента скрылись в дыре. Это превращалось в серьезное приключение — а Джефри не мог принять в нем участие.

— Не уходи далеко, это может быть опасным.

Один из оставшейся с ним пары посмотрел ему в глаза:

— Не волнуйся, не волнуйся! Этот ход не случайно здесь. Его прорезали в камнях, когда укладывали. Это нарочно пути отхода подготовил господин Булат. Ха-ха, все хорошо, все хорошо!

Еще один исчез в дыре. Еще через секунду туда нырнул последний, но он остался возле входа, чтобы Амди мог говорить с Джефри. Стая дико веселилась, что-то распевая и скрипя на разные голоса. Это была еще одна игра, в которую Джефри никогда играть не сможет. В такой расстановке мысли Амди искажались до невозможности. Черт возьми, сейчас, когда он играет там, в камне, это еще интереснее, потому что только ближайшие элементы могут обмениваться мыслями.

Дурацкое пение длилось еще несколько минут, а потом Амди заговорил почти разумно:

— Эй, этот ход местами разветвляется. Передо мной развилка. Один ход ведет вниз... Эх, хотел бы я иметь столько элементов, чтобы пойти в обе стороны.

— Но у тебя же их нет!

— Ха-ха, сегодня я пойду верхним... — Молчание. — Эй, тут дверца! Как раз на размер элемента. И не заперта. — Амди передал звук скрежета камня по камню. — Ха! Я вижу свет! Еще пять метров, и ход открывается в окно. Я слышу ветер.

Он передал шум ветра и крик морских птиц, которые парят над Скрытым Островом. Чудесный звук.

— Ой-ой, придется растянуться, но я хочу выглянуть... Джефри, я вижу солнце! Я снаружи, сижу на куполе. И вижу все на юг. Ой, как тут дымно!

— А что на склоне холма? — спросил Джефри у ближайшего элемента. Белые пятна его шерсти были еле видны в темноте дыры, но контакт с Амди не терялся.

— Чуть желтее, чем декаду назад. И солдат ни одного не видно. — Джефри услышал переданный Амди звук пушечного выстрела. — Ой! Зато тут стреляют. Ядро ударило в гребень. Там кто-то есть, но я не вижу.

Резчица. Явилась наконец. Джефри вздрогнул, сердясь, что ему не видно, и боясь того, что мог бы увидеть. Ему часто снились кошмары с участием Резчицы, что она сделала с мамой, папой и Джоанной. Никогда он не видел всего целиком — только обрывки воспоминаний.

Ничего, господин Булат разделается с этой Резчицей.

— Ого! Сюда идет Тиратект.

Из дыры раздались топающие звуки — Амди беспорядочно отступал. Не надо, чтобы Тиратект знал, что в стенах замка есть потайной ход. Он просто им прикажет держаться от него подальше. Один, два, три, четыре — половина Амди уже вылезла из дыры. Они бродили вокруг, слегка оглушенные. Джефри не знал, то ли это из-за только что пережитого растяжения, то ли они временно потеряли связь с остальной стаей.

— Держись естественно, естественно!

Потом вылезли остальные четверо, Амди начал успокаиваться и повел Джефри быстрой рысью подальше от стены.

— Пойдем к коммуникатору. Притворимся, что пытаемся вызвать Равну.

Амди отлично знал, что корабль не выйдет на связь еще минут тридцать. На самом деле это он проверил расчеты торможения для господина Булата. И тем не менее он

взлетел по ступеням звездолета и стянул радио вниз. Они вдвоем уже вставляли антенну в бустер сигнала, когда открылась дверь на западной стороне купола. На фоне дневного света стояла часть стаи-охранника и одиночный элемент Тиратект. Охранник отступил, закрыв за собой дверь, а Плащ медленно прошел к ним по заросшей мхом земле.

Амди бросился вперед и затараторил насчет их попытки использовать радио. Немножко пережимает, подумал Джефри. Щенки еще не оправились от своего путешествия внутри стены.

Синглет посмотрел на известковую пыль на шерсти Амди.

— В стене лазил?

— Чего? — Амди оглядел себя и заметил пыль. Обычно он бывал умнее. — Ага, — признался он со стыдом и отряхнул пыль. — А вы никому не скажете?

«Держи карман», — подумал Джефри. Господин Тиратект выучил самнорский лучше господина Булата и кроме Булата был единственным, у которого было время с ними разговаривать. Но еще до радиоплащей он легко выходил из себя и вообще не терпел возражений. У Джефри бывали няни такого типа. Тиратект бывал приятен до какого-то момента, а потом становился язвительным или говорил что-нибудь злое. Потом это немного выправилось, но Джефри все равно его недолюбливал.

Но господин Тиратект сначала ничего не сказал. Он только сидел согнувшись, будто у него болела холка.

— Нет. Я никому не скажу.

Джефри и Амди удивленно переглянулись.

— А зачем этот ход? — спросил Джефри.

— Во всех замках есть потайные ходы, особенно в моих... во владениях господина Булата. Нужны пути для тайного бегства и еще — чтобы шпионить за своими врагами. — Синглет потряс головой. — Ладно, не важно. Твое радио хорошо принимает, Амдиджефри?

Амди повернул голову к дисплею коммуникатора.

— Я думаю, да, но сейчас принимать нечего. Видите ли, корабль Равны должен затормозить, и... я могу вам показать расчеты? — Но господин Тиратект явно не хотел возиться с меловыми досками. — В общем, если им повезет с гипердвигателем, у нас очень скоро будет радиосвязь.

Но в окошке коммуникатора обозначалось отсутствие поступающего сигнала. Они смотрели еще несколько минут. Господин Тиратект опустил морду и, кажется, заснул. Только его тело каждые несколько секунд дергалось. Джефри подумал: а что делают его остальные элементы?

Потом окно коммуникатора засветилось зеленым. Раздалась какофония звуков — прибор пытался вычленить сигнал из шумового фона.

— ...над вами через пять минут, — сказал голос Равны. — Джефри, ты слушаешь?

— Да! Мы здесь!

— Дай мне поговорить с господином Булатом.

Господин Тиратект шагнул к коммуникатору.

— Его сейчас здесь нет, Равна.

— Кто это?

Тиратект рассмеялся — это было хихиканье. Он что, никогда другого не слышал?

— Я? — Он произнес нечто, что для Джефри звучало как «Тиратект». — Или вы хотите услышать взятое имя? Как Булат? Я не знаю точного слова, но можете называть меня... господин Шкуродер. — Тиратект снова засмеялся. — Сейчас я говорю за господина Булата.

— Джефри, что там у тебя?

— Все в порядке, Равна. Слушай господина Шкуродера. Что за странное имя?

В коммуникаторе послышались заглушенные звуки — что-то раздраженно говорил мужской голос. Потом снова вернулся голос Равны, только он был напряжен, как у мамы, когда она очень сердилась:

— Джефри... каков объем шара диаметром десять сантиметров?

Во время предыдущего разговора Амди нетерпеливо ерзал. Весь год он слышал от Джефри рассказы о людях и все гадал, на что же похожа эта Равна. Теперь был шанс показать себя. Он прыгнул к коммуникатору и улыбнулся Джефри.

— Равна, это просто. — Он говорил голосом Джефри и очень бегло. — Это пятьсот двадцать три целых пятьсот девяносто восемь тысячных кубических сантиметров... или тебе нужны еще цифры после запятой?

Приглушенный разговор...

— Нет, этого хватит. Ладно, господин Шкуродер, у нас есть результаты съемок с прошлого витка и общий радиопеленг. Где вы точно находитесь?

— Под куполом замка на вершине Холма Звездолета. Непосредственно у побережья рядом с...

Его перебил мужской голос с забавным акцентом. Фам?

— Нашел на карте. Мы вас не видим — слишком сильный туман.

— Это дым, — ответил Плащ. — Противник с юга уже совсем рядом. Ваша помощь нам нужна немедленно... — Он опустил морду вниз от микрофона, закрыл и открыл глаза. Задумался? — ...Гм, да. Без вашей помощи погибнем и мы, и Джефри, и корабль. Прошу вас приземлиться во дворе замка. Как вы знаете, мы специально укрепили его к вашему прибытию. После посадки мы сможем воспользоваться вашим оружием...

— Ни в коем случае, — прервал его человек. — Вы только отделите хороших от плохих, а дальше предоставьте действовать нам.

Голос Тиратект стал вкрадчивым, как у ребенка, который пришел жаловаться. *Он и в самом деле нас изучил.*

— Нет-нет, я не хотел быть невежливым. Конечно, делайте так, как считаете нужным. А силы врага отличить легко: все, что возле замка с южной стороны холма — это противник. Один проход на... гм... факеле вашего корабля — и вы увидите, как они побегут.

— Я не могу лететь в атмосфере на факеле. А твой папа, Джефри, он в самом деле посадил корабль на главном ракетном двигателе? Без антигравов?

— Да, господин Фам. У нас только и оставался ракетный двигатель.

— Гениальный и везучий человек.

Равна:

— Может быть, мы просто пролетим над ними в паре тысяч метров. Это может их отпугнуть.

— Да, но быть может... — начал Тиратект.

Но тут отворилась входная дверь. На фоне дневного света стоял силуэт господина Булата.

— Дай мне с ними поговорить, — сказал он.

* * *

Цель всего полета была на глубине двадцати километров под «Внеполосным». Так близко, но пройти эти двадцать тысяч метров могло оказаться не проще, чем все двадцать тысяч световых лет пути.

Сейчас они парили на антиграве точно над Холмом Звездолета. Мультиспектральное зрение «Внеполосного» не очень помогало, но, когда дым не закрывал обзор, корабельная оптика позволяла пересчитать иглы на деревьях внизу. Равна видела, как силы «Резчицы» штурмуют кручи к югу от замка. Были с ними и другие войска, а также, очевидно, пушки, спрятанные в лесу вблизи фиорда дальше к югу. Чуть больше времени — можно было бы точно обнаружить и их. Но времени у них как раз и недоставало.

Времени и доверия.

— Сорок восемь часов, Фам. А потом на нас со всех сторон навалится флот Погибели. — Может быть, *может быть*, богошок может сотворить чудо; но, околачиваясь здесь, наверху, об этом не узнать.

Еще одна попытка:

— Фам, тебе придется кому-то поверить.

Фам так полыхнул на нее взглядом, что она испугалась, как бы он не пошел совсем вразнос.

— А ты поднесла бы себя этому Булату на блюдечке? Средневековые мерзавцы не глупее тех, которых ты видела в Крае, Рав. Они даже могли бы кое-чему научить этих бабочек. Стрела в голову убьет тебя так же верно, как бомба с антиматерией.

Опять фальшивые воспоминания? Но в одном Фам был прав. Она припомнила только что окончившийся разговор: эта вторая стая — Булат — был чуть слишком настойчив. Он хорошо обращался с Джефри, но был явно в сильной тревоге. И она поверила ему, когда он заявил, что облет на большой высоте не отпугнет силы Резчицы. Им придется спуститься ближе и пустить в ход огневую мощь. Сейчас всю их огневую мощь составляло лучевое ружье Фама.

— Ладно, как хочешь. Делай то, о чем вы говорили с Булатом. Пролети на посадочном модуле мимо позиций Резчицы и сожги их лазером.

— Черт возьми, ты же знаешь, что я не могу этого сделать. Посадочного модуля никто из нас не знает, а без автоматики...

— ...А без автоматики тебе придется принять помощь Синей Раковины, — тихо сказала Равна.

В лице Фама отразился ужас. Она протянула к нему руку, коснулась. Он долго молчал, казалось, не заметив этого.

Потом низким, придушенным голосом произнес:

— Да. — И после паузы: — Синяя Раковина! Давай сюда быстрее.

В посадочном модуле «Внеполосного» для Фама и наездника места было более чем достаточно. Судно было рассчитано на экипаж наездников, но если бы высшая автоматика работала, Фам бы тоже легко с ним управился — даже ребенок управился бы. Но теперь судно не могло обеспечить устойчивого полета, а «ручное» управление задавало работу даже Синей Раковине. *А, чертова автоматика!* Большую часть своей жизни Фам прожил в Медленной Зоне. Все эти десятилетия он управлял звездолетами и системами оружия, которые могли бы стереть с лица земли раскинувшуюся внизу феодальную империю. А теперь, с оборудованием невероятно более мощным, он не мог даже летать на дурацком посадочном модуле.

В отсеке для экипажа Синяя Раковина занял место пилота. Его ветви рассыпались по подставкам и приборам управления. Автоматические дисплеи он отключил, только главное окно давало естественный вид с носовой камеры шлюпки. На несколько сот метров выше парил «Внеполосный», то вплывая, то выплывая из кадра, пока модуль скользил назад и вниз.

Нервные движения Синей Раковины — суетливые, как казалось Фаму, — сменились уверенностью, когда он повел шлюпку. Голос из вокодера звучал сурово и по-деловому, а края ветвей вертелись среди ручек управления — упражнение, которого Фам не смог бы выполнить, если бы даже всю жизнь тренировался на этом оборудовании.

— Спасибо вам, сэр Фам... я докажу, что мне можно доверять.

Нос шлюпки нырнул вниз, и теперь они смотрели почти прямо на изрезанную фиордами береговую линию в двадцати километрах ниже. Пять минут они свободно падали, а ветви наездника ерзали на подставках. Увлекся или?.. Нет...

— Простите, простите... — И ускорение. Фама вдавило в обвязку нагрузкой, колебавшейся от десятой доли g до невыносимых ударов. Шлюпка вертелась, и перед глазами мелькнул «Внеполосный», теперь не больше мотылька.

— А разве необходимо убивать, сэр Фам? Может быть, просто наше появление над полем боя...

Нювен скрипнул зубами.

— Ты только спусти нас вниз.

Этот тип Булат был тверд как алмаз насчет того, что надо сжечь весь склон холма. И несмотря на все подозрения Фама, в этом стая могла быть права. Против них была шайка убийц, которая не побоялась напасть на звездолет. Этим резчикам надо всерьез показать силу.

Шлюпка отсчитывала километры вниз. Даже в естественном виде уже были ясно видны укрепления Булата: грубо выложенный многоугольник вокруг сбежавшего корабля и куда более грандиозное строение через весь остров несколькими километрами на запад. *Интересно, так ли выглядел замок моего отца с посадочных модулей Кенг Хо?* Стены были высоки и отвесны. Явно Стальные Когти не имели понятия о порохе, пока не услышали о нем от Равны.

Долина к югу от замка была пятном темного дыма, клубившегося в сторону моря. Даже без фильтрации данных были видны горячие точки, языки оранжевого, вгрызавшиеся в черное.

— Вы на высоте две тысячи метров, — донесся голос Равны. — Джефри говорит, что он вас видит.

— Свяжи меня с ними.

— Попробую, сэр Фам. — Синяя Раковина зашевелил ветвями, и лишенная его внимания шлюпка сделала почти полный круг. Даже не всякий падающий лист летит так хаотично.

Пискнул детский голос:

— Как вы там? Только не падайте!

А потом голос Булата, как гибрид голоса ребенка и Равны:

— Идти на юг! Идти на юг! Огненное ружье, сожгите их быстро!

Синяя Раковина уже ввел шлюпку в дым. Несколько секунд они летели вслепую. Просвет в пелене дыма вдруг открыл перед ними склон холма всего в двухстах метрах, и он быстро приближался. Фам не успел выругаться, как Синяя Раковина уже повернул и вывел шлюпку в более чистый воздух. Потом завис, чтобы можно было смотреть прямо вниз.

После тридцати недель разговоров и планов Фам впервые увидел стаи Стальных Когтей. Даже отсюда было видно, что они очень отличаются от всех знакомых Фаму разумных существ: группы из четырех, пяти или шести элементов держались так тесно, что казались единым паукообразным живым существом. И каждая стая стояла в десяти–пятнадцати метрах от ближайшего соседа.

В полумраке блеснула пушка. Стая, бывшая ее расчетом, двигалась как единая координированная рука, откатывавшая ствол и забивающая в дуло новый заряд.

— Но если это противник, сэр Фам, где же они взяли пушки?

— Украли.

Заряжающиеся с дула?

Но у Фама не было времени додумывать эту мысль.

— Вы над ними, Фам! Я вижу, как вы выныриваете из дыма. Вас сносит к югу на пятнадцать метров в секунду, и вы теряете высоту.

Это говорил ребенок, снова со своей невероятной точностью.

— Убейте их! Убейте их!

Это Булат.

Фам вывернулся из паутины и подполз к люку, где они смонтировали лучевое ружье. Это была единственная вещь, уцелевшая после пожара в мастерской, но с этой вещью он, видит Бог, *умел* обращаться.

— Держи нас ровно, Синяя Раковина! Если ты меня перевернешь, я сожгу тебя вместе со всем остальным.

Фам вытолкнул люк и закашлялся от едкого дыма. Антигравы Синей Раковины вынесли их на открытое место, и Фам навел лучемет на позиции стай.

* * *

Резчица сначала потребовала, чтобы Джоанна осталась в базовом лагере. Джоанна в ответ взорвалась, да так, что даже теперь еще сама себе удивлялась. С самых первых дней на планете Стальных Когтей она не была так близка к тому, чтобы напасть на стаю. Никто и никогда не удержит ее вдали от места, где она может найти Джефри! В конце концов был заключен компромисс: Джоанна будет всюду ходить под охраной Странника. Она может следовать вместе с армией, пока подчиняется его приказам.

Джоанна вглядывалась в плывущий дым. Черт побери, ведь Странник всегда был таким беззаботным шутником! По его собственным словам, его столько раз убивали за годы его жизни, а теперь он не дает ей даже подойти к пушкам Тщательника.

Они вдвоем бежали по террасе холма. Несколько часов назад здесь прошел низовой пожар, и вокруг держался пряный запах горелого мха. А с этим запахом возродились воспоминание о пережитом здесь же год назад ужасе...

С обеих сторон от них в двадцати метрах бежали доверенные стаи-охранники. Здесь можно было не опасаться разведчиков противника, и ответного огня свежевателей тоже уже не слышалось. Но Странник категорически отказался подходить с ней ближе.

Все не так, как в том году. Тогда было солнечное голубое небо и чистый воздух — и убили ее родителей. Сейчас она вернулась сюда со Странником, и голубое небо стало желто-серым, и мшистые полосы на склонах почернели. И теперь с ней были стаи, сражающиеся с нею заодно. И теперь был шанс...

— Да пусти же меня ближе, черт подери! Что бы со мной ни случилось, у Резчицы останется Олифант!

Странник встряхнулся — жест отрицания у стай. Один из его щенков высунулся из куртки и поймал Джоанну за рукав.

— Чуть позже, — произнес Странник в десятый раз. — Подождем гонца от Резчицы. Тогда мы...

— Я хочу быть там! Я же единственная, кто знает корабль!

Джефри, Джефри! Если бы только Хранитель был прав...

Она повернулась шлепнуть Шрамозадого от злости, когда это случилось. В спину пахнуло теплом, и ярко вспыхнул дым. Еще раз. Еще раз. И по небу пролетел быстрый раскат грома.

Странник вздрогнул.

— Это не артиллерия! — крикнул он. — У меня два элемента чуть не ослепли. Пойдем!

Он окружил ее, чуть на сбивая с ног, и толкнул-потащил вниз по холму.

Секунду Джоанна бежала с ним, почти оглушенная. Свой эскорт они потеряли.

Крики боя наверху стихли — резкий гром заставил замолчать всех. Когда дым рассеялся, стала видна одна из пушек Тщательник, и ствол ее торчал из лужицы расплавленной стали. Канонир был разорван в клочья. Да, это не артиллерия. Джоанна судорожно вырвалась из хватки Странника. *Не артиллерия!*

— Космонавты! Странник, это факел двигателя!

Странник снова вцепился в нее и поволок вниз.

— Нет, не факел двигателя! Его я слыхал. А это тише — и кто-то его наводит.

Раздалась долгая очередь отдельных взрывов. Сколько же погибло солдат Резчицы прямо сейчас?

— Они думают, что мы напали на корабль, Странник. Если мы ничего не сделаем, они перебьют всех.

Его челюсти чуть ослабли на ее рукавах и штанинах.

— А что мы можем? Болтаться здесь — это просто погибнуть без толку.

Джоанна взглянула в небо. Летательных аппаратов не видно, но ведь дыма сколько... Солнце висело тусклым кровавым шаром. Если бы только спасатели знали, что убивают ее друзей! Если бы они только видели... Она уперлась ногами в землю.

— Если я выйду туда, где они меня увидят... Пусти меня, Странник! Я должна выйти на холм, где нет дыма!

Он остановился, но хватка его была столь же цепкой. Четыре взрослых лица и два щенячьих смотрели прямо на нее, и в каждом взгляде читалась нерешительность.

— Прошу тебя, Странник. Это наш единственный шанс.

По холму вниз текли стаи, окровавленные, от некоторых остались фрагменты.

А напуганные глаза Странника еще минуту смотрели на Джоанну.

— Я всегда думал, что этот холм — моя смерть. Сначала Описатель, теперь ты — вы все спятили. — Прежняя усмешка Странника пробежала по его элементам. — Ладно, попробуем!

И те двое, что были без щенков, пошли вверх по холму, разведывая самый безопасный путь.

Джоанна с остальными пошла сзади. Они шли через крутую террасу. Летний жар иссушил прохладную болотистую землю, которую Джоанна помнила с приземления, и твердо хрустел под ногами горелый мох. Путь бы должен был быть легким, но Странник выбирал самые густые заросли, каждую секунду приседая, чтобы осмотреться по сторонам. Они дошли до края террасы и полезли вверх. Попадались места столь крутые, что Джоанне приходилось хвататься за стремена курток Странника, и он втаскивал ее наверх. Они прошли мимо пушки — того, что от нее осталось. Джоанна видала такое только в рассказах компьютера, но расплавленный металл и обугленная плоть могли означать только какое-то лучевое оружие. Через весь холм тянулась цепь таких же кратеров — уничтожение, вколоченное в уже сожженную землю.

Джоанна вытянулась на закруглении скалы.

— Вот перелезем эту, и мы уже на следующей террасе, — сказал ей в ухо голос Странника. — Поспеши, я слышу крики. — Он опустил два свои элемента вниз, их эполеты повисли возле ее рук. Джоанна вцепилась в них, отталкиваясь ногами. Минуту она и стая качались над четырехметровым обрывом, и вот она уже лежит на коричневатом мху — не горелом. Странник сгрудился вокруг, скрывая ее. Она пролезла между его ногами. Отсюда были видны внешние стены замка Булата. Лучники стояли на стенах, не скрываясь, пользуясь хаосом среди войск Резчицы. Фактические потери Резчицы при атаке с воздуха были невелики, но сейчас даже невредимые метались без толку. Среди солдат королевы трусов не было — и Джоанна это знала, — но они столкнулись с силой, от которой не могло быть защиты.

Дым над головой таял, и над лежащим перед ними полем битвы раскинулось голубое небо. Еще до отлета на Верхнюю Лабораторию Джоанна с матерью часто летали на экскурсию в нетронутую природу Больших Болот на Страуме. Сенсоры их лагерного снаряжения без всякого труда обнаруживали в небе крылатых; даже если на этом корабле автоматика не настроена на поиск людей, ее все равно должны заметить.

— Ты что-нибудь видишь?

Четверка взрослых голов координированно завертелась в разные стороны.

— Нет. Этот корабль либо очень далеко, либо за дымом.

Черт. Джоанна встала с колен и побежала к стенам замка. Туда-то они должны смотреть!

— Резчица будет недовольна.

Двое солдат королевы уже бежали к ним, привлеченные их целеустремленным видом или появлением Джоанны. Странник махнул им, чтобы они отошли назад.

Одна в открытом поле меньше чем в двухстах метрах от стен замка. Даже если смотреть без оптики, как можно ее не видеть?

Ее и заметили: с легким шелестом у ее ног воткнулась в дерн метровая оперенная стрела. Шрамозадый схватил ее за плечо и потащил вниз, к земле. Щенки сдвинули его щиты в оборонительную позицию: Странник сделал из себя баррикаду между нею и замком и побежал обратно. Обратно в дым.

— Нет! Беги параллельно! Мне надо, чтобы меня видели!

— Ладно, ладно...

И тут раздался тихий шепот смерти. Джоанна держала Шрамозадого за плечо, пока они бежали через поле. И почувствовала, как он зашатался. Стрела попала ему в мякоть плеча, в сантиметре от мембраны.

— Все нормально, я жив! Только не вставай.

К нему катились передние ряды войск Резчицы — дюжина стай бежала через террасу. Странник прыгал вверх и вниз и кричал голосом, который делал больно, как физический удар. Что-то насчет не подходить и насчет опасности с неба. Но они не останавливались.

— Они хотят убрать тебя из-под стрел.

Вдруг они заметили, что огонь со стен замка прекратился. Странник осмотрел небо:

— Он вернулся! Идет с востока, за километр от нас.

Джоанна взглянула, куда он показывал. Это была какая-то штука, примерно одинаковая в длину и в ширину, может быть, предназначенная для космоса, хотя шипов гипердвигателя на ней не было. Она болталась и прыгала. Реактивных двигателей не было видно. Антигравы? Не человеческий экипаж? Эти мысли прыгали и вертелись, но их перекрывала радость.

Из мачты на брюхе корабля сверкнул бледный свет, и грязь ударила гейзерами возле солдат, которые бежали ее защитить. Снова этот раскатистый гром, только теперь свет летел по земле от ее друзей прямо к ней.

Амдиджефри стоял на бастионе, и Булат прятал гневные взгляды от этой пары. Но сделать ничего было нельзя — Равна потребовала Джефри на прямую радиосвязь, чтобы он корректировал удар. Эта человеческая женщина не была полностью глупа, но все равно. Армия всегда выглядит как армия, своя она или чужая. И очень скоро армия за этими стенами перестанет существовать.

— Как получился первый проход? — донесся ясный голос Равны из коммуникатора.

Ответил не Джефри: все восемь элементов Амди бегали вокруг всего бастиона, пара выглядывала в бойницы, осуществляя стереонаблюдение, а остальные глазели на Булата и на радио. Говорить ему, чтобы не совался, не имело смысла. И теперь Амди ответил голосом Джефри:

— Нормально. Я насчитал пятнадцать импульсов. И только десять попаданий. Спорить могу, я бы стрелял лучше.

— Черт побери, это лучшее, на что я способен с этим [незнакомые слова].

Это сказал не голос Равны. *Каждый может найти, за что ненавидеть этих щенят.* И эта мысль согрела Булата.

— Прошу вас, — произнес Булат, — стреляйте еще.

Он выглянул из бойницы. Атака с воздуха очистила от противника полосу у края ближайшей террасы. Зрелищные разрушения — как от огромных пушечных ядер или от посадки двадцати звездолетов. И все от маленького суде-

нышка, болтавшегося в воздухе, как осенний лист. Передние ряды противника в панике рассыпались. На стенах его собственные солдаты плясали от радости. Положение было аховое после потери пушек, и им было нужно что-то такое, чтобы их подбодрило.

— Лучников, Теневик! Стрелять по уцелевшим! — И Булат продолжил по-самнорски: — Передние ряды продолжают наступать. Они идут... — *Черт побери, как сказать по-самнорски «самоуверенно»?* — Без дополнительной помощи они нас уничтожат.

Человеческий детеныш посмотрел на Булата в удивлении. Если он сейчас скажет, что это ложь, тогда... Через минуту отозвалась Равна:

— Не знаю... они далеко от ваших стен — по крайней мере насколько мне видно. Я не хочу устраивать бойню... — Быстрый разговор с человеком на летающей машине, кажется, даже не по-самнорски. И голос у него не был довольным. — Фам отойдет на несколько километров. Если ваш противник будет наступать, он тут же вернется.

Сссст!

Высокий разговор Теневика ударил как физическая боль. Булат повернулся с бешеным взглядом. Да как он смеет... Но его лейтенант смотрел расширенными глазами, показывая в центр поля боя. Конечно, Булат и туда направлял пару глаз, но смотрел не очень внимательно.

Еще один двуногий!

Фигура богомола упала за сопровождающую стаю — слава Стае, Амдиджефри не успел заметить. Как хорошо, что щенки близоруки! Булат шагнул вперед, окружив часть Амди и гаркнув на других, чтобы уходили со стены. Оба элемента Тиратект подошли ближе, хватая ослушников.

— Вниз! — крикнул Булат на языке стай. На секунду все смешалось, мысли щенков заглушали его собственные. Амди поплелся от него прочь, отвлеченный шумом и грубыми толчками. И Булат добавил по-самнорски: — Там появились еще пушки. Вниз давайте, пока вас не ранило.

Джефри направился было к парапету:

— Но я не вижу...

К счастью, там и нечего было видеть — пока. Двуногая все еще скрывалась за одной из стай Резчицы. Теневик

взял человеческого детеныша лапами и пастями, и он вместе с элементом Тиратект потащили протестующих детей вниз по лестнице. По дороге Тиратект уже расцвечивала историю Булата, сообщая о войсках, которые она видит из-под гребня холма.

— Взорвать малый пороховой погреб! — прошипел Булат вслед уходящему Теневику. Погреб был почти пуст, но его взрыв мог убедить космонавтов в том, в чем не убеждали слова.

Оставшись один, Булат на мгновение застыл, молчаливо вздрагивая. Никогда еще он не проходил так на волосок от крушения. У бойниц его лучники поливали дождем стрел вражью стаю и Двуногую. Но те были почти за пределами выстрела.

Во дворе замка Теневик взорвал малый погреб. Взрыв вышел приличный, куда громче попадания артиллерийского снаряда; одна внутренняя башня развалилась на куски. Дождь обломков посыпался на внутренний двор, самые мелкие долетели до Булата на бастионе.

Голос Равны что-то кричал по-самнорски, очень быстро — Булат не понял. Теперь все его планы, все надежды — все балансировало на острие ножа. На карту поставлено все.

Булат прислонил плечо поближе к коммуникатору и произнес:

— Прошу прощения, у нас все пошло быстро. Под прикрытием дыма подошло много резчиков. Вы можете убить тех, кто на склоне?

Видят ли эти богомолы сквозь дым? Вот в чем был риск.

Снова вернулся голос стрелка:

— Могу попытаться. Наблюдай.

И третий голос, дрожащий и монотонный даже по человеческим стандартам:

— Это будет еще через пятьдесят секунд, сэр Булат. Нам непросто повернуть.

И хорошо. Следи за своим полетом и оружием и не слишком сильно рассматривай цель.

Лучники отогнали девчонку назад, почти под завесу дыма. Другие стаи бежали ее защищать. Когда Гости вернутся, она потеряется среди многих целей.

Два его элемента увидели планирующую вниз через дым летающую машину. Гостям не могло быть ясно видно, во что они стреляют. Из брюха машины вспыхивал бледный свет. Как коса, идущая по склону холма к войскам Резчицы.

Фам вертелся вокруг своего насеста, пока Синяя Раковина разворачивал шлюпку к цели. Двигались они не быстро, и поток воздуха тоже не мог быть быстрее тридцати метров в секунду. Но каждая секунда была полна чертовой уймой рывков и толчков. Был момент, когда только хватка Фама на турели лучемета удержала его внутри машины. *Через сорок часов сюда прибудет самое страшное во всей Вселенной, а я тут гоняюсь с ружьем за собаками.*

Как отбить склон холма? Скулеж Булата все еще отдавался у него в ушах. И Равна тоже не была уверена в том, что видит с борта «Внеполосного» под завесой дыма. Уж лучше совсем обойтись без автоматики, чем с таким ублюдочным гибридом. Слава богу, хоть лучеметом он управлял вручную. Фам обхватил турель одной рукой, а другой наводил. При широком рассеянии луч был бессилен против брони, но мог выжигать глаза и поджигать шкуру и волосы — а захват тогда будет десятки метров на уровне земли.

— Пятнадцать секунд, сэр Фам, — раздался у него в ушах голос Синей Раковины.

На этот раз они прошли низко. Просветы в дыму мелькали, как стоп-кадры. Почти вся земля обгорела дочерна, но были и выходы скал, и покрытые сажей снежники в расщелинах и затененных впадинах. То здесь, то там лежали груды собачьих тел или расплавленная пушка.

— Впереди скопление, сэр Фам. Они направляются к замку.

Фам выглянул вперед. Толпа была в метрах в четырехстах впереди. Она бежала параллельно стенам замка, через поле, утыканное древками стрел. Фам нажал гашетку, заметая лучом поле под шлюпкой. Под сухой коркой было еще много воды, и она взрывалась под лучом фонтанами пара... Но кроме этого широкое рассеяние мало что давало. Еще пара секунд — и можно будет стрелять прицельно по этим несчастным стаям.

А теперь — время слабых подозрений. Откуда у противника эти пушки, заряжающиеся с дула? Их они должны были сделать сами — в мире без признаков огнестрельного оружия. Булат — это был классический средневековый интриган-манипулятор, какого Фам мог распознать за тысячу световых лет. И они сейчас делали грязную работу для этого типа. *Заткнись. С Булатом разберемся позже.*

Наведя луч на стаи, Фам снова выстрелил, проведя теперь лучом по живой плоти. Потом выстрелил вперед стай и по стене замка; может быть, они не все умрут. Высунул голову в зону пониженного давления возле корпуса, стараясь всмотреться получше. Впереди стай лежала сотня метров открытого поля, а на ней — одиночная стая четырех собак — *и фигурка человека, тонкая, черноволосая, подпрыгивающая и машущая руками.* Фам ударил стволом о корпус, ставя его на предохранитель. Обратная вспышка тепла опалила ему брови.

— Синяя Раковина! Сажай машину! Сажай!

39

— Плохое понимание. Ей солгали.

Равна пыталась что-то прочесть за его голосом. Булат говорил по-самнорски так же скрипуче, тем же детским и жалобным голосом. Отличия от прежнего ну совсем не было... Но как-то очень натянуто выглядела его история после случившегося. Либо он был самым большим мастером бесстыдства на всю Галактику... либо говорил правду.

— Очевидно, девочка была ранена, а потом обманута Резчицей. Это многое объясняет, Равна. Без нее Резчица не решилась бы напасть. Без нее не было бы опасности.

По закрытому каналу донесся голос Фама:

— Девочка действительно была без сознания во время нападения, Рав. Но она чуть мне глаза не выцарапала, когда я только заикнулся, что она может быть неправа насчет Булата и Резчицы. А стая, которая была с ней, внушает доверия куда больше, чем Булат.

Равна вопросительно посмотрела через стол на Зеленого Стебля. Фам не знал, что наездница здесь. Тяжелое дело. Зеленый Стебель была островом здравого смысла посреди безумия — и она знала «Внеполосный» несравненно лучше Равны.

Пока она сомневалась, Булат заговорил вновь:

— Если посмотреть, ничего не изменилось, разве что к лучшему. Еще один человек оказался жив. Как же вы можете в нас сомневаться? Поговорите с Джефри — он понимает. Мы сделали все, что могли для детей в... — булькающий звук, и другой голос закончил: — в анабиозе.

— Конечно, нам обязательно надо с ним поговорить, Булат. Он — лучшее доказательство честности твоих намерений.

— Хорошо, Равна, через несколько минут. Но понимаешь ли, он и моя лучшая защита от всяких хитростей с вашей стороны. Я знаю, насколько вы могущественны. Я... я вас боюсь. Нам надо... — булькающая консультация, — ...успокоить друг друга в наших опасениях.

— Гм. Мы что-нибудь выработаем. А теперь дай нам поговорить с Джефри.

— Хорошо.

Равна переключила каналы:

— А ты что думаешь, Фам?

— Для меня здесь нет вопросов. Эта Джоанна — не такой наивный ребенок, как Джефри. Мы всегда знали, что Булат — крепкий орешек. Это другие факты мы воспринимали неверно. Место приземления в середине его территории. Убийца — он. — Голос Фама упал почти до шепота. — Черт возьми, это, быть может, ничего не меняет. Корабль у него, и я должен туда попасть.

— Там будет еще одна засада.

— Знаю. Но разве это важно? Если мы сможем дать мне время для работы с Контрмерой, это может... это будет того стоить.

Самоубийственный шаг при выполнении самоубийственной миссии?

— Я не уверена, Фам. Если мы дадим ему все, что он хочет, он убьет нас, даже не подпустив к кораблю.

— Он попытается. Слушай, в любом случае заставь его продолжать разговор. Может быть, мы сможем запеленговать его радио и выбить этого типа оттуда к чертовой матери.

Но в голосе его не было оптимизма.

Тиратект не отвел их ни обратно в корабль, ни в их комнаты. Они спустились по лестницам внешних стен, сначала часть Амди, потом Джефри и потом остальной Амди, а за ними — синглет от Тиратекта.

Амди все еще ныл:

— Не понимаю я, не понимаю. Мы же можем помочь!

Джефри:

— А я никаких пушек не видел.

Синглет был переполнен объяснениями, хотя они звучали так же неубедительно, как и прежде:

— Я видел их одним из своих других элементов там, в долине. Мы вводим в бой всех наших солдат. Нужно выстоять, иначе никто из нас не доживет до спасения. И сейчас здесь для вас самое лучшее место.

— А откуда ты знаешь? — спросил Джефри. — Ты можешь прямо сейчас поговорить с Булатом?

— Да, один мой элемент с ним наверху.

— Так скажи ему, что мы должны помочь. Мы говорим по-самнорски даже лучше тебя.

— Скажу прямо сейчас, — быстро ответил Плащ.

В стене больше не было оконных щелей. Только горящие фитили факелов освещали туннель через каждые десять метров. Воздух был холодный и застоявшийся, на камнях без драпировки блестела влага. Маленькие двери были сделаны не из полированных досок. Вместо них были решетки, а за ними — темнота. «Куда это мы идем?» — подумал Джефри. Ему вспомнились подземные тюрьмы древних легенд, коварная западня, погубившая Двух Великих и Графиню Озера.

Амди, казалось, ничего такого не чувствовал. При всей проказливости своей натуры Щенки был доверчив; он всегда зависел от господина Булата. Но родители Джефри никогда так не поступали, даже во время бегства с Верхней Лаборатории. Вдруг Джефри по-другому увидел господина Булата, будто тот больше не давал себе труда притворяться

хорошим. А этому Тиратекту, который теперь был тише воды, ниже травы, Джефри вообще никогда не доверял.

На холме никаких новых угроз не было!

Страх, упрямство и подозрение сработали вместе: Джефри обернулся и встал напротив Плаща.

— Мы дальше не пойдем. Это не то место, где нам полагается быть. Мы хотим говорить с Равной и с господином Булатом. — И вдруг пришло освобождающее озарение. — А ты не такой большой, чтобы нас остановить!

Синглет резко попятился и сел. Склонил голову, моргнул.

— Значит, вы мне не доверяете? И правильно. Здесь вы никому не можете доверять, кроме самих себя. — Глаза его перешли с Джефри на ряд Амди, взглянули дальше по коридору. — Булат не знает, что я вас сюда привел.

Признание было сделано так быстро, так легко. Джефри проглотил слюну.

— Ты привел нас сюда уб-бивать.

Все элементы Амди смотрели на него и на Тиратекта расширенными от изумления глазами.

Синглет помотал головой в частичной улыбке.

— Ты думаешь, что я предатель? Наконец-то после всего какое-то здравое подозрение. Я тобой горжусь. — И господин Тиратект все так же гладко зажурчал по-самнорски: — Ты окружен предателями, Амдиджефри. Но я в их число не вхожу. Я привел вас сюда, чтобы вам помочь.

— Я это знаю. — Амди потянулся вперед и коснулся синглета мордой. — Ты не предатель. Ты — единственный, кроме Джефри, до кого я могу дотронуться. Мы всегда хотели тебя любить, но ты...

— Ох, но вы *должны* быть подозрительными. Если не будете — умрете. — Тиратект оглядел щенков и нахмуренного Джефри. — Твоя сестра жива, Джефри. Она сейчас там, за стенами, и Булат все время это знал. И это он убил твоих родителей; он сделал почти все, что приписывал Резчице. — Амди попятился, трясясь в гневном отрицании. — Ты мне не веришь? Забавно. Когда-то я хорошо умел лгать; я мог бы уговорить рыбу заплыть ко мне в пасть. А сейчас, когда годится только правда, я не могу тебя убедить. Слушай!

И вдруг голос синглета стал голосом говорящего почеловечески Булата. Он говорил с Равной и высказывал

оправдания для нападения, которое он только что организовал на Джоанну.

Джоанну! Джефри рванулся вперед и упал на колени возле Плаща. Почти не думая, он схватил синглета за глотку и стал трясти. Тот щелкал зубами около его рук, пытаясь освободиться. Амди бросился вперед и стал оттаскивать его за рукава. Джефри отпустил руки. В сантиметрах от его лица горели в свете факелов глаза синглета. А Амди говорил:

— Человеческие голоса легко подделать...

— Конечно, — презрительно бросил фрагмент. — И я же не притворяюсь, что это прямая передача. То, что ты сейчас слышал, сказано несколько минут назад. А вот — то, что мы с Булатом планируем прямо сию секунду.

Самнорская речь резко смолкла, и коридор наполнился булькающими аккордами языка стай. Даже после годичного опыта Джефри только приблизительно понимал смысл разговоров. Кажется, говорили две стаи. Одна из них приказывала другой что-то сделать, привести Амдиджефри — этот аккорд звучал ясно — наверх.

Амдиранифани вдруг затих, каждым напряженным элементом вслушиваясь в передаваемые звуки.

— Хватит! — вдруг пронзительно взвизгнул он, и в коридоре стало тихо, как в гробнице. — Ой, господин Булат, ой, господин Булат! — запричитал Амди, и все его элементы сгрудились у ног Джефри. — Он говорит Равне, что тебе будет плохо, если она его не послушается. Он хочет убить Гостей, когда они приземлятся. Я не понимаю.

В широко раскрытых глазах стояли слезы.

Джефри ткнул рукой в сторону Плаща:

— А может, он и это подделал.

— Не знаю. Я бы никогда не смог так хорошо подделать разговор двух стай... — Дрожь щенячьих тел передавалась Джефри, и слышался человеческий плач, отдаленно знакомый безнадежный плач потерявшегося ребенка. — Джефри, что мы будем делать?

Но Джефри молчал, вспоминая и наконец понимая смысл первых минут, когда войска Булата его спасли — захватили? Воспоминания, вытесненные потом добрым

отношением, выплывали из закоулков памяти. *Мама, папа, Джоанна... Но ведь Джоанна еще жива, она за стенами...*

— Джефри?

— Я тоже не знаю. Может быть, спрячемся?

Минуту они смотрели друг на друга молча. Потом заговорил фрагмент:

— У вас есть выход получше, чем прятаться. Вы знаете о проходах в стенах. Если бы вы знали входы — а я их знаю, — можете выйти куда захотите. Даже наружу.

Джоанна!

Амди перестал плакать. Три его элемента смотрели на Тиратекта спереди, сзади и сбоку. А остальные все так же жались к Джефри.

— Тебе мы все равно не доверяем, Тиратект, — ответил Джефри.

— Отлично, отлично. Я — стая из разных частей. Может быть, не каждая заслуживает доверия.

— Покажи нам все выходы.

А мы сами решим.

— На это не хватит времени...

— Ладно, ты начни. А пока будешь показывать, передавай, что говорит господин Булат.

Синглет помотал головой вверх и вниз, и снова понесся множественный поток речи стай. Плащ с явной болью поднялся на ноги и повел детей вниз по боковому ходу, где факелы почти все уже догорели. И самым громким здесь звуком была капающая где-то вода. Замок был всего год как построен, но если не замечать свежих следов на краях камней, ход казался очень древним.

Щенки снова плакали, и Джефри погладил того, который был у него на плечах.

— Амди, переводи мне, пожалуйста.

После паузы зазвучал неуверенный голос Амди:

— Г-господин Булат спрашивает, где мы. Тиратект отвечает, что нас завалил обвал потолка во внутреннем крыле. — И в самом деле где-то они слышали подвижку кладки несколько минут назад, но это было далеко. — Господин Булат послал остальные элементы Тиратекта найти господина Теневика, чтобы нас откопали. Только он говорит... как-то совсем по-другому.

— Может, это не он, — шепнул Джефри.

Долгое молчание.

— Нет, это он. Только он очень сердит и говорит странные слова.

— Взрослые слова?

— Нет, страшные слова. Говорит, чтобы резать и убивать... Равну, и тебя, и меня. Он... он нас не любит, Джефри.

Синглет остановился. Они стояли у последнего факела в стене, и было так темно, что можно было разглядеть только тени. Синглет показал на какую-то точку в стене, Амди подошел и толкнул камень. А все это время господин Тиратект говорил, передавая разговоры, которые велись наверху.

— Да, — сказал Амди, — здесь открывается. И ты сможешь тоже пролезть, Джефри. Я думаю...

Тиратект заговорил человеческим голосом:

— Космонавты опять вернулись. Я вижу их маленькую летающую лодку... Кажется, я вовремя убрался. Булат начинает подозревать. Еще несколько секунд, и он начнет искать повсюду.

Амди посмотрел в темную дыру.

— Я думаю, надо идти, — сказал он тихо и грустно.

— Ага, — согласился Джефри, наклоняясь и берясь за плечо ближайшего к нему элемента Амди. Тот повел его к дыре с острыми краями. Если подобрать плечи, то можно было ползти. Один из элементов Амди пролез в дыру перед ним. Остальные пойдут сзади.

— Надеюсь, эта дыра не станет у́же.

— Не должна, — откликнулся Тиратект. — Все проходы рассчитаны на стаю в легкой броне. Только вот что: держитесь на поворотах тех проходов, которые закругляются вверх. Идите и в конце концов выйдете наружу. Летающая повозка Фама... э-э... в пятистах метрах от стен.

Джефри даже не мог повернуть голову, чтобы спросить:

— А что, если господин Булат погонится за нами в стенах?

После короткого молчания Тиратект ответил:

— Вряд ли, если не будет знать, где вы вошли. Слишком долго вас пришлось бы искать. Но... — и тут его голос стал мягче, — на самом верху стен есть выходы. На случай,

если солдаты противника попытаются проникнуть снаружи, должен быть способ их убить прямо в стенах. Он может налить туда нефть.

Эта возможность Джефри не испугала. Сейчас он просто не мог себе этого представить.

— Значит, нам надо спешить.

Джефри пополз вперед, а остальные элементы Амди — за ним. Он уже ушел на несколько метров в камень, когда услышал у входа голос Амди, его последнего элемента:

— А как же вы, господин Тиратект?

Тот ответил с обычным своим цинизмом в голосе:

— Я приземлюсь на все четыре лапы. А вы не забудьте, пожалуйста, что это я вам помог.

Потом люк закрылся, и они поползли вперед, в темноту.

Переговоры, понимаешь. Для Фама было очевидно, что идея Булата о «взаимно безопасной встрече» была лишь прикрытием для западни. Новые предложения этой стаи не обманули даже Равну. По крайней мере это значило, что Булат импровизирует — что все его сценарии и планы кончились. Беда была в том, что Булат по-прежнему не давал им шансов на вход. Фам бы с радостью отдал жизнь за несколько спокойных часов наедине с Контрмерой, но Булат так все подстроил, что они все будут мертвы раньше, чем увидят изнутри корабль беглецов.

— Мотайся вокруг, Синяя Раковина. Я хочу, чтобы мы висели у Булата над душой, но не были мишенью.

Наездник махнул веткой в знак согласия, и лодка быстро подскочила вверх с мшистой земли, проплыла сотню метров параллельно стенам замка и снова опустилась. Они были на ничьей земле между войсками Резчицы и силами Булата.

Джоанна Олсндот извернулась и посмотрела на Фама. В лодке было теперь чертовски тесно — Синяя Раковина растянулся в носу над панелью управления, рассчитанной на наездника, Фам и Джоанна втиснулись в кресла за самой его спиной, а стая с именем Странник забила собой весь остальной объем.

— Даже если обнаружите передатчик, не стреляйте. Джефри может быть рядом.

Уже двадцать минут назад Булат обещал, что Джефри сейчас появится.

Фам взглянул на ее вымазанное сажей лицо.

— Не бойся, стрелять не будем, если не будем точно видеть, во что бьем.

Девочка кивнула. Ей вряд ли было больше четырнадцати, но она была хорошим солдатом. После такого спасения половина его знакомых по Кенг Хо впала бы в истерику. А из остальных мало кто мог бы так хорошо доложить обстановку, как Джоанна и ее друг.

Фам посмотрел на стаю. К таким созданиям не сразу привыкнешь. Сначала он подумал, что у двух собак растут лишние головы, но потом увидел, что это просто торчащие из карманов щенки. Этот «пилигрим» был на борту весь, а вот с какой его частью надо разговаривать? Фам выбрал голову, которая смотрела в его сторону.

— Какие есть теории, как иметь дело с Булатом?

Стая говорила по-самнорски лучше Фама.

— Булат и Свежеватель хитрее всех и всего, что я видел в компьютере Джоанны. А Свежеватель к тому же хладнокровен.

— Свежеватель? Не помню личности с таким именем. Мы говорили с «господином Шкуродером». Он вроде какой-то помощник Булата.

— Хм... Он достаточно хитер, чтобы прикинуться мелкой сошкой... хотел бы я, чтобы мы могли слетать посоветоваться с Резчицей.

В его интонациях была искусно спрятана просьба. Интересно, какой процент народа стай отличается подобной гибкостью? Если они выйдут в космос, несравненная получится раса торговцев.

— К сожалению, у нас нет на это времени. Дело в том, что если мы не прорвемся прямо сейчас, мы потеряем все. Только молюсь, чтобы Булат об этом не догадался.

Головы слегка перегруппировались. Самый большой, тот, у которого из куртки торчало древко стрелы, придвинулся ближе к девочке.

— Ну, если всем заправляет Булат, то у нас есть шанс. Он очень умен, но мы полагаем, что он выходит из себя, когда положение становится трудным. Узнав, что ты на-

шел Джоанну, он теперь ловит себя за хвосты от злости. Если не давать ему овладеть собой, он может наделать крупных ошибок.

— Он может убить Джефри! — резко вмешалась Джоанна.

Или взорвать звездолет.

— Равна, как там с Булатом?

— Никак, — ответил коммуникатор голосом Равны. — Его угрозы стали чуть прозрачнее, а самнорскую речь стало труднее понимать. Он пытается притащить пушку с северной стороны замка; я думаю, он не знает, что мне видно... И пока он не привел Джефри к радиопередатчику.

Девочка побледнела, но ничего не сказала. Рука ее украдкой стиснула одну из лап Странника.

Синяя Раковина в течение всей спасательной операции был очень молчалив: во-первых, потому что его ветви были заняты полегом, во-вторых, потому что Джоанна и Фам много чего имели друг другу сказать. Фам заметил, что часть Странника вежливо обнюхивает наездника, а Синяя Раковина не возражает против такого внимания: его раса давно привыкла с самым разным обычаям.

Но вдруг наездник произнес «Брап!», прося внимания.

— Сэр Фам, что-то происходит перед замком.

Пилигрим уже туда смотрел — одна голова помогала другой работать с подзорной трубой.

— Да. Открылись главные ворота для вылазки. Только зачем Булату сейчас высылать солдат? Резчица их перемелет.

Но противник явно выпускал в поле пехоту. Стремительным потоком из широкой дыры вылетали стаи, совсем как войска в воспоминаниях Фама. Но, оказавшись в поле, они рассыпались на группы от четырех до шести собак каждая и разбегались по периметру замка.

Фам наклонился вперед, стараясь подальше заглянуть вдоль стен замка.

— Может, и нет. Эти ребята вперед не идут, а остаются под прикрытием лучников замка.

— Это да, но у нас еще остались пушки... — На секунду совершенная имитация человеческого голоса прервалась, и кокпит заполнился булькающими аккордами языка стай. — Что-то очень странное. Как будто они хотят не выпустить кого-то наружу.

— А есть другие выходы?

— Возможно. И много узких ходов, рассчитанных на одного элемента.

— Равна?

— Булат прекратил разговор. Что-то сказал насчет заполнивших замок предателей. А теперь только бульканье языка стай слышно.

Через все амбразуры бастионов были видны снующие солдаты противника над теми, кто были в поле. Что-то разворошило это крысиное гнездо.

Сосредоточенный ужас был написан на лице Джоанны Олсндот; свободную руку она сжала в кулак, а губы ее слегка дрожали.

— Я все это время думала, что он погиб. Если они убьют его сейчас, я... — Вдруг ее голос стал громче: — Что они делают?

На стены втаскивали разливочные ковши.

Фам знал. При отражении осад на Канберре тоже такое использовалось. Он посмотрел на девочку, но промолчал. *Мы ничего не можем сделать.*

Но стая по имени Странник не была столь добра — или не считала себя вправе скрывать от Джоанны правду.

— Это нефть, Джоанна. Они хотят кого-то убить внутри стен. Но если он сможет выбраться наружу... Синяя Раковина, я читал о громкоговорителях. Можно ли им воспользоваться? Если Джефри внутри стен, Резчица сможет смести войска Булата с поля и с бастионов.

Фам открыл рот, чтобы возразить, но Синяя Раковина уже дал Страннику канал. По всему холму загремел голос пилигрима, говоривший на языке Стай. Вдоль всех стен на этот голос стали поворачиваться головы. Для них это должно было звучать как голос бога. Еще секунду слышались аккорды и трели, потом все стихло.

Тут же раздался голос Равны из коммуникатора:

— Не знаю, что вы там сделали, но Булат пошел вразнос. Я еле разбираю, что он говорит — что-то насчет пыток, которым он подвергнет Джефри, если мы не отгоним войска Резчицы.

— Тогда ладно, — хмыкнул Фам. — Синяя Раковина, поднимай.

Хватит этих тонкостей.

Синяя Раковина поднял шлюпку в воздух. Они поплыли вперед едва ли быстрее бегущего человека. За их спиной на гребень холма выходили войска Резчицы. Они сильно отошли назад после карательного рейда Фама: надо было многое решить перед тем, как вновь подступить к замку. Но Резчица все равно еще далеко дотягивалась: над бастионами появились всплески огня и дыма, сопровождаемыми резкими лопающимися звуками. Попытка убить Джефри Олсндота выходила Булату очень дорого.

— Ты можешь лучеметом убрать войска Булата со стен? — спросила Джоанна.

Фам собрался было кивнуть, затем заметил, что делается в замке.

— Посмотри на нефть.

Между стаями противника и охраняемыми ими стенами разливались темные лужи. Пока не будет ясно, откуда выйдет мальчик, лучше не затевать игры с огнем.

— Ой-ой! — сказал Странник. И выкрикнул что-то в громкоговоритель. Артиллерия Резчицы прекратила огонь.

— Отлично, — сказал Фам. — Теперь все глаза на стены замка. Синяя Раковина, облетай по периметру. Если мы заметим парнишку раньше ребят Булата, у нас есть шанс.

Донеся голос Равны:

— Они рассыпались равномерно вдоль каждой стены, кроме северной. По-моему, Булат понятия не имеет, где мальчик.

Когда бросаешь вызов Небу, ставки высоки.

И я мог выиграть. Если бы он не предал меня. Я мог выиграть.

Но теперь маски были сброшены, и единственно, что играло роль, — грубая физическая мощь врага. Булат выдернул себя из истерического беспамятства последних минут.

Если я не выиграл Небо, я еще могу утащить их всех в Ад.

Убить Амдиджефри, уничтожить корабль, который так хотят получить Гости... а главное — уничтожить своего вероломного учителя.

— Властитель?

Голос Теневика.

Булат повернул к нему голову. Время истерии прошло.

— Как идет заливка? — мягко спросил он.

— Все закончено. Нефть разливается за стенами замка.

Обе стаи припали к земле — бомба Резчицы разорвалась прямо перед бастионом. Ее войска уже прошли половину поля — а лучники Булата были заняты заливкой ходов в стенах и наблюдением за выходами.

— Я думаю, мы могли бы выкурить предателей, властелин. Как раз перед тем, как противник возобновил огонь, мы что-то слышали у юго-восточной стены. Но я боюсь, как бы космонавты не увидели, что мы там делаем.

И его головы судорожно закивали.

«Странно видеть, как разваливается Теневик», — подумал Булат. Теневик был верен, как часы, но сейчас его упорядоченный мир рассыпался, и ничего не было, на что можно опереться. Лишь сумасшествие, из которого он родился, — это все, что в нем осталось.

Если Теневик готов сломаться, значит, осада Холма Звездолета подошла к концу. *Еще чуть-чуть, больше я не прошу ни о чем.* Булат заставил свои элементы принять уверенный вид.

— Понимаю. Ты хорошо поработал, Теневик. Мы еще можем победить. Я знаю, как рассуждают эти богомолы. Если ты сможешь убить ребенка, особенно у них на глазах, это сломит их дух — как можно сломать щенка чистым ужасом.

— Да, Властитель.

В глазах Теневика было унылое неверие, но этот приказ его удержит, даст приемлемое оправдание продолжению работы.

— Зажигайте нефть за стенами. Поставь солдат перед теми выходами, где ожидаешь выхода Амдиджефри. Гости должны это видеть, чтобы это произвело должный эффект. И...

И взорви корабль беглецов!

Эти слова были готовы сорваться в воздух, но Булат вовремя остановился. Взрывчатка, встроенная в Челюсти и в купол Звездолета, разнесет все внутри внешних стен и убьет почти все находящиеся там стаи. Приказать Теневи-

ку это сделать — значит слишком явно выдать свои намерения.

— ...и шевелись быстрее, пока не подошли силы Резчицы. Это последняя надежда Движения, Теневик.

Стая поклонилась, спускаясь по лестнице. Булат держал демонстративную позу, гордо оглядывая поле битвы, пока Теневик не скрылся из виду. Тогда он бросился к другой лестнице и вбил радиопередатчик в каменный пол. Тот не сломался, и из него послышался сердитый голос Равны. Булат бросился по лестнице вниз.

— Ничего не получишь! — взвизгнул он на языке стай. — Все, что ты хотела, погибнет!

И он сбежал по лестнице и устремился через двор. Нырнул в коридор, который шел вокруг Челюстей Гостеприимства. Их легко можно было взорвать, но главный купол и звездолет вполне могли бы уцелеть. Нет, надо бить в сердце. Уничтожить корабль и спящих богомолов. Он вбежал в потайную комнату, схватил два арбалета и один радиоплащ, который заранее подготовил. Внутри плаща была бомба. Он проверил эту идею на втором комплекте радиоплащей, и носивший их погиб на месте.

Еще по другой лестнице, еще один коридор. Шум битвы остался позади, и самым громким звуком было клацанье его собственных стальных когтей. Вокруг громоздились мешочки с порохом, провизия, свежие бревна. До запалов и зарядов оставалось всего пятьдесят ярдов. Булат перешел на шаг, подобрав лапы так, чтобы металл на них не звякал. Прислушался. Огляделся во все стороны. Почему-то он знал, кто здесь будет. Фрагмент Свежевателя. Тень Свежевателя преследовала его всю его жизнь, преследовала даже тогда, когда Свежеватель по большей части умер. Но раньше, до этого явного предательства, Булат не мог дать волю своей ненависти. Скорее всего Хозяин сбежал вместе с детьми, но был шанс, что Свежеватель собирался выиграть *все*. Тогда был и шанс, что он вернулся. Булат знал, что его собственная смерть уже близко. И все же триумф еще возможен. Если он собственными зубами и когтями убьет Хозяина...

О, ради Стаи Стай, милый Хозяин, окажись здесь. Окажись здесь, думая, что можешь обмануть меня еще раз...

И желание сбылось. Послышались неясные звуки мысли. Близко. Из-за кладовых над ним поднялись головы. Еще два элемента Фрагмента показались впереди в коридоре.

— Ученик?

— Учитель! — Булат улыбнулся. Здесь были все пять элементов — Фрагмент смог тайно собрать себя обратно. *Но не было на нем плащей.* Элементы стояли обнаженные, и шерсть их была покрыта гноящимися язвами. Радиобомба оказалась бесполезной. Что ж, это не важно — Булату случалось видать трупы, которые выглядели здоровее этих останков. Не показываясь, он натянул арбалеты. — Я пришел тебя убить.

Мертвые головы пожали плечами:

— Ты пришел попытаться.

В открытом бою когтей и клыков Булат убил бы его без труда. Но Фрагмент поставил три своих элемента наверху, где контейнеры с грузами как-то странно балансировали на краях ниш. Открытый бросок вперед может быть фатальным. Но если сделать верный выстрел... Булат чуть подался вперед, чуть не доходя до места, куда могли упасть контейнеры.

— И ты всерьез рассчитываешь выжить, Фрагмент? Я же не единственный твой враг. — Он махнул носом в сторону коридора. — Там тысячи других, кто жаждет твоей смерти.

Противник махнул головами в мимолетной улыбке, и кровь выступила из открывшихся ран.

— Дорогой мой Булат, кажется, ты никогда не поймешь. Ты создал для меня возможность выжить. Разве ты не видишь? Я спас детей. И даже сейчас я не даю тебе уничтожить звездолет. Это даст мне возможность сдаться на почетных условиях. Я много лет буду слаб, но я останусь жив.

Сквозь боль от ран звучал прежний Свежеватель. Все тот же старый оппортунист.

— Но ведь ты — фрагмент. Три пятых тебя — это...

— ...маленькая школьная училка? — Свежеватель склонил головы и застенчиво мигнул. — Она оказалась сильнее, чем я думал. Одно время она правила этой стаей, но я

потихоньку отвоевал верх. И теперь, даже без остальных, я целостен.

Свежеватель снова целостен! Булат попятился, чуть ли не отступая. Но было в этом всем что-то странное. Да, Свежеватель снова в мире сам с собой, доволен собой, как прежде. Но теперь, когда Булат видел эту стаю в сборе, что-то он увидел в языке тел, такое, что... и тут его озарило, а вместе с озарением пришел прилив неимоверной гордости. *Впервые в жизни я понял дело лучше Мастера.*

— Целостен, говоришь? А ты подумай. Мы оба знаем, как ведется внутренняя душевная борьба — маленькие рационализации, огромные незнания. Ты думаешь, ты убил ту, другую, но откуда же твоя недавняя уверенность? А делаешь ты то же самое, что делала бы на твоем месте Тиратект. Все мысли — твои, но основа их — ее душа. И что бы ты ни *думал*, а победила маленькая школьная училка!

Фрагмент застыл — он начинал понимать. Он потерял внимание всего на долю секунды, но Булат был начеку: он вылетел на открытое место, выпуская стрелы и бросаясь к горлам врага.

40

Раньше полазать внутри стен всегда было бы здорово. Пусть темно было, хоть глаз выколи, но Амди был впереди и позади Джефри, а его носы отлично умели находить дорогу. Раньше была бы дрожь открытий и можно было бы похихикать над умственным состоянием растянутого Амди.

Но сейчас путаница мыслей Амди была просто страхом. Он все время тыкался носами в каблуки Джефри.

— Я быстрее лезть не могу!

Уже и так штаны у Джефри порвались на коленях об острые камни. Он спешил, и уколы острой каменной крошки в колени еле доходили до сознания. Вдруг он ткнулся в ползущего впереди щенка. Тот остановился, извиваясь куда-то в сторону.

— Здесь развилка. Я говорю, что мы... Джефри, что я должен сказать?

Джефри откатился назад, стукнувшись головой о свод лаза. Почти год он подчинялся самоуверенности Амди, его наглой разумности, и вот сейчас... Вдруг он осознал, что над ним многие тонны камня, сжатые со всех сторон. Сузься туннель на несколько сантиметров — и они застрянут здесь навеки.

— Джефри?

Думай!

— А какой ход поднимается вверх?

— Сейчас, секунду. — Передовой элемент стал бегать по ходам развилки.

— Далеко не уходи! — крикнул Джефри.

— Не волнуйся, я... он знает, что должен вернуться. — Послышались возвращающиеся шаги, и передовой щенок ткнулся носом в щеку Джефри. — Тот, что справа, уходит вверх.

Они не прошли и пятнадцати метров, как Амди что-то услышал.

— За нами гонятся? — спросил Джефри.

— Нет. То есть я не уверен. Вот слушай... слышишь? Что-то хлюпающее, вязкое. *Нефть.*

Больше не останавливаться. Джефри полз вверх по лазу как мог быстрее. Голова его стукалась о свод, локти спотыкались на неровностях стен, он не обращал внимания и лез, лез. По щеке его стекала струйка крови.

Теперь даже он слышал, как льется нефть.

Стены лаза смыкались вокруг его плеч. Впереди голос Амди произнес:

— Тупик... или мы у выхода! — Скребущие звуки. — Не могу его сдвинуть! — Щенок повернулся и пролез назад между ногами Джефри. — Толкай сверху, Джефри! Если это такой, как был в куполе, он открывается наверху.

Этот проклятый лаз сужался у самой двери. Джефри поджал плечи, протиснулся вперед и уперся в верх двери. Она сдвинулась примерно на сантиметр. Он еще прополз вперед, так зажатый между стенами, что даже не мог глубоко вздохнуть. Теперь он толкнул изо всех сил. Камень повернулся до конца, и в лицо Джефри плеснул свет. Не всей силой дневного света — они все еще были за каменным углом, но этот свет был лучшим, что Джефри видел за

всю свою жизнь. Еще полметра, и на свободе — только теперь Джефри застрял.

Он задергался, прорываясь вперед, — но стало только хуже. Амди за ним сбивался в кучу.

— Джефри! У меня задние лапы в нефти. Она заполнила за нами весь лаз!

Панический страх. Секунду Джефри вообще не мог думать. Так близко, так близко! Уже можно было различать цвета, и он видел у себя на руках потеки крови.

— Назад! Я сниму куртку и попробую снова.

Сдать назад было почти невозможно — так тщательно он вбил себя в лаз. Но наконец получилось. Повернувшись на бок, Джефри смог сбросить куртку.

— Джефри! Двое меня под... нефтью. Дышать не могут.

Щенки сгрудились вокруг него, и шерсть их была скользкой от нефти. *Скользкой!*

— Секунду! — крикнул Джефри, собирая нефть с шерсти и вымазывая себе плечи. Вытянув руки над головой, он стал отталкиваться ногами, пропихиваясь в узкость. Толкай, толкай! Сантиметр, еще один — и тут плечи пролезли, и Джефри был на свободе.

Упав на землю, он протянул руки назад и схватил ближайшую часть Амди. Щенок выдирался, бормоча что-то не по-человечески и не на языке стай. Джефри видел темные тени нескольких элементов, тянущих что-то, чего не было видно. Еще через секунду холодный и мокрый ком вылетел из темноты ему в руки. Еще секунда — и вслед вылетел еще один. Джефри положил их на землю и вытер с их морд липкую массу. Один встал на ноги и начал отряхиваться. Другой кашлял, задыхаясь.

Тем временем остальные элементы Амди высыпали из дыры. Все восемь были прилично вымазаны нефтью. Они сбились в кучу, шатаясь, как пьяные, протирая друг другу мембраны. При этом совершенно бессмысленно жужжали и каркали.

Джефри повернулся и пошел на свет. Они были скрыты поворотом в камне... и к счастью. Даже отсюда была слышна перекличка солдат Булата. Он подполз к краю и выглянул. Сначала он подумал, что они с Амди выбрались обратно во двор замка — столько было солдат. Но потом

увидел уходящий вдаль склон холма и поднимающийся из долины дым.

Что делать дальше? Джефри посмотрел на Амди, который все еще яростно чистил свои мембраны. Его аккорды и жужжание стали более осмысленными, и все его элементы двигались. Джефри снова посмотрел на холм. Его чуть было не потянуло побежать к солдатам — они так долго были его защитниками.

Элемент Амди стукнулся ему в ноги и тоже выглянул наружу.

— Ух ты! Между нами и войсками господина Булата — настоящее озеро нефти. Я...

Гулкий звук был громок, но не как взрыв пороха. Он длился секунды две и перешел в шумовой фон. Еще два элемента Амди высунули носы наружу. Озеро превратилось в ревущее море огня.

Синяя Раковина маневрировал шлюпкой в двухстах метрах от стен напротив того места, где сгрудились солдаты. Сейчас посадочный модуль держался лишь на высоте человеческого роста над мхом.

— Одно наше присутствие прогоняет стаи прочь, — сказал Странник.

Фам оглянулся через плечо. Войска Резчицы вновь овладели полем боя и бежали к стенам замка. Еще не более шестидесяти секунд — и они вступят во взаимодействие со стаями Булата.

Вокодер Синей Раковины издал громкий звук, и Фам взглянул вперед.

— Флотом клянусь! — вырвалось у него. Стаи на бастионах поджигали что-то вроде воспламеняющих бомб и бросали их в лужи нефти под стенами замка. Синяя Раковина подлетел поближе. Длинные лужи нефти тянулись параллельно стенам. Стаи противника в поле были отрезаны от собственного замка. Остался только просвет шириной тридцать метров, а весь остальной замок был отгорожен огнем.

Шлюпка поднялась чуть выше, захваченная порожденным пламенем вихрем. Во многих местах нефть расплеснулась на крутые стены замка. И стены эти были более замысловатыми, чем стены замков на Канберре, — во многих

местах было видно, что в их цоколях встроены лабиринты пещер. *Чертовски глупо для оборонительного сооружения.*

— Джефри! — вскрикнула Джоанна, показывая в середину не охваченного огнем участка. Фам краем глаза уловил какое-то движение возле каменной кладки.

— Я его тоже видел. — Синяя Раковина наклонил шлюпку и скользнул вниз, к стене.

Рука Джоанны вцепилась в плечо Фама, дергая и тряся. За криком Странника еле был слышен ее голос. Она повторяла только: «Джефри, Джефри, Джефри!»

Секунду казалось, что они это сделают: солдаты Булата были далеко, а озера нефти хотя внизу и были, но еще не горели. Даже воздух, казалось, успокоился. И при этом Синяя Раковина умудрился потерять управление: наклонив нос, не удержал равновесия, и лодка боком скользнула к земле. Она упала медленно, но Фам слышал, как треснула одна из посадочных опор. Синяя Раковина возился с приборами управления, и вторая сторона лодки тоже коснулась земли. Лучемет уперся в землю дулом.

Фам полыхнул гневным взглядом в сторону наездника. Он так и знал, что этим кончится!

Голос Равны:

— Что случилось? Взлететь можете?

Синяя Раковина еще секунду повозился с управлением и сделал жест, соответствующий у наездников пожатию плеч.

— Да, но это будет слишком долго. — И он стал отвязывать ремни и отстегивать тележку от палубы. Крышка люка перед ним скользнула в сторону, и ворвался шум пожара и боя.

— Что ты, черт тебя побери, задумал, Синяя Раковина?

Ветви наездника склонились в сторону Фама.

— Иду спасать мальчика. Это все сейчас вспыхнет.

— А лодка поджарится, если ее здесь оставить. Ты никуда не пойдешь!

Фам протянул руку схватить наездника за нижние ветви.

Джоанна в ужасе смотрела на обоих, не понимая.

— Нет! Не надо! — Это уже кричал голос Равны.

Синяя Раковина надвинулся на него в тесноте салона и придвинул ветви вплотную к его лицу.

— А если я ослушаюсь, что вы сделаете? Я иду, сэр Фам. Я не раб никакой Силы, и я это докажу! А вы можете о себе это сказать?

Секунду человек и наездник смотрели друг на друга с расстояния в несколько сантиметров. Но Фам не стал его хватать.

Ветви наездника отдернулись с резким «брап», и Синяя Раковина вкатился на край люка. Третья ось тележки коснулась земли, и наездник спустился, качнувшись. Фам все еще не шевелился.

Я не программа какой-то Силы.

— Фам? — Девочка смотрела на него, глядя ему в глаза. Нювен стряхнул с себя кошмар и снова мог видеть. Странник уже был весь снаружи, взрослые элементы держали в зубах короткие мечи, на лапах сверкали стальные когти.

— Ладно. — Фам откинул панель и вытащил спрятанный там пистолет. Раз уж Синяя Раковина разбил это чертово корыто, надо выжать из ситуации все, что можно.

И это сознание было как прохладное дыхание свободы. Фам выпутался из аварийных ремней и выбрался наружу. Вокруг него стоял Странник. Элементы со щенками ставили какое-то подобие щитов. Даже с полными ртами голос стаи звучал так же ясно:

— Может быть, мы найдем проход...

С бастионов больше не стреляли. Воздух там стал слишком горяч для лучников.

Фам и Джоанна шли за Странником, идущим по краю черной жижи.

— Держитесь от нефти как можно дальше!

В обход пламени бежали стаи господина Булата. Фам не знал, то ли они решили напасть на шлюпку, то ли бегут от дружественных стай, которые за ними гонятся. А может быть, это и не важно. Припав на колено, он стал поливать набегающие стаи огнем. Это, конечно, был не лучемет, особенно на таком расстоянии, но тоже свое дело делал: передовые собаки споткнулись. Остальные налетели на них. Они уперлись в дальний край нефтяного озера, но вбежали туда только немногие — собаки знали, чем оно может стать. Остальные скрылись у Фама из виду, за посадочным модулем.

Так есть ли тут сухой подход? Фам побежал по краю нефтяной лужи. Должен быть просвет у этого «крепостного рва», иначе все бы уже горело. Впереди языки пламени взлетали на десять метров, жара воспринималась как физический удар. Над пламенем поднимался дегтярный дым и стелился над полем, превращая солнечный свет в кровавый полумрак.

— Ничего не вижу! — раздался в ушах полный отчаяния голос Равны.

— У нас еще есть шанс, Рав.

Если продержаться до подхода войск Резчицы...

Стаи Булата нашли проход и приближались. Мимо Фама что-то свистнуло: стрела. Он залег и стал поливать противника очередями. Знай они, как быстро кончатся у него патроны, они могли бы продолжить наступление, а так оно захлебнулось после двух секунд бойни. Цепь противника развалилась, и собакоподобные побежали прочь — попытать счастья со стаями Резчицы.

Фам снова обернулся к замку. Джоанна и Странник стояли на десять метров ближе к стенам. Она вырывалась из тисков стаи. Фам проследил ее взгляд — там был наездник. Синяя Раковина не обращал внимания на стаи, бегающие по краю пожара. Он катился внутрь, оставляя за собой нефтяные колеи, втянув все внешние органы и замотав грузовой шарф вокруг центрального стебля. Через раскаленный воздух он ехал вслепую, все глубже входя в сужающийся проход в огненном море.

Уже он был в пятнадцати метрах от стен. Вдруг от его ствола прямо в жар отделились две ветви. *Здесь!* Сквозь дрожащий нагретый воздух Фам увидел ребенка, неуверенно бредущего из каменного укрытия. Какие-то мелкие фигурки сидели у него на плечах и шагали рядом с ним. Фам побежал вверх по склону. Здесь он мог двигаться быстрее любого наездника. Может быть, пора это сделать.

Вспышка пламени ударила из замка в нефтяной пруд между ним и наездником у стены. Узкий канал спасения исчез, и перед Фамом встала сплошная стена пламени.

— Тут еще много чистого места! — крикнул Амди. Он на несколько метров вылез из их укрытия заглянуть за

угол. — Летающая машина летит сюда! А к нам идет... какая-то странная штука. Синяя Раковина или Зеленый Стебель?

И солдат Булата снаружи тоже было много, но не близко — наверное, из-за летающей машины. Она была странная, без всякой симметрии страумских воздушных судов. Казалось, она перевернулась, чуть ли не врезалась в землю. По полю бежал высокий человек, стреляя по солдатам Булата. Джефри выглянул дальше, и рука его непроизвольно вцепилась в ближайшего щенка. К ним ехало что-то на колесах, как будто из ньоранской истории. А бока у него были раскрашены зигзагообразными полосами. Сверху торчал высокий шест.

Дети чуть отошли от укрытия. Космонавт их заметил! Он развернулся, разбрызгивая из-под колес мох и нефть, от ствола отделились две ветки. А голос его пискнул посамнорски:

— Быстрее, сэр Джефри. У нас мало времени.

А за ним, за лужей нефти, Джефри увидел... Джоанну!

И тут пруд взорвался, и с обеих сторон пути отступления отрезал огонь. Но космонавт все так же махал своими щупальцами, показывая им, чтобы залезали на плоский верх его корпуса. Джефри схватился за какие-то упоры для рук. За ним вскочили щенки, цепляясь за его штаны и рубашку. Теперь Джефри видел, что этот стебель и есть космонавт: кора на нем была грязной и сухой, но стебель был мягкий, и он шевелился.

Два элемента Амди еще оставались на земле, глядя на огонь по обе стороны от тележки.

— Ой! — крикнул Амди прямо ему в ухо, но его все равно было почти не слышно за ревом пламени. — Нам тут ни за что не пробиться, Джефри! Единственный шанс — оставаться здесь.

Голос космонавта исходил из маленькой пластинки у основания стебля.

— Нет. Если вы здесь останетесь, погибнете наверняка. Огонь распространяется.

Джефри прижался за стеблем наездника как можно теснее и все равно ощущал жар. Еще чуть-чуть — и займется нефть на шерсти Амди.

Щупальца наездника подняли цветную материю, покрывавшую его корпус.

— Натяните это на вас. — Он показал щупальцами на остальных Амди. — На *всех* вас.

Двое, которые были на земле, прижались за передними колесами.

— Очень горячо! — донесся голос Амди. Но и эти двое вспрыгнули на тележку и зарылись в эту странную парусину.

— Накройтесь и всю дорогу не раскрывайтесь!

Джефри почувствовал, как наездник накрывает их материей. Тележка уже катилась назад, в пламя. Сквозь каждую щель парусины жгла боль. Мальчик яростно задергался, протянув руку, потом другую, пытаясь накрыть ноги. Они быстро катились, подпрыгивая и качаясь, и Джефри с трудом держался. Вокруг него Амди свободными челюстями пытался удержать парусину на месте. Огонь ревел, как взбешенный зверь, и парусина тоже нагрелась и обжигала кожу. Каждый ухаб подбрасывал Джефри вверх, угрожая разорвать хватку его рук. Панический страх парализовал мысль, и лишь много позже он вспомнил тихие звуки из пластины вокодера и понял, что они должны были значить.

Фам побежал к новым языкам пламени. Смертельный жар. Он провел руками по лицу и ощутил волдыри на ладонях. И отступил прочь.

— Сюда, сюда! — крикнул голос Странника у него из-за спины, указывая выход. Он побежал спотыкаясь. Стая сидела в неглубокой впадине. Она сдвинула свои щиты, загораживаясь от новой полосы огня. Два элемента стаи отпрыгнули с его пути, когда он нырнул в яму.

Джоанна вместе со стаей стали хлопать его по голове.

— У тебя волосы горят! — крикнула девочка, но в секунду они сумели сбить пламя. Странник тоже слегка обгорел. Наплечные карманы были надежно закрыты, и впервые из них не выглядывали любопытные щенячьи глаза.

— Я ничего не вижу, Фам! — Равна с небес. — Что у вас происходит?

Быстрый взгляд назад.

— Мы живы, — выдохнул он. — Стаи Резчицы добивают стаи Булата. Но Синяя Раковина...

Он выглянул между щитами — как в доменную печь. Возле самого замка, быть может, есть еще воздух, которым можно дышать. Слабая надежда, но...

— Там что-то движется!

Странник высунул на секунду между щитами один нос. Сейчас он его убрал и облизывал с двух сторон.

Фам снова посмотрел в щель. В огне были внутренние тени, не столь яркие места, и они шевелились... двигались?

— Я тоже вижу. — Голова Джоанны придвинулась сзади, пытаясь выглянуть. — Рав, это Синяя Раковина... *Ради самого Флота!*

Последние слова он сказал так тихо, что их не слышно было за ревом огня. Не было никаких признаков Джефри Олсндота, но...

— Синяя Раковина едет сквозь самый огонь, Рав.

Тележка катилась через глубокий разлив нефти, упорно, медленно. Теперь Фам видел огонь внутри пожара, и язычки пламени плясали на стволе Синей Раковины. А ветви его не были собраны обычным образом — они болтались, и каждая из них горела.

— Он приближается, выезжает из огня.

Тележка выехала из стены огня и покатилась, дергаясь, вниз по склону. Синяя Раковина не повернул в их сторону, но, не доезжая до посадочного модуля, колеса резко схватились тормозами.

Фам вскочил и бросился к наезднику. Странник уже собирал щиты и готовился броситься за ним. Джоанна Олсндот секунду еще постояла, забытая, одинокая и печальная, и глаза ее безнадежно смотрели на дым и огонь у замка. Один из элементов Странника схватил ее за рукав и потащил прочь от огня.

Фам уже был возле наездника и секунду молча смотрел.

— ...Синяя Раковина мертв, Рав, к сожалению, нет сомнений.

Ветви отгорели напрочь, оставив обугленные пеньки, ствол лопнул от жара.

Голос Равны в ушах звучал потрясенно:

— Он проехал *сквозь* огонь и сам при этом горел?

— Не может быть. Он наверняка был мертв уже на первых метрах. Это, должно быть, автопилот.

Фам старался забыть агонизирующие взмахи ветвей, которые он видел в пламени. На секунду у него потемнело в глазах от взгляда на расколотую огнем плоть.

Сама тележка излучала жар. Странник обнюхал ее, отшатываясь, когда подносил нос слишком близко. Вдруг он резко протянул лапу со стальными когтями и сильно потянул за покрывавший корпус шарф.

Джоанна вскрикнула, бросаясь вперед быстрее, чем Фам и Странник. Лежащие под шарфом тела были неподвижны, но не обгорели. Схватив брата за плечи, Джоанна вытащила его на землю. Фам встал на колени рядом с ней. Дыхание есть? Он слабо сознавал, что кричит ему в уши Равна, видел, как Странник вытаскивает из металла крошечных собакоподобных.

Секундой позже мальчик закашлялся, замахал руками, как ветряная мельница.

— Амди, Амди! — Тут глаза его открылись и вытаращились. — Джоанна? — И снова: — Амди!

— Не знаю, — отозвался Странник, стоя рядом с семью — нет, восемью — покрытыми грязью тельцами. — Какой-то шум мысли есть, но несвязный.

Он тыкал носами в троих щенков — наверное, какой-то аналог искусственного дыхания.

Мальчик заплакал, но его не было слышно за ревом пламени. Он пополз к щенятам, и его лицо оказалось рядом с одним из лиц Странника. Джоанна шла за ним, держа его за плечи, глядя на Странника и на неподвижные создания на земле.

Фам поднялся на колени и оглянулся на замок. Пламя стало ниже. Потом он долго смотрел на обгоревший пень, который был Синей Раковиной. Вспоминал все подозрения, которые были напрасны. Думал, какая же смесь храбрости и автопилота понадобилась для этого спасения.

Вспомнил все проведенные вместе месяцы, симпатию, а потом ненависть.

«Друг мой, Синяя Раковина!»

Пожары медленно угасали. Фам бежал по краю отступающего жара. И ощущал, как его богошок берет над ним

верх окончательно. И впервые обрадовался этому, обрадовался порыву и мании, подавлению всех не относящихся к делу чувств. Посмотрел на Странника, на Джоанну и Джефри, на выздоравливающую стаю щенков. Все это было несущественное отвлечение. Нет, не совсем несущественное: оно оказало свое действие и замедлило развитие того, что было вопросом жизни и смерти вселенной.

Фам поглядел вверх. В дымных облаках образовывались просветы, открывающие красные отсветы поднявшегося пепла и случайные пятна голубого неба. Бастионы замка опустели, а битва у стен затихла.

— Какие новости? — нетерпеливо спросил он у неба.

— Я ничего вокруг тебя не вижу, Фам. Большие группы стай — вероятно, противника — отступают к северу. Выглядит как окончательное и организованное отступление. Ничего похожего на «стоять насмерть», как было до сих пор. В замке нет пожаров — а также незаметно присутствия стай.

Решение. Фам повернулся к остальным. И попытался изложить резкую команду в виде разумной просьбы:

— Странник! Мне нужна помощь Резчицы. Мы должны проникнуть внутрь замка.

Странника не пришлось особо убеждать, хотя он был полон вопросов.

— Ты собираешься перелететь через стены? — спросил он, направляясь к Фаму.

Фам уже бежал к шлюпке. Закинул туда Странника, потом влез сам. Нет, на этом корыте он летать не намерен.

— Нет, только воспользоваться громкоговорителем, чтобы твоя начальница нашла нам дорогу внутрь.

Через секунду над холмами послышалась речь на языке стай.

Еще несколько минут. Еще несколько минут, я встану лицом к лицу с Контрмерой.

И хотя Фам не осознавал четко, что из этого может выйти, он ощутил, как бьется в нем богошок за окончательную победу, за финальный акт воли Старика.

— Где флот Погибели, Рав?

Ответ пришел незамедлительно. Она смотрела на битву внизу, а молот опускался сверху.

— За сорок восемь световых лет. — Приглушенный разговор мимо микрофона. — Они слегка ускорились. Будут в системе через сорок шесть часов... мне очень жаль, Фам.

Шифр: 0

Получено: борт «Внеполосного»

Языковый путь: Трисквелин, СК: Устройства трансляции

От: Сандорская Разведка [Не обычный источник, но проверен промежуточными сайтами. Источник может быть филиалом или резервным сайтом.]

Тема: Наше последнее послание?

Рассылка: Группа «Угроза Погибели»

Группа «Отслеживание войн»

Группа «Где они теперь»

Дата: 72,78 дней от крушения Сьяндры Кеи

Ключевые фразы: обширное новое нападение, падение Сандора

Текст сообщения:

Насколько нам известно, наши сайты в Верхнем Крае поглощены Погибелью. Если можете, игнорируйте все сообщения от них.

Еще четыре часа назад наша организация охватывала двадцать цивилизаций Вершины. Мы, оставшиеся, не знаем, что говорить и что делать. Все стало медленно, мрачно и уныло, мы для такой жизни не приспособлены. После этой передачи мы намерены расформироваться.

Для тех, кто может продолжать, мы хотим сказать, что случилось. Новая атака произошла очень резко. Наши последние сведения Сверху сообщали, что Погибель внезапно протянулась во всех направлениях, пожертвовав непосредственной своей безопасностью ради приобретения как можно большего объема обрабатывающих мощностей. Мы не знаем, то ли мы просто недооценивали ее мощь, то ли сама Погибель действует в приступе отчаяния — и идет на отчаянный риск.

До момента 3000 секунд назад мы находились под серьезной атакой по всем внутренним сетям нашей организации. Она прекратилась. Временно? Или это и был предел атаки? Мы не знаем, но если вы снова получите сообщение от нас, вы будете знать, что нас захватила Погибель.

Прощайте.

Шифр: 0

Получено: борт «Внеполосного»

Языковый путь: Оптима — Аквилерон — Трисквелин, СК: Устройства трансляции

От: Общество Рациональных Исследований [Возможно, отдельная система в Среднем Крае, 7500 световых лет от Сьяндры Кеи против вращения Галактики]

Тема: Большая картина

Ключевые фразы: Погибель, Красота природы, Беспрецедентная возможность.

Краткое содержание: Жизнь продолжается

Рассылка: Общество Рационального Управления Сетью

Группа «Изучение Погибели»

Группа «Отслеживание войн»

Дата: 72,80 дней от крушения Сьяндры Кеи

Текст сообщения:

Всегда забавно смотреть на существа, считающие себя центром Вселенной. Возьмем, например, недавнее распространение Погибели [ссылки для тех, кто не читал эту группу или эту дискуссию в ней]. Погибель — это беспрецедентное изменение в ограниченном регионе Вершины Края — очень далеко от большинства читателей. Я уверен, что для многих это — крушение мира, и я очень сочувствую им, но немного отношусь к ним с юмором, поскольку они считают, что это конец всему. Народы, жизнь все равно продолжается.

В то же время ясно, что многие читающие не уделяют этим событиям должного внимания — очевидно, не понимают, что они для них действительно важны. За последний год мы были свидетелями убийства нескольких Сил и установления новой экосистемы в определенном районе Верхнего Края. Хотя и очень далекие от нас, такие события беспрецедентны.

Раньше я и сам часто называл Сеть «Сетью миллионов неправд». Что ж, народ, теперь у нас есть возможность видеть, пока правда еще может себя проявить. Если повезет, увидим несколько масштабных мистерий о Зонах и Силах.

Я призываю читателей рассматривать события под Погибелью со всех возможных точек зрения. В частности, следует воспользоваться возможностью оставшихся ретрансляторов Дибли Даун для координации наблюдений над охваченным Погибелью районом с обеих сторон. Это будет работой дорогой и кропот-

ливой, поскольку в этом регионе доступны только сайты Среднего и Нижнего Края, но результаты того стоят.

Общие вопросы, которыми следует интересоваться:

Природа коммуникаций Погибели по Сети: Это создание частично — Сила, а частично принадлежит Верхнему Краю, и потому бесконечно интересно.

Природа недавнего Великого Всплеска в Нижнем Крае под Погибелью: еще одно явление, не имеющее ясно выраженного прецедента. Теперь время его изучать...

Природа флота Погибели, приближающегося сейчас к внесетевым областям Нижнего Края: Этим флотом очень интересовалась группа «Отслеживание войн» последние недели, но в основном — по идиотским причинам. (Кого интересует Сьяндра Кеи и Гегемония Апраханти? Оставьте местную политику местным группам.) Настоящий вопрос очевиден каждому, кроме дефективных: *Зачем* Погибель предпринимает такие усилия так далеко от своей естественной зоны?

Если еще есть корабли в окрестности флота Погибели, я призываю их посылать сообщения в группу «Отслеживание войн». Если таковых нет, следует возмещать местным цивилизациям расходы на трансляцию картины расположения ультраволновых следов.

Все это очень дорого, но результат того стоит — наблюдения эпохальные. И затраты долго не продлятся — флот Погибели прибудет к звезде назначения очень скоро. Остановится ли он и вернется? Или мы увидим, как Сила уничтожает воспротивившуюся ей систему? Как бы там ни было, нам предоставлена блестящая возможность видеть.

41

Равна шла через поле к поджидающим ее стаям. Густой дым уже сдуло прочь, но его запах еще тяжело ощущался в воздухе. Холм превратился в горелую мертвую землю. Сверху замок Булата смотрелся огромным черным соском в центре почерневшего холма.

Солдаты молча освобождали ей путь. Не один из них бросал беспокойный взгляд на стоявший за ней корабль.

Она медленно шла мимо них к тем, которые ее ждали. Странный был вид у сидящих стай — будто вышли на пикник, но каждому в тягость присутствие других. А на самом деле это было заседание штаба, и они сидели друг к другу как могли близко. Равна подошла к стае, сидящей в середине на шелковых подстилках. С шей взрослых элементов свисали замысловатые резные фигурки из дерева, но у некоторых был больной, старый вид. А перед стаей сидела пара щенков. Они шагнули вперед точно в тот момент, когда Равна пересекла последнюю полосу открытой земли.

— Э-э, вы — Резчица? — спросила Равна.

Один из самых больших элементов ответил женским и невероятно человеческим голосом:

— Да, Равна, я — Резчица. Но тебе нужен Странник. Он в замке, с детьми.

— А!

— У нас есть фургон, и мы можем отвезти тебя внутрь прямо сейчас. — Один из элементов показал на экипаж, стоящий на склоне холма. — Но ведь ты могла сесть гораздо ближе?

Равна покачала головой:

— Нет... теперь не могла бы.

Это была лучшая посадка, которую они с Зеленым Стеблем могли выполнить.

Головы склонились в ее сторону — абсолютно синхронным жестом.

— Я думала, что ты очень спешишь. Странник сказал, что вас преследует целый флот по горячему следу.

Минуту Равна ничего не отвечала. Значит, Фам сказал им о Погибели? Но это и к лучшему. Она потрясла головой, стараясь собраться с мыслями.

— Д-да. Мы очень спешим.

Компьютер у нее на руке был связан с «Внеполосным», и на его крошечном дисплее было видно неуклонное приближение флота Погибели.

Все головы извернулись в жесте, смысл которого Равна не поняла.

— И вы отчаялись. Боюсь, я вас понимаю.

Как ты можешь понять? А если можешь, как ты можешь нас простить?

Но вслух Равна только произнесла:

— Мне очень жаль...

Королева взошла на свой фургон, и они поехали к стенам замка. Равна только однажды оглянулась. Ниже по склону огромной умирающей бабочкой лежал «Внеполосный». Верхние шипы его гипердвигателей дугами возвышались на сто метров в воздух и блестели мокрой металлической зеленью. Посадка не была совсем уж столкновением, и даже сейчас антиграв компенсировал часть веса корабля. Но шипы гипердвигателей на земле погнулись. За кораблем склон холма круто уходил к воде и островам. Уходящее к западу солнце отбрасывало размытые тени на острова и на замок за проливами. Фантастическая сцена — замки и звездолеты.

А дисплей на ее руке безмятежно отсчитывал оставшиеся секунды.

— Булат заложил пороховые бомбы по всему куполу. — Резчица повела парой носов, показывая вверх. Равна проследила за ее движением. Купол больше отвечал собору эпохи Принцесс, чем военной архитектуре: розовый мрамор, бросающий вызов небу. А если он весь рухнет, наверняка раздавит стоящий под ним звездолет.

Резчица сказала, что Фам уже внутри. Они въехали в купол через темные прохладные комнаты. Равна видела ряды анабиозных боксов. *Сколько же из них можно будет оживить? И узнаем ли мы это?*

Вокруг было темно.

— Ты уверена, что все войска Булата ушли?

Резчица ответила не сразу, поглядев сначала головами в разные стороны. Пока что Равна не могла читать по виду стаи, как по выражению человеческого лица.

— Уверена в разумной степени. Если в замке кто-то и остался, то за многими стенами камня, иначе мои поисковые партии их бы нашли. Что важнее, мы нашли то, что осталось от Булата.

А королева, очевидно, вполне поняла вопросительное выражение лица Равны.

— Ты не знала? Очевидно, Властитель Булат спустился сюда взорвать бомбы. Это было бы самоубийство, но эта стая давно уже сошла с ума. Что-то его остановило. Кровь была повсюду. Два его элемента погибли. Остальные бродили вокруг — хнычущие обломки. Кто бы ни был тот, кто с ним расправился, он явно быстро отступил, избегая любой конфронтации. Вернется он не скоро, хотя, боюсь, мне в конце концов не избежать встречи с моим дорогим Свежевателем.

Учитывая все обстоятельства, Равна подумала, что эта проблема вряд ли станет актуальной. Ее компьютер давал срок прибытия флота Погибели через сорок пять часов.

Джефри и Джоанна стояли возле своего звездолета под главным куполом. Они сидели на ступенях посадочного трапа, держась за руки. Когда открылись широкие двери и въехал фургон Резчицы, девочка встала и помахала рукой. Потом они увидели Равну. Мальчик устремился к ней, потом замедлил шаг.

— Джефри Олсндот? — мягко спросила Равна. Его полная достоинства поза казалась слишком взрослой для девятилетнего. Бедняга Джефри испытал столько утрат и так много прожил, имея так мало. Равна соскочила с фургона и пошла к нему.

Мальчик вышел из тени. Он был окружен толпой маленьких элементов стаи. Один из них висел у него на плече, другие болтались у него возле ног, не заботясь, казалось, о том, чтобы не попасть под ноги, третьи шли за ним сзади и с боков. Джефри остановился довольно далеко от нее.

— Равна?

Они кивнула.

— А ты не можешь подойти чуть ближе? А то шум мыслей королевы слишком близко.

Голос был мальчика, *но его губы не шевелились.* Равна прошла разделявшие их метры. Щенки и мальчик неуверенно шагнули вперед. Теперь, вблизи, Равна видела его порванную одежду и то, что было похоже на повязки на ранах на плечах, локтях и коленях. Он посмотрел на нее торжественно и вдруг поднял руки ее обнять.

— Спасибо тебе, что ты прилетела. — Голос его был приглушен, но он не плакал. — Спасибо тебе и спасибо бедному господину Синей Раковине.

На этот раз его голос, грустный, но ясный, исходил от окружавшей их стаи щенков.

Джоанна Олсндот подошла и встала рядом. *Ей только четырнадцать?* Равна протянула ей руку.

— Как я слышала, ты сама по себе спасательный отряд.

Из фургона донесся голос Резчицы:

— Джоанна — она такая. Она изменила наш мир.

Равна показала на трап корабля, откуда падал свет:

— Фам там, внутри?

Девочка кивнула, но ее ответ перехватила стая щенков:

— Там, там. Они там со Странником.

Щенки расцепились и пошли вверх по лестнице, только один отстал, чтобы потянуть за собой Равну. Она пошла за ними, а Джефри рядом.

— Кто эта стая? — спросила Равна, показывая на щенков.

Джефри поднял удивленный взгляд:

— Как кто? Амди, конечно.

— Ох, извини, — донесся голос Джефри от щенков. Я так много с тобой говорил и совсем забыл, что ты не знаешь... — Прозвучал хор аккордов и переходов, закончившийся мальчишеским хихиканьем. Джоанна посмотрела на машущие головы и поняла, что этот чертенок отлично осознавал смысл своего розыгрыша. Внезапно загадка разрешилась.

— Рада с тобой познакомиться, — произнесла Равна, одновременно разозленная и очарованная. — А теперь...

— Ага, теперь у нас куда более важные вопросы.

И стая запрыгала вверх по лестнице. Этот «Амди» метался между застенчивой грустью и маниакальным возбуждением.

— Я не знаю, что они там делают. Они нас вышибли, как только мы им показали дорогу.

Равна шла за стаей, а Джефри сразу за ней. По звуку было не похоже, что внутри происходит хоть что-нибудь. В куполе было тихо, как в склепе, только раздавалось эхо от

нескольких стай-охранников. Но здесь, на середине трапа, даже эти звуки глохли, а из люка не слышалось ничего.

— Фам?

— Он там, внутри, — сказала Джоанна, стоя у подножия трапа. Она вместе с резчицей смотрели вверх. — Я не уверена, что у них все идет как надо. После боя он казался... казался странным.

Головы Резчицы перемещались из стороны в сторону, будто она пыталась их рассмотреть на фоне падающего из люка света.

— На этом вашем корабле ужасная акустика. Как только люди ее выдерживают?

— И вовсе не такая ужасная, — возразил Амди. — Мы там с Джефри много времени провели, и я привык. — Две его головы просунулись в люк. — И я не знаю, за что Странник с Фамом нас выгнали. Мы могли пойти в другую комнату и сидеть тихо.

Равна осторожно протиснулась между передними щенками стаи и постучала в металл корпуса. Люк не был задраен, и можно было слышать, как работает вентиляция корабля.

— Как дела, Фам?

Раздалось шуршание и стук когтей по металлу. Люк чуть отодвинулся в сторону, на трап упал яркий мигающий свет. Высунулась собачья голова. У нее глаза были так широко открыты, что виднелись белки вокруг глаз. Интересно, это что-нибудь значит?

— Привет, — сказала голова. — Хм, понимаешь... Как раз сейчас там работа несколько напряженная... в общем, я не думаю, что Фама следует сейчас беспокоить.

Равна просунула руку в люк.

— Беспокоить его я не собираюсь. Но я войду.

Мы дрались за эту минуту, и бог знает сколько миллиардов погибли в этой битве, а теперь какая-то собака мне говорит, что работа несколько напряженная.

Странник посмотрел на ее руку.

— Ну, ладно.

Он откатил люк настолько, чтобы Равна могла пройти. Щенки вертелись у ее ног, но откатились вниз раньше, чем Странник на них глянул. Равна не заметила.

* * *

Этот «корабль» был почти что простым контейнером, грузовым корпусом. Только груз — гибернаторы — был с него снят, и остался ровный пол с точками креплений.

Равна это заметила мельком. Ее внимание привлек свет — и *эта вещь*. Она росла из стен и излучала свет, который в середине трюма трудно было выдержать. Она меняла форму, цвета ее переливались от красного до фиолетового и зеленого. А Фам, скрестив ноги, сидел в середине этой феерии. Половина волос у него сгорела, руки и ноги дрожали, и он бормотал что-то на языке, которого Равна не могла узнать. Богошок. Два раза он был спутником катастрофы. Безумие умирающей Силы. А теперь он был единственной надеждой.

Равна сделала шаг к Фаму и ощутила хватку челюстей у себя на рукаве.

— Прошу вас. Его нельзя беспокоить.

Ее держал самый большой, покрытый боевыми шрамами. Остальная стая — Странник — повернул все лица к Фаму. Дикарь, глядящий на нее, как-то уловил поднимающуюся в ее лице ярость. И стая сказала:

— Послушай, сестренка, твой Фам вроде в отключке, он свою нормальную личность выменял на вычислительные способности.

Хм? Ничего себе. Этот Странник подхватил жаргон, но вряд ли много сверх того. Наверное, Фам с ним разговаривал. Равна сделала успокаивающий жест.

— Да-да, понимаю.

Она стала всматриваться в свет. Эта переменная форма, на которую так трудно было смотреть, была чем-то вроде графики, которую можно вывести почти на любом дисплее, тупо пересекая фрактальные поверхности высокой размерности. Сияла она чистейшим монохромным светом, но этот цвет менялся. В основном этот свет был, конечно, когерентным: по каждой твердой поверхности ползали интерференционные пятна. Местами интерференции сливались, и при изменении цвета по корпусу ползли темные и светлые полосы.

Равна подошла ближе, глядя на Фама и на... Контрмеру. А что же это еще могло быть? Какая-то накипь на стенах, которая стала расти навстречу богошоку. Это не просто были данные, сообщение, которое надо передать. Это была машина из Перехода. Равне приходилось читать о таких вещах: устройства, сделанные в Переходе для работы у Дна Края. В таком устройстве не было ничего разумного, ничего, нарушающего ограничения Нижних Зон, но такое устройство использовало окружающую среду оптимальным образом и делало то, чего желал его строитель.

Его строитель. Погибель? Враг Погибели?

Равна шагнула ближе. Эта штука уходила глубоко в тело Фама, но не было ни крови, ни ран. Можно было бы принять это за голографический фокус, если бы тело Фама не содрогалось и не извивалось. Рукава фракталей, опушенные тонкими зубами, вились вокруг него, и Равна безмолвно ахнула, чуть не назвав Фама по имени. Но Фам не сопротивлялся этому вторжению. Казалось, он глубоко ушел в свой богошок и был очень спокоен. Сразу хлынули наружу глубоко спрятанные надежда и страх: надежда — что даже сейчас богошок может сделать что-нибудь с Погибелью, и страх — что при этом Фам умрет.

Извивающиеся движения машины замедлились. Цвет застыл на грани бледно-голубого.

Глаза Фама открылись, и голова его повернулась к Равне.

— Легенда наездников оказалась правдой, Рав. — Голос его был далек, и Равне послышался шепчущий смех. — И наездники должны знать, я думаю. В последний раз они об этом узнали. Есть Сущности, которым Погибель не нравится. Сущности, о которых только строил предположения мой Старик...

Силы за пределами Сил? Равна осела на пол. Дисплей на ее руке слабо светился, показывая время. Менее сорока пяти часов.

Фам заметил ее взгляд вниз.

— Я знаю. Движение флота ничто не замедлило. Он — жалкая штука по сравнению с этим... но у него с запасом хватит сил уничтожить этот мир или эту солнечную систему. И это то, чего хочет сейчас Погибель. Она знает, что я могу ее уничтожить... как она была уничтожена в прошлый раз.

Равна не очень осознавала, что Фам окружен со всех сторон. Каждое лицо смотрело на голубую пену и вплетенного в нее человека.

— А как, Фам? — прошептала Равна.

Молчание. Потом голос:

— Все эти возмущения зон... это пыталась действовать Контрмера, но без координации. Теперь ее направляю я. Я запустил... обратную волну. Она истощает местные источники энергии. Не чувствуешь?

Обратную волну? О чем он говорит? Равна посмотрела на свой дисплей — и у нее перехватило дыхание. Скорость противника выросла до двадцати световых лет в час — как могло бы быть в Среднем Крае. Два дня форы превратились почти в два часа... А дисплей показывал скорость уже двадцать пять световых лет в час. Тридцать.

Кто-то стучал в люк.

Тщательник провинился. Он должен был наблюдать за движением по холму вверх, и он это знал и потому действительно чувствовал себя виноватым — но не мог заставить себя вернуться к выполнению долга. Есть вещи, которые так заманчивы, что от них невозможно оторваться — как наркоману от жевания листьев кримы.

Он тащился позади, осторожно неся среди себя Компьютер так, чтобы висячие розовые уши не волочились по земле. На самом деле охранять Компьютер — это куда важнее, чем подгонять своих солдат. В любом случае он достаточно близко, чтобы дать совет. А в ежедневной рутине его лейтенанты разбирались лучше.

За последние часы морские ветры отнесли дымные облака в глубь суши, и воздух был чистым и соленым. Здесь, на холме, сгорело не все. Оставались даже цветы и пушистые стручки семян. Короткохвостые птицы парили в восходящих потоках, крики их сливались в радостную музыку, будто обещая, что мир скоро станет прежним.

Но Тщательник знал, что этого не может быть. Все его головы смотрели на подножие холма, где стоял звездолет Равны Бергсндот. Длину уцелевших шипов гипердвигателей Тщательник оценил в сто метров. Сам корпус был боль-

ше ста двадцати метров. Рассевшись вокруг Компьютера, Тщательник вызвал привычное лицо Олифанта. О космических судах Компьютер знал много. Этот корабль был построен не по человеческому проекту, но общая форма его была вполне обычной; это Тщательник знал из прошлых чтений. От двадцати до тридцати тысяч тонн, оборудован антигравитационными устройствами и двигателями для передвижения быстрее света. Самая обычная для Края конструкция. Но видеть ее *здесь,* глазами своих собственных элементов! Он взгляда не мог оторвать от корабля. Три его элемента работали с Компьютером, а остальные двое смотрели на переливающуюся зелень корпуса. Солдаты и орудийные повозки вокруг перестали существовать для него. Корабль, при всей своей массе, едва касался земли. *Когда же мы сами сможем такое построить?* Компьютер утверждал, что без посторонней помощи — за столетия. *Чего бы я не дал за день на борту такой штуки!*

Но этот корабль *преследовало* что-то еще более мощное. Тщательник вздрогнул от холода под летним солнцем. Он часто слыхал историю Странника о первом приземлении и видел лучевое оружие людей. Он читал в Компьютере о бомбах, превращающих в пыль целые планеты, о другом оружии Края. И пока он работал над пушками для Резчицы — лучшее оружие, которое он мог вызвать к жизни, — он мечтал и уносился мыслью вдаль. В своих сердцах он никогда не ощущал реальности всего этого, пока не увидел парящий в высоте звездолет. Теперь он поверил. Значит, целый флот убийц гонится по пятам за Равной Бергсндот. И часы мира наверняка сочтены.

Он быстро пробежал по путям поиска Компьютера, выискивая материалы о вождении звездолетов. *Пусть остались только часы, но познавай, пока есть время познавать.*

Тщательник погрузился в звуки и изображения Компьютера. Он открыл три окна, каждое на свой аспект практического пилотирования.

Громкие крики с холма. Он поднял одну голову, испытывая только раздражение от помехи. Это не были крики боевой тревоги — просто общее беспокойство. Странно, как приятно прохладен стал полуденный воздух. Два его элемента поглядели вверх, но там не было тумана.

— Смотри, Тщательник, смотри!

Артиллеристы приплясывали, охваченные паническим страхом. И показывали они в небо... на солнце. Он завернул лицо Компьютера в розовую обертку, в то же время глядя на солнце, затенив глаза. Оно было высоко на юге и сияло ярко. А воздух был прохладен, и птицы ворковали, будто отправляясь по гнездам на закате. Вдруг до Тщательника дошло, что он глядит прямо на солнечный диск, и уже пять секунд, и не только нет рези в глазах, но даже слезы не выступили. А тумана все равно нет. Тут он похолодел изнутри.

Солнечный свет гас. На диске появлялись темные точки. Солнечные пятна — Описатель ему их показывал в телескоп. Но тогда они смотрели через сильные фильтры. Что-то встало между ним и солнцем и высасывало из солнца свет и тепло.

Стаи на холме застонали. Пугающий звук, которого Тщательник никогда не слышал в битве, стон стаи, увидевшей непознаваемый ужас.

Голубое небо почернело, воздух стал холоден, как в глубокую ночь. Солнечный свет сменился серой люминесценцией, как от исчезающей луны. Еще слабее. Тщательник припал животами к земле. Кто-то из его элементов издал глубокий горловой свист. Это было оружие, оружие — но Компьютер о таком никогда не говорил.

Ярко вспыхнули звезды над холмом.

— Фам, Фам! Они будут здесь через час! Что же ты сделал, Фам?

Чудо, но во зло?

Фам Нювен пошевелился в ярких объятиях Контрмеры. Голос его был почти нормален, богошок отступил.

— Что я сделал? Не очень много. И больше, чем любая Сила. Даже Старик только догадывался, Равна. То, что принесли сюда страумеры, — это Легенда наездников. Мы — я и оно — только что сдвинули назад границу Зоны. Местное изменение, но глубокое. Мы сейчас в эквиваленте Верхнего Края, может быть, даже нижнего Перехода. Вот почему так быстро летит флот Погибели.

— Но...

От люка вернулся Странник и перебил панический вопль Равны простым деловым сообщением:

— Солнце только что погасло.

Его головы качались с выражением, которого Равна не могла понять.

— Это временно, — ответил Фам. — Где-то надо было взять энергию для этого маневра.

— З-зачем, Фам? Если Погибель и должна победить, зачем ей помогать?

Лицо Фама стало пустым — он почти исчез за другими программами, работавшими в его мозгу.

— Я... я фокусирую Контрмеру. Теперь я понимаю, что она такое... Ее создало нечто за пределами Сил. Может быть, Народ Облаков, может быть, она дает им сигнал. А может быть, она всего лишь укус насекомого, который должен вызвать куда более сильную реакцию. Дно Края только что отступило, как отступает вода перед цунами. — Контрмера засияла оранжевым, и ее дуги и колючки обхватили Фама еще теснее. — А т-теперь, когда мы натянули катапульту в нижнюю Зону... теперь начнется всерьез. Ох, как забавлялся бы призрак Старика! Заглянуть за пределы Сил — за это почти стоит умереть.

Цифры положения флота бежали по запястью Равны. Погибель надвигалась быстрее, чем раньше.

— Пять минут, Фам.

И это несмотря на расстояние в тридцать световых лет.

Смех.

— А, Погибель тоже это знает. Теперь я вижу, что этого она все время и боялась. Это и есть то, что убило ее много эпох назад. Она рвется вперед, но уже слишком поздно. — Сияние вспыхнуло ярче, и маска света, которая была лицом Фама, стала спокойнее. — Что-то очень далекое... меня... услышало, Рав. И она наступает.

— Что? Что наступает?

— Волна. И большая. По сравнению с ней та, в которую мы попали, — мелкая рябь. А это такая, в которую никто не верит, потому что никого не остается, чтобы ее зафиксировать. Дно взлетит выше флота.

Внезапное понимание. Внезапная надежда.

— И они там застрянут?

Значит, не зря бился Кьет Свенсндот и не был глупостью совет Фама: во всем флоте Погибели не осталось ни одного корабля с субсветовым двигателем.

— Да. Они в тридцати световых годах. А все с высокой собственной скоростью мы уничтожили. Добираться сюда они будут тысячи лет... — Контрмера внезапно сжалась, и Фам застонал. — Мало времени. Сейчас максимальный спад. Когда придет Волна, она... — Снова стон боли. — Я ее вижу! Ради всех Сил, Равна! Она взлетит высоко и продлится долго.

— Как высоко, Фам?

Равна подумала обо всех цивилизациях там, наверху. Там были бабочки и те вероломные типы, что помогли устроить погром на Сьяндре Кеи... И триллионы других, живущих в мире и идущие своим путем к Вершине.

— Тысяча световых лет? Десять тысяч? Не знаю. Призраки внутри контрмеры — Арне и Сьяна — считали, что она может подняться высоко и проколоть Переход, окутать Погибель там, где она сейчас есть... Наверняка это то, что случилось в прошлый раз.

Арне и Сьяна?

Судороги Контрмеры замедлились. Свет ее ярко вспыхивал и гас, вспыхивал и гас, и в каждом приступе темноты слышалось тяжелое дыхание Фама. Контрмера, спаситель, который убьет миллион цивилизаций. А сейчас убивает человека, который ее запустил.

Почти не думая, Равна бросилась вперед, к Фаму. Но руки ее наткнулись на частокол острых бритв.

А Фам смотрел на нее и пытался что-то еще сказать.

Потом свет погас — в последний раз. Из темноты отовсюду донесся шипящий звук и нарастающий едкий запах, который Равна никогда не забудет.

Фаму Нювену не было больно. Последние минуты его жизни не поддаются никакому описанию, пригодному для Медленной Зоны или даже для Края.

Попробуем метафоры и аналогии.

Это было... это было, как будто Фам стоял со Стариком на огромном пустынном пляже, а Равна и стаи были точками у их ног. Планеты и звезды стали зернышками песка. А море отошло резко назад, дав яркому свету мысли проникнуть туда, где раньше была тьма. Но царство Перехода будет кратким. На горизонте громоздилось возвращающееся море, темная стена выше любой горы, несущаяся на них. Фам посмотрел на ее огромность. Фам, и богошок, и Контрмера не переживут этого погружения, даже по отдельности. Они вызвали катастрофу, неохватную для любого ума, и огромная часть Галактики погрузится в Медленность, глубоко, как Старая Земля, и навечно, как Старая Земля.

Арне и Сьяна, страумеры и Старик отомщены... и Контрмера завершена.

А что же Фам Нювен? Орудие созданное и употребленное, и теперь его только выбросить. Человек, которого не было.

Волна накатила на них, погружая в глубину. Вниз, от света Перехода. Там, снаружи, снова сияет солнце мира Стальных Когтей, но в разуме Фама Нювена все закрывалось, и ощущения сводились к тому, что могут видеть глаза и слышать уши. Контрмера медленно уползала в небытие, выполнив свое задание без единой сознательной мысли. Призрак Старика продержался чуть дольше, сжимаясь и отступая вместе с отливом способности мыслить. Но он не мешал самосознанию Фама быть. В первый и последний раз он не отталкивал его в сторону. В первый и последний раз он нежно поглаживал разум Фама по поверхности, как человек гладит верного пса.

«Скорее ты храбрый волк, Фам Нювен».

Считанные секунды оставались до полного погружения в глубины, где умрут навеки утонувшие тела Фама Нювена и Контрмеры, где гаснет любая мысль. Воспоминания ускользали. Призрак Старика отступил в сторону, открывая верное знание, которое он все это время прятал.

«Да, я построил тебя из нескольких тел на мусорной свалке Ретрансляторов. Но оживить я мог лишь один разум и один набор воспоминаний. Сильный и храбрый волк

настолько сильный, что никогда бы я не смог тобой править, не погрузив сперва в сомнение...»

Где-то падали барьеры — финальное освобождение от контроля Старика, или его последний дар. Теперь не важно было, что это, ибо, что бы ни сказал призрак, истина была очевидна Фаму Нювену и ничто не могло ее опровергнуть.

Канберра, Синди, столетия полетов с Кенг Хо, последний рейс «Дикого гуся». Все было настоящим.

Фам поднял глаза на Равну. Она так много сделала. Она так много вытерпела. И даже не веря, она любила.

«Все хорошо, все хорошо, — хотел он сказать. Пытался коснуться ее рассказать ей. — Равна, Равна, я настоящий!»

Потом глубина навалилась на него всем своим весом, и не было больше ни знания, ни мыслей.

А в дверь опять колотили. Равна слышала, как Странник пошел открывать. В щелку ударил свет, и возбужденный голос Джефри завопил:

— Солнце вернулось! Солнце вернулось! Эй, почему у вас так темно?

Голос Странника:

— Эта вещь, которой Фам помогал — ее свет погас.

— Господи, вы что, главный свет выключили? — Люк открылся до конца, и просунулась голова мальчишки и несколько щенков. Они перебрались через порог, за ними девочка. — Да вот же выключатель! Видите?

И на закругленные стены лег мягкий белый свет. Все было так обычно, так по-человечески, кроме...

Джефри застыл неподвижно, глаза его расширились, он зажал рот рукой и повернулся ухватиться за сестру.

— Что это? — донесся его голос от люка.

Сейчас Равна хотела бы ослепнуть. Она упала на колени, тихо позвала: «Фам?» — и знала, что ответа не услышит. То, что осталось от Фама Нювена, лежало посреди Контрмеры. Она больше не светилась. Ее границы стали темными и тупыми. Больше всего она была похожа на источенное червями дерево... но дерево, охватившее лежавшего среди него человека и проросшее его насквозь. Не

было ни крови, ни обугленности. Там, где нити пронзили человека, остались пепельные пятна, и плоть слилась с этими нитями.

Рядом с ней стоял Странник, и его носы почти касались застывшей фигуры. В воздухе все еще висел тот едкий запах. Это был запах смерти, но не просто гниющей плоти — то, что умерло здесь, было не только плотью, но и чем-то еще.

Равна взглянула на наручный компьютер. Дисплей превратился в набор буквенно-цифровых строк. Обнаружение гипердвигателей не работало. Индикация обстановки с «Внеполосного» указывала на трудности контроля высоты. Они были глубоко в Медленной Зоне, вне досягаемости любой помощи, вне досягаемости флота Погибели. Равна посмотрела на лицо Фама:

— Ты это сделал, Фам. На самом деле сделал.

Эти слова она сказала про себя.

Дуги и петли Контрмеры стали хрупкими и рассыпчатыми. И тело Фама Нювена было с ними одним целым. Как разбить эти дуги, не разбив?..

Странник и Джоанна бережно вывели Равну из грузового трюма. Следующие несколько минут она не помнила, не помнила, как выносили тело. И Синяя Раковина, и Фам были разрушены так, что нельзя было и думать о восстановлении.

Потом они ее оставили. Не от недостатка сочувствия, но потому, что слишком много дел требовали неотложного внимания. Были раненые. Была возможность контрнападения. Было замешательство и необходимость наводить порядок.

Но Равна этого почти не заметила. Для нее закончился нескончаемый отчаянный бег, и вместе с ним кончились все силы.

Наверное, Равна просидела так почти весь остаток дня, погруженная в горе и бездумье, не замечая песню моря, которую слушала вместе с ней по компьютеру Зеленый Стебель. Потом она заметила, что не одна. Кроме Зеленого Стебля, рядом с ней сидел мальчик, окруженный щенятами, и молчал.

Эпилоги

Мир снизошел на земли, бывшие когда-то Владением Свежевателя. По крайней мере не было никаких признаков враждебных войск. Кто бы ни отвел их отсюда, он сделал это очень умно. Шли дни, и местные крестьяне стали вылезать из укрытий. Кроме ошеломления, стаи выражали радость, что избавились от прежнего правления. В поля возвращалась жизнь, крестьяне старались восстановить хозяйство после самого страшного сезона пожаров на памяти поколений и таких битв, которых и поколения не помнили.

Королева отправила на юг гонцов с вестями о победе, но сама не спешила возвращаться в столицу. Войска ее помогали крестьянам в работе и всячески старались не быть для местного населения бременем. Но кроме того, они вели разведку в замке на Холме Звездолета и в большом старом замке на Скрытом Острове. Там действительно обнаружились те ужасы, о которых годами рассказывали шепотом из уст в уста. Но и там не было никаких признаков отошедших войск. Местное население охотно рассказывало зловеще правдоподобные истории: что Свежеватель перед тем, как пытаться захватить Республику, построил редуты дальше на севере. И там были резервы — хотя многие считали, что Булат их давно использовал. Крестьяне северных долин видели отступающие войска Свежевателя. Другие говорили, что видели и самого Свежевателя — или по крайней мере стаю, носящую цвета владыки. Во все рассказы не верили даже местные — о Свежевателе сообщали оттуда и отсюда как о синглетах, разделенных километрами и координирующих отход.

У Равны и королевы были основания верить этим рассказам, но проверять их было бы идиотизмом. Экспедиционный корпус Резчицы был не слишком велик, а леса и долины тянулись на сотню с лишним километров до того места, где Ледяные Клыки загибались к морю. И Резчица этой территории не знала. Если Свежеватель готовил ее десятилетиями — каким был его обычный образ действий —

то там будут смертельные сюрпризы даже для большой армии, преследующей несколько десятков партизан. Оставалось предоставить Свежевателя самому себе и надеяться, что его редуты вычищены Властителем Булатом.

Резчица боялась, что это будет величайшей угрозой следующего столетия.

Но вопрос решился гораздо раньше. Это Свежеватель стал искать с ними встречи, и не для контрнападения.

Дней через двадцать после битвы, в конце дня, когда солнце чуть присело за северные холмы, раздался звук сигнальных рогов. Равна и Джоанна проснулись и почти сразу оказались на парапете замка, вглядываясь в подобие заката — оранжевые и золотые силуэты северных холмов за фиордом. Помощники Резчицы глядели на те же холмы многими глазами. У некоторых были подзорные трубы.

Равна дала Джоанне свой бинокль.

— Там кто-то есть.

Серея на фоне сияющего неба, шла стая под длинным знаменем, каждый элемент нес свое древко.

Резчица смотрела в две подзорных трубы — снаряжение, более эффективное, чем бинокль Равны, если учесть расстояние между глазами.

— Да, я вижу. Кстати, это флаг перемирия. И мне кажется, я знаю, кто его несет. — Она что-то сказала Страннику. — Давно уже я не говорила с этой стаей.

Джоанна все еще смотрела в бинокль. Потом спросила:

— Он... это тот, кто создал Булата?

— Да, милая.

Девочка опустила бинокль.

— Я думаю... я думаю, мне лучше не присутствовать на этой встрече.

Всего через восемь часов они встретились на холме к северу от замка. Но перед этим разведчики Резчицы хорошо прочесали эту долину. Только наполовину это было вызвано предотвращением возможного вероломства другой стороны: дело в том, что на встречу прибывала особая стая, и многие из местных жителей дорого бы дали, чтобы увидеть ее мертвой.

Резчица подошла к тому месту, где холм резко обрывался к лесу. Равна и Странник шли за ней на близком, по мерке стай, расстоянии — десять метров. Резчица о предстоящей встрече не распространялась, но очень разговорчивым оказался Странник:

— Вот этим путем мы тогда и шли, год назад, когда сел первый корабль. Вот, видишь обожженные факелом деревья? Хорошо, что тогда не было такой засухи, как в этом году.

Лес был густым, но они смотрели на него вниз, на верхушки. Даже в такую сушь в воздух поднимался сладкий смолистый аромат. Слева от них шумел небольшой водопад и шла тропа ко дну долины — по этой тропе согласился подняться ожидаемый парламентер. Дно долины Странник называл полями. Равне оно казалось неорганизованным хаосом. Стальные Когти выращивали на одном поле множество разных растений, и изгородей тоже не было видно, даже загородок от скота. Кое-где виднелись деревянные хижины с крутыми крышами и закругляющимися наружу стенами — как и можно ожидать в местности, где зимы снежные.

— Ну и толпа там, внизу, — заметил Странник.

Для Равны это не выглядело толпой: много мелких кучек, отделенных одна от другой — каждая была стаей. Они стояли у хижин, некоторые были рассеяны вдоль полей. Стаи Резчицы были расставлены вдоль дороги, которая пересекала долину.

Равна почувствовала, как напрягся рядом с ней Странник. Мимо нее на уровне пояса протянулась голова, показывая вниз:

— Это, должно быть, он. Один, как и обещал. И... — Часть его посмотрела в подзорную трубу. — Вот это сюрприз.

Вдоль дороги, мимо часовых Резчицы, медленно рысила одинокая стая. Она тащила тележку, на которой лежал, очевидно, один из ее элементов. Калека?

Крестьяне в полях сдвигались параллельно курсу одиночки. Слышалось бульканье речи стай. Когда они хотели, чтобы их было слышно, они могли говорить очень, очень громко. Солдаты смещались, отгоняя тех, кто подходил близко к дороге.

— А я думала, они нам благодарны, — заметила Равна. Эти действия были самыми близкими к насилию из всего, что она здесь видела, если не считать битвы на Холме Звездолета.

— Так и есть. Они требуют смерти Свежевателя.

Свежеватель, Шкуродер — стая, которая спасла Джефри Олсндота.

— Так сильно они его ненавидят?

— Любовь, ненависть и страх — все вместе. Более столетия они были у него под ножом. И вот он здесь, искалеченный и без своих войск. И все равно они его боятся. Их там достаточно, чтобы смести нашу охрану, но они не сильно напирают. Это было Владение Свежевателя, и он обращался с ним, как хороший крестьянин со своей усадьбой. Хуже того, он обращался с народом и с землей как с материалом для великого эксперимента. Там еще есть и те, которые готовы убить ради Хозяина, и никто не знает точно, кто это... — Он замолчал, продолжая смотреть, и неожиданно заговорил снова: — А знаешь, какая главная причина для страха? Что он пришел один, вдали от всякой мыслимой подмоги.

Вот как. Равна сдвинула вперед пистолет Фама у себя на поясе. Массивная, грубая штука... и Равна была рада, что он у нее есть. Потом она посмотрела на запад от Скрытого Острова. «Внеполосный» надежно стоял напротив его бастионов. Если Зеленый Стебель не сможет заново создать основные программы, он не взлетит больше никогда. И Зеленый Стебель не выражала по этому поводу оптимизма. Но они с Равной поставили лучемет в одном из грузовых люков, и дистанционное управление у него было проще простого. Может быть, у Свежевателя есть свои сюрпризы, но у Равны — тоже.

Пятерка исчезла за кручей.

— Еще придется подождать, — сказал Странник. Один из его щенков стоял у него на плечах, прислонившись к руке Равны. Она улыбнулась: личный источник информации. Взяв щенка, она посадила его к себе на плечи. Остальные элементы Странника сидели и смотрели в ожидании.

Равна посмотрела на остальных сопровождающих королеву. Стаи арбалетчиков Резчица поставила справа и слева от себя. Свежеватель будет сидеть прямо перед ней на небольшом спуске. Равне показалось, что она видит, как королева нервничает. Ее элементы облизывали себе губы, и розовые язычки мелькали со змеиной быстротой. Королева расселась, как на групповой портрет, — элементы повыше сзади, а двое маленьких впереди, выпрямившись. Почти все ее взгляды были направлены на промоину, где тропа поворачивала к той террасе, на которой они сидели.

Наконец Равна услышала скрежет когтей по камню. Из-за обрыва появилась голова, потом другие головы. Свежеватель выходил на мох, два его элемента тащили тележку на колесах. Сидевший на ней элемент держался прямо, и его задняя часть была укрыта одеялом. Если не считать ушей с белыми кончиками, он был ничем не примечателен.

Головы стаи посмотрели во все стороны. Одна из них в замешательстве смотрела на Равну, пока вся стая шла вверх по круче к королеве. Свежеватель — Шкуродер — это и был тот, кто носил радиоплащи. Сейчас их на нем не было. Сквозь разрезы в куртках Джоанна видела места, где мех вытерся начисто.

— Шелудивый парень, правда? — спросил тонкий голосок возле ее уха. — Но и хладнокровный тип тоже. Посмотри на этот нахальный взгляд!

Королева не шевельнулась. Казалось, она застыла и все ее элементы смотрели на подходящую стаю. Некоторые из ее носов дрожали.

Четыре элемента Свежевателя наклонили тележку, помогая белоухому сойти на землю. Теперь Равна видела, что его задние ноги под одеялом неестественно вывернуты и неподвижны. Пятерка села, соприкасаясь крестцами. Шеи их выгнулись вверх и наружу, почти как конечности одного существа. Стая что-то булькнула — как песня неизвестной птицы.

Щенок у Равны на плече немедленно сообщил перевод Странника. Щенок говорил новым голосом — традиционным голосом негодяя из историй для детей, сухим и сардоническим:

— Приветствую... родительница. Давненько не виделись.

Резчица ничего не ответила. Потом булькнула что-то в ответ, и Странник тут же перевел:

— Ты узнаешь меня?

Одна из голов Свежевателя вытянулась в сторону королевы:

— Конечно, не элементы, но душа твоя очевидна.

Снова молчание королевы. И примечание Странника:

— Бедная моя Резчица. Никогда не думал, что ее можно так смутить. — И вдруг громко обратился к Свежевателю по-самнорски: — Но ты для меня не так очевиден, о мой бывший спутник. Я помню тебя как Тиратект, скромную учительницу из Республики Длинных Озер.

Несколько голов повернулись к Страннику и Равне. Стая ответила на очень приличном самнорском, но детским голосом:

— Привет тебе, Странник. И тебе привет — Равна Бергсндот? Да, я Свежеватель Тиратект.

И головы выгнулись вниз, медленно моргнув глазами.

— Хитрый паразит, — сказал Странник почти про себя.

— Как поживает Амдиджефри? — вдруг спросил Свежеватель.

— Что? — переспросила Равна, не сразу узнав имя. — Ах да. Они вполне благополучны.

— Отлично. — Теперь все головы повернулись к королеве, и стая заговорила на языке Стальных Когтей: — Как почтительное и послушное создание, я пришел заключить мир с моей Родительницей, дорогой Резчицей.

— Он и в самом деле так говорит? — шепнула удивленная Равна щенку у себя на плече.

— А с чего бы мне преувеличивать?

Резчица булькнула в ответ, и Странник тут же дал перевод, на этот раз — человеческим голосом королевы:

— Мир? Я сомневаюсь, Свежеватель. Скорее ты хочешь получить жизненное пространство, чтобы снова строить и снова пытаться нас убить.

— Я снова буду строить, это правда. Но я переменился. Эта «скромная учительница» сделала меня... мягче. То, чего никогда не могла сделать ты, Родительница.

— Что? — Странник умудрился в это короткое слово вложить тон обиженного удивления.

— Резчица, неужели ты никогда об этом не думала? Ты — самая талантливая стая, живущая в этой части мира, быть может, самая талантливая стая всех времен. И все стаи, сотворенные тобой, тоже были блестящими. Но следила ли ты когда-нибудь за самыми успешными из них? Ты слишком талантливо творила. Ты не обращала внимания на инбридинг и [затрудняюсь перевести], и ты получила... меня. Со всеми этими... странностями, которые так огорчали тебя за последние сто лет.

— Я... я думала над этой ошибкой и с тех пор творила лучше.

— Да? А Хранитель? [Посмотри на лица моей королевы — он ее серьезно задел.] Но не важно, не важно. Хранитель — это может быть ошибка другого рода. Главное в том, что ты сотворила *меня*. Раньше я считал, что это — высший акт твоего гения. Сейчас... сейчас я не так уверен. Я хочу внести изменения. Чтобы жить в мире. — Одна голова смотрела на Равну, другая — на «Внеполосный» на Скрытом Острове. — И есть другие вещи во Вселенной, куда мы можем направить наш гений.

— Я слышу надменность прежних дней. Почему я должна тебе верить?

— Я помог спасти детей. Я спас корабль.

— Ты всегда был величайшим оппортунистом мира.

Фланговые головы Свежевателя сдвинулись назад. «[это вроде пожатия плечами — дескать, не важно]»

— Преимущество на твоей стороне, Родительница, но на севере у меня остались кое-какие силы. Заключим мир — или тебя ждут десятилетия маневров и войн.

Ответ Резчицы был визгом, от которого в ушах заболело. «[это признак раздражения, если ты сама не догадалась]».

— Наглец! Я могу убить тебя здесь на месте, и у меня будет столетие мира!

— Я готов поставить что угодно, что ты меня не тронешь. Ты обещала мне пропуск в целости и сохранности. Одна из сильнейших сторон твоей души — ненависть ко всякой лжи.

Задние элементы Резчицы присели, а малыши спереди сделали несколько быстрых шагов в сторону Свежевателя.

— Много десятков лет мы не виделись, Свежеватель! Если изменился ты, разве не могла измениться я?

На мгновение все элементы Свежевателя застыли. Потом часть его медленно поднялась на ноги и медленно, медленно стала красться к Резчице. Стаи арбалетчиков по обе стороны от места встречи направили на него арбалеты. Свежеватель остановился в шести-семи метрах от королевы. Головы его покачивались из стороны в сторону, все внимание его было сосредоточено на Резчице. И наконец раздался его удивленный, почти ошеломленный голос:

— Да, могла. Резчица, после всех этих столетий... ты оставила свою сущность? Эти двое...

— Не совсем мои. Совершенно верно.

Странник почему-то хихикнул в ухо Равне.

— Ах... вот как. — Свежеватель вернулся на прежнее место. — Я все равно хочу мира.

«[Резчица, кажется, удивилась]».

— Ты тоже стал другим. Сколько в тебе от истинного Свежевателя?

Долгое молчание.

— Двое.

— Хорошо. В зависимости от условий, мы можем заключить мир.

Принесли карты. Резчица потребовала дислокацию главных сил Свежевателя. Она требовала их разоружения и придания к каждой боевой единице двух или трех ее стай с докладами по гелиографу. Свежеватель должен был отказаться от радиоплащей и представить их для осмотра. Скрытый Остров и Холм Звездолета передаются Резчице.

Они нарисовали новые границы и заспорили о способах надзора, который будет осуществлять королева в оставленных ему землях.

Солнце дошло до точки полудня на южном небе. Внизу, в полях, крестьяне давно оставили свое гневное дежурство и вернулись к работе. И только стаи арбалетчиков королевы наблюдали все так же напряженно.

Наконец Свежеватель отступил от своего края карт.

— Хорошо, твои стаи будут наблюдать за всей моей работой. Хватит... пугающих экспериментов. Я буду кротким собирателем знаний, как ты [это у него может быть ирония].

Головы Резчицы синхронно качнулись.

— Может быть. Имея на своей стороне Двуногих, я готова пойти на этот риск.

Свежеватель снова поднялся на ноги. Повернулся к своему искалеченному элементу на тележке. И остановился.

— Ах, еще последнее, дорогая Резчица. Небольшая деталь. Я убил двух элементов Булата, когда он пытался уничтожить корабль Джефри [На самом деле раздавил их как клопов. Теперь мы знаем, как Свежеватель покалечился]. Остальные элементы у тебя?

— Да.

Равна видела, что осталось от Булата. Они с Джоанной посещали почти всех раненых: была возможность настроить хирурга «Внеполосного» на элементы стай. Но в случае Булата было еще и мстительное любопытство: эта тварь была в ответе за столько напрасных смертей. То, что осталось от Булата, в медицинской помощи не нуждалось: было на элементах несколько кровавых порезов (нанесенных самим себе, как предположила Джоанна) и одна вывихнутая нога. Но сама стая была жалким, почти душераздирающим зрелищем. Она сбилась в углу загона, вся тряслась от ужаса, головы ее беспорядочно мотались. То и дело судорожно хлопала какая-то пара челюстей, или ошалелый элемент пускался в безумный бег вдоль ограды. Стая из троих не обладала интеллектом человека, но эта могла говорить. Когда она увидела Равну с Джоанной, глаза ее полезли из орбит так, что показались белки, и она почти нечленораздельно залопотала по-самнорски. Это была кошмарная смесь угроз и мольб: «Не надо резать, не надо резать!» Бедная Джоанна даже заплакала. Она более года страстно ненавидела стаю, которой принадлежали эти элементы, но...

— Это тоже жертвы. Очень плохо для стаи быть втроем, но им никто не позволит стать больше.

— Так я хотел бы, — продолжал Свежеватель, — чтобы эти остатки передали под мою опеку, и я...

— Никогда! Он был почти так же умен, как ты, хоть и достаточно безумен, чтобы потерпеть поражение. Ты не отстроишь его снова.

Свежеватель собрался вместе, глядя всеми глазами на королеву. И «голос» его стал вкрадчивым.

— Прошу тебя, Резчица. Это мелкое дело, но я откажусь от всего сказанного, — он ткнул в сторону карт, — если ты мне откажешь.

Стаи арбалетчиков внезапно изготовились к стрельбе. Резчица частично разошлась вокруг карт так близко к Свежевателю, что звуки их мысли должны были столкнуться. Сдвинув головы вместе, Резчица посмотрела обостренным и тяжелым взглядом.

— Если это так маловажно, зачем ради этого рисковать всем?

Свежеватель на секунду сошелся головами вместе, и элементы его смотрели друг на друга. Такого жеста Равна еще не видела ни у кого.

— Это мое дело! То есть... Булат был самым великим моим созданием. В определенном смысле я им горжусь. Но... и ответственность за него несу тоже я. Разве ты не чувствуешь то же относительно Хранителя?

— На Хранителя у меня свои планы! — буркнула королева. «[На самом деле Хранитель все еще цел. Боюсь, королева ему столько наобещала, что мало что сможет с ним сделать]».

— Я хочу возместить Булату тот вред, который ему причинил. Ты это понимаешь.

— Понимаю. Я видела Булата, и я знаю твои методы: ножи, страх и боль. Я не дам тебе второго шанса.

Равна услыхала странную музыку, откуда-то далеко за долиной, незнакомое переплетение аккордов. Но это Свежеватель отвечал королеве, а переводящий голос Странника не добавил в ответ ни капли сарказма:

— Ни ножей, ни резания. Я сохраню свое имя, потому что пусть другие дадут мне новое, когда поймут, что... Тиратект победила — по-своему. Дай мне этот шанс, Резчица. Я... умоляю.

Более десяти секунд молча смотрели друг на друга две стаи. Равна переводила взгляд с одной на другую, пытаясь

разгадать выражение их лиц. Но никто не говорил ничего. Даже Странник не стал высказывать суждений о том, ложь это или проявление новой души.

Решение приняла Резчица:

— Хорошо. Ты его получишь.

Странник Викрэкшрам *летел.* Пилигрим, знающий легенды последней тысячи лет, и ни одна из них с этим даже сравниться не могла! Он бы взорвался песней, если бы это не было больно его пассажирам. Они и без того достаточно страдали от его грубого пилотирования, хоть они и думали, что все дело в его неопытности.

Странник перешагивал через облака, летал между ними и сквозь них, танцевал в случайной грозе. Сколько часов в своей жизни смотрел он на облака, стараясь измерить их глубину, — а сейчас он был в них, изучая пещеры внутри пещер внутри пещер, летая среди соборов света.

Между рассеянными облаками бесконечно тянулся Великий Западный океан. По солнцу и по приборам шлюпки Странник знал, что он совсем рядом с экватором и примерно на восемь тысяч километров к юго-западу от страны Резчицы. Там должны быть острова, как говорили снимки «Внеполосного» из космоса, и то же самое подсказывала память Странника. Но много времени прошло с его здешних скитаний, и он не ожидал увидеть их снова при жизни своих теперешних элементов.

И теперь он вернулся обратно. Прилетел обратно!

Посадочная шлюпка «Внеполосного» была чудом, и далеко не таким непонятным, как подумалось ему тогда в разгаре битвы. Да, они пока не поняли, как программировать ее на автоматический полет. Может быть, не поймут никогда. И сейчас этот самолет работал с электроникой, которая была только чуть лучше механики с движущимися частями. Сам по себе антиграв требовал постоянной корректировки, а приборы управления были рассыпаны по всему носу — очень удобно для ветвей наездника или элементов стаи. С помощью космонавтов и имея документацию «Внеполосного» Странник всего за несколько дней научился летать на этой штуке. Все дело было в том, чтобы

разделить ум между разными задачами. Обучение было счастливым временем, хотя немного страшноватым — летать почти без управления, в сумасшедшей конфигурации, которая бесконечно ускорялась вверх. Но потом машина стала продолжением его лап и челюстей.

Когда они спустились с пурпурных высот и стали играть в верхушках облаков, лицо Равны начало становиться все тревожней и тревожней. После какого-то особенно выворачивающего прыжка и провала в яму она сказала:

— А ты сможешь нормально приземлиться? Может, нам стоило это отложить, пока ты... уух! — не научишься летать лучше?

— Ничего, ничего! Мы этот... э-э... погодный фронт пройдем очень скоро!

Он нырнул под облака и вильнул на пару десятков километров в сторону. Здесь погода была ясной, да и к месту назначения так было ближе. Но про себя Странник решил еще полетать для удовольствия... по крайней мере на обратном пути.

Заговорил второй его пассажир — всего второй раз за двухчасовой полет.

— А мне понравилось, — сказала Зеленый Стебель. Звук ее вокодера очаровал Странника: узкополосный, но с очень высокими обертонами от прямоугольных импульсов. — Это было как кататься рядом с прибоем, когда твои ветви шевелятся вместе с морем.

Странник очень старался узнать наездницу получше. Это создание было единственным чужаком в его мире — не человеком, и понять ее было куда труднее, чем Двуногих. Казалось, она почти все время дремлет и забывает все, кроме того, что случается снова и снова. Равна объяснила, что это из-за ее примитивной тележки. Вспомнив проезд ее друга через пламя, Странник поверил. Там, среди звезд, есть вещи еще причудливее Двуногих — от этого отказывала фантазия.

На горизонте показалось темное кольцо, за ним другое.

— Очень скоро увидишь свой настоящий прибой.

— Это те самые острова? — спросила Равна.

Странник посмотрел на дисплеи карт и на солнце.

— Разумеется, — ответил он, хотя это было не важно. Западный океан был шириной в двенадцать тысяч километров, и вдоль всего тропического пояса тянулись цепочки островов и атоллов. Эта группа была чуть на отшибе от других: ближайший поселок островитян отстоял отсюда на две тысячи километров.

Они были над ближайшим островом. Странник облетел его вокруг, любуясь тропическими папоротниками, вцепившимися в кораллы. Сейчас, на отливе, обнажились их костистые корни. И никакой плоской площадки поблизости. Странник отлетел к следующему с прекрасной полянкой в самой середине кольцевой стены. Лодка по пологой дуге мягко коснулась земли без малейшего толчка.

Равна Бергсндот смотрела на Странника с чем-то очень похожим на подозрение. Он невинно спросил:

— А правда, у меня уже лучше получается?

Маленький необитаемый остров, окруженный бесконечным морем. Все прежние воспоминания стали неясными; это его прежний элемент, Рам, был уроженцем островных королевств. Но все, что он помнил, совпадало: высокое солнце, пьянящая влажность воздуха, обволакивающая лапы жара. Рай. Ипостась Рама, которая все еще в нем жила, радовалась больше всех. Казалось, годы растаяли и уплыли прочь — часть его вернулась домой.

Зеленому Стеблю помогли спуститься на землю. Равна утверждала, что тележка — неумелая имитация, а колеса добавлены просто на данный случай. Но на Странника они все равно произвели впечатление: четыре надувные шины, каждая на своей оси. Наездница смогла въехать почти на гребень коралла без его или Равны помощи. Но у вершины, где гуще всего росли тропические папоротники и их корни перекрывали все тропы, им пришлось помочь, поднимая и вытаскивая тележку.

Зато теперь они были на другой стороне и видели океан.

Часть Странника побежала вперед, частично чтобы найти самый легкий спуск, а частично — подбежать к воде и ощутить запах соли и гниющего плавника. Был почти пол-

ный отлив, и на солнце блестели лужицы — всего лишь лужицы в каменном ложе. Три его элемента перебегали от лужи к луже, разглядывая плавающих в них созданий. Самыми странными созданиями в мире показались они ему в тот раз, когда он попал на острова впервые. Живые существа с раковинами, улитки всех цветов и размеров, животные-растения, которые могут превратиться в тропические папоротники, попади они на отдаленный остров.

— Где тебе хотелось бы поместиться? — спросил он у наездницы. — Если мы сейчас пройдем до самого прибоя, то в прилив ты окажешься на метр под водой.

Наездница не ответила. Но все ее ветви были устремлены к воде. Колеса ее тележки вертелись и буксовали со странным отсутствием координации.

— Подвезем ее поближе, — сказала Равна.

Они достигли пояса кораллов, изрытого дырами и впадинами глубиной в несколько сантиметров.

— Я пойду поплаваю, найду хорошее место, — заявил Странник. Все его элементы побежали вниз, туда, где коралловое плато обрывалось в воду: поплавать — это не делается по частям. Ха-ха. Дело в том, что мало стай на суше умело одновременно плавать и думать. В основном сухопутный народ считал, что в воде ждет безумие. Но Странник теперь знал, что все дело лишь в разнице скоростей звука в воде и в воздухе. Думать с погруженными в воду мембранами — это немножко вроде как пользоваться радиоплащами. Требует дисциплины и тренировки, и некоторые никогда не могут этому научиться. Но островной народ всегда умел хорошо плавать и пользовался плаванием для медитации. Равна даже думала, что Стаи могли произойти от стай китов!

Странник подошел к краю коралла и посмотрел вниз. Вдруг прибой показался ему не таким уж и дружественным. Скоро выяснится, отвечает ли дух Рама и его воспоминания действительности. Странник снял куртки.

Все вместе. Прыгать надо всем вместе. Он собрался и неуклюже плюхнулся в воду. Замешательство, головы под водой и над водой. *Все под водой.* Он бултыхался в воде, каждые несколько секунд выставляя один из носов и осве-

жая запас воздуха у элемента. *Я все еще не разучился!* Шесть его элементов скользили среди стаек мальков, пронырива-ли по одному между водными растениями. Шипение моря окружало его, как звук мысли огромной спящей стаи.

Через несколько минут он нашел симпатичное ровное местечко — все чистый песок, защищенное от бурной ярости моря. Он заплюхал обратно, туда, где море разбивалось о каменный коралл и чуть пару ног не сломал, выбираясь. Вылезти всеми элементами одновременно оказалось почти невозможно, и несколько мгновений каждый элемент был сам по себе.

— Эй, сюда! — крикнул он Равне и Зеленому Стеблю. Они подошли и увидели, как он вылизывает порезы от кораллов. — Я нашел место спокойнее этого. — Он показал на брызги разбивающихся волн.

Зеленый Стебель подкатилась чуть ближе к краю и заколебалась. Ее ветви стали изгибаться взад-вперед вокруг закруглений берега. *Не надо ли ей помочь?* Странник пошел было к ней, но рядом с ней сидела Равна, просто прислонившись к платформе на колесах. После секундной паузы Странник подошел и встал рядом с ними. Они посидели, женщина глядела на море, наездница — непонятно куда, а стая — во все стороны. Вокруг был мир, несмотря на прибой (или благодаря ему?), гулким ударам и туману брызг. Странник ощутил, как сердца его начинают биться медленнее, и просто лениво лежал на солнце. На каждой шкуре высыхающее море оставляло блестящую соляную пудру. Сначала приятно было себя вылизывать, но потом... ой, ну жжется эта соль. Ветви Зеленого Стебля склонились над ним, слишком редкие, чтобы дать сплошную тень, но несущие легкую и приятную прохладу.

Они сидели долго — у Странника носы обгорели до волдырей, и даже смуглая Равна слегка обожглась на солнце.

Наездница что-то гудела, вроде песни без слов, которая потом перешла в речь.

— Хорошее море и хороший берег. То, что мне сейчас нужно. Сидеть и думать, долго думать в собственном темпе.

— А как долго? — спросила Равна. — Нам будет тебя не хватать.

Это не было простой вежливостью. Каждому будет ее не хватать. При всей своей задумчивости, Зеленый Стебель была лучшим экспертом по автоматике «Внеполосного».

— Боюсь, долго по вашим меркам. Десятилетия... — Она еще несколько минут смотрела (или так казалось?) на волны. — А мне хочется туда. Ха-ха. Я в этом почти как человек... Равна, ты знаешь, у меня сейчас каша в памяти. Мы с Синей Раковиной пробыли двести лет. Иногда он был мелочен и немного язвителен, но он был великий торговец. Мы провели вместе чудесные времена. А под конец даже вы увидели его храбрость.

Равна кивнула.

— В этом последнем путешествии мы узнали ужасную тайну. Я думаю, ему это было так же больно, как в конце... этот огонь. Я благодарна тебе, что ты нас защитила. А теперь я хочу думать, чтобы прибой и время очистили мою память и навели в ней порядок. Может быть, если это подобие тележки сможет, я составлю хронику нашего приключения.

Она тронула две головы Странника.

— Еще одно, сэр Странник. Вы оказали мне большое доверие, пустив меня в свое море. Но вы должны знать, что мы с Синей Раковиной были беременны. У меня внутри смесь яиц — его и моих. Оставьте меня здесь — и на этом острове в будущие годы появятся новые наездники. И не считайте это предательством, прошу вас. Я хочу вспомнить Синюю Раковину в детях — но скромно; наш род живет в десяти миллионах миров и нигде не был плохим соседом — только в том смысле, в котором Равна может тебе рассказать, а здесь этого случиться не может.

Под конец выяснилось, что Зеленого Стебля не интересует укромное местечко, найденное Странником. Она хотела туда, где океан бушевал сильнее всего. На поиск пути к этому месту у них ушло больше часа, и еще полчаса, чтобы спустить наездницу и тележку в воду. Здесь Странник даже не попытался плавать. Коралловый обрыв подступал со всех сторон, кое-где покрытый зеленой слизью, в других местах — острый как бритва. Пять минут в такой мясорубке — и у него сил не хватит выбраться. Странно,

но здесь больше всего было зелени. Вода была совершенно непрозрачной от морской травы и роев плавающих мальков.

Равне было проще — при самой высокой воде она могла еще стоять на дне, по крайней мере почти все время. Она стояла в пене, упираясь ногами и держась рукой, и помогала наезднице перевалить через край скалы. Упав в воду, тележка сильно стукнулась о дно рядом с женщиной.

Равна взглянула на Странника и сделала жест — «все в порядке». Потом она присела, держась за тележку. Их окатило волной, накрывшей все, кроме торчащих вверх ветвей Зеленого Стебля. Когда волна схлынула, стали видны нижние ветви, обнимавшие женщину за спину, и слышно гудение вокодера — а слов нельзя было различить за прочим шумом.

Женщина встала и пошла по пояс в воде к той скале, где лежал Странник. Он схватился сам за себя и протянул несколько лап, чтобы помочь Равне. Она забралась вверх по скользкой зелени.

Странник прошел за хромающей двуногой на заросший тропическими папоротниками гребень. Там, в тени, они остановились, и она села, откинувшись на упругое переплетение корней. С синяками и ссадинами, она сейчас казалась такой же раненой, как тогда Джоанна.

— Ты сильно поцарапалась?

— Да нет. — Она провела руками по растрепанным волосам. Потом посмотрела на него и рассмеялась: — Мы оба похожи на жертвы катастрофы.

Хм, да. Ему бы поскорее отмыться в пресной воде. Странник огляделся. С гребня атолла была видна ниша Зеленого Стебля. Равна тоже смотрела туда, забыв о мелких царапинах.

— Чем ей там понравилось? — удивился Странник. — Чтобы тебя колотили, колотили, колотили...

На лице Равны тоже мелькнула улыбка, но глаза ее смотрели вниз, на прибой.

— Странные вещи есть в этой вселенной, Странник, и я рада, что есть и такие, о которых ты еще не читал. Там, где прибой ударяет в берег, — там много происходит тонких процессов. Ты сам видел жизнь, которая плавает в этом

безумии. Как растения любят солнце, так некоторые создания пользуются разностью энергий в этой зоне. У них есть солнце, и прибой, и богатая пища... А все-таки нам стоит посмотреть за ней еще немного. — Между волнами были видны ветви Зеленого Стебля. Странник знал, что силы в них немного, но сейчас он понял, что они очень прочны. — Ей там будет хорошо, хотя эта дешевая тележка долго не продержится. Бедняжка Зеленый Стебель может остаться совсем без автоматики... и будет она со своими детьми нижайшими из всех наездников.

Равна повернулась к стае. И на лице ее была все та же улыбка. Удивленная, но... довольная?

— Ты знаешь, о какой тайне говорила Зеленый Стебель?

— Резчица рассказала мне то, что узнала от тебя.

— И я рада — то есть приятно удивлена, — что она позволила Зеленому Стеблю сюда прийти. Средневековый ум — прости, почти любой ум — предпочтет убить, чем позволить себе малейший риск в чем-нибудь подобном.

— Так зачем же ты рассказала королеве?

Насчет превращения тележки.

— Это ваш мир. А я устала изображать из себя бога — владельца Тайны. Зеленый Стебель согласилась. Если бы даже королева отказала, Зеленый Стебель могла воспользоваться гибернатором на «Внеполосном». — *И скорее всего уснуть навсегда.* — Но Резчица не отказала. Как-то она поняла то, что я сказала: что могут быть перевербованы настоящие тележки, но у Зеленого Стебля такой уже нет. За десятилетия берег этого острова будет населен сотнями молодых наездников, но они никогда не оснуют колонию вне этого архипелага без позволения местных жителей. Риск исчезающе мал... но все равно меня удивило, как это восприняла Резчица.

Странник расселся вокруг Равны, только одна пара глаз еще смотрела туда, где полоскались в прибое ветви наездницы. Он склонил голову:

— Мы и в самом деле средневековые, Равна — хотя сейчас и меняемся быстро. Мы были восхищены храбростью Синей Раковины в огне. Это заслуживает награды. И еще — средневековые народы привыкли к придворному ве-

роломству. Так что с того, что риск — космического масштаба? Для нас, здешних, он от этого не более смертелен. А мы, первобытные бедняги, привыкли к смертельному риску.

От его насмешливого тона ее улыбка стала шире. И Странник усмехнулся, мотая головами. Его объяснение было правдой, но не всей правдой, даже не самой важной ее частью. Он вспомнил день накануне, когда они с Резчицей решали, что делать с просьбой Зеленого Стебля. Сначала Резчица опасалась, с государственной мудростью отнесясь к тайне, которой уже миллиарды лет. Даже оставить такое существо живым в анабиозе — и то уже риск. Государственная мудрость — средневековая — подсказывала решение: удовлетворить просьбу, оставить наездницу на далеком острове... а через пару дней пробраться туда тайно и убить ее.

Странник сидел рядом со своей королевой, так близко, как только могут родственники или супруги, не теряя ход собственных мыслей.

— Хранителю ты оказала больше чести, — заметил он. Убийца Описателя ходил по земле целым, едва ли вообще наказанным.

Резчица щелкнула челюстями — Странник знал, что сохранение жизни Хранителю было для нее раной на душе.

— Да. А от этих наездников мы видели только честность и храбрость. Я не причиню вреда Зеленому Стеблю. Но я боюсь. Это риск, который выше звезд.

Странник засмеялся. Это мог быть смех пилигримского сумасшествия, но...

— А чего же ты ждала, моя королева? Великий риск ради великих целей. Мне нравится быть среди людей, нравится касаться другого существа и при этом сохранять способность думать. — Он прыжком ткнулся носом в ближайший элемент Резчицы и тут же отскочил на более разумное расстояние. — Даже без их звездолетов и компьютеров они бы перевернули весь наш мир. Ты заметила, как нам легко выучить все, что они знают? Даже сейчас Равна все еще удивляется нашей беглости в языке. Даже сейчас она не понимает, как тщательно изучили мы Компьютер. А корабль их — это совсем просто, королева. Я не хочу

сказать, что понимаю физику, на которой он основан, — да и среди звездного народа мало кто ее понимает. Но с их аппаратурой легко научиться работать, даже после всего, что она перенесла. Думаю, вряд ли Равна хоть когда-нибудь сможет летать на антигравитационной шлюпке так, как я.

— Хм. Так ты же можешь дотянуться до всех ручек управления сразу.

— Это только часть работы. По-моему, у нас, Стальных Когтей, куда более гибкий ум, чем у бедняг Двуногих. А ты представь себе, что будет, когда мы сделаем еще радиоплащи, когда построим свои летающие машины?

Резчица улыбнулась, на этот раз с грустью:

— Странник, ты бредишь. Здесь Медленная Зона. Антиграв выдохнется через пару лет. То, что мы сделаем, будет куда как хуже того, с чем ты сейчас играешь.

— И что из того? Вспомни историю людей. На Ньоре всего за два столетия вернулись к космическим полетам от тамошних Темных Веков. А у нас лучше записи, чем были у их археологов. Мы с людьми — отличная команда: они освободили нас, чтобы мы стали всем, чем можем быть.

Столетие до собственных звездолетов, может быть, еще одно до субсветовых кораблей. И когда-нибудь они покинут Медленную Зону. *Интересно, сможет ли существовать в Переходе стая больше восьми?*

Молодые элементы Резчицы вскочили, бегая вокруг остальных. Королева заинтересовалась:

— Так ты думаешь, как, наверное, думал и Булат, что мы особая раса, счастливая судьба которой — Край? Мысль интересная, вот только одна вещь: эти люди — это все, что мы знаем Оттуда. А каковы они по сравнению с другими тамошними расами? Компьютер полного ответа не дает.

— Вот потому-то, Резчица, нам так важна Зеленый Стебель. Нам нужен опыт более чем одной расы. Очевидно, что наездники встречаются по всему Краю. Нам нужно будет общаться с ними. Нам нужно узнать, так ли они забавны, так ли полезны, как Двуногие. Даже если бы риск был в десять раз больше, чем сейчас, я был бы за то, чтобы удовлетворить просьбу наездницы.

— Да. Если мы должны стать тем, чем мы способны стать, мы должны знать больше. И нам не раз придется рисковать.

Королева остановилась, и все ее глаза посмотрели на Странника с изумлением. И вдруг она рассмеялась.

— Что с тобой?

— Мы и раньше об этом думали, дорогой Странник, но только сейчас я увидела, что это правда. Ты стал умнее и строишь планы. Государственный муж, обдумывающий будущее.

— Да, но ради странствия.

— А вот еще... Я теперь не так привержена планированию и надежности. И когда-нибудь мы полетим к звездам. — Ее щенки восторженно взвыли. — Во мне теперь тоже есть что-то от пилигрима.

Она легла на животы и поползла к нему через всю комнату. Сознание постепенно растворялось в дымке любовной жажды. Последнее, что помнил Странник, — как она сказала: — Какое удивительное везение, что я постарела и *должна* была стать новой, а ты был как раз тем изменением, которое было мне нужно.

Странник вернулся мыслью к настоящему и к Равне. Женщина все еще улыбалась, глядя на него. Потом протянула руку и потрепала его по головам.

— Да, средневековый ум.

Еще пару часов они просидели в тени папоротников и смотрели, как идет прилив. Солнце стало склоняться к вечеру, но было еще так высоко, как бывает в стране Резчицы только полуденное солнце. Почему-то свет и движение солнца было самым в этой сцене странным. Оно было высоко и шло вниз так прямо, так непохоже на долгий арктический закат. Странник почти забыл, как это бывает в стране Коротких Сумерек.

Теперь прибой ушел на тридцать ярдов в глубь суши от того места, где они оставили наездницу. Серп луны шел к горизонту вслед за солнцем, вода больше не поднимется. Равна встала, прикрыв ладонью глаза от заходящего солнца.

— Пора нам лететь, я думаю.

— Ты считаешь, ей ничего не грозит?

Равна кивнула.

— За это время Зеленый Стебель обнаружила бы любой яд и любого хищника. Кроме того, она вооружена.

Человек и Стальные Когти поднялись на гребень атолла мимо самых высоких папоротников. Странник не отводил одной пары глаз от моря за спиной. Прибой давно уже миновал место, где сидела Зеленый Стебель. Там еще покачивались глубокие волны, но не было ни брызг, ни пены. Последний раз он увидел, как она показалась за опрокидывающейся волной: из морской глади вдруг показались две самых высоких ее ветви, и кончики их слегка покачивались.

Лето постепенно покидало окрестности Скрытого Острова. Проходили дожди, подлесок больше не горел. Будет даже и жатва — не все сгубили война и засуха. Каждый день солнце глубже пряталось за северные холмы, время сумерек росло каждую неделю, пока не стала появляться в полночь настоящая ночь. И звезды.

Как-то случайно вышло так, что много событий пришлось на последнюю ночь лета. Равна взяла детей посмотреть на звезды в поля возле Замка Звездолета.

Здесь не было ни зарева городов, ни фабрик в близком космосе. Ничего не затмевало звездного неба, только легкая розовость на севере; это могли быть глубокие сумерки — или полярное сияние. Они все четверо сидели на подмерзшем мху и глядели вокруг. Равна глубоко вздохнула. В воздухе не чувствовалось и следа запаха гари — только чистая прохлада, обещание зимы.

— Снег здесь будет тебе аж по плечи, Равна! — с энтузиазмом обещал Джефри. — Тебе понравится.

Белое пятно его лица поворачивалось, рассматривая звезды.

— Это может быть плохо, — заметила Джоанна Олсндот. Она не возражала пойти сюда, но Равна знала, что девочка предпочла бы остаться на Скрытом Острове, беспокоясь о том, что надо будет сделать завтра.

Джефри почувствовал ее озабоченность — нет, это заговорил Амди. Этих двоих никак не отучить подделывать друг друга.

— Ты не волнуйся, Джоанна. Мы тебе поможем.

На минуту все замолчали. Равна посмотрела вниз, к подножию холма. В темноте не видно было шестисотметрового обрыва, не видно фиорда и лежащих внизу островов. Но его положение отмечали факелы на бастионах Скрытого Острова. Там, во внутреннем дворе Булата, где теперь правила Резчица, остались все работающие гибернаторы с корабля. В них спали сто пятьдесят детей — все, что осталось после бегства страумеров. Джоанна утверждала, что большинство их можно оживить — если только действовать быстро, и королева загорелась этой идеей. В большой секции замка началось переоборудование жилья под потребности людей. Скрытый Остров был защищен — если не от зимних снегов, то от самых свирепых ветров. Если детей удастся оживить, то жить здесь им будет нетрудно. Равна полюбила Джефри и Амди — но справится ли она еще со ста пятьюдесятью? А у Резчицы, казалось, сомнений не было. Она рассуждала о школе, где стаи будут учиться у людей, а люди — узнавать о своем новом мире. Глядя на Амди и Джефри, Равна начинала понимать, что из этого может выйти. Эти двое были куда ближе, чем любые двое детей, и вместе — куда более умелыми. И дело было не только в математическом гении щенков, они и в других отношениях были умнее.

Люди и стаи очень друг другу подходили, и умная старуха Резчица сумела этим воспользоваться. Равна любила королеву, а Странника любила еще больше, но в конце концов именно стаи окажутся в колоссальном выигрыше. Недостатки своей расы Резчица очень четко понимала. Письменная история Стальных Когтей насчитывала десять тысяч лет, и все эти столетия они были зажаты в тисках культур ненамного более развитых, чем теперешняя. У этой расы с острым разумом был один, но колоссальный тормоз: они не могли работать вместе на близком расстоянии, не теряя этот разум начисто. Их цивилизация состояла из отдельных разумов, вынужденных интровертов, которые могли развиваться, лишь не выходя за некоторые пределы. Свидетельством этого было желание Странника, Тщательника и других общаться с людьми.

В конце концов, быть может, мы выведем Стальных Когтей из этого тупика.

Амди и Джефри о чем-то пересмеивались, и стая рассылала гонцов почти за пределы сознания. За последнюю пару недель Равна узнала, что такая суетливая активность для Амди норма, что его прежняя медлительность была только выражением горя по Булату. Как... извращенно — или как чудесно, что чудовище вроде Булата может быть предметом подобной любви.

— Ты смотри во все стороны, — крикнул Джефри, — а потом говори мне, куда смотреть!

Потом снова раздался голос Джефри:

— Вон там!

— Что это вы затеяли? — спросила Джоанна по-сестрински сварливо.

— На метеоры смотрим, — ответил кто-то из двоих. — Ага, я смотрю во все стороны и тыкаю Джефри в бок, когда падает метеор.

Равна ничего не видела, но мальчик резко поворачивался на сигналы своего друга.

— Отлично, — донесся голос Джефри. — Высота примерно сорок километров, скорость... — И голоса двоих забормотали совершенно неразборчиво.

Равна сидела во впадине, выстланной мягким мхом. Стаи сшили для нее отличную парку, и она почти не чувствовала холода земли. А наверху были звезды. Время подумать, понаслаждаться покоем, пока не начались труды завтрашнего дня. Быть матерью выводка ста пятидесяти с чем-то детенышей... А она-то думала, что она библиотекарь.

Там, дома, она любила ночное небо. С одного взгляда она узнавала другие звезды Сьяндры Кеи, дом ее был в ее небе. На миг вечерняя прохлада показалась Равне частью зимы, которая не уйдет никогда. Линн, все родные и Сьяндра Кеи. Вся ее жизнь до последних трех лет. Ничего этого больше не было. Не надо об этом думать. Где-то там летел флот Аньяры и все, что осталось от ее народа. Кьет Свенсндот. Тироль и Глимфрель. Она знала их всего несколько часов, но они были из Сьяндры Кеи, и они спасли большее, чем могут себе представить. Они выживут. У Коммер-

ческой Охраны СК были субсветовые корабли. Они смогут найти себе планету, не здесь, но где-нибудь поближе к месту битвы.

Равна откинула голову назад, глядя в небо. А где? Может быть, это место еще за горизонтом. Отсюда галактический диск был сиянием, громоздящимся вверх по небу почти под прямым углом к эклиптике. Не было ощущения его истинной величины или их положения внутри диска — общая картина терялась в сиянии близких светил, ярких узлов открытых скоплений, ледяных драгоценностей на фоне рассеянного света. Но внизу у самого южного горизонта, далеко от галактической дороги, виднелись два клочковатых облачка света. Магеллановы Облака! Вдруг щелчком включилась геометрия пространства, и Вселенная уже не была полностью незнакомой. Флот Аньяры может...

— А интересно, отсюда видно царство Страума? — спросила задумчиво Джоанна.

Ей уже больше года приходилось быть взрослой. С завтрашнего дня эта роль пребудет с ней навсегда. Но голос ее был сейчас тонким, детским.

— А может быть, может быть, — отозвался Амди. Стая стянулась вместе, держась поближе к людям. Их тепло было приятно. — Я читал Компьютер насчет того, что где, а сейчас хочу сообразить, как это соотносится с тем, что мы видим. — На фоне неба нарисовалась на мгновение пара носов, будто человек радостно махнул руками звездам. — Самые яркие — это всего лишь мелкие местные светила. На них ориентироваться не стоит. — Он показал еще на пару звездных скоплений, утверждая, что раньше нашел их в Компьютере. И еще он нашел Магеллановы Облака и рассчитал куда больше, чем удалось Равне. — В общем, царство Страума было... — *Правильно сказал, малыш!* — ...в Верхнем Крае, но возле галактического диска. Вон, видите большой звездный квадрат? — Он ткнул туда носами. — Мы его так и называем — Большой Квадрат. Так вот, слева от верхнего угла и еще пройти шесть тысяч световых лет, и вы в Страумском царстве.

Джефри поднялся на колени и стал смотреть.

— А так далеко там можно что-нибудь увидеть?

— Страумские звезды — нет, но всего в сорока световых годах оттуда есть бело-голубой гигант.

— Ага, — шепнула Джоанна. — Сторлис. Он такой яркий, что ночью отбрасывает тени.

— Правильно, это четвертая из самых ярких звезд вверх от угла, видишь — почти по прямой. Я ее вижу, значит, вы тоже видите.

Джоанна и Джефри долго сидели молча, просто глядя в небо. Губы Равны сжались в приступе гнева. Это были хорошие дети, но они прошли через ад. А их родители дрались за то, чтобы этого ада не допустить; они бежали от Погибели, унося средства ее разрушения. Но сколько еще миллионов рас до того жили в Крае, прощупывали Переход и заключали сделки с дьяволами? Сколько еще рас там сами себя погубили? Нет, страумерам этого было мало. Они влезли в Переход и пробудили Нечто, что могло сожрать всю Галактику.

— А как ты думаешь, там кто-нибудь остался? — спросил Джефри. — Или ты думаешь, что мы — это все?

Сестра обняла его за плечи.

— Может быть... может, не в царстве Страума. Но в остальной Вселенной... смотри, она все еще на месте. — Слабый смех... — Мама и папа, Равна и Фам — они остановили Погибель. — Девочка обвела рукой небесный свод. — Большую часть этого они спасли.

— Да, — отозвалась Равна. — Мы спасены, Джефри. Чтобы начать снова.

Насколько можно было судить, так оно и было. Зонды Зон на корабле все еще работали. Конечно, по одной точке измерения точную зонографическую картину не построишь, но Равна знала, что они глубоко погрузились в новый район Медленности, созданный Реваншем Фама. И, что более существенно, «Внеполосный» не диагностировал изменений в зональных плотностях. Постоянное дрожание предыдущих месяцев кончилось. Новое состояние держалось твердо, как гора, и сдвинется только за многие века.

В пятидесяти градусов выше реки Млечного Пути был еще один примечательный участок неба. Равна не показала его детям. Всего в тридцати световых годах — флот Погибели. Мухи, пойманные в янтаре. Они были всего в не-

скольких часах прыжков по меркам Нижнего Края, когда Фам создал Великую Волну. А теперь?.. Если бы это были придонные люггеры, они пересекли бы пространство за пятьдесят лет или меньше. Но не зря флот Аньяры принес себя в жертву, когда следовал совету охваченного богошоком Фама. Хотя они и не знали этого, они разгромили флот Погибели. Там не осталось ни одного корабля, оборудованного для движения в Медленной Зоне. Может быть, они могут передвигаться внутри систем — несколько тысяч километров в секунду. Но не больше, а здесь, Внизу, построить новую конструкцию — мало для этого махнуть волшебной палочкой. Истребительные силы Погибели достигнут мира Стальных Когтей... но через несколько тысяч лет. Времени хватит.

Равна откинулась назад на пару плеч Амди. Он уютно обвился вокруг ее шеи. Щенки за последние два месяца выросли — очевидно, Булат держал их на лекарствах, задерживающих рост. Взгляд Равны затерялся в небесных полях мрака и света. Далеко над ней были все Зоны, одна над другой. А где же теперь их новые границы? Каким внушительным оказался Реванш Фама. Точнее, Реванш Старика. Нет, даже куда больше. «Старик» был всего лишь недавней жертвой Погибели. Он был всего лишь повивальной бабкой для этого реванша. Первопричина наверняка так же стара, как сама Погибель, и более сильна, чем все Силы.

Но чем бы она ни была вызвана, Волна совершила больше, чем месть. Равна просмотрела корабельные измерения плотности Зон. Это была всего лишь оценка, но можно было сказать, что они на глубине от одной до тридцати тысяч световых лет в новой Медленности. И только Силам известно, как далеко толкнула Волна границу этой Медленности. Может быть, она уничтожила и несколько Сил. Как планетарный Армагеддон, кошмар примитивных цивилизаций, только раздутый до галактических масштабов. Здоровенный кусок Млечного Пути всего за полдня поглотила Медленность. Не только флот Погибели попался, как мухи в янтарь. Да весь небесный свод — кроме далеких, очень далеких Магеллановых Облаков — мог теперь стать склепом Медленности. Да, там многие остались живы, но сколько миллионов кораблей зависли среди звезд, как мухи

в паутине? Сколько отказало автоматизированных систем, убивших зависимые от них цивилизации? Небеса теперь молчали. В чем-то Реванш оказался хуже Погибели.

А Погибель? Не флот, который гнался за «Внеполосным», но сама Погибель? Она была созданием Вершины и Перехода. Там, очень далеко, она могла покрывать огромный кусок видимого неба. Мог ли Реванш Фама действительно ее сокрушить? Если в этом был смысл всех жертв, то наверняка да. Всплеск такой величины, что протолкнул Медленность на тысячи световых лет вверх, мимо Нижнего и Среднего Края, мимо великих цивилизаций Вершины... и в Переход. Неудивительно, что так рвалась Погибель их остановить. Сила, погруженная в Медленность, больше уже не сила и вряд и вообще что-нибудь живое. *Если, если, если.* Если волна Фама могла так высоко подняться.

И этого мы не узнаем никогда.

Шифр: 0
Получено:
Языковый путь: Оптима
От: Общество Рациональных Исследований
Тема: Опрос
Ключевые фразы: Помогите!
Краткое содержание: Сеть развалилась — или что?
Рассылка: Группа «Изучение Погибели»
Общество Рационального Управления Сетью
Группа «Отслеживание войн»
Дата: 0,412 мегасекунд с момента потери контакта
Текст сообщения:

Я все еще не восстановил контакт ни с одним известным сайтом сети, расположенном в сторону вращения Галактики от меня. Очевидно, я нахожусь на самом краю этого стихийного бедствия.

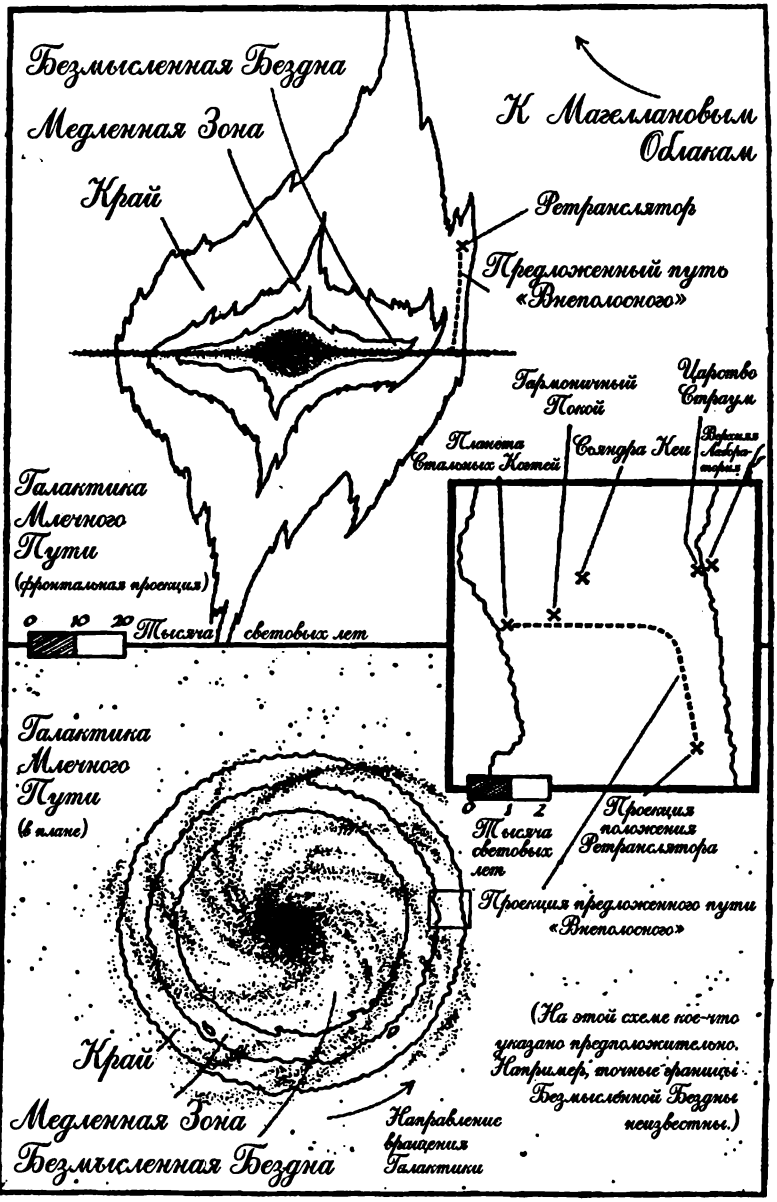
Если вы получите этот запрос, ответьте, пожалуйста! Я не в опасности?

Для информации: связаться с сайтами против вращения Галактики не составляет труда. Я понимаю, какие усилия придется предпринять, чтобы перегонять сообщения вокруг всей Галактики. По крайней мере это даст нам представление, насколько велики потери. Ни одно сообщение не вернулось — что неудивительно, я полагаю, если учесть количество ретрансляций и расходы.

Тем временем я рассылаю пробные сообщения, подобные этим. Я трачу на это огромные ресурсы, позвольте заметить, но это важно. Я передавал прямым лучом на сайты-концентраторы, находящиеся в пределах моей досягаемости по направлению вращения Галактики. Ответов нет.

Самое зловещее: Я пытался передавать «поверх Вершины», то есть использовать известные сайты в Переходе, находящиеся выше границ катастрофы. Они в большинстве своем не дают нормальных ответов — Силы имеют свои странности. Но я не получил ответов *вообще*. Молчание, как в Бездне. Похоже, что часть Перехода тоже поглощена.

Повторяю просьбу: Если получите это — откликнитесь!

Безмысленная Бездна
Медленная Зона
Край
К Магеллановым Облакам
Ретранслятор
Предложенный путь «Внеполосного»
Гармоничный Покой
Царство Страум
Планета Спальных Жителей
Солндра Кеш
Внешняя Лаборатория
Галактика Млечного Пути (фронтальная проекция)
0 10 20 Тысяча световых лет
Галактика Млечного Пути (в плане)
0 1 2 Тысяча световых лет
Проекция положения Ретранслятора
Проекция предложенного пути «Внеполосного»
(На этой схеме кое-что указано предположительно. Например, точные границы Безмысленной Бездны неизвестны.)
Край
Медленная Зона
Безмысленная Бездна
Направление вращения Галактики

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ

СЕКРЕТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Это книги, написанные по мотивам самого знаменитого телесериала планеты, бесценный подарок для всех, кто верит, что мир паранормального ежесекундно сталкивается с миром нормального. Монстры и мутанты, вампиры и оборотни, компьютерный разум и пришельцы из космоса — вот с чем приходится иметь дело агентам ФБР Малдеру и Скалли, специалистам по расследованию преступлений, далеко выходящих за грань привычного...

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ – "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 10 000 названий книг** самых разных видов и жанров. Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов. В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, Фридрих Незнанский братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших **фирменных магазинах:**

В Москве:

- Звездный бульвар, д. 21, 1 этаж, тел. 232-19-05
- ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 299-66-01, 299-65-84
- ул. Арбат, д. 12, тел. 291-61-01
- ул. Луганская, д. 7, тел. 322-28-22
- ул. 2-я Владимирская, д. 52/2, тел. 306-18-97, 306-18-98
- Большой Факельный пер., д. 3, тел. 911-21-07
- Волгоградский проспект, д. 132, тел. 172-18-97
- Самаркандский бульвар, д. 17, тел. 372-40-01

мелкооптовые магазины

- 3-й Автозаводский пр-д, д. 4, тел. 275-37-42
- проспект Андропова, д. 13/32, тел. 117-62-00
- ул. Плеханова, д. 22, тел. 368-10-10
- Кутузовский проспект, д. 31, тел. 240-44-54, 249-86-60

В Санкт-Петербурге:

- проспект Просвещения, д. 76, тел. (812) 591-16-81 (магазин «Книжный дом»)

Издательская группа АСТ
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7 этаж.
Справки по телефону (095) 215-01-01, факс 215-51-10
E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Виндж Вернор

ПЛАМЯ НАД БЕЗДНОЙ

Художественный редактор О. Адаскина
Компьютерный дизайн: А. Сергеев
Технический редактор О. Панкрашина
Младший редактор А. Рычкова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.14.953.П.12850.7.00 от 14.07.2000 г.

ООО «Издательство АСТ»
Лицензия ИД № 02694 от 30.08.2000 г.
674460, Читинская область, Агинский район,
п. Агинское, ул. Базара Ринчино, д. 84
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

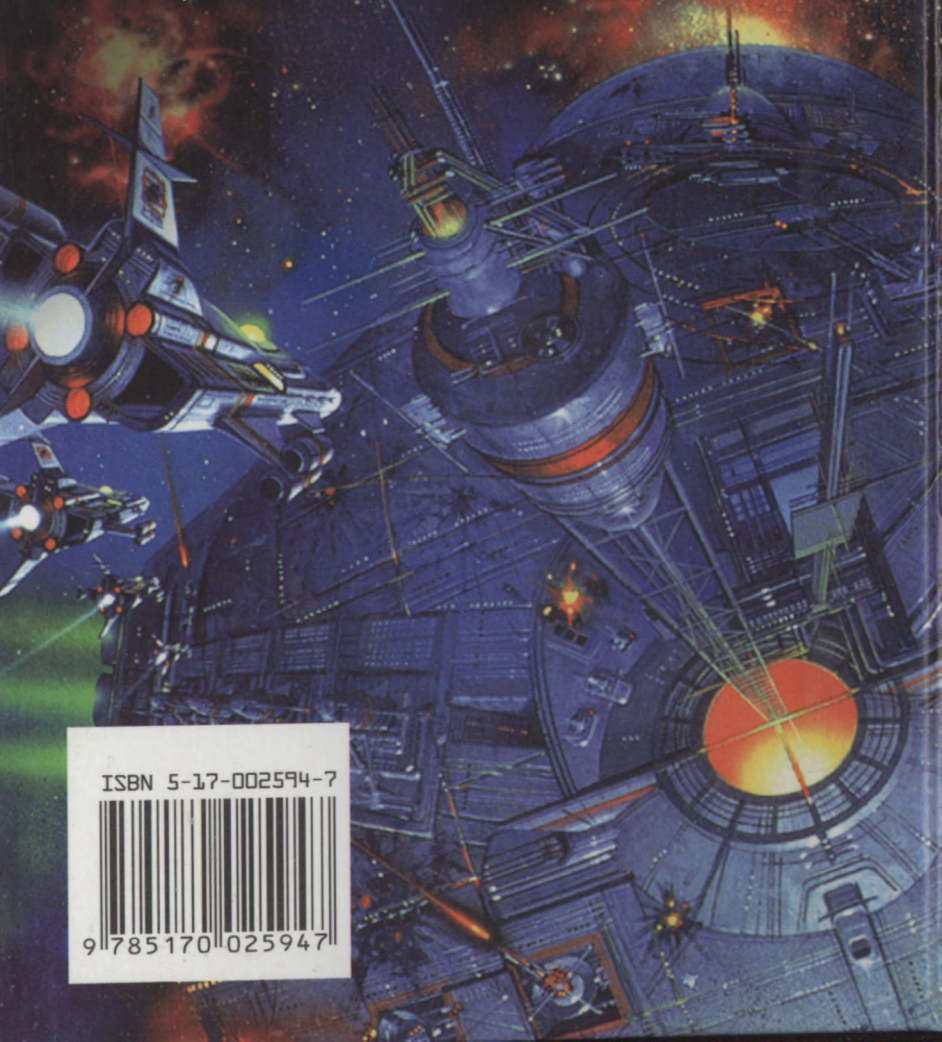
Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

«Этот автор создал нечто редкостное — уникальное слияние классической фантастики, высокого драматизма и увлекательного повествования»

«Нью-Йорк Таймс»

Вернор Виндж — один из самых интересных писателей-фантастов, человек, которого называют «самым серьезным автором остросюжетной прозы». Он написал не так уж много — романы «Мир Гримма» и «Острие» и цикл «Сквозь настоящее», однако каждое из его произведений имело огромный успех. «Пламя над бездной» занимает среди написанного Винджем особое место.

Это — роман-сенсация, роман, который сразу же после публикации был удостоен премии «Хьюго» и признан наиболее значительным произведением 90-х годов в жанре космической саги.

ISBN 5-17-002594-7

9 785170 025947